

С. Ю. ВИТТЕ

ВОСПОМИНАНИЯ

Том 1

(1849—1894)

Детство.

Царствования Александра II
и Александра III

Издательство
социально-экономической
литературы
Москва 1960

Вступительная статья
и общая редакция комментариев
и указателя
доктора исторических наук
А. Л. СИДОРОВА

КОММЕНТАРИИ К ТОМУ СОСТАВИЛИ
кандидат исторических наук
Р. Ш. ГАНЕЛИН
и **Б. В. АНАНЬИЧ**

ГРАФ С. Ю. ВИТТЕ И ЕГО «ВОСПОМИНАНИЯ»

Граф С. Ю. Витте — виднейший государственный деятель царской России конца XIX — начала XX в. — много сделал для капиталистического развития страны. Его выдающиеся способности проявлялись на постах министра финансов, председателя Комитета и Совета министров и на дипломатическом поприще. Иногда Витте сравнивают со Сперанским и Канкриним; однако он жил в более сложную эпоху, чем они, и проявил себя гораздо полнее и разностороннее. Витте действовал в период перехода капитализма в империалистическую стадию, в период назревания революции в России, в бурные годы первой русской революции 1905—1907 гг. Будучи убежденным монархистом, он видел, что одно дворянство неспособно более управлять страной по-старому и понимал необходимость политических уступок буржуазии. Он стремился привлечь ее представителей в правительство.

«Воспоминания» С. Ю. Витте представляют собой большое историческое полотно. В центре находится сам автор. Его восприятие действительности, отношение к важнейшим политическим событиям эпохи и лицам, большая часть которых группировалась у подножия трона, представляют большую ценность для понимания эволюции царизма и того класса, который находился у власти.

В целом Витте придерживался принципа историчности в изложении событий, но внутри отдельных глав, особенно при характеристике отдельных персонажей, допускал частные отступления. Начав о ком-либо свой рассказ, он иногда прослеживал судьбу своих героев на протяжении

целых десятилетий. Не стремясь к строгому порядку, Витте порой повторялся, что видно, например, в конце первого тома и начале второго. Случайные и второстепенные мотивы часто отвлекали его в сторону от основной темы рассказа. Витте признавался, что он не имеет «никакой возможности писать хронологически». Он мало внимания обращал на язык, которому свойственны черты небрежности и известной спешки. Но вместе с тем, хотя Витте и называет свои записки «черновыми набросками», «мемуарными заметками», общий стиль «Воспоминаний» сохраняет своеобразие, свежесть и оригинальность, свойственные лишь их автору. Иногда резкое словцо, приведенное между прочим («Плеве — подлец, а Сипягин — дурак»), подчеркивает самое характерное в том или другом персонаже. Витте трезво оценивал окружавших его людей. Сдержанное, а иногда прямо критическое отношение к великим князьям и придворной знати, острые, насмешливые характеристики их религиозного мистицизма и ханжества, их пустоты и ограниченности выдают в авторе человека большого и самостоятельного ума, известной независимости суждений и придают особый интерес «Воспоминаниям» в глазах читателя. Меткие оригинальные характеристики и оценки Витте своих сослуживцев или лиц царского окружения в широком плане представляют несомненный исторический интерес, так как показывают целую галерею портретов представителей господствующих классов, стоявших у власти. Очень интересны характеристики лиц царствующего дома Романовых — императоров Александра III и Николая II. Причем, если преданный Витте идеализировал и облагораживал личность Александра III, при котором он сделал такую головокружительную карьеру и благосклонностью которого он был силен, то Николая II, подписавшего в 1903 г. столь неожиданную отставку, Витте не пощадил. Умный царедворец не забыл нанесенной ему обиды, он вскрыл паутину закулисных влияний на Николая II, показал его интеллектуальную ограниченность, его слабоволие и неспособность к государственному управлению. Может быть, поэтому-то Витте и был все время неспокоен за свои «Воспоминания». Опасаясь обыска и изъятия мемуаров, Витте хранил их за границей.

За годы, прошедшие со времени выхода в свет первого издания мемуаров Витте, советская историческая наука достигла многого в изучении новейшей эпохи русской истории. Теперь опубликованы тысячи ранее неизвестных документов, подробно исследованы экономическое развитие страны, внешняя политика России конца XIX в. и события первой русской революции. По опубликованным документам и работам советских историков можно точно проследить, насколько то или иное утверждение автора мемуаров соответствует истине.

Одна из характерных черт «Воспоминаний» Витте, которую ранее считали их слабой стороной и плодом чиновничьей ограниченности автора, состояла в его стремлении зафиксировать возможно большее число лиц, проследить их смену в бюрократической государственной машине. В настоящее время эта черта приобретает, на наш взгляд, особый интерес. Читатель увидит, что подбор чиновников в административный аппарат царской монархии, при всей кажущейся хаотичности, был отнюдь не случайным, он определялся классовыми интересами дворянской аристократии. Витте сам констатирует, что те или иные лица были явно непригодными к государственной службе. Несмотря на это, их назначали на ответственные посты. Огромная галерея лиц, зарисованная Витте, показывает, какой преградой на пути исторического прогресса являлось самодержавие, как глубока была дворянская основа царизма, как медленно подвергалась она изменениям под воздействием капитализма. Современному советскому читателю покажется даже странным, что подобная архаика могла существовать в России всего лишь 50—60 лет, а не много столетий назад.

Витте нарисовал картину пореформенной капиталистической России. По своим интересам и взглядам он стоял ближе к классу капиталистов и к слоям капитализирующегося дворянства, нежели к аристократической дворянской верхушке, интересы которой являлись определяющими в жизни страны. Кстати сказать, могущество этих сил испытал на себе и Витте. Он был устранен из политической жизни в результате вмешательства именно этих сил. Все, что определяло наличие внутренних противоречий у автора, делало неизбежным его оппортунизм, вытекав-

ший из признания им необходимости примирить интересы помещиков и буржуазии. Новаторство Витте ограничивалось его желанием согласовать свои стремления к буржуазной перестройке России, к усилению капиталистического развития с дворянской классовой природой государства и интересами дворянства как определяющей в государстве силы. Витте являлся выразителем и защитником того капиталистического прогресса, который был возможен при самодержавии, когда массы еще законопослушны. Однако сохранение силы и величия самодержавного строя требовало, по мнению Витте, чтобы капитализм развивался, чтобы усиливалась промышленность, строились железные дороги, капитализировалось помещичье хозяйство. Только при этих условиях возможно было сохранить политическую и финансовую независимость государства и мощь армии.

С. Ю. Витте являлся выходцем из дворянской среды и отражал интересы не привилегированного полукрепостнического дворянства, а дворянского класса в целом, заинтересованного в капиталистическом развитии страны. Такое «широкое» понимание интересов дворянства неотделимо было от стимулирования государством буржуазного развития: от протекционизма и поощрения отечественной промышленности, развития системы коммерческих банков, от усиления капитализма в дворянском и крестьянском хозяйстве.

Картина, развернутая автором на страницах «Воспоминаний», рисует капиталистическо-дворянскую Россию, пережившую революцию 1905—1907 гг. Естественно, что описание событий сделано автором с позиций класса, интересы которого он отстаивал. Это — своеобразное вогнутое зеркало, неспособное дать точного изображения объективной действительности. Вместе с тем Витте не мог вполне игнорировать действительность, шла ли речь об общих фактах экономического развития России, или о росте революционного движения.

Ограниченность Витте как государственного деятеля ярче всего выступала, когда он сталкивался с революционными массами, давал характеристику революционного движения в стране.

Витте считал, что правительство должно идти на уступки капиталистам и обуржуазившимся помещикам. Вместе с тем он был сторонником решительного применения вооруженных сил в отношении революционных масс. Он был убежден, что действительная причина революционных потрясений кроется в личных недостатках Николая II. Ограниченность и убожество этой буржуазно-либеральной философии является прямым следствием социальной принадлежности Витте. Безземельный дворянин, человек, прошедший большую школу капиталистического предпринимательства, железнодорожный делец, затем чиновник-министр, связанный с банковским миром, Витте старался внедрить в практику государственного правления России буржуазные методы. Он выступал за усиление капиталистического развития деревни, был против исключительных притязаний и привилегий дворянской верхушки, хотя и продолжал подкармливать ее за счет государственной казны. В отношениях между дворянством и буржуазией он стоял за интересы последней. В то же время он прекрасно понимал, что нельзя государственную политику вести наперекор дворянству. Отсюда проистекал политический оппортунизм Витте, его метания из стороны в сторону, которые с такой ясностью отразились в его мемуарах.

Русская буржуазия, тесно связанная с царизмом, не могла выдвинуть какую-либо действительно революционную программу. Еще менее радикальной была социальная программа самого Витте. Он был сторонником буржуазного развития России лишь постольку, поскольку этого можно было добиться путем новых реформ с согласия дворянства и под эгидой царизма. За эти рамки программа Витте не выходила и не могла выйти. В этой связи никак нельзя согласиться с П. Струве, утверждавшим, что Витте понимал неизбежность проведения «великой реформы» 17 октября 1905 г., и объяснявшим неудачу ее осуществления личными качествами Витте, в частности его неспособностью разобраться в обстановке и проявленными им растерянностью и пассивностью¹. Неизбежность проведения реформ вытекала из факта временного равновесия сил,

¹ См. П. Струве, Памяти С. Ю. Витте, «Русская мысль», март 1915 г., стр. 129—136.

не полной победы революции. Поражение революции толкало царизм на уступки, однако предел этих уступок определялся классовыми интересами дворянства.

I

С. Ю. Витте родился на Кавказе 11 июня 1849 г. Его отец служил директором департамента государственных имуществ¹.

Впечатления детства, связанные с Кавказом, оставили большой след в душе Витте. Он подробно рассказывает об этом в первом томе «Воспоминаний». Витте подробно описывает дом деда — Фадеева и бабушки, бывшей княгини Елены Павловны Долгорукой. В этом доме были сильны славянофильские, панславистские традиции, оказавшие через дядю — Р. А. Фадеева, бывшего адъютанта наместника Кавказа князя Барятинского, сильное влияние на Витте. Эта великокняжеская ветвь родства представляла для честолюбивого Витте бóльший интерес, чем иноземное дворянство предков отца, затерявшееся в неизвестности.

Отец С. Ю. Витте разорился и не оставил детям наследства. Витте и его брат учились в Одессе в Новороссийском университете на стипендию, которую им выплачивало Кавказское наместничество. Воспоминания Витте об Одесском университете представляют известный интерес для истории университетского образования. Известно, что в студенческие годы он являлся «крайним монархистом»; это не помешало, однако, ему отметить сильное увлечение молодежи Писаревым, наличие в среде университетской профессуры людей с демократическими взглядами, особенно у естественников (Сеченов, Мечников). Заслуживают большого внимания рассуждения Витте об университетском образовании вообще, о свободе университетской науки. Витте протестует против попыток поставить учащихся и студентов «в тиски» правительственно-полицейских ограничений. Но, выступая за свободу университетской науки, он воз-

¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 1020. Витте хранил документы о чинопроизводстве своего отца, который 24 декабря 1857 г. был произведен в действительные статские советники. В апреле 1855 г. коллежский советник Ю. Ф. Витте был избран членом-корреспондентом Горногорского земледельческого института.

ражает против того, чтобы студенты занимались политикой.

В 1870 г. Витте закончил университет. Перед ним встал вопрос: что делать дальше? Он отлично учился и мечтал о профессорской кафедре. Однако родные, считая его намерения недостойными дворянского происхождения, избрали для него карьеру чиновника, и Витте был причислен к канцелярии одесского губернатора графа Коцебу. Однако неожиданно все планы изменились.

В России в те годы быстро развивалось железнодорожное строительство. Это была новая и многообещающая отрасль капиталистического хозяйства. К 1870 г. было построено около 10 тыс. верст железных дорог, а в следующее пятилетие еще 7 тыс. За четверть века, с 1865 по 1890 г., железнодорожная сеть в России увеличилась в 7 раз. Возникли частные железнодорожные общества, опиравшиеся на финансовую поддержку правительства. В железнодорожное строительство к концу века были вложены суммы, превосходившие примерно в 2 раза капиталовложения в крупную промышленность. Атмосфера ажиотажа, сложившаяся вокруг строительства железных дорог, захватила и Витте. Министр путей сообщения граф В. Бобринский окончательно уговорил его оставить мысль о научной карьере и попытать счастья в качестве специалиста по эксплуатации железных дорог, т. е. в чисто коммерческой области железнодорожного дела.

В короткое время Витте овладел практическими знаниями в этой области. Шесть месяцев он сидел в станционных кассах, изучил обязанности помощника и начальника станции, контролера, ревизора движения, ознакомился с грузовыми и пассажирскими потоками. Вскоре его назначили начальником движения Одесской дороги¹. Впоследствии Витте не раз с гордостью заявлял, что еще в молодые годы он получил жизненный и практический опыт, которого не было у членов Государственного совета, потерпевших свои знания лишь из книг и бумаг.

По окончании русско-турецкой войны 1877—1878 гг. Витте был назначен начальником эксплуатационного

¹ Эта дорога находилась в подчинении «Русского общества пароходства и торговли», директором которого был адмирал Н. М. Чихачев, позднее — морской министр, оказывавший молодому Витте свою поддержку.

отдела Юго-Западных железных дорог. В этот же период он служил в Комиссии графа Баранова в Петербурге, имевшего доступ к царю. Капиталистическая выучка Витте в частных обществах продолжалась около 20 лет. В это время он познакомился с крупнейшими железнодорожными королями страны, рассказы о которых занимают много страниц его воспоминаний. Вместе с будущим министром финансов Вышнеградским, являвшимся председателем правления Юго-Западных дорог, Витте служил у банкира Блиоха, который являлся формально только вице-председателем той же дороги, но в сущности — «главой всего дела», так как его сила была «в кармане». Витте рассказывает, как Вышнеградский проявлял «низкопоклонство» перед Блиохом и на деле был «его приказчиком». Такова была сила капитала. Сам Витте являлся служащим Блиоха, человеком без состояния, «вполне зависящим» от него. Служба Витте в частных железнодорожных обществах оказала на него чрезвычайно сильное влияние и приучила к расчетливому, деловому подходу при решении важных вопросов; она же дала ему опыт управления, которого не имело большинство высших государственных чиновников. Витте научился чувствовать конъюнктуру, понимать, что требуется для «дела», вверенного ему. Служба в частном железнодорожном предприятии определила и круг интересов Витте, способствовала его формированию как финансиста — знатока железнодорожного дела и будущего государственного чиновника.

Вместе с тем Витте никогда не порывал связей с окружавшей его дворянской средой. Он является живым примером эволюции дворянства к новым, капиталистическим отношениям. Стихийную силу капиталистического развития царское самодержавие не могло остановить. Царизм и «благородное» дворянство должны были приспособиться к новым отношениям. Именно поэтому в первом томе автор так много рассказывает о железнодорожных королях и крупнейших предпринимателях, связанных с развитием железнодорожного строительства. Скопление огромных состояний в частных руках было возможно вследствие расхищения казенных денег, подкупов, взяточничества, чем не брезговали даже такие лица, как княгиня Долгорукая (Юрьевская), позднее — жена Александра II.

Убийство народовольцами Александра II толкнуло Витте резко вправо, в сообщество «Священной дружины», крайне черносотенной организации монархистов, которые считали необходимым практиковать убийства революционеров из-за угла. Руководила этой организацией придворная знать. С этой организацией Витте вскоре порвал, но и кратковременное пребывание в ее составе не являлось украшением для последующей либеральной карьеры Витте.

В начале 80-х годов Витте получил широкую известность не только в среде железнодорожных дельцов, но и в кругах русской буржуазии. В 1883 г. вышла в свет его книга «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», в которой были подняты коренные вопросы финансового положения железных дорог и дальнейшей политики правительства в области тарифов. Витте обратил внимание на убытки, которые постоянно несет казна в результате ее участия в частном железнодорожном строительстве. 89% средств, затраченных на строительство железнодорожной сети в России, были «даны или гарантированы государством»¹. На гарантиях казна теряла ежегодно 20—25 млн. руб. Излагая суть «принципов», Витте подсказывал правительству практические пути к изжитию дефицита и повышению доходности дорог.

Витте выступал также за усиление вмешательства государственной власти в дело регулирования частных перевозок, за ограничение действия свободной конкуренции. Его выступление привлекло внимание правительственных кругов, поскольку намечало конкретные пути устранения бюджетного дефицита. Изыскания Витте в области тарифов были высоко оценены проф. А. Чупровым, известным знатоком железнодорожного дела; он оценил их как «образцовые исследования» и отметил заслуги автора «как на практике, так и в теории»².

¹ С. Витте, Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов, Киев, 1883, стр. 191.

² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 483. Копия письма Чупрова от 17 декабря 1884 г. По мнению Чупрова, выработка «правильного тарифа есть столь же серьезная задача, требующая не менее подготовки и труда, нежели составление проекта железнодорожного моста или какого-нибудь приспособления в паровозе».

Вскоре Витте был назначен управляющим Юго-Западными дорогами и поселился в Киеве. Он не без гордости подчеркивал впоследствии, что являлся «первым и единственным» управляющим одной из самых больших дорог России, не будучи по образованию инженером путей сообщения.

В Киеве Витте завязал важные для него связи с людьми, которые впоследствии играли видную роль в государстве. Он приписывает себе выдвижение Бунге, профессора университета, ставшего потом «либеральным министром» финансов, с которым «воевал» Победоносцев. Интересны оценки Витте некоторых профессоров Киевского университета. Любопытны также некоторые бытовые зарисовки и характеристики местных богачей — Бродского и др. Витте сообщает, например, как он встречал Александра III и доставил ему экстренным поездом прусский мундир для встречи с наследником германского престола Вильгельмом (будущим императором Вильгельмом II), о поведении Вильгельма в Бресте, о внешности Александра III, о его ограниченности: «Ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования», что, впрочем, не мешало Витте быть убежденным поклонником этого императора.

Крушение царского поезда в Борках в 1890 г. явилось толчком для дальнейшего быстрого выдвижения Витте. Причиной крушения было нарушение элементарных правил движения поездов: тяжелый состав царского поезда с тяжелым товарным паровозом цел с превышением установленной скорости. Витте еще ранее предупреждал министра путей сообщения о возможных последствиях. С присущей ему грубоватостью он сказал как-то, что императору сломают шею, если будут водить царские поезда с недозволенной скоростью. После крушения в Борках Александр III вспомнил об этом предупреждении и выразил пожелание, чтобы на пост директора департамента железнодорожных дел в министерстве финансов был назначен Витте. Ему удвоили оклад содержания, так как на частной службе он зарабатывал много. Вскоре после этого Витте был назначен министром путей сообщения, а в августе 1892 г. — министром финансов.

В то время министру финансов были подчинены департамент железнодорожных дел, торговля и промышленность. В силу этого он мог легко оказывать давление на решение политических вопросов в стране.

Деятельности Вышнеградского в качестве министра финансов и обстоятельствам, связанным со своим назначением на этот пост, Витте посвятил особую главу «Воспоминаний» (гл. 14), в которой рассказал любопытный факт о присвоении Вышнеградским 500 тыс. франков французской банкирской фирмы Ротшильд. В действительности эти деньги были Вышнеградским получены, но переданы другой, по мнению Вышнеградского, «пострадавшей» фирме Госкье. Не менее курьезные случаи рассказаны о деятельности бывшего министра финансов Абазы, председателя департамента экономии Государственного совета, который свое служебное положение использовал для биржевой игры в целях личного обогащения. Эти два примера весьма красочно рисуют порядки в государственном аппарате: один министр берет полумиллионные взятки, а другой высший чин государственной администрации играет на бирже и, зная секреты государственной политики, выигрывает 900 тыс. рублей.

Между Витте и Вышнеградским не было полного единомыслия. Вышнеградский действовал осторожнее. Характеризуя его, Витте пишет: Вышнеградский был более «цифровик, нежели математик, а я был более математик, чем цифровик». Это определение довольно верно выявляет скорее различие их характеров, нежели направлений в экономической политике. Следует, однако, признать, что в области финансов самое трудное проделал Вышнеградский. Это при нем был осуществлен переход к политике протекционизма (в 1891 г.), при нем же было начато в связи с конверсиями займов широкое привлечение в страну французских капиталов в качестве займов царского правительства. Однако Витте, в бытность его министром путей сообщения, стесняла мелочная опека Вышнеградского. Голод 1891 г. создал дополнительные трудности. Вышнеградский «все время замедлял меня, — пишет Витте, — в моих действиях по осуществлению Сибирского пути, не давая мне надлежащих средств» (по смете на 1891 г. на строительство дороги было намечено отпустить лишь 7 млн. руб.).

Пожалуй, в этом и кроется одна из причин серьезных расхождений Витте с Вышнеградским.

Последние главы первого тома «Воспоминаний» Витте посвящены характеристике лиц, стоявших у власти в конце царствования Александра III.

Здесь достаточно ощутимо вскрываются особенности политического мировоззрения Витте, его симпатии и антипатии, его отрицательное отношение к реакционному политическому курсу, который проводился при Александре III.

Он резко выступает, в частности, против контрреформ, против введения института земских начальников и вместе с тем берет под защиту царя Александра III. По твердому убеждению Витте, институт земских начальников «вполне не удался и принес много вреда России». Столь же решительно он осуждает затею Толстого о земстве, суть которой справедливо видел в том, «чтобы дать больший голос в земских учреждениях дворянству». Следовательно, политика в вопросе о земстве сводилась к тому, чтобы его «одворянствовать». В этом случае устами Витте говорит, несомненно, противник ультрадворянской реакции, либерал, представитель слоев дворянства и бюрократии, затронутых капитализмом. Сам Витте не являлся землевладельцем и был свободен от многих предрассудков дворянского сословия, особенно тех, которые наблюдались у правых кругов. В силу этого Витте не останавливался перед осуждением министра внутренних дел, деятельность которого, по его словам, «принесла гораздо больше вреда, нежели пользы». Но все это очень мало согласуется с дальнейшим изложением «Воспоминаний», где он утверждает, что боготворит Александра III.

Целую главу Витте посвятил своим сослуживцам по министерству финансов. Он положительно отзывался о Менделееве, благодаря которому Палата мер и весов была поставлена на ноги. Читатель «знакомится» с Тимашевым, ставшим позднее министром торговли и промышленности, с Шиповым, талантливым чиновником, который, по словам Витте, любил есть в двух стойлах». Даже П. Барк и тот прошел школу Витте.

Оппортунизм и беспринципность Витте достаточно ясно характеризует следующий факт. Он подписал проект закона об ответственности фабрикантов за смерть и увечье

рабочих, подготовленный еще Вышнеградским. При обсуждении законопроекта в Государственном совете с критикой проекта выступил Победоносцев, усмотревший в нем проявление симпатии Витте к социалистическим идеям. Речь Победоносцева произвела весьма сильное впечатление на членов Государственного совета. Чтобы угодить правым членам Совета, Витте отозвал законопроект.

Одним из крупных мероприятий, проведенных Витте в начале своей деятельности на посту министра финансов, было заключение таможенного договора с Германией. Известно, что борьба вокруг договора приняла форму таможенной войны¹. В ответ на высокие таможенные пошлины, которыми был обложен русский хлебный экспорт, Витте провел через Государственный совет новый закон, согласно которому существовавшие тарифные ставки были объявлены минимальными для стран, придерживавшихся режима благоприятствования по отношению к России. А так как Германия не придерживалась этого режима, то ставки на германский экспорт в Россию были повышены. Тогда это казалось чем-то необычным. Но Александр III поддержал Витте. Столкнувшись с твердой линией, Германия в конце концов согласилась на уступки. Был заключен новый торговый договор 1894 г., по которому оба государства пошли навстречу друг другу. Витте был весьма доволен, его самолюбию льстило, что с этого момента его персоной заинтересовался Бисмарк.

Вторым важным актом, осуществленным Витте, была винная монополия. Витте энергично взялся за ее проведение и заслужил этим расположение императора. Винная монополия стала вскоре одним из основных источников правительственного бюджета.

Витте умел ладить с представителем реакционного крыла дворянства, с идейным вдохновителем реакции — Победоносцевым. Он нашел к нему доступ с помощью государственного сундука, оказывал ему «полное содействие» в ассигнованиях на церковно-приходские школы, к чему предыдущие министры финансов относились отрицательно.

¹ В архиве сохранилась переписка Витте с В. Тимирязевым, который вел переговоры с Германией.

Витте чутко улавливал пожелания Александра III, поддерживал его идею создания Мурманского пароходства. В то время в среде военных моряков возникла мысль построить порт в незамерзающей гавани, имеющей выход в океан. Морские специалисты высказывались за строительство такой базы в Либаве. Александр III сомневался в целесообразности строительства базы в этом пункте и послал Витте обследовать район Мурманска (Екатерининская гавань). О результатах поездки Витте представил доклад, в котором высказался за Мурманск. Однако из этой затеи ничего не вышло. Николай II утвердил строительство базы в Либаве. Хотя Витте и пишет, что ему удалось выполнить пожелание Александра III и провести железную дорогу в Архангельск, однако это утверждение нуждается в серьезной поправке. Фактически до начала первой мировой войны участок железной дороги Вологда — Архангельск был соединен узкоколейкой, а на линии Мурманск — Петроград движение открылось только в 1917 г.

Последняя глава первого тома посвящена характеристике Александра III. По мнению Витте, современники не достаточно оценили его царствование, большинство относилось к его личности весьма «скептически». Для Витте Александр III был «великим императором», «святым человеком», который вступил на обагренный кровью своего отца трон. Витте считал, что Александр III проводил реакционную политику только первые 5—6 лет царствования. Он был человеком «ординарного образования», «хорошим хозяином» и «идеальным казначеем». Витте пытается доказать, что Александр III являлся умным императором, обладавшим не столько умом рассудка, сколько «умом сердца». Витте расхваливает царя, его скромность, приверженность к простой пище и простому обмундированию.

При Александре III чиновничья карьера Витте только начиналась. Инициатива молодого министра финансов получала полную поддержку со стороны императора, это обстоятельство наложило печать идеализации на его отношение к Александру. Разгадкой такого отношения может служить и то, что по природе своей Витте, как это не раз отмечалось в литературе, был сторонником самодержавного абсолютизма. Монарх, благоволивший к Витте,

был в его глазах наилучшим типом государственного правителя, а монархия — совершеннейшим образцом правления. Благодарный Витте сохранил за собой уже после отставки с поста министра финансов руководство строительством памятника Александру III, который был создан под его наблюдением скульптором Трубецким. Рассказом о постройке памятника царю и заканчивается первый том «Воспоминаний».

II

Второй том «Воспоминаний» охватывает период в десять лет — от начала царствования Николая II до кануна всеобщей Октябрьской политической забастовки 1905 г. Это десятилетие было насыщено крупнейшими событиями во внутренней и международной жизни страны. В 1897 г. Витте осуществил важнейшее финансово-экономическое мероприятие — денежную реформу — и ввел золотое обращение. Из внешнеполитических событий в центре внимания оказался дальневосточный узел противоречий, который явился причиной русско-японской войны. Россия потерпела в ней поражение, ее армия была разбита, флот потоплен. На долю Витте выпала незавидная участь подводить итог авантюристической политике Николая II и в качестве чрезвычайного посла заключать Портсмутский мир. Политика России на Дальнем Востоке и участие в ней Витте представляют одну из основных сюжетных линий событий в «Воспоминаниях» С. Витте.

Вторая линия — это вопросы внутреннего положения России, обострение классовой борьбы в результате проведения пагубной политики царским правительством и его виднейшими представителями — Сипягиным, Плеве и др. Разумеется, что самым крупным историческим событием в рассматриваемый период была первая русская революция, начало которой положили драматические события 9 января 1905 г.

Как известно, в 1903 г. Витте был устранен с поста министра финансов. Но и после этого он не был пассивным наблюдателем событий. К тому же формально он продолжал занимать высокое положение — пост председателя Комитета министров. Важнейшие события революции

1905 г. происходили у него на глазах. Его свидетельства о событиях и настроениях в различных классах, характеристики тех или иных государственных лиц весьма интересны. Витте дает материал о колебаниях в верхах, что важно с точки зрения понимания нараставшей революционной ситуации в стране.

Второй том «Воспоминаний» начинается с рассказа о вступлении Николая II на престол. В центре внимания автора находится личность нового императора. По общему мнению, он производил впечатление гвардейского полковника из «хорошего семейства». Воспитание скрывало его недостатки. Часть представителей бюрократии еще в начале царствования опасалась увидеть в Николае «нечто вроде копии Павла Петровича». Витте смягчает такие опасения, но признает, что у царя было немало отрицательных черт характера Александра I — «мистицизм, хитрость и даже коварство» — при отсутствии образования и ума прадеда. Витте показывает неустойчивость характера нового императора и огромное влияние на него со стороны великих князей. Именно поэтому Николай II отказался от планов своего отца в отношении строительства порта в Мурманске и склонился к основанию военного порта в Либаве. В этом ошибочном решении Витте видит исходный момент дальнейших ошибок Николая II, приведших его к «злополучному шагу» — захвату Порт-Артура.

Витте подтверждает, что великие князья играли в государстве такую роль, которая «совсем не соответствовала их знанию, ни их талантам, ни образованию». В великокняжеском влиянии на государственные дела и на императора Витте видел возрождение «удельной системы» и одну из причин «бедствий царствования императора Николая». Злопамятный и мстительный Николай II вообще недолюбливал и не переносил лиц, «твердых в своих мнениях, в своих словах и своих действиях». В этом отношении Витте противопоставлял Николаю II его отца Александра III, который, напротив, ценил в людях «твердые убеждения».

Как известно, во время коронации Николая в Москве вследствие преступной халатности московских властей во главе с великим князем Сергеем Александровичем произошли трагические события на Ходынском поле, по-

влекшие за собой большое количество человеческих жертв. Витте дал довольно объективное и в общем правильное описание катастрофы. Он подчеркивает, что за гибель двух тысяч людей никто из высшей администрации не понес наказания. Получил отставку лишь обер-полицмейстер, и дело «было заглушено»¹.

Из вопросов экономических Витте подробно осветил введение винной монополии. Он пытался завуалировать ее цели заботами о народной трезвости, а ответственность за искажение этих целей возложил на своего преемника В. Н. Коковцова. Вследствие «боязливого характера» и опасения, что не хватит денег на ведение русско-японской войны, Коковцов, по утверждению Витте, изменил основное направление винной монополии и стал подходить к ней «с точки зрения фиска», чтобы извлечь наибольший доход. Этот мотив Витте развивал также в публичных выступлениях в Государственном совете, где его слова о народной трезвости вызывали иронические улыбки присутствующих. Сейчас не подлежит сомнению, что Витте руководствовался исключительно бюджетными соображениями и вполне отдавал себе отчет в той выгоде, которую получит государство от «пьяного бюджета».

Другой, более важный вопрос — введение золотой валюты, удачно решенный Витте в интересах русской буржуазии, освещен в «Воспоминаниях» очень бегло². Проведение этой денежной реформы в то время встречало возражения не только из-за непонимания ее экономического значения. Реформа затрагивала, прежде всего, интересы помещиков, которым было выгодно получать за свой хлеб возможно больше денег в бумажной валюте. Денежная реформа затрагивала также интересы союзницы России — Франции, и это отмечено Витте. Франция имела большое

¹ Более подробное изложение этого эпизода дано в воспоминаниях А. А. Лопухина, написанных после выхода в свет мемуаров Витте. См. А. А. Лопухин, Отрывки из воспоминаний, Госиздат, 1923.

² Эта тема в литературе затрагивалась не раз. См. П. П. Мигулин, Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис 1893—1901 гг., Харьков, 1902. В советское время о денежной реформе Витте писали Власенко и другие советские экономисты. Часть официальной документации издал проф. Буковецкий.

количество серебра, поэтому французы высказывались за биметаллизм.

Витте правильно сделал, проведя реформу на основе золотого обращения. Он пишет, что эту «величайшую» или «крупнейшую» реформу ему удалось осуществить «против течения» и благодаря доверию к нему императора. Убедившись, что он не получит поддержки в Государственном совете, Витте очень ловко обошел его. 2 января 1897 г. он собрал комитет финансов «в усиленном составе» под председательством Николая II, пригласив на заседание тех самых великих князей, которых он с таким мастерством и убедительностью порицает на страницах своих записок. На этом заседании и было решено ввести в России металлическое обращение, основанное на золоте. Следует отметить, однако, что Витте признает роль своих предшественников Бунге и Вышнеградского в подготовке реформы. Но одним как будто случайно оброненным словом о том, что их приготовления «были сравнительно незначительны», он подчеркивает свою решающую роль в этом деле.

Говоря о введении золотой валюты, Витте намеренно обходит важнейший вопрос, без уяснения которого совершенно непонятна необходимость осуществления реформы. Речь идет о государственном бюджете и непрерывном росте задолженности России. Современники Витте, отдававшие ему должное за осуществление реформы, прямо указывали на непрерывный рост государственного долга России. Либеральный экономист П. Мигулин писал в 1902 г., что за десятилетие пребывания Витте во главе Министерства финансов заграничная задолженность выросла более чем на 1 млрд. руб.¹ Россия не могла обходиться ни без внутренних займов, ни без заграничных капиталов. В этом и состояла характерная черта финансовой политики Витте, подготовившей осуществление финансовой реформы.

Другой современник Витте — П. Х. Шванебах, критиковавший его финансовую политику и денежную реформу, указывал на рост государственной задолженности с 1 ян-

¹ П. П. Мигулин, Реформа денежного обращения в России и промышленный кризис 1893—1901 гг., стр. 266.

варя 1893 г. по 1 января 1900 г. на 1579 млн. руб., причем одна треть этой суммы — 551 млн. руб. — приходилась на внутренний долг, а 1028 млн. руб. — на заграничные капиталы. Шванебах называл платежи по внешним займам «данью», которую выплачивает Россия иностранным капиталистам. Ее размер непрерывно возрастал и в начале XX в. достиг 150 млн. руб. в год только по государственным займам.

Разоблачая Витте, В. И. Ленин в 1902 г. писал, что Витте ведет «хищническое хозяйство» при помощи «увеличения займов и повышения налогов»¹. Ленин отметил рост косвенных налогов, которые всей тяжестью ложатся на бедноту, создавая привилегию для «богатых». Налоговый пресс являлся одной из причин разорения массы крестьянства. В конспекте лекций о государственном и народном хозяйстве Витте дал «теоретическое» обоснование предпочтительности косвенного обложения перед прямым. Посредством прямых налогов «трудно собрать с народных масс те колоссальные суммы, какие требуются современными бюджетами», — писал он. При росте же косвенного обложения по копейкам народная масса «вносит в казну огромные суммы»². Рост задолженности России, особенно внешней, был неизбежным результатом всей финансовой политики Витте.

Финансовая политика Витте — установление золотой валюты и стремление укрепить ее — являлась частью общего и более широкого вопроса о развитии промышленности в России. Советскими историками опубликовано несколько новых документов, которые дают представление об основах экономической политики Витте³. В доку-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 306.

² С. Ю. Витте, Конспект лекций о государственном и народном хозяйстве, СПб., 1912, стр. 472.

³ «Всеподданнейший доклад министра финансов Витте, 1900 г.», «Историк-марксист» № 2—3, 1935 г.; «Материалы по истории СССР», т. VI, 1959; об основах экономической политики царского правительства см. «Исторический архив» № 4, 1957 г. («Требования дворянства и финансово-экономическая политика царского правительства в 1880—1890-х годах», вводная статья И. Ф. Гиндина, М. Я. Гефтера), стр. 122—155. В настоящее время Институтом истории АН СССР подготовлен том документов о монополиях в нефтяной промышленности и о притоке иностранных капиталов в эту отрасль хозяйства.

ментах красной нитью проходит мысль о крупных успехах в развитии фабрично-заводской и горной промышленности России, которая за два десятилетия выросла более чем втрое ¹. Указав на эти успехи, Витте вместе с тем отмечал экономическую отсталость промышленности России по сравнению с передовыми странами Европы и Соединенными Штатами Америки. Вследствие этого Россия может потерять экономическую независимость. Иностранная промышленность может прорваться через таможенные преграды и развить свое производство в России, как это имело место в азиатских странах, что расчистит пути «для более тревожных иноземных политических влияний», — писал Витте. Он допускал возможность серьезного политического ослабления государства, если экономическое отставание России будет продолжаться.

«Создание своей собственной промышленности, — писал Витте, — это и есть та коренная, не только экономическая, но и политическая задача, которая составляет краеугольное основание нашей протекционной системы» ².

По мнению Витте, Россия имела все необходимое для быстрого развития промышленности. Богатства ее недр и низкая заработная плата рабочих являлись благоприятной предпосылкой для этого. Не хватало лишь свободных капиталов, так как внутреннее накопление проходило медленно. Бедность капиталами задерживала развитие промышленности в России. Витте поэтому видел единственную возможность несколько форсировать промышленное развитие страны не иначе как при непосредственном содействии иностранных капиталов путем привлечения их в разные отрасли промышленности ³. Именно поэтому Витте стремился еще шире открыть двери для вложения английских и американских капиталов в промышленность и государственные займы. Однако его попытки привлечь американский капитал кончились неудачей из-за обострившейся борьбы империалистов за раздел Китая. Конечно, Витте умалчивал о коренной причине, сковывавшей развитие производительных сил России, — власти дворянства

¹ См. «Историк-марксист» № 2—3, 1935 г., стр. 130—139.

² «Материалы по истории России», т. VI, стр. 177.

³ См. «Историк-марксист» № 2—3, 1935 г., стр. 130—139.

и царского самодержавия. Он хотел «решить» главную задачу экономического развития России не революционным, а эволюционным путем, сохраняя царизм и господство помещика-крепостника. В такой политике он видел лишь положительные стороны: ускорение темпов промышленного развития, обогащение промышленности смелой иностранной предприимчивостью, в то время как государственный кредит России будет удовлетворяться за счет внутреннего накопления. В развернувшейся в конце XIX в. среди бюрократии борьбе по вопросу о притоке английского капитала в нефтяную промышленность, Витте вместе с министром государственных имуществ А. С. Ермоловым и при поддержке министра иностранных дел Муравьева решительно выступал за расширение сферы деятельности английского капитала, в частности за утверждение концессии Губбарда. Витте дважды, в 1898 и 1899 гг., удалось отстоять свою линию, и большинство членов Особого совещания, несмотря на колебания главноначальствующего гражданской части на Кавказе князя Голицына, в 1899 г. признали «пользу участия иностранных капиталов в нефтяной промышленности на Кавказе».¹ Следовательно, программа Витте, при помощи которой он пытался ускорить промышленное развитие России и преодолеть внутренние трудности, была откровенной бюрократической программой привлечения иностранного капитала в промышленность и новых кабальных займов. Ставка на иностранные капиталы дополнялась рядом других предложений, игравших также важную роль. Они касались вопросов сохранения протекционизма, ослабления для иностранцев ограничений в отношении управления предприятиями, упрощения условий создания новых акционерных обществ и т. д. На словах еще говорилось о необходимости предотвратить захват иностранными компаниями отдельных отраслей промышленности. Фактически же к началу XX в. металлургия, уголь и нефть находились под контролем иностранного капитала.

Начавшийся в России в 1900 г. промышленный кризис, углубившийся вследствие нищенского положения деревни,

¹ См. ЦГИАЛ, ф. 20, оп. 7, д. 179, л. 186—194. Журнал Особого совещания по вопросу об участии иностранных капиталов в русской нефтяной промышленности 3 июня 1898 г.; ЦГИАЛ, ф. 40, оп. 2, д. 115, л. 73—92. Журнал Особого совещания от 1 мая 1899 г.

затянулся на ряд лет и временно задержал приток иностранных капиталов в промышленность России. На повестку дня с особой силой был поставлен вопрос о расширении покупательной способности внутреннего рынка за счет капитализации крестьянского хозяйства в связи с переходом от общинного землевладения к частному. Но всякая попытка поставить вопрос о крестьянстве и общине выходила за рамки чистой экономики, и перед царским правительством возникали новые политические проблемы.

Царизм охранял дворянское землевладение и сложившиеся в сельском хозяйстве отношения между крестьянами и помещиками. Витте же был убежденным сторонником частной крестьянской собственности на землю. Эти взгляды дают нам ключ к пониманию как психологии Витте, так и его политики в годы первой русской революции. Витте считал, что большая историческая ошибка состояла в том, что при проведении реформы 1861 г. в России «весьма бесцеремонно обошлись с принципом собственности», который является цементом капиталистических государств. В известной мере он исторически подходил к оценке общинного землевладения, говоря, что это «только стадия известного момента жития народов», на смену ей приходит принцип индивидуального владения землей. Там, где этот процесс «задерживается и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреет». В игнорировании принципа индивидуализма и частной собственности Витте видит главную причину революции в России. Он обрушивается на сторонников общины, будь то лица из правительственного лагеря или представители народнического социализма. «Последние меня больше всего удивляли, так как если когда-либо восторгается «коллективизм», то, конечно, он восторгается в совершенно других формах, нежели он имел место при диком или полудиком состоянии общественности». Переход к коллективным формам собственности, по мнению Витте, произойдет лишь после того, как общинное землевладение пройдет через горнило частной собственности.

Витте, несомненно, был противником опеки крестьян со стороны земских начальников и считал, что этот ин-

ститут создал режим, который напоминал «существовавший до освобождения крестьян от крепостничества». Витте показывает, как сложившиеся после отмены крепостничества порядки стали препятствием всему живому и прогрессивному. Дворянское засилье мешало «уничтожить выкупные платежи», оно стояло на пути крестьянского равноправия: крестьянин — это не «персона», а «полуперсона». Витте приводит ряд примеров, которые показывают, с какой настойчивостью царская бюрократия охраняла сложившийся дворянский институт. Любое стремление даже выдающихся царских чиновников сколько-нибудь широко поставить крестьянский вопрос наталкивалось на решительное сопротивление со стороны дворянства. Созданная в 1895 г. дворянская комиссия преследовала единственную цель — «обогащать дворянские карманы за счет государственной казны, т. е. за счет народных денег». Эта тенденция настолько ясно была выражена в журналах комиссии, что если бы они были опубликованы, то у деятелей эпохи III Государственной думы — Гучкова и графа Бобринского, по предположению Витте, «появилась бы краска стыдливости на лице». Витте изображает свое поведение в дворянской комиссии как борьбу против ультрадворянских претензий «запускать руку в карман государственного казначейства».

Витте же был склонен поддерживать буржуазные тенденции экономической политики — всемерно помогать буржуазии и способствовать развитию промышленности. Под влиянием работы дворянской комиссии в 1896 г. в связи с коронацией Николаю II была подана записка от 27 предводителей дворянства, в которой излагались нужды дворянского землевладения. Но теперь опубликован ответ Витте на эти домогательства дворянства¹, который дает возможность судить, насколько справедливы утверждения Витте о том, что он выступал против ультрадворянских взглядов Плеве. В ответе предводителям дворянства Витте весьма убедительно показал, что несправедливо объяснять причины обнищания дворян теми жертвами, на которые якобы пошло дворянство при осуществлении реформы 1861 г.

¹ «Требования дворянства и экономическая политика правительства», «Исторический архив» № 4, 1954 г., стр. 122—155.

Объясняя причины ухудшения положения дворян в ряде губерний, Витте обращает внимание на их неумение «вести дело», находить новые источники доходов и на непрочность дворянских связей с землей. Разумеется, Витте подробно рассмотрел вопрос о льготах дворянам с помощью тарифов на железнодорожные перевозки. Он убедительно показал полную несостоятельность претензий дворян. Вместе с тем Витте стоял на позициях охраны интересов этого класса, гордился тем, что был «потомственным дворянином» и воспитывался в дворянских традициях. Поэтому он отвергал лишь чрезмерные претензии дворянства, нарушавшие основы «справедливого» распределения тягот между имущими классами населения. «В конце XIX — начале XX века нельзя вести политику средних веков», нельзя вести защиту интересов «явно несправедливого поощрения привилегированного меньшинства за счет большинства», — писал он. Таким образом, объективно позиция Витте сводилась к защите буржуазных интересов против численно небольшой верхушки дворянства. Витте не прочь покурить фимиам меньшинству «благородного» дворянства, которое стоит на защите интересов «общенародного» блага, но таких дворян было немного. Большинство же дворянской аристократии, по мнению Витте, «представляют кучку дегенератов, которые, кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей, ничего не признают». Такая оценка дворянства показывает, что министр финансов чувствовал бы себя значительно свободнее при чисто буржуазных порядках.

Витте несколько раз пытался поставить перед правительством крестьянский вопрос, но каждый раз встречал противодействие со стороны наиболее реакционных элементов дворянства.

Как бы ни пытался Витте ограничить решение крестьянского вопроса почти исключительно правовой стороной, действительной причиной забитости, приниженности и неравноправия крестьян являлось дворянское землевладение. Витте боится сказать об этом, боится обнажить экономические причины противоречий между двумя классами. 8 июня 1901 г. был опубликован закон об отводе дворянам казенных земель в Сибири. В связи

с этим В. И. Ленин писал, что правительство «создает *новый* класс эксплуататоров, оно обрекает миллионы крестьян и рабочих на постоянную кабалу новым помещикам»¹. Ленин назвал аграрную политику правительства «крепостнической». Так, пока Витте писал докладные записки царю о необходимости решить крестьянский вопрос, дворяне наложили руку на огромный земельный фонд Сибири.

По-видимому, под влиянием данных об обнищании крестьянства и росте его задолженности правительство создало 22 января 1902 г. при содействии министра внутренних дел Д. С. Сипягина комиссию по крестьянскому вопросу под названием «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Председателем комиссии был назначен Витте². Характерно, что царское правительство пошло на эксперимент Витте, учитывая новый подъем крестьянского движения в стране. На опыте этого «Особого совещания» Витте мог практически убедиться, что значит крестьянский вопрос в России и до каких пределов его можно касаться.

При содействии Сипягина 26 марта 1902 г. царь утвердил решение «Особого совещания» о создании местных губернских и уездных комитетов под председательством губернаторов (губернские и областные) и предводителей дворянства (уездные)³. Вся Россия покрылась сетью дворянских комитетов. Было создано 82 губернских и областных и 536 уездных и окружных комитетов, в которые вошло около 12 тыс. членов⁴. Подавляющее большинство этих лиц были дворяне и чиновники. Особенно сильна их прослойка была в губернских комитетах. Там

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 78.

² «Особое совещание» существовало с 22 января 1902 г. по 30 марта 1905 г. «Труды» и материалы этого совещания изданы в 58 томах.

³ См. «Всепоподданнейший отчет 1902—1904 гг. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности» за подписью Витте. См. также «Записка по крестьянскому вопросу председателя высочайше утвержденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте», СПб., 1904.

⁴ «Всепоподданнейший отчет 1902—1904 гг. Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности», стр. 71.

она достигала двух третей членов, или 66%, а на долю крестьян приходилось лишь 2%; доля земских гласных и служащих по земству составляла 23% и остальные группы — 9%. Даже в уездных комитетах большинство (52%) было за дворянами и чиновниками, а представительство от крестьян не превышало 17%. Следовательно, все эти комитеты могли наметить решения крестьянского вопроса, приемлемые и выгодные лишь большинству дворян. Состав комитетов исключал постановку вопроса о ликвидации крестьянского малоземелья за счет хотя бы частичного отчуждения помещичьих земель. Именно поэтому, обобщая предложения комитетов, Витте писал, что почти все они высказались за улучшение «правового положения нашего крестьянства, которое содействовало бы развитию в нем духа хозяйственной предприимчивости и самостоятельности». Другие мероприятия, по мнению дворянских комитетов, могут принести «лишь ничтожную пользу»¹. Таким образом, коренной вопрос крестьянской экономической и политической кабалы, порождавший неизбежность революции, — помещичье землевладение — комитеты обходили. Они считали, что достаточно несколько изменить правовое положение крестьянства — ввести единый суд, отменить телесные наказания крестьян, устранить сословную обособленность крестьянства, — как будут уничтожены основные причины крестьянской забитости.

Вместе с тем большинство комитетов и сам Витте пришли к выводу о необходимости перейти от общинного владения землей к индивидуальному, подворному. Но этот переход, по их мнению, должен был осуществиться не в результате законодательного уничтожения общины, а путем устранения препятствий, «которые ныне поставлены законом для сохранения общины». Выступая в Государственном совете при обсуждении столыпинского проекта аграрного закона, Витте особенно резко подчеркнул это². Ему хотелось, чтобы выход из общины был добро-

¹ «Записка по крестьянскому вопросу председателя высочайше утвержденного Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности статс-секретаря С. Ю. Витте».

² См. «Стенографический отчет Государственного совета», сессия 5, заседание 25 от 15.III.1910 г.

вольный и не форсировался правительством, ибо только это могло воспитать в новых собственниках «чувство уважения к праву собственности».

Витте понимал, что Столыпин «обокрал» его, т. е. использовал идеи, убежденным сторонником которых был Витте, для проведения своей политики, а поэтому он не мог писать о Столыпине без чувства личного озлобления. С другой стороны, Витте опасался последствий столыпинской политики. Но у правительства не было иного выхода и оно делало последнюю ставку. Витте тяжело переживал удар, полученный 30 марта 1905 г. от царя, который, убедившись, что совещание старается «водворить личную собственность»¹, закрыл его. А через полтора года Столыпин не только возродил идею личной собственности крестьянства (Указ 9 ноября 1906 г.), но и пытался провести ее со скоростью «курьерского поезда». Следовательно, Витте являлся инициатором перехода правительства к буржуазной аграрной политике. Позиция Витте по крестьянскому вопросу не встречала поддержки у большинства дворянской придворной знати, которая в рассуждениях Витте о частной поземельной собственности видела недопустимый либерализм и угрозу существующему порядку. Ценность работы Комиссии под своим председательством Витте видел в том, что она пыталась «для предотвращения революции сделать некоторые реформы в духе времени». В этом признании весь Витте. Но революция настойчиво стучалась в дверь и ее нельзя было остановить и преградить путь ее движению либерально-паллиативными мерами, которые намечали дворяне во главе с Витте.

От Витте дела по крестьянскому вопросу перешли к Горемыкину, а новая комиссия была уже закрыта самим Витте после 17 октября 1905 г. «Воспоминания» Витте по крестьянскому вопросу заканчиваются довольно грустным признанием того бесспорного факта, что все революции порождаются прозаической истиной — игнорированием со стороны правительства назревших народных потребностей.

¹ «Стенографический отчет Государственного совета», сессия 5, заседание 25 от 15. III. 1910 г.

Большое внимание в своих записках Витте уделил вопросам внутренней политики. Они освещаются прежде всего в связи со сменой лиц, стоявших во главе руководства внутренней политикой России. Горемыкин — Сипягин — Плеве — вот три столпа, которые проводили, по существу, одну и ту же политику, правда, носившую индивидуальные черты каждого из них, что тонко сумел подчеркнуть Витте. В 1904 г. после убийства Плеве вновь встал вопрос: кого назначить? Царь при всех симпатиях к крайне правым вынужден был считаться со стихийным недовольством, широко охватившим земских деятелей и интеллигенцию. Назначен был князь Святополк-Мирский, бывший губернатор при Горемыкине, начальник жандармов при Сипягине, не желавший работать вместе с Плеве. Назначение Мирского, по словам Витте, «представляло своего рода флаг», который означал примирение правительства и общества «путем удовлетворения назревших справедливых желаний общественных кругов» к примирению с правительством на основе некоторых уступок буржуазии и земским элементам. Николай II заявил о согласии с этими мыслями своего министра, однако, по существу, продолжал прислушиваться к реакционерам, мешавшим Мирскому осуществлять свои принципы во внутренней политике. Все же некоторое движение вверх началось: ослабили репрессии против либеральных деятелей. Витте имел встречу с Мирским и обещал ему свою поддержку. Политика Мирского была выражена в особой записке, переданной царю, которая явилась поводом для созыва совещания о конституционных реформах. Все это происходило в конце 1904 г., буквально накануне падения Порт-Артура. «Верхи» сами чувствовали, что прежнее положение вещей оставаться не может, нужны реформы и изменения в государственном строе.

В «Воспоминаниях» Витте колебания царизма осенью 1904 г. изложены весьма кратко и не совсем точно. На недостатки этой части записок Витте в советской печати уже обращалось внимание ¹. В качестве критика выступил бывший директор департамента полиции А. А. Лопухин, ставший в глазах Николая II чуть ли не революцио-

¹ А. А. Лопухин, Отрывки из воспоминаний.

нером. Лопухин хорошо знал историю отношений между Витте и Мирским. Он привел несколько фактов, разоблачающих поведение Витте в связи с обсуждением записки Мирского об изменении государственного строя.

Сила записки Мирского, как правильно говорит Лопухин, была не в предложениях, а в мотивировке несостоятельности существующих порядков, в осуждении их, в признании негодности существующего строя. Эти идеи быстро проникли в бюрократическую среду. Рассказ Лопухина значительно уточняет воспоминания Витте и особенно позицию, которую занял Витте¹ по решающему вопросу: об участии выборных в разработке законов Витте рассказывает так: «Я высказал свое решительное мнение, что вести прежнюю политику реакции совершенно невозможно, что это приведет нас к гибели. Лопухин свидетельствует другое. По вопросу об участии выборных в работе Государственного совета «большинство говорило за», а Витте «ничего не говорил», и это, видимо, заставило Николая попросить Витте высказаться.

Витте изложил свою позицию, сказав, что, с одной стороны, такая мера нужна, а с другой стороны, неправильно, что она «не поколеблет существующего государственного строя». Своим выступлением Витте укрепил мнение Николая об опасности и вредности предложенных Мирским реформ. Поэтому Мирский правильно расценил выступление Витте как отказ в поддержке². На втором заседании, на которое были приглашены великие князья, Сергей Александрович обрушился на проект Святополк-Мирского, расценив его как акт измены. В результате Мирский оказался «опасным потрясателем основ, а Витте спасителем престола»³. Поэтому Николай поручил Витте, а не Мирскому составить проект указа о предполагаемых реформах, что Витте и выполнил совместно с бароном Нольде. В представленном проекте вопрос об участии общественных деятелей в законодательной работе Государственного совета был сформулирован, однако затем Николай II по совету Витте снял его.

¹ Витте рассказывает, что было одно заседание, на котором присутствовал царь, Лопухин утверждает, что их было два.

² А. А. Лопухин, Отрывки из воспоминаний, стр. 50.

³ Там же, стр. 52.

С подписанным царем указом, в котором были похоронены слабые зачатки конституционных начинаний, Витте прибыл из Царского Села в Петербург, где сообщил новость Мирскому. «Это сообщение, по-видимому, очень огорчило кн. Мирского», — писал Витте. Карьера Мирского кончилась, но Витте остался в глазах Николая нужным советчиком. Таким двуличным, непоследовательным и хитрым царедворцем, лишенным каких-либо моральных принципов, был Витте — умный и верный слуга военно-феодального империализма, дороживший властью и стремившийся сохранить ее любой ценой.

В декабре 1904 г. Витте запугивал Николая перспективой конституции. А через два месяца, в феврале 1905 г., Николай вынужден был обратиться с рескриптом на имя Булыгина относительно разработки основ совещательной Думы, несмотря на то что это было значительно более серьезное мероприятие, чем участие выборных в работе Государственного совета. Все это показывает, что не только Николай II, но и Витте не проявили в конце 1904 г. понимания политической обстановки в стране и отставали от бурно развивавшихся событий.

Витте не вышел за рамки чиновничьей бюрократической среды при описании событий, связанных с началом революции 1905 г. Жизнь страны, борьба рабочих, начавшийся подъем крестьянского движения — все это осталось вне поля его зрения и интересов. Однако он метко схватил и отразил на страницах своих «Воспоминаний» связь между военными поражениями на полях Маньчжурии и ростом революционных настроений в стране.

Из поездки в Портсмут Витте вернулся в сентябре 1905 г., поэтому непосредственно участия в выработке положения о Булыгинской совещательной думе не принимал. Однако обсуждение этого вопроса началось еще до его отъезда в Портсмут. Передавая господствовавшие настроения, он указывает, что среди правящей верхушки дворянства и чиновней бюрократии в то время было широко распространено убеждение, что сила, на которую правительство может положиться «при настоящем смутном и революционном состоянии России, есть крестьянство, что крестьяне представляют собой консервативный

оплот государства, а поэтому и выборный закон должен быть основан главным образом на крестьянстве, т. е., чтобы Дума была по преимуществу крестьянской и выражала крестьянские взгляды». Размах крестьянского движения весной и в начале лета 1905 г. еще не излечил дворянство от иллюзий, что крестьянство является оплотом консерватизма. Но этому «оплоту» твердо отводилось лишь по одному месту на губернию. Руководящую роль в Думе дворяне оставляли за собой.

Характеризуя политические настроения других классов и слоев общества, Витте указывает, что интеллигенция колебалась между буржуазной конституцией и буржуазной республикой. Точнее, русская интеллигенция выступала за народное представительство, в котором она могла бы играть решающую роль, так как «народ еще темен». Что касается дворянства, то оно, по словам Витте, уже сто лет добивалось конституции. Еще во времена Александра I дворянство подняло вопрос «о введении конституции в России и ограничении самодержавного монарха». Политика Александра II, выразившаяся в создании земских и городских учреждений, «несомненно, рано или поздно естественным социальным путем приводит к конституции сверху», — писал Витте. Именно этот путь казался ему самым естественным и приемлемым. Но этого не случилось, так как правительство, т. е. те же дворяне, систематически вело борьбу с земскими учреждениями.

Витте не мог не отметить появления новых классов — буржуазии и пролетариата — и усиление классовой борьбы в России. Витте считал позицию дворянства революционной, ибо оно «несомненно, хотело ограничения государя, но хотело ограничить его для себя и управлять Россией вместе с ним». (Курсив наш. — А. С.)

Витте был не прочь выдать буржуазии аттестат в революционности и всячески преувеличить ее симпатии к революции. Однако он прав, говоря, что буржуазия и дворянство собирались делить власть между собой и это их устраивало. «Дворянство увидело, что ему придется делить пирог с буржуазией — с этим оно смирилось, но ни дворянство, ни буржуазия не подумали о сознательном пролетариате». (Курсив наш. — А. С.)

Между тем революционная борьба пролетариата России и явилась тем основным фактором, который заставил буржуазию поправять и пойти на соглашение и с дворянством и с самодержавием. С этой точки зрения Витте оценивал расстановку классовых сил реальнее, чем русские меньшевики, считавшие буржуазию силой революционной.

Витте был убежден, что совещательная Дума никого не удовлетворит, что она неспособна что-либо изменить в государственном строе России и должна превратиться в парламент. Он считал возможным два исхода: или Дума будет «навсегда закрыта или перейдет в обыкновенный тип парламента, хотя бы с весьма ограниченными полномочиями». Но именно такой тип «парламента» вполне отвечал интересам российской буржуазии и самого Витте.

* *
*

Рассказ Витте о начале революции 1905 г. (9 января) интересен некоторыми деталями. В нем подтверждается полицейский характер зубатовских организаций, созданных Плеве, говорится о доверии Плеве и петербургского градоначальника Фулона к Гапону.

Ограниченность рабочего законодательства в России являлась, по мнению Витте, «поводом к обострению отношений рабочих и фабрикантов у нас в России и к развитию и распространению между рабочими крайних воззрений с социалистическим, а иногда и революционным оттенком». Несмотря на то что в министерство Витте действительно были приняты некоторые законодательные шаги по урегулированию продолжительности рабочего дня и т. п., нет никаких оснований считать, что с его именем связаны какие-либо радикальные законопроекты в этой области. Закон об ограничении рабочего времени одиннадцатью с половиною часами являлся «вынужденной уступкой правительства... он *отвоеван* у полицейского правительства соединенными и сознательными рабочими»¹. Другие законодательные начинания правитель-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 277. В статье «Новый фабричный закон» (стр. 247—291) Ленин дал глубокую критику закона и разъяс-

ства (учреждение института старост, вознаграждение рабочих, пострадавших в результате несчастных случаев, законы 1903 г.), проникнутые полицейским духом, лишь частично обязывали фабрикантов оказывать рабочим незначительную материальную помощь. Несмотря на это, законы встретили сопротивление не только в среде дворянства, но, прежде всего, со стороны буржуазии, не желавшей принимать на себя дополнительные расходы. Витте в конце концов признал, что эти законы были «весьма урезаны» по сравнению с законодательством капиталистических стран Запада.

Витте умалчивает о том, кто был носителем и организатором революционных настроений среди рабочих, он не называет ни социал-демократической партии и не говорит о большевизме. По-видимому, Витте накануне революции 1905 г. очень мало знал о развитии русской социал-демократии, хотя и слыл среди царской бюрократии за большого знатока рабочего вопроса. Витте в несколько раз уменьшает количество жертв 9 января, называя минимальную цифру — только 200 человек. Он считает, что эти события были использованы для возмущения народа, а «на благоразумных» людей они произвели «дурное» впечатление. Зато он подробно описывает «смуту» и шатания в рядах правительства и появление на посту петербургского генерал-губернатора генерала Трепова. Характеристике Трепова, «вахмистра по образованию», политического невежды, «поставившего», однако, нескольких министров внутренних дел, Витте уделит несколько страниц, не забыв упомянуть и о том, что он представил Николаю II в 1906 г. список кадетских министров. Подробно рассказывает Витте и о той бумажной работе, которая была проведена в осуществление указа 12 декабря 1904 г., о бесплодной работе комиссии Шидловского по рабочему вопросу, замененной мертворожденной комиссией Кокцовова. Однако после кровавых событий 9 января 1905 г. для всех было ясно, что Николай «не придает значения реформам», обещанным в декабре.

нил рабочим, как чиновники министерства финансов стояли на страже интересов капиталистов. Ленин выражал уверенность, что закон даст «новый толчок рабочему движению в России». Это вполне подтвердилось уже в 1903 г.

Витте метко схватил и отразил на страницах «Воспоминаний» непосредственную связь между военными поражениями на полях Маньчжурии и ростом революционного настроения в стране. Каждое новое поражение возбуждало против царя «все силы русского населения», — пишет он.

Заключительные страницы второго тома «Воспоминаний» показывают состояние революционного движения в различных районах страны накануне 17 октября: Польша находилась в «открытом восстании», но там были крупные военные силы, Сибирь «находилась в полной смуте», Одесса — была «совершенно революционизирована». Если верить Витте, то после возвращения из Америки в сентябре 1905 г. он уже ясно видел, что «смута растет и не по дням, а по часам, все усиливаясь и усиливаясь». Витте оговаривается, что он не имел точных сведений, и все же дает фактическую картину, близкую к действительности ¹.

Вместе с тем при всех условиях Витте желал, чтобы самодержавие, пусть ограниченное, сохранилось в России и чтобы в этой власти «Россия скорее нашла свое равновесие». Витте остается верен себе, описывает ли он свою деятельность в мирные годы, предшествовавшие революции, или рассказывает о первых месяцах революции. Он винит правительство и царя в том, что они долгие годы «игнорировали» потребности населения, в том, что втянули страну в позорную войну. Он даже готов признать, что режим, «под которым жила Россия, оказался совсем несостоятельным — гнилым».

Это, конечно, важнейший вывод и резкий приговор царскому строю, произнесенный одним из активнейших и выдающихся деятелей этого строя. Но самое существенное заключалось в тех предложениях, советах и политических планах, которые представил этот убежденный противник революции, чтобы вложить в обветшалые формы новое содержание, попытаться оздоровить и укрепить умирающий строй.

¹ В архиве сохранились «сводь» революционного движения в России, написанные чиновниками министерства финансов, которыми Витте мог пользоваться и опираться на них в своих «диктовках».

Во втором томе «Воспоминаний» много материалов по внешнеполитическим вопросам. Еще во время коронации Николая II Витте выступал в качестве дипломата, ведя переговоры с представителем Китая Ли Хун-чжаном о постройке железной дороги в Маньчжурии. Соответствующие главы «Воспоминаний», в которых Витте рассказывает о переговорах с Ли Хун-чжаном, а также с маркизом Ито (Япония) о Портсмутском мире, представляют ценнейший первоисточник, правда в ряде случаев нуждающийся в поправках. Необходимо сказать, что в качестве дипломата Витте проявил недюжинные способности: ясный ум, глубокое понимание основной цели, к которой стремился, умение заинтересовать партнера, создавать в ходе переговоров нужную политическую ситуацию, умение опереться не только на авторитет власти, но и на силу банковского капитала, особенно иностранного. При этом Витте не останавливался перед прямым подкупом своих партнеров. Ко времени приезда в Россию китайского сановника Ли Хун-чжана был создан 10-миллионный фонд, из которого он и другие китайские сановники время от времени получали взятки.

Дальневосточный узел русской политики завязался в связи с разгромом Японией Китая и заключением Симоносекского мира в 1895 г., по которому Япония пыталась внедриться на материк Азии. Возник вопрос, как должна вести себя Россия, и тут, по свидетельству Витте, у молодого императора появились захватнические настроения по отношению к азиатским странам.

Возможно, что министр финансов учел эти настроения императора при выработке линии поведения в связи с поражением Китая и захватническими требованиями Японии. В Особых совещаниях именно Витте решительнее других высказался за то, чтобы не допустить осуществления условий договора между Японией и Китаем, по которому Япония приобретала Ляодунский полуостров. Это Витте принадлежит мысль, что не следует опасаться предъявления Японии ультиматума и можно пойти на риск войны, если Япония не захочет отступить. Ему же

принадлежит инициатива предложить Китаю заем, реализованный при помощи французов. Но эта политика на той стадии была направлена в основном против Японии, а не против Китая.

Симоносекский мирный договор от 17 апреля 1895 г. был, несомненно, невыгоден для России. Более того, он представлял для царизма «прямую угрозу, создавая для японской агрессии опорный пункт на материке в виде Порт-Артура и Ляодунского полуострова, находившихся в непосредственной близости от Кореи и русских дальневосточных владений»¹. Как известно, политика царского правительства, активным проводником которой был Витте, была поддержана Германией и Францией и заставила Японию отступить. Но правящие круги России решили использовать эту помощь Китая в собственных интересах и усилить свое экономическое положение в Китае.

Продолжением этой политики были переговоры Витте с Ли Хун-чжаном во время приезда его на коронацию Николая II. Однако Витте напрасно старается внушить читателям, что такое предприятие, как постройка Китайско-Восточной железной дороги, имело «только экономическое значение», служило только оборонительным целям, было инструментом внутренней политики и «не должно было служить орудием для каких бы то ни было новых захватов». Это коренное положение концепции Витте рассчитано на то, чтобы ввести в заблуждение доверчивого читателя и возложить ответственность за дальнейшее развитие событий на Дальнем Востоке на совесть других лиц, открыто стремившихся к захватам китайской территории, в то время как он, Витте, якобы стремился лишь сохранить целостность и независимость Китая.

Между тем в ходе переговоров Витте с Ли Хун-чжаном выдвигался, прежде всего, вопрос о перевозке русских войск для поддержания целостности Китая от посягательств Японии. Оборонительный союз, заключенный между Россией и Китаем, полоса отчуждения вдоль КВЖД (охранные войска и т. д.) — все это плохо укладывается в рамки версии Витте о якобы только экономическом

¹ А. Л. Нарочницкий, Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке. 1860—1895, М., 1956, стр. 689—690.

значении Китайско-Восточной железной дороги. Согласие Китая на строительство дороги явилось такой уступкой, которая не имела «прецедентов в предшествующей истории отношений Китая с иностранными державами»¹. Проведение железной дороги на тысячи километров по территории другого государства неизбежно преследует и политические цели².

Через неделю после подписания союзного договора России с Китаем был подписан договор с Японией (28 мая/9 июня 1896 г.) о совместном протекторате над Кореей. С Кореей Россия подписала секретное соглашение о русском военном инструктаже и русском управлении финансами страны³. Таким образом, подписание соглашения о строительстве КВЖД совпало с рядом политических соглашений с Японией и Кореей и организацией Россией банков для Китая и Кореи. Правда, формально договор с Китаем на строительство дороги был подписан с Русско-Китайским банком, а не с правительством, но на деле банк и организованное при нем Общество Китайско-Восточной железной дороги являлись филиалом министерства финансов. Казна вложила в строительство дороги до 400 млн. руб. и все время оставалась хозяйкой и банка и дороги. И в том, и в другом учреждении сидели люди, в большинстве своем назначенные министром финансов. «Комбинат дорог и банка составил на чужой территории как бы государство в государстве или сэттльмент — со своими судами, военной охраной, населенными пунктами городского и сельского типа... школам, даже таможенной привилегией»⁴. Созданный царизмом для борьбы с иностранной конкуренцией мощный комбинат был вооружен не

¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 730, Историческая справка о важнейших для России событиях на Дальнем Востоке в 1898—1900 гг.

² Исследованию целей политики России на Дальнем Востоке посвящены две капитальные монографии проф. Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии (1892—1896 гг.)», Л., 1928, и «Очерки дипломатической истории русско-японской войны. 1895—1907», М., 1955, выпущенной двумя изданиями. Этой же теме посвящены работы В. Я. Аварина («Борьба за Тихий океан», М., 1952) и ряда других авторов.

³ См. Б. А. Романов, Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 37.

⁴ Там же, стр. 38.

только экономически, но и располагал огромной силой внеэкономического принуждения. Читателю следует помнить об этом, когда он встретится со словами Витте о чисто экономических целях России в Китае.

Вслед за соглашением о строительстве КВЖД Китайский банк получил право участвовать в железнодорожных предприятиях «повсеместно в Китае» и начал предъявлять претензии на новые железнодорожные концессии. Вскоре министр финансов заговорил о «желательности» выхода к Тихому океану. План Витте состоял в экономическом завоевании части Китая при помощи железных дорог и деятельности банка, а не открытым захватом.

Страницы «Воспоминаний», посвященные внешнеполитическим вопросам, очень интересны. Витте дает портреты лиц, в руках которых находилась внешняя политика России. Особенно отрицательную характеристику он дает графу Муравьеву, считая его назначение министром иностранных дел роковым, приведшим «к самым ужасным последствиям» и навлекшим на Россию «громадные бедствия». Витте считал Муравьева главным виновником захвата у Китая Порт-Артура.

Однако дело не только в позиции Муравьева. В царском правительстве вообще были сильны круги, стремившиеся к захватам за счет Китая. К ним принадлежал и вновь назначенный военный министр Куропаткин, претендовавший на всю Квантунскую область под тем предлогом, что «без этого мы не будем в состоянии защищать Порт-Артур и Даляньвань в случае войны». Это свидетельство Витте о позиции Куропаткина весьма интересно, если иметь в виду, что в дальнейшем Витте активно работал над тем, чтобы помочь министерству иностранных дел добиться «законного» оформления захвата Квантунской области на основе договора с Китаем.

Что касается японского правительства, то оно пыталось нейтрализовать и предотвратить дальнейшие успехи России в Маньчжурии. Результатом этих попыток явилось русско-японское соглашение 1898 г. по корейскому вопросу. Витте расценивает это соглашение как крупную уступку со стороны России.

Глава «Воспоминаний» о занятии Ляодуна заканчивается заверениями Витте, что его рассказ не может пре-

тендовать ни на «систематичность, ни на полную точность» и что в его задачу входило лишь рассказать о событиях «беспристрастно и добросовестно». Однако мы уже видели, что «беспристрастие» весьма часто изменяет автору, особенно в тех случаях, когда ему надо сказать о собственной роли в политике, проводившейся правительством. «Воспоминания» не показывают, например, тяжести новых налогов, которые легли на плечи народных масс России в связи с политикой царизма на Дальнем Востоке. Потребовалось провести железную дорогу до Порт-Артура, построить новый порт — Дальний и построить флот. Витте признает, что вне государственной росписи на 1898 г. он отпустил 90 млн. руб. на сооружение флота и благодаря этому восстановил «доброжелательное» отношение к себе со стороны царя. Но и названная Витте сумма в 90 млн. руб. была только малой частью чрезвычайных ассигнований¹.

В «Воспоминаниях» Витте иногда подчеркивается, что «захват Китая» европейскими державами является основной причиной крестьянского восстания ихэтуаней, а иногда Витте необоснованно рассматривает это восстание только как следствие политики, «внушенной Муравьевым». Разумеется, это вредное преувеличение, поскольку в том, что восстание возникло, были повинны правящие классы ряда государств. Сознывая, по-видимому, что он «увлекся», Витте временами выправляет свои заявления признанием, что царское правительство шло вместе и «во главе с европейскими державами». И тем не менее Витте недооценивает роли Японии, Англии и Германии в подавлении крестьянского движения в Китае. Групповая и личная борьба Витте со своими противниками приводит его к субъективным оценкам и резкому преувеличению роли царских войск («Мы осадили Китай» и т. п., в то время как европейские государства и Япония вместе осаждали Китай).

¹ Витте рассказал о них в брошюре «Вынужденные разъяснения графа Витте по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией», СПб., 1909. По данным, приводимым Витте, в 1903 г. военные расходы равнялись 37,6%, платежи по займам — 22% бюджета, а на все прочие потребности государства оставалось только 542 млн. руб., или 42% бюджета. См. ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 716, рукопись «Отзвуки русско-японской войны».

Россия занимала в Китае сепаратную позицию, надеясь на соглашение с правительством Китая, корыстолюбивый представитель которого Ли Хун-чжан вступил в тайную сделку с русским правительством. Витте не являлся сторонником освобождения Маньчжурии и возвращения ее китайскому правительству. Витте предъявлял к Китаю «грандиозные притязания», которые должны были укрепить влияние России «на началах монополии и ограничения «сюзеренных» прав пекинского правительства в Маньчжурии, и привести к формальному расширению «сферы интересов» России до размеров застенного Китая»¹. Витте не считал удобным, чтобы Маньчжурия была открыто занята русскими войсками, но он столь же решительно стремился путем экономических мер и политических уступок со стороны Китая сохранить ее за царским правительством. Витте понимал, что открытая оккупация Маньчжурии явится источником острых международных конфликтов. Однако экономические и политические требования, предъявленные Китаю, были настолько тяжелы, что их не смог принять даже Ли Хун-чжан, которому на этот раз был обещан миллион рублей². Проект соглашения попал в руки англичан и вызвал бурю протестов со стороны партнеров царского правительства — Англии, Японии и США. В результате попытки России укрепить свое положение в Маньчжурии до окончания общих переговоров интервентов с китайским правительством провалились.

С приходом к власти в 1901 г. правительства Кацура японская политика стала принимать все более острое антирусское направление. Тем не менее кое-кто из государственных деятелей Японии продолжал высказываться в пользу соглашения с Россией. Так, в конце 1901 г. маркиз Ито предпринял поездку в Петербург. Когда Витте писал свои «Воспоминания», ему уже было известно, что во время пребывания Ито в Петербурге в Лондоне

¹ См. об этом *Б. А. Романов*, Россия в Маньчжурии (1892—1896 гг.), стр. 290—291.

² Там же, стр. 296—300. Романов приводит окончательный текст сепаратного соглашения, трижды переработанный на совещании трех министров. См. *его же*, Очерки дипломатической истории русско-японской войны, стр. 131.

велись и фактически заканчивались переговоры между Англией и Японией о заключении договора. Поэтому Ито «спешил» завершить переговоры с Россией, «дабы предотвратить соглашение Японии с Англией и во всяком случае дать этому соглашению другое направление». Витте выступал как сторонник соглашения с Японией, но «наверху» его проект соглашения не встретил сочувствия. Между тем, по твердому убеждению Витте, можно было бы избежать войны с Японией, если бы принять предложения Ито. Виновниками того, что этого не случилось и началась война, Витте считает Безобразова и его группу. Возникает вопрос, насколько убедительны эти рассуждения Витте для конца 1901 г., когда шли переговоры с Ито. Витте не излагает хода переговоров, не рассматривает японских предложений или русских контрпредложений. Но вышедшие в свет новые работы ¹ и опубликованные документы об англо-японском союзном договоре скорее подтверждают ту точку зрения, что русское правительство не могло предотвратить англо-японского соглашения 1902 г. Да и сам Витте писал, что требования Ито были таковы, что «соглашение с Японией было невыносимо». Составленный Ламздорфом проект контрпредложений был представлен «Витте на заключение» 27 ноября 1901 г. и последний внес в него лишь «две незначительные поправки» ². Именно этот проект и получил Ито будучи уже в Берлине и отверг его как неприемлемый. Более того, русский ответ запоздал, так как он поступил в декабре, а 25 ноября (ст. стиля) в Токио было принято решение о подписании договора с Англией ³.

Поэтому суждения Витте о миссии Ито неубедительны и довольно безапелляционны: он прямо связывает неудачу этой миссии с войной с Японией, которая началась два года спустя. Подобный субъективизм в изложении исторических событий лишает «Воспоминания» подлинной достоверности. Однако свидетельство Витте о том, что в правительстве господствовали настроения о невозможности

¹ См. А. Гальперин, *Англо-японский союз*, М., 1947.

² Б. А. Романов, *Россия в Маньчжурии (1892—1896 гг.)*, стр. 335.

³ См. Б. А. Романов, *Очерки дипломатической истории русско-японской войны*, стр. 155; *его же*, *Происхождение англо-японского договора 1902 г.*, «Исторические записки» № 10, 1941 г., стр. 40—66.

войны с Японией, были правильны, так же как и то, что в 1902—1903 гг. в правительственной верхушке не было единодушия по вопросам политики в Китае и Корее.

На почве противоречий по вопросам дальневосточной политики отношения Витте с царем испортились, его авторитет пошатнулся, особенно когда к группе его противников присоединился Плеве, назначенный после убийства Сипягина министром внутренних дел. Витте обратился за помощью к князю Мещерскому, с которым Николай II «был на ты», попросив его написать царю об опасности принятого курса. Однако и это не помогло. Николай одобрил политику Безобразова — Алексева — Плеве. На Дальнем Востоке было образовано наместничество, а Витте 16 августа 1903 г. получил отставку. Сам Витте объясняет отставку «почти исключительно» разногласиями в области внешней политики. Николай колебался в выборе лица, от которого следовало избавиться — от Витте или Безобразова, и только вмешательство Плеве склонило чашу весов в пользу Безобразова ¹.

Уход Витте с поста министра финансов и назначение его на высший пост в государстве — председателем Комитета министров — на деле означали опалу: прекратились личные встречи с императором, которого он больше «наедине не видел». В это время начались дипломатические переговоры с Японией, которые с русской стороны вел адмирал Алексеев, находившийся в Порт-Артуре. Николай был убежден, что войны не будет, так как он ее не хочет, но одного желания царя было уже недостаточно. Необходимо было достичь соглашения с Японией. Между тем министр иностранных дел, по существу, был отстранен от переговоров и играл роль «передатчика» чужих решений. Эти решения определялись словами, сказанными Плеве Куропаткину: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». Они метко характеризовали политическую обстановку в России и настроения в господствующих сферах.

Витте дал очень яркую и злую характеристику Куропаткину. Он считал Куропаткина одним из главных

¹ Вопрос о безобразовском кружке освещен в работах Б. А. Романова «Россия в Маньчжурии (1892—1896 гг.)», В. Авариной «Империализм в Маньчжурии», т. I, М.—Л., 1934, стр. 61—91.

виновников войны, так как тот «побуждал государя к политике захвата и пренебрежения интересами Китая и Японии».

Глава «Воспоминаний» о заключении второго торгового договора с Германией в 1904 г. показывает, что новые экономические уступки Германии за счет сельского хозяйства России были продиктованы желанием сохранить германский денежный рынок для финансирования русско-японской войны. Только обеспечив эти условия, Витте подписал новый торговый договор, еще более выгодный для Германии, чем договор 90-х годов. Другая интересная «деталь» касается предложения японского посла в Лондоне Гаяши о заключении выгодного мира с Россией до падения Порт-Артура. Витте подтверждает, что Гаяши, воспользовавшись пребыванием Витте в Берлине, действительно «делал это предложение». Об этом предложении Витте довел до сведения царя, который ждал от армии побед над японцами, а потому не заинтересовался этим сообщением¹. По возвращении Витте из Берлина Николай II даже не разговаривал с ним «об этом деле».

Однако после проигрыша Мукденского сражения и трагического исхода Цусимского боя Николай понял, что необходимо предпринять решительные меры, чтобы Россию не постиг удар, чреватый последствиями для царствующего дома. Царское правительство нашло выход в заключении мира с Японией.

Витте, как известно, играл решающую роль в заключении Портсмутского мира. Несмотря на то что основные документы о ходе переговоров русское правительство опубликовало², глава «Воспоминаний» Витте по этому вопросу представляет большой интерес.

¹ Рассказ об этом в «Воспоминаниях» Витте, как мы убедились на основе изучения личного архива Витте, находит полное документальное подтверждение.

² «Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией», СПб., 1906; «Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора», СПб., 1906. Кроме того, часть документов опубликована в «Красном архиве» № 6, 7, М., 1924—1925 г.

Опубликованы также воспоминания Розена, второго депутата и Каростовцева, одного из секретарей делегации. Из истории

Витте не приводит в ней документов, хотя мог бы это сделать. Характерно, что почти за год до назначения его главой делегации японские дипломаты интересовались личностью Витте: виконт Гаяши пытался секретно поведать Витте, чтобы переговорить, «не представляется ли возможным примирить интересы России и Японии на Дальнем Востоке и прекратить кровопролитную войну»¹.

Витте остроумно описал, как Нелидов и Муравьев отказывались от предложений царя возглавить делегацию для переговоров о мире, и, наконец, против своего желания царь назначил Витте. Царь высказался против уступок территории и уплаты контрибуции. Великий князь Николай Николаевич, информируя Витте, сказал, что русская армия «не может более терпеть такого крушения, которое она потерпела в Ляояне и Мукдене», и выразил уверенность в военных успехах русской армии.

Отношение Витте к продолжению войны с Японией объясняет, почему царь не обратился сразу к Витте, а намечал других кандидатов. Витте торопил царя начать мирные переговоры с Японией, «чтобы хотя немного успокоить Россию» и провести в скорейшее исполнение обещания, данные 18 февраля 1905 г. Булыгину². В письме

ческих исследований, посвященных Портсмутской конференции и роли в ней Витте, отметим работы Б. А. Романова «Портсмутская мирная конференция» (см. «Исторические записки» № 46, 1954 г., стр. 63—126), его же «Очерки дипломатической истории русско-японской войны», стр. 494—578, и А. Гальперина, «Дипломатическая подготовка Портсмутской мирной конференции японо-англо-американским блоком» (см. «Исторические записки», т. 50, стр. 169—223).

¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 265/295. Письмо Рутковского к Бенкендорфу, 14/27 апреля 1904 г. Посредником выступал барон Экарштейн, который через Рутковского пытался выяснить, не согласился ли бы Витте на свидание с Гаяши.

² В архиве сохранилась подлинная запись разговоров Витте с великим князем Николаем Николаевичем, сделанная рукой Витте. На листке помета — июнь 1905 г., но точно даты не указано. Документ подтверждает справедливость изложения этого вопроса в «Воспоминаниях». Николай Николаевич выражал настроения тех кругов военщины, которые на майском совещании 1905 г., на котором присутствовал император, ратовали за продолжение войны. Он сказал Витте: «Наша армия ныне находится в таком состоянии, что ожидать тех отступлений и уронах, которые мы система-

к царю Витте прямо указывал: «Продолжение войны более нежели опасно: дальнейшие жертвы страна при существующем состоянии духа не перенесет без страшных катастроф. Чтобы продолжать войну, нужны огромные деньги и обширный набор людей. Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи. Россия потеряет кредит, и все заграничные держатели наших фондов (между прочим, вся французская буржуазия) сделаются нашими врагами». «Так же бесперспективно,— писал Витте,— и наше военное положение. Куропаткин не удержится в Телине, а его дальнейшее отступление приведет к потере Уссурийского края. Рождественский не может иметь успеха»¹. Витте считал, что, несмотря на все перенесенные неудачи (до Цусимы), «мирные условия не будут ужасающими». После Цусимы мирные условия ухудшатся, он во избежание победы революции также настойчиво рекомендовал скорее приступить к заключению мира.

За несколько дней до назначения новой делегации Витте написал письмо графу Гейдену, начальнику походной канцелярии императора. Будучи уверенным, что содержание его письма будет доложено императору, Витте писал: «Я держался мнения, что нужно было заключить мир до Мукденского сражения, тогда условия мира были хуже, чем до падения Порт-Артура... Я держался мнения, что нужно заключить мир, когда Рождественский появился в Китайском море. Тогда условия были бы почти такие, как и после Мукденского боя. Наконец, я держусь мнения, что следует попытаться заключить мир до нового боя с армией Линевича. Конечно, условия будут очень тяжелы, но в одном я уверен, что после боя с Линевичем они будут еще тяжелее. После взятия Сахалина и Владивостока они будут еще тяжелее». Позиция Витте была очень неприятна царю и военным кругам, ратовавшим за продолжение войны.

тически претерпевали с самого начала войны, невозможно; 2) напротив, можно с вероятностью ожидать, что теперь мы начнем теснить японскую армию и отодвинем ее за Ялу и Квантунский полуостров. См. ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 710.

¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 265/295. Письмо Витте к царю, 28 февраля 1905 г.

Витте, как мы видели, не верил в возможность передела в ходе войны в пользу России и спешил склонить правительство в сторону мира. Заключение мира являлось для Витте желательным и по внутренним причинам (противодействие революции), и по финансовым соображениям.

Россия стояла перед финансовым крахом, так как вела войну в долг, а на новый серьезный заем рассчитывать не могла, ибо «никто более России денег не даст». Витте все это учитывал и, будучи главой делегации, успешно справился с трудной дипломатической миссией. Либеральные историки считают, что Витте «при содействии президента Рузвельта» добился более благоприятных результатов, «чем можно было ожидать вначале». Однако вышедшие в последнее время исторические исследования и особенно архивные источники показывают, что поддержка Рузвельта «больше относилась к японским требованиям, а не к позиции России»¹. Японские источники указывают, что Витте мог добиться лучших результатов по вопросу о Сахалине².

Еще более определенны свидетельства секретаря русской делегации в Портсмуте — Плансона, бывшего в курсе всех закулисных влияний на русскую делегацию³. Рузвельт не только приглашал (через Пирса) Витте прислать «доверенное лицо» (таким лицом явился второй делегат барон Розен), но неоднократно обращался с письмами к Витте и телеграммами к Николаю, настойчиво советуя заключить мир на основе японских предложений. Эти предложения, как известно, заключались в основном в том, что Япония возвращала России Северный Сахалин, за который Россия уплачивала Японии 1200 млн. иен вознаграждения. Именно это предложение, по мнению Рузвельта, и явля-

¹ Б. А. Романов, Портсмутская мирная конференция, «Исторические записки» № 46, 1954 г., стр. 63—126; А. Добров, Дальневосточная политика США в период русско-японской войны, М., 1952, стр. 292—347.

² К. Исии, Дипломатические комментарии. Однако Романов достаточно убедительно показал, что еще 13 августа Витте сообщил японцам об уступке южной половины Сахалина.

³ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 982. Все дело состоит из неопубликованного отчета секретаря конференции Плансона о работе конференции.

лось наиболее выгодным для России ¹. По свидетельству Плансона, вмешательство президента в ход работы конференции было «в пользу Японии». Энергичная деятельность Рузвельта в пользу Японии являлась следствием желания «во что бы то ни стало выхлопотать для японцев крупную сумму денег» ². Но нажим Рузвельта встретил достаточно твердый отпор со стороны Витте, не проявлявшего желания идти на дальнейшие уступки. Витте сообщил на частном заседании Комура, что требование денег отвергнуто. На следующий день он подтвердил, что предложенные им условия — уступка южной половины Сахалина — «окончательные» и никаких новых предложений он не станет даже передавать в Петербург. Учитывая обстановку, в которой находились царское правительство, страна и армия, Витте заключил мир с возможно меньшими потерями.

Проезжая через Францию в Портсмут, Витте, прежде всего, старался обеспечить заем, необходимый как в случае продолжения войны, так и в случае мира. От союзницы Франции Витте получил твердый наказ «заключить мир», так как Франция нуждалась в том, чтобы силы русской армии находились на берегах Вислы, а не в Маньчжурии. Французы же требовали от России поддержки их в спорах с Германией.

Вместе с тем французские буржуазные деятели резко высказали свое мнение о внутреннем положении России. Они считали, что «без системы представительства и конституции Россия более идти не может». Мнение французских деятелей оказало определенное влияние на Витте. Чтобы помочь Франции уладить Марокканский вопрос с Германией, Витте получил специальное разрешение заехать к Вильгельму II и постараться наилучшим образом выполнить взятые перед французами обязательства.

Заключение мира в Портсмуте явилось крупной услугой, оказанной Витте самодержавию. Николай II оценил это. Несмотря на личное к нему нерасположение, он присвоил Витте графский титул.

В ряде мест «Воспоминаний» Витте разбросаны его замечания относительно европейской политики России.

¹ ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 982, л. 100.

² Там же, л. 109. (Курсив наш.— А. С.)

Существо их сводится к следующему. Русско-французский союз был реальным противовесом растущей мощи Германии. Этот союз обеспечивал большую часть финансовых потребностей царского правительства. Союз с Францией выдержал испытания, связанные с русско-японской войной и событиями первой русской революции. Французское золото позволило, прежде всего, покрыть финансовые прорехи царизма и сохранить золотую валюту.

Витте недоверчиво относился к Англии из-за той политики, которую она проводила по отношению к России в период русско-японской войны. В то время Николай и все его окружение придерживались той же точки зрения, что и Витте. При таком отношении в высших сферах попытки англичан заключить политическое соглашение с Россией не могли быть успешными. Только после ухода Витте от активной государственной деятельности, а именно 31 августа 1907 г., было подписано англо-русское соглашение по делам Персии, Афганистана и Тибета. Витте уделил много внимания этому соглашению; он подробно доказывает его невыгодность для России, отказываясь признать за ним самостоятельную ценность и значение. Это был ошибочный взгляд, вытекавший из непонимания им глубины противоречий между Англией и Германией и того, насколько ослабло царское правительство в результате войны и революции.

III

Последний, третий том «Воспоминаний» посвящен периоду с 17 октября 1905 г. до 1911 г. Витте рассказывает в нем о событиях революции 1905—1907 гг., о деятельности Государственных дум, освещает ряд вопросов, касающихся карательных экспедиций, займа 1906 г., обстоятельств своей отставки, полемики с Гучковым и т. д. В этот период внимание Витте привлекает деятельность Трепова, великого князя Николая Николаевича, Столыпина. Витте вскрывает основы эволюции царизма под влиянием революции 1905 г. и новой аграрной политики Столыпина.

Глава «Воспоминаний» о манифесте 17 октября 1905 г., несомненно, представляет наибольший интерес. Объяс-

няется это не только тем, что Витте играл решающую роль в подготовке этого документа, но также тем, что вся глава написана нарочито в целях оправдания от предъявленных ему обвинений, будто он, Витте, вынудил императора издать этот манифест. Такое мнение высказывала императрица, а также лица, «не умные и притом подлые, хотя и титулованные», из придворного окружения. Учитывая все это, Витте заранее стал собирать документы по истории манифеста 17 октября. Он составил специальную «справку», которую привел в тексте. Опубликованный автором материал подтверждает, что во время Октябрьской забастовки Витте действительно был сторонником политических уступок правительства, сторонником обещаний законодательной Думы и политических свобод. Правда, 9 октября 1905 г. во время визита к императору Витте предложил Николаю II альтернативу: или политику уступок, или переход к диктатуре, «дабы с непоколебимой энергией путем силы подавить смуту во всех ее проявлениях». Каждый из предлагаемых им путей требовал привлечения соответствующих людей. Себя Витте не считал подходящим кандидатом для осуществления политики открытой военной диктатуры. Царь не сразу остановился на определенном решении. По-видимому, не недостаток кандидатов в диктаторы, а оценка состояния армии и петербургского гарнизона, неуверенность в войсках окончательно склонили чашу весов в пользу плана уступок, предложенного Витте. В Петербурге не было войск, чтобы «восстановить движение железной дороги хотя бы от Петербурга до Петергофа». За план, предложенный Витте, высказался и командующий гвардией великий князь Николай Николаевич.

Интересны детали разногласий Витте и Николая II в отношении манифеста. Николай хотел, чтобы все свободы были объявлены в царском манифесте, а Витте добивался, чтобы манифеста не было, а была бы утверждена программа, изложенная им в специальном докладе, в котором правительству предлагалось выполнить волю царя «даровать эти свободы, что предполагает еще последующую работу правительства».

Возня вокруг манифеста объяснялась желанием Николая II лично «даровать» свободы и выиграть в глазах

общества. Витте добивался, чтобы Николай утвердил программу деятельности правительства, разработанную им, которая будет осуществляться постепенно, с бюрократической осторожностью. Кроме того, Витте не без основания опасался расхождений между своей программой и манифестом, два проекта которого были представлены Николаю также правыми кругами. Витте правильно считал, что одновременное опубликование двух документов «породит сразу сомнения в силе и крепости тех начал, которые в этом докладе изложены».

Упорство Витте вызывало раздражение и недовольство Николая II. В конце концов Витте отступил, а Николай утвердил и доклад Витте и одновременно подписал манифест, представленный Витте. Поэтому оба документа были опубликованы в один и тот же день. Однако до последнего момента Николай колебался и только категорическое заявление великого князя Николая Николаевича «о невозможности, за недостатком войск, прибегнуть к военной диктатуре» окончательно склонило Николая II на сторону Витте.

Витте уделяет много внимания «страху» и «растерянности» Николая Николаевича, советам гапоновца Ушакова, с которым встречался Николай Николаевич, дать конституцию. В действительности, все эти соображения должны были отступить на задний план перед здоровой и реалистической оценкой положения в армии и неуверенностью в том, что военных сил достаточно для подавления революции. Расчет Витте был прост. Он считал, что «нет выхода без крупных преобразований, могущих привлечь на сторону власти большинство общественных сил». Правительство, сделав маневр, пошло на уступку. В. И. Ленин расценил манифест 17 октября 1905 г. как первую победу революции, как «один из великих дней русской революции»¹. Царское правительство вынуждено было пойти на уступку, так как здраво рассчитало, что «одержать полную победу оно ни в каком случае и безусловно уже не в состоянии, а потерпеть полное поражение оно очень и очень может»². Витте как бы подтверждает этот глубочайший вывод В. И. Ленина. Он писал в «Воспо-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 9, стр. 396.

² Там же, стр. 397.

минаниях», что новый «приступ мракобесия» совсем свалит царствующий дом. Надежды революционеров на это «были весьма основательны». Витте связывает эти расчеты с чувством отвращения, злобы и «презрения» к царю, с растерянностью правительства, которое, «не имея ни войска, ни денег, и не имея способности справиться с общим неудовольствием и бунтами, окончательно растерялось».

«Воспоминания» Витте дают большой материал, рисующий эту сторону дела: колебания верхов достигли предела. Витте составил очень дальновидный план. Только напрасно старался он убедить читателя в том, что оказался во главе правительства вопреки своему желанию. Витте расчетливо добивался победы и достиг своего.

Оказавшись во главе Совета министров, он начал свою деятельность с попытки сплотить и объединить вокруг правительства все силы буржуазно-помещичьей реакции. Поэтому он и пригласил представителей буржуазных партий — кадетов, октябристов и мирнообновленцев, чтобы сформировать правительство с участием буржуазии. На этих совещаниях присутствовали люди *«одной определенной стороны баррикады»*. И министры, и октябристы, и кадеты в совещаниях стояли на одной стороне баррикады. Историческая правда не допускает ни сомнений, ни перетолкований: это были совещания, переговоры правительства с контрреволюционной, либеральной буржуазией¹. Программа Витте сводилась к укреплению существующей власти и ослаблению демократии. В совещаниях лидеров буржуазии с Витте Ленин видел факт кардинального значения — выступление либеральной буржуазии против революции. «Вся либеральная буржуазия... — писал Ленин, — повернула сейчас же после 17-го октября *от демократии к Витте*. И это не случайность, не измена отдельных лиц, а переход *класса* на соответствующую его экономическим интересам контрреволюционную позицию»². Однако Витте не смог составить

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 381. Ленин придавал этим совещаниям большое значение и в 1911 г., когда начались взаимные разоблачения, раскрывавшие содержание переговоров 1905 г., написал статью «Начало разоблачений о переговорах партии к.-д. с министрами», Соч., т. 17, стр. 379—386.

² Там же, стр. 386.

правительство из сочувствующих идеям 17 октября. Либералы истолковывали манифест в своих интересах и, желая получить большие уступки, стремились закрепить за собой больше министерских постов, чем этого хотелось Витте. Малоубедительна критика со стороны Витте вождя октябристской партии Гучкова, в котором заговорила «аршинная душа»: он выступил сторонником ограничения власти императора «не для народа, а для нас, ничтожной кучки русских дворян и буржуа-аршинников определенного колера». Когда Витте отвергал домогательства «буржуа-аршинников», он и сам действовал не в интересах народа, а в интересах все тех же буржуа и помещиков. Он не хочет признавать этого и старается все свалить на происки правых. Но разве не в интересах тех же правых Витте настаивал на назначении министром внутренних дел П. Н. Дурново, хотя это ухудшало положение Витте как председателя Совета министров и мешало образованию блока с «общественными деятелями»? Напрасно Витте пишет, что он оказался в роли лишь «номинального главы правительства», что Трепов, хотя и ушел с поста официального диктатора, имел гораздо большее влияние на императора, чем он сам.

В главе об образовании кабинета Витте объясняет неудачу с привлечением либералов в правительство неспособностью общественных деятелей. В связи с этим может создаться неправильное представление, будто они занимали революционную позицию в переговорах с Витте. В действительности они также стремились к соглашению с царизмом, но требовали для себя чуть-чуть побольше власти. Для них был неприемлем П. Н. Дурново, которого Витте выбрал министром внутренних дел. Разошлись они и по вопросу о выборах в Государственную думу. Витте оставил в принципе неизменным Булыгинский проект выборов, который не находил одобрения и поддержки у таких правых лиц, как граф Бобринский и барон Корф. Перепуганные революцией, они тогда находили, что никакой проект невозможен, кроме крайне демократического.

Хотя политика Витте на посту председателя Совета министров еще малоизучена, но в одном, и главном, направлении — в его отношении к революции — она выступает в совершенно определенном свете: Витте возгла-

вил правительство вовсе не для того, чтобы идти на уступки левым элементам.

Глава «Беспорядки и карательные экспедиции» дает слишком слабое представление о борьбе царского правительства с революцией. Можно подумать, что Витте не был инициатором посылки карательных экспедиций во главе с генерал-адъютантами, хотя он считал эту меру «небесполезной». Не кто иной, как Витте, давал генерал-адъютантам письменную инструкцию, определявшую объем их компетенции¹. В «Воспоминаниях» Витте, конечно, многое скрывает, но он все же вынужден признать, что карательные экспедиции в Сибирь были посланы по его инициативе. В результате этих экспедиций во многих воинских частях, возвращавшихся в Россию с фронтов русско-японской войны, был водворен «порядок», слабо-вольный и нерешительный генерал Лицевич заменен более распорядительным генералом Гродековым и т. п. Витте далеко не полностью раскрывает случаи своего участия в борьбе с революцией. Но то, о чем он пишет, достаточно ясно показывает его активную контрреволюционную роль. Витте требовал, чтобы войска действовали против революционеров «решительно и энергично». Он телеграфировал наказному атаману в Ростов, чтобы тот, «ничего не стеснясь, задушил восстание в Ростове»². Он сообщал Николаю, что Красноярск придется брать штурмом. Однако в первую очередь он требовал «разделаться с остзейскими (т. е. прибалтийскими. — А. С.) губерниями»³. Он считал необходимым «принять решительные меры» для подавления революционного движения в Польше. В лице Витте революция имела опытного и решительного врага. Он был отнюдь не номинальным председателем Совета министров, каким был князь Голицын в феврале 1917 г. 20 ноября 1905 г. он решительно настаивал перед Николаем II на посылке в Москву нового генерал-губернатора — Дубасова⁴; уговаривал царя и великого князя

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. I, М., 1955, документ № 73, 74.

² Там же, документ № 91.

³ Там же.

⁴ Там же, документ № 408.

Николая Николаевича послать войска в Москву для подавления восстания. Дубасов и Витте осаждали царя, упрасывая его послать войска из Петербурга, «иначе город перейдет в руки революционеров, войск мало, еле хватит охранять железнодорожные вокзалы, так что самый город остается собственно без войска». В это дело Витте втянул и Трепова; он просил его «сейчас же пойти к государю и доложить ему, что я считаю безусловно необходимым выслать экстренно войска в Москву, что если город Москва перейдет в руки революционеров, то это будет такой удар правительству его величества, который может иметь неисчислимые дурные последствия». До сознания Николая не сразу дошла важность просьбы, ибо он просил самого Витте уговорить великого князя «послать войска в Москву». Еще меньше понял ситуацию великий князь Николай Николаевич, которому казалось, что его обязанность — не допустить восстания только в Петербурге.

Витте понимал положение лучше, чем специалист-военный, а потому продолжал настаивать на немедленной посылке войск. Во время этой перепалки, исход которой заранее трудно было определить, поступило приказание Николая II послать войска. По-видимому, кто-то в придворном окружении царя, возможно тот же Трепов, настоял на посылке войск, предвидя возможность потери Москвы.

Героем в глазах Витте является генерал Дубасов; «его мужество и честность спасли положение». Зная о том, что в Москве семеновцами были допущены невиданные зверства, массовые расстрелы невинных людей, Витте не решился осудить карателей даже спустя пять лет после расправы. Он выгораживает себя и Дубасова, расписывая благородство последнего. Он «не пожелал военных судов», пишет Витте, которые начали применять Дурново, а затем Столыпин. Витте даже лицемерно выступает в роли обличителя военных судов.

В действительности Витте осуждает практику применения военных судов только потому, что она слишком втянулась и вызывала общее недовольство. 15 декабря 1905 г. Совет министров выступил против военных судов только потому, что их существование ослабляло приме-

нение оружия войсками. На основе решения Совета министров от 15 декабря 1905 г. военный министр обратился с секретным циркуляром к командующим военными округами, в котором предписывалось «без всякого колебания прибегать к употреблению оружия для немедленного прекращения беспорядков»¹. Сколько тысяч жертв, без суда и следствия расстрелянных карательными отрядами, падает на голову Витте. Но об этом он предпочитает молчать. В самые ответственные, решающие месяцы первой русской революции, когда рабочие массы поднялись на восстание, когда крестьяне громили помещичьи усадьбы, Витте верой и правдой служил николаевской монархии, выполнял отвратительную и грязную работу, будучи главой правительства, которое использовало любые средства, чтобы подавить революцию.

Одновременно со средствами чисто военной борьбы против революции Витте сделал многое для укрепления финансового положения правительства. После 17 октября 1905 г., став во главе правительства, пишет Витте, «я ясно увидел, что, для того чтобы Россия пережила революционный кризис, необходимы две вещи — добыть посредством займа большую сумму денег, так чтобы не нуждаться в деньгах (т. е. в займах) несколько лет, и вернуть большую часть армии из Забайкалья в Европейскую Россию». Придавая большое значение займу как средству спасения династии (в этом Витте был прав), он посвятил истории этого займа специальную главу. Однако это одна из наиболее слабых глав «Воспоминаний», поскольку Витте стремился в ней возвеличить себя и унижить В. Н. Коковцова, выезжавшего за границу по делам займа. Понимая, что рассказ о займе лишен убедительности, Витте позднее написал и размножил специальную брошюру под названием: «Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России»². В «Справке» очень убедительно показана связь между участием Франции в размещении займа и той помощью, которую Россия оказывала ей

¹ «Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. I, документ № 85.

² ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 740.

в разрешении Марокканского спора с Германией. «Помогите нам разрешить Марокканский вопрос, а мы тогда устроим вам заем», — говорили политические деятели Франции.

В конце 1905 г. правительство находилось накануне финансового краха. Запасы золота таяли. Правительство приписывало это исключительно действию революционной агитации. В действительности же, как говорилось в записке комитета финансов от 14 декабря 1905 г.¹, «под влиянием охватившей общество тревоги» буржуазия переводила свои капиталы за границу. В конце 1905 г. правительство исчерпало эмиссионное право Государственного банка. До получения иностранного займа было решено выпустить на 150 млн. руб. кредитных билетов «без золотого покрытия»². Комитет финансов совместно с Государственным советом обсуждал вопрос о прекращении размена кредитных билетов. Следовательно, заем был необходим не только для того, чтобы поставить царизм в независимое положение от Государственной думы, как пишет в «Воспоминаниях» Витте, но прежде всего для того, чтобы спасти золотое обращение в самый критический момент революции, в дни развернувшегося по стране вооруженного восстания (декабрь 1905 г. — январь 1906 г.). Политические последствия финансового краха царизма в этот момент трудно было предусмотреть. Поэтому Витте и Коковцов деятельно работали над получением займа и добились своего. Заслуги Витте перед царским правительством были высоко оценены: в письме об отставке Витте в апреле 1906 г. царь указал, что заключение займа составляло «лучшую страницу» деятельности Витте.

Много места отводит Витте подготовке созыва Государственной думы и выработке «основных законов» (декабрь 1905 г. — март 1906 г.). Он признает, что решение вопроса об издании основных законов до созыва Думы означало: «Сохранить ли новый государственный строй, провозглашенный 17 октября, или посредством кровавых актов его низвергнуть». В то же время Витте пишет, что отсрочка принятия этих законов до созыва Думы означает превра-

¹ См. «Исторический архив» № 2, 1955 г., стр. 127—132.

² Там же, стр. 132.

щение ее в Учредительное собрание. Витте активно выступал за принятие законов до созыва Думы, т. е. за нарушение положений, объявленных 17 октября. Реакционность Витте ясно выступает в его убеждении, что вмешательство Думы в дела внешних сношений и военные «было бы бедствием и имело бы последствием понижение мирового влияния России».

При выработке «основных законов» Витте занимал позицию всемерного сохранения власти императора, так как считал, что принятие «беззубых» основных законов усилило бы в стране «смуту». Витте одобряет в основных законах все то, что составляет их реакционную сущность: «законы эти сохранили за государем обширнейшие верховные и державные права, иначе говоря, они установили конституцию, но конституцию консервативную и без парламентаризма». Таков Витте в действительности, без либеральных прикрас.

Интересны наблюдения и мысли автора в главе об отставке министра земледелия Кутлера. В начале 1906 г. дворянская аристократия уже освободилась от панических настроений ноября — декабря 1905 г., когда даже такие столпы реакции, как Трепов и адмирал Дубасов, напуганные крестьянским движением, сами предлагали отдать крестьянам половину помещичьих земель. Но вот кульминационный пункт революции позади, восстание рабочих подавлено, и настроение дворянской знати резко изменилось. «Оно перешло от «караул» к «ура», — замечает Витте. Это выразилось в том, что дворянство восстало против проектов, допускавших возможность принудительного отчуждения помещичьих земель. Как только такие проекты были представлены в Совет министров комиссией Кутлера и профессором Мигулиным, они тотчас были отвергнуты Витте. Но царь и его окружение, не довольствуясь этим, требовали немедленной отставки Кутлера. Черносотенные элементы дворянства, опорой которых был престол и придворное окружение, повели поход против Витте и некоторых его министров. С этого времени служебное положение самого Витте было предопределено.

Глава «Моя отставка» вносит лишь некоторую конкретизацию в вопрос о причинах этой отставки и показы-

вает, как обострялись его отношения с правыми кругами дворянства. Витте оказался слишком «левым» для основной массы дворянства, для придворной власти и верхушки царской бюрократии; он оказался слишком правым, слишком открытым монархистом, царедворцем для буржуазно-либеральных кругов октябристско-кадетского типа. Собственно, кто мог идти за ним и поддерживать его? Организованной политической силы в виде определенной партии у Витте не было. Он держался на доверии императора, которое не было постоянным. Среди верхушки дворянства, окружавшей трон, не было устойчивой группы сторонников политики Витте.

Среди бюрократии всегда было больше элементов, равнявшихся на «чего изволите». Весь государственный аппарат тяготел к старым, веками усвоенным методам работы и оставался тем же, каким он был до 17 октября. Эта двойственность и неустойчивость положения Витте должна была неизбежно проявиться.

Витте жалуется на поведение «культурных классов», т. е. тех же буржуазных либералов, за то, что они не проявили благоразумия и не отрезали от себя «революционные хвосты». Витте заблуждается, когда пишет, что «благоразумие» буржуазии могло бы заставить Николая II и те силы, которые он представлял, добросовестно проводить в жизнь манифест 17 октября. Нужен был новый революционный напор масс, чтобы окончательно сломать царскую машину, но против революционных сил воевал и сам Витте, отстаивая основы царизма.

Далее Витте дает довольно близкое к истине объяснение причин своей отставки: «Коль скоро я деньги достал и войско начало возвращаться из Забайкалья, то, как только почувствуют, что без меня могут обойтись, отношения эти станут еще более аномальными». Поэтому Витте решил просить об отставке. К тому времени уже закончились выборы в I Думу. Едва ли Николаю нравилось намерение Витте выступить в Думе с «готовой и стройной программой». В этой программе центральным являлся вопрос о земле, вопрос об устройстве «быта крестьян». Правые же круги считали, что все должно оставаться по-прежнему. Витте представил Николаю II мотивированное заявление, в котором отмечалось несогла-

сие с деятельностью министра внутренних дел и указывалось на травлю со стороны крайних консерваторов дворян. Кроме того, в заявлении подчеркивалось, что намеченное Горемыкиным и графом Паленем решение крестьянского вопроса предрешало действия правительства в отношении Государственной думы (ее роспуск в случае требования земли). Заявление об отставке было подано 14, а 16 апреля вечером Витте получил положительный ответ царя.

После шестимесячного пребывания во главе правительства государственная карьера Витте закончилась. Царь не скрывал, что преемником Витте будет его «враг» Горемыкин. Министром внутренних дел впервые был назначен П. А. Столыпин. Эти назначения означали дальнейшее поправление политического курса правительства накануне открытия I Государственной думы. Во время прощального визита к Николаю II Витте получил обещание о назначении его послом, но обещание не было выполнено.

После отставки Витте уехал за границу. Перед роспуском I Думы ему было сообщено о желании Николая, чтобы он не возвращался в Россию. Витте был крайне обижен и написал письмо о полной отставке, т. е. об уходе и из Государственного совета, и подумывал о переходе на частную службу. После переписки с царем и личного свидания со Столыпиным Витте отказался от своего намерения. И в этом вопросе он оказался принципиальнее многих своих коллег. Монархические чувства оказались более сильными, чем жажда личной наживы. По-видимому, известное значение имела надежда Витте на возвращение к государственной деятельности.

Хотя дальнейшая государственная деятельность Витте ограничивалась лишь участием в работе Государственного совета, членом которого он был, его наблюдения и суждения о некоторых явлениях внутренней жизни России не лишены интереса. Как известно, роспуск I Думы сопровождался отставкой Горемыкина, назначением Столыпина на пост председателя Совета министров и решительным изменением аграрной политики правительства осенью 1906 г. (указ 9 ноября 1906 г. о порядке выхода крестьян из общины и закреплении в личную собствен-

ность надельной земли). Этот указ, как известно, получил одобрение только со стороны III Думы, большинство депутатов которой было «ставленниками Столыпина». Несмотря на то что Столыпин являлся, по существу, проводником политики Витте, последний резко отрицательно относился к возглавляемому им правительству и к его аграрной политике. По справедливому мнению Витте, аграрное законодательство Столыпина проникнуто полицейским духом, оно игнорировало интересы большинства крестьян, вводилось принудительно. Поэтому Витте и сомневался в успехе политики Столыпина. Он записал в своих «Воспоминаниях»: «Последуют большие смуты и беспорядки, вызванные именно близорукостью и полицейским духом этого нового крестьянского закона. Я чувствую, что закон этот послужит одной из причин пролития еще много невинной крови». Как известно, этот закон получил поддержку только со стороны деревенской буржуазии, кулаков, и вызвал протесты и сопротивление крестьянской массы, прошедшей большую школу политического воспитания в революцию 1905 г. Столыпинская аграрная политика привела к дальнейшему разорению крестьян, обострению классовых противоречий в деревне и многочисленным выступлениям крестьянства, которое стремилось ликвидировать помещичье землевладение. Причина нового подъема революционной борьбы крестьянства состояла в том, что помещичьи земли оставались в полной неприкосновенности, происходил грабеж общинных земель богатым крестьянством. Между тем Витте в своих воспоминаниях совершенно не затрагивал кардинальный вопрос о помещичьем землевладении.

Витте резко критиковал Столыпина и весь его режим. Но это была критика представителя одного со Столыпинным классом. Кроме того, он имел много личных поводов, в частности подозрение, что покушение на взрыв дома Витте делалось не без личного участия в этом деле самого Столыпина. Он обоснованно указывал на огромное значение «Союза русского народа», в поддержке которого Столыпин особенно нуждался до роспуска II Думы и до изменения избирательного закона, обеспечившего правый состав III Думы. По мнению Витте, столыпинский режим привел к изменению политических на-

строений и у членов Государственного совета. Витте внимательно прослеживает политику Столыпина и важнейшие преобразования в армии и флоте (создание самостоятельного Генерального штаба и др.). Однако причины этих преобразований он приписывает личному влиянию императрицы.

Рассуждения Витте относительно политики правительства по вопросу о созыве II Думы показывают, что Витте выступал сторонником изменения избирательного закона еще до созыва II Думы. Иначе, какой смысл было бы упрекать Столыпина в том, что он не понимает обстановки, рассчитывает, что новая Дума сможет ужиться с его правительством, политика которого заключалась в том, чтобы править Россией «не в соответствии с народным самосознанием, а в соответствии с мнениями, большей частью эгоистичными, а иногда и просто фантазиями кучки людей, находящихся вблизи трона».

О выдвинутом против 55 членов социал-демократической партии обвинении в попытке ниспровергнуть государственный строй он пишет, что оно было «в значительной степени спровоцировано и преувеличено, такого замысла не было, все это в значительной степени была провокация министерства внутренних дел». Витте не может освободиться от ложной идеи, будто социал-демократы хотели произвести «смуту», и считает, что Столыпин воспользовался этим и превратил эти желания в «замысел, имеющий государственное значение».

Витте был в курсе подготовки роспуска II Думы. Он правильно указывает, что новый избирательный закон был выработан пресловутым Крыжановским, являвшимся «головою» Столыпина. Интересно свидетельство Витте о визите к нему министра двора Фредерикса перед роспуском II Думы за советом, что делать. Однако в «Воспоминаниях» Витте отсутствуют конкретные указания на связь роспуска Думы с деятельностью Совета объединенного дворянства, который диктовал правительству линию поведения. Витте правильно называл новый избирательный закон государственным переворотом, преследовавшим цель создания вполне послушной думы. Витте не дает никаких объяснений тому факту, что, распуская II Думу, правительство не уничтожило совсем законода-

тельную думу, а решило лишь создать законопослушную думу. Если ранее Витте порицал Столыпина за то, что тот не изменил избирательного закона, то теперь он не прочь пожуричь его с либеральных позиций за создание такой думы, которая якобы не нужна, так как она не выражает воли народа, «всей сознательной его части, во всяком случае большинства мыслящей и чувствующей России». Не трудно заметить при этом, что для самого Витте народ — это не крестьяне и рабочие, а только верхушка помещиков и интеллигенции.

Критика Витте политики Столыпина носит поверхностный, либерально-правовой характер, она не отражает развития революции, опыта масс, полученного в ходе борьбы. В процессе революции 1905—1907 гг., пишет Ленин, «подавляющая масса населения уже признала непримиримость своих интересов с сохранением класса помещиков и стремится к уничтожению этого класса»¹. Речь шла о жизни и смерти помещичьей монархии. Царизму недостаточно было опоры на бюрократию и ослабленную поражениями армию. Организация черносотенных элементов и погромы — проявление не только личных качеств Столыпина. «Монархия не могла не защищаться от революции, а полуазиатская, крепостническая, *русская* монархия Романовых не могла защищаться иными, как самыми грязными, отвратительными, подло-жестокими средствами...»². Столыпин прикрывал эти методы над массой народа видимостью парламентаризма. В «Воспоминаниях» Витте, разумеется, нет и намека на контрреволюционную позицию буржуазии, которая помогала дворянству в борьбе с революцией. Убедившись, что достигнуть мира с силами революции невозможно, царизм выжидал, выбирал время, подходящее для изменения избирательного закона. Царизм пытался привлечь буржуазию в состав правительства, «и буржуазия *вся*, вплоть до кадетов, шла советоваться с царем, с погромщиками, с вождями черной сотни о средствах борьбы с революцией»³. Витте забывает сказать о контрреволюционных настроениях буржуазии, об отречении ее от демократии и рево-

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 219.

² Там же.

³ Там же, стр. 225.

люции. В. И. Ленин указывает, что, говоря о Столыпине и его политике, недостаточно сказать только о дворянском характере его политики; «ограничиться подобной характеристикой значит ровно ничего не понять в своеобразии и в значении «столыпинского периода»¹. Политика 9 ноября 1906 г. и 3 июня 1907 г. являлась «реальностью», которую проводили представители крупного помещичьего землевладения вместе с верхами торгово-промышленного капитала. Витте же пытается представить дело таким образом, будто буржуазия являлась в это время выразительницей интересов «народа». Здесь мы сталкиваемся не с частным недостатком «Воспоминаний» Витте, а с коренным их пороком, вытекающим из классовой ограниченности политических взглядов автора. Вот почему Витте не вскрывает закономерной связи действий столыпинского правительства с условиями жизни всей царской монархии, с настроениями и поведением классов — помещиков и буржуазии.

Витте много распространяется о поверхностном уме Столыпина, об отсутствии государственной культуры и образования, о темпераменте, неуравновешенности, о счастливом сочетании случайных обстоятельств (смерть Трепова и т. д.), способствовавших его выдвижению. Витте не понимает основной классовой задачи, которую выполняло правительство Столыпина, вынужденное встать на путь форсированного осуществления буржуазной аграрной политики. Отдельные главы «Воспоминаний» создают впечатление, будто террор и злоупотребления правительства Столыпина были направлены против либеральных помещиков и буржуазии. В действительности же они были направлены прежде всего против представителей революционной демократии, против рабоче-крестьянской массы населения и демократической интеллигенции. Реакционная политика Столыпина потерпела полный провал. Глава о столыпинской политике лишена цельности и единства, распадается на отдельные эпизоды, связь между которыми чисто механическая.

О попытке Столыпина ввести земство в западных губерниях, отвергнутой Государственным советом, Витте

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 221.

рассказывает подробно, вскрывая подоплеку голосования и показывая руководящую роль в этом деле таких столпов правых, как Дурново. Дело кончилось, как известно, временным роспуском Думы и Государственного совета и осуществлением намеченных Столыпиным мер в порядке 87 статьи закона. Этот шаг вызвал недовольство придворных и среди правых, и среди октябристов, увидевших в ней нарушение конституции. В действительности, этот кризис имел более глубокий смысл. В. И. Ленин показал, что суть дела заключается «в сугубом, повторном, окончательном крахе конституционных иллюзий и кадетизма, и октябризма»¹. Попытка октябристов ужиться со Столыпиным на почве «копституции» не удалась, и дело не в том, что А. И. Гучков был вынужден уйти в отставку и его сменил Родзянко, сила которого заключалась не в уме, а в голосе, так как у него «отличный бас». Конституционный кризис показал невозможность при помощи III Думы решить задачи капиталистического развития России, назревшие «требования эпохи».

Убийству Столыпина Витте отводит достаточно места и описывает его с большой тщательностью, считая такой финал естественным и обвиняя в нем самого Столыпина. Говоря о трех возможных кандидатах на пост председателя Совета министров, Витте признает Коковцова деятелем «более серьезным, но что касается интриг, то он не уступит в этом другим кандидатам — Щегловитову и Кривошеину. Так как Витте закончил «Воспоминания» мартом 1912 г., то, естественно, он мог охарактеризовать лишь начальный период деятельности Коковцова.

Витте указывает, что в последнее время Коковцов не был согласен со Столыпиным «по крупным вопросам». Можно было ожидать, что Коковцов будет осуществлять «особое направление» в политике, без «безумных крайностей» Столыпина. Но одновременно Витте полагал, что Коковцов будет делать то, что считает «для себя выгодным» и, чтобы не лишиться хотя бы «на золотник» доверия императора, будет продолжать политику, какую пожелают «наверху». Иной политики не мог бы держаться и сам Витте, окажись он вновь во главе правительства.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 141.

Но прогноз Витте не вполне оправдался. Политический курс Коковцова не во всем устраивал Николая II, так как даже Коковцов оказался для него слишком либерален. Вскоре Коковцов был заменен ставленником правых кругов Горемыкиным, который появлялся на сцене тогда, когда Николаю требовалось повернуть политический курс вправо. Витте до самой смерти верно служил романовской империи, хотя уже не оказывал влияния на государственную и политическую жизнь страны. Единственной областью, где голос его звучал еще авторитетно, были финансы. Участвуя в заседаниях комитета финансов, Витте поднимал интересные вопросы. Одним из последних вопросов, поставленных им, был вопрос о финансовой неподготовленности России к войне 1914 г. (март). Витте утверждал, что в финансовом отношении Россия менее подготовлена к этой войне, чем к русско-японской. В своей любимой области, в которой знания Витте были глубоки, а финансовые связи огромны, Витте оставил ряд способных «учеников»: к ним относились Коковцов, Барк (ставший впоследствии министром финансов) и целая плеяда лиц, ушедших затем на службу в частные банки. Они остались верны политике своего учителя, все они развивали намеченный еще Витте курс на привлечение иностранных капиталов в Россию. Все отрицательные последствия этой политики царское правительство испытало во время мировой войны, когда оно оказалось опутано финансово-экономической зависимостью, и прежде всего от Англии.

Мемуары Витте, этого крупного человека, большой ум и способности которого были целиком отданы на службу сходящему с исторической сцены строю, несмотря на интересные и оригинальные мысли, ярко показывают неизбежность экономической и политической отсталости России. Попытки Витте оздоровить дряхлеющее тело Российской империи были тщетны. Они не давали и не могли дать значительного результата, прежде всего потому, что не меняли экономического положения основных классов России — рабочих и крестьян, оставляли крупнейший феодальный пережиток — империю. При этих условиях даже относительно прогрессивные мысли и начинания Витте, связанные с развитием капитализма в промышленности

и в железнодорожном строительстве, принимались правительством постольку, поскольку они соответствовали интересам дворянства.

В «Воспоминаниях» Витте мы не найдем объективных данных о росте рабочего класса, развитии рабочего и крестьянского движения в стране. Факты в них поданы и освещены под углом зрения нарастания «смуты», являвшейся синонимом революции. Верный слуга помещиков и капиталистов, Витте не мог иначе воспринимать и оценивать эти события. И тем не менее «Воспоминания» Витте — поучительный, большой важности богатый фактами исторический документ. Перед читателем пройдет жизнь человека и вместе с ней развернется панорама жизни государства, правящих классов, панорама исторических событий, нарисованная умным и весьма осведомленным наблюдателем. Книга написана занимательно, остро. Она, несомненно, будет прочитана с интересом и с большой пользой для читателя.

В Советской России воспоминания С. Ю. Витте впервые были изданы в трех томах в 1923—1924 гг. Данное издание является их перепечаткой. Госиздат, готовя в 1923—1924 гг. к выпуску «Воспоминания» Витте, вынужден был перепечатать их с берлинского издания, подготовленного издательством «Слово», которое располагало рукописями Витте и тщательно оберегало их от постороннего глаза. В особенности оно не хотело, чтобы рукописью воспользовались советские научные учреждения или издательства. Именно так следует, очевидно, понимать заключительную фразу предисловия к т. III (ныне т. 1) берлинского издания о том, что рукописи Витте сохраняются в издательстве «Слово» для передачи в Публичную библиотеку в Петрограде. Однако проверка показала, что их там нет, как не оказалось их и среди бумаг личного архива Витте, хранящихся в советских архивах. По-видимому, обещание графини Витте и редактора «Воспоминаний» И. Гессена осталось невыполненным.

Текст «Воспоминаний» Витте был подготовлен к печати в Берлине И. В. Гессеном, видным деятелем кадетской партии. Насколько можно судить по тексту «Воспо-

минаний» и по разделу «Вступительных замечаний» Гессена к берлинскому изданию, который он посвятил описанию рукописей Витте и своей текстологической работе над ними, работа эта была во многих отношениях проделана совершенно неудовлетворительно. Описание рукописных и стенографических записей сделано Гессеном без соблюдения элементарных правил, и потому читатель может составить себе представление о характере вмешательства Гессена в текст Витте лишь в той мере, в какой этого хочет сам Гессен.

В данном издании воспроизводится как археографическая часть его «Вступительных замечаний» к I—II томам берлинского издания, так и краткие «Предварительные замечания» к III тому того же издания.

Некоторое представление о характере вмешательства Гессена в текст «Воспоминаний» дает помещаемое в качестве приложения к данному изданию оглавление к «Рассказам в стенографической записи графа Сергея Юльевича Витте». Это оглавление дает представление о характере стенографических записей, их структуре, порядке расположения материала и т. д. «Рассказы» являются уникальным документом, который позволяет судить о характере редакционного вмешательства И. Гессена в авторский текст. Оглавление показывает, что это «вмешательство» было значительным, оно приводило к перегруппировке материала и редакционной правке оглавления. Так, например, у Витте в «диктовках» имелся следующий подзаголовок, на наш взгляд, очень важный: «О разности взглядов Александра III и Николая II на политические отношения между Россией и Францией». Этот подзаголовок Гессен выбросил. Главе IX второго тома Гессен дал следующее заглавие: «Захват Ляодунского полуострова», а у Витте: «О занятии Германией китайского порта Цзяо-Чжоу и Россией Ляодунского полуострова». Витте правильно подчеркивал связь политики России с агрессией Германии в отношении Китая. Формулировка Гессена придает другое звучание всей главе. Глава X у Гессена посвящена Куропаткину, а у Витте говорится: «О генералах Куропаткине, Ванновском, Сахарове», то есть Гессен выделил только Куропаткина. Глава XII смонтирована Гессеном из кусочков, имевшихся в других разделах.

Часть XIII «диктовок» Витте вся посвящена крестьянскому вопросу. Из этого раздела Гессен выделил только часть и дал ей название: «Крестьянский вопрос до 17 октября 1905 года». Подобного названия у Витте нет. Витте уделил много внимания деятельности Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Гессен «упростил» мысли Витте и выбросил некоторые важные его положения, например, «О могущих быть благоприятных последствиях, если бы Совещание не было закрыто преждевременно» и т. д.

Редактор часто производил перегруппировку материала, чем нарушается взаимная связь идей Витте. Разбивка всех «Воспоминаний» по главам — целиком дело редактора. У Витте «диктовки» делились на части, причем каждая часть имела свои подзаголовки.

Публикация оглавления к рассказам Витте в стенографической записи открывает возможность источниковедческого изучения «Воспоминаний», тем более, что в архивах сохранились многие материалы, о которых в той или другой форме имеется упоминание у Витте. Очень важно напоминание Витте «о пропуске в настоящих воспоминаниях периода с 15 сентября 1905 года по конец апреля 1906 года и причинах к этому». Каждый читатель может сравнить окончательный текст оглавления к «Воспоминаниям», данный Гессеном, и текст Витте и получить представление о важных изменениях не только в расположении материала, но и подчеркивании тех или иных аспектов проблемы, казавшейся Витте важной. Это относится к крестьянскому вопросу и рассмотрению вопросов внешней политики прежде всего.

Мы думаем, что источниковедческое изучение «Воспоминаний» Витте — дело дальнейшего будущего, и в настоящем издании ограничимся только сделанными замечаниями.

Как можно предполагать, именно об этом оглавлении говорит в «Предисловии» М. И. Витте, рассказывая об интересе, проявленном Николаем II к мемуарам ее мужа после ознакомления с оглавлением, изъятым властями в числе других документов после смерти Витте.

Доктор исторических наук профессор
А. Л. СИДОРОВ

ИЗ «ВСТУПИТЕЛЬНЫХ ЗАМЕЧАНИЙ» И. В. ГЕССЕНА

Граф С. Ю. Витте начал писать свои мемуары летом 1907 г. за границей. Заканчивая первую часть своих воспоминаний, обнимающую время от поездки в Париж после оставления им поста министра финансов осенью 1903 г. до возвращения в Петербург после заключения Портсмутского мира, граф Витте снабдил ее следующим предисловием:

«В течение моей жизни я не имел ни времени, ни охоты писать мои записки.

Теперь, удалившись от активной политической жизни, я решил написать мои воспоминания. Думаю, что они могут послужить к освещению многих событий. Я вообще не люблю писать, а потому пишу, себя принуждая, не имея под руками документов, за границей. Если буду продолжать писать дома, то часть документов буду иметь под руками, теперь же пишу все по памяти, а потому, вероятно, делаю некоторые ошибки в датах и названиях. У меня память ослабела на даты и в особенности имена, по что касается фактов и сути дела, то все изложено с полной правдивостью и точностью. Пишу эти воспоминания крайне отрывочно и неусидчиво, по пяти, десяти минут в присест, а потому изложение не только не литературно, но и часто совсем нескладно.

Прошу моих наследников их напечатать, причем при печатании можно там, где окажется нужным, исправить слог, не касаясь сути изложения.

Эту часть моих записок я оставляю у моего зятя в Брюсселе; продолжение буду писать в России, если окажется возможным. Во всяком случае все мои воспоминания буду нумеровать последующими нумерами.

Брюссель.

5 ноября 1907 г.

Граф Витте.

Следующую — вторую — часть своих воспоминаний, посвященную истории манифеста 17 октября, граф Витте писал в Петербурге в январе 1908 г.

Затем наступил перерыв. В августе 1908 г. в Виши граф Витте объясняет, чем перерыв был вызван:

«Вследствие болезни жены и апатии я долго не касался этой рукописи, теперь ее продолжаю в обстановке и в состоянии духа, не дающей возможности к какой бы то ни было систематической работе. Дальнейшее, как и предыдущее изложение — это спешные черновые наброски».

Однако и на этот раз графу Витте не удастся значительно подвинуть свои мемуары. Уже 16 ноября 1908 г. он делает в них следующую личную заметку:

«Моей жене делали операцию в Берне. Писать ничего не мог. Выезжаю в Петербург. Не знаю, удастся ли там продолжать».

Следующая личная заметка в воспоминаниях датирована 19 июля 1909 г., Виши:

«Вот уже около года, как я прекратил писать мои мемуарные заметки. Сначала вследствие болезни жены, а затем, вернувшись в ноябре в Петербург, с одной стороны, были различные мелкие дела, а с другой — постоянно пускались слухи, что будто бы у меня хотят тем или иным путем вынудить неприятные бумаги. В заграничных газетах говорили, что хотят сделать обыск. Как это ни невероятно, но при нынешнем «коварном режиме» все возможно, благо почти вся Россия находится или формально, или в действительности в «чрезвычайном положении»».

Там же в Виши через год, 11 июля 1910 г., приступая к продолжению своих воспоминаний, граф Витте писал:

«Собирался продолжать настоящие наброски в С.-Петербурге, но это оказалось неудобным все по той же при-

чине невозможности быть уверенным, что тем или другим способом заметки эти не попадут в руки либерального столыпинского правительства. При теперешнем quasi-конституционном режиме нет ничего невозможного».

Зимой 1910—1911 гг. графу Витте также не удастся продолжать свои заметки в Петербурге. Следующая дата на его рукописи — это июнь 1911 г., Зальц-Шлирф близ Франкфурта-на-Майне.

Смерть Столыпина возбуждает в графе Витте надежду на возможность продолжать писание своих мемуаров в Петербурге. Уезжая из Биаррица, он пишет:

«Сегодня 18-е ноября 1911 г., и послезавтра 20-го ноября я покидаю Биарриц, еду в Петербург; удастся ли там продолжать эти заметки или нет, увидим...»

Надежды эти оказались неосновательны, и в следующую свою поездку за границу летом 1912 г. граф Витте приступает к продолжению своих воспоминаний со следующими словами:

«Долгое время я не писал своих заметок, так как в Петербурге по различным условиям писать нельзя и главнейше потому, что даже в моем положении нельзя быть уверенным, что в один прекрасный день под тем или другим предлогом не придут и не заберут все. Тогда наживешь большие неприятности, и совершенно бесцельно, так как в таком случае, конечно, никто и никогда не прочтет то, что я писал. Я не имею теперь под руками то, что я ранее писал. Кажется, я кончил на изменениях в личном составе высших лиц во время моего премьерства. Теперь буду писать о главнейших событиях во время моего министерства по существу».

Заканчивая свои воспоминания, граф Витте в том же году писал:

«Я оканчиваю мои заметки и если дальше буду писать, то в порядке страниц, начиная с 364-й (продолжение настоящей), касаясь более современных обстоятельств, которых я не касался в моих стенографических диктовках потому, что считал это невозможным.

Биарриц, 5 октября 1912 г.»

Упомянутые здесь «стенографические диктовки» представляют собой особую часть мемуаров графа Витте.

Начал он над ними работать зимой 1910—1911 гг., когда, лишенный возможности продолжать в Петербурге свои заграничные заметки, он занялся составлением политически более безобидных мемуаров в несколько пных хронологических рамках. В них он начинает с подробного описания своего детства и юношества и своих первых шагов на государственной службе.

Но мало-помалу он увлекается этой работой, которую продолжает зимой 1911—1912 гг. И, таким образом, его стенографические рассказы обращаются в параллельную работу, обнимающую хронологически эпоху от детства графа Витте до конца 1911 г. В этих своих воспоминаниях граф Витте делает только один значительный пропуск: с 15 сентября 1905 г. по конец апреля 1906 г., мотивируя его следующими словами:

«Ход дальнейших событий до 17 октября и затем мое министерство до конца апреля составляет предмет моих личных, в смысле стилистическом, совсем необработанных записей, но записей, довольно последовательно излагающих события не только за это время, но и за время предшествующее. Записи эти хранятся в должном месте.

Так как я не полагал, что впоследствии буду делать настоящие рассказы, стенографически записываемые, то в тех моих рукописях потомство найдет и изложение некоторых из тех событий, которые я в настоящее время рассказываю для стенографической записи.

Вероятно, в моих рукописных записях рассказы эти были и более точны, и, несомненно, более откровенны, а поэтому туда могли войти и такие события, которые в стенографические записи не вошли.

Таким образом, я прерываю свои рассказы за время с конца сентября 1905 г. до конца апреля 1906 г.»

Так сложились две основные части воспоминаний графа Витте — более «откровенные», написанные им преимущественно за границей, и более сдержанные, которые им диктовались в Петербурге.

Несколько труднее выяснить вопрос, каковы были те предварительные работы, которые легли в основу воспо-

минаний графа Витте. Но кое-что в этом отношении можно отметить. Выше мы привели предисловие к его первой части рукописных записок, в которых он пишет, что у него не было «ни времени, ни охоты» писать свои воспоминания. Но желание, чтобы потомство правильно оценило его роль и значение, владело им задолго до того, как он приступил к писанию мемуаров. Руководясь этим желанием, он, по-видимому, с самого начала своей политической деятельности составлял свой архив, в котором систематически собирал все более или менее важные документы. Особенно тщательно начал он относиться к своему архиву, когда авторитет его поколебался. Тогда его стал волновать вопрос, чтобы справедливость, которой ему, по его мнению, не воздали при жизни, была воздана ему после его смерти. В этом настроении граф Витте писал: «Конечно, я уверен в том, что, когда я буду в земле, все выяснится, и мне будет отдано должное. Моих врагов забудут, а меня Россия не забудет». Основной целью собирания архива и было облегчение потомству этой задачи систематическим подбором всех материалов, выясняющих личную роль автора.

Наряду с простым собиранием документов под руководством графа Витте составлялись и систематические обзоры тех или иных выдающихся событий. К таковым обзорам относится и брошюра «О политике на Дальнем Востоке до 1901 г.», которая по желанию Николая II усиленно разыскивалась осенью 1904 г. департаментом полиции (см. гл. 40).

Составление таких систематических обзоров продолжалось и после выхода графа Витте в отставку. Мы знаем даже и имя одного из помощников его в этом деле. Это — Гурьев, который работал в доме графа Витте как раз в тот день, когда были обнаружены адские машины (см. гл. 67).

В нашем распоряжении находились как стенографические записи (17 томов in folio), так и заграничные заметки (9 тетрадей in quarto). Первые, напечатанные на пишущей машинке, вторые, переписанные от руки;

и те, и другие с собственноручными исправлениями графа Витте.

Выходящие два тома воспоминаний хронологически ограничены царствованием Николая II. В них вошли полностью собственноручные заметки и около двух третей стенографических записей.

Сам граф Витте называл свои мемуары «лишь черновыми набросками», «спешными мемуарными заметками». Он отмечал: «Я не помню, писал ли я это раньше, у меня нет под рукой моих предыдущих заметок», «мои рассказы не могут претендовать на какую-либо систематичность». Таким образом, задача редакции состояла в необходимом упорядочении оставленного графом Витте материала. Упорядочение это заключалось в перестановке, в разделении на главы и в устранении повторений. Были исправлены лишь незначительные грамматические погрешности, ибо редакция руководилась желанием по возможности сохранить своеобразный, несколько небрежный и не всегда подчиняющийся грамматическим правилам стиль графа Витте.

Перестановка вызывалась тем характерным для графа Витте обстоятельством, что как в стенограмме, так и в записях он часто делает значительные отступления. Он сам пишет: «Я не имею никакой возможности писать хронологически». Случайное лицо или событие, о котором ему приходится упомянуть, часто заставляет его надолго забыть об основной теме рассказа. Этим вызываются и чрезвычайно многочисленные, почти дословные повторения.

Однако как при перестановке, так и при разделении на главы были приложены старания, чтобы не нарушить естественной связи рассказа. Таким образом, некоторая беспорядочность, свойственная подлиннику, сохранена. Она особенно ярко проявляется в начальных главах второго тома, посвященных описанию первых месяцев премьерства графа. Сохранены и некоторые повторения, также чрезвычайно характерные для графа Витте.

В случаях параллельности изложения обычно устанавливалась сводная редакция, причем за основу брался более «откровенный» рассказ рукописных заметок.

Наиболее существенные отклонения повторяющихся рассказов приведены в подстрочных примечаниях в виде вариантов.

Для критического подхода к воспоминаниям графа Витте чрезвычайно существенны отличия стенографических записей от собственноручных заметок. Поэтому последние выделены в тексте звездочками (*). Из приводимых вариантов читатель может убедиться, сколько значительно изменялись оценки лиц и событий в более «откровенных» записях.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

Во вступительных замечаниях к «Воспоминаниям» графа С. Ю. Витте о царствовании Николая II было указано, что мемуарные заметки, оставленные графом С. Ю. Витте, делятся на две основные группы: па собственноручные записи, составленные им преимущественно за границей, и стенографические заметки, диктованные им в С.-Петербурге.

В настоящий том вошли исключительно стенографические заметки, и поэтому редакция настоящего тома свелась лишь к некоторым перестановкам, разделению на главы и устранению почти дословных повторений.

По желанию графини М. И. Витте были исключены как некоторые отрывки, касающиеся семейной жизни самого графа Витте, так и некоторые характеристики второстепенных персонажей. В тех немногих случаях, когда выпущенные по желанию графини Витте строки представляют хотя бы и второстепенный исторический интерес, пропуски обозначены точками.

Точная копия с оригинала «Мемуарных заметок», принадлежащего графине М. И. Витте, сохраняется кн-ом «Слово» для передачи в рукописное отделение Государственной публичной библиотеки в Петербурге.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Не без колебания решилась я написать несколько строк в виде предисловия к мемуарам моего покойного мужа. Быть беспристрастной в оценке этого труда, которому граф Витте придавал такое значение, я не могу, а пристрастная оценка жены едва ли может представить какой-нибудь интерес для читателя.

Мне хотелось бы объяснить читателю, какое значение придавал своему труду сам покойный автор, и сказать о тех причинах, которые побудили моего покойного мужа облечь свои мысли и воспоминания в форму книги, не предназначавшейся для издания при жизни автора и его современников. Граф Витте не был ни царедворцем, льстящим трону, ни демагогом, льстящим толпе. Принадлежа к дворянству, он не защищал, однако, дворянских привилегий; ставя себе главной государственной задачей справедливое устройство крестьянского быта, он, однако, оставался государственным деятелем, чуждым теоретического народничества, которым увлекалась значительная часть русской интеллигенции. Он не был либералом, ибо не сочувствовал нетерпеливому устремлению либералов переустроить сразу, одним мановением руки весь государственный уклад; он не был и консерватором, ибо презирал грубые приемы и отсталость политической мысли, характеризовавшие правящую бюрократию России. Мой муж неоднократно говорил своим близким: «Я не либерал и не консерватор, я просто культурный человек. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав

только потому, что он молится богу не в том храме, в котором молюсь я...»

Это создало С. Ю. Витте много врагов во всех лагерях. При дворе, среди консерваторов, у либералов, в демократических кругах — всюду на графа Витте смотрели, как на человека «чужого». Он искал блага своей родины, идя своими собственными путями, и поэтому имел мало постоянных попутчиков. Справедливость заставляет меня признать, что выдающиеся государственные таланты моего мужа не оспаривались и даже ценились во всех кругах Великой России. Тем не менее по указанной выше причине ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападок, как мой покойный муж. При дворе его обвиняли в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывали желание урезать права народа в пользу монарха. Землевладельцы его упрекали в стремлении разорить их в пользу крестьян, а радикальные партии — в стремлении обмануть крестьянство в пользу помещиков. Творец конституции 17 октября, которой начинается новая русская история, был слишком заманчивым объектом для интриг и клеветы; с другой стороны, сложная и многосторонняя натура большого государственного деятеля не поддавалась никакой упрощенной формуле и потому плодила недоразумения, иногда совершенно даже добросовестные.

Полемизировать с противниками, опровергать клевету, разъяснять недоразумения, обращаясь к печати, мой муж не желал. Он был выше того, чтобы вмешаться в злободневную суету пересудов. Кроме того, цензурные условия старого режима, которые для бывшего первого министра царя были строже, чем для обыкновенного гражданина, и в такой же мере желание падить чувства многих современников, совершенно исключали возможность полного и откровенного выражения мыслей графа Витте. Отсюда — решение доверить суд над своей деятельностью следующему поколению, отсюда — печатаемые ныне мемуары.

Мемуары свои мой муж хранил за границей. Он не питал уверенности в том, что его кабинет на Каменноостровском проспекте в Петрограде достаточно защищен и от ока и от длани тайной полиции. Обыск в любой момент мог

легко лишить автора его рукописей. Он знал, что этой его работой интересуется слишком много могущественных людей. Рукописи хранились все время в одном заграничном банке на мое имя. Мой муж опасался, что в случае его смерти двор и правительство пожелают завладеть его архивом, и просил меня заблаговременно обеспечить сохранность мемуаров. Я это сделала, переведя рукописи из Парижа в Байон, где они хранились в банке на чужое имя. Предостережения оказались не лишними. Как только в феврале 1915 г. мой муж скончался, кабинет его в Петрограде был опечатан, и все найденное рассмотрено и забрано властями. Через некоторое время ко мне от имени государя явился генерал-адъютант, начальник главной квартиры, и сказал, что государь, ознакомившись с оглавлением мемуаров мужа, очень ими интересуется и хотел бы их прочесть. Я ответила, что, к сожалению, лишена возможности предоставить их для чтения государю, так как они хранятся за границей. Посланец государя не настаивал, но через некоторое время чиновник русского посольства в Париже появился в нашей вилле в Биаррице и в отсутствие хозяев произвел очень тщательный обыск. Он искал мемуары, которые в то время, как я сказала выше, спокойно лежали в сейфе банка, в Байоне.

Графиня М. И. Витте.

ВОСПОМИНАНИЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О ПРЕДКАХ

Мне 62 года, я родился в Тифлисе в 1849 году.

Отец мой, Юлий Федорович Витте, был директором департамента государственных имуществ на Кавказе. Мать, Екатерина Андреевна Фадеева, — дочь члена главного управления наместника кавказского Фадеева. Фадеев был женат на княжне Елене Павловне Долгорукой, последней из старшей отрасли князей Долгоруких, происходящей от Григория Федоровича Долгорукова, сенатора при Петре I, брата знаменитого Якова Федоровича Долгорукова. Мой дед приехал на Кавказ при наместнике князе Воронцове, который положил прочное гражданское основание управлению Кавказом. Ранее дед управлял иностранными колониями в Новороссийском крае, когда князь Воронцов был новороссийским генерал-губернатором, а еще ранее этого мой дед Фадеев был губернатором в Саратове. У моего деда было три дочери и один сын. Старшая дочь, довольно известная писательница времен Белинского, которая писала под псевдонимом «Зинаида Р.», была замужем за полковником Ганом. Вторая дочь была моя мать. Третья дочь осталась девицей, она до настоящего времени жива, ей, вероятно, около 83 лет, — она ныне живет в Одессе. Сын же деда — генерал Фадеев — был ближайшим сотрудником фельдмаршала князя Барятинского, наместника кавказского. Фадеев известен как выдающийся военный писатель. Когда дед был губернатором в Саратове, министр внутренних дел того времени Перовский командировал в Саратовскую губернию моего отца, дворянина Витте, как специалиста по сельскому хозяйству. Там отец влюбился в мою мать и женился на ней. Отец мой

окончил курс в Дерптском университете; затем изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии. Он приехал на Кавказ вместе с семьей Фадеевых и кончил свою карьеру тем, что был директором департамента земледелия на Кавказе. Он умер сравнительно в молодых летах, т. е. ему было немногим более 50 лет.

Старшая дочь, Ган («Зипанда Р.»), имела двух дочерей и одного сына. Она умерла в молодости. Ее старшая дочь была известная теофизитка, или спиритка, — Блавацкая; младшая же дочь — известная писательница, писавшая преимущественно различные рассказы для юношества, — Желиховская. Сын г-жи Ган был ничтожной личностью и кончил свою жизнь в Ставрополе мировым судьей.

Теперь я останавлиюсь несколько на личности Блавацкой, как весьма прогремевшей одно время теофизитке и писательнице. Я помню, что когда я познакомился в Москве с Катковым, он заговорил со мной о моей двоюродной сестре Блавацкой, которую он лично не знал, но перед талантом которой преклонялся, почитая ее совершенно выдающимся человеком. В то время в его журнале «Русский вестник» печатались известные рассказы Блавацкой «В дебрях Индостана», и он был очень удивлен, когда я высказал мое мнение, что Блавацкую нельзя принимать всерьез, хотя, несомненно, в ней был какой-то сверхъестественный талант. Когда Ган умерла, дед мой Фадеев взял обеих дочерей к себе на Кавказ. Вскоре Желиховская вышла замуж за первого своего мужа Яхонтова, псковского помещика; Блавацкая вышла замуж за Блавацкого, эриванского вице-губернатора. Тогда меня или не было на свете, или же я был еще совершенно мальчиком, а потому Блавацкую в то время не помню, но, по рассказам домашних, я знаю следующее: вскоре она бросила мужа и пересехала из Эривани в Тифлис к деду. В то время одним из самых больших и гостеприимных домов в Тифлисе был дом Фадеевых. Фадеев жил вместе с семьей Витте и занимал громадный дом, недалеко от Головинского проспекта, в переулке, идущем с Головинского проспекта на Давидовскую гору, название которого я не запомнил. Жил он так, как живали в преж-

нее время, во времена крепостных, большие бары. Так, я помню, хотя я был совсем мальчиком, что одной дворни (т. е. прислуги) у нас было около 84 человек, — я помню отлично даже эту цифру, — громадное большинство этой дворни были крепостные Долгорукой... Когда Блавацкая появилась в доме Фадеевых, то мой дед считал прежде всего необходимым отправить ее скорее в Россию к ее отцу, который в то время командовал батареей где-то около Петербурга. Так как тогда железных дорог на Кавказе еще, конечно, не было, то отправка Блавацкой совершилась следующим образом: дед назначил доверенного человека — дворецкого, двух женщин из дворни и одного малого из молодой мужской прислуги; был нанят большой фургон, запряженный четырьмя лошадьми. Вот каким образом совершались эти дальние поездки, Блавацкая была отправлена с этой свитой до Поти, а из Поти предполагали далее отправить ее морем в один из Черноморских портов и далее уже по России. Когда они приехали в Поти, там стояло несколько пароходов, и в их числе один английский пароход. Блавацкая снюхалась с англичанином, капитаном этого парохода, и в одно прекрасное утро, когда люди в гостинице встали, они своей барыни не нашли: Блавацкая в трюме английского парохода удрала в Константинополь. В Константинополе она поступила в цирк наездницей, и там в нее влюбился один из известнейших в то время певцов — бас Митрович; она бросила цирк и уехала с этим басом, который получил ангажемент петь в одном из наибольших театров Европы, и вдруг мой дед после этого начал получать письма от своего «внука» — оперного певца Митровича; Митрович уверял его, что он женился на внучке деда — Блавацкой, хотя последняя никакого развода от своего мужа Блавацкого, эрпванского губернатора, не получала. Прошло несколько времени, и мои дед и бабушка, Фадеевы, вдруг получили письмо от нового «внука», от какого-то англичанина из Лондона, который уверял, что он женился на их внучке Блавацкой, отправившейся вместе с этим англичанином по каким-то коммерческим делам в Америку. Затем Блавацкая появляется снова в Европе и делается ближайшим адептом известнейшего спирита того времени, т. е. 60-х годов прошлого столетия, — Юма. Затем из газет семейство Фадеевых

узнало, что Блавацкая дает в Лондоне и Париже концерты на фортепиано; потом она сделалась капельмейстершей хора, который содержал при себе сербский король Милан. Во всех этих перипетиях прошло, вероятно, около 10 лет ее жизни, и, наконец, она выпросила разрешение у деда Фадеева приехать снова в Тифлис, обещая вести себя скромно и даже снова сойтись со своим настоящим мужем — Блавацким. И вот хотя я был тогда еще мальчиком, помню ее в то время, когда она приехала в Тифлис; она была уже пожилой женщиной и не так лицом, как бурной жизнью. Лицо ее было чрезвычайно выразительно; видно было, что она была прежде очень красива, но со временем крайне расплнела и ходила постоянно в капотах, мало занимаясь своей особой, а потому никакой привлекательности не имела. Вот в это время она почти свела с ума часть тифлисского общества различными спиритическими сеансами, которые она проделывала у нас в доме. Я помню, как к нам каждый вечер собиралось на эти сеансы высшее тифлисское общество, которое занималось верчением столов, спиритическим писанием духов, стучанием столов и прочими фокусами. Как мне казалось, моя мать, тетка моя Фадеева и даже мой дядя Фадеев — все этим увлекались и до известной степени верили. Но эти занятия проделывались более или менее втайне от главы семейства — моего деда, а также и от моей бабушки — Фадеевых; ко всему этому довольно отрицательно относился и мой отец. В это время адъютантами фельдмаршала Барятинского были граф Воронцов-Дашков, теперешний наместник кавказский, оба графа Орловы-Давыдовы и Перфильев, — это были молодые люди из петербургской гвардейской *jeunesse dorée* *); я помню, что все они постоянно просиживали у нас целые вечера и ночи, занимаясь спиритизмом. Хотя я был тогда совсем еще мальчик, но уже относился ко всем фокусам Блавацкой довольно критически, сознавая, что в них есть какое-то шарлатанство, хотя оно и было сделано весьма искусно: так, например, раз при мне по желанию одного из присутствующих в другой комнате начало играть фортепиано, совсем закрытое, и никто в это время у фортепиано не стоял. Теперь, как кажется, ко всем этим спиритическим действиям общественное мнение Европы, а также

*) Золотой молодежи. — *Ред.*

и у нас в России относится как к шарлатанству; тогда же этим очень увлекались, и Юм, который был, конечно, точно так же не что иное, как ловкий и талантливый фокусник, считался весьма знаменитым человеком, а Блавацкая, будучи сотрудницей Юма, конечно, заимствовала от него все приемы и спиритические тайны. Впрочем, к сожалению, в последние годы у нас в Петербурге, по-видимому, начал опять процветать своего рода особый спиритизм, т. е. неврастеническое верование в проявления в различных формах и в различных признаках умерших лиц, и этот спиритизм, к сожалению, даже имел некоторые печальные последствия в государственной жизни.

В этот период своей жизни Блавацкая начала сходиться с мужем и даже поселилась вместе с ним в Тифлисе. Но вдруг в один прекрасный день ее на улице встречает оперный бас Митрович, который после своей блестящей карьеры в Европе, уже постарев и потеряв отчасти свой голос, получил ангажемент в тифлисскую итальянскую оперу. Так как Митрович всерьез считал Блавацкую своей женой, от него убежавшей, то, встретившись с нею на улице, он, конечно, сделал ей скандал. Результатом этого скандала было то, что Блавацкая вдруг из Тифлиса испарилась. Оказалось, что она вместе со своим мнимым мужем, басом Митровичем, который также бросил оперу, удрали с Кавказа. Затем Митрович получил ангажемент в киевскую оперу, где он начал петь по-русски, чему учила его мнимая супруга Блавацкая, и, несмотря на то что Митровичу в то время уже было, вероятно, под 60 лет, он тем не менее отлично пел в Киеве в русских операх, например, в «Жизни за царя», «Русалке» и пр., так как при своем таланте он легко мог изучать свои роли под руководством несомненно талантливой Блавацкой. В это время в Киеве генерал-губернатором был князь Дундуков-Корсаков. Этот Дундуков-Корсаков знал Блавацкую еще в молодости, раньше чем она вышла замуж за Блавацкого, потому что в то время он командовал на Кавказе (где жила и Блавацкая) одним из драгунских полков (Нижегородским). Какие недоразумения произошли между Блавацкой и Дундуковым-Корсаковым — генерал-губернатором Киева, я не знаю, но знаю только то, что в Киеве вдруг на всех перекрестках появились

наклеенные на стенах стихотворения, очень неприятные для Дундукова-Корсакова. Стихотворения эти принадлежали Блавацкой. Вследствие этого Митрович со своей мнимой супругой Блавацкой должны были оставить Киев и появились в Одессе. В это время в Одессе уже проживала моя мать со своей сестрой и детьми, в том числе и мною (мой дед, бабушка и отец уже умерли в Тифлисе), так как я и брат были там студентами университета. Тогда я уже был настолько развит, что мог вполне критически отнестись к Блавацкой, и, действительно, я составил себе совершенно ясное представление об этой выдающейся и до известной степени демонической личности. Уехав из Киева и поселившись в Одессе, Блавацкая с Митровичем должны были найти себе средства для жизни. И вот вдруг Блавацкая сначала открывает магазин и фабрику чернил, а потом цветочный магазин (т. е. магазин искусственных цветов). В это время она довольно часто приходила к моей матери, и я несколько раз заходил к ним в этот магазин. Когда я познакомился ближе с ней, то был поражен ее громадным талантом все схватывать самым быстрым образом: никогда не учившись музыке, она сама выучилась играть на фортепиано и давала концерты в Париже (и Лондоне); никогда не изучая теории музыки, она сделалась капельмейстером оркестра и хора у сербского короля Милана; давала спиритические представления; никогда серьезно не изучая языков, она говорила по-французски, по-английски и на других европейских языках, как на своем родном языке; никогда не изучая серьезно русской грамматики и литературы, многократно, на моих глазах, она писала длиннейшие письма стихами своим знакомым и родным с такой легкостью, с которой я не мог бы написать письма прозой; она могла писать целые листы стихами, которые лились как музыка и которые не содержали в себе ничего серьезного; она писала с легкостью всевозможные газетные статьи на самые серьезные темы, совсем не зная основательно того предмета, о котором писала; могла, смотря в глаза, говорить и рассказывать самые небывалые вещи, выражаясь иначе, — неправду, и с таким убеждением, с каким говорят только те лица, которые никогда, кроме правды, ничего не говорят. Рассказывая небывалые вещи и неправду, она, по-видимо-

му, сама была уверена в том, что то, что она говорила, действительно было, что это правда,— поэтому я не могу не сказать, что в ней было что-то демоническое, что было в ней, сказав попросту, что-то чертовское, хотя в сущности она была очень незлобивым, добрым человеком. Она обладала такими громаднейшими голубыми глазами, каких я никогда в жизни ни у кого не видел, и когда она начинала что-нибудь рассказывать, а в особенности небылицу, неправду, то эти глаза все время страшно искрились, и меня поэтому не удивляет, что она имела громадное влияние на многих людей, склонных к грубому мистицизму, ко всему необыкновенному, т. е. на людей, которым приелась жизнь на нашей планете и которые не могут высидеть до истинного понимания и чувствования предстоящей всем нам загробной жизни, т. е. на людей, которые ищут начал загробной жизни, и так как они их душе недоступны, то они стараются увлечься хотя бы фальсификацией этой будущей жизни. Я думаю, что знаменитый Катков, столь умный человек, человек, который умел относиться к явлениям жизни реально, вероятно, раскусил бы Блавацкую, если бы он с нею сталкивался. Но, насколько у Блавацкой был своеобразный и великий талант, служит доказательством то, что такой человек, как Катков, мог увлекаться феерическими рассказами «В дебрях Индостана», которые печатались в его журнале,— рассказами, которые он считал безусловно выдающимися и необыкновенными. Впрочем, мне и до настоящего времени приходится иногда слышать самые восторженные отзывы об этих рассказах, которые печатались в «Русском вестнике» несколько десятков лет тому назад. Конечно, цветочный магазин, открытый в Одессе Блавацкой, после того как прогорел ее магазин по продаже чернил, также был закрыт по той же причине, и тогда Митрович, которому было уже 60 лет, получил ангажемент в итальянскую оперу в Каир, куда он и отправился вместе с Блавацкой. Отношение его к Блавацкой было удивительно; он представлял собою беззубого льва, вечно стоявшего на страже у ног своей повелительницы, уже довольно старой и тучной дамы, как я уже указывал выше, ходившей большей частью в грязных капотах. Не доезжая до Каира, пароход совсем у берега потерпел крушение. Митрович, очутившись в

море, при помощи других пассажиров спас Блавацкую, но сам потонул. Таким образом, Блавацкая явилась в Каир в мокром капоте и мокрой юбке, не имея ни гроша. Как она выбралась оттуда — я не знаю. Но затем она очутилась в Англии и стала основывать там новое теософическое общество и для вящего подкрепления начал этого общества она отправилась в Индию, где изучала все индийские тайны. Это пребывание в Индии, между прочим, и послужило темой для указанных ранее статей «В дебрях Индостана», которые она писала, конечно, для того, чтобы заработать некоторое количество денег. По возвращении из Индии она приобрела уже много адептов и поклонников в своем новом теософическом учении, поселилась в Париже и была там главой всех теофизитов. Вскоре она заболела и умерла. Но теософическое учение осталось в различных частях света; еще в настоящее время во многих местах имеются теософические общества и еще недавно в Петербурге издавался теософический журнал¹. В конце концов если нужно доказательство, что человек не есть животное, что в нем есть душа, которая не может быть объяснена каким-нибудь материальным происхождением, то Блавацкая может служить этому отличным доказательством: в ней, несомненно, был дух, совершенно независимый от ее физического или физиологического существования. Вопрос только в том, каков был этот дух, а если встать на точку зрения представления о загробной жизни, что она делится на ад, чистилище и рай, то весь вопрос только в том, из какой именно части вышел тот дух, который поселился в Блавацкой на время ее земной жизни².

Вторая дочь «Зинаиды Р.», Вера Петровна Желиховская, благодаря своим книгам хорошо известна в Петербурге и вообще в больших российских городах; по крайней мере матери постоянно говорят мне о книгах, ею написанных, и сожалеют, что ее уже больше нет в живых и что теперь больше нет книг, которые были бы удобны для чтения юношества. Признаться, я ни одной книги ее не читал. Как я говорил, она была сначала замужем за Яхонтовым, а затем, когда Яхонтов умер, переехала с детьми в Тифлис, в дом Фадеевых, влюбилась в учителя

тифлисской гимназии, впоследствии директора гимназии, Желиховского. Фадеевы, которые были очень не чужды особому рода дворянского или, вернее, боярского чванства 60—70-х годов, конечно, о такой свадьбе и слышать не хотели. Вследствие этого Вера Петровна бежала из дому, вышла замуж за Желиховского, и в доме Фадеевых он никогда не бывал. После, когда бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, и Фадеев умерли, мой отец и мать начали принимать Желиховских. У Желиховской осталось двое сыновей от мужа Яхонтова, из которых первый — полковник одного из драгунских кавалерийских полков, и три дочери от Желиховского; старшая дочь вышла замуж за американца-публициста Джонсона. Он представлялся мне со своей женой в Нью-Йорке, когда я был в Америке по случаю заключения мирного трактата с Японией. Две другие дочери Желиховской находятся в Одессе, из которых одна несколько недель тому назад вышла замуж за семидесятилетнего корпусного командира.

Относительно семейства В и т т е я знаю, что мой отец, приехавший в Саратовскую губернию, был лютеранином; он был дворянином Псковской губернии, хотя и балтийского происхождения. Предки его, голландцы, приехали в балтийские губернии, когда таковые еще принадлежали шведам. Но семья Фадеевых была столь архиправославная, не в смысле черносотенного православия, а лучшем смысле этого слова — истинно православная, — что, конечно, несмотря на ни какую влюбленность моей матери в молодого Витте, эта свадьба не могла состояться до тех пор, пока мой отец не сделался православным. Поэтому еще до женитьбы или во всяком случае в первые годы женитьбы, до моего рождения, отец мой уже был православным и так как он вошел совершенно в семью Фадеевых, а с семьей Витте не имел никаких близких отношений, то, конечно, прожив многие десятки лет в счастливом супружестве с моей матерью, он и по духу сделался вполне православным. У них было три сына: Александр, Борис и третий — я, Сергей, а также две дочери, которые были моложе меня, — Ольга и Софья.

Мой старший брат Александр умер после последней турецкой войны. Он кончил курс в Московском кадетском корпусе и служил все время в Нижегородском драгунском полку. Память о нем в этом полку сохранилась до настоящего времени. До сих пор наиболее любимые песни, которые поются в этом полку, упоминают о храбром майоре Витте. Александр был средних умственных способностей, среднего образования, но был прекраснейшей души человек. Его любили все товарищи, а также и те офицеры, с которыми он когда-нибудь сталкивался. Перед войной с Турцией он дрался на дуэли с сыном бывшего товарища министра иностранных дел при Горчакове, Вестманом, которого и убил. Дуэль эта, как мне, помню, рассказывал мой брат, произошла по следующим причинам: полк в это время стоял в Пятигорске, куда, как известно, постоянно на лето приезжают различные семейства из России и Кавказа для лечения и вообще для времяпрепровождения. Приехало туда и одно семейство, в котором была одна барышня. Вестман, служивший в Северском полку, который стоял в Пятигорске, влюбился в эту барышню. Мой брат Александр был очень близок этому семейству и часто его посещал, вследствие чего Вестман весьма ревновал моего брата, хотя Александр был среднего роста, очень тучный, некрасивый — совершенно вахлак, но весьма симпатичный, добродушный человек, у которого в глазах постоянно сквозила доброта. В противоположность ему Вестман был очень красивый, галантный офицер. В Пятигорске был офицерский клуб, старшиной которого был мой брат. И вот однажды на балу в этом клубе во время танцев сидел Александр вместе с этой барышней; затем его позвали по каким-то клубным делам, он ушел; возвращается, а на его месте сидит Вестман; рядом же с барышней — свободный стул (вероятно, этот стул барышня и поставила для моего брата). Когда Александр сел на этот стул, Вестман, обратившись к нему, сказал: «Что же, вы сели сюда для того, чтобы подслушивать наш разговор?» На это мой брат ответил, что он не имел в виду ничего подобного и решительно не может понять, какие такие разговоры, которые бы составляли тайну, может вести с ним барышня. Во всяком случае он ничего слушать не хочет и готов сию же минуту удалиться.

На это Вестман сказал: «Да, я знаю, что вы подлец». На следующий день мой брат отправил к Вестману двух своих товарищей, чтобы они передали ему, что, несомненно, Вестман был пьян, почему он его выходку и оставил вчера без последствий; но что он надеется, что теперь Вестман явится к нему извиниться в присутствии офицеров. На это Вестман сказал, что он совершенно не желает извиняться, что он назвал Александра именно подлецом, чтобы последовали все последствия, происходящие от такого слова. На это брат послал ему вызов. Вестманом были назначены секунданты, и произошла дуэль на следующих условиях: драться должны были до тех пор, пока один из участников не будет или убит или так ранен, что не в состоянии будет владеть пистолетом; начать стрельбу на расстоянии 40 шагов; подходить постепенно по 10 шагов, и всякий раз, пройдя расстояние в 10 шагов, обмениваться выстрелами. Мне Александр рассказывал (что впоследствии и на суде подтверждено было, когда брата судили), что по первому сигналу он выстрелил в воздух, а Вестман выстрелил так, что пуля проскочила мимо самого уха брата, и он почувствовал контузию. Тогда брат послал секундантов спросить: не согласится ли Вестман теперь извиниться? Вестман отказался, сказав, что дерется для того, чтобы кто-нибудь из них был убит. Последовал второй сигнал; брат выстрелил опять в воздух, а Вестман опять так, что пуля его пролетела мимо другого уха Александра. Брат мне впоследствии рассказывал, что он тогда очень разозлился, но все-таки опять послал секундантов потребовать от Вестмана извинения; последний отказался, и только в третий раз брат уже стрелял, целясь; пуля Вестмана прошла и на этот раз мимо, а брат убил его наповал. В то время кавказским наместником был уже великий князь Михаил Николаевич, который очень любил моего брата и во время военного суда, происходившего в Тифлисе, все время находился в суде. В конце концов брата моего присудили к шестимесячному аресту в крепости, но Александр не просидел, кажется, и двух месяцев, так как была объявлена Восточная война, и он по распоряжению великого князя был освобожден и пошел на войну вместе со своим полком в качестве эскадронного, а потом и дивизионного командира.

На войне он многократно отличался, но ни разу не был ранен. Самый известный его подвиг — это тот, когда его корпусной командир, впоследствии граф Лорис-Меликов, на основании планов Генерального штаба послал брата с его адъютантом и двумя сотнями казаков сделать рекогносцировку около Карса, причем Александру была дана карта, по которой он должен был проехать по одному направлению около Карса, а вернуться по другому. Из рассказов моего брата я знаю, что произошло следующее: когда он поехал на рекогносцировку, причем адъютант или состоящий при нем офицер держал перед собой эту карту, вдруг они столкнулись с несколькими турецкими батальонами, и так как Александр имел приказание проехать кругом и вернуться с другой стороны, то он скомандовал: «в атаку!» Его эскадрон прорвался через цепь турецкой пехоты, потеряв сравнительно незначительное число людей. Начали скакать далее; вдруг он видит перед собою громадную пропасть, которую невозможно было проехать, и если бы прыгнуть в эту пропасть, то все без исключения погибли бы в ней. Тогда Александр приказал повернуть назад и снова атаковать противника. В это время к турецкому батальону, из которого много людей было уже ими уничтожено, подоспела помощь, и Александр должен был снова атаковать и снова прорываться, причем в этих двух атаках он оставил на поле боя половину людей. Все это произошло потому, что офицеры Генерального штаба составили неправильный план. У брата был флаг этого отряда, и он вернулся, не потеряв этого флага, за что по статуту ему полагался «Георгий». Но это обстоятельство поставило Лорис-Меликова в самое затруднительное положение, потому что, если бы он донес обо всем происшедшем, то офицеры Генерального штаба должны были бы пойти под суд. Тогда моего брата позвал великий князь Михаил Николаевич, объяснил ему положение дела и сказал: «Друг мой, извини, но это дело нужно забыть, как будто бы его никогда и не бывало, потому что иначе я должен буду выдать всех офицеров Генерального штаба». Так и было решено. Но когда кончилась война, то в первый же Георгиевский праздник в числе депутатий кавказских офицеров приехал и мой брат, потому что за другие подвиги он получил золотую (Георгиевскую) шашку, а

кроме того он имел все ордена, которые полагаются при его чине полковника (все ордена он имел с мечами). Это было в начале 80-х годов, и так как война уже кончилась, то великий князь Михаил Николаевич рассказал эту историю императору Александру II. Император Александр II во время Георгиевского праздника подошел к моему брату, снял своего маленького Георгия и повесил ему, сказав, что Александр давно его заслужил, но что он теперь только узнал об этом происшествии. В течение всей войны, несмотря на постоянные опасности, которым подвергался мой брат, он не был ранен; только перед самым окончанием войны, когда почти уже было известно, что война вот-вот кончится, Александр с маленьким отрядом поехал проверять посты, и тут шальная турецкая бомба пролетела мимо его головы и контузила. Считали, что он убит. Даже моя мать получила телеграмму от великого князя Михаила Николаевича с соболезнованием о том, что ее старший сын, один из самых любимейших его офицеров, к сожалению, убит. Но Александра положили в госпиталь, через несколько дней он пришел в себя и вскоре поправился. Мой брат должен был получить полк, но это не могло состояться, так как он вследствие контузии не мог при свете поднимать глаза и всегда днем сидел с закрытыми глазами, и только в темноте он мог открывать глаза. В это время я был управляющим Юго-Западных дорог в Киеве, он приезжал ко мне. Из моего семейства сильнее всех любил его я. Я советовался с самыми лучшими докторами, они сказали, что у него есть какие-то повреждения, и предупредили меня, что я могу внезапно получить известие о том, что он умер от удара. Вследствие этого Александру дали командовать запасным кадром кавказской кавалерии, находящимся около Ростова; командир этого запасного кадра равен командиру полка. При нем был там доктор Писаренко — тот самый доктор, который ныне состоит при эмире бухарском. И действительно, в один несчастный для меня день, я получил телеграмму от этого Писаренко о том, что мой брат лег спать и больше не проснулся, т. е. с ним случился удар. С покойным братом я очень часто разговаривал о войне; он всегда был очень скромен и благодушен. Я помню, он постоянно мне говорил об ощущениях, которые приходится претерпевать на вой-

не. Александр говорил: если кто-нибудь когда-нибудь будет тебе говорить, что он не боялся, идя на войну (и во время войны), — не верь ему. До боя — все бояться, но когда уже начнется бой, то тогда люди действительно забываются, и, забываясь, они перестают чего-либо бояться. Он говорил, что отлично помнит, как часто, пускаясь в атаку с кавалерией, он рубил неприятелей с меньшим сожалением, чем если бы ему пришлось рубить баранов. Кровь, которая брызгала и лилась вокруг брата, не производила на него никакого впечатления, и тем не менее когда ему приходилось идти в бой, то до боя он всегда испытывал волнение.

Мне лично пришлось испытать точно такое же чувство, когда я после 17 октября в течение полугода был председателем Совета. В самый разгар революции, когда я ежедневно и ежечасно подвергал свою жизнь опасности, — меня на каждом шагу предупреждали, чтобы я не ехал туда-то, скрывался бы оттуда-то, говорили о необходимости иметь какую-то охрану, я, несмотря на это, в течение полугода жил без всякой охраны, ездил всюду, не имея не только официальной охраны, но и тайной. Мне часто давали знать по телефону, чтобы я не ехал туда-то и берегся, сидел бы столько-то дней дома, — я никогда не исполнял этого, но должен сказать, что когда я находился у себя, ложился спать, зная, что утром на следующий день мне придется ехать туда и туда, — я все время страшно боялся и, когда мне приходилось спускаться с лестницы, садиться в экипаж и затем ехать туда, где есть публика, народ, то, выходя из дому я всякий раз страшно трусил, боялся; но как только я усаживался в экипаж и ехал, у меня эта боязнь проходила, и я ехал, чувствуя себя так же спокойно, как в настоящее время, когда я диктую эти строки. Вот именно тогда-то я и понял то чувство, о котором мне рассказывал мой покойный брат. Мне говорили лица, знавшие Скобелева (я также его знал), что и он им говорил то же самое, т. е., что до тех пор, пока он не выходил под пули, в самый бой — он всегда трусил, но как только он выходил перед солдатами и начиналась стрельба, он забывал о своем страхе, и стрельба не производила на него никакого впечатления.

Второй мой брат, Борис, ничего особенного собою не представлял; он был любимец матери и отца и более других избалован. Борис кончил курс вместе со мною, но он был на юридическом факультете. Затем все время он служил в судебном ведомстве и кончил свою карьеру тем, что умер председателем одесской судебной палаты.

Затем у меня, как я уже говорил, были две сестры: одна — Ольга и другая — Софья. Ольга умерла два года тому назад, не достигнув 50-летнего возраста, а младшая, Софья, жива до сих пор и до сих пор находится в Одессе. Младшая сестра Софья получила от кого-то, т. е. посредством заражения, туберкулез легких. Обе сестры были крайне дружны и жили вместе. Старшая сестра Ольга, конечно, ухаживала за младшей, заразилась от нее тем же самым (туберкулезом) и умерла; младшая же сестра жива до сего времени, хотя весьма больна. В настоящее время из семейства Фадеевых остались в живых я, моя сестра Софья и тетка Надежда Андреевна Фадеева, которая живет в Одессе вместе с сестрой; тетке уже около 83 лет.

Я был любимцем моего дедушки, и в семействе вообще относились ко мне любовно, но в общем довольно равнодушно. Старший брат Александр был любимцем бабушки, а сестра Ольга была любимицей отца и матери, как первая дочь, родившаяся после трех сыновей. Софья же не была никем особенно балована, но все к ней относились любовно. Первоначальное воспитание и образование в детстве мы все три мальчика получили от нашей бабушки — Елены Павловны Фадеевой, урожденной Долгорукой.

Елена Павловна была совершенно из ряда вон выходящая женщина по тому времени в смысле своего образования; она очень любила природу и весьма усердно занималась ботаникой. Будучи на Кавказе, она составила громадную коллекцию кавказской флоры с описанием всех растений и научным их определением. Вся эта коллекция и весь труд Елены Павловны были подарены наследниками ее в Новороссийский университет. Бабушка научила нас читать, писать и внедрила в нас основы религиозности и догматы нашей православной церкви. Я не помню ее иначе,

как сидящей в кресле вследствие полученного ею паралича. Бабушка умерла, когда мне было лет 10—12. Мой дедушка Фадеев находился под ее нравственным обаянием, так что главою семейства была всегда Фадеева-Долгорукая. Дедушка женился на ней, будучи молодым чиновником; где он с нею познакомился — я не знаю, но знаю, что родители моей бабушки жили в Пензенской губернии; они были дворяне Пензенской губернии.

Когда они поженились, то отец бабушки — Павел Васильевич Долгорукий — благословил их древним крестом, который, по семейным преданиям, принадлежал Михаилу Черниговскому. Из истории известно, что Михаил Черниговский погиб, когда приехал к татарскому хану, который подходил с своею ордой к центру России — Москве. В орде было предложено Михаилу Черниговскому поклониться их идолам, от чего этот последний отказался, был там же казнен, вследствие чего и был провозглашен святым. По преданиям, идя на смерть, он отдал находившийся у него крест боярам, приказав им передать этот крест его детям. Таким образом, крест этот постепенно переходил от отца к сыну в поколениях, идущих от Михаила Черниговского, т. е. по старшей линии Долгоруких, и с окончанием этой линии Еленой Павловной перешел к ее сыну, генералу Фадееву; так как генерал Фадеев не был женат, то крест от него перешел к моей матери, а от матери к моей тетке Фадеевой. В последнюю бытность мою в Одессе, два года тому назад, тетка вручила этот крест мне, так как она уже стала стара. Крест этот находился у меня в доме; я его показывал здесь двум знатокам, с одной стороны, — академику Кондакову, а с другой — директору Публичной библиотеки Кобеко. Оба они, признавая, что этот крест самого древнейшего происхождения и содержит в себе св. мощи, сомневаются в правильности сохранившегося в семействе князей Долгоруких предания относительно того, что этот крест был на Михаиле Черниговском до его казни, но, с другой стороны, они не решаются безусловно утверждать противное.

ГЛАВА ВТОРАЯ

РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ

Так как у моего деда Фадеева были три дочери и только один сын, то понятно, что всю свою любовь они сосредоточили на этом сыне. Когда этот сын Ростислав вырос, то Фадеевы из Саратова, где мой дед был губернатором, перевезли его в Петербург и поместили в один из кадетских корпусов, где с ним случился такой казус: как-то утром по коридору, где находился кадет Фадеев, проходил офицер-воспитатель; офицер заметил, что у Фадеева дурно причесаны волосы, а поэтому сказал ему: «Подите, перечешитесь», и при этом сунул свою руку в его волосы, за что Фадеев ударил офицера по физиономии. Об этом происшествии было, конечно, сейчас же доложено императору Николаю I, и в результате Фадеев был сослан солдатом в одну из батарей, находившуюся в Бендерах. По тем временам он должен был подвергнуться гораздо большему наказанию, но благодаря тому, что начальником всех военных учебных заведений был князь Долгорукий, который вступился за своего родича, император Николай I, любивший князя, ограничился этим наказанием. Приехав в Бендеры, Фадеев исправно вынес службу в солдатах в течение назначенного ему времени; отбыв это наказание, он вернулся к своему отцу в Саратов дворянином без всяких занятий. Тут, в Саратове, увлекся чтением и изучением наук. Во время своего пребывания в Саратове под руководством матери Фадеев сделался вполне образованным человеком благодаря любви к чтению и вообще к наукам, его интересующим, преимущественно историческим, географиче-

ским и военным. Из дальнейшего рассказа будет видно, что Фадеев имел громадное влияние на мое образование и на мою умственную психологию. Я к нему был очень близок, в особенности когда уже окончил курс в университете и потому жил уже вполне сознательной жизнью. Должен сказать, что я не встречал в своей жизни человека более образованного и талантливого, чем Ростислав Андреевич Фадеев, что, впрочем, должно быть известно всем образованным людям в России, ибо Фадеев написал замечательные работы, не только по военной части, такие как, например, «Вооруженные силы России», но и по внутренней и внешней политике, как, например: «Чем нам быть?», «Восточный вопрос» и пр.³ Фадеев владел французским языком так же, как русским и потому иногда писал в «Revue de deux mondes» и других французских журналах. Он был полон знаний и таланта и вообще духовных сил; был несколько склонен к мистицизму и даже к спиритизму. Он был настолько образован и талантлив, что должен был сделать громадную карьеру, но у него был один недостаток, — недостаток этот заключался в том, что он легко поддавался увлечениям по фантастичности своей натуры. В этом смысле он напоминал свою двоюродную сестру Блавацкую, но, конечно, представлял собой гораздо более чистый в нравственном смысле экземпляр; он был также гораздо более образован, чем она. Во всяком случае Фадеев и Блавацкая могут служить доказательством того, что известные качества натуры передаются по наследству из поколения в поколение. Фадеев, живя у своих отца и матери и ничего не делая, конечно, не мог удовлетвориться такой жизнью, несмотря на свое пристрастие к книгам; с другой стороны, пребывание Фадеева в Саратове несколько стесняло его родителей, так как он позволял себе иногда невозможные выходки. Так, например, Фадеев гулял иногда по городу — хотя и в очень раннее время — совершенно без всякого одевания; также стрелял на улице пулями; к счастью, эта стрельба ничем дурным никогда не кончалась. В конце концов Фадеев уехал вольноопределяющимся на Кавказ. Уехал он туда потому, что в то время Кавказ манил к себе всех, кто предпочитал жить на войне, а не в мирном обществе. Это же, вероятно, было причиной того, что мои дед и бабушка,

когда получили приглашение от наместника на Кавказе князя Воронцова приехать туда, легко на это предложение согласились. Я говорю: легко согласились на это, так как, конечно, в те времена, когда не было железных дорог, когда кавказский перевал был занят неприятельскими племенами, когда вообще весь Кавказ пылал восстаниями и военными действиями с турками, охотников из гражданских чинов ехать на Кавказ, хотя бы и на самые высшие должности, почти не находилось. На Кавказе молодой Фадеев скоро был произведен в офицеры; затем он участвовал почти во всех походах и войнах Кавказа во время наместничества светлейшего князя Воронцова, потом Муравьева, в особенности при генерал-фельдмаршале князе Барятинском, который в сущности и покорил Кавказ и, наконец, в первые годы наместничества великого князя Михаила Николаевича⁴.

Наместничества князя Воронцова я не помню, так как я родился на свет в конце его наместничества; знаю, что на Кавказе к нему относились с большим уважением и что он являлся там преимущественно гражданским устройтелем. После Воронцова наместником был назначен Муравьев. Муравьева на Кавказе не очень любили; его я уже помню; помню, как он делал смотры; ездил он верхом очень гадко, был очень полный и вообще своей особой не производил никакого впечатления. Помню также и то, что он жил во дворце, в котором и ныне живет наместник граф Воронцов-Дашков. В те времена при дворце не было устроено надлежащих ванн или бань; была только русская баня в том самом переулке, в который выходит и дворец, против арсенала. Баня эта была выстроена из бревен. Помню, как Муравьев, который ужасно любил париться в русских банях, ходил туда и обратно в костюмах, до известной степени напоминавших те костюмы, в которых ходил молодой Фадеев в Саратове.

Во времена Муравьева, который наместником на Кавказе был недолго, как известно, происходила война с Турцией; была осада и взятие Карса, причем при этой осаде

и взятии мы понесли большие потери. Мой дядя мне рассказывал, что при взятии Карса он стал религиозным человеком, до того же времени он был заражен атеизмом. В числе военных, которые находились при взятии Карса, был Скобелев, отец знаменитого Скобелева и княгини Белосельской-Белозерской, ныне живущей еще на Крестовском острове. Скобелев, который, как известно, был сыном простого солдата Скобелева, командовал в то время одним из полков; он очень любил моего дядю, бывшего уже в то время в капитанском чине и гораздо моложе его. Дядя мне рассказывал, что когда он получил приказ атаковать Карс и во что бы то ни стало взять его, то многие офицеры в тот вечер, по привычке того времени, кутили перед боем, Скобелев же целый вечер употребил на молитву и на приготовление себя к смерти; своим примером он заставил делать то же самое и Фадеева; Фадеев исполнил все то, что полагается православному христианину, который собирается уходить на тот свет. Все было сделано так благоговейно и так торжественно, что, как мне после говорил Фадеев, с тех пор он перестал быть атеистом, поверил в бога, в загробную жизнь и сделался большим поклонником православной церкви (в которой, конечно, он и родился). Всю свою жизнь он был истинным сторонником православной церкви, сторонником весьма образованным и начитанным, знающим священную историю и вообще всю историю церкви. Конечно, он был адептом православной церкви не в том черносотенном смысле, в котором ныне во многих высших сферах, преимущественно в сферах церковных, синодальных, понимается русская православная церковь. Он был возмущен тем черносотенным направлением русской церкви, в каком она находится в России, по крайней мере в верхах, причем иерархи церкви занимаются гораздо менее богом, нежели черносотенной политикой. Он постоянно восхищался тем томом сочинений Хомякова — отца прекрасного человека, но большого балагура, бывшего председателя Государственной думы, — в котором содержатся его статьи на богословские темы. Этот том сочинений Хомякова не был в продаже в России, и я даже не знаю, разрешен ли он к продаже ныне или нет. Я его прочел, будучи еще молодым человеком, и должен сказать, что из всех богословских книг

наибольшее впечатление произвели на меня богословские статьи Хомякова⁶.

При взятии Карса, как я уже говорил, мы потеряли большое количество войск; как известно, наши первые осады и атаки были даже отбиты и мы потерпели значительный урон. Фадеев рассказывал мне, что в то время он был очень дружен с офицером князем Орбелиани, близким родственником той Орбелиани, которая впоследствии сделалась женой фельдмаршала князя Барятинского. И вот Фадеев говорил мне, что во время атаки одну колонну солдат повел Орбелиани и, несмотря на град пуль, она дошла до турецких войск, и вдруг — к ужасу Фадеева, моего дяди — он видит Орбелиани сидящим на лошади и размахивающим шашкой, дабы солдаты продолжали идти вперед, а лошадь его — на штыках у турецких солдат. Таким образом, Орбелиани как будто бы находился на пьедестале, т. е. он изображал из себя род памятника, стоящего не на пьедестале, а находящегося на штыках у турецких солдат. В этом, конечно, для военного времени ничего удивительного нет; но что было особенно удивительно, это, то, что в конце концов Орбелиани остался жив, получив только несколько ран, нанесенных холодным оружием. Впоследствии этого Орбелиани я очень часто видел, знал его, когда был еще юношей; был в товарищеских отношениях с его сыном Николаем, с которым, между прочим, мы учились вместе в Новороссийском университете.

Как я говорил, Фадеев играл особую роль при фельдмаршале князе Барятинском; фельдмаршал князь Барятинский, как известно, стал наместником на Кавказе после Муравьева и после смерти императора Николая. Почти одновременно со смертью императора Николая, во время коронации императора Александра II в Москве, он покинул Кавказ, будучи командиром Кабардинского полка. На Кавказе князь Барятинский был в сравнительно низких чинах, так как он кончил эту первую стадию своей службы только полковым командиром; уже тогда он отличался своей замечательной храбростью и во время стычек с горцами многократно получал сквозные пулевые ранения; говорили, что живот князя Барятинского — как решето. С одной стороны, вследствие такой его доблести, а с дру-

гой — потому, что он был другом императора (Александр II был с ним «на ты») еще будучи молодым офицером, князь Барятинский и был назначен наместником Кавказа. Я очень хорошо помню это время и должен сказать, что все были в восторге от этого назначения, потому что никто не любил Муравьева; были в восторге именно потому, что Барятинский был, так сказать, кавказский человек, а Муравьев — пришлый. Вообще «пришлые» наместники никогда не пользовались особой любовью на Кавказе. Исключение составлял только великий князь Михаил Николаевич, но тут нет ничего удивительного: свойства характера великого князя были таковы, что он всегда опирался на кого-нибудь и был настолько благоразумен, что опирался всегда на кавказских деятелей, т. е. на таких, которые сроднились с Кавказом.

Возвращаясь к князю Барятинскому, я, между прочим, упомяну, что в молодости он служил в Петербурге, в лейб-гусарском полку, был другом Александра II; он был чрезвычайно красив и считался первым Дон-Жуаном во всех великосветских петербургских гостиных. Как молва, не без основания, говорит, Барятинский был очень протезируем одной из дочерей императора Николая, насколько я помню, Ольгой Николаевной. Так как отношения между ними зашли несколько далее, чем это было допустимо, то император Николай, убедившись в этом воочию, выслал князя Барятинского на Кавказ, где он и сделал свою карьеру. Во время походов против горцев, когда князь Барятинский был еще в низших чинах, он познакомился с молодым офицером Фадеевым, которого впоследствии чрезвычайно ценил и потому, приехав наместником на Кавказ, он сейчас же сделал Фадеева своим адъютантом. Таким образом, Фадеев, уже на моей памяти, из свиты фельдмаршала наместника князя Барятинского, главнокомандующего кавказской армией, был ближайшим к нему человеком; князь Барятинский вместе с Фадеевым участвовали во всех походах и при взятии Шамиля, и при осаде Гуниба. Вечером, накануне осады, когда были большие сомнения: предпринять ли атаку или взять Шамиля измором, Фадеев очень настаивал на том, чтобы атаковать Шамиля вопреки мнению других, которые считали, что не следует при этой атаке жертвовать жизнью многих

сотен, если не тысяч людей. Барятинский согласился с мнением Фадеева, и во время атаки Фадеев принимал в ней самое живейшее участие, находясь все время в распоряжении фельдмаршала Барятинского. В то время Барятинский, конечно, не был еще фельдмаршалом; он получил фельдмаршала после окончательного покорения Кавказа, т. е. после занятия Гуниба и взятия в плен Шамиля. Во время сражений Шамиль всегда выезжал со своим знаменем, никогда не расставаясь с ним, и вот после взятия Гуниба, когда Шамиль сдался, он это знамя в знак покорности передал князю Барятинскому. Во всех литографированных картинах того времени, изображающих этот сюжет (из которых многие сохранились донныне), изображается сцена, как Шамиль, сдаваясь, передает Барятинскому свое знамя. Вечером, позвав к себе Фадеева, Барятинский сказал ему, что он дарит Фадееву это знамя, так как взятие Гуниба во многом обязано его советам. Знамя это после смерти Фадеева находилось у его сестры Надежды Андреевны Фадеевой, а в последнее мое свидание с нею она мне его вручила. Теперь это знамя находится у меня и висит в моей библиотеке.

Ближайшими советчиками Барятинского в то время были: Фадеев и начальник штаба (Барятинского) Милютин, ныне генерал-фельдмаршал Милютин, который во все время царствования императора Александра II был военным министром; теперь он живет в Крыму, и ему уже более 92 лет. Милютин, несомненно, представлял собой также весьма даровитого человека, но он был полной противоположностью Фадееву. Фадеев не получил систематического академического образования; он имел, если можно так выразиться, вольное образование; был скорее художник науки, блистал громадными талантами, был человеком увлекающимся, с большой долей фантазии. Напротив того, Милютин представлял собой сухого, военного академика, ученого, последовательного человека, с большими видами, с большой программой, систематической, может быть, недостаточно талантливой, но весьма последовательной и крайне разработанной. Одним словом, он был элементом военного порядка, военной дисциплины, военной системы кавказской армии, чего, конечно, не доставало Барятинскому. Фадеев был скорее человек бое-

вой, любивший гораздо более боевой огонь, нежели кабинетную военную работу, человек с долей военной фантазии и военных порывов, был большим писателем, писателем живым; писал как живой человек, а не как академическая машина. Вот эти два человека, Милютин и Фадеев, играли громадную роль на Кавказе при Барятинском и затем до самой смерти Фадеева эти два человека сталкиваются в различном понимании военных нужд, военного будущего и вообще потребности российской империи.

Я помню князя Барятинского сознательно, когда он уже был фельдмаршалом, после того как в сущности Кавказ был покорен, и мой дядя написал довольно известную книгу: «Шестьдесят лет кавказской войны». Барятинский был холостой, жил во дворце наместников, и я помню, как, будучи еще мальчиком, на его больших балах я бывал на хорах. Барятинский держал себя весьма величественно, имел адъютантов, из которых многие были из петербургской jeunesse dorée; они чрезвычайно украшали его балы. Впрочем, в то время в Тифлисе было много молодых людей, приезжающих сюда из России для спорта: одни поступали служить на военную службу, желая испытать ощущения войны, другие поступали на гражданскую службу, имея в виду, что жизнь на Кавказе вообще была очень веселая. Среди его адъютантов был полковник Давыдов; он был женат на княжне Орбелиани. Княжна Орбелиани была невысокого роста, с довольно обыденной фигурой, но с очень выразительным лицом кавказского типа. Я думаю, что она представляла собой тип кошки. Ее сестра — впрочем, не родная, а усыновленная отцом Орбелиани-Давыдовой, — впоследствии вышла замуж за Василия Львовича Нарышкина, отца моего зятя. Так вот Барятинский начал ухаживать за женой своего адъютанта Давыдова; так как вообще князь Барятинский очень любил ухаживать за дамами, то никто и не думал, чтобы это ухаживание кончилось чем-нибудь серьезным. Окончилось же это ухаживание (в действительности) тем, что в один прекрасный день Барятинский уехал с Кавказа, до известной степени похитив жену своего адъютанта. Он уехал за границу якобы лечиться, но более уж оттуда не возвращался. За границей он дрался на дуэли со своим

адъютантом Давыдовым. Хотя я и слышал рассказы об этой дуэли от моего дяди Фадеева, который в то время был вместе с Барятинским за границей, но подробности ускользнули из моей памяти. Во всяком случае я помню только то, что результат дуэли был довольно постыдный не для Барятинского, а для Давыдова. После этой дуэли Барятинский не мог, конечно, вернуться на Кавказ, а также не мог скоро возвратиться и в Россию. Отношения его с императором Александром II также испортились (по причинам, которые я изложу далее), хотя император и предоставил ему жить в Скерневицах, где он и жил иногда вместе со своей женой, бывшей Давыдовой, урожденной Орбелиани. Там же вместе с его женой жила и молодая «сестра» княгини Барятинской, т. е. приемная дочь отца бывшей Давыдовой, князя Орбелиани, которой была дана фамилия и титул Орбелиани. В Скерневицах встретился с нею Василий Львович Нарышкин, который был в то время страшным богачом. Нарышкин влюбился и женился на ней. Император Александр III (будучи в то время еще наследником-цесаревичем) оказывал Барятинскому целый ряд знаков внимания. Последний период своей жизни Барятинский почти безвыездно провел в России или в Скерневицах, или в имении Ивановском (Курской губ.). Когда Барятинский умер, и тело его было привезено в это имение для похорон, то наследник-цесаревич (будущий император Александр III) ездил туда на его похороны. Александр II обратился к князю Барятинскому только после последней турецкой, так называемой Восточной войны конца 70-х годов прошлого столетия. Когда война эта кончилась Сан-Стефанским договором, то европейские державы, и в особенности Австрия, были этим крайне недовольны. Ожидалась война с Австрией. В это время император Александр II *) и обратился к Барятинскому, прося его быть главнокомандующим армией в случае войны с Австрией. В те времена Барятинский уже очень болел; вообще последнее время он болел подагрой, которая началась у него еще на Кавказе, но, несмотря на свою болезнь, он согласился принять это назначение. Началь-

* Это были последние годы царствования императора Александра II.

ником штаба Бярятинскаго был предположен генерал Обручѣв, бывшій начальник штаба военнаго министерства; начальником тыла арміи был предположен генерал Анненков; тогда же предложили мне, на случай войны, занять место начальника железнодорожныхъ сообщеній, на что я согласился. В то время я был еще чрезвычайно молодымъ человекомъ. Ранее чемъ выехать съ Кавказа, Бярятинскій, какъ я уже говорилъ, былъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ съ императоромъ Александромъ II; въ это время у Бярятинскаго зародился планъ, который онъ словесно передалъ императору Александру II и получилъ одобреніе.

Предполагалось сдѣлать полное преобразованіе всего военнаго устройства въ Россіи и при томъ въ основу принять военную прусскую систему. Какъ известно, прусская система заключается въ томъ, что тамъ все части войскъ — территориальныя — комплектуются почти что на мѣстѣ. Затемъ военныя (т. е. чисто боевыя) приготовленія къ боевой дѣятельности находятся въ рукахъ корпусныхъ командировъ. Эти корпусныя командиры непосредственно подчинены императору, въ те времена — королю прусскому. Въ распоряженіи императора находится генеральный штабъ съ начальникомъ Генеральнаго штаба (Мольтке); при императорѣ состоитъ (походная) канцелярія, которая служитъ промежуточной инстанціей между императоромъ и корпусными командирами, которымъ императоръ и отдаетъ непосредственно приказы, иногда совѣщаясь для сего съ начальникомъ Генеральнаго штаба; все военныя планы составляются въ Генеральномъ штабѣ. Административно-военная часть выделена отъ чисто военной, т. е. боевой, и находится въ веденіи и распоряженіи военнаго министерства, которое управляется министромъ, на общеминистерскомъ основаніи. Князь Бярятинскій предполагалъ устроить въ Россіи организацію наподобіе этой прусской организаціи, т. е. чтобы у государя былъ начальникъ генеральнаго штаба и чтобы этому начальнику — и государю черезъ его посредство — были подчинены все корпусныя командиры, которые должны быть вполне независимы и считать своимъ начальникомъ только государя императора; вся же административная часть должна была находиться въ распоряженіи военнаго

министра. По мысли Барятинского, место начальника Генерального штаба должен был занять он, на что он имел согласие и государя императора. Военно-административная часть должна была быть выделена и отдана в ведение военного министерства, и на пост военного министра Барятинским был рекомендован его начальник штаба — Милютин, который в то время еще не был графом Милютиным... Начальником канцелярии Генерального штаба предполагался Фадеев, т. е., иначе говоря, он должен был стать правой рукой Барятинского. После войны Барятинский предполагал оставить Кавказ, так как после взятия Шамиля и покорения горцев Кавказ ничего привлекательного из себя для него не представлял. Раньше чем приехать в Петербург и заняться переустройством армии по той программе, которую я только что очертил, Барятинский испросил разрешение поехать за границу, чтобы там несколько отдохнуть. Вероятно, государь Александр II не предполагал, что Барятинский уедет с Кавказа, увезя с собой жену своего адъютанта Давыдову, и вообще не предполагал всей той истории, которая вследствие этого произошла; поэтому, по рекомендации Барятинского, военным министром был назначен Милютин.

Милютин начал проводить не ту программу, которую предполагал Барятинский и в основе которой лежала германская военная система, а ту, которая существовала в то время и которая и ныне принята во Франции, т. е. систему военных округов без отделения административной части от военной; напротив того, все, касающееся войск, как административная часть, так и чисто военная, переплетается, и обе они находятся в распоряжении одних и тех же начальников дивизий, а затем начальники дивизий уже подчинены начальникам военных округов, а начальники военных округов подчинены министру; номинально они, конечно, подчинены монарху, но, в сущности говоря, военный министр, держа все военные части в своих руках, естественно, является начальником и главой всего, что касается военного дела. Такая система в общих чертах существует во Франции, таковую же систему начал проводить и Милютин⁶. Я думаю, что Милютин держался этой

системы по убеждению, а не из вида какой-либо карьеры, но тем не менее это имело вид как будто интриги против Барятинского. Естественно, что при системе, которую проводил Милютин, Барятинскому для военной деятельности не было места в российской империи. Начался спор, который потом проникал несколько раз и в прессу; спор этот вели, с одной стороны, Фадеев, а с другой — сотрудники Милютина. Единомышленниками Фадеева в этом отношении были такие выдающиеся генералы, как, например, генерал Коцебу, граф Лидерс и Черняев. Но все статьи и записки принадлежали исключительно Фадееву и Комарову, который по идеям своим был очень близок к Фадееву⁷.

Комаров специально для борьбы с противоположной партией основал газету; как она называлась сначала — я не помню, впоследствии она была переименована в газету «Свет», которая существует и до настоящего времени⁸. Со смертью генерала Комарова, который умер только два года тому назад, эта газета сделалась уже чисто гражданской; военными же вопросами она совсем не интересуется; но в 70—80-х годах в ней по преимуществу печатались военные статьи, принадлежавшие по большей части Фадееву и частью самому редактору газеты Комарову (изредка писал и Черняев). В официальных же журналах военного министерства возражали против того, что писала партия Фадеева: Обручев, Онучин, Анненков и др. — все по большей части вышедшие в генералы из офицеров Генерального штаба. Таким образом, можно сказать, что еще и в те времена были разногласия, с одной стороны, между генералами, не принадлежавшими к Генеральному штабу — генералами по преимуществу боевыми, а с другой стороны — между офицерами Генерального штаба и их представителями — генералами Генерального штаба. Как известно, эти несогласия во взглядах по самым капитальным и существенным вопросам существуют до настоящего времени, и эти разногласия весьма обострились после последней японской войны. Таким образом, Фадеев вступил на путь ожесточенной полемики с военным министерством и с самим главой оного — военным министром Милютиным. Естественно, что вследствие этого генералу Фадееву не было места для военной карьеры в России.

На него жаловались императору Александру II, и мне самому как-то раз дядя, возвращаясь из Царского Села, рассказывал следующее: гуляя в Царскосельском парке, он вдруг встретился там с императором Александром II, который подошел к дяде и, не узнав его, спросил: кто он такой? Когда дядя ответил ему, что он Фадеев, то император сказал: «Ну, а что, — ты все пишешь? Скоро ли перестанешь писать?» — это было сказано недовольным тоном.

Кроме военных статей и книг, Фадеевым было написано несколько политических статей и книг. Он написал «Восточный вопрос»; это возбудило обострение в дипломатических отношениях между Россией и Австрией; канцлер князь Горчаков пожаловался на Фадеева императору Александру II, и это обстоятельство вынудило моего дядю выйти в отставку⁹. Затем Фадеев принял предложение поехать в Египет, в сущности для того, чтобы занять там пост военного министра, хотя этот пост и не назывался прямо постом военного министра; одним словом, ему было поручено хедивом устройство и организация хедивской армии. Насколько мне известно, это ему устроил посол в Константинополе граф Игнатьев, который с дядей был в хороших отношениях, — тот граф Игнатьев, который заключил Сан-Стефанский договор и затем был при императоре Александре III министром внутренних дел. Таким образом, Фадеев некоторое время прожил в Египте, но поездка эта была неудачной в том отношении, что вскоре египетский хедив был вынужден объявить войну Абиссинии, вследствие чего Фадеев отказался от руководства египетской армией, так как война против христиан — а абиссинцы, в сущности, последователи учения Христа, хотя и в несколько изуродованном виде, — не согласовалась с его убеждениями. Тем не менее дядя расстался с хедивом, продолжая быть с ним в самых хороших отношениях¹⁰. Я помню, что когда дядя вернулся в Одессу, я жил там вместе с матерью, сестрами, теткой и братом; в это время он остался без места и написал книгу: «Чем нам быть?»¹¹.

Когда затем вспыхнула война с Турцией, то дядя написал Милютину, что он не может оставаться в бездействии,

не может не принимать участия в войне, так как военное чувство его возмущается против этого. Вследствие письма произошло примирение моего дяди с Милютиным, и последний посоветовал ему уехать в нашу действующую армию за Дунай. Ввиду того, что тогда мой дядя был только генерал-майор, по летам же и по имени он был гораздо старше большинства наших военных начальников, граф Милютин и командировал моего дядю к князю черногорскому как представителя русской армии при черногорской армии. Таким образом Фадеев участвовал в войне, но только в черногорской армии; после войны князь черногорский подарил ему маленькое имение около Антивари, которое дядя впоследствии продал. Фадеев вообще никаких средств не имел; то состояние, которое осталось после его отца и матери, перешло к его сестрам, так как он от своей части в наследстве отказался, вследствие чего был в материальном отношении довольно стеснен. Вот к этому-то времени и относится назначение князя Барятинского главнокомандующим, на случай войны с Австрией, о чем я уже говорил выше. Как известно, Сан-Стефанский договор не был признан некоторыми европейскими державами, и, следовательно, России предстояло или заставить признать этот договор посредством оружия, т. е. войны с Австрией, или пойти на уступки. В дело вмешался (как честный маклер) князь Бисмарк, который и устроил Берлинский конгресс. На этом Берлинском конгрессе был уничтожен Сан-Стефанский договор и вместо него явился Берлинский трактат, отголоски которого мы переживали еще два года тому назад, когда снова чуть-чуть не произошла война с Австрией по поводу Боснии и Герцеговины и, наверно, она бы возгорелась, если бы мы были в силах «ее начать» и не растеряли все в войне с Японией. Австрия, пользуясь нашей слабостью, присоединила к себе Боснию и Герцеговину, которые принципиально находились во временном ее управлении, реально же, конечно, эти провинции находились уже почти в полном обладании Австрии, так как временное управление, продолжавшееся в течение более 30 лет, конечно, уже создало некоторое право давности. Поэтому после Берлинского трактата все предположения о возможной войне с Австрией были откинуты, и назначение Барятинского главнокомандующим явилось

чисто номинальным, не имевшим никаких последствий. Когда Барятинский жил в Скерневицах и в имении Ивановском, у него очень часто бывал Фадеев, который подолгу там жил; в течение года он проводил обыкновенно вместе с князем Барятинским несколько месяцев. Князя Барятинского не было уже в живых, когда император Александр III вступил на престол.

После смерти императора Александра II, когда на престол вступил император Александр III, он опять вернулся к мысли о преобразовании всего военного устройства на тех основаниях, на которых в начале своего царствования его отец, император Александр II, предполагал по плану Барятинского преобразовать военное устройство в России. Но в то время Барятинского уже не было в живых и поэтому можно было заранее предвидеть, что эта мысль потерпит фиаско. Император Александр III сместил графа Милютина и назначил военным министром Ванновского, а вместо графа Гейдена начальником Генерального штаба назначил Обручева. Назначение Обручева, ближайшего сотрудника Милютина, начальником Генерального штаба к Ванновскому уже ясно показывало, что Ванновский будет на дело смотреть глазами Обручева, так как, несомненно, Обручев был гораздо более образован и подкован для всяких трений, нежели его начальник Ванновский. Но тем не менее вопрос о преобразовании всего военного устройства по тому образцу, по которому предполагал Барятинский, был поднят и рассматривался на Особом совещании, председателем которого был назначен генерал граф Коцебу, который, как я уже говорил ранее, был из числа партизан идеи этого переустройства еще в те времена, когда Фадеев только начал вести борьбу по этому вопросу с Милютиным. Но совещание это не могло ничем кончиться, потому что военный министр Ванновский, а также Обручев, настаивали на том, что делать такое крупное преобразование сразу неудобно, что это расстроит все наше военное дело. Ванновский обещал все это сделать понемногу и в конце концов ничего не было сделано¹².

Я графа Милютину знал еще с детства, когда был еще мальчиком; будучи на Кавказе, я был в хороших отношениях с его сыном, который был старше меня. Впоследствии этот сын Милютину был курским губернатором; он был вообще очень хорошим, но совершенно обыкновенным, ничем не выдающимся человеком. Когда я и мои братья бывали у Милютину, то, играя с его сыном, которого граф сильно любил, мы постоянно бегали в кабинете графа, и тогда он оставил во мне, как мальчишке, самое лучшее впечатление; но потом вследствие тех разногласий, которые произошли между ним и моим дядей, я и все мои родные отделились от семейства Милютинных, и в течение многих десятков лет я совсем с ним не встречался. Когда же я сделался министром финансов, то, проводя вместе с государем несколько осенних месяцев в Ялте, я бывал у Милютину и там часто имел случай говорить с ним о многих вопросах совершенно откровенно. Граф Милютин — вообще человек очень большого ума, человек крайне систематических мнений и очень большого образования, но в деловом смысле — человек сухой и большой систематик. Мне совершенно понятно, что граф Милютин не мог сойтись с такой натурой, какую представлял собой мой дядя Фадеев, хотя этот последний и был человек незаурядного образования и незаурядного таланта. В последние годы своей жизни Фадеев был очень близок с семейством графа Воронцова-Дашкова, т. е., собственно говоря, с самим Воронцовым-Дашковым. Граф Воронцов-Дашков был на Кавказе адъютантом у Барятинского, а так как Фадеев был также его старшим адъютантом, то Воронцов-Дашков и находился под известным обаянием и руководством моего дяди. Часто Воронцов-Дашков бывал у нас в доме и у Ростислава Андреевича Фадеева, который жил вместе с нами. И вот эта близость, которая установилась между ними в то время, соединила их на всю жизнь. В начале 80-х годов Фадеев начал болеть желудком; мне кажется, у него был рак. Моя мать и сестра повезли его в Карлсбад; я тогда был по своей болезни в Мариенбаде и часто навещал дядю. Ему в Карлсбаде как будто бы сделалось немного лучше, и он переехал в Одессу. Поселился он у моей матери на Херсонской улице (чей дом — не помню), где умер в 80-х годах.

Вообще на Кавказе все молодые люди, окружавшие Барятинского, вели довольно оригинальную, полную самых удивительных приключений жизнь... На Кавказе все мы очень часто ездили верхом, и я, будучи мальчиком, также часто катался верхом и помню, например, что я часто встречал конвой наместника (которым, кстати, командовал тот же самый Воронцов-Дашков, так как он был адъютантом Барятинского); конвойные, несколько не стесняясь, занимались на улице следующим: бросали на землю яйцо и затем скакали по улице, стреляя в него; кто попадал в это яйцо, тот получал известный приз. В числе адъютантов Барятинского был Позен, который впоследствии, во времена наместничества великого князя Михаила Николаевича, был, между прочим, кавказским интендантом; назначили его интендантом потому, что никогда никто в его честности не сомневался. Позен этот был еврейского происхождения; кажется, его отец в царствование императора Николая I был где-то интендантом. Я помню этого Позена адъютантом Барятинского. В то время все адъютанты собирались обыкновенно поочередно друг у друга. Когда же собирались у нынешнего кавказского наместника графа Воронцова-Дашкова, то происходило следующее: присутствующие, порядочно выпивши, сажали бедного Позена на стул около стены и занимались его обстреливанием, т. е. упражнялись в том, чтобы весь контур Позена обрисовать пулями на стене. Понятно, что Позен должен был таким образом сидеть неподвижно в большом страхе в течение целого получаса, пока его не обстреляют, и на стене не вырисуетя его полный контур. К счастью, такие экстравагантности проходили довольно благополучно.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

КАВКАЗСКИЕ НАМЕСТНИКИ

Когда Барятинский уехал за границу, то наместником кавказским был назначен великий князь Михаил Николаевич. Великий князь Михаил Николаевич еще ранее этого, после Крымской войны, приезжал со своим старшим братом Николаем Николаевичем на Кавказ; хотя я был тогда мальчиком, но отлично помню их въезд в Тифлис; они тогда были совсем молодые и не были еще женаты. При наместнике великом князе Михаиле Николаевиче приезжал на Кавказ наследник-цесаревич Николай Александрович; я также отлично помню его приезд; он приезжал с графом Адлербергом, будущим министром двора при Александре II. Я хорошо помню, что адъютанты Барятинского, молодежь, о которой я говорил ранее, подтрунивали над Адлербергом, говоря, что, по всей вероятности, он не преминет занять у всех денег. Известно, что Адлерберг был замечательно умный и во всех отношениях порядочный человек, но любил мотать деньги, а поэтому был всегда в долгах. Цесаревич Николай Александрович был очень молод; я помню, что в честь его давали бал в доме Арунсе, — не помню, по какой причине в доме Арунсе, а не во дворце, но помню, что он меня тогда поражал своею наружностью: он был замечательно красив. Когда пришла весть о назначении великого князя Михаила Николаевича наместником, то все были очень довольны, потому что это был первый великий князь, назначенный кавказским наместником. Конечно, все адъютанты Барятинского, которые не уехали с Кавказа, как, например,

Воронцов-Дашков, который покинул Кавказ почти одновременно с отъездом Барятинского за границу, остались при великом князе Михаиле Николаевиче, который привез с собой еще двух адъютантов: графа Левашова *), и князя Трубецкого. Мой дядя Фадеев был крайне острый на язык, довольно откровенный, т. е. любил болтать. И вот по поводу приезда великого князя он сказал, что завтра великий князь въедет в Тифлис и что жена его Ольга Федоровна весьма довольна: въезд наместника Тифлиса (который делается в экипаже через р. Веру) встречается всем населением с флагами, экипаж наместника обыкновенно забрасывается цветами; она, будучи очень скупой, заранее уже распорядилась, чтобы все эти цветы были собраны и отправлены на конюшню, и таким образом можно будет в течение нескольких дней даром кормить лошадей. Я тогда не понял этой остроты, но знаю, что она дошла до великой княгини, и Ольга Федоровна из-за этого все время крайне неблаговолила к моему дяде Фадееву: это и была одна из причин, почему мой дядя Фадеев, после того как черноморская часть Кавказа была покорена, во время наместничества великого князя Михаила Николаевича совсем покинул Кавказ. Потом я уразумел значение этой остроты **).

Великий князь был хорошим кавказским наместником; он был человеком довольно ограниченным, государственно ограниченным, государственно мало образованным, но человеком с традициями, и традициями великокняжескими. По убеждениям он был сын своего отца Николая Павловича, причем он обожал его память. Будучи наместником, он окружил себя старослужащими на Кавказе и вследствие этого управлял Кавказом весьма недурно. Он держался тех же традиций, каких держались и его предшественники; традиции же его предшественников были таковы: так как большая часть населения Кавказа приняла подданство России по их собственному желанию и так как право-

*) Граф Левашов впоследствии был градоначальником Одессы и был женат на Паниной, дочери бывшего министра юстиции.

**) См. т. 2 настоящего издания, стр. 228.— *Ред.*

славное население Кавказа, вообще все христианское население его, в продолжение всей кавказской истории было верно России, то наместники держались того принципа, что Кавказ должен быть частью империи и что к христианскому населению Кавказа в особенности надо относиться так же, как к русским. В этом смысле они не делали никакой разницы между русскими и туземцами. Вообще при тех наместниках был недопустим принцип узкого национализма, который ныне так ярко проповедуется и проводится; тот принцип узкого национализма, при котором все не русские должны почитаться не настоящими сынами России и верноподданными государя. По моему убеждению, принцип этот весьма ложен, и, конечно, он России ничего, кроме вреда, принести не может, если только от этого принципа постепенно не отстанут.

В это время по гражданской части при наместнике кавказском особенную роль играл мой отец, который, как я говорил ранее, был директором департамента государственных имуществ, а по месту этому был вместе с тем и членом совета главного управления наместника кавказского. Таким образом, при великом князе Михаиле Николаевиче Кавказ жил той же жизнью, как и при его предместниках, пользуясь, пожалуй, еще большим к себе вниманием, нежели при предыдущих наместниках, по той простой причине, что наместник Кавказа, великий князь, был сначала братом государя, а после смерти Александра II он был дядей государя Александра III. Оба государя относились к великому князю весьма родственно и ласково, что, впрочем, великий князь сам по себе вполне заслуживал, потому что это был прекраснейший, благороднейший человек. Он несколько любил материальную сторону жизни, а именно деньги и имущество и даже некоторые казенные земли, как, например, Боржом, которые потом ему были подарены государем, что едва ли может украсить его наместничество. Но на Кавказе было всем хорошо известно, что в этом отношении он действовал всегда под влиянием своей супруги, великой княгини Ольги Федоровны, которая была довольно корыстолюбива по причине, которую я уже объяснил ранее, а именно по причине ее семитского происхождения.

Когда великий князь приехал на Кавказ, то первое лето жил в Белом Ключе; это место находится в нескольких десятках верст от Тифлиса и там стоит знаменитый Грузинский полк. В это время мой дед, все семейство Фадеевых и Витте жили также в Белом Ключе; в это время мне было не более 12—13 лет. У великого князя Михаила Николаевича в то время был всего один сын, великий князь Николай Михайлович, ему было один или самое большое два года, остальных детей у великого князя еще не было. Я и мои братья с детства ездили верхом, но мы ездили верхом по-кавказски, т. е. наказачьем седле, словом, ездили так, как ездят вообще туземцы Кавказа. Я помню, что великий князь, когда видел нас ездившими верхом по плацу, призывал нас иногда себе и учил ездить по кавалерийским правилам, но правила эти к нам не прививались, да и вообще все кавказские ездки относились с презрением к кавалерийской езде, хотя после, когда я был уже в России (я до самого последнего времени ездил постоянно верхом), я изменил свое мнение относительно езды и держусь того взгляда, что действительно кавалерийская езда гораздо правильнее казачьей.

При великом князе, как я уже говорил, были окончательно покорены те части Кавказа (а именно Западный Кавказ), покорение которых не докончил фельдмаршал Барятинский, и вот за окончание покорения Кавказа великий князь получил св. Георгия на шею. Когда в конце семидесятых годов вспыхнула война с Турцией, то великий князь, будучи в то время кавказским наместником, номинально командовал армией, которая сражалась с турками, в действительности же этой армией, которая составляла отдельный корпус, командовал Лорис-Меликов, который за эту войну получил графство. Вообще великий князь Михаил Николаевич как во время войны, так и в мирное время играл более представительную роль, нежели распорядительную. Но тем не менее это нисколько не умаляет заслуг его по управлению Кавказом; он оставил о себе на Кавказе самые лучшие воспоминания. Впоследствии, при императоре Александре III, когда великий князь оставил Кавказ и был назначен председателем Государственного совета, то сначала вместо него на Кавказ был назначен князь Дундуков-Корсаков, но уже не в звании наместника, а в звании главноначальствующего на Кавказе.

Дундуков-Корсаков был назначен главноначальствующим на Кавказ, так как он был из кавказских офицеров и когда был молод, командовал Нижегородским полком. Главноначальствующим на Кавказе он был сравнительно недолго и ничем себя не проявил, но Кавказ его очень любил, потому что он был кавказским и во время своего пребывания на Кавказе устраивал всевозможные кутежи.

После него главноначальствующим на Кавказе был Шереметьев, которого Кавказ также любил, потому что и он был кавказским, но и он так же, как и Дундуков-Корсаков, ничем себя не проявил.

После смерти Шереметьева на Кавказ был назначен князь Голицын; он первый начал проводить узкую националистическую политику, а поэтому на Кавказе он был всеми нелюбим и даже более — ненавидим.

Князь Голицын стал ненавистен Кавказу, потому что он был не кавказский, не понимал духа кавказского и проводил такую политику, которая и послужила одним из главных оснований тех беспорядков, которые были на Кавказе за последние десятилетия. Голицын был первый, пожелавший русифицировать Кавказ не нравственным авторитетом, не духом, а насилем и полицейскими приемами. За это он и поплатился, так как получил рану при покушении и затем должен был покинуть Кавказ, не достигнув никаких результатов в том направлении, в каком ему это было желательно, подняв ненависть на Кавказе против властей. Голицына я тоже хорошо знал; в сущности говоря, он был хорошим человеком, человеком внешне довольно образованным, очень честным, но мать его была полькой, и он по характеру был более поляком, нежели русским. И вот эти приемы «русского поляка» или, иначе говоря, «истинно русского человека с польской кровью» не могли дать иных результатов, как отрицательных. Он вздумал все кавказское население обращать в истинно русских людей, — эта его деятельность и была зародышем того истинно русского направления, которое ныне — смею думать, временно — царит над Россией, причиняя ей гораздо более вреда и бедствий, нежели пользы.

После князя Голицына на Кавказ был назначен граф Воронцов-Дашков, тот самый Воронцов-Дашков, о котором я упоминал, когда говорил о фельдмаршале князе Барятинском, у которого он состоял одним из младших адъютантов. Графа Воронцова-Дашкова я также знаю очень хорошо; знаю его с детства, или, вернее сказать, он меня знает с детства; это очень хороший человек, среднего образования, высшего общества. Служа на Кавказе с молодых лет, будучи там офицером, зная Кавказ того времени и то значение, которое имели в покорении Кавказа туземцы, он, конечно, не мог проводить ту узконациональную политику, которая теперь в моде. Теперь на Кавказе происходит такое удивительное явление: Воронцов-Дашков состоит кавказским наместником с 1903 (или 1904) года, во время его наместничества прошла вся так называемая наша революция. Смуты, которым подвержена ныне Россия, все происходили и происходят в то время, когда он был наместником, и я не могу не сказать, что, быть может, он единственный из сановников на всю Россию, который и в настоящее время находится в том крае, в котором управлял, и который пользуется всеобщим уважением и всеобщей симпатией. Смею думать, что тот начальник, который пользуется общим уважением всего населения, населения столь разнородного и многообразного, какое существует на Кавказе, несомненно, имеет такие достоинства, которые отличают его от других. Достоинства эти заключаются в том, что он представляет собой в полном смысле слова русского благородного барина со всеми недостатками, присущими этому барству, но и со всеми его благородными и рыцарскими сторонами. Это, может быть, единственный из начальников края, который в течение всей революции, в то время когда в Тифлисе ежедневно кого-нибудь убивали или в кого-нибудь кидали бомбу, спокойно ездил по городу как в коляске, так и верхом, и в течение всего этого времени на него не только не было сделано покушения, но даже никто никогда его не оскорбил ни словом, ни жестом. Граф Воронцов-Дашков, как и вообще все жители Кавказа, а в том числе и я, зная Кавказ с юности, или вернее сказать, с детства, понимает дух этого края и никогда не сможет забыть, что хотя Кавказ и покорен русскими солдатами, но громадное количество

офицеров и начальников этих солдат были туземцы. Я отлично помню то время, когда в каждом полку большая половина офицеров или начальников были местные туземцы, и эти туземцы — грузины, армяне, татары — в русских офицерских формах вели русского солдата на те бои, которые так прославили кавказскую армию. Достаточно вспомнить имена таких генералов, как князь Бебутов — армянин, Лазарев — армянин, Тер-Гукасов — армянин, Чевчевадзе — грузин, Орбелиани — грузин, и пр., и пр., т. е. такие генералы, которые оставили после себя блестящие страницы в военной русской истории, чтобы понять, какое значение имели туземцы при покорении Кавказа. А потому, спустя несколько десятков лет после завоевания Кавказа, когда эти туземцы в известной степени уже прославили нашу армию, нашу доблесть, сказать, что в военной и государственной службе туземцы нам более не нужны — по меньшей мере крайне близоруко, если не употребить более жесткое слово.

Еще во времена Барятинского кавказский наместник был заинтересован в том, чтобы начать разработку различных богатств, которые содержит Кавказ. Я помню, что эти попытки производились еще в то время, когда я был мальчиком. Хотя в настоящее время Кавказ в этом отношении и сделал некоторые успехи, но эти успехи сравнительно с теми богатствами, которые он содержит, совершенно ничтожны. Я помню время, когда производство нефти в Баку ограничивалось несколькими миллионами пудов; оно сдавалось с торгов, и эти промыслы находились всецело в руках Мирзоевых. В то время это было самое ничтожное производство, а теперь нынешние промыслы представляют из себя одно из самых громадных богатств Кавказа, или, в сущности говоря, российской империи. Когда же кавказский наместник очень заинтересовался тем, чтобы на Кавказе было производство чугуна, то он обратился к некоему Липпе, баденскому консулу в Одессе, который приехал на Кавказ; наместник предложил ему разработать Четахские руды*). Липпе пригласил туда

*) Место Четах находится недалеко от Тифлиса, верст около 40.

русских горных инженеров (главный инженер Бернули), которые, приехав в Тифлис, начали разрабатывать эту руду. Так как все, что касалось государственных имуществ, находилось в ведении департамента государственных имуществ, т. е. в ведении моего отца, то я помню, что мой отец ездил, между прочим, осматривать эти заводы и при этом брал меня и моего старшего брата Бориса с собой. Приехав на Четахские заводы, мы там до известной степени бедствовали, потому что у нас, мальчиков, был прекрасный аппетит, а нам у немцев за обедом подавали самые удивительные вещи, например, суп из чернослива, дичь с вареньем и пр. За обедом мы ничего не могли есть, а потому отправлялись в харчевню, где и наедались; в особенности много мы пили кофе и ели хлеб с маслом. Эти Четахские заводы сыграли печальную роль в дальнейшей участи нашего семейства. Липпе, едучи раз из Четахских заводов в Одессу верхом, свалился с лошади, упал и разбил себе голову. Вследствие этого заводы эти, которые в то время только еще начали действовать и, конечно, ничего еще, кроме убытков, не давали, должны были закрыться; тогда Барятинский упросил моего отца взять на себя управление этими заводами, и мой отец, который кончил курс в Дерптском университете и затем изучал как горное дело, так и сельское хозяйство в Пруссии, согласился, или, вернее говоря, подчинился желанию наместника. Наместник обещал все это со временем оформить. Но в то время отцу надо было сразу начать вести чисто коммерческое дело, на которое требовались деньги, и деньги на это дело давал мой отец, который сам состояния не имел, а получил довольно большое приданое за своей женой, моей матерью — Фадеевой. И вот он, конечно с ведома моей матери, которая отдала все свои средства в его распоряжение, тратил деньги на эти заводы, рассчитывая, что со временем, когда это дело наладится, деньги ему будут возвращены. Но своих денег ему не хватило; он вынужден был обращаться к частным лицам и брать у них деньги, давая им векселя за своей подписью. Таким образом велось дело этого завода. Но вот неожиданно Барятинский уехал за границу, а на его место был назначен наместником кавказским великий князь Михаил Николаевич, которому и было доложено, на каких основа-

ниях ведется это дело. Великий князь просил моего отца продолжать вести это дело, сказав, что он обо всем напишет государю и тогда все это дело будет оформлено, а деньги возвращены. Между тем мой отец совершенно неожиданно умер, истратив все состояние моей матери и, кроме того, сделав громадные долги. Моему отцу еще при Барятинском было пожаловано большое имение в Ставропольской губернии (которое ныне, вероятно, стоит громадных денег); это имение должно было перейти нам, его наследникам. Но так как мы были тогда еще малолетние, то над нами был назначен опекуном Горбунов, один из помощников моего отца по департаменту, который и посоветовал нам отказаться от наследства, так как у моего отца было больше долгов, нежели имущества. Долги эти были сделаны моим отцом не для себя, а, собственно говоря, для Четахских заводов. Таким образом, все состояние моей матери было истрачено на это дело; имение также было потеряно, но мало этого: по каким-то причинам — я не знаю, на всех нас, т. е. на меня и на моих двух братьев Александра и Бориса, был сделан какой-то большущий начет. Таким образом, моя мать очутилась без всяких средств, за исключением тех денег, которые она получила от деда; и то она получила их не сама лично, не прямо от деда, а получил их брат ее, который отказался от своей части в пользу своих сестер, т. е. моей матери, а также в пользу Надежды Андреевны Фадеевой, которая до сих пор еще живет в Одессе. На нас же, трех братьев, как я уже говорил, был сделан большущий начет: кажется, на мою долю, например, причитался начет в 200 тыс. руб. Я помню, когда я был управляющим Юго-Западных дорог, ко мне с этим начетом приходили судебные чины, приходил пристав. Я им всякий раз говорил одно, что если бы ко мне предъявили начет не в 200 тыс. руб. а в 200 рублей, то я был бы очень опечален, потому что в то время у меня средства были очень маленькие. Но так как ко мне предъявляли начет в 200 тыс. руб., то для меня совершенно безразлично, делается ли на меня этот начет или нет, так как я не имею таких средств, чтобы его уплатить. Так это дело продолжалось до тех пор, пока при Александре III великий князь Михаил Николаевич, будучи уже председателем Государственного совета и затем членом Комитета

министров, в то время когда Лорис-Меликов был министром внутренних дел, т. е., пожалуй, диктатором, а председателем одного из департаментов был Старицкий (бывший председателем судебной палаты в Тифлисе, а ранее директором департамента юстиции, в то время когда отец мой был директором департамента государственных имуществ) — все они в это дело вмешались, и после прошествия многих лет постановлением Комитета министров, высочайше утвержденным, было решено все недочеты сложить и их более не предъявлять. Причем я должен заметить, что так как все мы со смертью отца остались без всяких средств, то я, а также и мой брат в течение всего времени пребывания нашего в университете получали от кавказского наместничества 50 рублей в месяц стипендии, и таким образом я кончил курс университета. Итак, Четахские заводы были причиной полнейшего разорения всего нашего семейства: из людей богатых мы сделались людьми с крайне ограниченными средствами. Если бы не те средства, которые перешли от брата моей матери, генерала Фадеева, отказавшегося в пользу своих сестер (как я говорил выше) от своей части в наследстве, то моей матери и ее сестре было бы очень трудно жить, потому что, хотя благодаря кавказскому наместнику моей матери и ее сестре и была назначена пенсия, но все-таки после той жизни, которую они вели на Кавказе, существовать только на эту пенсию было бы очень трудно. (Кстати сказать, при крепостном праве, когда мы жили на Кавказе, я помню, что одних дворовых у нас было 84 человека.) Следовательно и с помощью денег, доставшихся матери вследствие отказа дяди от участия в наследстве, все же перейти на скромную жизнь в Одессе было для нее крайне тяжело.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Из моего раннего детства я помню некоторые вещи; до настоящего времени оставшиеся в живых мои родные смеются надо мною по поводу того, что я безусловно утверждаю, что когда мне было всего несколько месяцев и в Тифлисе началась эпидемия, то я отлично помню, как мой дед взял меня к себе на лошадь и верхом увез из Тифлиса в его окрестности. Я до сих пор помню тот момент, когда я ехал у него на руках, а он сидел верхом на лошади. Но когда я об этом рассказывал моей покойной матери и сестрам, они всегда смеялись надо мною, говоря, что я не могу этого помнить, и только моя кормилица, которая до сих пор жива и которую я видел только неделю тому назад, так как она живет у моей сестры в Одессе (куда я ездил на праздники), только она одна не возражает и думает, что действительно я это помню и что это воспоминание не есть моя фантазия. Затем я помню еще и другой момент, но это уже момент, так сказать, не личный, а более или менее общественный. Я помню, что когда мне было всего несколько лет, я находился в моей комнате с моей нянькой (это было в Тифлисе), вдруг в эту комнату вошла моя мать, которая рыдала, потом сюда же пришли мой дед, бабушка, тетка и все они навзрыд рыдали. Помню, что причина их слез и рыданий было полученное только что известие о смерти императора Николая Павловича. Это произвело на меня сильное впечатление; так рыдать можно было, только потеряв чрезвычайно близкого человека.

Вообще, вся моя семья была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний относительно тех лиц, с которыми мне приходилось встречаться в детстве и в юности, которые или тогда уже пользовались известностью, или впоследствии играли более или менее видную роль в делах государства. Я помню, когда я был еще совсем мальчиком, экзархом Грузии был очень почтенный старец иерарх Исидор, который впоследствии очень продолжительное время был петербургским митрополитом. Исидор как в Тифлисе, так и потом в качестве петербургского митрополита пользовался совершенно заслуженной репутацией очень умного иерарха, отличного администратора и истинного монаха по своей жизни. Исидор часто приезжал в наш дом и у нас обедал.

После Исидора экзархом Грузии был Евсевий. Этот Евсевий затем был переведен в Россию, где он не играл никакой роли, да и не мог ее играть вследствие образа своей жизни. Будучи экзархом, он держал себя совершенно недостойно. Так, например, мне еще мальчику тогда случайно было известно, что он жил с одной девушкой, — эта девушка была племянницей моей няньки. Вообще, он вполне открыто вел жизнь совершенно не монашескую. Затем, как я сказал, он был переведен в Россию на второстепенный пост, где и кончил свою карьеру вполне незаметно.

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее видную роль в государстве, я мог бы указать на барона Николаи. Барон Николаи был начальником главного управления по гражданской части на Кавказе. Это был рыжий немец, или, вернее, кажется, финляндец, очень сухой и умный человек; он был женат на грузинке и имел маленькое имение около Каджиоре. Каджиоре — это местечко, находящееся в 12 верстах от Тифлиса, на

горе, где проживала гражданская администрация в летние месяцы, т. е. там проживали во всяком случае все более или менее видные и состоятельные деятели гражданской администрации Кавказа. Этот барон Николай, раньше нежели быть начальником главного кавказского управления, был одно время в Киеве попечителем учебного округа, после же он был назначен министром народного просвещения. Когда великий князь Михаил Николаевич покинул Кавказ и сделался председателем Государственного совета, барон Николай в начале царствования императора Александра III был министром народного просвещения, а затем покинул этот пост, так как он не сочувствовал новому университетскому уставу, введенному в 1884 году, которым, как известно, были уничтожены многие из вольностей, допущенных университетским уставом императора Александра II¹⁸. Брат этого Николаи был военным, он был известен как храбрый генерал. Когда я еще был мальчиком — он был уже генерал-адъютантом и пользовался большой славой в войсках. Он очень странным образом окончил свою жизнь. Когда уже кончилась кавказская война, он вдруг увлекся католицизмом, — перешел из лютеранства в католицизм, — затем уехал в Рим к папе и сделался католическим монахом. Он похоронен в католическом монастыре, который ныне закрыт правительством Французской республики. Монастырь этот находится недалеко от Aix-les-Bains. Тогда, три года тому назад, когда я был недалеко от Aix-les-Bains, я поехал в этот монастырь, который ныне, по-видимому, содержится каким-то предпринимателем, так как эту весьма красивую местность посещает масса публики; сам монастырь, как здание, также чрезвычайно благоустроен. Приехав туда, я думал найти там могилу генерал-адъютанта барона Николаи, сделавшегося впоследствии католическим монахом; мне показали то кладбище, на котором он был похоронен, но самую его могилу показать никто не мог, ибо, согласно статуту этого монастыря, поступавшие в монахи теряли, так сказать, свое имя, и их хоронили, как «рабов божьих», без имени. Один из старых служителей мне только сказал, что, насколько он помнит, монах, про которого было известно, что он ранее был бароном Николаи, похоронен на этом месте (и он указал мне место).

Из гражданских лиц, которые впоследствии играли более или менее выдающуюся роль в государстве, я хорошо помню господина Старицкого. Старицкий был начальником судебных учреждений Кавказа, а после того, как были введены новые судебные учреждения, он получил должность старшего председателя судебной палаты, а затем сделался членом Государственного совета и был председателем департамента законов Государственного совета.

Далее я помню еще один очень оригинальный тип — Инсарского. Этот Инсарский ничем особенным себя не проявил. Он был начальником канцелярии у фельдмаршала князя Барятинского, который вследствие каких-то личных отношений к нему благоволил. Это был типичнейший полубарин-получиновник; он был вполне порядочным и честным, но весьма ограниченным человеком и иначе не вел никаких разговоров, как выражаясь весьма пышными фразами. После нескольких минут знакомства с кем бы то ни было, он начинал разговор «на ты», ко всем обращаясь с фразой: «любезнейший друг». Инсарский был предметом различных шуток, которые проделывала с ним молодежь, окружавшая фельдмаршала князя Барятинского. Когда же Барятинский уехал за границу, то Инсарский по протекции фельдмаршала получил место московского почт-директора. В то время это был довольно важный пост, так как тогда Россия еще не была покрыта сетью железных дорог. В Москве Инсарский чувствовал себя совершенно, так сказать, «в своей тарелке», со всей тамошней коммерческой знатью он был в очень хороших отношениях, но отношения эти с его стороны были покровительственные; он являлся в роли как бы покровителя и всех с особой важностью «тыкал».

Из туземцев (по гражданской части) я помню еще чрезвычайно умного человека — князя Мухранского, который, если мне память не изменяет, занял место Старицкого, когда этот последний был сделан членом Государственного совета.

Вообще же говоря, из кавказских деятелей — туземцев — никто особенно по гражданской части не выдавался, ибо туземцы как грузины, кавказцы, так и татары (т. е. их дворянство) представляли собой людей, весьма мало образованных, но с большой природной честью, храбростью. Они отличались верностью по отношению к тем, которые были к ним справедливы; вот почему на военном поприще были целые массы, тысячи и тысячи туземцев, отличавшихся во время войны, и можно сказать, что кавказское дворянство поистине массу пролило крови для пользы России и для ее чести

Из отдельных типов военных, которых создал Кавказ, или, вернее сказать, 60-летняя кавказская война, с которыми я или мальчиком или юношей встречался, я припоминаю следующих: прежде всего генерала Евдокимова, который потом был графом Евдокимовым и который не оставил после себя никакого потомства; он вышел в офицеры прямо из солдат и оставил по себе память в истории Кавказа и Кавказской войны как чрезвычайно блистательный военный начальник, один из наиважнейших сотрудников князя Барятинского во время войны. Еще будучи мальчиком, я очень часто слышал о графе Евдокимове; помню, как он бывал у моих родных, когда мы жили в Тифлисе. Евдокимов жил не в Тифлисе, а большей частью в Грозном, Владикавказе, словом, в тех местах, в которых шла непрерывная война с горами.

Затем очень оригинальной личностью был генерал Гейман. Гейман был также из солдат, но из солдат-евреев, и тип его был вполне еврейский. Про Геймана я, будучи мальчиком, также слышал, как про одного из кавказских героев. Познакомился же я с ним лично при очень оригинальной обстановке. Будучи студентом Новороссийского университета, я первые два года ездил на летние вакации к своим родным в Тифлис. Когда я был на первом курсе и после вакаций уезжал из Тифлиса, то меня взял с собой мой дядя Фадеев, который ехал в Черноморскую область делать ревизию войск. Так как тогда железных дорог не было, то мы доехали с ним на перекладных до Кутаиса, потом спустились к району Поты, из Поты на пароходе,

Черным морем, доехали до Сухума. Приехав в Сухум, мы застали там холеру, которая не щадила своих жертв. На улицах сплюшь и рядом валялись больные и мертвые. Сойдя с парохода, мы прямо поехали к начальнику области генералу Гейману. Когда я и мой дядя Фадеев приехали к нему, мы застали его в спальне, окруженного целой батареей вин. Поздоровавшись дружески с дядей, он сейчас же нас посадил около стола, требуя, чтобы мы пили, и уверяя, что это единственное средство, чтобы не заболеть холерой. Таким образом, он продержал нас целую ночь, все время заставляя пить, и сам все время также пил. Затем утром в очень нетвердом состоянии, будучи полу-навеселе, Гейман довел меня с дядей до парохода, и таким образом мы поехали далее: мой дядя — в Новороссийск, а я — в Одессу. Затем после, когда уже вспыхнула в конце 70-х годов турецкая война и когда я сам был в некотором роде деятелем этой войны, так как управлял Одесской железной дорогой, которая была на военном положении (она была объявлена военной дорогой, находящейся в тылу армии), Гейман отличался на Кавказе в качестве начальника одного из отрядов отдельного корпуса генерала Лорис-Меликова. Мой брат Александр рассказывал мне потом различные истории относительно Геймана. Помню из них только то, что он терпеть не мог никаких корреспондентов, а потому, если только он где-нибудь встречал корреспондентов, то, не обращая даже внимания на их национальность, он непременно хотел их драть, давать им розги. Мой брат рассказывал мне про один случай, когда ему стоило большого труда удержать Геймана от этого. Однажды Гейман и мой брат ехали верхом, с ними ехали и казаки; вдруг они встретили двух англичан, которые также ехали верхом. Гейман сейчас же спросил у них через переводчика, кто они такие. Англичане ответили, что они корреспонденты газет, и Гейман непременно захотел их выдрать; еле-еле моему брату удалось удержать его от этого поступка. Гейман был, в сущности, самым простым солдатом, еле грамотным, но тем не менее его имя навсегда останется в истории завоевания Кавказа.

Из туземцев я помню генерала Лазарева, которому в последнюю войну мы обязаны взятием Карса. Мой брат рассказывал мне, что, когда он состоял ординарцем при великом князе Михаиле Николаевиче или при командующем отдельным Кавказским корпусом Лорис-Меликове (точно не помню), он присутствовал перед взятием Карса на одном заседании военного совета, на котором высказывались различные мнения и суждения относительно штурма этой крепости. На этом совете, по обыкновению, особенно много говорили офицеры Генерального штаба (как известно, этой слабостью отличаются наши офицеры Генерального штаба). Наконец, дошла очередь и до Лазарева. Председательствовавший, обратившись к нему, спросил Лазарева: как же он, которому поручено командовать штурмом, выслушав все эти мнения, будет распоряжаться войсками, каким образом он думает совершить этот подвиг? Тогда Лазарев попросил, чтобы ему показали карту, которая все время лежала на столе и по которой генералы делали свои указания, высказывая свои суждения о том, каким образом, по их мнению, нужно совершать штурм Карса. Когда Лазареву показали карту, он спросил: «Гдэ мы?» Ему показали место, где они находились; он спросил: «А гдэ Карс?» Ему показали Карс. Тогда он сказал: «Я пойду оттуда, гдэ мы, туда, гдэ Карс, и возьму Карс». Все его объяснение заключалось в этом. Через несколько дней действительно он так и сделал. Приказал брать Карс, сам был во главе войск, пошел и взял Карс, но при взятии Карса потерял довольно много людей. Потом мне рассказывал мой брат, что произошел ниже следующий инцидент. Известно, что для подкрепления кавказских войск из Москвы была пущена грепадерская дивизия, и начальником этой дивизии был генерал Роп, ныне член Государственного совета и по летам едва ли не старейший. Генерал Роп прибыл на Кавказ с этой дивизией в качестве ее начальника. Известно, что при взятии Карса во время штурма эта дивизия отступила, затем в панике бежала, причем, как мне рассказывал мой брат, во главе бежавших был сам начальник дивизии генерал Роп. В это время один из туземцев, не помню, кто именно, как мне передавал брат, не переставая кричал по адресу Роба самые невозможные, неприличные руга-

тельства. Затем эта дивизия должна была удалиться с театра военных действий и вернуться в Россию; чтобы отойти от Карса и попасть в Москву, она опять должна была пройти через Тифлис. И вот эту дивизию должны были ночью провезти через Тифлис, потому что боялись, чтобы население города Тифлиса не наделало этой дивизии скандалов, тем более, что население Тифлиса состоит из туземцев крайне храбрых, с громадной военной честью. Впоследствии эта дивизия была прозвана «ропкая» дивизия в честь ее начальника генерала Ропы.

Из числа других военных инцидентов, которые происходили в Тифлисе на моей памяти, я припоминаю еще следующий: после того как я сдал выпускные экзамены в тифлисской гимназии, я пошел играть на биллиарде в кавказской гостинице, находящейся на Театральной площади; в это время произошел бунт тифлисского населения против мясников. Дело заключалось в том, что гражданской администрацией вся продажа говядины была отдана одному подрядчику, который эксплуатировал население. Население возмутилось и решило этого подрядчика убить. Собралась громадная толпа из туземцев, которая решила разыскать и убить подрядчика, его мальчика, вообще все его семейство. Это было заранее известно, а поэтому о готовящемся дали знать Грузинскому полку, который стоял в Белом Ключе, а также и Эриванскому полку, который стоял в Манглисе. И вот, когда я играл в гостинице на биллиарде, я сделался свидетелем следующего: я помню, что еще до того момента, как эти полки скорым шагом вошли в город, приехал на дрожках мой отец. Он увидел громадные толпы народа и, подъехав к пожарной команде, приказал, чтобы были вывезены пожарные трубы; когда они были привезены, мой отец приказал обливать всех собравшихся людей, и таким путем толпа была рассеяна. Так как мой отец пользовался большой популярностью среди населения, то они моего отца не тронули, и он на моих глазах спокойно в экипаже уехал к себе домой. Затем пришли солдаты. По обыкновению был назначен начальник войск (кто это был — я не помню), начальник же штаба был полковник Черкасов. И вот этот полковник Черкасов начал придумывать всевозможные умные планы: каким образом окружить и забрать всю эту

толпу, или, иначе сказать, он намеревался дать им бой. В то время как он придумывал эти планы и намеревался сразиться на точном основании науки, часть этой толпы преспокойно дошла до места, где жил мясник, и убила как его, так и все его семейство. Тогда все военные на Кавказе чрезвычайно смеялись над Черкасовым. Вообще на Кавказе офицеры Генерального штаба никогда не пользовались никаким престижем. Помню, в то время, когда я играл на бильярде, было сделано несколько отдельных залпов и выстрелов. Против гостиницы, где я находился, была аптека, и вот там, в этой аптеке, шальной пулей был убит молодой провизор.

Из военных того времени я помню Чевчевадзе, который впоследствии во время турецкой войны был начальником кавалерии. Это был мужчина громаднейшего роста, в плечах у него была чуть ли не сажень, а талию он имел такую, какой могла позавидовать каждая молодая дама. Он отличался громаднейшей силой и необычайной храбростью. Помню, я видел его, когда он был начальником Северского драгунского полка; потом я его встречал, когда он приезжал в Петербург, в то время я уже был министром. Про него военные совершенно серьезно говорили, что он весь вылит как бы из стали, и мой брат, конечно, смеясь, уверял меня, что он сам видел, как пули, ударяя ему о череп, отлетали, и Чевчевадзе на это не обращал никакого внимания. Чевчевадзе оставил о себе память, как о замечательно храбром военном кавалерийском генерале. Он поражал своей храбростью во время неожиданных набегов.

Помню, когда я был еще совсем мальчиком, я постоянно также слышал рассказы о генерале князе Бебутове, который вписал свое имя в историю кавказской войны (я имею в виду не последнюю, а первую турецкую войну, когда наместником еще был Муравьев, под начальством которого был взят Карс). С моего детства и юношества в моем представлении понятие о наших русских войсках так неразрывно было связано с туземцами-офицерами и военными начальниками, которые так много и многообразно отличались на Кавказе, что я теперь решительно не могу понять,

каким образом в настоящее время можно относиться к туземному дворянству так, как ныне к нему относятся с новой лженациональной точки зрения.

Вообще говоря, между офицерами-туземцами, конечно, существует различие. Среди армян было очень много храбрых военных (Бебутов был армянин, Лазарев был также армянин), попадались люди очень умные, хотя все военные туземцы были люди почти что необразованные или полуобразованные. Грузины же, по своей натуре, очень неумные и тупые, но зато недостаток ума у них сравнительно с армянами вознаграждается особой рыцарской честью. Все грузины, так же, как и имеретины, отличались громадной храбростью.

Я помню также и последнего представителя грузинских царей, князя Ираклия, который был простым полковником, числившимся по кавалерии, даже флигель-адъютантом или адъютантом наместника. Его все звали: князь Ираклий-царевич.

Когда я был еще совсем мальчиком, на Кавказ приехал Дюма-отец, его приезд я хорошо помню. Совершая свое путешествие, Дюма-отец со свойственным ему балагурством описывал всевозможные чудеса на Кавказе. Как только Дюма приехал на Кавказ, он оделся в черкеску, и в таком костюме его всюду возили, заставляя пить массу вина.

Помню также приезд на Кавказ Тенгоборгского, известного экономиста 50-х годов, который много способствовал привитию в России теории фритредерства и благодаря которому мы никак не могли отделаться от этой теории, и только при императоре Александре III вступили на путь прямого и открытого протекционизма.

Припоминаю также доктора Андреевского. Он был на Кавказе также во времена моего детства. Андреевский оставил о себе память на Кавказе не как «доктор», а как «доктор светлейшего князя Воронцова»; вследствие преклонных лет светлейшего князя Андреевский имел на него

значительное влияние и проявлял это влияние не без корыстных целей. Когда же князь Воронцов покинул Кавказ, Андреевский приехал в Одессу и уже с очень округленным состоянием. Одна из дочек Андреевского затем вышла замуж за князя Шервашидзе, одного из владетельных князей Кавказа. Этот Шервашидзе был двоюродным братом князя Шервашидзе, ныне состоящего при особе императрицы Марии Федоровны. Этот последний Шервашидзе был женат на дочери барона Николаи, о котором я ранее говорил, того барона Николаи, который кончил свою карьеру министром народного просвещения. Андреевская вышла замуж за Шервашидзе, который был адъютантом у фельдмаршала князя Барятинского; Шервашидзе посватался и женился на Андреевской, имея в виду то обстоятельство, что доктор, ее отец, был очень богат. Венчание происходило в университетской церкви, и я просто в качестве студента Новороссийского университета пришел смотреть в церковь на это бракосочетание, которое в Одессе считалось бракосочетанием в высшем обществе. Я был крайне удивлен следующим: невеста вошла со своим женихом Шервашидзе (которого я раньше знал еще на Кавказе, так как мы были с ним почти ровесники), и Шервашидзе приехал в церковь не в военном костюме или во фраке, а в костюме французского маркиза времен Людовика XV, с париком.

До сих пор я не могу себе объяснить, с какой стати он надел этот костюм. Я спрашивал об этом троюродного брата его, который также не мог мне объяснить, почему Шервашидзе нарядился в такой странный костюм.

Теперь, чтобы рассказ мой был более или менее связным, я хочу рассказать постепенно о моем воспитании и образовании.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ. ГИМНАЗИЯ. УНИВЕРСИТЕТ

Первоначальное образование мне дала моя бабушка, урожденная княжна Долгорукая, т. е. она выучила меня читать и писать. С малолетства я был отдан в руки моей кормилицы и моей няньки. Кормилица моя была вольнонаемная; муж ее был солдатом Стрелкового батальона, находившегося в Тифлисе, нянька же была крепостная, дворовая. Уже с самых молодых лет — можно сказать, с детства — я видел некоторые примеры, которые едва ли могли служить образцом хорошего воспитания. Так, муж моей кормилицы, прекраснейшей женщины, которая затем кормила и моих сестер, был горький пьяница. Я помню, как этот солдат Вакула приходил к своей жене, моей кормилице, которая потом осталась при мне второй нянькой, помню сцены, которые разыгрывались между ними. Муж моей няньки-крепостной был также крепостным; он служил у нас официантом и был также горчайшим пьяницей; при мне постоянно разыгрывались сцены между моей нянькой и ее пьяницей-мужем.

Когда я и мой брат Борис несколько подросли, то нас отдали на попечение сначала дядьки — отставного кавказского солдата, прослужившего 25 лет в войсках, а затем гувернера-француза Репье — отставного офицера, бывшего моряка французского флота. Мои дядьки (солдаты) вели себя также не особенно образцово: они оба любили

выпить и один из них, несмотря на то, что ему было за 60 лет, на наших детских глазах развратничал.

Француз Ренье, который приехал в Тифлис из Франции вместе со своей женой, поместил ее гувернанткой к директору тифлисской гимназии Чермаку. Этот Чермак был сын известного ученого Чермака, у него было три дочери, и вот Ренье меня и моих братьев во время гулянья всякий раз заводил к Чермакам, чтобы повидаться с женой. Там он познакомился со старшей дочерью этого Чермака и вступил с нею в амурные отношения. Дело кончилось тем, что в один прекрасный день Чермак приехал к наместнику и принес ему жалобу на гувернера, на то, что он развратил его старшую дочь. После этого вдруг у нас, в нашей детской комнате, появились жандармы, которые взяли нашего гувернера Ренье, посадили его на перекладные и административным порядком увезли к Черному морю, передав его на иностранный пароход для отправки за границу. Бедная жена его должна была оставить дом Чермака; она переселилась к нам, поступив бонной к моим сестрам. Это была очень глупая француженка, почти граничащая с идиотизмом, но, в сущности, очень хорошая женщина. Вскоре она покинула Кавказ и уехала к своему мужу. Тогда у нас появился новый гувернер, некий швейцарец, француз Шаван, гувернанткой же моих сестер в это время была француженка Демулян.

И вот наш гувернер завел амурные отношения с этой гувернанткой, так что в конце концов моим родным их обоим пришлось уволить, причем эта же гувернантка совратила с пути истинного моего старшего брата. Я рассказываю все эти истории, чтобы показать, как трудно уберечь детей, даже если в семействе есть материальные средства, от вещей, их развращающих, если сами родители неукоснительно не занимаются их воспитанием.

После г. Шаван у нас гувернером был русский немец, выписанный моим отцом из Дерпта, некий г. Паульсон. Этот самый гувернер занимался преподаванием нам различных предметов, например истории, географии, а также и немецкого языка. Но немецкий язык мне никогда не давался, и потому, несмотря на то что у меня был гувернер-немец, я немецкому языку не научился, т. е. на немецком языке не говорю.

Одновременно с этим к нам приходила масса различных учителей, все это были учителя тифлисской гимназии, которые подготавливали нас к поступлению в гимназию. В это время в Тифлисе была только одна классическая гимназия; в этой гимназии были интерны (ученики, которые там жили), экстерны и сравнительно меньшее количество вольнослушателей, которые допускались только в особых случаях. И вот меня и брата, ввиду того положения, которое занимали мои родные, допустили в качестве вольнослушателей в 4—5 классы.

В это время в гимназии было всего 7 классов, и таким образом в гимназии я был в качестве вольнослушателя в течение 4 лет, при этом я прямо переходил из класса в класс, не сдавая переходных экзаменов. Занимался я очень плохо, большею частью на уроки не ходил; приходя утром в гимназию, я обыкновенно через час-полтора выпрыгивал через окно на улицу и уходил домой. Вследствие того, что мы были вольнослушателями, и ввиду особого, всем известного положения, которое занимали наши родители, учителя не обращали на нас никакого внимания, потому что они не были ответственны ни за наше учение, ни за наше поведение. В бытность нашу в гимназии к нам на дом постоянно приходили учителя той же самой гимназии, которые давали нам параллельно уроки по тем же предметам, которым они нас учили в гимназии.

Я забыл сказать, что когда мы жили на Кавказе, в Тифлисе мне и брату мешало отчасти заниматься то обстоятельство, что мы чрезвычайно увлекались музыкой. Тогда там была консерватория, директором которой был г. Зейне, и мы с братом очень усердно занимались музыкой. Сначала нас учили играть на различных духовых инструментах, преимущественно на флейте, флейтист оркестра какого-то военного полка, а потом мы уже учились в упомянутой выше консерватории, где преподавали артисты из итальянской оперы. Вообще я и мой брат гораздо больше времени тратили на музыку, нежели на все остальные предметы; кроме того, мы постоянно занимались верховым спортом, затем упражнениями на рапирах и эспадронах, чему придавал особое значение наш дядя, генерал Фадеев, который требовал, чтобы к нам приходил учитель фехтования тамошних войск, который нам преподавал искусство фех-

товаться, драться на рапирах и эспадронах. Кстати, этот бедный учитель, который был чиновником военного министерства, почти на наших глазах окончил свою жизнь трагически. Он жил у одной дамы, с которой впоследствии вступил в амурные отношения, прижил с нею детей и жил почти *maritalement**). В один прекрасный день, войдя утром в квартиру учителя фехтования, нашли зарезанными им его жену и детей, а также и его самого зарезавшегося.

Наконец наступило время, когда надо было держать экзамен, для того чтобы поступить в университет. Я держал экзамены чрезвычайно плохо и если бы не учителя гимназии, которые в течение 4-х лет к нам ходили и, конечно, получали при этом соответствующее вознаграждение, то я, вероятно, никогда бы экзаменов не выдержал, а так, еле-еле, с грехом пополам, я получал только самые умеренные отметки, которые мне были необходимы для того, чтобы получить аттестат. Я несколько не огорчился тем, что обыкновенно ни на одном экзамене не мог дать удовлетворительного ответа, но вот в конце концов произошел следующий инцидент. Так как мы дома болтали большей частью по-французски, то, понятно, мы бегло говорили на этом языке и, пожалуй, даже лучше, нежели по-русски. Когда я и мой брат пришли держать экзамен по французскому языку, то нас экзаменовали: учитель естествознания, некий Гугуберидзе, и учитель математики Зазаров, которые, говоря на французском языке, выговаривали французские слова, так сказать, как «коровы»... И вот вдруг эти учителя, экзаменуя нас по-французски, признали, что мы французский язык плохо знаем, и поставили нам по 3. Это меня и брата крайне удивило, а так как мы были большие шалуны, то, когда учителя вышли из гимназии, мы пошли за ними по улицам и все время сыпали относительно их ругательства и бросали в них грязью. После такого инцидента, хоть нам и выдали аттестаты и мы кончили курс гимназии, но за поведение нам поставили по единице.

* В браке.— Ред.

С таким аттестатом, когда мне было $16\frac{1}{2}$ лет, я отправился с братом в университет. До $16\frac{1}{2}$ лет я на Кавказе жил безвыездно, и это был мой первый выезд с Кавказа. Нас повез отец. В это время попечителем Киевского учебного округа был брат моего отца, сенатор Витте, поэтому естественно, что нас отец повез именно в Киев, чтобы там определить в университет, но дорогой в Крыму, отец получил телеграмму, что его брат Витте переведен из Киева и назначен попечителем учебного округа в Варшаву. Тогда этот последний пост считался выше, нежели пост попечителя обыкновенного учебного округа, так как в то время Царство Польское имело свое особое управление, и попечитель учебного округа в Варшаве имел очень большие права и полномочия. Ввиду того, что мой дядя должен был покинуть Киев (а тогда между Одессой и Киевом не было железной дороги, следовательно, и проезд был не так прост), мы остались в Одессе. В это время попечителем учебного округа в Одессе был Арцимович, поляк, правовед, которого хорошо знал мой дядя, сенатор Витте, так как этот последний раньше был инспектором правоведения. Вследствие этого он рекомендовал нас Арцимовичу, и мы с отцом и матерью, которая нас также сопровождала, остановились в Одессе. Несмотря на протекцию попечителя учебного округа Арцимовича, нас в Одессе, конечно, в университет не приняли. Тогда Новороссийский университет только что открылся, или, вернее сказать, был преобразован из Ришельевского лицея в Новороссийский императорский университет. Не приняли нас, во-первых, потому, что мы имели за поведение единицу, и, во-вторых, потому, что мне было $16\frac{1}{2}$ лет, а в это время вышло правило, по которому в университет не принимали моложе 17 лет, и, таким образом, мне не доставало $\frac{1}{2}$ года. Вследствие этого наш отец поместил нас в Ришельевскую гимназию и затем уехал опять обратно по месту своей службы на Кавказ.

Мы остались вдвоем с братом совершенно одинокими. Я начал ходить в гимназию, а мой брат определился вольнослушателем в Новороссийский университет; так что он даже в гимназию и не ходил. Когда мы остались

одни, у нас, в сущности у меня, явилось сознание того, что я никогда ничему не учился, а только баловался, и что, таким образом, мы с братом пропадем. Тогда у меня явилось в первый раз сознание и соответственно с этим проявился и собственный характер, который руководил мною всю мою жизнь, так что вплоть до настоящего времени я уже никогда не руководился чьими-либо советами или указаниями, а всегда полагался на собственное суждение и в особенности на собственный характер. Вследствие этого я, до известной степени, забрал в руки моего брата, который был на год старше меня. Говорю «до известной степени», потому что мой брат, будучи любимцем моего отца и матери, был ими чрезвычайно избалован, а вследствие этого был гораздо распушеннее меня. Кроме того, по природе своей он не имел того характера, который был у меня.

Когда у меня явилось сознание, что так дальше нельзя жить, так как мы иначе погибнем, я поступил таким образом: я уговорил моего брата переехать в Кишинев*) и там поступить пансионерами к какому-нибудь учителю, который подготовил бы нас так, чтобы мы могли снова выдержать выпускной экзамен в гимназии.

Соображения мои заключались в том, что, если мы приедем в город, нам совершенно неизвестный, в котором мы решительно никого не знаем, и поступим к учителю, который будет заинтересован в том, чтобы нас подготовить настолько хорошо, чтобы мы могли выдержать экзамен, то это даст нам наибольшую гарантию в том, что мы не будем выбиты из колеи и, наконец, поступим в университет, для чего, конечно, необходимо было серьезно заниматься.

В Кишиневе мой брат нашел учителя математики, некоего Белоусова. На другой день по возвращении моего брата из Кишинева, мы с ним отправились из Одессы сначала по железной дороге до станции Раздельной, а потом на перекладных в Кишинев. В Кишиневе мы поступили пансионерами к этому учителю гимназии Белоусову, о чем дали знать отцу, который был всем случившимся

*) Тогда, как я уже говорил, железной дороги в Кишинев из Одессы не было, железная дорога шла только до станции Раздельной.

крайне удивлен. Он начал нам присылать надлежащие деньги, и мы взяли себе соответствующих учителей. С этих пор мы с братом более полугода занимались, можно сказать, и день, и ночь, и все-таки этих занятий было недостаточно, потому что в действительности мы с братом были полными невеждами, решительно ничего не знали, потому что никогда ничему серьезно не учились, а только умели хорошо болтать на французском языке. Этот учитель математики Белоусов был прекраснейший человек, но имел один порок — он пил. Так как напивался он довольно часто, то мы нередко бывали свидетелями сцен, происходивших между ним и его женой, которая также пила. Бывало дня по 2—3 мы его совсем не видали, так как он в это время сидел у себя безвыходно в комнате и пил. Тем не менее занимались мы очень усердно, и в это время у меня проявились большие способности к математике. Наконец прошло 6 месяцев и наступил срок держать выпускной экзамен. В это время директором гимназии был Яновский, который впоследствии был попечителем учебного округа на Кавказе, а потом членом Государственного совета (в то время, когда я сделался министром). Яновскому, который был тоже математиком, мой учитель Белоусов сказал про меня, что я обладаю большими математическими способностями, вследствие чего Яновский уговорился со мной следующим образом: если при самом строгом экзамене я по всем математическим предметам, т. е. по арифметике, геометрии, алгебре, физике, математической физике, метеорологии, физической географии, математической географии — одним словом, по всем физико-математическим предметам получу по 5, то тогда он меня проведет и даст мне хороший аттестат и по другим предметам.

Мой же брат, наоборот, математические предметы знал довольно слабо, но зато другие предметы он знал лучше меня, потому что занимался преимущественно ими более полугода. Яновский экзаменовал меня сам по всем математическим предметам, и по всем этим предметам я получил 5; благодаря этому Яновский в качестве директора гимназии, являясь постоянно на другие экзамены, сам меня экзаменовал, в сущности говоря, задавал мне самые элементарные, простые вопросы и ставил средние отметки.

Таким образом, я и мой брат кончили курс кишиневской гимназии, затем переехали в Одессу и поступили в университет. На каникулы же мы уехали к родным на Кавказ.

Когда мы были на вакациях в Тифлисе, то в этот год (насколько я помню, это было в 1867 году), в конце лета, переезжая из окрестностей Тифлиса (из Мапглиса, местопребывания Эриванского полка) в Тифлис, умер мой старик дед Андрей Михайлович Фадеев; ему было тогда за 70 лет. На меня смерть его произвела большое впечатление, потому что я был любимцем моего деда и сам его безумно любил. Несколько лет до этого на моих глазах умерла моя бабушка Фадеева, урожденная княжна Долгорукая, также в очень преклонных летах. Последние годы она была в параличе, так что, когда она учила меня грамоте, ее приносили в кресле, так как она сама не могла двигаться, и я, чтобы учиться читать и писать, становился около нее (на коленях). Таким образом учила она меня и моих братьев.

По окончании вакаций мы вернулись в Одессу, в университет. До Сухума меня и моего брата повез наш дядя. В предыдущем рассказе я уже говорил, каким образом мы с ним ехали, как мы останавливались в Сухуме, где начальником войск был известный генерал Гейман.

В университете я поступил на математический факультет, а мой брат — на юридический. Известно, что как тогда, так и теперь, юридический факультет — это такой факультет, на котором меньше всего можно заниматься; так было тогда, так обстоит дело и до настоящего времени; наоборот, на математическом факультете, или, как он тогда назывался, на физико-математическом не заниматься невозможно. В противоположность моим занятиям в гимназии, где я ровно ничего не делал, поступив в университет, я занимался и днем, и ночью, и поэтому за все время пребывания моего в университете я действительно был в смысле знаний самым лучшим студентом. Я до такой степени много занимался и так знал предметы, что

никогда к экзаменам не готовился (в то время были переходные экзамены с одного курса на другой), а большей частью читал или объяснял моим товарищам все лекции по билетам. Напротив того, мой брат обыкновенно в течение года ровно ничего не делал и начинал готовиться только к экзаменам; переходил он с курса на курс с грехом пополам и кончил курс в университете, хотя и со степенью кандидата, но все же еле-еле, тогда как я кончил курс в университете лучше всех и имел среднюю отметку круглые 5 $\frac{1}{2}$.

Пробыв один год в университете, на вакации я и брат поехали в Тифлис; в Потти нас встретил племянник моего отца, приехавший туда предупредить нас, что неожиданно скончался мой отец, поэтому то было последнее лето, которое мы провели на Кавказе. Потом все мы, т. е. моя мать, нянька и две сестры, которые тогда еще были девочками, и мой брат Борис переехали в Одессу, где окончательно и поселились. Другой же мой брат (Александр) остался на Кавказе в качестве офицера Нижегородского полка; дядя мой переехал в Россию, где и находился при фельдмаршале князе Барятинском.

По окончании курса в университете я должен был получить золотую медаль, но для этого нужно было написать сочинение на заданную тему. Сначала я написал диссертацию на получение звания кандидата, а именно диссертацию: «О бесконечно малых величинах». Помню, что эта диссертация была очень оригинальная, потому что по предмету чистой математики она не заключала в себе никаких формул, а в ней были только одни философские рассуждения. Кстати, я припоминаю, что, проходя в Париже года два тому назад по одной из улиц, где находятся большие книжные магазины, я остановился перед одной из витрин, на которой были выставлены разные математические книги и журналы, начал рассматривать их и вдруг среди математических книг я, к моему удивлению, увидел выставленной кандидатскую диссертацию «О бесконечно малых величинах», которую я написал лет сорок тому назад: она была переведена на французский язык.

Затем мне нужно было написать диссертацию на получение золотой медали. Диссертация эта была дана по астрономии, но в это время я влюбился в актрису Соколову,

а потому не желал больше писать диссертации. Таким образом, хотя я первым кончил курс в университете, но золотой медали я не получил, а получил ее следующий шедший за мною студент. Тем не менее я твердо решил остаться при университете. Одним из моих ближайших товарищей был Лигин (будущий попечитель учебного округа в Варшаве), хотя он и был курсом старше меня; Лигин решил остаться при университете по кафедре механики, а я — по кафедре чистой математики.

Каким образом случилось, что я не пошел по карьере ученой, профессорской — я объясню впоследствии.

Теперь я хочу рассказать несколько воспоминаний из университетской жизни.

Будучи студентом, я принадлежал к числу студентов наиболее правых. В это время преобладало атеистическое направление, и кумирами молодежи были: Писарев, Добролюбов и Чернышевский. Между студентами были братья Миллеры, которые уже раньше побывали в Сибири в качестве сосланных. Будучи студентом, я мало занимался политикой, потому что постоянно занимался учением, но постольку, поскольку я ею занимался, я всегда был против всех этих тенденций, ибо по моему воспитанию был крайним монархистом, каким остаюсь и до настоящего времени, а также и человеком религиозным. Между тем в основе тогдашнего движения молодежи был, как я уже сказал, атеизм; кумиром молодежи был Писарев, его проповедовавший; теперь же, в последние годы, кумиром молодежи был Толстой, который в основу всех своих идей кладет бессмертие души, веру в загробную жизнь и бога; меня всегда поражали те бессмысленные утверждения, которые высказываются как в правительственных сферах, так и в реакционных общественных кругах, будто бы граф Толстой грешен в особенности тем, что он имел развращающее влияние на молодежь. В таком обвинении заключается полнейшее недомыслие. Тот, кто пережил 70-е годы университетской жизни, может оценить ту громадную заслугу, которую оказал Толстой, приведя русскую молодежь к богу, но, конечно, не к богу изувера Иллиодора или шутника Пуришкевича и подобных сей клике.

Вследствие моей серьезности и моих знаний я пользовался уважением в среде студенчества. У студенчества были кассы, и выборные должны были управлять этими кассами; в числе выборных был и нынешний член Государственного совета Турау, тогда очень либеральный студент, а теперь в Государственном совете по многим вопросам значительно более правый, нежели я.

В числе выборных был также г. Афанасьев, который впоследствии был профессором всеобщей истории в университете, но потом должен был покинуть университет, потому что его находили крайне либеральным. Еще в бытность мою министром финансов я его устроил управляющим конторой Государственного банка в Киеве, каковой пост он занимает и до сих пор. Одно время, я помню, на него вели большие атаки за то, что он очень либерален; все нападки на него заключались в том, что он при изучении всеобщей истории остановился на периоде Французской революции, а также он часто читал о ней публичные лекции. Когда я, будучи министром финансов, приехал однажды с его величеством в Крым, дворцовый комендант генерал-адъютант Гессе мне указал на то, что Афанасьев, управляющий конторой Государственного банка, по его сведениям, очень либерален, читает лекции крайне неудобного содержания, намекая на то, что такого либерального чиновника нельзя держать и что его нужно уволить. По этому поводу я обратился с письмом к генерал-губернатору Драгомирову; Драгомиров мне ответил, что он отлично знает Афанасьева, что на его лекциях всегда бывал и бывает и что это человек в высокой степени достойный. На лекциях он всегда высказывал крайне умеренные взгляды, но не может же он скрыть того, что была Французская революция и, читая лекции о Франции, не может же он не говорить о Французской революции! Единственный грех его и заключается, может быть, в том, что вообще на лекциях он произносит слова «Французская революция». Все же доносы на него исходят от негодяя Юзефовича (который ныне в Киеве играет крайне подозрительную роль, между прочим, в качестве члена «Союза русского народа» и друга Дубровина), человека «самой низкой

нравственности», как его охарактеризовал Драгомиров. Впрочем, г. Юзефовича я и сам с этой стороны знаю. Затем Драгомиров в своем письме выразил удивление, что Гессе обращает внимание на доносы Юзефовича. Содержание этого письма я тогда же доложил его величеству. Афанасьев и до настоящего времени находится управляющим конторой Государственного банка и остался таким же умеренным, крайне легальным либералом, каким он был и в университете.

В числе выборных студентов был и Миллер, перед которым большинство студентов преклонялось, так как он имел до некоторой степени ореол мученика, потому что он был из числа сосланных прежде в Сибирь. И вот как-то был поднят вопрос о незаконности существовавшей студенческой кассы. Касса была закрыта, и все старосты (в том числе я и Турау), которые ею руководили, были преданы суду. Был составлен обвинительный акт, по которому мы все должны были быть сосланы в Сибирь на поселение. Но от этого нас спас английский клуб.

Тогдашний прокурор судебной палаты, некий Орлов, баллотировался в члены английского клуба и его не выбрали¹⁴. Министр юстиции граф Пален пожелал узнать, каким образом мог быть забаллотирован прокурор судебной палаты? Тогда ему сообщили, что члены клуба имели против него: им был составлен такой обвинительный акт против всем известных благонадежных людей, что если бы он вошел в силу и этих молодых людей предали суду, то они должны были быть сосланы в Сибирь. Вследствие этого на наше дело было обращено внимание и в конце концов судебная палата как окончательная обвинительная камера, рассмотрев это дело, не утвердила обвинительного акта, а передала это дело к новому расследованию. Результатом расследования было то, что к этому делу были подведены какие-то статьи, в силу которых нас судил уже мировой судья, приговоривший каждого из нас к 25 руб. штрафу.

Среди моих близких товарищей, как я сказал раньше, был Лигин, который затем сделался профессором Ново-

российского университета. Лигин был старше меня на один год, но я с ним был очень близок; он вскоре после окончания курса уехал за границу, слушал там лекции в Карлсруэ и потом, через несколько лет, вернулся в Одессу, сделался профессором Новороссийского университета. Я хочу сказать об этом Лигине несколько слов, так как вообще это был человек выдающийся, оставивший о себе память.

Судьба Лигина была очень оригинальна. При императрице Александре Федоровне, жене императора Николая I, любимой фрейлиной была некая Козлова. Тогда же в Петербурге в числе других врачей, был один врач из иностранцев — немец, который был, между прочим, врачом и при дворце. В конце концов, сделалось известным, что Козлова вдруг оказалась в интересном положении. Она прямо так и созналась, что находилась в особых отношениях с этим молодым врачом, который также этого не отрицал. Но Козлова не хотела за него выйти замуж, а потому он немедленно же уехал за границу, в Вену; она же уехала в Одессу и, поселившись на окраине города, основала там Михайловский монастырь, который теперь находится почти в центре города Одессы. Жила она около этого монастыря, ведя жизнь почти что монашескую. И вот у нее-то был сын, которого мы все знали под фамилией Козлова; все время, пока он был студентом, он был нам известен, как Козлов, но при окончании курса сделалось известным, что ему дали аттестат, где его называли Лигиным. (Если перевернуть это слово Лигин, то выйдет «*nihil*», т. е. «ничей»). Мать его, конечно, превосходно воспитывала, не жалея на него никаких средств, но тем не менее по документам он числился менщином Козловым. Лигин отличался среди студентов тем, что отлично знал языки. Мать его посвятила, можно сказать, всю жизнь свою ему и Михайловскому монастырю. Когда Лигин был мальчиком, то его гувернером, а затем и учителем был некто Коростылев, который впоследствии сделался профессором теоретической механики в университете. (Он и мне преподавал теоретическую механику и интегрирование дифференциальных функций и преподавал чрезвычайно бездарно.) Этот Коростылев чуть-чуть не послужил причиной тому, что Лигин должен был переменить свою карье-

ру, т. е. не быть профессором. И вот как это произошло. Когда Лигин, после окончания своего за границей, т. е. приготовления к профессуре, вернулся в Одессу, он написал диссертацию по новой геометрии. (Я тогда уже кончал курс в университете, но еще занимался математикой.) И вот Лигин должен был защищать диссертацию на степень магистра. В это время в университете были профессорами: Мечников — зоологии, Сеченов — физиологии, Соколов — химии, Цинковский — ботаники, т. е. все лица, которые или уже тогда пользовались большим научным авторитетом (как, например, Цинковский), или же были тогда еще молодыми профессорами, впоследствии получившими известность (как, например, Сеченов, который теперь имеет репутацию всесветной знаменитости), но все они были естественниками, а также были несколько все заражены тем духом, который в то время царил в университете, а именно: отнюдь не давать каких бы то ни было преимуществ студентам из хорошей фамилии или имеющим средства. Конечно, этот принцип совершенно справедлив: понятно, что таким студентам не следует давать особых преимуществ в смысле учения и отметок; но дело в том, что стремление не давать преимуществ большей частью сводилось к несправедливости в обратную сторону, к несправедливости по отношению к тем молодым людям, которые имели или средства или носили более или менее известные фамилии. В это время Коростылев был деканом математического отделения физико-математического факультета, и вот этим ученым-естественникам почему-то взбрело в голову, что диссертация Лигина признана соответствующей для защиты на степень магистра механики именно потому, что Коростылев был его ближайшим учителем и воспитателем. Раз была пущена эта молва, господа профессора-естественники решили его провалить, хотя никто из них решительно ничего не знал ни по математике, ни по механике, а потому они ни в какой степени не могли быть судьями работы Лигина. Помню, что во время защиты диссертации они все на него напали, но нападение это было совершенно детское: по очереди каждый из этих профессоров просто утверждал, что диссертация Лигина решительно никуда не годна, но при этом не приводилось решительно никаких доказательств. Впрочем, как я уже

сказал ранее, профессора-естественники и не могли представить доказательств, так как этого предмета они не знали. Единственный между ними, который мог бы судить о диссертации, был молодой профессор Усов (нынешний профессор математики и физики в Московском университете), но и Усов не был специалистом по механике и, кроме того, несколько кривил душой, так как был заражен именно тем направлением, которым были заражены все университеты того времени, т. е. «демократическим», которое выражалось в боязни оказаться в какой бы то ни было степени покровителем студента из-за его фамилии или из-за его средств. Так как тогда математического факультета не было (да и до сих пор в университете его нет), а был физико-математический факультет, на котором изучались все естественные науки, а следовательно, и профессора-естественники были полновластными членами совета факультета, то в конце концов большинством голосов диссертация Лигина была признана негодной. Тогда я, хотя и не принадлежал к коллегии профессоров, так как только что кончил курс в университете, все же вмешался в это дело и сказал одному из профессоров (кому, не помню: или Мечникову или Сеченову), что решение их крайне несправедливо. Они мне отвечали, что до них дошли сведения, что все профессора математического отделения дали отличный отзыв о работе Лигина только по личным причинам. Тогда я посоветовал им послать диссертацию Лигина Шалю в Париж, который, в сущности говоря, и был творцом новой геометрии, составляющей в настоящее время во всех университетах предмет особой науки. Шаль, получив эту диссертацию (которая была переведена на французский язык), через некоторое время дал отзыв, что это «превосходная работа» и что, так как ему известно, что есть две степени — магистра и доктора — и можно дать доктора помимо магистра, то он, Шаль, с своей стороны, за такую прекрасную работу сделал бы Лигина прямо доктором механики, минуя звание ученой степени магистра механики. После такого отзыва факультет сейчас же собрался и признал Лигина достойным степени магистра механики. Затем Лигин и написал другую диссертацию на степень доктора механики и в течение 25 лет был профессором механики в Новороссийском университете. По проше-

ствии 25 лет, так как Лигин был человеком довольно состоятельным (у него было имущество в Одессе), его выбрали одесским городским головой, каковым он был в течение трех лет, и затем был выбран городским головой на следующее трехлетие.

В это время я уже был министром финансов, а варшавским генерал-губернатором был князь Имеретинский, который со мной находился в прекраснейших отношениях. Попечителем Варшавского округа после кончины моего дяди, сенатора Витте, был сделан Апухтин, который оставил по себе в Варшаве дурную память, так как в учебных заведениях Царства Польского он преследовал крайне узкие русификаторские цели.

Конечно, ужиться с князем Имеретинским Апухтин при таком направлении не мог, а потому и покинул пост. Явился вопрос: кого назначить попечителем Варшавского учебного округа? Князь Имеретинский обратился ко мне за советом, и я ему указал на Лигина, бывшего в то время городским головой, а ранее долгое время состоявшего профессором Новороссийского университета. Князь Имеретинский Лигина не знал, но вполне доверился моему указанию, и Лигин по его просьбе был назначен попечителем Варшавского учебного округа.

Когда после смерти графа Делянова явился вопрос о том, кого назначить его преемником, то ко мне приехал как-то Константин Петрович Победоносцев и начал просить меня, чтобы я поехал к государю и упросил государя не назначать попечителем округа (министром народного просвещения?!) одно лицо, не имевшее с учебным ведомством ничего общего и действительно совершенно неподходящее; Победоносцев думал, что это лицо будет назначено вследствие особых протекций высоких лиц. Я отклонил это предложение Победоносцева, сказав, что ехать к государю и вмешиваться не в свое дело я не могу, что будет гораздо лучше, если поедет он сам, потому что он был преподавателем не только императора, но и его отца, и отношения его могут быть совсем другие, нежели мои.

Тогда Константин Петрович Победоносцев решился сам поехать к государю. Когда он от меня уезжал, то я говорил ему, что не следует ехать только для того, чтобы отговаривать государя назначить такое-то лицо, а для того,

чтобы облегчить положение государя: надо ему указать на кого-нибудь. Если окажется, что тот, кого государь хочет назначить, не годится то надо рекомендовать подходящее лицо. Тогда Константин Петрович стал обсуждать со мною вопрос: кого же следует рекомендовать. И вот мы условились настаивать перед его величеством о назначении кого-нибудь из профессорской среды, о назначении человека, уже имеющего большой опыт. При этом мы остановились на двух лицах: с одной стороны, на Боголепове — это был кандидат, на котором преимущественно настаивал Победоносцев, а с другой стороны — на Лигине, являвшемся кандидатом, на котором преимущественно настаивал я. Было обусловлено, что если Константину Петровичу удастся уговорить государя не назначать то лицо, которое предполагалось, то он (Победоносцев) будет рекомендовать в кандидаты двух лиц: Боголепова и Лигина.

Победоносцев достиг того, что то лицо, которое предполагалось назначить, не было назначено, а из двух кандидатов государь остановился на Боголепове, потому что Боголепов в это время был попечителем Московского учебного округа и его лично знал великий князь Сергей Александрович, который, естественно, имел очень большое влияние на государя императора, так как был женат на сестре императрицы. Таким образом, Лигин чуть-чуть не сделался министром народного просвещения. Вообще после этого государь относился к Лигину еще более милостиво, но вскоре Лигин умер от рака.

Отец же Лигина (бывший в молодости врачом при дворце), уехавший в Вену, прославился там как доктор душевнобольных, и впоследствии на его попечение была отдана громадная, одна из лучших в свете больниц для душевнобольных. Он был очень известным профессором Венского университета по вышеназванным болезням. Лигин признавал его своим отцом, и тот признавал Лигина своим сыном. Я помню, когда я кончил курс в университете и в первый раз поехал за границу, для того чтобы лечиться от болезни, которой я болен и до настоящего времени (а именно, от болезни горла, гортани и носовой полости), то я просил Лигина оказать мне какое-нибудь содействие. Лигин написал относительно меня два слова своему отцу;

как только я послал этому последнему записку Лигина, несмотря на то что я в то время был молодым, совсем неизвестным, без всяких средств человеком, отец Лигина принял меня крайне радушно и дал мне сейчас же письма ко всем венским знаменитостям; все эти знаменитости принимали меня и с особенным вниманием относились ко мне.

Когда Лигин был еще молодым человеком, вскоре после окончания им курса в университете, у него на губе вдруг появился маленький прыщ, который все больше и больше разрастался. Когда Лигин приехал в Вену к своему отцу, то там ему была сделана операция, этот прыщ был вырезан, и у него на губе остался большой шрам. Впоследствии, через несколько десятков лет, у Лигина опять на том же месте появился прыщ, оказавшийся раковым, который его и погубил.

Лигин был женат на одной местной одесской девице, дочери негоцианта Парпути, которая до сих пор жива. У Лигина было два сына: один теперь вице-губернатор в одной из губерний Царства Польского, а другой — главный доктор Николаевского военного госпиталя (говорят, что он хороший доктор).

Кроме профессоров, о которых я упомянул, и которые оставили после себя имя не только в университетской русской науке, но сделались известными во всемирной науке (как, например, Мечников), были еще и другие профессора, также весьма (в свое время) выдающиеся. Так, например, по славянским наречиям — некий Григорович, затем профессор Ягич, который и ныне в Венском университете считается знаменитостью; далее, по кафедре русского права — профессор Леонтович, недавно умерший в Варшаве.

В те времена все профессора филологического факультета обязательно должны были превосходно владеть латинским языком. Когда я был в университете, то помню, что защита диссертаций по филологическому факультету всегда производилась на латинском языке, причем в это время профессор Григорович блаженствовал, потому что больше всего любил, когда научные споры велись на латинском языке. Во время этих споров он положительно таял.

Из профессоров того времени по математическому факультету особенных знаменитостей не было. Коростылев был бездарным профессором. Затем был один совершенно молодой профессор чистой математики Андреевский, который впоследствии сделался профессором Варшавского университета. Для профессора он был замечательно молод; ему было 22 года, когда он в качестве магистра математики явился из Харькова в Одессу. Он сделался очень рано ординарным профессором Варшавского университета и умер совершенно в молодых годах.

Затем был старый профессор физики Лапшин, который пользовался большой популярностью, потому что он был очень стар и очень долго был профессором физики в Харькове. Но этот профессор был совершенной посредственностью.

Кроме того, профессором физики был Шведов, будущий ректор Новороссийского университета; это был более сведущий и более талантливый профессор, но также не представлял собою ничего особенно выдающегося.

Из более даровитых профессоров был некий Сабинин. От этого Сабинина я еще в прошлом году получил брошюру, относительно которой он писал мне, что в этой брошюре он сделал замечательное открытие по геометрии и хотел, чтобы я непременно дал о ней отзыв, так как, по его мнению, один я мог оценить его научную работу. Но, так как я в значительной степени отстал от математики, то, конечно, не мог дать никакого авторитетного отзыва и просил академика князя Голицына дать эту брошюру соответствующим специалистам-академикам, дабы они были так любезны и высказали относительно нее свое мнение. Таковые через некоторое время мне ответили, что, просмотрев эту брошюру, они находят, что эта работа служит доказательством громадной старости Сабинина и того, что он не в состоянии теперь правильно владеть мыслью. Но ранее Сабинин был чрезвычайно талантливым профессором. К сожалению, он очень мало читал, так как имел большую слабость к спиртным напиткам. Большею частью он болел, и, в сущности говоря, не болел, а просто сидел дома, находясь в ненормальном состоянии.

Он издал лекции по интегральному исчислению, или, вернее, я их издал в литографированном виде. Эти лекции в настоящее время находятся у меня. Однако большей частью лекции Сабинин совсем не читал, а дело обстояло следующим образом: так как единственно меня он ценил как лучшего студента-математика, проявлявшего большие математические способности, то поэтому, несмотря на ненормальное состояние, в котором он часто находился, он принимал меня. Я приходил к Сабинину в это время, и он еле-еле мог объяснить мне, о чем он думал бы читать лекцию, и давал мне некоторые источники, по которым я, изучив вопрос, писал лекцию. Затем, когда это ненормальное состояние его проходило, он исправлял эту написанную мною лекцию, я ее литографировал и выдавал за лекцию, написанную профессором Сабининым. Хотя Сабинин читал лекции сравнительно очень редко, но тем не менее он имел громадное влияние на математическое сознание студентов, так как действительно он имел математический дар, который представлял собой дар совершенно особого свойства.

Между математиками есть двойного рода люди: 1) математики-философы, т. е. математики высшей математической мысли, для которых цифры и исчисления есть ремесло; для этого рода математиков цифры и исчисления не имеют никакого значения; их увлекают не цифры и исчисления, а сами математические идеи. Одним словом, это — математики, если можно так выразиться, чистой философской математики. 2) Напротив, есть такие математики, которых философия математики, математические идеи не трогают, которые всю суть математики видят в исчислениях, цифрах и формулах. Между этими последними математиками также есть математики очень крупные.

К числу математиков первого рода, т. е. математиков-философов, принадлежат такие крупные ученые, как, например, Остроградский, Чебышев, Сабинин, хотя последний вследствие своего порока не мог развить свой большой талант.

К числу же математиков-исчислителей принадлежал, например, мой предшественник по министерству финан-

сов — министр финансов Вышнеградский, бывший ранее профессором Технологического института, а затем там же директором; он был учеником Остроградского. Вышнеградский не признавал никакой философии в математике, утверждая, что философия эта есть не что иное, как бесполезное глупое блуждание; суть же математики он видел в цифрах и формулах. К числу таких математиков относятся и большая часть нынешних математиков, например академик Марков.

Математики, так сказать, чистые математики, философы-математики, к которым принадлежу и я, относятся всегда с презрением к математикам-исчислителям, а математики-исчислители, среди которых есть много ученых, весьма знаменитых, смотрят на математиков-философов, как на людей в известной степени «тронутых».

Проходя курс в университете, а следовательно, живя известный период времени студенческой жизнью, я духовно весьма с нею сроднился и поэтому хорошо понимаю, что тот, кто сам не прошел курса в университете, не жил в университете, тот никогда не в состоянии правильно судить о потребностях университета, тот никогда не поймет, что означает «университетская наука», т. е. не поймет разницу между университетом и высшей школой (хотя бы и прекрасной школой, как, например, наш лицей Царскосельский или школа правоведения). Между тем разница эта весьма существенна, но для лиц, которые сами это не прочувствовали, она будет непонятна. Поэтому лица эти, будучи приваны решать дела, касающиеся университетов, решают их или по-военному, или же становясь на ту точку зрения, что университет есть не университет, а школа. Между тем разница между университетом и школой заключается в том, что университет живет свободной наукой. Если университет не живет свободной наукой, то в таком случае он не достоин звания университета. Тогда действительно лучше уж обратить университет в школу, потому что школа все-таки тогда может давать деятелей с определенным запасом знаний, между тем как университет без свободной науки не даст людей ни с большими знаниями, ни с большим научным развитием. Вообще,

не может быть с большим научным развитием человек, не прошедший и не познавший своим существом свободную науку. Когда стремятся университет поставить в тиски как в смысле лиц учащихся, так и учащихся, то те, которые к этому стремятся, не понимают, что таким путем наука развиваться не может. Без свободной науки не может создаться ни научных знаменитых произведений, ни научных открытий, ни знаменитостей. Университет, кроме того, представляет из себя такую среду для научного развития молодых людей, какую не может представить никакая высшая школа, потому что в университете преподаются все научные категории знаний, которые в данный момент составляют достояние человечества, и студенты живут в атмосфере этих знаний. Так, например, студенты математики специально занимаются только математикой, сдают они экзамены только по математике, но вместе с тем в течение всей своей жизни в университете они не чужды и всем остальным отраслям науки. Студент с утра до вечера находится в среде студенчества, он постоянно сталкивается с различными мыслями и идеями, которые воспринимают студенты других факультетов. Так, например, я, будучи студентом математики, очень интересовался предметами юридического факультета. И если на каком-нибудь факультете появлялся талантливый профессор, то его лекции приходили слушать студенты других факультетов. Таким образом, в течение всей университетской жизни (в течение 4 лет), если университет действительно удовлетворяет своему назначению, т. е. если в нем преподают свободную науку и преподают ее студентам, которые способны воспринять эту науку, то, изучая предметы одной категории, студенты в то же время находятся в сфере наук всех категорий, которыми в данный момент обладает человечество. Поэтому правильно поставленный университет есть самый лучший механизм для научного развития. Вот с этой точки зрения многие говорят: важно, чтобы студент приобрел не научные знания, а научное развитие. Этому лица, чуждые университетской науке, никогда не понимали, не понимают и не поймут, и через это они приносят массу зла нашим университетам. Но, высказывая эти мысли, я совсем не думаю защищать ложную свободу университетов, т. е. такое направление

университетов, при котором, вместо того чтобы в университетах заниматься свободной наукой во всех ее проявлениях, в университетах занимаются политикой и в сущности политикой только данного момента, всегда отравленной страстями, ложью и грубым цинизмом.

По поводу преподавания в университетах я вспоминаю о преподавании одного предмета, который в университете изучается всеми студентами всех факультетов, а именно о преподавании закона божия. К сожалению, преподавание богословия в мое время, да, кажется, и в настоящее время, поставлено весьма и весьма неудовлетворительно; я скажу, даже не то что неудовлетворительно, а прямо постыдно.

Я помню, в мое время в Новороссийском университете преподавал нравственное догматическое богословие протоиерей профессор Павловский. Он был прекраснейший человек и человек знающий, но тем не менее с большим трудом на его лекции можно было найти 3—4 студентов, которых удавалось упротить помощникам проректора пойти слушать его лекции. Никогда никто к экзамену богословия не готовился. Я, например, будучи одним из самых лучших студентов университета, вообще никогда не готовился к экзаменам ни по одному предмету, и тем не менее мне всегда ставили 5, так как в течение года я усиленно занимался предметами; но лекции богословия я в течение четырех лет слушал всего 3—4 раза и при этом имел нахальство приходить на экзамен богословия, совсем даже не приготавливаясь. Я помню, что перед выходным экзаменом по богословию я прочел несколько билетов накануне вечером и пришел на экзамен, решительно ничего не зная. В числе экзаменаторов были местный архиерей, протоиерей Павловский и два профессора, один из которых был профессор сельского хозяйства Палимпсестов. Мне достался билет о браке. Я вышел и решительно не знал, что мне отвечать, но из затруднения меня вывел вышеупомянутый профессор Палимпсестов, который знал, что я самый лучший студент в университете, а поэтому желал, чтобы я не только выдержал экзамен, но и получил хорошую отметку.

Поэтому он обратился ко мне с таким вопросом: «Скажите, пожалуйста, вы читали «Физиологию брака» Дебу?» Я действительно ее читал, именно потому, что эта физиология брака Дебу была книгой скабрёзного содержания, хотя в известной степени и научной. Профессор Павловский и архиереи были очень удивлены его вопросом и спросили, какая это книга «Физиология брака» Дебу? Палимпсестов ответил им, что «это прекрасная книга, и раз Витте (т. е. я) читал эту книгу, — а на него можно положиться, — значит, он отлично знает богословие». Меня отпустили и поставили 4. Таким образом я выдержал экзамен.

Когда я уже был министром финансов, мне удалось основать здешний Петербургский политехнический институт. Я довольно часто ездил в это заведение, которое я любил, как мною основанное. Профессором богословия там был Петров, тот самый Петров, который теперь расстрижен, так как он увлекся политической деятельностью. Вот, приехав однажды туда, я спросил: какие теперь читают лекции, так как я хотел выбрать какую-нибудь лекцию пойти послушать. Мне сказали, что читает лекцию один Петров. Я сказал, что совсем не хочу идти на богословие, а хочу слушать какую-нибудь лекцию по механике или физике. Мне сказали, что когда Петров читает свою лекцию, тогда никто больше не читает, потому что все студенты, бросив другие лекции, идут слушать Петрова. Я пошел на лекцию Петрова; он читал лекцию по богословию, причем читал ее так увлекательно, что не только все студенты, но и все профессора, а также и я были просто увлечены его манерой чтения. Это положительно одна из самых лучших лекций, которую я когда-нибудь в жизни слушал.

Через несколько дней после этого я видел его императорское величество и докладывал о том, как у нас в университете преподавался и ныне преподается закон божий, как я слушал лекцию Петрова и как меня поразило его превосходное чтение. Я говорил, что если бы во всех высших учебных заведениях были такие профессора, тогда, очевидно, наше юношество увлекалось бы богословием так же, как оно увлекается другими предметами. На это государь мне заметил, что он уже слышал о Петрове,

так как Петров был преподавателем в артиллерийском училище. В то время я никак не мог думать, что этот самый Петров, человек с громадными дарованиями, в сущности говоря, человек, по моему мнению, очень хороший, ничего особенно дурного не сделавший, споткнется политически и, увлекшись политической деятельностью, как священник погибнет. Какой из него выйдет писатель, я этого не знаю, но предполагаю, что в этом отношении из него ничего не выйдет, так как пишет он большей частью в «Русском слове», пишет из-за денег и, хотя его статьи довольно талантливы, тем не менее они через месяц после чтения забываются.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

МОЯ СЛУЖБА НА ОДЕССКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Когда я кончил курс в университете (это было в 1870 году), то имел твердое намерение остаться в университете по кафедре чистой математики. В это время вспыхнула война между Пруссией и Францией, которая повела, с одной стороны, к основанию Германской империи, а с другой — к основанию Французской республики. Тогда же к нам приехал мой дядя генерал Фадеев.

Как моя мать, так и генерал Фадеев очень косо смотрели на мое желание быть профессором. Главный их довод заключался в том, что это занятие мне не соответствует, так как это не дворянское дело. В те времена в высшем обществе, и в особенности в тех его частях, которые придерживались прежних традиций, подобные мнения держались довольно устойчиво, и, несмотря на то что мой дядя был, несомненно, весьма культурным и образованным человеком, тем не менее в душе он оставался тем же дореформенным, если можно так выразиться, дворянином. Хотя я указывал моей матери и дяде, что вот, например, Кавелин (который в то время был очень на виду) и Чичерин — оба из дворянских фамилий и вместе с тем оба они профессора, — этот довод на них не действовал.

Генерал-губернатором Одессы в это время был граф Коцебу, и тогда же приехал в Одессу министр путей сообщения граф Владимир Бобринский. И вот мой дядя уговаривал меня, чтобы я, оставаясь при университете, для

того чтобы готовиться к званию профессора, в то же время причислился и к канцелярии генерал-губернатора. Таким образом, я был причислен к этой канцелярии и хотя я никакой службы там не нес, но вследствие того, что я был чиновником канцелярии генерал-губернатора, я иногда виделся с генерал-губернатором графом Коцебу.

Во время войны у графа Коцебу, который имел военную жилку, собирались военные, в том числе и мой дядя, и раскладывали бисером на карте весь ход войны, происходившей между германскими и французскими войсками, причем большинство военных относилось с полной симпатией к Франции и, так как по слабости человеческой люди часто верят в то, во что им желательно верить, то многие из участвующих в этих собраниях, а в том числе и мой дядя, несмотря на то что он был выдающимся военным, человеком с замечательными военными способностями, всегда старались не терять надежды и уверяли, что в конце концов французы победят. Граф Коцебу, русский немец, который был человеком очень положительным и также выдающимся военным, смотрел на дело более трезво и хотя осторожно, но всегда высказывался за мысль, что Франция будет побита.

На этих собраниях бывал проезжавший в то время через Одессу генерал свиты его величества граф Владимир Бобринский, который тогда был назначен министром путей сообщения вместо Мельникова, генерала и инженера путей сообщения. Я встречал там Бобринского, и так как граф Бобринский был в очень хороших отношениях с моим дядей, то, вероятно, этот последний уговорил Бобринского повлиять на меня в том смысле, чтобы заставить меня переменить мою карьеру, а именно начать службу в путях сообщения. Бобринский несколько раз меня уговаривал¹⁵. В это время была построена дорога между Одессой и Раздельной, и от Раздельной строилась по направлению к Кишиневу; затем от Раздельной была построена железная дорога до Балты и дальше должна была строиться на Елизаветград (от Балты) и на Кременчуг. Строителем дороги был Унгерн-Штернберг, который был в очень близких отношениях с императором Александром II. Дорога строилась на концессионных основаниях частным концессионером. Постройка была дана барону Унгерн-Штернбергу

на определенных условиях. Те участки, которые уже были построены, а именно участки от Одессы до Раздельной и от Раздельной до Балты, были переданы в казну. Барон Унгерн-Штернберг только строил дорогу, т. е., иначе говоря, казна сдала ему, как частной компании, постройку железной дороги, по когда известный участок железной дороги отстраивался, он передавался в казну. В это время мысль, которая была проведена императором Николаем I, который на этих основаниях строил Николаевскую и Царскосельскую железные дороги, со смертью императора Николая I не успела быть опорощенной, т. е. еще не явилась мысль о предпочтительности частной эксплуатации перед казенной, поэтому те участки железной дороги, которые построил барон Унгерн-Штернберг (до Раздельной и до Балты), были переданы на эксплуатацию казне. Было устроено особое управление казенной эксплуатации этой дороги, и так как граф Бобринский был министром путей сообщения, то, конечно, он был в с ш и м начальником, между прочим, и этой дороги; начальником же дороги был инженер Кппменко, который ничего особого собой не представлял ни в смысле отрицательном, ни в смысле положительном. Он был из в о е н н ы х инженеров, но, для того чтобы сделаться управляющим железной дороги, переменил мундир, надев мундир путей сообщения. В это время все инженеры путей сообщения носили еще военный мундир. Корпус инженеров путей сообщения тогда еще выпускал военных инженеров-офицеров, и в этом корпусе были совершенно военные принципы, т. е. те же самые порядки, какие были и в других военных корпусах¹⁶.

Так вот граф Бобринский уговаривал меня переменить профессорскую карьеру на карьеру железнодорожного деятеля. Когда я на это согласился, то имел в виду поехать в С.-Петербург и выдержать там экзамен на инженера путей сообщения, что мне было очень легко сделать, так как я только что кончил курс в университете по математическому факультету, и мне следовало только немного заняться черчением и некоторыми специальными предметами, на что я мог употребить только несколько месяцев

и, конечно, с успехом выдержал бы экзамен. Но меня удивило, что граф Бобринский против этого моего намерения страшно восстал. Он говорил, что именно потому-то он ко мне и обращается, что я не инженер путей сообщения, что он вообще считает большим злом эту касту инженеров путей сообщения, что в эксплуатации железных дорог есть такие отрасли, которые могут иметь будущность только тогда, когда во главе их не будут стоять узкие специалисты-инженеры (как, например, вся коммерческая часть и вообще все, что называется эксплуатацией железных дорог в тесном смысле этого слова, кроме части технической). Он мне говорил, что тогда в его глазах я утрачу ту ценность, которую до сих пор я имел, как только что окончивший курс в университете человек с общим образованием вообще и математическим, в частности, не зараженный никаким корпоративным, узким духом специалиста. Вместо того чтобы ехать в Петербург и тратить, как я предполагал, полгода времени на экзамены в корпусе путей сообщения, он предложил мне истратить полгода для изучения на практике железнодорожной службы, для того чтобы на практике же пройти все должности, начиная с низших должностей; он находил, что таким путем я основательнее ознакомлюсь с железнодорожной службой, чем если я поеду держать экзамен на инженера путей сообщения.

В конце концов я на это согласился и начал свою службу на Одесской железной дороге, в управлении казенной Одесской железной дороги, начальником которой, как я уже говорил, был инженер Клименко. В это время все железнодорожные служащие, которые имели известные коронные чины (значит, окончившие курс военно-учебных заведений), т. е. занимавшие все высшие должности на железной дороге, носили военный мундир путей сообщения. Разница между не кончившими курс путей сообщения и инженерами, окончившими курс, была только та, что на военном мундире эти последние носили инженерский знак, а первые его не носили. И вот я должен был облечься в такую форму и начать изучать службу, проходя ее постепенно, так что я в действительности в течение полугода прошел все должности, касающиеся службы эксплуатации. Так, я сидел в кассах станционных, грузовых и билетных,

затем изучал должности помощника начальника станции и начальника станции, потом контролера и ревизора движения; затем занимал должности на различных станциях, где преимущественно было грузовое движение, и на станциях, где было преимущественно пассажирское движение. Таким образом в течение полугода я прошел все эти должности, но с самого начала, несмотря на то что я занимал самые низшие должности, я получал содержание 200 руб. в месяц (так было заранее обусловлено), тогда как обыкновенно на этих должностях получают жалованье в несколько десятков рублей в месяц. Когда я прошел все эти должности, я сразу получил место начальника конторы движения.

В это время начальником движения был Федор Моисеви́ч Штерн, умерший несколько месяцев тому назад в Одессе. Штерн был сыном одесского часового мастера. Он был с очень небольшим образованием, но был человеком воспитанным в смысле умения держать себя в обществе, что было присуще всем одесским молодым людям, так как Одесса в то время была очень культурным и общественным городом, а потому блеск этот, естественно, приобретался всеми молодыми людьми Одессы, которые бывали в том или другом обществе. Штерн сделал свою карьеру, также переходя постепенно с должности на должность; и когда он занимал должность начальника станции Балта, когда дорога перешла в казну, он сразу был сделан начальником движения. Хотя он был человеком довольно знающим, человеком вполне достойным и в сущности очень хорошим (что он доказал всей своей последующей жизнью, которая протекла на глазах у всех в Одессе), но он имел один недостаток, свойственный его расе; скажу, может быть, резкое слово: известное нахальство. Конечно, было очень странно, что начальником движения на казенной железной дороге был совершеннейший еврей, еврей, который нисколько не скрывал своей национальности, да, наконец, и в Одессе все это отлично знали. Говорят, что он сделал такую карьеру через жену начальника дороги, мадам Клименко. Мадам Клименко сделала карьеру и своему мужу. Она была из камер-фрейлин императрицы

Марии Александровны и вышла замуж за офицера Клименко. Штерн же имел очень галантные манеры и действительно был замечательно красив. Это был один из наиболее красивых мужчин, каких я встречал в своей жизни, хотя у него и был тип несколько еврейский. Тогда в Одессе, в течение зимы, жило много титулованных дам. Штерн вообще имел громаднейший успех.

Но уже в то время, это было в начале царствования императора Александра II, к принципу казенной эксплуатации железных дорог начали относиться отрицательно. Казенная Николаевская железная дорога и постройка, а также и эксплуатация Варшавской были переданы в Главное общество российских железных дорог, во главе которого стояли французские капиталисты и инженеры¹⁷. Поэтому естественно, что правительство и Одесскую железную дорогу хотело передать какому-нибудь частному обществу.

В это время на юге наибольшим обществом было Русское общество пароходства и торговли, директором которого в это время состоял капитан 1-го ранга, флигель-адъютант его величества Николай Матвеевич Ч и х а ч е в, будущий морской министр и нынешний член Государственного совета, весьма почтенный человек. Ему в настоящее время 84 года, тем не менее он не пропускает ни одного заседания Государственного совета, и по странной случайности я в Государственном совете сижу с ним почти что рядом.

Начались переговоры о передаче этой железной дороги в руки Русского общества пароходства и торговли, и в конце концов передача эта совершилась; устав же Русского общества пароходства и торговли был несколько изменен¹⁸.

Когда во главе дела стал Н. М. Чихачев, то он сразу отрицательно отнесся к Федору Моисеевичу Штерну, отчасти именно вследствие присущего ему аrogантного способа разговаривать, поэтому Штерн должен был оставить службу, и Чихачев предложил мне занять должность начальника движения Одесской железной дороги. Дела

на этой дороге шли плохо; опыта эксплуатации тогда было еще очень мало. Я был совсем молодым человеком; граф Владимир Бобринский ушел, и в министерстве путей сообщения наступила такая полоса, когда вся сила сосредоточивалась в руках инженеров путей сообщения. Управляющий железной дорогой должен был утверждаться министром, и так как я не был инженером путей сообщения, то меня управляющим дорогой министерство путей сообщения никогда бы не утвердило.

Тогда я посоветовал Чихачеву пригласить управляющим дорогой Андрея Николаевича Горчакова, который в то время был управляющим Курско-Киевской железной дорогой и пользовался известным реноме, хотя это реноме и оказалось несколько дутым. Горчаков был очень хороший человек и недурной инженер, но человек очень узкий и своеобразно упрямый; во всяком случае это был человек, по своему характеру и по своим основам не подходящий к живому делу.

Горчаков требовал таких преобразований, на которые Чихачев не соглашался, так как большая часть этих преобразований вызывала большие расходы, а Чихачев был человек практический, экономный, чего нельзя было сказать о Горчакове. Вследствие этого Горчаков, в конце концов, должен был уйти, пробыв в качестве управляющего железной дороги не более двух лет. Ныне Горчаков служит главным инспектором министерства путей сообщения.

После ухода Горчакова, Чихачев опять старался сделать так, чтобы меня утвердили управляющим железной дорогой¹⁹, но министерство путей сообщения меня не утвердило, вследствие чего к должности управляющего дорогой был представлен инженер барон Унгерн-Штернберг, очень хороший человек, со всеми качествами овечки, но который, собственно говоря, никакого значения не имел, так что выходила такая аномальность: занимая место начальника движения, я, в сущности говоря, управлял дорогой, номинальным же управляющим дорогой был барон Унгерн-Штернберг. При такого рода ведении дела, конечно, особых результатов достигнуть было нельзя,

потому что вся техническая железнодорожная часть мне не подчинялась, да я и не мог там иметь авторитета, так как я, собственно, не был инженером путей сообщения и по технической части был мало сведущ; эксплуатационная же часть, т. е. не техническая, находилась в моем ведении, но обе эти части, естественно, не работали в согласии одна с другой. Таким образом, продолжалось это дело опять-таки в течение нескольких лет.

В это время в Русское общество пароходства и торговли была уже передана дорога от Балты до Кременчуга (эта часть была построена бароном Унгерн-Штернбергом); другая же часть дороги: от Балты (или, вернее сказать, от пункта, лежащего в 20 верстах от Балты к Бирзуле) до Жмеринки и от Жмеринки до Волочиска была построена частной компанией, во главе которой был француз Фелиоли, так что дорога по протяжению сделалась довольно значительной.

Это продолжалось, как я уже говорил, несколько лет, пока не вспыхнула русско-турецкая война. В это время Чихачев, который был уже адмиралом свиты его величества, был назначен начальником обороны Черного моря, а потому временно должен был оставить пост директора Русского общества пароходства и торговли, директором которого временно был сделан член правления Русского общества пароходства и торговли Фан-дер-Флит, а я, в сущности, сделался главой Одесской железной дороги, которая была в особом положении в том смысле, что она подчинялась главнокомандующему действующей армией, которым был назначен великий князь Николай Николаевич.

Таким образом, мне во время войны приходилось управлять Одесской железной дорогой, которая шла до Ясс (наша дорога шла до Унгени, ветвь же от Унгени до Ясс в несколько десятков верст была передана нашему управлению).

Теперь я хочу рассказать некоторые из более или менее интересных и забавных эпизодов в период этой моей деятельности по Одесской железной дороге, т. е. с самого начала моего туда поступления.

В то время император Александр II несколько раз ездил в Крым и так как тогда еще не было железной дороги, идущей в Севастополь, то государь должен был всегда проезжать по Одесской дороге. Единственный путь, чтобы достигнуть Черного моря, был тогда через Москву на Киев и Одессу, а поэтому мне несколько раз приходилось видеть императора Александра II и даже ездить в императорских поездах, которые его возили.

Помню, раз мы везли императора Александра II в Одессу. Поезд остановился на несколько минут на станции Бирзула, император захотел прогуляться и, чтобы не быть замеченным публикой, вышел на платформу, но не на левую сторону, куда был выход и где его все ждали, а на правую. Между тем начальник станции и обер-кондуктор этого не заметили, и когда наступило время отправления поезда, он был отправлен. Таким образом, отправили поезд, а император остался на станции. Конечно, это сейчас же заметили, поезд вернули, и государь поехал дальше, причем он отнесся к этому происшествию весьма добродушно.

Затем, я помню другой случай. Вдруг в Одессе я получаю телеграмму, что будет ехать на обратном пути из Ялты в Петербург одна высокопоставленная дама, на которую надо обратить особенное внимание. Сообщалось, что эта дама приедет с пароходом в порт и надо ее из порта по железной дороге провезти вокруг города Одессы до пассажирской станции, а там приготовить вагон и оттуда она в этом вагоне поедет далее.

Так и было сделано.

Вагон был поставлен в порт; я поехал туда с паровозом, чтобы взять этот вагон, провезти его вокруг города (была окружная ветвь вокруг Одессы) до станции Одессы и прицепить к скорому поезду, который ехал в Петербург. Перед этим скорым поездом из Одессы шел другой поезд, но не по направлению на Петербург, а в другом направлении. Пароход опоздал. На нем приехала дама, которую я ожидал, и еще кто-то с нею был. Я увидел даму с красивым лицом, довольно полную. Мне сказали, что это княгиня Долгорукая (будущая светлейшая княгиня

Юрьевская, супруга императора Александра II). Я поехал с нею, чтобы скорей довести ее до вокзала, страшно торопясь, так как боялся, что поезд уйдет раньше, нежели я доведу ее. Между тем по неисправности начальник станции Одессы, не дожидаясь моего поезда, вероятно думая, что я не приеду, пустил другой поезд, который шел раньше того поезда, на котором я должен был везти княгиню Долгорукую, и таким образом, въезжая на станцию, мы еле-еле не столкнулись с этим поездом. Сколько раз после я думал: ну, а если бы произошла ошибка, и наш поезд меньше даже, чем на одну минуту опоздал бы? Ведь тогда произошло бы крушение, и от вагона, в котором ехала княгиня Юрьевская, остались бы одни щепки, и какое бы это имело влияние на всю будущую судьбу России, не исключая, может быть, и 1 марта? Когда я думаю об этом, мне приходит в голову такое философское рассуждение: от каких ничтожных случайностей, часто от одной минуты времени, зависит судьба народов, и колесо истории поворачивается в ту или другую сторону.

Затем, я помню еще, когда император Александр II ехал по Одесской железной дороге третий раз, то произошел такой случай. Одесская дорога по направлению из Петербурга начиналась со станции Жмеринка и соединялась с Киево-Брестской. (Были 2 ветви: Жмеринка — Одесская дорога, Жмеринка — Киево-Брестская дорога.) И вот мы ждем на станции Жмеринка прихода императорского поезда. Вдруг около станции Жмеринка императорский поезд Киев—Брест сошел с рельсов, так что император пришел к нам на станцию пешком. Император спросил: В чем дело? Ему объяснили, и так как убедились, что тут злого умысла не было, то он отнесся к этому случаю чрезвычайно добродушно. Вагон был подан; поезд поставлен на рельсы, и император отправился дальше.

Во время турецкой кампании мне пришлось везти императора на войну; тогда уже, в сущности, я управлял железной дорогой. Я встретил государя в Жмеринке, откуда государь поехал в Проскуров, так как там было

расположено несколько частей войск, для смотра их. В Проскурове мы пробыли несколько часов, а затем поехали (через Раздельную) в Кишинев, а из Кишинева в Яссы, причем я все время сопровождал этот поезд. Помню, как в первые сутки мы совершили путь от Жмеринки до местечка около Проскурова, где находился военный лагерь. Утром мы были на станции Веселый Кут. С государем ехало несколько великих князей и наследник-цесаревич Александр Александрович, будущий император Александр III. Я видел наследника тогда во второй раз. Первый раз я видел его, когда он, только что женившись на принцессе Дагмаре (нынешней императрице Марии Федоровне), приезжал в Одессу и посетил Новороссийский университет в то время, когда я был там студентом. Теперь же я видел его во второй раз. Он был очень жизнерадостен и все шутил над князем Горчаковым, который ко времени прихода поезда еще не успел одеться. Дело в том, что около его отделения вагон был запачкан как будто бы таким веществом, которое выходит изо рта во время морской качки. Наследник подходил к окну того отделения, где находился князь Горчаков, шутил над ним, говоря, что ночью его, по-видимому, укачало, и он подвергся такой же болезни, какой страдают люди от морской качки.

Что касается самого Горчакова, то так как я всю ночь, конечно, не спал, то видел его, когда он только что проснулся; это был совершенно разбитый старец; лицо его все состояло из морщин; у него совсем не было ни бровей, ни зубов. Занимался он своим туалетом часа два, и в конце концов все это у него появилось: явился фальшивый цвет лица, отличные зубы и брови. А то вещество, которым был запачкан его вагон и около вагона, было результатом его различных туалетных принадлежностей, и наследник, который к нему так приставал, вероятно, это и имел в виду. Но я стоял довольно далеко, а поэтому видел только, что все стоящие вокруг смеялись, а Горчакову это несколько не нравилось, и он все время говорил с наследником по-французски. На другой день, уехав из Веселого Кута, мы приехали в Кишинев, остановились, и государь опять осматривал находившиеся там военные части; затем мы поехали далее в Яссы. В Яссах я последний раз видел императора Александра II продолжительное время. Когда

поезд пришел в Яссы (это — станция Румынской железной дороги), то там нас удивило и отчасти рассмешило следующее: на станции был большой зал, и так как предполагали, что государь, выйдя из поезда, может войти в этот зал, то там был устроен русско-императорский трон. По-видимому, по понятиям начальства этой Румынской железной дороги русский император иначе как на троне не сидит. Но, чтобы рассказать довольно трагическое событие, связанное с этим тронном, я должен вернуться несколько назад.

Как известно, русско-турецкая война началась с сербско-турецкой войны. Командующим сербской армией был наш известный генерал Черняев. В это время через Одессу из России в сербскую армию ехала масса добровольцев. В то время в Одессе было Славянское общество, председателем этого общества был некий присяжный поверенный Кривцов, товарищем же председателя был я. Кривцов был сравнительно молодой человек, я — совсем молодой и так как мы очень увлекались «славянской идеей» — идеей взятия Константинополя, — то очень усердно занимались отправкой туда добровольцев¹⁰.

Как-то приходит к нам один офицер, который, между прочим, имел три Георгиевских солдатских креста (последний крест — золотой с бантом), и, отрекомендовавшись нам Кузьминским, говорит, что он офицер одного из гвардейских полков, находящихся в Царстве Польском. Все «Георгии» он получил за войну в Средней Азии. Затем он сказал, что желает ехать на войну и чтобы его немедленно отправили в действующую сербскую армию. Он крайне спешил, и мы его сейчас же отправили с отходящим в тот же день пароходом, причем я должен заметить, что жандармы и вообще администрация ко всем паспортным формальностям относилась тогда весьма снисходительно, так как все в то время были заражены патриотическим духом, тем патриотическим направлением, которое, в сущности говоря, и вынудило императора Александра II объявить войну Турции. Тогда был общий подъем русского патриотического самосознания именно в смысле славянского единения. Я несколько раз тогда видел Кузь-

минского, лицо его отлично запомнил, так как оно меня поразило своей крайней бледностью; лицо это было, как у статуи, крайне правильное, точно выточенное из мрамора.

Когда императорский поезд (в котором ехал император Александр II) прибыл в Яссы, мы вышли из поезда и стали около вагона, где находился император. Государь не вышел из вагона, а открыв окно уперся на него локтями и смотрел в даль, причем он тяжело дышал, так как в этот день усиленно страдал астмой. (Как известно, император Александр II страдал астмой.) Вдруг я вижу, что глаза его, устремленные на платформу, остановились, и он стал чрезвычайно пристально к чему-то присматриваться, дыша крайне тяжело. Естественно, мы все обернулись и стали смотреть в этом же направлении.

И вот я вижу, что там стоит ротмистр Кузьминский, но уже в черкеске со всеми своими «Георгиями».

Император, обращаясь к нему, говорит: «Ты ротмистр Кузьминский?» Тот говорит: «Точно так, ваше величество», — и в это время подходит к вагону и, по-видимому, начинает просить прощения у государя, а государь ему говорит: «Ты, — говорит, — дезертир, ты убежал из моей армии без моего разрешения и без разрешения начальства».

В это время около меня стоял начальник тыла армии, генерал-лейтенант Каталей. Государь, обращаясь к Каталею, сказал: «Арестовать его и посадить в крепость».

И вдруг я вижу, что Кузьминский вынимает кинжал и преспокойно всовывает его себе в сердце. Для того чтобы император Александр II этого не заметил, мы все обступили Кузьминского: вынимать кинжал было поздно, так как наполовину он всунул его в сердце. Окружив его, для того чтобы он не упал, а стоял, мы постепенно, прижимая его, двигались прочь от вагона. К этому времени подоспели другие офицеры, так как на платформе было много людей. Таким образом, мы потащили его в ту комнату, где стоял упомянутый мною выше трон, и так случилось, что мы положили мертвого Кузьминского на ступеньки этого трона.

Между тем император не отходил от окна, но, не понимая, в чем дело, все спрашивал: «Что такое? Что случилось?»

Для того чтобы выйти из этого положения, я обратился к тамошнему начальнику железной дороги, прося его как можно скорее отправить поезд. Поезд решили отправить. Император продолжал недоумевать и спросил меня: «Раз-ве время вышло? почему поезд отправляется?» Я сказал: «Точно так, ваше императорское величество. Я здесь больше не начальник, а, по-видимому, поезд должен отправиться, потому что время вышло».

Затем, когда поезд ушел, мы подошли к Кузьминскому; он был мертв... Кто-то вынул кинжал, который оказался весь в крови.

В крайне угнетенном настроении духа мы сели в поезд и поехали обратно к Кишиневу. Не доезжая Кишинева, вдруг с императорского поезда на имя Катаlea получилась телеграмма (не помню, за чьей подписью, графа Милютина — впрочем, тогда он не был еще графом, — или Адлерберга), в которой сообщалось, что государь император соизволил повелеть Кузьминского простить и в крепость не сажать.

Не знаю, почему это произошло, по всей вероятности, императору было доложено о тех заслугах, которые оказал Кузьминский, находясь в сербской армии; о том, что это человек, достойный всякой похвалы. Вероятно, государь в силу этого и простил ему действительно очень важный дисциплинарный проступок, так как (я сообщал об этом раньше) Кузьминский бросил русскую армию вопреки запрещению. Он просился в Сербию, но его не пускали, потому что тогда предвидели возможность войны с Турцией, но тем не менее он, так сказать, удрал.

По поводу этого эпизода с Кузьминским я хочу отметить следующий факт: когда в Одессе мы отправляли русских добровольцев, то обыкновенно утром я ходил заниматься в управление железных дорог, а в определенное время (кажется, в 4 или 5 час.) я заходил к Кривцову, у которого была канцелярия по отправке всех этих добровольцев. В одной из комнат его квартиры сидел за столом писец, который там работал, и вот, каждый раз, когда я проходил мимо него, хотя я тогда был совсем молодым человеком, не имеющим никакого выдающегося государственного и общественного положения, этот писец считал

своим долгом вставать. В то время вообще я на него не обращал никакого особенного внимания. Через несколько лет уже после окончания войны, когда я служил в Петербурге, я однажды приехал к Кривцову. В разговоре он мне говорит: «А помните Стамбулова?»

— Какой Стамбулов?

— А писца, помните, который работал у меня, когда мы отправляли добровольцев? Он был русский семинарист (одесской семинарии) и служил у меня писцом за 20 руб. в месяц.

Это был именно тот знаменитый Стамбулов, который производил такие раважи в Болгарии, который потом был врагом России, благодаря которому Баттенбергский потерял княжеский престол и благодаря которому явился нынешний король Болгарии Фердинанд и который затем, когда уже не был президентом министерства, погиб от руки убийцы, — тот Стамбулов, который во всяком случае явился — хорошей или дурной памяти, это скажет история — историческим деятелем в судьбах Болгарии.

Когда я поступил на железную дорогу, то тогда железнодорожное дело находилось еще в самом примитивном состоянии. Все-таки в течение этих 40 лет, прошедших с того времени, железные дороги сделали у нас громадный успех. Если сравнить как полотно железной дороги, так и станционное устройство, а в особенности паровозы и вагоны того времени с теперешними, то ясно видно, насколько успех, сделанный железными дорогами, велик. Конечно, не может быть проведено никакого сравнения между теперешним паровозом, ведущим скорый поезд, экспресс, с теми паровозами, которые возили с наибольшей скоростью поезда того времени. Эта такая же разница, как, можно сказать, между короной и заводским бегуном.

Сейчас я был на 25-летнем юбилее совета по железнодорожным делам, и там министр путей сообщения Рухлов, между прочим, сказал мне, что он рассчитывает, что у нас больше залежей грузов на железной дороге не будет, «что, — как он выразился, — скоро залежи грузов на железной дороге составят предмет исторических воспоминаний». Но он не объяснил, почему это произошло? А между тем объясняется это очень просто. За последние

30—40 лет, а в особенности 20 лет, наша железнодорожная промышленность развивалась гораздо быстрее, нежели общий экономический подъем страны. Вследствие этого естественно, что железные дороги за последние 20 лет сделали гораздо сильнее по сравнению с тем количеством грузов, которое надо было возить, и, естественно, должен был наступить такой момент, когда залежи должны были, как выразился министр путей сообщения, отойти в область исторических воспоминаний.

Если сравнить полотно железных дорог настоящего времени и прежнего времени, то опять-таки между ними окажется такая же разница, как между проселочной дорогой в какой-нибудь Астраханской губернии и прекрасным шоссе в какой-нибудь провинции Франции, т. е. опять-таки тут даже никакого сравнения быть не может. Поэтому скорость движения теперь может быть гораздо бо́льшая, движение по железным дорогам может производиться теперь гораздо быстрее, а кроме того, и безопасность благодаря вышеупомянутым усовершенствованиям значительно увеличилась.

Когда я только что поступил на железную дорогу, то дорога эта была крайне слабо построена, и все, можно сказать, держалось на живой питке.

В то время, когда железная дорога перешла в руки Русского общества пароходства и торговли, я был начальником движения этой дороги, номинальным управляющим был барон Унгерн-Штернберг, директором же Русского общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги был Николай Матвеевич Чихачев. Так что администрация была следующая: директором Русского общества пароходства был адмирал свиты его величества Н. М. Чихачев; у него были два помощника: первый помощник — по Русскому обществу пароходства и торговли — отставной лейтенант Кази, а второй по железной дороге — инженер путей сообщения Унгерн-Штернберг; я же был начальником движения.

Вот в это время случилась Тилигульская катастрофа. Тилигульская катастрофа заключалась в следующем. Как раз на границе между Подольской и Херсонской

губерниями существует нечто вроде оврага, который называется Тилигулом. Железная дорога проходила именно по этому оврагу, по этой насыпи. С одной стороны, к югу от этой насыпи, железная дорога шла в Одессу, а с другой стороны, как раз около этого Тилигула, путь железной дороги раздваивался: одна ветвь шла на Балту и Елизаветград, а другая — на Жмеринку и Киев.

Так вот в декабре месяце шел поезд с новобранцами из Балты в Одессу; поезд этот должен был быть по приходе в Балту отправлен далее не по расписанию, а по телеграфному соглашению, т. е. он должен был быть отправлен далее раньше, чем это следовало по расписанию, но только после сношений с соседней станцией Бирзулой, когда будет выяснено, что путь между Балтой и Бирзулой свободен и поезд может беспрепятственно следовать в Бирзулу. И действительно, путь между Балтой и Бирзулой был свободен, т. е. в том смысле, что никаких поездов на пути не было, и из Бирзулы тоже не могло быть отправлено никаких поездов, пока этот поезд не придет в Бирзулу. В этом отношении все было в совершенном порядке. Между тем как раз в это время на Тилигульской насыпи нужно было произвести ремонт пути, что случается крайне часто, и если ремонт небольшой, то он производится так, что соседние станции о нем и не знают. Для предотвращения катастроф место, где производится ремонт пути, на достаточное расстояние обставляется сигналами, т. е. красными флагами, для того чтобы поезд, подходя к этому месту, мог заблаговременно остановиться; сигналы эти остаются до окончания ремонта.

На этот раз ремонт заключался в том, что лопнул рельс, и его нужно было заменить. Между тем дорожный мастер, сняв рельс, не обставил это место сигналами и мало того что не обставил его сигналами, но так как была сильная вьюга и метель, то он, оставив на месте снятый рельс, сам со всеми рабочими пошел в соседнюю будку погреться и выпить чаю.

В это время шел поезд с новобранцами из Балты в Бирзулу. Он свалился с этой насыпи вниз как раз в том месте, где был снят рельс. Во всякой большой насыпи, где есть овраг, есть и труба, для того чтобы в случае таяния снегов, а также и дождя вода могла бы проходить

с насыпи в трубу. И вот весь поезд свалился с насыпи как раз под эту трубу. Была страшная метель, ветер проходил через эту трубу... Поезд, падая, загорелся, потому что в поезде был огонь (например, от паровоза), и так как поезд попал под трубу, то ветер раздувал огонь. Воздух под трубой раздувал огонь таким же образом, как это бывает при топке камина, когда в нем мехами раздувают огонь, и поезд сгорел целиком.

Нам, конечно, сейчас же дали знать, что поезд свалился. Мы вместе с бароном Унгерн-Штернбергом взяли экстренный поезд и отправились на место происшествия; это случилось на расстоянии 186 верст от Одессы. Когда мы приехали на место, то мы нашли, что та часть поезда, которая свалилась под трубу (под трубу свалился не весь поезд, а только часть его), вся сгорела до тла; другая же часть, которая была около трубы, когда мы приехали, была уже поднята, и многие раненые были уже свезены на станцию Бирзула. Таким образом, в Бирзулу была отвезена часть новобранцев, большая же часть их сгорела до тла, так что под насыпью, т. е. под трубой, остался только пепел. Конечно, картина была чрезвычайно грустная. Случай был ужасный. Мы сейчас же подобрали всех новобранцев, которые остались в живых (и не были еще отправлены в Бирзулу), и повезли их в Одессу, а там сдали их в военный госпиталь.

Так как это был случай выдающийся по количеству жертв (не помню, сколько их было, но во всяком случае число жертв превышало 100), то он обратил на себя особенное внимание.

Это было в 1875—1876 гг., т. е. в то время, когда и в прессе, и в общественном мнении начал очень сильно проявляться тот дух, который был посеян Писаревым, Добролюбовым и Чернышевским, т. е. дух известной ненависти к лицам, которые по своему положению или материальному достатку выдаются из ряда средних людей; это и есть то самое чувство, которое, в сущности говоря, во многом руководит социалистами и анархистами, — вообще революционной чернью. Но тогда это настроение царило во всем интеллигентном либеральном слое. Это и было то общественное настроение, то общественное течение, которое через 5—6 лет спустя кончилось 1 мартом 1881 г.,

т. е. возмутительным убийством такого великого императора, как Александр II.

И вот для удовлетворения общественного мнения, находящегося под влиянием такого настроения, требовалось, чтобы козлами отпущения были лица наиболее высокопоставленные. Кто же были эти лица? Конечно, прежде всего адмирал Н. М. Чихачев как директор Русского общества пароходства и торговли и Одесской железной дороги, получавший очень большое содержание и носивший мундир адмирала свиты его величества, а затем я. Хотя я и был, собственно, в подчинении и у Чихачева и у управляющего дорогой барона Унгерн-Штернберга, но общественное мнение считало меня тогда душой всего управления железной дороги. Это было не совсем правильно, потому что, хотя в действительности я, будучи начальником движения, держал почти все в своих руках, но за исключением ремонта пути, т. е. именно на службу ремонта пути я не имел никакого влияния. А между тем случай этот произошел от самой возмутительной небрежности дорожного мастера по ремонту пути, т. е. такого агента, который совершенно от меня не зависел. Я бы еще мог понять этот образ мыслей, т. е. желание привлечь к ответственности меня и Чихачева, но это должно было быть сделано в порядке постепенности, т. е., чтобы было признано, что первый и главный виновник катастрофы есть, несомненно, дорожный мастер и затем его ближайший начальник, т. е. начальник дистанции, затем начальник ремонта пути, т. е. главный инженер по ремонту пути, а затем уже я, если они непременно хотели привлечь меня как лицо, имеющее, по их мнению, особое значение в общем управлении железной дорогой. Такую точку зрения я еще мог бы понять, т. е.: привлечь меня и Чихачева из принципа, так как мы оба все-таки были начальниками; Чихачев был видное лицо по своему положению, а я — по своему влиянию, а следовательно, мы могли оказывать давление на общий ход дела. Но, несомненно, ответственность наша во всяком случае должна была быть второстепенной. Между тем вышло совершенно наоборот. Судебный следователь привлек к ответственности дорожного мастера, который тогда же, после Тилигульской катастрофы, совершенно как бы

сошел с ума, убежал и затем более уже не являлся, так что я и до сих пор не знаю, появился он или не появлялся. Затем судебный следователь прямо от дорожного мастера перескочил ко мне и Чихачеву. Это было сделано под влиянием того настроения, которое в то время преобладало в Петербурге. Из Петербурга прямо прислали особое лицо, под надзором которого и производилось следствие. Насколько я помню, этим лицом был прокурор курского окружного суда, если я не ошибаюсь, фамилия его была Кессель; впоследствии он был прокурором судебной палаты в Варшаве, а потом он, кажется, был сенатором. Следствие велось прямо тенденциозно, и до такой степени тенденциозно, что прокурор Кессель, который жил в Одессе во время следствия о Тилигульской катастрофе, заставил нас давать ему показания в маленьком местечке, находящемся около станции Борщи (недалеко от Бирзулы), между тем как он мог бы меня и Чихачева допрашивать, пригласив нас к себе в Одессу. Казалось бы, чего проще. Но он заставлял нас приезжать в Борщи, для того чтобы показать всем служащим, каким образом к нам относятся судебные власти.

В конце концов был составлен обвинительный акт, по которому к ответственности были привлечены только дорожный мастер, который, как я уже говорил, убежал, я и Чихачев. И все мы были привлечены к одинаковой ответственности. Обвинительный акт этот был передан в одесский окружной суд и поступил к прокурору судебной палаты, которым в это время был Смирнов, тот самый Смирнов, который тогда прославился тем, что он был обвинителем по известному делу в Москве, а именно по делу игуменьи Митрофании²¹. В то время судебные чины, вообще суд и прокурорский надзор действительно имели полную самостоятельность в суждениях и убеждениях, т. е. все новые судебные учреждения в то время состояли из лиц, которые пользовались независимостью суждения. Смирнов в конце концов не счел возможным утвердить этот обвинительный акт, находя, что как я, так и Чихачев привлечены быть не можем, так как, собственно говоря, никакого преступления мы не совершали. Соучастниками же дорожного мастера точно так же признать нас нельзя, потому что соучастники могут быть только при преступле-

нии, заранее обдуманном, а так как дорожный мастер не привлекается за преступление, заранее обдуманное, то следовательно и мы его соучастниками быть не можем. Таким образом, Смирнов отказался составить обвинительный акт, по которому были бы привлечены к ответственности Чихачев и я.

В это время в Петербурге под влиянием ложно либерального настроения поступили таким образом: передали это дело из одесского окружного суда в каменецкую уголовную палату старого времени. Новые суды уже были открыты в это время в Херсонской губернии и Одессе, в Каменец-Подольске же они еще не были открыты. Раз дело было передано в старый суд, то мы отлично знали, что старый суд решит дело так, как ему прикажут сверху²². Поэтому, когда дело было назначено к слушанию, ни я, ни Чихачев не только не поехали на суд, но даже не послали своих поверенных. И вот нас всех заочно приговорили: дорожного мастера, меня и Чихачева к 4-м месяцам заключения.

Но через некоторое время последовало объявление войны. Чихачев был сделан начальником обороны Черного моря, а я фактически вступил в управление железной дорогой и персехал в Бухарест, где участвовал в предварительной конвенции с Румынскими железными дорогами по вопросу о перевозке нашей армии по румынским железным дорогам, а затем вернулся обратно.

В это время приехал прямо в Кишинев главнокомандующий, покойный великий князь Николай Николаевич с блестящей свитой и со своим штабом.

Я отправился к великому князю Николаю Николаевичу и объяснил ему следующее, а именно, что я по решению каменец-подольской судебной уголовной палаты приговорен к 4-месячному тюремному заключению за Тилигульскую катастрофу и что поэтому я подаю рапорт о том, чтобы меня посадили в тюрьму. Великий князь очень удивился этому моему решению и спросил, чем оно вызвано? Я ему ответил, что побуждают меня так поступить очень простые соображения. Ведь перевозка всей армии на Дунай и обратно будет зависеть во многом от моей деятельности и вообще от деятельности всех моих подчиненных и в особенности при тогдашнем неустройстве железных

дорог дело это потребует большой тщательности. Если дело окончится счастливо и мне удастся перевезти благополучно действующую армию на войну и обратно, то что же меня тогда ожидает? Все равно, после войны я должен буду сесть в тюрьму и сидеть в ней 4 месяца. Если же при всем моем усердии и рвении мне не повезет и произойдет хоть один случай, при котором пострадает какая-нибудь часть войска, то тогда вместо 4-месячного заключения в тюрьме, к которому я уже приговорен, я должен буду понести еще новое наказание. В таком случае мой расчет совершенно ясен: гораздо проще мне отсидеть в тюрьме во время войны 4 месяца. На это великий князь Николай Николаевич мне ответил, что он может дать мне слово, что если я перевезу всю армию туда и обратно благополучно, без несчастного случая и вообще без крупных беспорядков, то тогда он будет за меня просить и уверен, что его августейший брат император Александр II уничтожит приговор каменец-подольского суда и я сидеть в тюрьме не буду. После этих его слов, я, конечно, не привел в исполнение свое намерение, а употребил все свое усердие, чтобы перевезти благополучно армию как на театр военных действий, так и обратно.

Должен сказать, что сделать это было очень трудно, потому что железные дороги и все движение были в страшном беспорядке. Удалось исполнить это дело удачно только, пожалуй, благодаря присущему мне, в особенности, когда я был молод, решительному и твердому характеру. Так, например, как только война открылась и началась перевозка войск, сейчас же произошел подобного рода казус: известно, что у нас в Главном штабе существуют мобилизационные планы, в которых должно быть точно обозначено, как будут перевозиться войска, сначала по комплектованию войск, т. е. перевозка новобранцев в части, после этого по мобилизации самой железной дороги, т. е. переправка сообразно движению подвижного состава и служащих с одного места на другое; затем самый план перевозки действующей армии. Тогда был такого рода план: с самого начала по этому плану должны были передвигаться вагоны и паровозы на все те железные дороги, по

которым предстояло перевозить войска, а одновременно с ними и новобранцев. После, когда весь подвижной состав был бы перемещен соответственно предстоящим перевозкам, то должно было начать возить целые военные части на театр военных действий. Все это должно было, конечно, быть в строгом соответствии с планом, рассчитано по часам и минутам и должно было идти так же верно, как хронометр. Но с первого же раза оказалось, что план мобилизации железных дорог не был выполнен, и ко мне на Одесскую дорогу не пришли те паровозы и вагоны, которые по плану должны были прийти. Вместо ожидаемых паровозов и вагонов начали появляться прямо отдельные части с войсками, а именно кавалерийские части начали приходить в большом количестве, а также усиливалась перевозка новобранцев. Между тем подвижной состав совсем не был увеличен, а поэтому его мне не хватало. Вследствие этого я начал с того, что собственной властью высадил первые кавалерийские части, которые пришли в Жмеринку, и заставил их отправиться на лошадях в Кишинев. Не повез их дальше и заставил высадиться — это было сделано собственной властью. В это время ко мне подошло небольшое количество новых вагонов и паровозов с других железных дорог, и я уже был в состоянии следующие части везти по железной дороге, не высаживая их. Тем не менее паровозов было очень мало. Вагоны же приходили с войсками, и войска останавливались в этих же самых вагонах, и в этих же вагонах их везли дальше. Так что, понятно, вагоны для перевозки, которая происходила, мне не были нужны, что же касается паровозов, то нужно было давать свои, а именно паровозов-то у меня и не хватало. Нехватка эта происходила вследствие того, что по общему правилу на европейских железных дорогах каждый машинист должен иметь свой паровоз (это так называемая европейская система тяги), следовательно, работа машины связана с работой машиниста, т. е. паровоз работает столько часов, сколько в состоянии вынести организм человека. Так как организм человека может работать в сутки ограниченное количество часов, то в то самое время, когда машинист отдыхает или занимается своим паровозом (например, чистит его), все это время и паровоз остается в бездействии.

Благодаря вышеуказанным обстоятельствам я сразу собственным умом дошел до того заключения, что нужно, чтобы паровоз постоянно двигался. Необходимо только менять машинистов, которых гораздо легче достать, чем паровозы. Это я решил делать несмотря на то, что некоторые помощники при машинистах не были достаточно опытны. Таким образом, я силой вещей ввел так называемую американскую систему движения, потому что в Америке паровоз не связан с машинистом: паровоз движется постоянно; он отдыхает только то время, какое требуется для того, чтобы смазать его, вычистить, набрать воды и топлива. Поэтому паровоз там может двигаться, скажем, из 24-х часов 20 часов в сутки, между тем как если паровоз связан с машинистом, он из 24-х часов может двигаться только 10; остальное время, когда машинист отдыхает, то паровоз стоит без дела. Я тогда, признаться, о существовании американской системы и понятия не имел, а пришел к этому решению по необходимости. Итак, я начал менять на паровозах машинистов, т. е., так сказать, разлучил паровоз с машинистом.

Так как это чисто железнодорожное дело, то на принятую мною меру никто не обратил внимания, тем более, что министерство путей сообщения тогда было в таком состоянии, что совсем не следило за частными железными дорогами.

Кроме того, я принял и другую меру. По общему правилу, там, где дорога в один путь, можно пускать только один поезд и до тех пор, пока поезд не придет на следующую станцию, другой поезд за ним отправлять нельзя. Если, например, первая станция — А, а вторая станция — Б, и если со станции А пустить поезд на станцию Б, то, когда этот поезд дойдет до станции Б, станции А сделается это известно по телеграфу. Но так как поезда, которые возили войска, приходили из различных мест России и страшно опаздывали, то возить войска по расписанию было невозможно, поэтому я начал отправлять поезда днем поезд за поездом, т. е., например, поезд, отправленный со станции А, еще не дошел до станции Б, а я уже через 15—20 минут делал распоряжение (или давал разрешение), что и другой поезд может отправляться вслед за первым. Эта система везде практикуется, но прак-

тикуется тогда, если устроена так называемая система сигнализации посредством семафоров, т. е. когда на всем пути устроены сигналы, которые посредством электричества показывают, что поезд прошел известное, определенное расстояние (скажем, 5 верст); если поезд от первого пятиверстного расстояния не дошел еще до другого, то сигналы будут показывать, что впереди поезд не дошел еще до следующего семафора. Благодаря этому устройству машинист, идущий сзади, может урегулировать свое движение и не наехать на поезд, идущий впереди. Это самое правильное движение. Но без сигнализации посредством семафоров нигде поезд за поездом не пускают, потому что это очень опасно. Я же был вынужден прибегнуть к этому, потому что иначе мне пришлось бы совершенно остановить передвижение армии.

На систему отправления поезда за поездом, а также на смену машинистов никто не обратил внимания, потому что это чисто техническое железнодорожное дело, а вот то, что я остановил войска и заставил отправиться часть кавалерии (не помню сколько — дивизию или бригаду) на лошадях из Жмеринки в Кишинев, — это вызвало жалобу, и для расследования моих произвольных действий был прислан на место генерал-лейтенант Анненков, который в то время был заведующим передвижением войск по всем железным дорогам империи и один из ближайших сотрудников военного министра, будущего графа Милютина. Анненков приехал для расследования и хотя донес, что мои действия были крайне произвольны, но тем не менее оправдывал меня, так как, по его мнению, другого выхода я не имел, и что единственно, за что я могу отвечать, так это за то, что я значительно превысил власть, потому что подобные распоряжения мог делать только главнокомандующий, а не начальник движения железных дорог.

Кстати, со мною был еще и другой случай, который также вызвал расследование. Для этого вторичного расследования вторично приезжал на юг тот же Анненков. Дело заключалось в следующем.

Как только наша армия переправилась через Дунай, то при первом столкновении явилась масса раненых, кото-

рых нужно было эвакуировать в Россию. В это время у нас в России были устроены санитарные поезда, из которых, между прочим, один поезд был устроен императрицей Марией Александровной, затем один поезд цесаревны-наследницы, нынешней императрицы-матери Марии Федоровны. Поезда эти были роскошно устроены, всего их было не больше 4—5; они должны были перевозить по России раненых из действующей армии; перевозили раненых в Петербург, Москву и другие города, в которых были устроены больницы.

В такой санитарный поезд раненых-больных может поместиться 30—40—50 человек. Таких поездов было 5, значит, они могли забрать и сразу поднять не более 200—250 и максимум 300 раненых. Пока их отвезут в Россию и поезда возвратятся обратно, должно пройти средним счетом 2 недели. Естественно, что силы эти для перевозки раненых были самые ничтожные. В Петербурге же составилось мнение, что непременно всех раненых надо возить в санитарных поездах. Но после первого же сражения мы потеряли значительное количество войск, и оказалось, что раненых привозили по румынским дорогам в Яссы, где их складывали, как бревна, на сено. Достаточного же количества санитарных поездов у нас не было, и раненых некуда было девать. Вследствие этого я прямо распорядился класть в товарные вагоны солому, на солому класть раненых и больных и таким образом везти их на соломе в Россию. Тогда были сравнительно летние, теплые дни. Итак, раненых мы начали возить в товарных вагонах. Ко мне же привозили раненых по несколько тысяч в день.

Тогда опять по поводу отправок раненых подняли шум; меня обвиняли в том, что я отправляю раненых совершенно как бревна, а не как людей. Опять посылали расследовать: приезжал Анненков и в конце концов донес, что все-таки гораздо лучше, что я отправляю раненых, хотя бы и в товарных поездах, чем оставлять их на соломе в Яссах, где бы они все поумирали. Анненков заметил, что вообще следовало бы совсем иначе устроить самую эвакуацию больных, надо увеличить количество поездов и если не хотят их возить в обыкновенных поездах, то роскошных поездов должно быть 30 или 40, а не 5. Только при таких условиях можно было бы справиться.

Кстати, по поводу европейской и американской системы движения я вспомнил следующую историю.

Уже после войны на меня обратили внимание, так как та система, которую я на Одесской дороге вынужден был ввести, практикуется, собственно говоря, везде на американских дорогах.

Много лет спустя, когда я уже служил в Киеве начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, состоялся первый всемирный конгресс железнодорожников по случаю 50-летнего юбилея железных дорог в Бельгии. Этот юбилей праздновался в Брюсселе. Я был тогда сравнительно молодым человеком и был назначен на этот конгресс со стороны русских железных дорог (кроме меня было назначено еще несколько человек). Я приехал в Брюссель на конгресс, где рассматривался вопрос, какая система движения предпочтительнее: американская, когда машинист не должен быть связан с паровозом, или европейская, при которой машинист связан с паровозом. Этот вопрос рассматривался, как это обыкновенно принято на конгрессах, в комиссиях, где он серьезно обсуждался, и было указано, какие преимущества имеет одна и какие другая система. Конечно, были сторонники как той, так и другой системы.

Разумеется, я был сторонником американской системы, потому что я сам ее практиковал во время войны, и встретил горячего защитника этой системы в лице инженера Сортио (теперь он главный директор Du chemin de fer du Nord, живет во Франции, мы с ним встречаемся; конечно, он теперь уже старик, а тогда он был еще молодым человеком).

Все решения, которые принимались в комиссиях, потом рассматривались на общих собраниях; эти общие собрания были большей частью публичные; они устраивались больше для публики, чем для железнодорожного дела; самые серьезные занятия происходили в комиссиях.

На эти собрания в Брюсселе часто приходили дамы высшего общества и слушали прения; в том числе приходили иногда король и королева (королем тогда был Леопольд, недавно умерший). И вот как раз на этом заседании, на котором рассматривался вопрос о системах евро-

пейской и американской, также на хорах присутствовали король и королева и вся бельгийская аристократия.

По каждому вопросу выступало по два оратора. Одним из ораторов был известный бельгийский инженер Бельпер, который говорил за преимущества европейской системы. С нашей стороны возражать ему был выбран инженер Сортио. В общем собрании надо было говорить *à la portée*, чтобы быть понятым публикой, которая о железнодорожном деле не имела понятия. Старик Бельпер говорил, как обыкновенно говорят все бельгийцы-французы, которые любят говорить очень красноречиво, особенно при короле. Он сравнивал паровоз и машиниста с мужем и женою и говорил очень патетические фразы о том, как можно отлучать жену от мужа. Понятное дело, жена гораздо счастливее и благополучнее живет, если находится при муже, нежели без мужа. Вот на эту тему он ораторствовал и произносил свою речь крайне патетически.

Потом ему возражал Сортио, который говорил приблизительно следующее: он выслушал прекрасную речь Бельпера, которая его очень тронула, но его крайне удивляет, как это Бельпер, который живет недалеко от Парижа, очевидно, в Париже не бывает, потому что, если бы Бельпер бывал в Париже, то таких вещей не говорил бы. В Париже всем известно, что женщина, у которой не один муж, а несколько, гораздо счастливее живет и лучше содержится, нежели женщина, которая живет с одним мужем. Это возражение вызвало в аудитории общий хохот, и, так как король Леопольд был склонен «к супружеской легкости», эти прения и ему показались очень забавными.

Мне удалось перевезти вполне благополучно действующую армию на театр военных действий и обратно.

После того, как император Александр II вернулся с войны и находился в Ялте, в Турции осталась только маленькая часть войска. Главнокомандующий, великий князь Николай Николаевич, также вернулся, а заменять его был назначен главнокомандующим Тотлебен. В то время был уже, так сказать, хвост войны — окончание ее.

Будучи в Одессе, я получил телеграмму от военного министра Милютина, который находился в Ялте при императоре Александре II. Граф Милютин (за войну он был сделан графом) телеграфировал Чихачеву и мне, что по докладе рапорта бывшего главнокомандующего великого князя Николая Николаевича государь император, приняв во внимание блестящую перевозку войск на войну и обратно, повелел решение каменец-подольского окружного суда о назначении наказания мне и Чихачеву за Тилигульскую катастрофу отменить, не приводить в исполнение. Таким образом, я считал — да и иначе и не мог считать — это делом совершенно окончанным.

После окончания войны Одесская железная дорога была соединена с Киево-Брестской и Брест-Граевской — образовалось Общество Юго-Западных железных дорог, и я получил место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных железных дорог при правлении в Петербурге. Я переехал в Петербург (тогда я только что женился на моей первой жене, которая умерла) и поселился на Троицкой улице (которая идет от Невского). Вдруг ночью ко мне стучатся, в мою комнату входит камердинер и говорит, что приехали жандармский офицер, затем полицейские, городовые, полицейский офицер и требуют меня, требуют, чтобы я немедленно к ним вышел. Это все произошло ночью. Мне было, конечно, очень неприятно, жена крайне перепугалась... Одеваюсь, выхожу к ним и спрашиваю: «Что нужно?» Мне говорят: «Не знаем, — приказано вас арестовать». Я спрашиваю: «Почему пришли ночью, а не утром?» Говорят: был приказ сейчас же привезти меня в участок. Я все время недоумевал, думая, за что бы это? И так как дело было за год до того, когда был убит император Александр II и в то время нас захлестнула революционная волна и было много революционных эксцессов, то я и подумал, что, вероятно, меня кто-нибудь замешал в эти дела. Я припомнил, что когда я служил в Одессе на железной дороге, то секретарем у меня был Герцо-Виноградский, который писал под псевдонимом барона Х. и которого после моего отъезда из Одессы сослали в одну из северных губерний. Вот я и подумал, что это он меня запутал в эти дела, но так как я за собою в этом отношении ничего не знал, то и был уверен, что все

скоро разъяснится. Из участка меня повезли на Садовую улицу в комендантское управление, там я встретил плац-адъютанта, спросил его, за что меня арестовали? Он ответил, что было приказано меня арестовать и привезти к дворцовому коменданту в Зимний дворец. Я боялся, что жена не будет ничего знать о том, куда меня упрячут, где я нахожусь, а поэтому будет сильно беспокоиться. И вот я по дороге в Зимний дворец, проезжая по Мойке мимо дома Суцова, просил офицера (который ехал вместе со мной в карете) разрешить мне позвонить к швейцару, чтобы Суцову дали знать о случившемся. Офицер разрешил позвонить, вышел швейцар, и я попросил швейцара сказать Николаю Николаевичу Суцову, чтобы он дал знать моей жене, что меня повезли к коменданту во дворец, т. е. к Адельсону; по какому делу меня повезли,— я не знаю.

Приехали в Зимний дворец; к нам вышел комендант Адельсон и сказал, что вчера император Александр II приказал арестовать Чихачева на две недели домашним арестом (Чихачев жил в то время в Европейской гостинице, где его приказано было продержать в течение 2-х недель под домашним арестом); меня же приказано посадить на 2 недели на гауптвахту.

Когда мне сказали про Чихачева, то я догадался, что этот арест, по всей вероятности, связан с Тилигульской катастрофой. Итак, меня повезли на гауптвахту. (Теперь на этом месте какая-то городская лаборатория.) Не успел я просидеть на этой гауптвахте несколько часов, как явился генерал Анненков от имени графа Баранова (я был тогда начальником эксплуатационного отдела Юго-Западных железных дорог и служил в комиссии графа Баранова). Анненков объяснил, в чем дело. Когда император Александр II вернулся (с войны), то на первом же докладе министр юстиции Набоков, которого поддержал наследник цесаревич Александр Александрович (будущий император Александр III), доложил государю, что крайне неправильно по докладу главнокомандующего и военного министра было отменено решение суда; что решение суда не может отменяться по докладу военных и даже вообще не может отменяться государем императором; что государь император может помиловать, но

не может отменять судебного решения. Такая точка зрения была поддержана и наследником цесаревичем. Затем Набоков сказал, что правильно или не правильно, но общественное мнение Тилигульской катастрофой было крайне возмущено и не может примириться с тем, чтобы по этому делу никто не был наказан. Дорожный мастер скрылся; были привлечены только двое (т. е. я и Чихачев), и по отношению к этим двум решение суда приказано не приводить в исполнение. На это император Александр II ответил, что раз уже он это сделал, то отменить не может, но что он накажет нас (как он выразился) «по-отечески», и приказал Чихачева посадить под домашний арест на две педели, а меня на две недели на Сенную площадь (на гауптвахту).

Но так как в это время у меня на руках была работа (составление положения о полевом управлении железных дорог), кроме того, я служил в комиссии графа Баранова, то Баранов приехал к императору Александру II и доложил, что я ему крайне необходим; поэтому на третий день последовало второе высочайшее повеление, чтобы по утрам меня с гауптвахты выпускали, но чтобы ночь я непременно находился на гауптвахте. Так и было. Таким образом, я две педели ночевал на Сенной площади.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

О ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОРОЛЯХ

После войны, ввиду бездоходности железных дорог Одесской, равно Киево-Брестской (которая вела от Киева до Бреста), и, наконец, Киево-Брест-Граевской (которая шла от Бреста до Граева) — все эти дороги были соединены в одно общество под названием Общество Юго-Западных железных дорог. Таким образом, Общество Юго-Западных железных дорог состояло из дороги, идущей от Одессы до Киева, затем через Казатин до Граева; от Бирзулы до Елизаветграда, от Раздельной до Кишинева и затем на Унгены (пограничный пункт между Россией и Румынией, недалеко от Ясс). Таким образом, пришлось соединять три управления: управление Одесской железной дороги (которое находилось в Одессе), управление Киево-Брестской железной дороги (находившееся в Киеве) и управление Брест-Граевской дороги (находившееся в Белостоке). В таких случаях всегда оказываются лишние деятели.

Так как я был начальником движения Одесской дороги, то я мог бы занять место начальника движения Юго-Западных дорог, но так как во главе всего дела Юго-Западных железных дорог стал банкир Блюх, который прежде был главой Киево-Брестской дороги, то он и предоставил место начальника движения Юго-Западных железных дорог Данилевичу, который был начальником движения Киево-Брестской железной дороги. Мне же предложили место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных дорог в Петербурге. Меня это устраивало по причи-

нам, которые я сейчас разъясню, потому-то я это место и принял.

Причины эти были двоякого рода: во-первых, хотя я в это время был еще холостой, но уже собирался жениться на жене Спиридонова, урожденной Иваненко. Отец ее, Иваненко, был предводителем дворянства в Чернигове. Она вышла замуж весьма молодой, можно сказать, совершенной девочкой, за человека также весьма молодого, но бесконечно беспутного. У них родилась дочь; затем она мужа бросила и некоторое время жила в Одессе. В Одессе я познакомился с нею и все время хлопотал о разводе. Вследствие этих обстоятельств, имея в виду в непродолжительном времени жениться, я и принял место в Петербурге.

С другой стороны, я желал временно быть в Петербурге, потому что в это время там уже действовала так называемая комиссия графа Баранова по исследованию железнодорожного дела, и генерал Анненков, который во время войны несколько раз приезжал на Одесскую железную дорогу, очень уговаривал меня поступить в эту комиссию или во всяком случае оказать содействие делам этой комиссии.

Вскоре по переезде моем в Петербург Спиридонова тоже приехала в Петербург, я на ней женился, и мы венчались во Владимирской церкви. Я прожил потом в Петербурге около двух лет.

В те времена царил принцип частного железнодорожного строительства и эксплуатации. Во главе частных обществ стояло несколько лиц, про которых можно сказать, что они представляли собой железнодорожных королей. Лица эти были следующие: на первом плане Поляков — еврей, Губонин и Кокорев — бывшие откупщики, Блиох и Кроненберг — оба из евреев, хотя и принявшие христианство; далее Дервиз, ранее бывший сенатским чиновником, затем инженер фон Мек — это были самые крупные, было еще несколько мелких лиц. Так как железные дороги имели значительную часть своих капиталов, гаран-

тированную государством, а у иных дорог и весь капитал был гарантирован государством, то, в сущности говоря, эти железнодорожные короли заняли такое положение в значительной степени благодаря случайностям, своему уму, хитрости и в известной степени пройдохеству²³. В этом смысле каждый из них представлял собою довольно видный тип.

Во главе Общества Юго-Западных железных дорог был, как я уже сказал ранее, Блюх, который прежде был маленьким железнодорожным подрядчиком, затем строил часть Либаво-Роменской дороги, будучи уже концессионером, и, наконец, сделался железнодорожным королем. Карьера этого лица вообще довольно интересная, и я ее расскажу для того, чтобы можно было судить, каким образом в те времена появлялись железнодорожные короли с громадным влиянием и с громадным состоянием, пользовавшиеся громадным авторитетом благодаря своим железным дорогам и банкам. Раз кто-либо находился во главе железных дорог, то, естественно, он находился и во главе тех или других банков, так как все денежные операции производятся через банк. Таким образом, благодаря всему этому лица эти имели самое крупное общественное влияние; они имели влияние даже на высший класс имущественных лиц. Как я уже говорил, Блюх был маленьким подрядчиком, который брал подряды на устройство части какой-нибудь станции или какой-нибудь платформы в этом роде; словом, был простым подрядчиком-еврейчиком, совсем необразованным, но человек он был чрезвычайно способный.

В те времена Киево-Варшавскую дорогу строил старик-инженер Кербедз; Блюх и был у него маленьким подрядчиком. Когда же Блюх немного нажился и оперился, то он был настолько умен, что на несколько лет удалился за границу и там самообразовался; он там даже слушал лекции в немецких университетах. Когда он самообразовался, то уже явился в Царство Польское (а он был происхождением из Царства Польского) в качестве молодого приличного человека. Затем он познакомился с дочерью доктора Кроненберга; доктор этот был сравнительно бед-

ным человеком (он был доктором в Москве); дочь его была красавицей. Кроненберг был из католиков, а поэтому и Блюх принял католичество и женился на дочери Кроненберга, которая была, как я уже сказал, весьма красива, образованна, умна и была вполне светской женщиной. Блюх поселился в Варшаве, приобрел большой дом, имел большую банкирскую контору и начал строить уже целые железные дороги: так, Лодзинская железная дорога была построена только им одним и только на его деньги. Этот самый Блюх сделался председателем правления Юго-Западных железных дорог, потому что обладал большинством акций трех дорог, которые слились и составили Юго-Западные железные дороги. Так как он жил в Варшаве, то заниматься систематически делами в Петербурге он не мог, а поэтому вице-председателем правления Юго-Западных железных дорог, который, собственно говоря, председательствовал на всех заседаниях, вел дела и, в сущности, был главою всего дела, он назначил директора Технологического института Ивана Алексеевича Вышнеградского, который ранее был как бы поверенным Блюха в Петербурге и был вполне, можно сказать, его приказчиком. Это именно тот самый Вышнеградский, который затем сделался министром финансов и был моим предместником как министр финансов.

Затем правление состояло еще из нескольких членов; все эти члены ничего выдающегося собой не представляли; большинство из них даже не знало железнодорожного дела; единственно, кто из них знал дело, был старик Фельдман, бывший ранее секретарем совета Главного общества российских железных дорог; человек очень милый, образованный, вероятно, еврейского происхождения, но уже давно онемечившийся, так что он значился, как русский деятель.

Вышнеградский, как человек чрезвычайно способный, с большим математическим образованием, сильным, хотя и резким характером, конечно, был совершенно на своем месте, но только он не имел времени заниматься, ибо, будучи председателем правления Юго-Западных железных дорог, он одновременно был и директором Технологического института, затем членом совета министра народного просвещения, главным деятелем Петербургского водопровод-

ного общества и многих других частных обществ. Поэтому он не мог посвящать сколько-нибудь значительное число часов делам Юго-Западных дорог; бывали дни, когда он совсем в правление Юго-Западных железных дорог не приезжал, а если и приезжал, то бывал там не более 2—3 часов. В сущности же все дело правления Юго-Западных дорог вели я и молодой инженер Кербедз; я вел эксплуатационное, а технической частью заведовал инженер Кербедз, который был племянником старика Кербедза, — об этом последнем я упоминал уже выше. Старик Кербедз известен тем, что он, будучи инженером николаевского времени, был строителем, в царствование императора Николая I, Николаевского моста через Неву.

Этот молодой Кербедз затем женился на дочери своего дяди (старика Кербедза), т. е. на своей двоюродной сестре. Несколько месяцев тому назад он умер, оставив после себя очень значительное состояние, которое он составил отчасти благодаря своему труду, отчасти получил в наследство от своего дяди (т. е. это последнее было состоянием его жены). Молодой Кербедз был чрезвычайно талантливый инженер, и когда я уже был министром финансов и пришлось строить Восточно-Китайскую железную дорогу, то я его поставил во главе этого предприятия; он был вице-председателем Общества Восточно-Китайской дороги и, в сущности говоря, главным деятелем по сооружению этой дороги.

Блиох был человек по природе не глупый, в высшей степени образованный и талантливый, но с недостатками, так сильно присущими большинству евреев, а именно со способностью зазнаваться и с большой долей нахальства. Так как я с молодости никогда ни перед кем спины не гнул, а говорил всегда всем прямо в глаза всю правду, хотя в то время я был человеком вполне зависящим, не имевшим состояния, то Блиох меня терпел, но не симпатизировал мне и всегда жаловался на мою резкость, или, как он выражался, надменность.

Когда образовалось правление Юго-Западных железных дорог и Блиох встал во главе дела, то он уже совсем зазнался и гораздо больше занимался другими делами, чем железными дорогами и вообще делами своей конторы в Варшаве. Всюду он поставил заместителей. Так, в Пе-

тербурге — Вышнеградского, в Варшаве — двух поляков, фамилии которых я забыл (также очень способных людей), а сам занимался больше политикой и учеными трудами. Все его ученые труды писались не им, а писались различными писателями и специалистами за деньги, которые он им платил²⁴. Сам же Блюх только составлял, и то с помощью своих сотрудников, программу тех трудов, которые он предлагал издать. Так, он издал теперь очень устаревшую, но 30 лет тому назад имевшую значение «Историю русских железных дорог». В последнее время он очень пропагандировал идею мира. С этой целью он ездил за границу, устраивал там различные конференции, даже являлся к молодой императрице, как только она вышла замуж за императора Николая II, желая привлечь к себе ее симпатии, но, кажется, здесь ничего не выгорело. Я отлично помню, что как-то раз я сидел у старика Кербеда; в это время доложили, что пришел Блюх; человеку сказали, чтобы он его принял. Вот входит Блюх и приносит в отличном переплете свое многотомное сочинение «История русских железных дорог». Тогда Кербедз, который знал Блюха еще маленьким жидком и всегда называл его «на ты», очень благодарил его за подношение ему этого труда, а потом, поблагодарив его, посадил и, обратившись к нему, очень наивно спросил: «А скажи, пожалуйста, Иван Станиславович, ты сам прочел эти книги?» Я был очень удивлен такому вопросу, а Блюх — очень обижен.

В это время, приезжая в Петербург, Блюх всегда останавливался в Гранд-отеле; он постоянно давал маленькие обеды, приглашая всех своих сослуживцев в Гранд-отель. У него бывали также маленькие совещания, на которых собирались его сослуживцы. И вот меня всегда крайне поражало низкопоклонство перед Блюхом со стороны Вышнеградского. Все-таки в это время Вышнеградский был и тайным советником, и более или менее известным профессором, и членом совета министра народного просвещения, а между тем он держал себя с Блюхом так, что я, будучи совсем молодым человеком, скорее пошел бы по миру, чем стал бы держать себя так по отношению к Блюху, и не потому, что он был еврей, а потому, что, в сущности, он ничего собою не представлял; в конце концов вся сила **этих** господ заключалась в кармане.

В это время в Петербурге я встречался и с другими железнодорожными королями, например с Губониным, который представлял собою толстопуза, русского простого мужика с большим здравым смыслом. Губонин, как я уже говорил, начал свою карьеру с мелкого откупщика, затем сделался подрядчиком, а потом строителем железных дорог и стал железнодорожной звездой. Он производил на меня впечатление человека с большим здравым смыслом, но почти без всякого образования.

Наиболее прославившимся из железнодорожных тузов был, конечно, Поляков. Это тот самый Поляков, который составил впоследствии целую династию Поляковых. Так, его брат был известный банкирский деятель, теперь в значительной степени разорившийся — Лазарь Поляков (в Москве). Другой брат — Яков Поляков — кончил свою карьеру тем, что был тайным советником, и ему даже дали дворянство, но только ни одно из дворянских собраний не согласилось приписать его в свои дворяне; он также разорился и в прошлом году умер в Биаррице.

Наконец, сын Самуила Полякова, главы этой династии, будучи молодым человеком, никогда ничем не занимался и в значительной степени прожил свое состояние; женился он на очень красивой и очень милой образованной еврейке, живет большей частью в Париже и редко приезжает в Петербург. Этого Полякова я, будучи совсем молодым человеком, встретил в Петербурге на собрании железнодорожных деятелей и раз только в жизни с ним разговаривал. Он начал говорить с большим авторитетом, довольно нахально, я его весьма срезал, он этим страшно поразился и затем все время расспрашивал: кто я такой? Больше я его не встречал.

Карьера этого Полякова чрезвычайно странная. Он был содержателем почтовых станций где то в Харьковской губернии. Тогдашний министр почт Толстой, который в то время еще не был графом (кажется, он после получил графство), проезжая как-то по почтовому тракту, увидел этого еврея Полякова, который ему чем-то очень услужил; затем Поляков, кажется, занимался некоторыми делами Толстого, и в конце концов этот последний вывел Полякова в люди.

Дервиз был сенатским чиновником, кончил курс, кажется, в школе правоведения. Когда его товарищ по школе Рейтерн сделался министром финансов, то он дал ему концессию на постройку Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской железных дорог. Тогда не было особых охотников получать концессии, потому что никто на железных дорогах тогда не наживался. Дервиз, несомненно, был человек умный и на постройке дорог (на реализации капитала для постройки железных дорог) нажил очень большие деньги. Затем, кроме Московско-Рязанской и Рязанско-Козловской, он получил концессию на постройку Курско-Киевской железной дороги. Эту последнюю дорогу он строил уже в компании с главным инженером фон Мекком.

Когда он нажил очень большое состояние, то был настолько умен, что сразу бросил свои дела, уехал за границу, построил в Италии целый дворец, занимался музыкой, имел собственный театр и там же умер.

Когда фон Мек получил концессию на постройку Либавской дороги и приглашал Дервиза принять участие в этом деле, то этот последний ему ответил, что он не такой дурак, чтобы, раз нажив состояние, стал им рисковать; что ему совершенно достаточно тех миллионов, которые он имеет, поэтому он предпочитает вести жизнь мецената, какую он и ведет. Несомненно, в этом сказался его ум, так как потом фон Мек на постройке Либаво-Роменской железной дороги потерял много денег. Причина этому была та, что по мере постройки новых дорог правительство становилось все опытнее и опытнее и ставило все более и более тягостные условия. Поэтому в конце концов люди перестали так наживаться, и даже были случаи, что и крупные подрядчики прогорали.

Дервиз от той роскоши и богатства, которыми он пользовался в Италии благодаря своему состоянию, совершенно сбрендил. Так, например, он держал большую оперу исключительно для самого себя и очень редко кого-нибудь приглашал, между тем как каждый день ему давали то или другое представление. Один из его братьев, бедный человек, был вторым тенором в здешней русской опере, которая тогда, как и теперь, играла в Мариинском театре. Тенор этот пел под именем «Энде», т. е. Николай Дервиз.

Энде был приглашен своим братом петь на летний сезон к нему во дворец; Энде прожил в Италии несколько месяцев, пел в театре у своего брата, причем этот последний не удостоил даже пригласить его к себе и интересовался только тем, как он поет. Когда кончились спектакли, Дервиз послал своему брату Энде, кроме того что следовало по условиям, кошелек с золотом. Так Энде уехал обратно и впоследствии рассказывал мне эту историю в Петербурге.

Когда был 25-летний юбилей женитьбы Дервиза, он пригласил к себе, в свой замок в Италию, многих родственников и друзей; все они съехались, и вот во время обеда произошло следующее событие. Его жена, самая простая женщина, очень почтенная старуха, в течение уже многих лет не пользовалась любовью своего мужа; он всегда ухаживал за различными знатными дамами, которые в значительной степени его эксплуатировали. И вот во время обеда он встал и торжественно обратился к своей жене с благодарностью за то, что она в течение стольких лет была такой верной ему женой, что он очень ей благодарен и в знак благодарности делает ей подношение (в это время вошли люди и на подносе поднесли ей миллион рублей золотом). После этого он снова ее благодарил и просил его оставить, так как он больше не желает, чтобы она была с ним. Из этих поступков видно, что он совсем от этой роскоши рехнулся²⁵.

Фон Мек, инженер путей сообщения, был очень корректный немец; он нажил порядочное состояние, но жил довольно скромно. У него был старший сын — страшный кутила, который всю свою молодость в Москве провел между цыганами и цыганками; он находился постоянно в нетрезвом виде и преждевременно умер. У него остались два сына, из которых один теперь в Москве состоит председателем правления Московско-Рязанской и Рязанско-Казанской железных дорог; другой, киевский помещик, живет в Киеве и женат на Давыдовой (дочери сына декабриста Давыдова)²⁵.

Затем выдвинулся совершенно случайно как маленький железнодорожный король барон Штенгель; восхожде-

ние его было очень странное. Он был простым инженером на Царскосельской дороге в то время, когда министром путей сообщения был граф Алексей Бобринский, который был назначен министром путей сообщения вслед за своим двоюродным братом Владимиром Бобринским. (Бобринские, во главе которых стоял Владимир Бобринский, имели громадное состояние в земельном имуществе, находящемся в Киевской губернии, а его двоюродный брат, Алексей Бобринский, имел большое состояние в земельном имуществе в Тульской губернии.) Сын графа Алексея Бобринского, Владимир Алексеевич Бобринский, — член Государственной думы. Этого последнего я очень мало знаю; он представляется мне человеком порядочным, но во всяком случае крайне неуравновешенным и странным.

Так вот Алексей Бобринский, будучи министром путей сообщения, вел дело крайне самостоятельно. В это время приходилось строить Ростово-Владикавказскую дорогу и явился вопрос, кому дать концессию Ростово-Владикавказской дороги?

В это время император Александр II уже влюбился и интимно жил со своей будущей морганатической женой княгиней Юрьевской, урожденной княжной Долгорукой. Эта княжна Долгорукая не брезговала различными крупными подношениями, и вот она через императора Александра II настаивала, чтобы дали концессию на постройку Ростово-Владикавказской дороги, не помню кому: или инженеру Фелькерзаму, или какому-то другому железнодорожному концессионеру, чуть ли не Полякову.

Граф Алексей Бобринский, как человек очень порядочный, конечно, очень возмущался тем, что концессии даются таким способом, а поэтому всячески этому сопротивлялся. Вот как-то раз он был в Царском у императора Александра II; император с ним заговорил о том, что вот он дал концессию такому-то... (?) и почему он, Бобринский, со своей стороны не хочет этого сделать? Тогда Алексей Бобринский ответил, что он не хочет этого делать, потому что считает то лицо, которому предполагается дать концессию, человеком неблагонадежным, который много денег заберет к себе в карман, и что он считает невозможным так тратить государственные деньги. Тогда император Александр II рассердился на Бобринского и сказал ему

много неприятного. В конце концов он сказал: «Ну, так ты в таком случае выбери своего концессионера из людей, которых считаешь честными, и представь его сегодня же, чтобы вопрос о том, кому будет дана концессия, был сегодня же кончен», и что ждать он не намерен. Тогда Бобринский приезжает под этим впечатлением на Царскосельский вокзал и встречает как раз инженера путей сообщения барона Штенгеля, которому, как он знал, министерство путей сообщения симпатизировало, как очень способному инженеру. Бобринский взял да через несколько часов и написал государю, что он представляет ему, как концессионера этой железной дороги, инженера Штенгеля. Таким образом, инженер Штенгель построил эту дорогу, нажив при этом большое состояние (не миллионы, но несколько сот тысяч рублей).

Но подобного рода действия Алексею Бобринскому даром не прошли. Как-то раз, через некоторое время, Александр II проезжал по Варшавской железной дороге, его встретил граф Бобринский, который при этом был одет в несоответствующую форму. Увидев это, император Александр II приказал ему идти на гауптвахту, Бобринский отправился на гауптвахту, но затем, конечно, подал в отставку и уехал к себе в деревню и больше уже из своей деревни (в Тульской губернии) не выезжал. Если он и бывал в Петербурге, то только инкогнито, причем он сделался редстокистом (религиозная секта).

Кроме правления Юго-Западных железных дорог, я служил и в комиссии графа Баранова, где, собственно говоря, был душою всего дела, потому что в этой комиссии участвовали или лица из министерства путей сообщения, которые не сочувствовали этой комиссии, так как полагали, что эта комиссия займется раскрытием неправильностей министерства путей сообщения и вообще видели в ней умаление власти и значения министерства, или же лица, которые ровно ничего не понимали в делах; этих последних было большинство.

Так, например, управляющим делами комиссии был тот самый генерал-лейтенант Анненков, который вместе с тем был заведующим передвижением войск во всей империи (т. е. он заведовал отделом Главного штаба, который ведал передвижением войск во всей империи). Сам Аннен-

ков был типичным офицером Генерального штаба, большим болтуном и вообще был человеком, любившим умело уклоняться от истины. Конечно, железнодорожного дела он не знал.

В этой же комиссии участвовали Кони и бывший мировой судья того времени, весьма известный юрист, Неклюдов, который впоследствии был обер-прокурором святейшего синода, затем был товарищем министра внутренних дел Горемыкина

Но знающих железнодорожное дело не было. Поэтому всю инициативу в дело вносил я. Единственный труд, который оставила после себя эта комиссия, как известно, был «Устав железных дорог». Этот устав и доныне действует, как кардинальный закон, регулирующий железнодорожное дело. В настоящее время этот устав рассматривается новой комиссией, которая составлена по образцу бывшей 30 лет тому назад комиссии графа Баранова. Этот «Устав железных дорог» почти целиком был написан мною и затем окончательно отредактирован с точки зрения юридической Неклюдовым²⁶,

Граф Баранов был весьма почтенный человек. Он вместе с тем был еще и председателем департамента экономии Государственного совета. Говорил он чрезвычайно важно, произнося слова и отдельные фразы, как Пифия. Он был очень доброжелательным, воспитанным человеком, по манерам крайне важным, а в действительности весьма простым и добрым, но, конечно, железнодорожного дела, да и вообще никакого серьезного дела он не знал. Составил себе положение он тем, что был другом императора Александра II, хотя император и был старше его. Граф Баранов был сыном графини Барановой, воспитательницы императора Александра II. Прежде она была просто дама, называвшаяся Барангоф, а впоследствии же была переименована в Баранову, и ей был дан титул графини. Эта самая графиня Баранова была вместе с тем и другом графа Адлерберга; как известно, граф Адлерберг был также другом императора Александра II.

Граф Адлерберг был женат на Полтавцевой, на сестре матери знаменитого генерала Скобелева, т. е. на сестре

жены старика генерала Скобелева, о котором я упоминал, когда говорил о штурме Карса на Кавказе в муравьевское время.

Я узнал Баранова, когда ему было за шестьдесят лет; он был нежно влюблен в старуху, жену своего друга графа Адлерберга; эта любовь, конечно, была совершенно платоническая, он всю свою жизнь посвятил этой даме, каждый день он бывал у них и перед нею преклонялся. Баранов имел совершенно легкий доступ к императору, мог всегда у него бывать, и император всегда его припимал и очень любил. Этим объясняется, между прочим, то обстоятельство, что когда меня посадили на Сенную площадь (на гауптвахту), то уже через несколько часов последовало высочайшее повеление о том, чтобы меня выпускали днем с гауптвахты, — это произошло именно потому, что граф Баранов мог сейчас же пойти к государю и доложить ему, в чем дело.

Между тем дела на Юго-Западных железных дорогах не клеились; дороги продолжали давать дефицит, и администрация не могла никак устроиться. Вследствие этого правление решило послать меня в Киев и дать мне бразды правления на месте. Так как прошло уже более года с того времени, как я женился на Спиридоновой, то я согласился принять место начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог и переехал с женой в Киев.

Итак, я переехал в Киев и занял должность начальника эксплуатации Юго-Западных железных дорог. Правление тогда же хотело, чтобы я занял место управляющего Юго-Западных железных дорог, но министерство путей сообщения не хотело утвердить меня в этой должности, так как я не был инженером путей сообщения. Поэтому на это место был приглашен инженер путей сообщения Андреевский, человек с характером и с некоторыми знаниями, во всяком случае человек более самостоятельный, нежели барон Унгерн-Штернберг, который служил на Одесской железной дороге в то время, когда я был начальником движения на этой дороге. Несмотря на все вышеизложенное, по моей инициативе, по моему плану было реорганизовано все управление Юго-Западными железными дорогами именно в смысле большей централизации власти, нежели то было прежде.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

О СООБЩЕСТВЕ «СВЯТАЯ ДРУЖИНА»²⁷ И МОЕМ УЧАСТИИ В НЕМ

В то время, когда я жил в Киеве, произошли некоторые выдающиеся политические события, и самым главным из них было 1 марта 1881 года.

В этот день вечером я был с женой в театре и помню, что одна знакомая, г-жа Меринг, которая находилась в соседней с нами ложе, сказала: получена телеграмма, что император убит. — Я сейчас же покинул театр, написал моему дяде Фадееву, который жил в это время в Петербурге, письмо, в котором чувство преобладало над разумом. Мысль этого письма заключалась в следующем: у меня в Киеве в паровозной и вагонной мастерской имеется громадный паровой молот и если положить на наковальню громадный кусок железа и ударить по нему этим молотом, то от этого удара железо обратится в лист... А вот с этими анархистами такой молот, как вся сила государства, справиться не может, хотя сила государства может быть сильнее, могущественнее, чем паровой молот. Почему это происходит? А происходит это потому, что если, например, под этот самый молот мы подложим микроскопическую песчинку железа, то можем бить этим молотом сколько угодно, а песчинке никакого вреда не нанесем. Так в данном случае и тут — вся государственная сила не может справиться с этими анархистами. А между тем революция того времени, хотя и в малой степени сравнительно с пережитыми нами 1905—1906 гг., но уже с большим успехом проявлялась; часто происходили анархические покушения, которые и окончились этим величай-

шим несчастьем — убийством императора Александра II. На основании этих рассуждений я и делал в письме такое заключение, что с анархистами надо бороться их же оружием. Следовательно, нужно составить такое сообщество из людей безусловно порядочных, которые всякий раз, когда со стороны анархистов делается какое-нибудь покушение или подготовка к покушению на государя, отвечали бы в отношении анархистов тем же самым, т. е. так же предательски и так же изменнически их убивали бы. Я писал, что это есть единственное средство борьбы с ними, и думал, что это отвадило бы многих от постоянной охоты на наших государей.

Через несколько дней после того, как я послал это письмо, я получил от моего дяди Фадеева ответ, в котором он мне сообщал, что мое письмо (которое я тогда ему написал) в настоящее время находится на столе у императора Александра III и «ты, я думаю, будешь вызван», — писал мне дядя²⁸. И действительно, через некоторое время я получил телеграмму от нового министра двора Воронцова-Дашкова (а тогда он занимал временно пост начальника охраны его величества в Гатчине, потому что первое время по вступлении своем на престол император Александр III поселился в Гатчине), что он просит меня приехать в Петербург.

Я приехал в Петербург, был у Воронцова-Дашкова (как видно из моих предыдущих рассказов, Воронцов знал меня, когда я еще был мальчиком). Он меня спросил: «А что вы от того, что написали, не отступаете?» Я отвечал: «Нет, это мое убеждение». Тогда он представил меня флигель-адъютанту (который оказался графом Шуваловым) и сказал мне, чтобы я отправился с Шуваловым в его дом. Дом Шувалова был известный, можно сказать, исторический дом, потому что там жила когда-то известная всем Марья Антоновна Нарышкина — интимный друг императора Александра I, а впоследствии этот дом перешел к Шувалову, так как Шувалов был племянником Нарышкина, мужа Марьи Антоновны*). Как только я вошел в

*) В этом историческом доме теперь (1910—1911 гг.) живет графиня Бетси Шувалова, вдова, очень милая дама.

кабинет, Шувалов вынул евангелие и предложил мне припести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано по этому моему письму и которое было известно под именем «Святой дружины»²⁹. Вся организация общества была секретная, так что мне не сообщили, как это общество было организовано, а только сказали, что я буду главным в Киевском районе и что надо образовывать пятерки, и одна пятерка не должна знать других пятерок; так, например, я должен образовать пятерку, и каждый член этой пятерки должен в свою очередь образовывать новую пятерку и т. д. Таким образом, это было секретное сообщество вроде тех сообществ, которые существовали в средние века в Вепеции и которые должны были бороться с врагами и оружием и даже ядом.

Отнестись критически ко всему этому я не мог и дал присягу. Меня снабдили некоторыми шифрами, некоторыми правилами и некоторыми знаками, по которым можно узнавать, в случае надобности, членов сообщества. Я отправился в Киев³⁰.

В Киеве вскоре до меня начали доходить довольно смутные слухи о том, что один господин (не помню его фамилии), но господин очень низкой пробы, который держал контору для найма прислуги и гувернанток, принадлежит к какому-то секретному сообществу. Вскоре я получил распоряжение отправиться в Париж, где я (на мое имя) могу получить указания, что я должен делать.

Приехав в Париж, я действительно получил указание; я получил письмо на мое имя, в котором говорилось, что в Париж теперь приехал один господин, принадлежащий к нашему сообществу, фамилия которого Полянский и который находится в том же самом Гранд-отеле, где остановился и я *), что этот Полянский имеет миссию убить Гартмана, того самого Гартмана, который два года тому назад хотел взорвать поезд, на котором ехал император Александр II из Крыма в Петербург.

*) Этот Гранд-отель и теперь существует в Париже, он находится против Grand Opéra, это один из самых больших отелей.

По принятым для императорских поездов правилам, когда идет императорский поезд, то вслед за ним или перед ним идет свитский поезд, причем иногда идет впереди императорский поезд, а свитский сзади, а иногда наоборот, императорский сзади, а свитский впереди (порядок поездов часто меняется). Так произошло и в данном случае.

Гартман, о котором идет речь, нанял домик в самой Москве, там, где дорога подходит к вокзалу (Московско-Курская железная дорога); из этого домика Гартман провёл мину к железной дороге как раз под насыпь; туда он поставил взрывчатую машину и из своего дома посредством электричества хотел взорвать императорский поезд, когда он будет проходить мимо. По его сведениям императорский поезд должен был идти за свитским поездом, но случилось так, что как раз недалеко перед Москвой переменили, и поезд императорский пошел впереди свитского. Поэтому Гартман взорвал мину, но не тогда, когда проходил императорский поезд, а когда проходил свитский поезд, причем мина взорвалась довольно поздно, так что хотя поезд и потерпел крушение, но сравнительно меньшее, чем если бы мина была взорвана посредине поезда. Несмотря на эту неудачу, все-таки держался слух, что Гартман хочет снова совершить покушение на нового императора, поэтому Полянскому и дана была миссия убить Гартмана.

Этого Полянского я знал, когда он был еще офицером уланского полка, который стоял недалеко от Одессы. Полянский часто появлялся в Одессе; он ухаживал за очень красивой и довольно известной актрисой Глебовой; так как я тогда был молод и не женат, то я знал всех более или менее выдающихся актрис, которые были в Одессе; в обществе актрис я и встречал этого Полянского.

В Париже Полянский увидел меня в первый раз, когда мы сидели вместе с ним на закрытой террасе Гранд-отеля. Он завтракал; я тоже пришел завтракать. Он спросил меня, для чего я приехал? Я, конечно, дал ему очень уклончивый ответ. Потом мы встречались с ним на следующий день; на третий день он сделал мне знак, такой знак,

который в нашем обществе «Святой дружины» давался, чтобы узнавать друг друга. Я ему в свою очередь ответил знаком; тогда он подошел ко мне и спросил: «Вы, вероятно, приехали меня убить в том случае, если я не убью Гартмана? Я должен вас предупредить, что если я до сих пор не убил Гартмана, то только потому что я был задержан. Вот завтра встанем в 5 часов утра и пойдем вместе; я вам докажу, что вполне от меня зависит убить Гартмана; я могу убить его каждый день, но только из Петербурга мне дан приказ, чтобы я не делал этого впредь до распоряжения; вероятно, это произошло вследствие того, что ожидали вашего приезда», — Я сказал, что я ничего не знаю.

Утром мы с ним пошли. Я видел (это было в Quartier Latin), как Гартман вышел, а два апаши, или хулигана, стояли около тех ворот, из которых он вышел; они последовали за ним, затем эти хулиганы подошли к Полянскому и устроили ему сцену, что вот третий день они готовы завести с Гартманом драку (их план был таков: завести с ним драку и во время драки его убить) и что они этого не делают только потому, что Полянский не разрешает. Затем они заявили, что хотя Полянский всякий раз платит им, когда он им этого не разрешает, по сто франков, но им все это надоело, и если он им завтра не разрешит убить Гартмана, то «мы, — говорят, — это дело бросим».

«Вот видите, — сказал мне Полянский, — у меня все уже несколько дней готово, чтобы убить Гартмана, но я ожидаю, так как мне дано распоряжение из Петербурга этого не делать». Я спросил: «Кто же дал вам это распоряжение?» Он ответил, что распоряжение это передано через Зографо.

Этот Зографо был сыном бывшего когда-то посланника в Греции; он был другом детства Воронцова-Дашкова, и эти дружеские отношения сохранились между ними до настоящего времени. Зографо был отцом графини Орловой-Давыдовой (той самой Орловой-Давыдовой, муж которой — один из самых богатых людей в России).

— Поедемте, — говорит мне Полянский, — в ресторан «Voisin», там будет Зографо; я, — говорит, — езжу туда каждый день. Мне Зографо сказал, что он ожидает что-то из Петербурга.

Я поехал в ресторан «Voisin». Там действительно был Зографо, я показал ему знак, он мне сейчас же ответил, и мы сели втроем за столик. Полянский говорит: «Вот я сегодня ездил с Сергеем Юльевичем, он убедился... Ведь я знаю, для чего он приехал. Он приехал, чтобы меня убить, если я не убью Гартмана. Я возил Сергея Юльевича, чтобы доказать ему, что тут недоразумение, что я не при чем, потому что ведь вы задерживаете?»

Зографо говорит: «Да, это действительно так; из Петербурга послан сюда генерал-адъютант Витгенштейн, чтобы все это дело ликвидировать».

Я сказал, что ждать Витгенштейна не буду, а сегодня же уезжаю обратно в Киев. И уехал ²¹.

При этом мне вспоминается следующее смешное событие, которое случилось, когда я находился в Париже и жил в Гранд-отеле.

В это время приехал в Париж из Иваново-Вознесенска какой-то молодой купчина, который остановился тоже в Гранд-отеле. Как только он приехал с поезда, сейчас же пошел завтракать, на завтраке порядочно нализался. После завтрака он пошел к себе в номер проспать; затем пришел к обеду и на обеде совсем уже нализался. Его вынесли и на подъемной машине доставили в его номер, который был на третьем этаже. Доставив его в номер, раздели его, положили в постель; заперли номер на ключ, а ключ положили ему у дверей. (Гранд-отель — такая громадная гостиница, что там на приезжающих внимания не обращают.) Проходит один день, этот купчина из своего номера не выходит, другой — не выходит (а все время на его имя получают телеграммы из Иваново-Вознесенска); на третий день уже обращаются ко мне и говорят: «Здесь остановился ваш компатриот, он уже третий день не выходит из номера, как вы думаете, отчего это происходит?» «Почему я, — говорю, — знаю». — «А как вы посоветуете?» Я посоветовал войти в номер. Вошли. Он преспокойно спит. Когда мы вошли — проснулся и, обратясь ко мне, спрашивает (он по-французски совсем не говорил). «Давно, — говорит, — я здесь? Много спал? Теперь поздно?» «Да, — говорю, — спите вы очень много, третьи сутки спите». «Да

я, — говорит, — несколько раз вставал. Встану, подойду к окну, смотрю — темно (а там в окнах сделаны такие ставни, что свет не проходит), подойду, — говорит, — посмотрю в окно, вижу — все темно, опять ложусь. Эти три дня я несколько раз, — говорит, — вставал, есть хотелось; здесь у меня были купленные дорогой конфеты, пирог — я все сожрал. Поем конфеты, пирог, запью водой и опять ложусь... Сколько времени сплю?» «Да, — говорю, — третьи сутки так спите». «Ах, — говорит, — какая беда». Принесли ему телеграмму; оказывается, жена требует его возвращения домой и ругательски ругает за то, что он не возвращается. Он спросил, когда отходит поезд. Ему сказали. Я взял ему комиссионера, тот отвез его на вокзал и отправил в Россию. Оказывается, он в Париже пробыл три дня, но все эти три дня спал пьяным в гостинице, потому что воображал, что это одна ночь, так как в гостинице были такие ставни, что совсем света не пропускали.

Когда я вернулся обратно в Киев, то вследствие этой глупой истории с Гартманом, а также истории с содержанием конторы для найма, который, по-видимому, также числился в этом обществе, и так как, кроме того, по всей России распространилось очень много слухов о существовании этого общества и о том, что туда направилась всякая дрянь, которая на этом желала сделать себе карьеру, это общество в самый короткий срок сделалось «притчей во языцех» — вот вследствие всего этого я и почувствовал необходимость выйти из этого скверного в конце концов, по меньшей мере смешного, если не грязного и гадкого дела. Поэтому я написал графу Воронцову-Дашкову письмо такого содержания, что вот тогда-то я написал письмо моему дяде, а мой дядя передал это письмо через него государю и что это послужило основанием для образования общества «Святой дружины», что эта «Святая дружина» обратилась теперь в крайне короткий срок, в течение какого-нибудь полугода, в самое по меньшей мере смешное, если не постыдное учреждение, что я быть в таком положении не могу; а с другой стороны, раз уже я дал присягу, то не считаю себя вправе выйти из этого общества, чтобы не поступить некорректно. Поэтому я пред-

лагаю следующее: чтобы список всех членов, которые этому делу служат по долгу и чести, а не из-за каких-нибудь лицемерных видов, чтобы этот список всех членов, составляющих это общество, был опубликован в «Правительственном вестнике» и других газетах, а также, чтобы и цель общества была опубликована. Так как в этом случае имена всех этих лиц станут известны анархистам и революционерам, то, конечно, эти последние направятся прежде всего на всех нас, а поэтому я уверен, что масса лиц, даже, вероятно, большинство не пожелает участвовать в обществе и откажется от того, чтобы их фамилии были опубликованы; таким образом, общество это очистится от всех дурных элементов. Затем в письме я предупредил графа Воронцова-Дашкова, что буду ждать ответа месяц, а если через месяц ответа не получу, то буду считать себя выбывшим из общества.

Прошел месяц, я ответа не получил, а потому отослал ему все документы, которые у меня были по этому обществу, а также все знаки, шифры и т. д. Тем эта смешная история — постольку, поскольку я в ней участвовал, — и кончилась.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

МОЯ СЛУЖБА В КИЕВЕ

Когда я переехал в Киев, то генерал-губернатором и командующим войсками был генерал-адъютант Дрентельн. Этот Дрентельн был очень почтенный человек; во время последней турецкой войны он был начальником тыла армии. До него начальником тыла армии был генерал Каталей, а когда Каталей умер, то на его место был назначен Дрентельн, который раньше командовал войсками Киевского военного округа. После войны, вместо убитого Мезенцова, Дрентельн был назначен шефом жандармов, а когда явилась «диктатура сердца» Лорис-Меликова и III отделение было соединено с министерством внутренних дел, то Дрентельна назначили командующим войсками в Одессе, а из Одессы он был переведен генерал-губернатором и командующим войсками в Киев, как раз за несколько месяцев до моего туда приезда.

Как он, так и его жена, Марья Александровна Дрентельн — старушка под 80 лет, которая жива и до настоящего времени, обладает совершенно свежей памятью, что бывает очень редко в такие лета, — очень почтенные люди.

Дрентельн, хотя и не был боевым генералом, но в мирное время был очень хорошим, знающим свое дело генералом и держал Киевский военный округ в блестящем порядке.

У Дрентельна были дочь и сын; последний был в то время еще в юношеском возрасте. Его звали Сашей Дрентельн; он был в Киевском университете. Дочь его была в

то время совсем еще молодой девушкой, и она там же вышла замуж за офицера, который имел должность при штабе, за некоего Романенко, который ныне командует корпусом в Одессе. Сын же Дрентельна, окончив курс в университете, женился на дочери председателя судебной палаты Поповой. Отец ее — человек очень богатый по жене, которая была из купчих.

Затем, после смерти Дрентельна они все переехали в Петербург, и молодой Дрентельн поступил в Преображенский полк, где он все время и находился. Ныне он состоит помощником начальника походной канцелярии его величества; это один из самых близких людей к государю. Я об этом упомянул потому, что, конечно, со временем Дрентельн будет один из самых близких сановников при дворе, при особе государя. Этому способствуют следующие обстоятельства: 1) государь сам служил в Преображенском полку и знал там Дрентельна раньше; 2) государь знает, что отец его, Александр III, очень благоволил отцу Дрентельна; 3) Дрентельн человек во всяком случае культурный, потому что все-таки он прошел университет и кончил курс очень хорошо; 4) едва ли не самое главное обстоятельство, которое дает ему возможность держаться твердо при дворе, это то, что он не имеет жены, а следовательно, благодаря этому исключаются такие обстоятельства, которые постоянно возбуждают различные мелкие интриги.

Когда отец Дрентельна был киевским генерал-губернатором, он был всеми уважаем, как русскими, так и инородцами. Хотя он был очень жесток с инородцами и для войск был суровым командиром, но тем не менее, так как он был очень справедливым, безусловно честным и порядочным человеком, то умел внушать к себе большое уважение. Мне теперь часто приходится слышать от поляков и евреев о том, что когда Дрентельн был в Киеве генерал-губернатором, то, говорят поляки и евреи, — мы на него постоянно жаловались, а теперь мы о нем постоянно вспоминаем и считаем, что то время было одно из лучших для нас, потому что хотя Дрентельн был по отношению к нам жесток, но в то же время он был крайне справедлив³².

Я был почти что свидетелем смерти Дрентельна. Это произошло следующим образом. Я не помню, по какому случаю в Киеве был парад войск, и вот Дрентельн верхом делал смотр войскам; он был сравнительно небольшого роста, чрезвычайно полный, почти совсем без шеи. Когда он производил смотр, то вдруг с ним сделался апоплексический удар, он свалился с лошади и умер. В то время, когда привезли Дрентельна к подъезду его дворца, я как раз выходил из своей квартиры; и вот я вижу, что везут Дрентельна. Я сейчас подбежал к экипажу и вижу, что его привезли два адъютанта: один адъютант — Трепов, нынешний генерал-губернатор киевский (он занимает то место, которое тогда занимал Дрентельн), и другой адъютант — Афонасопуло, который ничем неизвестен, ничем не отличался, кроме своего крайне высокого роста.

Итак, я был свидетелем, как Дрентельна внесли в кабинет, я вошел вслед за несшими его (т. е. вслед за его телом) и присутствовал при первой панихиде.

Говоря о Дрентельне, я вспомнил следующий забавный эпизод, который случился в Киеве с номинальным редактором тамошней либеральной газеты «Заря», присяжным поверенным Андреевским, в то время, когда я и Дрентельн жили там.

Действительным редактором этой либеральной газеты был присяжный поверенный из евреев Куперник (дочь которого — довольно известная литераторша), а фиктивным редактором этой газеты «Заря» был, как я уже сказал, Андреевский, который писал в эту газету фельетоны.

Андреевский был чрезвычайно остроумный человек, но крайне неосновательный, забулдыга. Он женился на дочери антрепренера тамошней оперы, бывшего петербургского тенора Сетова; она была очень красива. Андреевский все время жаловался своим знакомым, говорил, что он женился на Сетовой совсем не потому, чтобы она ему особенно нравилась, а потому, что он думал, что отец ее Сетов имеет состояние и даст за своей дочерью большое приданое, а между тем он решительно ничего не дал, кроме декораций 4-го акта оперы «Аида».

Вот этот самый Андреевский и писал в «Заре» воскресные фельетоны, причем всегда затрагивал кого-нибудь из киевского общества.

В это время в Киеве жил очень почтенный артиллерийский полковник; у него была очень красивая жена, за которой постоянно кто-нибудь ухаживал и ухаживал с успехом. И вот тогда между прочими ухаживателями, имевшими у ней успех, пользовался также успехом и князь Горчаков (о котором я уже говорил и который приезжал в Киев и некоторое время там жил).

Вот этот Андреевский и начал писать роман, в котором изображал жену этого полковника, ее похождения и лиц, ухаживающих за ней, — между прочим того ухаживателя, который именно в то время имел успех (это был князь Горчаков).

Роман совершенно вывел из терпения бедного мужа этой дамы. Полковник пошел к Дрентельну и пожаловался на Андреевского. Тогда Дрентельн приказал позвать к себе Андреевского *) и говорит ему:

— Правда, что вы пишете там в вашем романе, в фельетонах всевозможные гадости о дамах — и дамах порядочных? Так вот я вам приказываю, чтобы вы больше не смели писать, чтобы вы этот роман прекратили, а иначе я поступлю с вами, как вы этого и не ожидаете!

Тогда Андреевский и говорит Дрентельну:

— Ваше превосходительство, вы знаете, я всегда исполняю ваши приказания, и это ваше приказание я также исполню, только я вас прошу, будьте так добры, позвольте, — говорит, — моему герою романа спокойно умереть. Я вам даю честное слово, что в следующем фельетоне он умрет, и этим кончится весь роман.

Дрентельн засмеялся и этого Андреевского прогнал.

Вслед за Дрентельном генерал-губернатором был назначен Чертков, который впоследствии занимал должность

*) В то время расправа с журналистами была такая же, какая практикуется и ныне, во времена Столыпина, т. е. если какой-нибудь журналист напишет что-нибудь неприятное, то он призывается к начальнику печати. Начальник печати говорит ему: лучше прекратите, а если не прекратите, то мы с вами сделаем то-то и в конце концов вы провалитесь в тартарары.

варшавского генерал-губернатора. Чертков был совсем другой тип. Он был человеком из высшего общества, мало военным; как командующий занимался войсками очень мало. Имел порядочное состояние, а также большие связи в петербургской аристократии. Женат он был на известной до настоящего времени Ольге Ивановне. Известна она тем, что была весьма забавной дамой и притом положительной красавицей. В настоящее время ей более 60 лет, между тем она до настоящего времени весьма франтится. Теперь она живет в Петербурге, а муж ее, Чертков, уже умер. Когда Чертков был губернатором в Воронеже, а потом наказным атаманом в Новороссийске, он влюбился в эту Ольгу Ивановну, которая была женой полицеймейстера, развел ее с мужем и женился на ней. Эта женитьба и была причиной, почему Чертков долгое время был не в особенном фаворе при дворе, потому что в то время к таким вещам, как развод, относились при дворе очень строго, совсем не так, как относятся к этому теперь.

Говорят, что Ольга Ивановна — и это несомненный факт — еврейского происхождения. Но это, по моему мнению, несколько не служит для нее каким-нибудь минусом. Она очень порядочная и довольно образованная женщина, чрезвычайно жизнерадостная. Всю жизнь свою она постоянно веселилась, имела постоянно много поклонников между адъютантами своего мужа.

От первого ее мужа, Верещагина, у нее было двое детей. Сын ее, Верещагин, служит в государственной канцелярии и состоит уже гофмейстером. Затем дочь (Верещагина) — уже девушку в довольно зрелом возрасте — выдали замуж за прокурора варшавской судебной палаты Коваленского, того самого Коваленского, который был директором департамента полиции, и скоро будет два года, как он застрелился.

От Черткова было две дочери. Одна дочь — за графом Толстым, а другая — за князем Гагариным. Обе они теперь сравнительно еще молодые женщины, т. е. от 30 до 40 лет.

Ольга же Ивановна, несмотря на то, что она старуха, до сих пор еще играет роль в том смысле, что она женщина очень забавная, оригинальная, и своими оригинальными

выходками часто многих форсирует и вообще многих забавляет.

Чертков оставил пост киевского генерал-губернатора в начале царствования императора Александра III вследствие ревизии, сделанной в Киеве сенатором, а впоследствии членом Государственного совета, известным Половцевым.

Я лично не думаю, чтобы Чертков как генерал-губернатор или командующий войсками был хуже других ординарных генерал-губернаторов и командующих войсками, которых так много. Но почему-то он не понравился императору Александру III. Я думаю, что не понравился он императору из-за своей жены и некоторого высокомерного тона, которого он всегда держался.

Во всяком случае несомненно, что как генерал-губернатор и командующий войсками Чертков был несравненно ниже Дрентельна и гораздо менее его авторитетен. Поэтому, когда он оставил пост генерал-губернатора и командующего войсками, то очень долго не получал никакого назначения и жил как бы в опале в своем имении в Киевской губернии. Только при нынешнем императоре, Николае II, когда умер варшавский генерал-губернатор граф Шувалов, его в качестве кандидата выдвинули на этот пост, и он его занял, пробыв в течение десяти лет вне всяких дел. Заняв этот пост, Чертков через два года умер.

Когда Чертков оставил пост киевского генерал-губернатора, его место занял Радецкий, очень видный герой последней турецкой войны, тот самый Радецкий, который так долго держался на Шипке и известен своими постоянными донесениями, что «на Шипке все спокойно» (Шипка — это один из высоких хребтов Балканских гор). Эти свои донесения Радецкий посылал в то время, когда он каждый день со своим сравнительно небольшим отрядом обстреливался турецкими войсками.

Когда этот Радецкий приехал в Киев, то он был уже в значительной степени рамольный. Но как военный человек представлял собою авторитет; о гражданских же делах он не имел никакого понятия.

Скоро после моего приезда в Киев Вышнеградский, который был вице-председателем правления Юго-Западных дорог, был сделан министром финансов, а так как Блиох сам делом не занимался, то нужно было найти человека, который занимался бы делом Юго-Западных железных дорог в правлении, т. е., в сущности, был бы председателем. На этот пост был приглашен управляющий Юго-Западными железными дорогами Андреевский. Так как им не были вполне довольны, потому что Юго-Западные дороги все время приносили или дефицит, или давали очень мало дохода, то обратились вторично в министерство путей сообщения с просьбой утвердить меня управляющим Юго-Западными железными дорогами. На этот раз ввиду того авторитета, который я приобрел на железных дорогах, министерство путей сообщения уже не сочло возможным отказать в моем утверждении на том основании, что я не инженер путей сообщения.

Итак, министерство меня утвердило, и я сделался управляющим Юго-Западными железными дорогами. Я был первым и единственным до настоящего времени управляющим одной из самых больших железных дорог, который не был инженером путей сообщения и вообще не был инженером, так что, если я понимал и понимаю несколько в железнодорожном деле, то это лишь потому, что я был хорошим математиком и практически этим делом занимался, служа на железных дорогах. Мне удалось во время моего пребывания управляющим Юго-Западными железными дорогами поставить эти дороги в совершенно твердое положение в финансовом отношении; акции этой дороги значительно повысились, и дорога в мое время начала давать регулярный дивиденд.

Я имел счастье вообще, где бы я ни служил, приглашать талантливых сотрудников, что, по моему мнению, составляет одно из самых главных и необходимых достоинств администраторов по крупным делам, а по государственным в особенности. Лица, которые не умеют выбирать людей, не имеют нюха к людям, которые не могут оценить их способностей и недостатков, мне кажется, не могли бы быть хорошими администраторами и управлять большим де-

лом. Что касается меня, то я могу сказать, что у меня этот нюх, может быть, природный, очень развит. Я всегда умел выбирать людей, и какую бы должность я ни занимал, и где бы я ни был, везде являлась крупная плеяда талантливых и способных работников. Так было на Юго-Западных железных дорогах, особенно же это проявилось на более обширном поприще моей деятельности, т. е. когда я был министром финансов в течение 10¹/₂ лет. Все последующие министры финансов, бывшие после меня, как-то: Плеске, Шипов, Коковцов — все это бывшие мои сотрудники, которых я, так сказать, вытащил. Также среди членов Государственного совета есть целая серия членов, которые прежде были моими сотрудниками на различных поприщах. В настоящее время главные посты министерства финансов все заняты бывшими моими сотрудниками, а также это можно сказать и относительно частных обществ.

Главный банковский деятель в Петербурге настоящего времени, Александр Иванович Вышнеградский (сын бывшего министра финансов), был у меня начальником отделения кредитной канцелярии в то время, когда я был министром финансов, затем при мне он все время повышался, но потом оставил министерство финансов и ушел в частный банк, как он мне говорил, вследствие того, что не может ужиться с формализмом, введенным Владимиром Николаевичем Коковцовым. Теперь это один из самых выдающихся финансистов в банковском деле.

Затем еще один выдающийся финансист в банковской сфере, — еще сравнительно молодой человек — Алексей Иванович Путилов, которого я застал в министерстве финансов состоящим при юрисконсульте министерства Белястине; тогда он только что окончил курс в университете. Затем Путилов был секретарем, потом директором канцелярии и наконец управляющим Крестьянским и Дворянским банками. Когда же я ушел из председателей Совета министров, то он оставил службу и вышел в отставку. В настоящее время он состоит председателем правления

Азиатского банка и является одним из самых влиятельных, скажу, модных финансистов в банковских сферах не только у нас в Петербурге, но и за границей.

Наконец, также один из самых крупнейших в Петербурге банков, а именно Волжско-Камский банк, управляется Барком, который также был моим сотрудником. Когда он был еще совсем молодым человеком, только что окончившим учебное заведение, я послал его за границу, в Берлин, к Мендельсону, учиться банковскому делу³³.

Точно так же я в течение моей службы на Юго-Западных железных дорогах подобрал и там целую плеяду выдающихся железнодорожных деятелей, из них теперь некоторые уже поумирали, а другие в последние годы потерпели погром, потому что среди них довольно много было поляков, а также некоторые из них были евреи. Например Абрагамсон и Погребинский — оба были из евреев, оба были инженеры путей сообщения и служили на дороге несколько десятков лет. Может возникнуть вопрос: почему именно на Юго-Западных железных дорогах было довольно много поляков и евреев? — Но это объясняется очень просто: потому что вообще в Юго-Западном крае много евреев и поляков и, очевидно, они более дорожили местами в этом крае, где они имеют родственные и другие связи, нежели в таких местностях, которые им совсем незнакомы и где они никаких связей не имеют. Несомненно, что все эти поляки и евреи, которые теперь должны были оставить службу вследствие нового черпосотенного направления, все они с государственной точки зрения были несколько не менее благонадежны, нежели русские. Таким образом, увольнение их есть не что иное, как дань безумному политическому направлению.

Кстати, как пример этого безумия я хочу отметить следующий факт: на Юго-Западных железных дорогах одна из самых больших станций — станция Одесса-Порт. Это громаднейшая станция, которая обнимает собою весь одесский порт. Когда я был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, то я назначил начальником этой

станции некоего Катульского, которого пригласил по данной мне рекомендации из служащих Московско-Курской дороги. Он все время служил начальником станции Одесса-Порт. Теперь, когда я несколько месяцев тому назад был в Одессе, так как там у меня живет больная сестра и я ездил к ней, то ко мне пришел этот самый Катульский и, сказав мне, что он уже больше не состоит начальником станции, просил моего ходатайства о том, чтобы ему дали пенсию в большем размере, нежели это обыкновенно принято. Я был очень удивлен, что он оставил службу, и Катульский объяснил мне, что его уволили, что причины увольнения он не знает, но подозревает, что случилось это вследствие того, что подумали, что он поляк. Когда я его спросил: а что же, вы объяснили, кто вы такой? Он ответил: да, я объяснил, что я не поляк, но до сих пор никакого внимания на это не обратили.

Затем я от начальника дороги узнал, что Катульский был уволен как поляк, потому что его фамилия кончается на «ский», так как одесский градоначальник Толмачев попросил, чтобы в Одессе были уволены все лица польского происхождения. После, когда управление написало министерству, что Катульский совсем не поляк, что он сын священника, а потому и не может быть поляком, то, раз уже увольнение состоялось, министерство не пожелало взять его обратно и сознаться в том, как оно легкомысленно поступает, увольняя служащих только на основании того или другого созвучия в фамилиях.

Когда я сделался управляющим Юго-Западными железными дорогами, то я главным образом сосредоточил свое внимание на службе ремонта пути и зданий, именно на той части, которая требует чисто инженерных познаний. И вот в течение того времени, когда я был управляющим, я по строительной части приобрел некоторый навык, некоторый опыт. Среди моих служащих у меня было несколько инженеров путей сообщения более или менее молодых, силами и знаниями которых я располагал, они давали мне то, чего я не знал, т. е. различные знания чисто инженерного искусства, а я со своей стороны давал им те знания, которые вытекают из обширного железнодорожного опыта, а также и из знания математики и механики.

В числе этих инженеров при мне состоял инженер Демчинский, который теперь в России известен как человек, пропагандирующий «грядковую культуру хлеба».

Затем при мне состоял очень способный молодой инженер Циглер, который впоследствии, когда я сделался директором департамента железнодорожных дел, был взят мною чиновником особых поручений при департаменте железнодорожных дел. Потом, когда я уже был министром финансов, в последние годы я его сделал директором департамента железнодорожных дел. А когда Владимир Николаевич Коковцов сделался министром финансов, так как он совсем не знает железнодорожного дела, то при нем все эти последние годы Циглер играл очень большую роль во всех железнодорожных делах, являясь руководителем Коковцова. Этот в высокой степени достойнейший, почтеннейший человек умер в прошлом году.

В качестве молодого инженера, состоящего при мне, был также инженер путей сообщения Абрагамсон. (Он состоял при мне уже после того, как я покинул Юго-Западные дороги. Дороги эти были выкуплены в казну, и начальником дорог сделался Немешаев, тот самый Немешаев, который при мне, когда я был председателем Совета министров, состоял министром путей сообщения, а затем снова вернулся на должность начальника железных дорог). Вот этого Абрагамсона я и сделал начальником службы ремонта пути и зданий. В прошлом году министр путей сообщения Рухлов потребовал, чтобы Абрагамсон ушел, так как он — еврей по происхождению, а вследствие этого его перевели начальником ремонта пути и зданий на Московско-Ярославско-Архангельскую железную дорогу. Я совершенно не могу себе объяснить, почему Абрагамсон может быть начальником службы на дороге Московско-Ярославско-Архангельской, а не может быть начальником службы ремонта пути на Юго-Западных железных дорогах? Абрагамсон в течение всей своей службы на Юго-Западных железных дорогах вел себя в высшей степени корректно, пользуясь любовью всех своих подчиненных,

а по службе ремонта пути имеется масса подчиненных совершенно простых людей, т. е. сторожей, рабочих и всяких мастеровых. Никогда ни в чем он не проявил своей неблагонадежности. Вообще Абрагамсон никогда никакой политикой не занимался и не занимается. Конечно, этот перевод сделан только потому, что совсем уволить его не позволяла совесть, а переведя его на меньшую Ярославско-Архангельскую железную дорогу, не без основания думают, что он там долго не уживется и сам подаст в отставку.

Этого Абрагамсона мне рекомендовал Чихачев, бывший директор Русского общества пароходства и торговли, потом морской министр, а ныне состоящий членом Государственного совета.

Абрагамсон как инженер имел перед остальными русскими инженерами то преимущество, что, окончив курс, и весьма успешно, в одной из высших инженерных школ в Германии, он затем держал выпускной экзамен на получение звания инженера путей сообщения у нас в институте путей сообщения, и таким образом он, если можно так выразиться, был инженером в квадрате.

Что касается Демчинского, то он не был важным инженером и мне оказывал очень мало пользы, взял же я его потому, что он очень меня об этом просил. Он был начальником дистанции на Московско-Курской железной дороге, там он увез у своего товарища жену, затем на ней женился и вследствие этой истории не мог уже больше оставаться служить на Московско-Курской железной дороге, поэтому он меня и просил дать ему какое-нибудь место у меня в Киеве. Я дал Демчинскому место инженера, состоявшего при мне. По части инженерной он был очень слаб, но по части писания и различных проектов — он был очень талантлив. Вообще его натура крайне талантливая, но неуравновешенная и не имеющая серьезных основ в научных знаниях. Кроме того, он из числа тех людей, которые не могут ни на чем специализироваться и сосредоточиться. Так как его карьера довольно оригинальна и его натура представляет собой именно образец русских талантливых, но неустойчивых людей, то я скажу о нем несколько слов.

Будучи при мне в Киеве, Демчинский вдруг заявил мне, что вообще ему железнодорожное инженерное дело не нравится, что он хочет сделаться адвокатом, присяжным поверенным, так как он считает, что это самая лучшая карьера и что эта карьера более всего подходит к его натуре. Поэтому он думает весной держать выпускной экзамен в Киевском университете на юридическом факультете. Я очень удивился этому и никак не мог понять, каким образом человек в 3—4 месяца может приготовиться, чтобы держать выпускной экзамен и получить звание кандидата юридических наук. Хотя я и усомнился в том, что он сможет осуществить это желание, по по его просьбе я не беспокоил Демчинского в течение 3—4 месяцев, т. е. не давал ему никаких работ. Оказывается, он действительно заперся у себя и начал заниматься и, выдержав очень порядочно экзамен на кандидата юридических наук, сделался адвокатом и оставил службу при мне (т. е. службу на Юго-Западных железных дорогах). Прошло очень немного времени, я как-то с ним встретился и говорю: как вам правится ваша новая деятельность? Он мне сказал, что его новая деятельность привела его к глубокому, полному убеждению, что суды наши есть не что иное, как учреждения бесправия (хотя это было в то время, когда наши суды были еще вполне независимыми учреждениями и представляли собою институт весьма почетный. Теперь все наши суды изгажены таким проходным, каков нынешний министр юстиции Щегловитов). Зная характер Демчинского, я на его заявление о том, что наши суды есть учреждения бесправия, конечно, усмехнулся, так как прекрасно понимал, что просто Демчинскому его новое поприще уже надоело. Затем Демчинский переехал в Петербург. Переехав в Петербург, он вдруг заявил, что открывает фотоцинкографическое заведение, и действительно он первый открыл в Петербурге фотоцинкографическое заведение, т. е. ц и н к о г р а ф и ю (фотографирование на цинковых пластинках). Демчинский говорил, что это изобретение принадлежит ему, может быть, что-нибудь подобное и было уже изобретено за границей, но во всяком случае он получил на этот способ привилегию и некоторое время занимался в Петербурге фотоцинкографией, имея свое фотоцинкографическое заведение. Затем, через самое ко-

роткое время он это фотоцинкографическое заведение и самый способ фотоцинкографирования продал за несколько десятков тысяч рублей и купил себе маленькое имение около станции Николаевской железной дороги Торбино; поселившись там, он начал заниматься сельским хозяйством. Во время своего увлечения сельским хозяйством Демчинский в один прекрасный день явился ко мне (я тогда был министром финансов) и начал уверять меня, что он открыл совершенно новый способ предугадывания погоды, что этот способ может сделать громаднейший переворот во всем сельском хозяйстве. И действительно, он начал писать по этому предмету в «Новом времени», предугадывал погоду; писал о том, в какое время какая предстоит погода и как должны в соответствии с этими предсказаниями поступать сельские хозяева. Первое время предугадывания погоды были чрезвычайно удачны, так что я со всех сторон слышал, что необходимо поддержать Демчинского, потому что, несомненно, он превосходно предугадывает погоду, что это может произвести совершеннейший переворот в русском сельском хозяйстве.

В этом смысле некоторые сельские хозяева, близкие государю, докладывали его величеству. Признаться, я и сам был этим несколько увлечен, а поэтому просил у государя, не соизволит ли он выдавать из средств государственных финансов Демчинскому от 10 до 15 тысяч руб. в год для издания метеорологического журнала¹⁴. Государь император принял эту просьбу весьма милостиво именно потому, что ему уже несколько раз говорили о Демчинском.

Но впоследствии, когда Демчинский начал уже издавать свой журнал, то ученые люди стали относиться к его методу вычислений критически.

Когда же я пригласил к себе академика по метеорологии Рыкачева, то сначала и он был очень увлечен и давал мне в высшей степени одобрительные отзывы о Демчинском. Но через некоторое время Рыкачев, явившись ко мне, заявил, что он делал всякие исследования, разбирал самый метод Демчинского и находит, что метод его ни на чем не основан, что предугадывания его — вещь случайная и что он, Рыкачев, пришел ко мне каяться.

Эти отзывы Рыкачева, все его соображения, а также и ответы Демчинского я передал Дмитрию Ивановичу Мен-

делееву, нашему знаменитому ученому, которого у нас, когда он был жив, очень мало ценили; его не выбрали в академию наук и даже распускали инсинуации, что будто бы он, поддерживая в различных своих статьях и книгах промышленность и видя в ней всю будущность России, находится чуть ли не на откупе у некоторых промышленников, что, конечно, была злостная клевета. Но с тех пор, как несколько лет тому назад Менделеев умер, его имя у всех не сходит с языка, все говорят о нем, как действительно о великом ученом. Вот в то время, когда Менделеев находился в таком положении, что он оставил профессию, академия его игнорировала, во всех газетах над ним подсмеивались и делали на него различные нападки, я предоставил ему место управляющего палатой мер и весов (которая находится против Технологического института). Он эту палату значительно улучшил, и теперь она является одним из самых почтенных ученых учреждений²⁴. Таким образом, Менделеев был при жизни очень ценен только за границей; за границей он считался великим ученым, у нас же, наоборот, он почти игнорировался.

Итак, я просил Менделеева, чтобы он разобрался в этом метеорологическом споре. Через некоторое время после того, как я передал ему это дело, Менделеев пришел ко мне и сказал, что находит, что Рыкачев прав и что методы Демчинского не основаны на каких-нибудь твердых основах, что его предсказания погоды совершенно случайны, что впоследствии и оказалось; все его предсказания погоды и его метеорологический журнал — все лопнуло. Но тогда же Менделеев сказал мне, что тем не менее, ознакомившись с работой Демчинского, он находит, что все-таки это — богом одаренный человек, что это человек с громадным талантом, что до сих пор талант его никуда не может направиться, по что он думает, что, может быть, если Демчинский проживет еще несколько десятков лет, то он может сделать какое-нибудь выдающееся открытие.

Когда вспыхнула война с Японией, Демчинский отправился на войну в качестве корреспондента нескольких газет и главным образом «Биржевых ведомостей». За это он получал довольно порядочное вознаграждение, писал из действующей армии статьи весьма толковые и дельные, но неустойчивые. Сначала он несколько увлекался глав-

нокомандующим Куропаткиным, а потом начал к нему относиться критически и даже несколько жестоко. Во время войны и после заключения мира в Портсмуте, как известно, в России вспыхнуло то, что называется революцией.

Тогда Демчинский начал издавать газеты, и так как у него средств не было и он был человеком такого рода, что часто занимал деньги и их не отдавал, поэтому вечно был запутан. За произведенные работы он часто не платил ни типографщикам, ни рабочим; происходило это не столько из дурных качеств его натуры, как вследствие его крайней легкомысленности. Так вот Демчинский издавал газеты крайне либеральные с большими нападками на правительство. Пока я был председателем Совета министров, он выпадов против правительства не делал, когда же я ушел, то он начал делать весьма резкие выпады ³⁶.

Но скоро товарищ министра внутренних дел Крыжановский понял, что, в сущности, Демчинский такой же революционер, как сам он, Крыжановский, что у него это является следствием или увлечения, или расчета сорвать с кого-нибудь несколько тысяч рублей. И вот Крыжановский, воспользовавшись этой слабостью Демчинского, сначала, вероятно, посредством денег устроил так, что он перестал издавать свои газеты и вообще перестал писать, а потом Крыжановский направил его на так называемую грядковую культуру хлеба. Демчинский начал ездить по России и проповедовать грядковую культуру хлеба.

Так как во время войны он был в Китае, то там и заимствовал этот способ культивирования хлебов. В Китае действительно хлеб сажают грядками, так, как у нас, скажем, сажают капусту и овощи; поэтому в Китае все хлебные злаки чрезвычайной высоты: они в 3—4 раза выше, чем хлебные злаки у нас, так что в Китае они — выше человеческого роста. Демчинский, как талантливый человек, конечно, не мог не обратить на это внимания и не пожелать узнать, отчего это происходит. Выяснив способ культивирования хлебов в Китае посредством грядок, он вздумал применять этот способ и в России. В настоящее время происходит распространение грядковой культуры, и на это, кажется, министерство внутренних дел дает средства, а

Демчинский пропагандирует этот способ не только в России, но даже ездил пропагандировать его и за границу. Насколько этот способ может прочно привиться в России — я не берусь судить, но во всяком случае основа его мысли правильна, ибо, несомненно, этот способ культивирования хлебов дает в Китае громадные результаты и вообще в Китае сельское хозяйство крайне развито. Есть сторонники этого способа культивирования хлебов, но многие этот способ критикуют. Я в это особенно не вникал, но мне кажется, что вообще грядковое культивирование хлеба может иметь большое применение, но только в хозяйствах крупных помещиков, и едва ли у нас при наших бедных крестьянских хозяйствах (из которых большинство занимается культурой хлеба) этот способ может иметь в настоящее время какое-либо значение и во всяком случае широкое распространение в крестьянском хозяйстве. Но Демчинский, по-видимому, результатами своего пропагандирования чрезвычайно доволен³⁷. Еще вчера, хотя уже несколько лет я его не видел, я получил от него письмо из Москвы, в котором он пишет, что в течение нескольких лет был поглощен с головою этим делом (т. е. способом культивирования злаков), а потому у меня не бывал и не писал мне, но что теперь он в Москве успокоился, и так как его дело прочно поставлено и отлично идет, то ему, конечно, первым делом пришло в голову поблагодарить меня, так как в своей жизни он всегда был всем мне обязан.

Когда я был управляющим Юго-Западных железных дорог, я был весьма доволен своим положением, потому что получал очень большое содержание — гораздо больше, нежели я потом получал в качестве министра и председателя Комитета министров. Будучи управляющим Юго-Западными железными дорогами, я был человеком совершенно самостоятельным, потому что правление, зная мой характер, в мои дела не вмешивалось. Таким образом, я был сам по себе и нисколько не зависел ни от администрации, ни от кого-либо другого, имея громаднейшее дело на своих руках, потому что Юго-Западные железные дороги в это время были протяженностью до 3000 верст.

Во время моего пребывания в Киеве я был свидетелем еврейских беспорядков. Как они возникли, с чего начались — этого я хорошо не припоминаю, но помню, что, узнав о беспорядках, я пошел по городу и видел, с одной стороны, пьяную толпу, которая проходила по улицам, разбивая лавки и дома, в которых жили евреи (после тем же погромам подвергались и русские лавки), а с другой стороны — появились казаки, которые разгоняли всю эту толпу. Причем в то время, когда я был в Киеве, правительство не занималось науськиванием русского населения на евреев; происходило же это стихийно, помимо какого бы то ни было влияния правительственных агентов. Когда начинались беспорядки, то администрация справлялась с ними крайне энергично. Я помню, как казаки весьма сильно били толпу плетью³⁸.

Говоря о еврейских беспорядках в Киеве, я припоминаю также беспорядки, которые происходили в Одессе, и свидетелем которых я был. Когда я только что окончил курс в университете и поступил на Одесскую железную дорогу, то я жил в маленькой гостинице, которая называется «Неаполь» и стоит против греческой церкви. Генерал-губернатором в то время был граф Коцебу, старый человек, лет уже за 70. Я припоминаю, что когда начались эти стихийные беспорядки, то Коцебу ездил в это время верхом по городу и принимал самые энергичные меры, чтобы успокоить население; в это время комендантом города был генерал-лейтенант Олухов; на моих глазах тогда были выведены войска, пехота ходила на толпу со штыками, и я видел, как несколько раз люди из этой толпы были подняты на штыки.

Вообще правительство в то время смотрело на дело так, как и должно смотреть, а именно, что никаких беспорядков, никаких погромов против кого бы они ни были направлены — против русских или против евреев — государство терпеть не должно. И действительно, в то время расправлялись с беспорядками жестоко (как, впрочем, и надо с ними расправляться). Обыкновенно являлись войска, которые барабанным боем предупреждали толпу, чтобы она расходилась, и если толпа не уходила, то войско шло на толпу в штыки. Благодаря таким энергичным действиям со стороны правительства беспорядки были сразу

уничтожены. Толпу приводили на различные площади, как раз тогда ее привели на двор, находящийся перед греческой церковью, под окнами того номера гостиницы, где я жил, и там в течение нескольких часов драли розгами этих буянов.

Служа на железной дороге, я в то же время состоял и чиновником особых поручений при генерал-губернаторе графе Коцебу *). И вот в то время, когда граф Коцебу жил в Одессе, он однажды заболел и довольно сильно; из Киева выписали доктора, известного профессора Меринга, который прописал графу Коцебу лекарство и, между прочим, рекомендовал ему следующий странный и оригинальный способ лечения.

Коцебу, как истый немец, привык распределять свой день по часам и минутам, и вот в течение дня один час или полтора он катался со своей женою в коляске по городу. Когда граф Коцебу заболел и его начал лечить Меринг, то больной очень настаивал, чтобы ему можно было эти час-полтора кататься. Профессор же Меринг находил катание это для графа Коцебу нездоровым до тех пор, пока у него не пройдут некоторые явления. И вот как компромисс Меринг предписал ему следующее.

В генерал-губернаторском доме (в сущности, как я говорил, это — целый дворец) есть большой крытый двор. Кучер с выездным лакеем запрягали коляску, как следует для выезда, коляска эта останавливалась на дворе, затем выходил граф Коцебу со своей женой, садился в коляску и положенное число времени (1—1½ часа), вместо того чтобы ездить по городу, они стояли во дворе в этой коляске, запряженной лошадыми, и это считалось катанием по городу. Когда впоследствии в Киеве, познакомившись с Мерингом, я спросил его: зачем это он велел так делать, то Меринг ответил, что 1) граф Коцебу сам считал невозможным в этом отношении изменить свой образ жизни, а 2) и он, Меринг, считает, что вообще, когда люди находятся в известных летах, то самое вредное для них — изменять образ жизни; те люди, которые живут, как заведенные

*) Как известно, впоследствии граф Коцебу был генерал-губернатором и командующим войсками в Варшаве, где и умер.

часы, обыкновенно живут гораздо дольше, нежели те, которые вдруг изменяют свой образ жизни; очень часто случается, что, изменив свой образ жизни, они не выдерживают и умирают.

Когда я был в Киеве, то я там встречался с некоторыми лицами более или менее выдающимися, которые впоследствии оставили некоторые следы в дальнейших событиях России; вот о них-то я и хочу сказать несколько слов.

В Киеве жило чрезвычайно почтенное семейство Юзефовичей; г. Юзефович был очень почтенный русский человек, направления крайне правого, но человек серьезный, много читавший и знавший. У него было два сына, один сын был впоследствии управляющим канцелярией у графа Лорис-Меликова в то время когда граф Лорис-Меликов был диктатором в Петербурге, т. е., как говорили тогда, он был диктатором «сердца» (в сущности, он был диктатором «сердца государя»). Официальный же пост, который он занимал, был пост министра внутренних дел, а также начальника верховной комиссии.

Другой сын существует в настоящее время в Киеве, я уже о нем как-то раз упоминал, рассказывая о Гессе; это —, так что только можно удивляться, как это у таких почтенных родителей могут быть такие негодные дети.

Теперь я хочу сказать несколько слов о Лорис-Меликове, так как боюсь, что в последующем изложении забуду о нем рассказать. Итак, сейчас я припоминаю о нем следующее.

Будучи в Киеве управляющим Юго-Западными железными дорогами, я написал весь (общий) устав российских железных дорог, который, в сущности говоря, стал потом законом и до сих пор регулирует всю деятельность железных дорог, т. е. собственно эксплуатацию железных дорог. Так вот, когда комиссия графа Баранова закончила свои занятия, то граф Баранов представил этот самый устав в Государственный совет, причем там явилась большая

оппозиция этому уставу, в особенности его организационной части, потому что я проектировал в этом уставе совет по железнодорожным делам (который существует и в настоящее время, но я проектировал его на более автономных началах). Хотя совет, по моему проекту, и состоял при министерстве путей сообщения, но тем не менее министр путей сообщения не мог влиять на решение совета по железнодорожным делам. Я проектировал совет на началах автономных, чтобы министр путей сообщения являлся только председателем этого собрания. Вот это-то встретило большие возражения со стороны членов Государственного совета.

Так как граф Лорис-Меликов в то время был и министром внутренних дел и начальником верховной канцелярии, и, как его тогда прозвал Катков, «диктатором государева сердца», то он, конечно, играл громадную роль во всех государственных делах, а потому от него во многом зависело: будет ли принят устав железных дорог в том виде, как я его проектировал, или же он будет изменен, а может быть, совет по железнодорожным делам и совсем не будет принят Государственным советом.

В это время я вдруг получил телеграмму от графа Лорис-Меликова *), в которой он мне телеграфировал, что просит меня немедленно к нему приехать. Когда я приехал в Петербург, то дал ему об этом знать. Граф Лорис-Меликов попросил меня на следующий день приехать к нему в Царское Село, где он жил (в то время император Александр II жил в Царском Селе, в большом дворце, а он жил во флигеле, который идет от дворца). Я приехал к Лорис-Меликову; он сначала был очень занят, а потом пригласил меня завтракать с ним, мы завтракали наедине. Вот он со мною с первого абцуга и начал такой разговор: «А скажи, пожалуйста, душа мой, ты **) составлял устав?»

*) Когда я был мальчиком, то, может быть, и видел Лорис-Меликова в Тифлисе, но совершенно не помнил его. Старший же мой брат, драгун, который был потом контужен и умер от контузии, всю жизнь свою провел на Кавказе, был знаком с Лорис-Меликовым, и его Лорис-Меликов очень хорошо знал.

**) Граф Лорис-Меликов, как вообще все грузины и армяне, всех знакомых людей, или людей, которых он считал близкими, называл «на ты». А так как он знал отлично моего дядю, деда и брата, вообще все семейство, то он считал, что и меня он отлично знает.

— Да, — говорю, — я.

— Да, — говорит, — знаю, кто же другой. Ведь Баранов, почтенный человек, не мог же составить так; Анненков — тоже не мог... Да мне и сказали, что все это ты написал.

— Да, — говорю, — я.

— А скажи, пожалуйста, как ты думаешь, вот этот устав — против устава, в сущности, никто сильно и не возражает, а возражают против совета по железнодорожным делам, — скажи мне по совести, нужно, чтобы этот совет прошел или не нужно? Вот, — говорит, — министр путей сообщения Посьет рвет и мечет против этого совета, а почтенный Баранов настаивает на необходимости этого совета; вот ты мне по совести и скажи: нужно проводить этот совет, как ты думаешь?

Я ему говорю:

— Видите, граф, с одной стороны, в сущности, если министр путей сообщения порядочный человек, если он знает свое дело, то, конечно, совета не нужно, потому что это есть известный тормоз для деятельности министра, а с другой стороны — я вот с тех пор, как существуют у нас железные дороги, не видел и не помню ни одного министра путей сообщения, который бы знал дело и который действительно был бы более или менее в деле авторитетен. Вот при таких условиях, конечно, лучше управляться коллегией, т. е. советом по железнодорожным делам, нежели министром путей сообщения.

Затем он спросил меня:

— А ты бы мог указать на кого-нибудь, как на министра путей сообщения?

Я ему указал на Ивана Григорьевича Дервиза, брата того Дервиза, о котором я говорил прежде. Он был в то время председателем правления Рязанско-Козловской железной дороги. Этот Дервиз кончил курс правоведения и был очень толковым, умным и знающим человеком; он много служил на железных дорогах, поэтому знал железнодорожное дело, так сказать, всю эту кухню министерства путей сообщения.

Но так как я не рассчитывал (и, как оказалось впоследствии, был совершенно прав), чтобы Лорис-Меликов мог провести Дервиза в министры путей сообщения, то и

продолжал настаивать, чтобы граф провел этот железнодорожный устав непременно с советом железнодорожных дел и чтобы совет этот провел так, как я его проектировал, т. е. чтобы права министра путей сообщения были этим советом ограничены, чтобы этот совет не был игрушкой в руках министра путей сообщения. Я так настойчиво несколько раз повторял ему это, что, очевидно, своей пастойчивостью раздражил его, и Лорис-Меликов мне сказал:

— Что ты, душа мой, мне одно и то же толкуешь. Проведи да проводи, проводи да проводи... Тебе хорошо говорить, а ты думаешь, это так же легко сделать, как сказать? А вот что я тебе скажу: когда я был совсем молодым офицером лейб-гусарского полка, то на нас, на молодых офицеров, большое влияние имели фельдфебели и унтер-офицеры, потому что без них молодой офицер ничего не может поделать... Кроме того, я вечно еще сидел на гауптвахте. И вот как-то раз, когда один фельдфебель выдавал свою дочку замуж, то он пригласил на свадьбу молодых офицеров того эскадрона, в котором он был фельдфебелем. Мы пришли... я и еще несколько моих товарищей. Сначала была свадьба, потом был обед, а после обеда был бал... Начался бал полькой — так себе шла... потом кадрили, а затем мазурка... Вот мазурку никто не умел танцевать... кавалеры стоят как мумии... Тогда фельдфебель говорит: я,— говорит,— этих писарей (большинство кавалеров на балу были писаря) сейчас выучу... Позвал писарей и говорит: дамы, чтобы танцевать мазурку,— должны только бегать, а вы,— говорит,— чтобы танцевать мазурку, должны так делать: погами делайте, что хотите, а в голове такт держите, тогда и выйдет мазурка. Так вот (продолжал Лорис-Меликов) ты мне говоришь: сделай да сделай, ты болтаешь, болтаешь, а мне в голове надо такт держать, если я,— говорит,— не буду в голове такт держать, то, пожалуй, меня государь,— говорит,— выгонит.

В конце концов, этот устав прошел, и совет по железнодорожным делам был принят, но прошел совет с различными изменениями, так что он далеко не в такой степени ограничивает власть министра путей сообщения, как это первоначально мною проектировалось.

Во время моего пребывания в Киеве там жила великая княгиня Александра Петровна, супруга великого князя Николая Николаевича (старшего), сестра принца Ольденбургского и мать великих князей (которые теперь играют роль) — великого князя Николая Николаевича (младшего), главнокомандующего войсками Петербургского военного округа, и великого князя Петра Николаевича, который еще недавно был начальником военного инженерного ведомства и инспектором военных инженеров.

Великая княгиня Александра Петровна не была особенно счастлива в браке. Имела двух сыновей, а затем со своим мужем не жила.

Великий князь Николай Николаевич старший (его звали «старшим» в отличие от его сына, тоже Николая Николаевича, которого зовут «младшим»), как известно, жил с танцовщицей Числовой и от нее прижил дочь, которой была дана фамилия Николаевой; теперь она замужем за князем Кантакузенем, и в царской семье — по крайней мере великий князь Михаил Николаевич и вообще все Михайловичи — ее признают как бы за родственницу³⁹.

Почему супружество великой княгини Александры Петровны с великим князем Николаем Николаевичем было неудачно — постороннему человеку трудно судить. Судить со стороны о причинах, почему муж хорошо живет с женой и почему часто брак является несчастным, очень трудно, даже зная все обстоятельства дела, а в данном случае все обстоятельства дела никому не известны, а потому приходится ограничиться одними предположениями. Мне кажется, что вина была с обеих сторон. С одной стороны, великий князь Николай Николаевич любил несколько жуировать и веселиться, а, с другой стороны, великая княгиня Александра Петровна была в некоторой степени аномальной, хотя она была человеком прекрасной души, очень почтенная и неглупая

. Рельефный образец этого аномального типа представляет собою Александр Петрович Ольденбургский, который ныне занимается Гаграми и устроил институт экспериментальной медицины.

Когда я был министром финансов, то я просил принца Александра Петровича взять на себя управление попечи-

тельством о народной трезвости в Петербурге; он на это согласился, и благодаря его энергии устроен Народный дом императора Николая II, который является, пожалуй, единственным учреждением для увеселения низшего класса

*)

Как известно, Ольденбургские (т. е. русские Ольденбургские) произошли от брака великой княжны Екатерины Павловны, дочери императора Павла I, которую брат ее император Александр Павлович выдал за принца Георгия Ольденбургского. Этот Ольденбургский императором Александром Павловичем был назначен генерал-губернатором в Тверь, где и умер. У него были дети и между ними сын Петр Георгиевич, который впоследствии играл роль при императоре Николае Павловиче и в особенности при императоре Александре Николаевиче. Этот принц Петр Георгиевич известен различными своими делами на почве благотворительности; между прочим, он создал школу правоведения, которая нам дала так много юристов, вполне почтенных людей, хотя вообще воспитанники привилегированных школ носят на себе известную печать какой-то неподелки.

По истории нам известно, что император Павел был человек аномальный, и вот эта аномальность проявилась во всех этих Ольденбургских, минуя дочь — Екатерину Павловну, так как, судя по истории, по тому, что нам известно, великая княгиня Екатерина Павловна была женщина вполне нормальная, притом в высокой степени культурная и умная, что явствует из ее переписки, еще

*). См. т. 2 настоящего издания, стр. 567—568.— *Ред*

недавно опубликованной, между императором Александром I и ею. Из этой переписки видно, что император Александр I пользовался вполне ее советами, и советы ее были всегда в высокой степени толковы и разумны.

У принца Петра Георгиевича была дочь и трое сыновей.

Дочь Александра Петровна была замужем за великим князем Николаем Николаевичем.

Затем, сын Петра Георгиевича — Александр Петрович, который до настоящего времени жив и проявляет вполне свою аномальность; вместе с тем известен своей весьма полезной деятельностью.

Второй сын Петра Георгиевича — Константин Петрович Это был болюшущий весельчак, всю жизнь кутил и несколько лет тому назад умер в Ницце.

Возвращусь к Александре Петровне.

Из газет сделалось известным, что у нее отнялись ноги, что в Петербурге она от этого вылечиться не может и потому ей советовали лечиться морским воздухом, почему ее и отравили путешествовать на море.

Факт тем не менее тот, что, когда я жил в Киеве, туда приехала Александра Петровна после того, как она совершила продолжительное путешествие морем — из Петербурга в Одессу. Приехав в Киев, она остановилась во дворце.

Во времена Николая Павловича в Киеве был дворец, который хотя и был дворцом, но там всегда жил генерал-губернатор, и он впоследствии был домом генерал-губернатора. Уже во времена императора Александра II был построен совершенно особый дворец гораздо больших размеров, на прекрасном месте, на Днепре.

Вот в этом-то дворце и остановилась великая княгиня. При ней состоял гофмейстер Ростовцев, который прежде был адъютантом великого князя Николая Николаевича старшего (супруга Александры Петровны); затем Ростовцев перешел на гражданскую службу и, как я уже сказал, состоял гофмейстером.

Этот Александр Александрович Ростовцев был милейший, очень воспитанный человек, очень веселого нрава,

очень забавный, но также совсем почти без ног, так что он с большим трудом мог ходить.

Вместе с великой княгиней Александрой Петровной приехал в Киев и священник Лебедев.

Все жившие в Липках, занимавшие, если можно так выразиться, видное положение, представлялись великой княгине, в том числе и я с женой. Великая княгиня просила меня с женой бывать у нее и без ее приглашения по вечерам. Я часто бывал у великой княгини, причем ее я или совсем не видал, или в тех случаях, когда служилась вечерня, видел мельком.

Большей частью мы играли в карты и ужасным любителем карточной игры (мы играли по очень маленькой в винт) был священник Лебедев. И великая княгиня, приглашая несколько человек приходить по вечерам играть в карты, очевидно, имела в виду сделать этим удовольствие священнику Лебедеву. Иногда во время игры ее привозили на кресле.

Этот священник Лебедев был лицом некрасивый, служил он очень торжественно. Когда происходила служба (которую он служил), то она была обыкновенно прекрасно обставлена, были всегда очень хорошие певчие; вообще, служил он всегда образцово. Манеры были у него самые простые; вообще он был очень мало обтесан и лицом, пожалуй, несимпатичен. Всегда одевался в шелка и канаус и вообще франтил настолько, насколько священник может франтить. По-видимому, он имел подавляющее влияние на великую княгиню Александру Петровну. Она его, несомненно, более нежели любила, но тем не менее видя этого священника у великой княгини очень часто и в различной обстановке, я пришел к глубокому убеждению, что между ними, кроме платонических отношений, ничего не было. Это была просто какая-то психопатическая любовь, признак именно той психической аномальности, которую великая княгиня унаследовала от своего прадеда, императора Павла.

Во время пребывания великой княгини в Киеве к ней часто приезжали ее сыновья — великий князь Николай Николаевич, теперешний главнокомандующий С.-Петербур-

бургского военного округа, и Петр Николаевич. Первый был тогда капитаном Генерального штаба, даже не флигель-адъютантом, а второй только что был произведен в корнеты (тоже не был флигель-адъютантом).

Петр Николаевич был очень милый малый, каким он остался и по настоящее время, но весьма ограниченный и с точки зрения деловой — человек совершенно ничтожный.

Великий князь Николай Николаевич и в те времена уже несколько отличался от других великих князей тем, что был офицером Генерального штаба, т. е. будто бы окончил курс в академии Генерального штаба. Насколько это окончание было серьезно — мне неизвестно. Во всяком случае великий князь Николай Николаевич был и есть гораздо умнее своего брата. Вообще Николай Николаевич человек безусловно не глупый, но унаследовавший в полном объеме психическую ненормальность своего прадеда, императора Павла. И, по мере того как он мужал, эта психическая аномальность все более и более проявлялась и, наконец, проявилась с особой силой в последние 5—6 лет, во время так называемой революции и в последующих событиях до настоящего времени. Эта его ненормальность имела крайне пагубное влияние на некоторые государственные дела и весьма рельефно проявилась в различных семейных отношениях в царской семье. Может быть, со временем я буду иметь случай несколько на этом остановиться, т. е. рассказать о некоторых аномальностях этого великого князя. Во всяком случае они мною будут рассказаны и уже отчасти рассказаны в моих «политических мемуарах».

В то время, о котором я рассказываю, великий князь Николай Николаевич был совсем молодым офицером, и мы с ним каждый день по вечерам «винтили»: он, я, священник Лебедев, Ростовцев и иногда кто-нибудь из приглашенных киевлян. Так как большей частью приезжал он летом, то, когда было жарко, мы очень часто по вечерам играли, сняв куртки, просто в рубашках и жилетах.

Как-то раз помню, когда мы так играли, священник Лебедев сказал что-то великому князю об императоре Николае I, фраза эта была довольно фамильярна по отношению к великому князю Николаю Николаевичу. Тогда Николай Николаевич вскочил и закричал: «Не забывайте, что вы

говорите о моем деде». Но потом сейчас же опять сел и продолжал довольно спокойно играть.

Великая княгиня Александра Петровна была большая ханжа. Она была весьма религиозна, но религиозность эта проявлялась в большом ханжестве.

Затем у нее, как я уже говорил, были отняты ноги, по это бездействие ног было чисто нервное явление, потому что я сам видел, как вдруг она встанет и хотя не долго, но все же ходит.

Впоследствии, когда я переехал из Киева в Петербург, я имел случай видеть ее ходящей подолгу.

Вероятно, рассказы о священнике Лебедеве, о великой княгине, о том, что Лебедев чересчур распоряжается, дошли до слуха императора Александра III. Император Александр III вообще шутить не любил и держал всю царскую семью в большом респекте.

В конце концов последовало распоряжение, чтобы великая княгиня Александра Петровна освободила дворец под тем предлогом, что император скоро собирается в Киев. Хотя этот приезд императора в Киев несколько не мог бы сам по себе вынудить великую княгиню выехать из дворца, потому что дворец громаден, и император приезжал в Киев всего на несколько дней (что в действительности так и было; император в Киеве оставался только несколько дней, о чем я буду говорить впоследствии).

Очевидно, это распоряжение было вызвано просто недовольством, было вызвано тем, что во дворце живет священник Лебедев; что по этому поводу ходят различные слухи и что священник Лебедев во всяком случае не держит себя так, как должен себя держать обыкновенный священник.

Тогда они нашли дом там же в Липках, устроили домашнюю церковь, и великая княгиня переехала туда, и там священник Лебедев продолжал играть прежнюю роль.

Кроме двух сыновей — великих князей — Николая Николаевича и Петра Николаевича, я встретился и познакомился там с принцем Константином Петровичем Ольденбургским. Константин Петрович приехал с Кавказа (из Кутаиса), где он командовал полком; с ним приехала и

его жена — имеретинка, которой был дан графский титул — графини Зарникау; в настоящее время она живет в Петербурге.

Когда Константин Петрович приезжал в Киев к своей сестре, то было видно, что она его очень любит, но стоило поговорить с Константином Петровичем хоть раз, чтобы убедиться, что это — кутила, находящийся по уши в долгах. Когда он был в Кисее, он сумел познакомиться с Львом Бродским, очень богатым евреем, был несколько раз у него и, конечно, признался денег. Вернул ли он ему деньги или не вернул, я не знаю.

Он был выслан из Петербурга на Кавказ именно вследствие того, что он очень кутил.

На Кавказе он влюбился в жену одного офицера из туземцев и в конце концов, после того как развел ее с мужем, должен был на ней жениться.

Она была очень неглупая женщина — очень милая, порядочная, но в те времена она была очень мало культурна; например, она очень плохо говорила по-французски.

После смерти императора Александра III царствующий император Николай II вообще распустил всю царскую семью; он не сумел держать ее так строго, как держал его отец, что, впрочем, довольно естественно, ввиду того, что при вступлении на престол он был очень молод.

Когда принц Константин Петрович Ольденбургский вернулся с Кавказа и жил в Петербурге, то мне известно, что он несколько раз брал деньги у государя, который в этом отношении очень добр и свои деньги легко раздает. Выпрашивал он и у своего брата Александра Петровича, который очень скуп и который умеет считать свои деньги; если он и открывает различные благотворительные учреждения, то все это он делает всегда на счет казны, а сам своих денег никогда не даст.

У этого принца Константина Петровича были три дочери и, кажется, три сына.

Старшая его дочь вышла замуж за князя Юрьевского, сына императора Александра II от морганатического брака его с княжной Долгорукой.

Младшая вышла замуж за морского офицера Плен, ничего собою не представлявшего, и средняя — полу-

идиотка — живет всегда в лечебнице. Сыновей же его я знал совсем мальчишками, давно их не видел и не знаю, что они собою представляют.

Старшую дочь, которая была замужем за князем Юрьевским, брат моего зятя — Лев Нарышкин — развел и женился на ней. Теперь, так как я нахожусь с Львом Нарышкиным в свойстве, то за границей вижу ее довольно часто. Она очень милая барыня, но также, по моему мнению, ненормальная. Итак, на всех Ольденбургских лежит какая-то печать совершенной ненормальности. Это — наследство от императора Павла, а император Павел, как известно, получил эти свойства своей натуры от отца, императора Петра III, который был задушен не без участия императрицы Екатерины II, во всяком случае, если даже и без участия, то не без ее ведома.

Когда уже я переехал в Петербург, то, вероятно, до императора Александра III опять начали доходить различные разговоры о том, что священник Лебедев крайне себя афишировал. Но так как я был, как уже сказал, в то время в Петербурге, то подробностей не знаю. Мне известно только, что в конце концов Лебедев должен был оставить Киев и переехать в Петербург, где он числился священником при домашней церкви дворца великого князя Николая Николаевича.

Великая княгиня, оставшись одна в Киеве, купила себе большую усадьбу (совсем в другой местности города Киева — не в Липках) и там устроила нечто вроде, с одной стороны, больницы, а с другой стороны — монастыря. С этих пор она заведовала этим делом, и я, когда приезжал в Киев, будучи министром, часто бывал у нее. Вообще между мною и великой княгиней Александрой Петровной сохранились самые хорошие отношения; она очень часто писала мне самые милые и внимательные письма, и я с своей стороны, где мог, оказывал ей в ее делах содействие, конечно, большей частью моими советами. Основанное ею учреждение (т. е. род больницы и монастыря), несомненно, очень полезное. Там она и похоронена.

Я думаю, если бы великая княгиня была теперь жива, она ужасно была бы удивлена, узнав о различных эпизо-

дах, возникших впоследствии между мною и ее сыном, великим князем Николаем Николаевичем, нынешним главным командующим Петербургским военным округом.

В Киеве я встретился с Пихно, нынешним членом Государственного совета, играющим в настоящее время некоторую роль в совете.

Когда я еще был в Киеве, я имел с этим Дмитрием Ивановичем Пихно различные столкновения, так как обыкновенно мы с ним постоянно расходились в наших взглядах. И теперь, в настоящую даже минуту, я имею с ним в Государственном совете столкновения по вопросу о введении земства в западных губерниях.

Этот Дмитрий Иванович Пихно, в сущности говоря, человек недурной, мало образованный в заграничном смысле: за границей мало бывал, совсем не знает языков, не знает заграничную науку, совсем не знает культуру заграничную, но по природе он человек умный; долго был профессором (кажется, статистики, во всяком случае какой-то экономической науки) в Киеве; был редактором «Киевлянина»; вообще он представляет собою человека довольно выдающегося в общественной деятельности России.

Конечно, когда Д. И. Пихно умрет, то о нем через несколько месяцев забудут, но во время своей жизни он играет некоторую роль.

Пихно — сын зажиточного крестьянина, кончил курс в какой-то гимназии Киевского учебного округа; окончив гимназию, он поступил на юридический факультет Киевского университета. Так как средства Пихно были очень малы, то он занимался уроками и был репортером в газете «Киевлянин».

В это время «Киевлянина» издавал известный профессор Шульгин. Он как ученый ничем не выделялся, но как профессор он был одним из очень талантливых лекторов. Лекции его (он читал всеобщую историю) были превосходны как в университете, так и в других учебных заведениях. Он издал учебник по всеобщей истории, по этому учебнику учился и я, да вообще в конце 60—70-х годов по этому

учебнику Шульгина все кончал курс в гимназиях, а также державшие в то время экзамены в русских гимназиях готовились по этому же учебнику, который был очень интересен составлен. Вот этот Шульгин был назначен редактором правительственного листка в Киеве — «Киевлянина», — а затем этот правительственный листок сделался его собственностью. В то время «Киевлянин» имел очень малое распространение, но благодаря таланту Шульгина этот листок вскоре очень сильно распространился. Шульгин был профессором не только в университете, но также преподавал в институте благородных девиц. Так как он был очень красноречив, то девицы-институтки им увлекались, хотя наружность его была крайне уродлива — он был горбатый и, кроме того, в то время он был довольно стар (это было в середине 60-х годов).

И вот одна институтка, только что окончившая курс в этом учреждении, очень красивая (фамилии ее не помню) до того в него влюбилась, что сама его просила, чтобы он на ней женился. Шульгин женился на ней; в это время, можно сказать, он был стариком, а она — совершенной девочкой. Но, конечно, это увлечение как к профессору и лектору прошло, когда она сделалась его женой и узнала тайны жизни.

Пихно был корреспондентом «Киевлянина» и очень способным корреспондентом

После смерти Шульгина остались дочь (старшая) и сын.

Сын Шульгина ныне состоит членом Государственной думы.

Пихно в это время много уже лет был профессором в Киевском университете и редактором «Киевлянина». В профессора его выдвинул Николай Христоанович Бунге, бывший ректор Киевского университета, а потом министр финансов. Пихно был из числа тех учеников Бунге, к которым последний благоволил. Произошло это потому, что Бунге был товарищем Шульгина, они были очень близки между собою, и так как Пихно был любимцем Шульгиной и занимался постоянно в редакции «Киевлянина», то, очевидно, Шульгин оказал протекцию Пихно у Бунге.

Вот когда вследствие изложенных обстоятельств Пихно не мог оставаться в Киеве, Бунге, который в это время сделался министром финансов, перевел Пихно в Петербург и предоставил ему место члена совета по железнодорожным делам (именно того совета, о котором я уже говорил ранее и который, собственно, был создан по моей инициативе). Пихно состоял членом этого совета от министерства финансов.

Бунге в то время считался очень либеральным министром и находился в несогласии с Константином Петровичем Победоносцевым, который был представителем крайне консервативного направления. Бунге привлек к себе из Киева, кроме Пихно, еще и Картавцева, который и сделался управляющим Дворянским и Крестьянским банками.

Победоносцев начал вести войну против Картавцева и Пихно, а, в сущности говоря, против Бунге, указывая, что все они крайне либеральны. Вследствие этого, как известно, Картавцев лишился своего места; что же касается Пихно, то относительно него не было явных причин, чтобы заставить его покинуть место (Картавцев лишился места, потому что на него жаловались все дворяне, а император Александр III имел особенную склонность к дворянам и крайне поддерживал их интересы). Тогда Константин Петрович раскопал это дело, а именно, что Пихно ... женился он чуть ли не в Румынии, что брак этот был сделан в несоответствии с регламентом нашей церкви, следовательно незаконно, о чем Победоносцев и довел до сведения императора Александра III. Поэтому Пихно должен был покинуть Петербург, вернуться восвояси, в Киев, где и продолжал свои прежние занятия.

Когда я приехал в Киев, Пихно уже издавал и редактировал «Киевлянина», и так как он был учеником Бунге и находился в известных отношениях с Шульгиным, то газета эта велась в довольно либеральном направлении, в особенности с тех пор, как сам Пихно начал вести ее⁴⁰.

В то время он же иногда писал в «Московских ведомостях» у Каткова и у Аксакова в «Руси». К моему складу ума более подходило направление, которого держался Аксаков⁴¹.

В вопросах экономических, финансовых и вообще в политических вопросах я довольно сильно расходился с моим предшественником по министерству финансов — Николаем Христиановичем Бунге, который благодаря мне оставил ректорство в Киевском университете и получил пост товарища министра финансов в Петербурге. Случилось это следующим образом: когда я по вызову графа Лорис-Меликова был в Петербурге (об этом свидании я ранее уже рассказывал), то, после того как я рекомендовал на место министра путей сообщения Ивана Григорьевича фон Дервиза, зашла речь о том, кем заменить министра финансов; в то время министром финансов был адмирал Грейг, который раньше занимал место государственного контролера; нужно признать, что в финансах он был чрезвычайно слаб, вообще это был один из наиболее слабых министров финансов в России. И вот в разговоре я указал графу Лорис-Меликову на Бунге, как на человека, которого, как ученого финансиста я ставил и до настоящего времени ставлю очень высоко. По моему мнению, Н. Х. Бунге был одним из лучших в России профессоров по финансовому праву; человек он был вообще в высокой степени образованный и почтенный; от других министров финансов он отличался тем, что он занимался законами денежного обращения. В России этим вопросом занимался только он и профессор Вагнер.

Профессор Вагнер был профессором финансового права в Дерптском университете, затем, при преобразовании Дерптского университета, он покинул Дерпт (Юрьев) и переехал в Берлин, и так как проф. Вагнер пользовался большим научным авторитетом, то он получил кафедру финансового права в Берлинском университете. Проф. Вагнер жив до настоящего времени, в последнее время он играл большую роль даже в вопросах общефинансовой политики государства. К его советам часто прибегали как прежние императоры, так и нынешний император Вильгельм II. В то время вопрос об установлении правильного денежного обращения был самым главным для России, потому что без этого нельзя было установить и упрочить наши финансы... Так как Бунге этот вопрос изучал и был убежденным сторонником необходимости восстановить металлическое обращение, основанное на золоте, то я на

него и указал графу Лорис-Меликову, и вследствие моего указания Бунге через несколько месяцев получил предложение занять пост товарища министра финансов.

Произошло это следующим образом: граф Лорис-Меликов доложил императору Александру II о Бунге, но император, не желая обижать Грейга, пазпачил его (т. е. Бунге) товарищем Грейга. Затем Грейг скоро оставил пост министра финансов, и вместо него министром финансов сделался Абаза, который также недолго состоял министром финансов, и в конце концов этот пост занял Бунге.

Так вот я начал говорить о том, что Пихно держался довольно либерального направления и часто нападал на железнодорожную политику в России вообще и на Юго-Западные дороги, в частности. Мы не сходились с ним и в финансовых вопросах; он держался и в финансах направления более либерального, а я — более консервативного.

Все это вместе взятое вынудило меня принять участие в основании газеты (в Киеве) «Киевское слово».

Случилось это таким образом: у Пихно его заместителем был профессор Антонович, который в университете читал полицейское право, а также был доктором финансового права. Этот Антонович представлял собою тип хитрого малоросса, который был угодлив в отношении своего коллеги и начальника по газете — Пихно, но не сочувствовал его направлению. Мне случилось познакомиться с этим Антоновичем. Он мечтал, как бы ему отделаться от Пихно, и, так как я не хотел взять на себя открытие газеты в Киеве, потому что я считал, что это положение несовместимо с местом управляющего Юго-Западными дорогами, то в конце концов газета эта была открыта на имя Антоновича, и Антонович сделался как ее редактором, так и издателем.

Когда этот орган был открыт, то мы постоянно вели там полемику по всем вопросам, так как вообще, как я уже говорил, я с Пихно не сходиллся, мы были различных направлений, причем он был гораздо более либерального, нежели я. Больше всего мы с ним сталкивались относительно вопроса об эксплуатации железных дорог, о преимуществах казенной эксплуатации и частной эксплуатации. Он был защитником казенной эксплуатации и сильного вмеша-

тельства государства в дела частных обществ (в особенности в железнодорожный тариф), я же держался несколько иного направления.

Эта постоянная полемика, которую я вел с Пихно в газетах, привела меня в конце концов к тому, что я решил написать теорию железнодорожных тарифов. Будучи в 80-х годах в Мариенбаде и проходя там курс лечения, я исполнил это свое желание и написал книгу «Принципы железнодорожных тарифов», которая со временем стала довольно известной. Когда разошлось первое издание, то я, как-то раз тоже будучи на водах за границей, несколько ее усовершенствовал и увеличил, и книга эта вышла вторым изданием, а в прошлом году она, наконец, вышла третьим изданием. Хотя эта книга несколько устарела, потому что я ее написал 30 лет тому назад, тем не менее она до настоящего времени служит руководством почти для всех железнодорожных деятелей, занимающихся тарифами и вообще экономической частью железных дорог.

Полемика наша с Пихно по поводу тарифов дала ему матерпал для составления докторской диссертации, которую он написал через 1—2 года после издания моей книги «Принципы железнодорожных тарифов». Эта диссертация была представлена в Киевский университет для получения ученой степени доктора финансового права. Таким образом, благодаря полемике, которую я вел с Пихно, он сделался доктором финансового права и ординарным профессором в университете.

Когда я переехал в Петербург, то с Пихно несколько лет совсем не встречался. Встретился я с ним, когда было образовано высочайше утвержденное сельскохозяйственное совещание, в котором я был председателем. Так как это совещание было образовано, когда я еще был министром финансов, то я в нем председательствовал, будучи сначала министром финансов *), а потом председателем Комитета министров ⁴².

*) Это было в последние годы, когда я был министром финансов.

Когда в совещании рассматривался крестьянский вопрос, то я, между прочим, в качестве эксперта пригласил на это заседание Пихно. Вот тогда мне пришлось снова с ним встретиться, причем Пихно в то время был довольно либерального направления: так,

В то время в Киевском университете было довольно много профессоров, более или менее выдающихся. Так, например, на медицинском факультете был старик Меринг и известный хирург Караваев.

Меринг окончил курс на медицинском факультете где-то за границей. Будучи немцем по происхождению, он говорил по-русски с большим немецким акцентом.

Приехал он в Россию на какой-то сахарный завод, по приглашению помещика, которому этот завод принадлежал. Сначала Меринг был врачом на этом заводе. Оказался он человеком очень талантливым, скоро выучил русский язык и постепенно распространил свою практику, а так как завод, на котором он служил, был недалеко от Киева, то, в конце концов, он переехал в Киев. Тут он выдержал экзамен, получил звание доктора медицины и сделался профессором в университете по внутренним болезням. Женился он на Иваненко (фамилия эта — довольно известная на юге, так как Иваненко очень часто были предводителями дворянства в Черниговской губернии).

он убеждал меня, что необходимо сделать первый шаг на пути ограничения самодержавия, и советовал такой шаг в этом направлении: чтобы все дела, которые рассматриваются в Государственном совете, восходили к государю лишь в том случае, если большинство Государственного совета одобрит данный закон; но чтобы дела не доходили до государя в тех случаях, когда большинство Государственного совета будет против рассматриваемого закона. Иначе говоря, чтобы государь был волен утвердить или не утвердить решение Государственного совета, но только тогда, когда за него выскажется большинство, а если за него выскажется меньшинство, то государь не может быть вместе с этим меньшинством. Затем, когда в 1905 году вспыхнула так называемая наша революция, то Пихно сразу, как сумасшедший, ринулся на правую сторону и, сделавшись адептом «Союза русского народа», начал проповедовать самые крайние реакционные мысли в «Киевлянине». Так что мы тогда переменялись с ним ролями. Я приблизительно придерживался тех же самых политических идей, какие у меня были раньше, когда я жил в Киеве, т. е. более или менее консервативных, между тем как Пихно в то время был идеей либеральных, но после 1905 года я по сравнению с ним сделался большим либералом.

Вследствие такого крайнего черносотенного направления, конечно, Пихно был сделан членом Государственного совета и теперь там отличается своими черносотенными взглядами.

Что касается Антоновича, то он, так же как и Бунге, занимался вопросом денежного обращения. По этому предмету он написал как магистерскую, так и докторскую диссертации, но книги

В конце концов постепенно Меринг приобрел такую громадную медицинскую практику, что, можно сказать, на юге считался медицинским светилом. Его постоянно приглашали на все консилиумы, и клиника его в Киевском университете считалась отличной; в этой клинике доктора приобретали массу знаний. Вообще как профессор и как медик Меринг пользовался большой известностью. Он составил себе очень большое состояние.

Но составил он себе состояние не столько платой за лечение и консилиумы, сколько иным путем, а именно: он всю еврейскую бедноту лечил даром; никогда не брал с них денег; никогда не отказывал этим бедным евреям, и

его, конечно, были гораздо более слабы, нежели работы Бунге. Антонович был человек непрочный в своих научных убеждениях.

Когда я сделался министром финансов, то он очень просил меня, чтобы я его сделал своим товарищем. Когда открылось место одного из товарищей министра финансов, я это место предложил Антоновичу, и он в течение года с чем-то был у меня товарищем по моему посту министра финансов. И вот здесь, когда мне пришлось видеть его на деле, я узнал о его полной несостоятельности в этом отношении. Манера его говорить и манера выражаться были совсем не подходящими для тех учреждений, в которых товарищам министра часто приходится бывать, а именно, для Комитета министров и для Государственного совета. Затем человек он был, в сущности говоря, добрый, недурного сердца, но обращался с подчиненными так, что не мог внушить к себе (с их стороны) никакого уважения. Вообще он был типичный хохол-провинциал и к тому же с большой хитрецей. Все это вместе взятое вынудило меня с ним расстаться. Я упросил государя, чтобы его сделать членом совета министра народного просвещения, дать ему содержание в 8000 руб. и разрешить ему жить, где он хочет. Все это было исполнено. Антонович купил себе имение, поселился где-то в Волынской губернии и там живет. Иногда он приезжает в Киев; конечно, он сделался моим врагом. Так что после 1905 года Антонович и Пихно в известной мере сошлись, хотя одно время они были большими врагами. Сошлись они именно на том, что оба они, и Пихно, и Антонович, для карьеристских целей сделались ярыми черпосотенцами. Это привело Пихно в Государственный совет, а что касается Антоновича, то он остался у себя в имении, а теперь живет в Киеве, кажется, на пенсии.

Вообще между Пихно и Антоновичем есть большая разница. Я думаю, что Антонович как профессор был почти одинакового калибра с Пихно, может быть, даже выше его; книги Антоновича также, мне кажется, более талантливы, чем книги Пихно, но по природе Пихно, несомненно, человек более умный, определенный и более характерный.

если были тяжело больные, то ездил лечить их в их бедные еврейские лачуги. Вследствие этого Меринг приобрел громадную популярность среди низшего класса евреев, и для того, чтобы его отблагодарить, евреи постоянно указывали ему различные дела, покупку различных домов, имений и пр., относительно которых можно было предпологать, что они могут быть перепроданы на выгодных условиях. И вот Меринг, руководствуясь советами этих евреев, которых он знал множество благодаря своей обширнейшей бесплатной практике, постоянно покупал и продавал различные имения и вообще недвижимости. И в сущности состояние он нажил именно на этих операциях. Так, в Киеве в мое время, т. е. в 80-х годах, дом Меринга находился на главной улице — Крещатике, за домом шел громадный парк, который поднимался вплоть до Липок. Прежде он купил это место, вероятно, подешевитно, в мое время оно расценивалось уже по саженьям, а теперь, вероятно, место это ценится по аршинам. В настоящее время это место уже разобрано, проведены улицы, и на этом Меринг должен был нажить очень много денег. Кроме этой покупки, этой аферы, у него много было других различных афер по части имений.

Сын этого Меринга кончил курс в Киевском университете и переехал за границу изучать астрономию. Отец его желал вообще, чтобы он сделался профессором астрономии, но он бросил эту карьеру и переехал в Киев, когда министром финансов был Вышнеградский.

Впоследствии он женился на дочери моей первой жены, и после того разорился.

Я помню, старик Меринг, который был в высокой степени почтенным человеком, говоря со мной о сыне, крайне сожалел; он говорил, что из сына его ровно ничего не выйдет, что, будучи отличным математиком, сын его не хочет быть профессором, не хочет держать экзамена на доцента по астрономии, что у него характер игрока, что, несомненно, он со своим характером кончит дурно, потому что по натуре он игрок. Так это и случилось.

Сам Меринг был почтеннейший человек; он пользовался общим уважением не только в Киеве, но и во всем Юго-Западном крае. В Киеве же, можно сказать, его знала каждая собака.

Ездил Меринг в фээтоне, на двух страшных клячах. Запряжены в фээтон эти клячи были по целым дням, так что они еле-еле двигали ногами. Когда вдали появлялся фээтон в виде балдахина, запряженный двумя клячами, то все уже знали, что это едет Меринг.

Как-то раз по случаю болезни моей первой жены Меринг приехал ко мне. Входит он и улыбается. Я спрашиваю: почему, Федор Федорович, улыбаетесь?

— Какой,— говорит,— со мной произошел сейчас случай... (Он говорил с немецким акцентом.) Мой кучер заболел, и вот я взял кучером другого человека, который мне служит,— садовника. Вот,— говорит,— мы поехали, вдруг кучер испугался и кричит мне: «Барин, барин, лошади несут». Тогда я смотрю, а лошадь обернула голову, смотрит на меня и смеется. Так,— говорит,— лошади показалось смешно, что ее кучер испугался.

И действительно, как они могли понести, когда еле-еле ноги тащили?

У этого Меринга была странная болезнь, от которой он и умер. Про свою болезнь он сам говорил, что это так называемая «слоновая нога». Заключалась она в том, что нога все время пухла, и пухла, и наконец сделалась гораздо толще самого Меринга. Между тем, по мере того как нога эта пухла, сам Меринг постоянно худел. За несколько дней до своей смерти, лежа в постели, он описывал мне эту болезнь самым хладнокровным образом, как будто бы был даже доволен, что сумел так хорошо ее определить, и предвещал, что ему остается жить только несколько дней.

Другим медицинским светилом был профессор Караваев — хирург. Он по тому времени считался отличным хирургом и также имел большую практику во всем Юго-Западном крае. Караваев был профессором хирургии в Киеве в то время, когда попечителем Киевского учебного округа был известный хирург, знаменитый деятель, Пирогов, который признавал за Караваевым, как за хирургом, большую авторитетность.

Караваев был известен также и за границей. Я не знаю, как это случилось, так как подробностями я не интересо-

вался и никого не расспрашивал, но он был вызван в Париж для снятия катаракта у кого-то из семьи императора Наполеона III.

В Киевском университете был еще один довольно известный профессор-хирург Гюббенет. Этот Гюббенет — дядя известной актрисы Яворской, которая замужем за князем Барятинским.

Отец Яворской, т. е. брат этого профессора Гюббенета, был киевским полицеймейстером.

Профессор Гюббенет, как говорят, был недурным хирургом и во время Севастопольской войны принес очень много пользы; он много делал операций и, говорят, довольно удачных. Но он был человек невероятной немецкой глупости. Известно, что немецкая глупость есть глупость особого рода. По-немецки можно быть глупым и одновременно довольно дельным человеком и довольно умным в сфере той специальности, которой немец себя посвящает.

Когда император Александр II после вступления на престол как-то раз был в Киеве и заехал в университет, то ему представляли профессоров; в числе других профессоров представлен ему был и Гюббенет. Тогда император Александр II, который всех звал «на ты», говорит ему: «Ты брат здешнего полицеймейстера?» Гюббенет страшно обиделся и сказал императору: «Ваше императорское величество, не я его брат, а он мой брат». Государь очень смеялся, но ничего ему на это не ответил.

В то время ректором университета был профессор Ренненкампф; пост этот он занял после Бунге. Ренненкампф был профессором философии, права и международного права и в научном мире представлял собой известную величину.

Кроме упомянутых мною лиц, среди киевских профессоров того времени были еще и другие довольно известные профессора. Во всяком случае в те времена в Киеве было гораздо больше известных научных имен, нежели в настоящее время. Профессора, которые в настоящее время считаются наилучшими в Киеве, все старики, которые в те времена были молодыми людьми.

В Киеве в то время часто бывали беспорядки. И вот раз случился такой казус. Когда я был там управляющим Юго-Западными железными дорогами, генерал-губернатором был Дрентельн. И вот как-то раз приезжает к Дрентельну какой-то профессор и говорит, что студенты бунтуют, что они хотят осадить квартиру ректора.

Дрентельн сел в экипаж и со своим адъютантом Треповым поехал к Ренненкампфу. (Этот Трепов был старшим сыном бывшего при Александре II очень могущественного градоначальника Петербурга и старшим братом генерала Трепова, известного дворцового коменданта, в некотором роде диктатора в России в 1904—1905 гг.; бывший адъютант Трепов ныне состоит киевским генерал-губернатором.) Когда Дрентельн приехал к Ренненкампфу, ему сказали, что Ренненкампф находится у себя в кабинете. Дрентельн пошел к Ренненкампфу в кабинет, а его адъютант Трепов остался в соседней комнате. В это время в этой же комнате находился профессор Субботин (он был профессором чуть ли не судебной медицины). Субботин был человеком среднего ума и вообще ничего особенного собою не представлял. И вот в то время, когда Дрентельн находился у ректора, этот Субботин как-то резко выразился о Дрентельне, тогда Трепов не нашел ничего более уместного, как подойти к этому Субботину и дать ему пощечину⁴³.

Впоследствии этот Трепов был помощником начальника Уральской области, вятским губернатором; наконец, во время японской войны он был начальником санитарной части действующей армии, затем сделался членом Государственного совета, а теперь занимает пост генерал-губернатора. Человек он очень недурной, порядочный, но весьма ограниченный. Пожалуй, из всех Треповых он — самый ограниченный.

В то время как я жил в Киеве, среди евреев, которых тогда там жило довольно большое количество, главным был Бродский. Это был на вид очень почтенный старик, напоминавший собою по наружности библейского патриарха; вообще наружность его была совсем не еврейская. Он был чрезвычайный богач и нажился главным образом тем, что имел много сахарных заводов и имений, связанных с этими заводами. Можно сказать, что он был одним из самых главных капиталистов всего Юго-Западного края.

Мне приходилось с ним неоднократно разговаривать, вести чисто деловые беседы, и всегда он производил на меня впечатление человека замечательно умного, но почти совсем необразованного. Говорят, что первоначальное состояние он нажил во время Крымской войны путем подделки кредитных билетов, но это были только разговоры, хотя легенда эта, будучи пущена, держалась очень крепко.

У этого Бродского был брат, который жил в Одессе. Когда я служил в Одессе и был помощником Чихачева, я с ним тоже встречался. Этот Бродский был тоже очень богат, но он был человеком совсем другого характера. Он был и вообще и на вид противный; физиономия его, все его аллюры и даже выговор были совсем еврейские, так что, не входя в обсуждение нравственных сторон характера того и другого, что касается наружности — внешней стороны, — то насколько киевский Бродский производил благоприятное впечатление, настолько же одесский производил впечатление отталкивающее. Киевский Бродский считался, что в действительности и оказалось, гораздо богаче одесского.

Когда киевский Бродский умер, у него осталось три сына. Один сын, старший, был сумасшедший; жил под надзором прислуги и доктора, только изредка выходя из дома. После смерти отца, он тоже вскоре умер.

Затем следующий сын был Лазарь Бродский и третий — Лев Бродский. Лазарь Бродский тоже умер, так что теперь все громадное состояние сосредоточилось главным образом у Льва Бродского; в настоящее время состояние это, хотя и громадное, но все же значительно меньше, потому что часть состояния перешла к наследникам Лазаря Бродского, а часть к детям дочери старика Бродского, т. е. сестры Лазаря и Льва Бродских.

Лев Бродский теперь живет в Киеве, но большую часть года проводит за границей — на курортах, где есть рулетка. Так, осенью я его обыкновенно встречаю в Биаррице, где он живет часть года, потому что ведет там большую игру в карты. Еще на днях у меня был один господин, который приехал из Ниццы. Я спросил его: кто там есть из России? И он отвечал, что там находится Лев Бродский и что он на его глазах в течение какой-нибудь недели проиграл 600 тыс. франков.

Во время моего пребывания в Киеве, туда приезжал па контракты граф Потоцкий. Это тот Потоцкий, который был наместником Галиции; он представлял собою тип польского магната: с весьма изящными манерами, отлично владел французским языком и держал себя весьма высокомерно, в особенности по отношению к мужикам, считая, как это вообще свойственно всем польским магнатам, простого человека-мужика — быдлом, а в особенности русского мужика или крестьянина; вообще все поляки считают их по меньшей мере на одной степени с волами, если еще не хуже.

Когда Потоцкий приезжал в Киев, то он останавливался в маленьком доме, который ему принадлежал, и давал несколько обедов. На этих обедах я иногда бывал и, кроме того, встречался с ним по разным делам, так как он был очень крупный помещик.

После смерти Потоцкого остались два сына. Один сын владеет всеми имениями Потоцких, которые находятся в Австрии, около Галиции, а другой был членом, не помню, первой или второй Государственной думы; женат на дочери генерал-адъютанта Вильгельма I князя Радзивилла. В последние зимы он жил здесь, в Петербурге, причем давал различные фестивали, вообще жил очень широко, а затем теперь получил постройку дороги от Шепстовки до Проскурова — дороги, которая проходит через его громадное имение. Теперь, эту зиму, он большей частью живет в своем имении.

Поляков в Киеве жило не особенно много. Поляки-помещики появились в Киеве только на время киевских контрактов⁴⁴.

В то время, когда я жил в Киеве, туда приезжал производить сенаторскую ревизию известный богатый сенатор Половцев. Приезд этого Половцева произвел некоторую сенсацию, главным образом потому, что Половцев сразу вооружился против генерал-губернатора Черткова, так что благодаря этой ревизии Чертков должен был покинуть свою службу и выйти в отставку⁴⁵. В то время я очень мало встречался с Половцевым; больше познакомился я с ним тогда, когда уже переехал в Петербург, в особенности, когда занимал пост министра финансов.

Этот Половцев, в сущности, был удивительный человек.

Родился он в простой дворянской семье, кончил курс правоведения, и ему предстояла жизнь маленького, бедного чиновника, может быть, в конце концов, он дослужился бы до какого-нибудь более или менее высокого административного места, тем более, что он был правоведем, а правоведе всегда друг друга поддерживают.

В это время одним из самых богатых банкиров был Штиглиц, у Штиглица была приемная дочь, и никаких наследников он не имел. Вот этот молодой чиновник Половцев, совершенно бедный, начал систематически ухаживать за этой приемной дочерью Штиглица, которая, между прочим, была очень красива. В конце концов, Половцев добился того, что женился на ней. А когда Штиглиц умер, то все состояние он оставил своей приемной дочери и таким образом Половцев сделался очень богатым человеком, так как он владел или по крайней мере распоряжался всем состоянием своей жены. О том, как велико было это состояние, можно судить из следующего: кроме различных недвижимостей, Штиглиц оставил после себя наследство в 50 миллионов рублей различными государственными бумагами⁴⁶.

Так как после смерти Штиглица произошла Восточная война, которая значительно понизила курс наших денег, то эти 50 миллионов рублей, если бы они сохранились, равнялись бы по крайней мере 70—80 миллионам рублей. А так как все эти бумаги приносили 5%, то, следовательно, годовой доход с них составил бы 4 миллиона рублей. Но Половцев этот умудрился сделать так, что в конце концов, когда он в прошлом году умер, то наследникам его осталось самое ограниченное состояние, т. е. состояние в несколько миллионов рублей, скажем, в 3—4 миллиона рублей, а все остальное было уничтожено. Говорю «уничтожено», а не проедено, потому что, хотя он жил широко, но все-таки совсем не настолько широко, чтобы можно было прожить такое громадное состояние. Все время он занимался различными аферами: продавал, покупал, спекулировал и доспекулировался до того, что почти все состояние своей жены проспекулировал.

Замечательно то, что вместе с тем этот Половцев был человек, несомненно, умный, толковый, даже с государственным умом. Благодаря своему состоянию и знакомству

относительно как Горчакова, так и Половцева у меня всегда возникает вопрос: что этим лицам нужно? Они имеют и положение, и громадное состояние, вполне независимы, а между тем прямо в натуре у них подлизываться к сильным, власть имущим людям, как, например, к великим князьям

Что касается старшего сына канцлера Горчакова, то он был каким-то совсем аномальным;
 — у него была болезненная скупость.

Мне рассказывал секретарь мадридского посольства, что в то время, когда этот Горчаков был посланником в Мадриде, он ходил по улицам и если видел брошенные окурки сигары или папиросы, то собирал их, приносил домой и все складывал. Эта ужасная скупость — скупость Плюшкина — есть положительно не что иное, как болезнь.

И вот младший брат этого Горчакова сделался очень богатым в особенности потому, что получил все состояние также и старшего брата, который умер бездетным и который благодаря своей скупости не только не растратил состояния, полученного им от отца, но еще значительно его увеличил.

Во время моего пребывания в Киеве мне приходилось продолжать заниматься в комиссии графа Баранова; в это время я написал «Историю съездов русских железных дорог», которая и составила один из томов работ комиссии графа Баранова. Но самой главной моей работой (когда я жил в Киеве) был «Устав Российских железных дорог». Затем этому уставу мною и г. Неклюдовым *) была дана окончательная редакция, более соответствующая юридическим формам, и затем этот устав с некоторыми изменениями, касающимися в особенности организации совета по железнодорожным делам, получил законодательную санкцию и до сих пор служит единственным законом, касающимся железнодорожной эксплуатации, за исключением законов тарифных, о которых я буду иметь случай говорить впоследствии и которые также были созданы и составлены мною.

*) Неклюдов этот был мировым судьей в Петербурге, затем обер-прокурором сената и товарищем министра внутренних дел.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

О ПОЕЗДКАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III ПО ЮГО-ЗАПАДНЫМ ЖЕЛЕЗНЫМ ДОРОГАМ. КАТАСТРОФА В БОРКАХ

Когда император Александр III вступил на престол, то некоторое время спустя он приехал в Киев с женой и двумя сыновьями: Николаем, нынешним императором, и Георгием — вторым сыном, который потом, уже будучи совершеннолетним, умер от чахотки в Абастумане. Оба они тогда были еще, можно сказать, детьми.

Поезд этот, пришедший в Киев по Юго-Западной железной дороге, сопровождал управляющий дорогами, которым в то время был Андреевский (я в то время был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог).

Государь пробыл в Киеве несколько дней. На обратном пути, не помню почему, Андреевский не мог сопровождать поезд, и я заменил его; с государем приезжали и братья его: Владимир Александрович и Алексей Александрович. Помню, как теперь, что при отходе поезда все мы собрались на вокзале в царских комнатах. Сначала приехали великие князья Владимир Александрович и Алексей Александрович, а затем, через несколько минут, император с императрицей и детьми, т. е. с двумя мальчиками: Николаем, нынешним императором, и братом его Георгием. Оба мальчика страшно шалили; там было много публики, в парадной форме провожающей государя, и они все время бегали между ногами публики. Вдруг Владимир Александрович хватает за уши наследника Николая и сильно его дерет, говоря: «Я тебе говорю —

перестань шалить». Тогда я сказал кому-то, стоявшему около меня, что вот теперь Владимир Александрович дерет его за уши, а пройдет несколько десятков лет, как бы он ему этого не припомнил.

К сожалению, то, о чем я говорил, случилось гораздо раньше, чем я предвещал, так как император Александр III умер после 13 лет царствования, и совершенно неожиданно на престол вступил молодой человек, который совсем не был подготовлен к роли императора. Это и был тот самый мальчик, которого Владимир Александрович не далее как около одиннадцати лет перед тем драл при всех за уши в царских комнатах киевского вокзала.

Но нужно сказать, что, с одной стороны, император Николай II по душе очень добрый человек, в особенности по отношению к своей семье (может быть, эта доброта является одним из крупных его недостатков, потому что вследствие этого он весьма распустил царскую семью), а с другой стороны — Владимир Александрович был благороднейшим и прекраснейшим человеком; понятно, что при таких обстоятельствах императору Николаю II не приходилось припоминать Владимиру Александровичу те мучения, которым он от него подвергался. Император Николай II очень любил Владимира Александровича, и тот со своей стороны весьма уважал императора Николая II, хотя Владимир Александрович как человек более опытный, более культурный и более умный не мог не чувствовать многих погрешностей в управлении государством, погрешностей, которые, к сожалению, так сильно расшатали империю, о чем я буду иметь случай много раз говорить далее. Теперь же я скажу только, что одной из причин этого было то, что император Николай II вступил на престол совсем неподготовленным к роли императора. Многие винят императора Александра III в том, что он его не подготовлял; фактически, пожалуй, это и верно, но, с другой стороны, император Александр III никогда не мог думать, что он так скоро умрет, и потому, естественно, что он все откладывал на будущее время и подготовку своего сына к заятию престола, находя его еще слишком молодым человеком, чтобы заниматься государственными делами.

После поездки императора Александра III в Киев, о чем я уже рассказывал, государь через несколько лет ездил на маневры на одну из станций Юго-Западных дорог, лежащую между Брестом и Белостоком.

Я хочу теперь рассказать относительно этой поездки государя.

Но ранее нежели рассказать о второй поездке, я хотел бы дополнить мой рассказ о первой поездке государя. Когда поезд останавливался на станциях, то цесаревич Николай и великий князь Георгий постоянно выбегали из вагона и бегали осматривать буksы вагона и паровоз. Гувернер постоянно говорил им, чтобы они этого не делали, но они все-таки каждый раз выбегали, так что я все время боялся, как бы не оставить на какой-нибудь станции цесаревича Николая и великого князя Георгия.

Теперь возвращусь к рассказу о второй поездке императора Александра III. Когда совершилась эта вторая поездка, я уже был управляющим Юго-Западных железных дорог. Император проехал прямо на станцию, лежащую к северу от Бреста и находящуюся недалеко от него. Там он остановился в замке одного помещика-поляка около станции.

В это же время приезжал и великий князь Николай Николаевич старший, который сделан был фельдмаршалом и которого император Александр III не особенно любил, потому что, не говоря уже о том, что они расходились во взглядах на военную службу, но даже и в личных характерах между ними было большое несходство. Император Александр III был очень простой, скромный и тихий человек, с очень мягкими манерами, а великий князь фельдмаршал Николай Николаевич был человек шумливый. Так, например, я помню, что когда вслед за императором великий князь Николай Николаевич приехал на станцию, то первым делом, выйдя из вагона, оп крючком своей палки захватил за шею одного инженера, барона Таубе, и чуть-чуть не свалил его с ног. Вот такие манеры, такие, можно сказать, э к с п р о м п т ы, которыми отличался великий князь Николай Николаевич, совсем не подходили к спокойному, тихому и очень скромному характеру императора Александра III.

Вот на этой станции (о которой я упоминал выше), или вернее полустанции, так как на ней, кроме комнат для служащих, были всего две маленькие комнаты и не было даже буфета, государь пробыл несколько дней.

Как только на эту станцию приехал император, утром ко мне пришел генерал-адъютант Черевин*), состоявший начальником охраны государя, и спросил меня: сколько времени потребуется, чтобы доставить из Петербурга до этой станции мундир государя, так как император Вильгельм (старик), узнав о маневрах и о том, что государь будет в Бресте, пожелал его приветствовать, и поэтому посылает к нему своего внука — Вильгельма. Государь же хочет поехать в Брест, чтобы там встретить молодого Вильгельма и таким образом избавиться от присутствия его на маневрах, которые уже почти кончились. Для того чтобы встретить Вильгельма в Бресте, государю нужен был его прусский мундир. Я ответил Черевину, что мундир можно доставить (помнится, я сказал) в 48 часов в том случае, если мундир этот будет послан экстренно на паровозе, т. е. чтобы из Петербурга был отправлен паровоз, который, пробежав известное расстояние, заменялся бы другим; при таких условиях фельдъегерь, который повезет мундир, может его доставить через 48 часов. Генерал-адъютант Черевин на это согласился и сделал все надлежащие распоряжения. И действительно, мундир пришел вовремя, помню, на рассвете, а утром этого же дня маневры были окончены, и государь экстренным поездом выехал вместе с императрицей (детей, кажется, с ними тогда не было) на станцию Брест.

Я, конечно, все время сопровождал поезд, и у меня в памяти врезалось следующее маленькое, как кажется, но очень характерное обстоятельство.

Когда мы подъехали к станции Брест, то не успел государь выйти, как с другой стороны, по направлению из Варшавы, подходил поезд, в котором ехал молодой Вильгельм. Император Александр III вышел на платформу, он был в прусском мундире и в своей русской шинели; тут же стоял почетный караул. Когда поезд принца Вильгельма подходил к платформе, где стоял император, то

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 119.— *Ред.*

Александр III снял шинель и отдал ее своему лейб-казаку, все время находившемуся недалеко от государя.

Государь встретил молодого Вильгельма, а затем прошелся с ним около почетного караула и когда эта церемония была окончена, то император обернулся и громко закричал своему казаку, который в это время несколько отдалился: «Дай шинель!» Тогда Вильгельм, понимавший несколько слов по-русски, сразу бегом направился к казаку, схватил шинель, сейчас же притащил ее императору и надел ее ему на плечи.

Я тогда политикой совсем не занимался, но, видя это, подумал: и боится же Вильгельм императора Александра III. И действительно, когда Вильгельм сделался императором (известно, что его отец царствовал всего несколько месяцев, так как умер от рака в горле), то страх, который внушал к себе император Александр III принцу Вильгельму, остался, по-видимому, и у императора Вильгельма.

Я помню, впоследствии мне пришлось слышать от самого императора Вильгельма, что личность Александра III производила на него сильное впечатление. Он говорил мне: «Вот это, действительно, был самодержавный император»*).

И действительно, фигура императора Александра III была очень импозантна: он не был красив, по манерам был, скорее, более или менее медвежатый; был очень большого роста, причем при всей своей комплекции он не был особенно силен или мускулист, а скорее был несколько толст и жирен, но тем не менее, если бы Александр III явился в толпу, где бы совсем не знали, что он император, все бы обратили внимание на эту фигуру. Он производил впечатление своей импозантностью, спокойствием своих манер и, с одной стороны, крайней, твердостью, а с другой стороны — благодушием в лице.

Я имел счастье быть близким к двум императорам: к императору Александру III и к ныне царствующему императору Николаю II; обоих я знал очень хорошо.

Император Александр III был, несомненно, обыкновенного ума и совершенно обыкновенных способностей

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 118.— *Ред.*

и в этом отношении император Николай II стоит гораздо выше своего отца как по уму и способностям, так и по образованию. Как известно, Александр III совсем не приготавлился быть императором. Старший брат его, Николай Александрович, который уже совсем взрослым умер от чахотки в Ницце, сосредоточивал на себе внимание отца, императора Александра II, и матери, императрицы Марии Александровны; что же касается будущего императора Александра III, то, можно сказать, он был несколько в загоне; ни на его образование, ни на его воспитание особого внимания не обращали, так как все внимание, как я сказал, и отца, и матери, и всех окружающих было сосредоточено на наследнике Николае, который по своей наружности, по своим способностям и блеску, который он проявлял, был несравненно выше своего брата Александра.

И один, быть может, Николай Александрович в то время ценил и понимал своего брата, будущего императора Александра III. Из достоверных источников известно, что, когда цесаревич Николай был безнадежно болен (о чем он сам знал), то на восклицание одного из приближенных к нему: «Что будет, если что-нибудь с вами случится? Кто будет править Россией? Ведь ваш брат Александр к этому совсем не подготовлен?» — он сказал: «Вы моего брата, Александра, не знаете: у него сердце и характер вполне заменяют и даже выше всех других способностей, которые человеку могут быть привиты».

И действительно, император Александр III был совершенно обыденного ума, пожалуй, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования; по наружности — походил на большого русского мужика из центральных губерний, к нему больше всего подошел бы костюм: полушубок, поддевка и лапти; и тем не менее он своей наружностью, в которой отражался его громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость, несомненно, импонировал и, как я говорил выше, если бы не знали, что он император, и он бы вошел в комнату в каком угодно костюме, — несомненно, все бы обратили на него внимание. Поэтому меня не удивляет то замечание, которое я, помню, сам слышал от импера-

тора Вильгельма II, а именно, что он завидует царственности, самодержавной царственности, которая проявлялась в фигуре Александра III.

Возвращусь к встрече императора Александра III с принцем Вильгельмом в Бресте.

После встречи принц Вильгельм пересел в экипаж и вместе с императором они поехали в крепость в Бресте.

Там, в этой крепости, был устроен очень большой обед, на котором я не присутствовал, потому что в то время для этого я был мал чином, но я впдел его с хор. После обеда все поехали смотреть фейерверк, который делали артиллеристы. Затем на другое утро император проводил Вильгельма обратно.

Вообще, и Вильгельм также не подходил к характеру императора Александра III. Вильгельм по своим манерам, по всем своим выходкам, — так сказать, ферт; он являлся полной противоположностью по характеру Александру III, который был крайне неподвижен и вахлак. Как Вильгельм, так и великий князь Николай Николаевич старший по манерам своим были настоящими гвардейскими офицерами, фертами; в особенности это можно сказать про Вильгельма, который был типичнейшим прусским гвардейским офицером с закрученными усами, со всеми вывертами при ходьбе, со всей этой деланной эlegantностью, тогда как император Александр III в противоположность ему в манерах своих, в одеянии своем (и в костюме) был в высшей степени простым.

.

Когда мне приходилось сопровождать поезд императора Александра III, то, конечно, я ни днем, ни ночью не спал; и постоянно мне приходилось видеть, что когда все уже лягут спать, то камердинер императора Александра III Котов постоянно штопал его штаны, потому что они у него рвались. Как-то раз, проходя мимо камердинера (который до настоящего времени жив и теперь состоит камердинером у императора Николая II) и видя, что он все штопает штаны, говорю ему:

— Скажите, пожалуйста, что вы все штопаете штаны? Неужели вы не можете взять с собою несколько пар панталон, чтобы в случае, если окажется в штанах дырка, — дать государю новые штаны?

А он говорит:

— Попробуйте-ка дать, как раз он и наденет. Если он наденет какие-нибудь штаны или сюртук, то кончено: пока весь по всем швам не разорвется, он ни за что не скинет. Это для него самая большая неприятность, если заставить его надеть что-нибудь новое. То́чно так же и сапоги: подайте, — говорит, — ему лакированные сапоги — так он вам эти сапоги за окно выбросит.

Третий раз я сопровождал императорский поезд уже в конце восьмидесятых годов, в год крушения императорского поезда в Борках, около Харькова⁴⁷. Крушение это было в октябре месяце при возвращении государя из Ялты в Петербург. Раньше же, в августе или июле месяце, государь, едучи в Ялту, совершил следующее путешествие: он проехал экстренным поездом из Петербурга через Вильно в Ровно (тогда Вильно-Ровенская железная дорога была еще только что открыта); со станции Ровно он уже поехал по Юго-Западным железным дорогам; там я его встретил, а затем император из Ровно (где поезд не останавливался) поехал через Фастов в Елизаветград. Там государь делал маневры войскам; после этих маневров государь из Елизаветграда вернулся в Фастов по Юго-Западным железным дорогам и по дороге, мною управляемой, проехал из Фастова до Ковеля в Варшаву и Скерневицы (в один из императорских дворцов). Пробыв в Скерневицах несколько недель, император проехал из Скерневиц опять-таки через Ковель и Фастов в Крым или на Кавказ (не помню). Затем месяца через два вернулся в Петербург. И вот при обратном возвращении в Борках и произошел этот ужасный случай с императорским поездом.

Таким образом, в этот год в течение лета и осени государь проехал 3 раза по Юго-Западным железным дорогам:

1-й раз — от Ровно до Фастова,

2-й раз — от Фастова до Ковеля ■

3-й раз — от Ковеля опять в Фастов.

Так вот, когда императорский поезд пришел в Ровно, я, встретив его, должен был вести этот поезд далее.

Расписание императорских поездов составлялось обыкновенно министерством путей сообщения без всякого спроса и участия управляющих дорогами. Я своевременно получил расписание, по которому поезд из Ровно до Фастова должен был идти такое-то количество часов, причем в такое количество часов это расстояние мог пройти только поезд легкий, пассажирский; между тем в Ровно вдруг явился громаднейший императорский поезд, составленный из массы тяжелейших вагонов. О том, что поезд пойдет такого состава, меня предупредили телеграммой только за несколько часов до прихода этого поезда в Ровно. Так как такой поезд, и притом с такой скоростью, какая была назначена, не только не мог везти один пассажирский, но даже и два пассажирских паровоза, то нужно было приготовить два товарных паровоза и везти его двумя товарными паровозами, т. е., как говорится, в двойной траксе, потому что тяжесть его была больше, нежели тяжесть обыкновенного товарного поезда, между тем как скорость была назначена такая, с какой идут пассажирские поезда. Поэтому для меня совершенно было ясно, что каждый момент может случиться какое-нибудь несчастье, потому что если товарные паровозы идут с такой скоростью, то они совершенно распатывают путь и если в каком-нибудь месте путь не вполне, не безусловно крепок — что всегда на всяком пути может и должно случиться, так как нигде, ни на каких дорогах путь не предназначается для подобного движения, — то паровозы эти могут вывернуть рельсы, вследствие чего поезд может потерпеть крушение. Поэтому я все время, всю ночь ехал как в лихорадке, между тем как все спали, в том числе и министр путей сообщения (адмирал Посьет), у которого был собственный вагон; с ним ехал главный инспектор железных дорог инженер барон Шерваль. Я вошел в вагон министра путей сообщения и все время в нем ехал; вагон этот находился совершенно сзади, даже не имел прямого сообщения с другими вагонами, так что оттуда,

из этого вагона, даже нельзя было дать какой-нибудь сигнал машинистам. Ехал я, повторяю, все время в лихорадке, ожидая, что в каждый момент может случиться несчастье.

И вот, когда мы подъехали к Фастову, то я, переводя поезд на другую дорогу, не успел ничего передать ни министру путей сообщения, ни барону Шервалю, потому что они только что проснулись. Вследствие этого, когда я вернулся из Фастова в Киев, я тотчас же написал рапорт министру путей сообщения, в котором объяснил, каким образом совершалось движение по дороге; что я не имел мужества остановить поезд, так как не хотел произвести скандала, но что я считаю такое движение невыносимым, невозможным. Я представил расчеты, из которых было ясно, что при наших русских путях — со сравнительно легкими рельсами (у нас в то время рельсы были обыкновенно от 22 до 24 фунт. в погонном футе, а за границей в то время были от 28—30 и более фунт. в погонном футе), при наших деревянных шналах (за границей — металлические шналы), при нашем балласте (у нас балласт песочный, тогда как за границей почти везде балласт из щебенки), — путь, естественно, является неустойчивым. Быстрое движение при двух товарных паровозах с таким тяжелым поездом так расшатывает путь, что поезд может вышибить рельсы, вследствие чего может произойти крушение. Я писал в рапорте, что принимать на себя ответственность за движение императорского поезда при таких условиях я более не намерен и поэтому прошу при обратном движении поезда, когда государь будет возвращаться из Елизаветграда через Юго-Западные железные дороги, от Фастова до Ковеля увеличить число часов езды на Юго-Западной дороге (кажется, я требовал увеличить время на три часа). Я требовал, чтобы расписание изменили, а в противном случае, писал я, вести императорский поезд я не буду⁴⁸.

На это я получил следующий ответ телеграммой: ввиду моего такого категорического заявления министр путей сообщения приказал переделать расписание и увеличить время хода поезда на три часа.

Вот наступил день, когда император должен был ехать обратно. Поезд приехал (в Фастов) ранним утром; все еще спали, но вскоре проснулись.

Когда я входил на станцию, то заметил, что все на меня косятся: министр путей сообщения косится, и граф Воронцов-Дашков, ехавший в этом поезде, который был так близок с моими родными и знал меня с детства, также делает вид, как будто бы меня совсем не знает.

Наконец, подходит ко мне генерал-адъютант Черевин и говорит: государь император приказал передать вам, что он очень недоволен ездой по Юго-Западным железным дорогам. Не успел сказать мне это Черевин, как вышел сам император, который слышал, как мне Черевин это передаст. Тогда я старался объяснить Черевину то, что уже объяснял министру путей сообщения. В это время государь обращается ко мне и говорит:

— Да что вы говорите. Я на других дорогах езжу, и никто мне не уменьшает скорость, а на вашей дороге нельзя ехать просто потому, что ваша дорога жидовская.

(Это намек на то, что председателем правления был еврей Блиох.)

Конечно, на эти слова я императору ничего не ответил, смолчал. Затем сейчас же по этому предмету вступил со мною в разговор министр путей сообщения, который проводил ту же самую мысль, как император Александр III. Конечно, он не говорил, что дорога жидовская, а просто заявил, что эта дорога находится не в порядке, вследствие чего ехать скоро нельзя. И в доказательство правильности своего мнения сказал:

— А на других дорогах ездим же мы с такой скоростью, и никто никогда не осмелился требовать, чтобы государя везли с меньшей скоростью.

Тогда я не выдержал и сказал министру путей сообщения:

— Знаете, ваше высокопревосходительство, пускай делают другие, как хотят, а я государю голову ломать не хочу, потому что кончится это тем, что вы таким образом государю голову сломаете.

Император Александр III слышал это мое замечание, конечно, был очень недоволен моей дерзостью, но ничего

не сказал, потому что он был благодушный, спокойный и благородный человек.

На обратном пути из Скерпевиц в Ялту, когда государь опять проехал по нашей дороге, то поезду уже дали ту скорость и прибавили то количество часов, которые я требовал. Я опять поместился в вагоне министра путей сообщения, причем заметил, что с того времени как я последний раз видел этот вагон, он значительно наклонился на левую сторону. Я посмотрел, отчего это происходит. Оказалось, что произошло это потому, что у министра путей сообщения адмирала Посыета была страсть к различным, можно сказать, железнодорожным игрушкам: так, например, к печам различного отопления и к различным инструментам для измерения скоростей; все это ставилось и прикреплялось на левую сторону вагона. Таким образом тяжесть левой стороны вагона значительно увеличилась, а потому вагон накренился на левую сторону.

На первой же станции я остановил поезд; вагон осмотрели специалисты по вагоностроению, которые нашли, что следить за вагоном надо, но что никакой опасности нет и следует продолжать движение. Все спали. Я поехал далее. Так как при каждом вагоне находится, так сказать, формулярный список данного вагона, в который записываются все неисправности его, то я в этом вагоне и написал, что предупреждаю: вагон наклонился на левую сторону и произошло это потому, что все инструменты и пр. прикрепляются на левую сторону; что я не остановил поезда, так как поезд был осмотрен специалистами, которые пришли к заключению, что он может пройти те 600—700 верст, которые ему осталось сделать по моей дороге. Затем я написал, что если вагон будет в хвосте, в конце поезда, то я думаю, что он может пройти благополучно до места назначения, но что там необходимо его еще раз тщательно осмотреть, все аппараты снять, лучше всего их совсем выбросить или перенести на другую сторону. Во всяком случае вагон этот не следует ставить во главе поезда, а поместить его в хвосте.

Затем я перекрестился и был рад, что избавился от этих царских поездок, потому что всегда с ними были связаны большие волнения, хлопоты и опасения.

Прошло месяца два. Тогда я жил в Линках против дома генерал-губернатора. В одной из комнат был телеграфный аппарат, и так как приходилось давать телеграммы целыми днями, то днем и ночью дежурили телеграфисты.

Вдруг однажды ночью стучит ко мне в дверь камердинер. Я проснулся. Говорят: есть срочная телеграмма. Читаю: срочная телеграмма за подписью барона Шерваля, в которой барон телеграфирует, что императорский поезд, едучи из Ялты, повернул на станцию Синельниково по Екатерининской дороге, а оттуда пойдет на станцию Фастов. Из Фастова император поедет далее по Юго-Западной дороге или через Киев, или опять через Брест, но вернее через Киев. Тогда я приказал приготовить себе экстренный поезд, чтобы поехать навстречу в Фастов, и ждал, чтобы мне дали расписание, когда ехать.

Но ранее нежели я выехал из Киева, я получил вторую телеграмму о том, что государь по Юго-Западной дороге не поедет, что, доехав до Харьково-Николаевской дороги, повернул на Харьков и дальше поедет так, как предполагалось: на Курск и Москву.

Получив эту телеграмму, я все время думал: что там такое случилось? Затем явились смутные слухи, что императорский поезд потерпел крушение, и поэтому изменился маршрут. Я представил себе, что, по всей вероятности, случилось что-нибудь пустячное, так как поезд продолжал идти далее.

Не прошло и нескольких часов, как я получил телеграмму из Харькова за подписью барона Шерваля, в которой он мне телеграфировал, что министр путей сообщения предлагает мне сейчас приехать в Харьков, для того чтобы быть экспертом по вопросу о причинах крушения императорского поезда.

Я отправился в Харьков. Приехав туда, я застал барона Шерваля лежащим в постели на харьковском вокзале, так как у него была сломана рука; у курьера его также

были переломаны рука и нога (этот самый курьер впоследствии, когда я был министром путей сообщения, был и моим курьером).

Приехал я на место крушения поезда. Кроме меня, экспертами там были местные инженеры путей сообщения и затем директор Технологического института Кирпичев, который жив доньше. Главную роль, конечно, играли я и Кирпичев. Кирпичев пользовался и пользуется большим авторитетом как инженер-технолог и как профессор механики и вообще железнодорожного строительства, хотя он в полном смысле слова теоретик и никогда на железных дорогах не служил. В экспертизе мы с ним разошлись.

Оказалось, что императорский поезд ехал из Ялты в Москву, причем дали такую большую скорость, которую требовали и на Юго-Западных железных дорогах. Ни у кого из управляющих дорог не доставало твердости сказать, что это невозможно. Ехали так же двумя паровозами, причем в вагоне министра путей сообщения, хотя и несколько облегченном снятием некоторых аппаратов с левой стороны, никакого серьезного ремонта во время стоянки поезда в Севастополе сделано не было; кроме того, его поставили во главе поезда, первым от паровоза. Таким образом, поезд шел с несоответствующей скоростью, двумя товарными паровозами, да еще с не вполне исправным вагоном министра путей сообщения. Произошло то, что я предсказал: поезд вследствие качания товарного паровоза от большой скорости, не свойственной для товарного паровоза, выбил рельс. Товарные паровозы конструируются без расчета на большую скорость и поэтому, когда товарный паровоз идет с не соответствующей ему скоростью, он качается.

Весь поезд упал под насыпь, и несколько человек было искалечено.

Во время крушения государь со своей семьей находился в столовом вагоне; вся крыша столового вагона упала на императора, и он только благодаря своей гигантской силе удержал эту крышу на своей спине, и она никого не задавила. Затем со свойственным ему спокойствием и незлобивостью государь вышел из вагона, всех успокоил, раненым оказал помощь, и только благодаря

его спокойствию, твердости и незлобivosti — вся эта катастрофа не сопровождалась какими-нибудь драматическими приключениями⁴⁹.

Так вот как эксперт я дал такое заключение, что поезд потерпел крушение от указанных мною причин. Кирпичев же говорил, что катастрофа эта произошла оттого, что шпалы были несколько гнилые. Я осматривал шпалы и пришел к заключению, что Кирпичев не знает железнодорожной практики. На всех русских дорогах в деревянных шпалах, прослуживших несколько месяцев, верхний слой всегда несколько гнилой, иначе и быть не может, потому что во всяком дереве, если оно постоянно не окрашивается или не засмолено, всегда верхняя часть (так называемая заболонь дерева) имеет несколько гнилой слой; но сердцевина, в чем держатся костыли, которыми прикрепляются рельсы к шпале, — эти части шпал были совершенно целы.

К этому же времени относится мое знакомство с Конн, который был прислан из Петербурга для расследования этого случая. Тогда я виделся с ним в первый раз⁵⁰. Повидимому, Конн очень хотелось, чтобы в этой катастрофе была виновата администрация дороги, чтобы было виновато управление дороги, поэтому ему ужасно не нравилась моя экспертиза. Он хотел, чтобы экспертиза установила, что было виновато не управление поезда, не инспектор императорских поездов, не министр путей сообщения, а чтобы было виновато управление дороги. Я же дал заключение, что виновато исключительно центральное управление — министерство путей сообщения, а также виноват инспектор императорских поездов⁵¹.

Результат этой катастрофы был следующий: через некоторое время министр путей сообщения Посьет должен был выйти в отставку.

Барон Шерваль также должен был выйти в отставку и поселился в Финляндии. По происхождению барон Шерваль был финн; он был почтенным человеком, очень благодушным, с известной финляндскою тупостью и среднего калибра инженером.

Государь с этими лицами расстался без всякой злобистости; лица эти должны были выйти в отставку вследствие того, что общественное мнение России было крайне возмущено происшедшим. Но император Александр III, не без основания, считал главным виновником катастрофы инженера Салова, который в это время был начальником управления железных дорог. Человек он был, несомненно, умный, толковый и знающий, но практически мало был знаком с делом. Он держал в руках, в сущности, и министра путей сообщения и барона Шерваля, но эксплуатации железных дорог совсем не знал. Вообще Салов имел недостаток многих инженеров путей сообщения, а именно тот, что они держатся кагального устройства: все, кто не принадлежит к числу инженеров путей сообщения, никуда не годны; а если это инженер путей сообщения, их товарищ, то, как бы он плох ни был,—его всюду совали.

Салов, чтобы иметь силу, делал еще и то, что, пожалуй, делает нынче Столыпин. Столыпин всюду, чтобы иметь силу, сажает своих родичей, чтобы все они слушались его и не могли его критиковать; Салов же, не имея родичей, сажал всюду своих различных товарищей, самых глупых и неспособных людей. И вот, таким образом, он инспектором императорских поездов посадил барона Таубе, который был милейшим, очень хорошим человеком, но глупым и ничего не знающим.

Император Александр III, со свойственным ему здравым смыслом, это разобрал, а потому удалил Салова уже по собственному своему желанию и не без некоторой доли естественной злобы. По этой причине Салов в течение всего царствования императора Александра III не мог получить никакого назначения, а был сперва членом совета и потом председателем инженерного совета министерства путей сообщения.

Это недоброжелательное чувство по отношению к Салову император Александр III передал и своему сыну, так что и при императоре Николае II Салов точно так же никак не мог получить нигде никакого назначения — ни в сенаторы, ни в члены Государственного совета; все товарищи его перегнали, хотя несомненно, что по способностям, теоретическим знаниям и трудолюбию Салов

был гораздо выше своих товарищей; он был в этом смысле человек выдающийся. Только три года тому назад, когда Государственная дума возбудила вопрос об анкете железных дорог, то Столыпин, так как некогда было назначить председателем и вице-председателем комиссии, выдвинул Петрова (председателем), человека старого и также железнодорожной практики не знающего, а вице-председателем этой комиссии — выбрал Салова. Поэтому Салова сделали членом Государственного совета. Салов был только в нескольких заседаниях Государственного совета. Только что начала эта комиссия действовать, как он заболел и умер.

Министром путей сообщения вместо адмирала Посыета был назначен генерал-лейтенант Паукер.

По поводу воспоминаний о высочайших поездках мне пришел в голову проезд маленьких великих князей.

Когда я еще не служил на Юго-Западных железных дорогах, а был начальником движения Одесской железной дороги, помню, получила телеграмма, что едут обыкновенным пассажирским поездом в Крым к отцу, императору Александру II, два маленьких великих князя: Сергей Александрович и Павел Александрович.

Я выехал к ним навстречу в Жмеринку и затем сопровождал их; ехали только два великих князя, которых тогда одевали еще в рубашечки, и вместе с ними ехал всемогущий в то время шеф жандармов граф Петр Шувалов. Меня удивило тогда, что граф Шувалов держал себя гувернерски по отношению к этим двум мальчикам; все время он ходил с длинной трубкой и курил. Завтракали мы в Крыжополе: граф Шувалов, эти два мальчика и я, причем тогда я обратил внимание на то, что у Сергея Александровича манеры были женственные; по-видимому, братья были крайне дружны. Затем я этих обоих великих князей встретил только тогда, когда сделался министром. Великий князь Сергей Александрович в то время командовал Преображенским полком, а Павел Александрович был командиром эскадрона в Конногвардейском полку.

Затем Сергей Александрович женился на Елизавете Федоровне, сестре нынешней императрицы, и вскоре был

сделан генерал-губернатором в Москве. Когда он был генерал-губернатором, мне несколько раз приходилось встречаться с ним на деловой почве. Мои взгляды и его расходились, ибо Сергей Александрович был, с одной стороны, взглядов очень узкоконсервативных, а с другой стороны, он был религиозен, но с большим оттенком религиозного ханжества. Кроме того, его постоянно окружали несколько сравнительно молодых людей, которые с ним были особенно нежно дружны. Я не хочу этим сказать, что у него были какие-нибудь дурные инстинкты, но некоторая психологическая аномальность, которая выражается часто в особого рода влюбленном отношении к молодым людям, у него, несомненно, была.

Быть может, со временем я буду иметь случай рассказать о том, при каких обстоятельствах, довольно серьезных, мне приходилось с ним встречаться, в особенности, когда был издан указ 12 декабря 1904 года*).

Я все-таки об этом великом князе должен сказать, что к памяти его я отношусь с уважением. Как известно, он погиб в смутное время от бомбы, которая была брошена одним из бессознательных анархистов, как говорят, подготовленным на такой поступок агентом полиции, известным Азефом, так что убийство это было, если можно так выразиться, «анархическо-полицейское»⁵². Я говорю, что к памяти великого князя Сергея Александровича все-таки отношусь с уважением, потому что, надо отдать ему справедливость, он был верен своим идеям, крайне реакционным с оттенком большого ханжества; этому направлению он не изменил и благодаря такому направлению он и погиб.

Что касается великого князя Павла Александровича, то это человек недурной, но совсем ничтожный. Как известно, он женился на старшей дочери греческого короля, которая умерла в подмосковном имении, в котором постоянно жил летом великий князь Сергей Александрович.

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 333 и сл.— *Ред.*

Потом он несколько лет оставался холостым, а затем женился вопреки запрещению государя на жене адъютанта великого князя Владимира Александровича, Ппстолькорс, урожденной Карпович.

Так как великий князь женился вопреки запрещению государя, то он был императором уволен от службы и ему был воспрещен въезд в Россию. Впоследствии ему было разрешено приезжать в Россию и возвращено генерал-адъютантство, но все-таки большею частью он живет в Париже, так как жену его не желают принимать при дворе, что, я должен сказать, довольно естественно и справедливо; между тем великий князь ставит в отношении своей жены такие условия, какие при дворе не могут быть приняты. По этой причине он и живет за границей. Сам по себе он недурной человек, но совершенно ограниченный и паходится, конечно, под башмаком своей супруги, которой дан графский титул — графиня Гогенфельзен. Титул этот не русский, а баварский, и я не знаю, каким образом это устроили — дали ей этот титул.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
**НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ ДИРЕКТОРОМ
ДЕПАРТАМЕНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ДЕЛ.
ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ**

Вышнеградский, вступив в управление министерством, после того как ушел министр путей сообщения Посьет, с которым он вел войну из-за финансовых беспорядков на железных дорогах, обратился ко мне с просьбой составить соображения об увеличении доходности железнодорожной сети. Я ему подал мысль, что следует обратить особое внимание на валовые доходы железных дорог, т. е. на железнодорожные тарифы.

В то время частные железнодорожные общества — а тогда вся сеть русских железных дорог принадлежала частным железнодорожным обществам — между собою конкурировали в привлечении к себе грузов. Эти частные общества были совершенно свободны в установлении тех или других тарифов и были стеснены только тем, что в уставах указывались высшие тарифные нормы, выше которых общества не могут взимать провозной платы, а ниже этих норм каждая железная дорога имела право взимать такие тарифы, какие она признает для себя выгодными. Кроме того, еще не было определенных правил, обязующих железные дороги опубликовывать тарифы таким образом, чтобы публикации были всем известны. Поэтому действовали не только опубликованные тарифы, но и такие, которые не были опубликованы.

Затем были так называемые рефакционные тарифы, т. е. с определенными отправителями входили в такого рода соглашение: если отправитель перевезет определенное,

более или менее значительное количество грузов, то для такого отправителя тариф понижался. Поэтому в тарифах был полный хаос, и не только отправители не знали, сколько стоит перевозка того или другого груза от одного места до другого,— это недостаток, хотя и большой, но все-таки сравнительно второстепенный, но, кроме того, и железные дороги, конкурируя между собою, страшно понижали тарифы, а так как сами железные дороги были гарантированы казной, т. е. облигации и значительная по крайней мере часть акций были гарантированы казной, то все железные дороги давали дефициты более или менее значительные. Эти дефициты покрывала казна, так как она гарантировала капиталы железных дорог.

Очевидно, такое положение дела продолжаться не могло... (Что касается Америки, то такое положение там существовало и существует в известной степени и до настоящего времени; там железные дороги, так сказать, режутся тарифами; конкурируя между собою, они страшно понижают тарифы и приводят друг друга в совершенно истощенное состояние. Затем они делают между собою соглашение, что называется «картель», страшно поднимают тарифы и таким образом наверстывают все те убытки, которые они имели, когда воевали между собою; в конце концов, все эти убытки они наверстывают за счет отправителя. Но и в Америке против этой системы американским правительством уже приняты некоторые меры; вопрос этот находится у них на очереди, так как подобная система тарифов вообще вредна для торговли. Но в Америке по крайней мере все железные дороги частные не по названию, а в действительности, поэтому казна в капиталах железных дорог совершенно не заинтересована, а, следовательно, если железные дороги и режутся, то казна дефицита не приплачивает. Итак, и в Америке против этой системы тарифов, при которой произвольно тарифы понижаются, не опубликовываются, кроме того есть так называемые секретные тарифы, рефакционные; там, как я говорю, против этого уже вышло несколько законов, и американское правительство, очевидно, по этой деятельности издаст еще законы, чтобы обуздать такую вакханалию конкуренции.)

У нас в России эта система была совершенно невозможна, ибо весь убыток от этой системы ложился на государственную казну, иначе говоря, на русский народ. В те времена ж.-д. сеть была сравнительно очень незначительна, но казна приплачивала по гарантии более 40 млн. руб. в год.

И вот, когда Вышнеградский обратился ко мне с вопросом о том, что надо сделать, чтобы этот дефицит уничтожить, я посоветовал ему прежде всего обратить внимание на тарифы, составить тарифный закон, который обуздал бы железнодорожные общества в тарифном деле; предоставить обществам известную инициативу в тарифах, но самый контроль над тарифами возложить на правительство, с тем чтобы никакой тариф не мог иметь силы без того, чтобы не был опубликован в определенном, правительством установленном порядке, причем каждый тариф должен в известной степени получить санкцию правительства.

Очевидно, для такого надзора и руководства тарифами необходимо было создать учреждение; министерство путей сообщения к этому делу совсем не было приспособлено, так как в то время, как и теперь, министерство путей сообщения никогда тарифами не занималось. Кроме того, так как в этом министерстве было крайне, так сказать, «мертвое» направление и в известном отношении зависимое от железнодорожных королей, то и ожидать, чтобы оно могло совершить это дело, конечно, было невозможно. Поэтому я и проектировал учредить при министерстве финансов департамент железнодорожных дел, который бы ведал всей тарифной частью железных дорог и общей финансовой частью железных дорог. Но под именем «общей финансовой части» я подразумеваю финансовую часть железных дорог (чисто денежную часть железных дорог) постольку, поскольку железные дороги находятся в денежных обязательствах к казне, т. е. должны казне деньги и пользуются казенной гарантией, — а в то время долг казне частных дорог был громадный.

Таким образом, департамент железнодорожных дел должен был состоять из двух отделений: 1) отделения чисто тарифного и 2) финансового. В финансовом отделении должно быть отделение счетоводное, которое должно

вести все денежные отношения с частными обществами. (Эти денежные отношения и прежде велись в министерстве финансов, только в кредитной канцелярии, и их нужно было передать из кредитной канцелярии во вновь учреждаемый департамент.)

Так вот мною и был проектирован этот «департамент железнодорожных дел», так я назвал этот департамент, в отличие от «департамента железных дорог» в министерстве путей сообщения, который специально занимался технической частью железных дорог.

Кроме того, при департаменте предполагалось учредить тарифный комитет (который и был учрежден); этот комитет должен был рассматривать все тарифы, которые предполагается вводить. В известной степени этому тарифному комитету была предоставлена инициатива в тарифном деле, т. е. предоставлено право возбуждать вопросы об установлении и отмене тех или других тарифов.

Комитет этот должен был состоять, под председательством директора департамента железнодорожных дел, из представителей от министерства финансов, министерства путей сообщения, министерства земледелия и министерства внутренних дел.

В случае же возникновения таких вопросов, которые должны были получать санкцию законодательную, или в случае разногласия в тарифном комитете по каким-нибудь вопросам между членами комитета или между членами комитета и частными железнодорожными обществами, вопросы эти должны были восходить в совет по тарифным делам. Совет этот должен был находиться под председательством министра финансов и состоять из высших представителей различных министерств и из членов от министерства финансов. Директор департамента торговли был обязательным членом этого учреждения; самым же деятельным и обязательным членом совета должен был быть, конечно, директор департамента железнодорожных дел.

Когда мною был составлен этот тарифный закон, то Вышнеградский просил меня приехать в Петербург.

Закон этот рассматривался, по желанию государя, сначала частным образом, в Особом совещании, председателем которого был государственный контролер (того времени) Дмитрий Мартынович Сольский (впоследствии — граф Сольский), который умер в этом году. В этом совещании я первый раз увидел и познакомился с графом Сольским. Затем в совещании участвовал новый министр путей сообщения генерал-лейтенант Паукер, известный военный инженер и профессор инженерной академии, человек очень почтенный, но совсем не знавший железнодорожного дела. Потом, не помню, один или два члена Государственного совета также участвовали в этом совещании.

Все мои предположения и мой законопроект были одобрены. Вышнеградский за эту работу был мне очень благодарен, и я вернулся в Киев. Тогда о моем назначении директором департамента не было и речи; впрочем, глухо заговаривал со мною об этом Вышнеградский, но я прямо отклонил это предложение, да и Вышнеградский сказал мне, что он сам это понимает. Я совсем не намеревался уйти от железнодорожного дела, оставить место управляющего Юго-Западными железными дорогами (которые имели более 3 тыс. верст), на котором я получал громадное содержание, был совершенно свободным человеком, — сам себе хозяин, и перейти на чиновничье место, хотя бы и высшего ранга.

И вот я вдруг в Киеве получил от Вышнеградского предложение занять это место. Конечно, я отказался и написал Вышнеградскому, что я совсем не намерен переменить свою частную независимую службу на службу директора департамента. На это я получил от Вышнеградского письмо, в котором он мне говорил, что отказаться от этого места мне невозможно, так как этого желает император Александр III, который сказал ему, Вышнеградскому, что он желал бы, чтобы на место директора департамента был назначен управляющий Юго-Западными дорогами Витте, так как он меня прочит на дальнейшую службу. При этом император Александр III сказал: «Это тот Витте, который такой резкий, когда я ехал по Юго-Западным дорогам, то он в моем присутствии

сказал очень большую в отношении меня дерзость, а именно, что он не хочет слушать министра путей сообщения, так как не желает мне ломать голову. Я сделал вид, — продолжал император, — как будто бы этой фразы, в высокой степени дерзкой, не заметил. Но так как Витте оказался прав, то я имею на него большие виды».

Тогда я написал Вышнеградскому: «Вы, пожалуйста, доложите государю, — если государь прикажет, я, конечно, это сделаю, — по чтобы он имел в виду, что я никаких средств не имею. Жалованье директора департамента 8—10 тысяч, а я в настоящее время получаю более 50 тыс. Конечно, я совсем не претендую на такое содержание, так как понимаю, что на казенной службе никто столько не получает. Если бы я был еще один, по у меня молодая жена, а поэтому я не хочу переезжать в Петербург и потом нуждаться, а хочу, чтобы мне по крайней мере дали такое содержание, на которое я мог бы безбедно жить».

На это я получил ответ, что государь приказал, чтобы я 8 тысяч получал по штату, а 8 тысяч государь будет платить из своего кошелька, так что мне было назначено 16 тысяч.

Таким образом, вопреки моему желанию я начал новую карьеру⁵³.

Когда император спросил, в каком я чине, ему объяснили, что я всего титулярный советник и что нахожусь в отставке, причем ему дали справку, почему я находился в отставке. Из справки оказалось, что я находился в отставке из-за дерзости. Это произошло таким образом.

Будучи управляющим Юго-Западными дорогами, я имел постоянные сношения с дорогой, идущей от Граева в Кенигсберг, в Пруссию, благодаря этому я часто участвовал в съездах с представителями немецких железных дорог. В результате, совсем для меня неожиданно — потому что я никакой склонности и любви к декорации никогда в своей жизни не имел, да и теперь не имею, — мне вдруг пишут из министерства путей сообщения, что император германский (тогда еще был старик Вильгельм)

пожаловал мне орден Прусской Короны и что вот министр путей сообщения просит меня сообщить, за что мне император Вильгельм пожаловал этот орден?

Так как я на министерство путей сообщения был постоянно очень зол за то, что оно меня несколько раз не утверждало управляющим дорогами (тогда я был только начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог), то я и ответил, что я очень удивлен, что меня об этом спрашивают, что орден дал ведь не я Вильгельму, а Вильгельм мне, а поэтому они должны были бы обратиться к Вильгельму, почему он дал мне орден? Я же объяснить этого не могу, так как никаких заслуг ни перед императором Вильгельмом ни перед Пруссией за собою не чувствую и не знаю.

Императору Александру III показали этот ответ, но тем не менее император сказал, что он таких людей по характеру любит, и настоял, чтобы меня назначить директором департамента железнодорожных дел.

Не прошло года, как император меня назначил министром путей сообщения, а затем я был сделан министром финансов.

Я должен сказать, что единственный человек, при котором я ни в своих действиях, ни в своих выражениях никогда не стеснялся, говорил все, что думал, со свойственной моему характеру резкостью и неделикатностью (я признаю эту слабую черту в моем характере), был император Александр III. И никогда от него по этому поводу я не только не получил никакого замечания, но даже никогда не заметил ни в его фигуре, ни в выражении его лица, чтобы это ему было неприятно. Между тем эта моя черта, эта моя слабость — известная распушенность и резкость в речи — послужила главным основанием того, что я в конце концов никак не мог расположить к себе ни как к человеку, ни как к государственному деятелю ныне благополучно царствующего императора. Объясняется это именно тем, что император Николай II представляет в этом отношении совершенную противоположность своему отцу: он замечательно воспитанный человек, — я в своей жизни никогда не видел человека, более

воспитанного, нежели он, — он всегда tiré à quatre épingles *), сам никогда не позволяет себе никакой резкости, никакой угловатости ни в манерах, ни в речи, а потому, естественно, моя манера, моя речь ему не могли нравиться, часто его коробили, и это и послужило одной из главных причин того охлаждения, которое я испытывал от него. Должен сознаться, что в этом отношении он прав. Единственное мое оправдание заключается в том, что я его знал с самой ранней молодости. И когда меня упрекали после заседаний, зачем я говорил так резко, дерзко, я отвечал, что всегда я так говорил с его отцом и что мне очень трудно перемениться.

Переехал я в Петербург с моей женой, причем жене это было очень неприятно, так как, очевидно, в Петербурге мы не могли жить так широко, как жили в Киеве; кроме того, и климат петербургский не подходил ни ей, ни мне. В Петербурге мы поселились на Колокольной улице.

Когда государь назначил меня директором, то он дал мне чин действительного статского советника; так что я прямо из титулярного советника сделался действительным статским, что было совершенно исключительно. Такого примера даже, кажется, ранее и не было.

Когда я принял место, то должен был организовать все управление департамента.

Я взял вице-директором начальника отделения департамента кредитной канцелярии — Петра Михайловича Романова, который впоследствии был директором канцелярии, когда я был министром финансов, а затем был моим товарищем. Когда же я покинул пост министра финансов, то он состоял товарищем лица, которое меня заступило, а именно он был товарищем министра финансов Плеске. Плеске вскоре умер, и тогда П. М. Романов одно время управлял министерством финансов. Человек он был довольно мягкий, против него велись интриги,

*) Щегольски одет. — *Ред.*

и вместо него был назначен Коковцов. О том, как это назначение случилось, я, может быть, со временем расскажу. Романов был сделан членом Государственного совета, и теперь он состоит членом Государственного совета и председателем бюджетной комиссии. Человек он очень почтенный, пользуется общим уважением, деловой, но без особого темперамента. Живя Романов несколько лет тому назад на сравнительно молодой особе, на сестре бывшего посла в Пекине, Покотилова, который был одним из тех людей, которых я вывел. В бытность мою министром финансов этот Покотиллов был одним из моих секретарей по делам Дальнего Востока.

В департамент железнодорожных дел в качестве члена тарифного комитета я привлек и Владимира Ивановича Ковалевского, который до этого времени был начальником отделения в департаменте окладных сборов, у Рихтера. В. И. Ковалевский — человек больших способностей, но к нему относились недоверчиво, потому что, когда он был студентом Петровской академии, то известный анархист Нечасов (который был тоже студентом Петровской академии), делавший покушение на императора Александра II, как-то раз, чуть ли не после того, как совершил что-то такое анархическое, переночевал у него ночь. Ковалевский даже и не знал, что он это сделал, но тем не менее это положило пятно на всю его жизнь, так что из-за этого он очень сильно пострадал.

Когда я приехал в Петербург, то Ковалевский все время был под неблагоприятными взглядами высшего правительства как человек политически неблагонадежный. Но тем не менее я взял Ковалевского, потому что это был человек замечательно талантливый.

Сделавшись министром финансов, я назначил его директором департамента торговли и мануфактур, затем он был сделан моим товарищем. Я должен сказать, что, когда я был министром финансов, он приносил большую пользу, потому что это человек очень живой, чрезвычайно талантливый и чрезвычайно работоспособный.

Но впоследствии, еще будучи министром финансов, я должен был с ним расстаться.

Далее, когда я был директором департамента, я также в качестве члена тарифного комитета привлек некоего Максимова. Максимов этот был одним из ближайших учеников Бунге. Я знал его еще в Киеве, где я его и пригласил, когда был управляющим Юго-Западными железными дорогами, заведовать у меня всеми коммерческими агентствами и городскими станциями. Он был человек очень способный и знающий.

Когда я был назначен с поста директора департамента министром путей сообщения, то Вышнеградский назначил вместо меня Максимова директором департамента железнодорожных дел. Максимов, несомненно, человек очень толковый, очень знающий, человек сравнительно очень скромный, семьянин; между прочим, большой приятель Пихно. Когда я после Вышнеградского сделался министром финансов, то Максимов продолжал быть директором департамента железнодорожных дел. Но он вскоре запутался на одном деле, касавшемся железнодорожных предприятий известного москвича Мамонтова. Дело это касалось постройки дороги на Архангельск, и здесь Максимов явился в таком виде, который показывал, если не его некорректность, то во всяком случае увлечение, так как он дал обойти себя Мамонтову. Дело Мамонтова разбиралось в московском суде, и Мамоптов должен был отсиживать под арестом, чуть ли не в тюрьме. Ввиду этого я принужден был попросить Максимова оставить службу, и вместо него мною был назначен очень почтенный человек, инженер Циглер, о котором я говорил уже ранее⁵¹. Когда я принял пост директора департамента железнодорожных дел, то я пригласил и его из Киева.

Затем в то же время был членом тарифного комитета от государственного контроля некто Гнацинтов, который и теперь состоит директором департамента железнодорожных дел.

Таким образом, департамент железнодорожных дел и тарифный комитет были мною образованы, с одной стороны, из лиц петербургской администрации, причем я брал лиц талантливых, а затем в значительной степени лиц, работавших прежде практически на железных дорогах. Так, например, Шабуневича, который последнее время заведовал всей коммерческой частью министерства

путей сообщения, я пригласил в департамент железнодорожных дел, и теперь, до сих пор, он служит в министерстве путей сообщения в чине действительного статского советника, и много других лиц, которые частью уже поумирали, а частью заняли различные посты в частных железнодорожных обществах. Таким образом мною был сформирован департамент железнодорожных дел.

Как только я приехал в Петербург и занял место директора департамента железнодорожных дел, то по принятому порядку я должен был явиться к государю.

Тогда я был действительным статским советником, но никаких орденов не имел, так как, собственно, фактически я никогда не служил на казенной службе. Сначала я числился чиновником особых поручений при одесском генерал-губернаторе, но это было место неплатное, без всякой работы и без всякого содержания. Когда у меня крайне обострились отношения с министерством путей сообщения, я был вынужден выйти в отставку. Я был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог и управляющим Юго-Западными дорогами, находясь уже в отставке.

И вот я помню, когда я первый раз представлялся государю по случаю назначения меня директором департамента, то, конечно, я представился ему в общий прием, потому что лиц, которые занимали такое маленькое положение, как я, государь не принимал отдельно, а принимал их в общий прием.

Государь жил в Гатчине; был назначен определенный час, когда отходил в Гатчину поезд. Туда я ехал с другими представляющимися, которых было человек 10; в числе представляющихся был один полковник. По приезде в Гатчину по принятому в то время порядку всех приезжающих повезли в гатчинский дворец; там нам отвели несколько комнат, в которых мы и привели себя в порядок. Затем нас всех повели через весь дворец, с правого крыла на левое, где жил государь, в приемную комнату. Причем, так как император Александр III ужасно любил жить скромно, то он не жил в верхнем этаже (который был лучшим), а занимал средний этаж, — в сущности, не целый этаж, а пол-этажа. Дворец так устроен: нижний этаж — сравнительно очень хороший, средний — совсем

низкий, с маленькими комнатами, и верхний этаж — собственно говоря, роскошный; в нем находятся: приемная зала, балльная и концертная.

Так вот, император Александр III занимал этот средний этаж с низкими небольшими комнатами, которые напоминают собою антресоли. Там была большая зала, в которой государь принимал. Нас всех заперли в зале; вышел император один, по обыкновению очень скромно одетый, конечно, в военной форме, но форма эта была уже более или менее поношенная. Он своей тяжелой поступью, потому что он был человек очень полный и большого роста, но тем не менее величественной поступью последовательно подходил к каждому по порядку. Сначала он прошел мимо всех военных и когда дошел до того полковника, о котором я упоминал, то, сказав с этим полковником несколько слов, проговорил: «Подождите, не уходите, я с вами хочу еще поговорить». Затем император подошел к каждому из нас и каждому сказал несколько слов. Мне он сказал, что очень рад меня видеть, рад, что я согласился исполнить его желание и принял место директора департамента железнодорожных дел. Затем он подошел к полковнику и снова начал с ним говорить, но сравнительно очень тихо.

Потом дежурный флигель-адъютант подошел к нам и сказал, что мы все можем уйти. Мы пошли обратно, для чего мы должны были совершить довольно большое путешествие, идя с левого крыла на правое, где по обыкновению были приготовлены столы для завтрака.

Во время завтрака полковник должен был сидеть около меня (что я видел по билету), но его что-то все не было. Наконец в середине завтрака приходит этот полковник и садится около меня. Мне неловко тогда было его спросить: почему вас государь задержал? Так я его и не спросил. После, когда мы поехали обратно — причем обыкновенно делается так, что те экипажи, которые привозят во дворец, поджидают и увозят на вокзал (в каждый экипаж садятся двое), — сев с полковником, я решил его спросить:

— Простите, если это нескромно, но можно вас спросить: почему вас император задержал, что он вам говорил?

Полковник улыбается и говорит:

— Видите ли, государь меня знал, когда я был очень полный, а теперь я худой, вот он меня все время и расспрашивал, каким образом я сделал, что так похудел? Я ему рассказал, какую я вел жизнь, что я ел. Расспросив меня тщательно, он сказал, что очень мне благодарен, что это он тоже попробует, потому что ему неудобно быть таким толстым.

А я, с непривычки, подумал, что он расспрашивает о каком-нибудь государственном секрете.

Когда я был директором департамента, то происходили частые железнодорожные съезды, привлекались различные общественные деятели.

Тогда я познакомился, например, со Струковым, который теперь состоит членом Государственного совета от дворянства. Затем я познакомился с Бехтеевым, который в то время был помещиком Орловской губернии, он тогда ужасно ратовал против земских начальников и даже за это заслужил неблаговоление императора Александра III. Теперь же он член Государственного совета и попал он в члены Государственного совета именно как крайний правый, реакционер.

Когда я был директором департамента железнодорожных дел, то в это время существовала высшая комиссия, которая рассматривала все денежные ассигнования, находившиеся в зависимости от различных военных и морских нужд, потому что считалось неудобным давать различные объяснения и вести такие разговоры в Государственном совете, которые могли бы выдавать государственные тайны. Комиссия эта была под председательством председателя департамента государственной экономии Государственного совета Александра Аггеевича Абазы. Эта комиссия, или совещание, состояла из самых высших сановников; в этой комиссии также принимали участие: генерал-адмирал великий князь Алексей Александрович, тогдашний управляющий морским министерством адмирал Чихачев, государственный контролер Сольский и впоследствии Третий Иванович Филиппов, военный министр Ванновский, начальник Главного штаба генерал-

адъютант Обручев, затем министр путей сообщения Гюбенет и министр финансов Вышнеградский.

Так как Абаза был большой помещик Юго-Западного края, то, когда я служил в Киеве управляющим Юго-Западных железных дорог, мне приходилось с ним встречаться; поэтому Абаза и просил Вышнеградского, чтобы меня сделали управляющим делами этой комиссии. Большею частью комиссия эта собиралась обыкновенно в начале года, т. е. в начале административного года, так, в октябре или ноябре месяце, а также в конце административного года, в конце сезона, начиная с октября и так до июня месяца.

В то время Александр Аггеевич Абаза играл очень большую роль. Абаза кончил курс в университете, но университетская наука не оставила в нем больших следов; по всей вероятности, он как-нибудь проскочил университет, серьезно там не занимаясь. Затем он недолго был офицером лейб-гусарского полка, а после вышел в отставку. В молодости он, вероятно, был очень красив, был очень галантным кавалером, очень хорошо говорил по-французски, а также и по-русски говорил очень красиво. Держал он себя очень гордо, степенно; но по натуре своей и по всем тенденциям он, в сущности говоря, был большущий игрок. Хотя у Абазы было очень мало знаний и мало культуры, но это был человек с редким, совершенно выходящим из ряда вон здравым смыслом, с большими несомненными способностями.

Он председательствовал в самом трудном департаменте Государственного совета — департаменте экономии; затем он был старшим председателем департаментов Государственного совета, а потому постоянно заменял председателя Государственного совета. Обыкновенно к делам Александр Аггеевич не готовился; у него всегда был какой-нибудь маленький секретарь, который вкратце рассказывал ему все дела, а он только читал заключение. Обыкновенно Абаза не имел привычки высказывать свое мнение, а всегда выслушивал других, и когда все выскажутся, он благодаря своим большим способностям все это схватывал. Только тогда, когда на основании всех

выслушанных им речей Александр Аггеевич составлял свое мнение, он начинал говорить, причем говорил всегда с таким большим здравым смыслом, говорил таким авторитетным и назидательным тоном, что его речь производила такое впечатление, будто бы он это дело знает au fond, т. е. вполне и глубоко его изучил.

Я повторяю, что из всех государственных деятелей, которых мне приходилось видеть, несомненно, самым большим здравым смыслом и практическим большим умом обладал Абаза. По натуре же своей он был, как я говорил, игрок.

Обыкновенно после заседаний — а заседания у нас бывали по вечерам, — я приезжал домой и на свежую память составлял журнал заседания; не ложился, пока не составлю журнала. Затем утром, перед тем как идти в департамент, обыкновенно я ехал к Абазе, который жил на Фонтанке, вблизи Невского, недалеко от того дома графа Шувалова, в котором в настоящее время живет графиня, так называемая «Бетси Шувалова». Я завозил к нему журнал, и он его читал.

Абаза был государственным контролером, председателем департамента экономики, затем, до назначения Бунге, был полгода министром финансов. Абаза сделал такую большую карьеру, мне кажется, главным образом благодаря своей наружности, светскости и здравому смыслу. Он был очень протезируем известной великой княгиней Еленой Павловной. Упоминая о том, что Абаза был протезируем, я говорю это в хорошем смысле слова, потому что, как известно, великая княгиня Елена Павловна оставила после себя память, как женщина в высокой степени нравственная, корректная и в значительной степени умная.

В настоящее время, празднуя 19 февраля 1861 г. в различных кругах и ученых обществах и т. д. России, еще на днях мы вспоминали об этой великой княгине, так как она имела громадное влияние на императора Александра II и также имела влияние на величайшую реформу освобождения крестьян.

Как я уже сказал, Абаза пользовался большим расположением великой княгини Елены Павловны и благодаря ей он сделал такую карьеру.

Так как великая княгиня Елена Павловна очень любила музыку и постоянно устраивала у себя концерты, у нее, кроме фрейлин, были еще разные молодые барышни: чтицы, барышни, которые играли на фортепиано и пели, эти последние были большей частью из иностранок.

В числе этих молодых особ была одна иностранка — не знаю, какого она была происхождения, француженка или немка, — с которой Абаза завел шуры-муры. В конце концов он должен был на ней жениться. Нельзя сказать, чтобы брак этот был особенно счастлив, так как хотя Абаза и жил со своей женой в одном доме, но жили они совершенно розно друг от друга. И это совершенно понятно, потому что такая особа, как его жена — музыкантша и *une demoiselle de compagnie*, — конечно, не могла удовлетворить такую натуру, какой была натура Абазы. И уже в то время, когда я был в Петербурге управляющим делами комиссии, о которой я говорил, он постоянно бывал и жил совершенно открыто, почти *maritalement* и уже долгое время, с некоей Нелидовой, очень умной дамой, сестрой генерал-лейтенанта Анненкова.

У этого Анненкова было четыре сестры: первая была замужем за известным французским академиком Вогюэ, который женился на ней, когда он был секретарем французского посольства в Петербурге; вторая сестра — княгиня Голицына; третья была замужем за нашим посланником в Америке, а потом в Гааге — Струве; четвертая сестра Анненкова была замужем за генералом Нелидовым, который давно уже умер; когда я приехал в Петербург, она, уже, будучи вдовой, жила с Александром Аггеевичем; на Абазу она имела громадное влияние. Жили они на Мойке, и во время так называемой «диктатуры сердца» графа Лорис-Меликова в салоне Нелидовой собиралась вся либеральная партия петербургских сановников, сановников, желавших провести конституцию. Но это им не удалось вследствие несчастнейшего в истории события 1-го марта, т. е. убийства величайшего монарха императора Александра II.

Как-то раз, после того как состоялось заседание высшей комиссии под председательством Абазы, на следующий день утром я повез к нему журнал. Это было утром часов в 11. Александр Аггеевич только что встал. Обычно, встав, Абаза выходил в гостиную в халате, ему подавали длиннейшую турецкую трубку, в таком виде он многих принимал, кейфовал; в это время он любил разговаривать, вероятно для своего желудка.

Вот он мне и говорит.

— А вы знали на юге банкирский дом Рафаловича?

— Да, — говорю, — знал, потому что имел с ним очень много дела.

— Вы, я думаю, хорошего мнения о Рафаловиче?

Я ответил, что я очень хорошо знал отца Рафаловича, старика Федора Рафаловича, который принял православие и был очень ревностным православным; ходил постоянно в церковь, состоял старостой церкви, находящейся недалеко от того дома, в котором я жил, т. е. от гостиницы «Неаполь». Это был в высокой степени почтенный человек; фирма его была одна из самых больших, лучших фирм в Одессе. Когда он умер, дело его перешло к сыновьям. Главный сын — Александр Федорович. В каком положении теперь дела этой фирмы — я не знаю.

Абаза мне говорит:

— Я вот с Рафаловичем постоянно имею различные дела; Рафалович мой банкир — я ему даю поручения, например, продажу всех продуктов из моих имений ему поручаю. Я эту фирму знаю давно и ей вполне доверяю.

Я упоминаю теперь об этом разговоре потому, что когда я буду рассказывать по поводу Рафаловича, то мне придется к этому разговору вернуться.

В 1890 или 1891 г. был очень хороший урожай, а вследствие этого урожая курс нашего рубля (тогда у нас золотого обращения еще не было, а было кредитное обращение) значительно повысился. В то время рубль наш постоянно колебался в зависимости от биржевой игры и затем в зависимости от вывоза продуктов из России и ввоза продуктов в Россию. И вот в этом году вследствие хорошего урожая наш курс все повышался. Так как в то

время уже ходили смутные слухи о том что нужно будет ввести у нас чистое золотое обращение, потому что курс рубля тогда колебался и стоил он от 65—75 копеек за рубль (я говорю о кредитном рубле, что он стоил от 65—75 золотых копеек), то в финансовом комитете и шла речь о том, чтобы, если будет возможность, установить золотое обращение, т. е. фиксировать рубль так, чтобы его цена не колебалась. Говорили о том, следует ли доводить курс рубля до альпарн, т. е. чтобы он стоил 100 золотых копеек, или же нужно его фиксировать на среднем курсе — между 65—75 золотых копеек. Потому что, если искусственно довести рубль до 100, то трудно было бы его удерживать на этой норме, трудно было бы установить золотое обращение по оценке рубля на 100 золотых копеек.

Кроме того, так как курс наших денег упал после Восточной войны, т. е. в начале 80-х годов, то и цены всех продуктов, а также оценка всякого труда были приноровлены к этому низкому курсу рубля. Если бы повысить этот курс, то произошла бы полная пертурбация во всех ценах на продукты, что имело бы очень дурное влияние на экономическое положение страны.

Таким образом, было решено, чтобы при введении золотого обращения взять тот средний курс, на котором держался рубль в последние годы, т. е. между 65—75 коп.

Между тем вследствие урожая и значительного вывоза продуктов курс рубля в самом начале года продолжал повышаться и повышаться.

Вот именно в этом-то году Вышнеградский и я поехали в Среднюю Азию. Сначала мы совершили путешествие на Нижегородскую выставку, потом с Нижегородской выставки поехали по Волге, причем остановились в Самаре. После этого на одной из волжских пристаней сели в поезд и поехали по железной дороге через Кисловодск. Останавливались в Кисловодске, Пятигорске, потом поехали в Тифлис, из Тифлиса отправились в Баку, а из Баку поехали в Среднюю Азию; были в Мерве, Чарджие, осматривали Закаспийскую дорогу. После были в Самарканде, Ташкенте, Фергане, а затем вернулись обратно. Опять проехали через Кавказ в Батум. Из Батума в Новороссийск, а оттуда вернулись в Петербург.

Когда мы выехали, курс рубля все время значительно повышался. Вышнеградский к этому относился очень нервно. Курс повышался каждый день. Кредитная канцелярия и государственный банк в Петербурге продавали рубли, т. е. печатали их в экспедиции заготовления бумаг, продавали и покупали золото. Это самый обыкновенный и верный способ удерживать повышение рубля.

Между прочим, мне каждый день приходилось по указанию Вышнеградского давать депеши о том, чтобы продавали энергичнее кредитные рубли, чтобы этим препятствовать повышению курса этих рублей.

Не зная хорошо программы, которая была принята, не зная вообще мыслей Вышнеградского, я тогда несколько удивился такой усиленной продаже рублей и объяснял себе это тем, что Вышнеградский хочет скопить золото. Поэтому я не особенно советовал ему так много покупать и говорил, что гораздо лучше было бы дать повыситься нашему рублю, а когда повысится, тогда лучше покупать, потому что тогда можно будет дешевле купить золото. Вышнеградский с этим не соглашался и требовал, чтобы как можно больше покупать золота или продавать кредитных рублей.

Как-то раз, когда мы ехали по Волге, я поспорил с Вышнеградским о том, что таким способом он не так-то скоро удержит повышение рубля, что я убежден, что поднятие нашего рубля может дойти до 80 коп. золотом за рубль *).

Вышнеградский сердился на мои предсказания и как-то раз говорит: «Хотите — поспорим с вами, что я не допущу, чтобы рубль дошел до 80 копеек?»

Я говорю: поспорим.

— Но я не люблю спорить на деньги; поспорим с вами на 20 копеек.

Я говорю: будем спорить на 20 копеек.

Пока мы ехали по Волге, покупка золота и продажа рубля продолжались.

Затем мы были в Пятигорске и Кисловодске; наконец, переехали через кавказский перевал и очутились в Тифлисе.

*) Точно не помню, до какой цифры я утверждал, что дойдет поднятие нашего рубля, кажется, говорил до 80 копеек.

В Тифлисе мы остановились во дворце тогдашнего кавказского генерал-губернатора Шереметьева, которого в то время не было в Тифлисе. Провели там ночь. Утром приходит ко мне человек Вышнеградского, приносит 20 копеек и говорит:

— Вот вам прислал министр финансов 20 копеек, потому что он проиграл вам какое-то пари. Сегодня он получил телеграмму, был очень сердит, а затем позвал меня и говорит: «Отнести 20 копеек Сергею Юльевичу, скажи, что он напророчил, и он поймет, в чем дело».

Ну, я понял, что Вышнеградский узнал, что в этот день курс рубля дошел до такого размера, относительно которого я спорил с министром.

С тех пор мы начали еще более усиленно покупать золото, продавать кредитные билеты. Через неделю, когда мы были еще в Средней Азии, курс рубля начал понижаться; постепенно он все понижался и в конце концов его опять довели до нормы в 65 коп.; тогда была прекращена продажа кредитного рубля и покупка золота.

Я рассказал этот инцидент потому, что я к нему еще вернусь.

Во время нашей поездки ничего такого существенного не произошло, что могло бы оставить в моей памяти особенно сильное впечатление.

Конечно, при подобных поездках люди узнаются гораздо лучше, но я и ранее близко знал Вышнеградского, так что ничего особенного, что бы меня удивило, я в нем не заметил.

Вообще Вышнеградский был человек очень умный; где бы ему ни приходилось быть, говорил всегда очень умно. Но человек он довольно мелочный и его всегда более интересовали мелкие вещи, нежели крупные.

При этой поездке обнаружилась его крайняя скупость. Всюду мы останавливались в генерал-губернаторских домах или, там, где есть дворцы, во дворцах. Большей частью нас всегда приглашали на обеды, так что мы никогда не обедали на свой кошт. Только когда мы были в Кисловодске, то обедали в гостинице.

Во время этого путешествия мне всегда очень неприятно было следующее: вообще, когда оставляешь помещение, обыкновенно дается прислуге на чай, и вот Вышнеградский от себя давал так мало, что мне всегда было неловко, совестно, и я, кроме тех денег, которые давал прислуге от себя, в качестве лица, сопровождавшего Вышнеградского, давал еще деньги от имени министра, причем давал свои деньги; мне просто было совестно — такие ничтожные деньги давал Вышнеградский прислуге и вообще лицам, которые так или иначе нам служили, как например, кучерам, кондукторам и т. д...

Затем, во время этой поездки, я обратил внимание еще на следующее: Вышнеградскому приходилось несколько раз говорить речи на иностранном языке — именно там, где приходилось говорить с иностранными консулами, например, в Баку, причем меня удивило, как он отлично владел французским языком, совершенно свободно излагал на нем свои мысли, но имел невозможный французский выговор.

Так как я был тогда первый раз в Средней Азии, то она произвела на меня очень глубокое впечатление всеми своими богатствами, которые тогда лежали втуне; они, впрочем, и до настоящего времени находятся вполне втуне, и хотя с тех пор хлопковое производство значительно увеличилось, но масса богатств до сего времени находится в совершенно нетронутom состоянии.

Что касается Кавказа, то он не мог произвести на меня особого впечатления, потому что я его хорошо знал раньше, я там родился и жил безвыездно до 16-летнего возраста. Затем, когда я еще служил на Одесской железной дороге, мне случилось раз быть по собственным делам, т. е., иначе говоря, по железнодорожным делам на Кавказе. Я ездил на съезд железных дорог, который состоялся в Тифлисе. Тогда я снова был на Кавказе.

В Закаспийской области мы видели Куропаткина, который был начальником этой области. Он был назначен на этот пост сравнительно недавно, но нужно отдать ему справедливость — он был очень деятельным и собственно по управлению Закаспийской области он, может быть, был

самым лучшим начальником. Как известно, после того он был сделан генерал-губернатором Туркестанского края, но там он был очень недолго и вскоре получил место военного министра.

Во время нашей поездки генерал-губернатором Туркестана был барон Вревский; человек очень недурной, но совершенно ничтожный. Он был начальником штаба Одесского военного округа и по протекции Обручева был назначен генерал-губернатором Туркестана. Обручев был его товарищем по академии Генерального штаба.

В Туркестане же, а именно в Ташкенте, я в первый раз видел великого князя Николая Константиновича, старшего сына великого князя Константина Николаевича. Я видел тогда его сравнительно мельком; он приходил к министру финансов, и меня очень удивляло, что он, с одной стороны, по-видимому, был человек умный, деловой, так как там, в Средней Азии, он делал большие оросительные работы, разводил хлопок, а с другой стороны — было установлено, что великий князь Николай Константинович находится в ненормальном состоянии...

Когда этот великий князь Николай Константинович (старший сын великого князя Константина Николаевича и Александры Иосифовны; Александра Иосифовна жива до настоящего времени, хотя уже слепа) жил в Петербурге и был еще совсем молодым офицером, то случилось такого рода событие: он, прямо говоря, украл очень драгоценные бриллиантовые вещи у своей матери. Вот тогда и было установлено, что он находится в ненормальном состоянии, а поэтому он, сравнительно с различными онерами, и был сослан сначала в Оренбургскую губернию, где он женился на дочери какого-то полицеймейстера. (В Ташкенте он **жил** уже вместе со своей женой.) Затем, когда умер император Александр III и вступил на престол ныне благополучно царствующий император, ему одно время разрешили жить в Крыму, но теперь его опять перевели в Ташкент. Несомненно, это — человек ненормальный, причем ненормальность его проявляется в различных удивительных действиях, как, например: великий князь вдруг крадет бриллиантовые вещи у своей матери...

В крае его признавали человеком умным, толковым и сравнительно простым. Вероятно, он был лишен всех чинов, так как постоянно ходил в штатском костюме. Наружность он имел не выдающуюся, был лысым; но во внешности его не было ничего отталкивающего.

Когда мы возвращались обратно из Ташкента, то Вышнеградский получил телеграмму, в которой министр двора извещал его, что государь просит заехать в царское имение в Мургабе.

Еще император Александр II после занятия Закаспийской области оставил за собой очень большое количество земли, на которой он хотел завести очень высокую культуру, а именно: культивировать там хлопок и другие ценные растения; показать жителям пример. Но мысль эта была довольно неудачна: 1) взять такое большое количество земли, завоеванное кровью русских, на царское имя — это дело вообще в конце XIX века довольно неудобное; 2) затем, дело это неудачно и по самой мысли: в это имение приходилось проводить воду из соседней реки Аму-Дарьи; известно, что вся почва Средней Азии состоит из так называемого лесса (лессовая почва); это особого рода песок, но песок, который при орошении делается очень плодородным. Так вот, надо было провести значительное количество воды из Аму-Дарьи в эту Мургабскую степь. Для этого проводилась целая система каналов, и вода спускалась посредством шлюзов.

Население к этому делу относилось крайне антипатично, и нужно отдать справедливость, что Куропаткин относился к этому также отрицательно, даже враждебно, почему и не поехал с нами в Мургабское имение. Причиной такого враждебного отношения со стороны населения и даже Куропаткина было то, что отбиранием воды наносился очень большой ущерб местному населению, в особенности потому, что в той местности каждая капля воды имеет особую ценность, так как все богатство края зависит всецело от воды: если есть вода — край делается богатым; если нет воды, нет орошения, то тогда является полнейшее запустение, и край обращается в голую степь. Вот вследствие этого и население, и Куропаткин относились к этому делу

очень критически и даже враждебно. Говорили, что государь, забрав себе громадное количество земли, забирает и еще более важные вещи, а именно отнимает и часть воды.

Конечно, ни император Александр II, ни император Александр III об этом взгляде населения и понятия не имели, потому что это были не такие люди, которые хотели бы взять что-нибудь для себя от казны или от народа. Было же это сделано вследствие неправильных докладов, неправильных объяснений ближайших сановников государя. Так, я считаю, что в этом деле несколько погрешил и бывший министр двора граф Воронцов-Дашков, нынешний наместник Кавказа.

В телеграмме, о которой я упоминал выше, было сказано, что государь очень просит осмотреть Мургабское имение, главным образом шлюзы и канал, и дать свое заключение.

Мы приехали в Мургаб, остановились там и провели целый день. Приехав туда, мы сейчас же пошли смотреть шлюзы, которые были сделаны для пропуска воды. Вышнеградский вместе со мною очень внимательно все осмотрел.

Я тогда имел уже некоторое понятие вообще о строительном искусстве и строительном деле, так как я сделал свою карьеру как управляющий железными дорогами. Мне и Вышнеградскому система устроенных там шлюзов показалась крайне неудачной. Всю эту работу делал инженер Козелл-Поклевский.

Инженер Козелл-Поклевский очень способный человек, из военных инженеров, приглашен он был, кажется, из Сибири. Насколько мне помнится, этот Козелл-Поклевский и его брат участвовали в восстании 1863 года⁵⁵, а поэтому их и сослали на поселение в Сибирь. Брат инженера Козелл-Поклевского составил там большое состояние; этот Козелл-Поклевский тоже сделался довольно известен как инженер. Почему обратились именно к нему для исполнения этой работы, этого я не знаю.

Когда я с Вышнеградским вернулись с осмотра работ, то, попросив план, начали его рассматривать. Затем Вышнеградский стал делать расчет крепости всей плотины, и мы оба пришли к заключению, что едва ли эта плотина может выдержать напор воды, когда вода будет пущена из реки.

В этом смысле мы и высказали наши сомнения Козелл-Поклевскому, но тот, конечно, утверждал, что он уверен, что все он сделал хорошо и что плотина выдержит всякий напор воды, что она выдержит тот напор, то течение, которое произойдет, когда будет пущена вода из реки.

Так мы и оставили Мургаб, причем с дороги телеграфировали, конечно, очень осторожно, наши впечатления Воронцову-Дашкову для доклада государю. Мы телеграфировали, что осмотрели все работы, что, конечно, если эта Мургабская степь будет орошена, то, может быть, на ней будет возможно развитие хлопка, но что, с другой стороны, местное население и даже начальник Закаспийской области относятся несколько скептически к этому делу, потому что находят, что отнимается вода от рек, которая питает местное население; из-за этого местное население будет вынуждено в меньшей степени пользоваться водой для орошения своих участков. Вот вследствие-то этого, как говорят, население и относится к этому предприятию довольно недружелюбно.

Эта телеграмма была очень неприятна Воронцову-Дашкову, потому что подобного рода действия могли, конечно, только возмущать такую благородную и честную патуру, какой был император Александр III.

Я даже думаю, что, может быть, императору эта телеграмма Вышнеградского и не была вполне доложена или же была доложена в смягченном виде.

В заключение в телеграмме было сказано, что, кроме того, проверив все представленные расчеты, он (Вышнеградский) и его спутник, директор железнодорожного департамента Витте, сомневаются, чтобы плотина эта могла выдержать тот напор воды, который произойдет, когда будет пропущена вода через шлюзы.

Мы дали эту телеграмму, еще не покидая Закаспийской области, потом мы переехали Каспийское море и приехали на Кавказ — в Тифлис, где остановились только на несколько часов.

И вот, в Тифлисе получилась телеграмма, что после нашего отъезда через два дня были открыты шлюзы, пущена вода, и плотина не выдержала давления воды, весь канал попортило и унесло, т. е. буквально произошло то, что мы предвещали на основании наших простых расчетов.

В Среднюю Азию с нами ездил сын Вышнеградского, Александр Иванович, и его товарищ, Алексей Иванович Путилов; оба они незадолго перед поездкой кончили курс в университете и были еще совсем юношами. Один из них, а именно Александр Иванович Вышнеградский, теперь один из главных деятелей Международного банка, а другой — Алексей Иванович Путилов — председатель правления Азиатского банка, один из первых финансовых деятелей в Петербурге.

Когда мы были в Тифлисе, то молодежь (дворянская) хотела устроить для сына Вышнеградского кутеж; на этот кутеж приглашали также Путилова и меня. Я не пошел, потому что чувствовал себя не совсем здоровым. Пошел сын Вышнеградского, который в саду около Тифлиса кутил целую ночь с грузинским дворянством — с танцами и зурною (зурна — грузинская музыка). Я же поехал в известные тифлисские серные ванны; со мною захотел поехать и молодой Путилов.

В этих тифлисских серных ваннах есть чрезвычайно сильные массажисты, которые так (сильно) делают массаж, что все кости трещат. Вот я одному из этих массажистов-татар подшепнул, чтобы он сделал хороший массаж Путилову. Обыкновенно после ванны кладут моющегося на деревянную стойку и обливают жидким мылом, которое пенится (делается это особенным образом — в мешках, причем мешок надувается, а в нем — пенистое мыло). Затем на этого субъекта, который находится весь в мыле, садится массажист и начинает его массировать. Боли, собственно, при этом особенной не бывает, но так как повсюду в суставах при этом массаже трещат кости, то человек, не привыкший к этому, конечно, пугается. И вот бедный Путилов орал, как сумасшедший, и все умолял меня, чтобы я заставил этого массажиста прекратить делать массаж. Этот массажист-татарин, конечно, по-русски ничего не понимает; Путилов кричит, а он смеется.

После этого прошло уже 20 лет и даже теперь, когда я вижу Путилова и напоминаю ему о том, как ему делали массаж в тифлисских банях, он от этого воспоминания приходит в ужас.

Я поехал с Вышнеградским в Среднюю Азию ранней осенью, а моя жена ранее этого, по совету московской медицинской знаменитости того времени, профессора доктора Захарьина, поехала на Кавказ — в Пятигорск и в Кисловодск. Как я говорил, мы с Вышнеградским спустились по Волге, затем в Царицыне сели в поезд и поехали по железной дороге на Кавказ. Просездом через Минеральные воды, т. е. из Пятигорска в Кисловодск, мы остановились в Кисловодске. Вышнеградский остановился в Кисловодске потому, что там жила его старшая дочь, вышедшая замуж за Сафонова, известного музыканта, дирижера, который пользуется теперь большой славой, в особенности в Америке. Дочь Вышнеградского жила там потому, что отец Сафонова, который был казачьим генералом, а главным образом он был аферистом, имел в Кисловодске большую дачу и, кроме того, имел большую гостиницу, которую он и содержал.

Мы с Вышнеградским заранее условились, что он заедет в Кисловодск, где как раз в это время делала курс своего лечения жена. Я, конечно, остановился у жены, которая нанимала маленькую дачу у Барановского, и пробыл там двое суток. Уезжая через двое суток с Кавказа, я оставил свою жену в сравнительно хорошем состоянии: она была очень бодра, весела, говорила, что ей очень помогают воды «Нарзан». Я тогда не знал свойства вод нарзана. Нарзан и купание в нем очень поднимают силы организма, придают бодрость, но у кого слабое сердце, на том нарзан очень сильно впоследствии отзывается, отзывается именно на сердце. Вообще те, кто пользуется нарзаном, принимают ванны, во время самого курса лечения делаются чрезвычайно бодрь. Это свойство нарзана местные жители хорошо знают.

Так, в это время, например, в Кисловодске был один казачий полковник князь Дундуков-Корсаков, сын киевского генерал-губернатора, а впоследствии генерал-губернатора на Кавказе. Я как-то о нем в начале моих рассказов вспоминал. Так вот все удивлялись, что Дундуков-Корсаков (который был женат потом на актрисе Ильиной) влезал в бассейн нарзана, требовал шампанского и выпивал там целую бутылку. Все этим поражались, так как было известно, что никто не мог бы этого выдержать, со всяким был

бы после этого удар, до такой степени эти воды сильны. Вообще, кто купается в нарзане, тот знает, что он очень холодный, что можно только в него окунуться, но оставаться в нем долго да еще пить шампанское — это вещь совсем экстраординарная.

Потом, когда я приехал в Тифлис — не помню, что-то такое произошло, кажется, получил первую орденскую ленту, и телеграфировал жене в Пятигорск. Она мне отвечала телеграммой, причем телеграмма эта меня очень удивила, потому что в ней она почти предсказала мне все то, что со мной после случилось до настоящего момента моей жизни.

Мы с женой условились, чтобы вернуться в Петербург почти одновременно, но жена с Кавказа заехала в имение своего брата, Иваненко (Черниговская губ.), и мне оттуда писала, что она там очень веселится. Из имения своего брата жена должна была приехать в Киев, побыть в Киеве 1—2 дня, чтобы видеть свою мать и затем вернуться в Петербург. Но вдруг я, будучи уже в Петербурге, совершенно неожиданно получил депешу, что жена умерла от разрыва сердца. Для меня не подлежит никакому сомнению, что смерть ее была последствием лечения нарзаном.

Когда я приехал в Киев ее хоронить, то взял с собою в Петербург дочь жены, нанял для нее очень хорошую не то гувернантку, не то *dame de compagnie*. Вот то было единственное время, когда я с нею прожил год или немного больше года. Потом я женился на второй моей жене, а она вышла замуж за Меринга.

Возвратясь в Петербург, я, конечно, опять явился к Абазе. Абаза как-то снова заговорил со мною о Рафаловичах, говорил, что банкирский дом Рафаловичей в Одессе пошатнулся, что это такой почтенный дом, что нужно ему оказать помощь и не могу ли я по этому предмету заговорить с Вышнеградским. Я ему на это ответил:

— Вы, Александр Аггеевич, мне кажется, имеете гораздо большее влияние на Вышнеградского, нежели я, да, наконец, и дела Рафаловича я вовсе не знаю.

На это он мне говорит:

— Да вы ничего больше и не говорите, а скажите только то, что вы знаете, что вообще фирма Рафаловичей была одна из лучших фирм в Одессе, что Рафаловичи — люди очень почтенные и фирма их очень почтенная.

Я ответил, что это я с большим удовольствием скажу, потому что это — несомненный факт.

Я Вышнеградскому сказал, и сказал, что вот мне Абаза говорит то-то и то-то, что я знаю Рафаловича с очень хорошей стороны, что вообще это одна из лучших фирм, и я удивляюсь, как это они могли поставить себя в затруднительное положение и что, вероятно, это произошло вследствие какой-нибудь неосторожности молодых Рафаловичей, которые теперь управляют домом, потому что как раз за некоторое время до этого умер их отец, очень почтенный человек — Федор Рафалович.

Вышнеградский отнесся к этому делу довольно раздражительно. Очевидно, раньше с ним об этом деле уже говорил Абаза. В конце концов, Вышнеградский мне сказал, что он сделал доклад, чтобы Рафаловичу была оказана помощь и была выдана сумма, кажется, если я не забыл, в 800 тыс. рублей, под различные обеспечения, с тем чтобы дать деньги не на руки, а чтобы Государственный банк передал эти деньги кредиторам. Затем он добавил: все это я делаю потому, что Абаза меня об этом очень просит, а мне Абаза в настоящее время очень нужен. В это время Вышнеградский проводил новый таможенный тариф, первый протекционный таможенный тариф в России, и так как Абаза был председателем департамента экономии, то Вышнеградский мне говорил: «Я без Абазы это дело провести не могу, он мне необходим; так как в этом он мне окажет содействие, я исполню его просьбу».

Чтобы закончить историю Рафаловича, я немножко забегаю вперед.

Вскоре я сделался министром путей сообщения и занимал этот пост около восьми месяцев. С Вышнеградским сделался удар. Государь назначил меня министром финансов. Как только я был сделан министром финансов, то почти на другой день — я еще жил в здании министерства путей сообщения — пришел ко мне Александр Федорович

Рафалович, глава дома Рафаловичей, старший сын Федора Рафаловича. Я знал его очень давно в Одессе. Когда я его принял, он мне говорит, что пришел ко мне для того, чтобы просить о выдаче ему в ссуду известной суммы денег.

Он рассказал мне, как получил (первую) ссуду, о чем я слышал от Вышнеградского мельком. Я тогда никаких непосредственных отношений к Государственному банку не имел и это дело знал очень мало, так как мне Вышнеградский сказал по этому делу только несколько слов.

В ответ на просьбу я сказал Рафаловичу: извините, я только что вступил в управление министерством финансов, вообще я считаю выдачу подобных ссуд невозможной и просить разрешение государя на выдачу такой ссуды ни в коем случае не согласен и этого не сделаю.

Рафалович ответил мне, что, в сущности, ему решительно все равно, выдам ли я ему ссуду или не выдам, но что он мне советует вынудить в это дело и выдать ссуду, потому что из выдачи этой ссуды он ничего не выиграет, а если я не выдам, то произойдет скандал.

Я спросил, какой же может произойти скандал? Тогда он мне объяснил: та ссуда, которая была ему выдана при Вышнеградском, кажется, в размере 800 тыс., выдана была кредиторам рубль за рубль, причем было взято в обеспечение их, т. е. Рафаловичей, различное имущество, забрано было почти все их имущество; банк непосредственно кредиторам выдал деньги, но этих 800 тыс. не хватило, большинство кредиторов было удовлетворено, а часть не удовлетворена, и вот эти-то кредиторы требуют судебного разбирательства. Таким образом, несомненно, когда это дело явится в суд, то вырисовывается следующее: Государственный банк взял па себя регулирование дел Рафаловичей и поступил неправильно, потому что, если государство не хотело помочь ему, Рафаловичу, то нужно было назначить конкурс и администрацию на общем основании и тогда каждый кредитор получил бы соответствующее число копеек на рубль; по расчетам Рафаловича выходило, что каждый кредитор получил бы на рубль (который он им должен) по шестьдесят копеек. Тогда дело, с точки зрения закона, было бы совершенно правильно. Правительство не имело права поступить таким образом, чтобы удовлетво-

рить одну часть кредиторов рубль за рубль, так как вследствие этого другая часть кредиторов не получила ни копейки.

На это я сказал Рафаловичу:

— Отчасти вы правы, но тем не менее такое высочайшее повеление последовало; вы, вероятно, ввели в заблуждение Вышнеградского и Государственный банк, указав сумму в 800 тыс. руб. Нужно было сказать, что вам необходима большая сумма.

Но он говорит:

— Я не мог просить, чтобы сумма была больше; во всяком случае Государственный банк раньше, чем давать деньги, должен был убедиться, что действительно сумма в 800 тыс. достаточна для покрытия всех долгов.

Я сказал:

— Вы страшаете скандалом, но ведь большого скандала из-за этого не будет.

Он говорит:

— Я не этим страшаю, а тем, что тогда кредиторы непременно на суде начнут разъяснять, почему у меня не хватило денег. Играть злостного банкрота я не желаю, а поэтому я должен буду все разъяснить: из книг будет выяснено, что у меня не хватило денег потому, что я передал Абазе 900 тыс. руб. и внес эти деньги в ссудный банк.

Я был этим крайне удивлен и спросил:

— Каким же образом вы могли дать Абазе 900 тыс.? Что же вы хотите меня уверить, что Абаза мог взять от вас взятку или что-нибудь подобное?

— Нет,— говорит он,— Абаза не брал взятку, а вот как это случилось. Летом я получил телеграмму от Абазы, чтобы я приехал к нему в именье по Фастовской железной дороге, в Шполу.

Когда я туда приехал, то курс рубля начал значительно повышаться, повышение это продолжалось. Абаза мне говорит: «Я хочу,— говорит,— играть на понижение рубля (а в то время, как я уже говорил, рубль все повышался и повышался); поэтому,— говорит,— я вас прошу' продавать на мой счет кредитные рубли (иначе говоря, покупать золото). Я вам,— говорит,— буду телеграфировать, сколько покупать и как покупать, а вы мне об исполнении моих приказов отвечайте».

Был установлен для этих телеграмм шифр, т. е. условные знаки, чтобы знать, как и что покупать, а также чтобы можно было давать ответы, что я купил то-то.

Я помню, что шифр, т. е. условные знаки, были установлены следующие: марки означали, положим, ячмень, фунты — пшеница, франки — кукуруза, так что, например, когда Абаза телеграфировал: купить столько-то пудов кукурузы, то это означало: продать столько-то рублей на франки, т. е., иначе говоря, купить столько-то франков.

Рафалович говорит: когда я получал эти приказы, то я ясно видел, что Абаза играет на понижение рубля, а так как он был в то время председателем финансового комитета, то я не без основания имел право заключить о том, что не мог же он играть не наверняка? Конечно, он играет наверняка, следовательно, ему известно, что кредитный рубль будет понижаться. И вот, я, продолжал Рафалович, как банкир, играл точно так же, как и он: Абаза продает рубли и покупает золото, и я покупаю за свой счет золото. Так мы вели это дело несколько месяцев. В конце концов, так как рубль все еще не понижался, то Абаза уже проиграл очень крупную сумму, чуть ли не 800 тыс. руб. и я со своей стороны проиграл точно такую же сумму. И вот, видя, продолжал Рафалович, такие громадные потери, я решил, что, вероятно, Абаза ошибается, и поехал опять к нему в Шполу. Приехав туда, я говорю: вот какие громадные потери: по-видимому, рубль все будет продолжать повышаться и повышаться. Вероятно, он находится в ошибке?

Он мне сказал: «Это не ваше дело, продолжайте исполнять мои приказы, продолжайте покупать золото и продавайте кредитные рубли».

Но я тогда уже усомнился и думал, что, наверно, Абаза ошибается, а поэтому делал обратное, так что те покупки и продажи, которые он мне приказывал производить за границей, я уже не делал, а все принимал прямо на свой счет. Так, например, он мне говорит: продайте столько-то рублей, а я их, вместо того, чтобы продать, покупал своей конторой.

Вышло следующее: сначала рубль продолжал все повышаться и повышаться, следовательно, и потери Абазы все увеличивались а мои потери начали уменьшаться, но

затем курс рубля начал быстро понижаться, и Абаза все то, что проиграл, отыграл, да еще выиграл 900 тыс. руб. Я же и прежние 800 тыс. проиграл, да еще эти новые 900 тыс., которые Абаза выиграл, я ему проиграл. Так что у меня вышли громаднейшие потери в несколько миллионов рублей. Вследствие этого мой «Дом» и лопнул. Итак, говорит Рафалович, из этой ссуды, которая мне будет выдана, я не беру ни копейки, все пойдет моим кредиторам. И эту ссуду надо выдать во избежание скандала, так как, несомненно, на суде все будет выяснено, и выйдет громадный скандал: как председатель финансового комитета, действительный тайный советник, статс-секретарь Абаза, председатель департамента экономии и вдруг играет на повышение и понижение рубля?

Я сначала ему не поверил.

— Что вы мне говорите? А можете вы этому представить какие-нибудь доказательства?

И назначил ему прийти ко мне на следующий день.

Рафалович пришел ко мне на следующий день и показал всю переписку с Абазой, все телеграммы, которые ему давал Абаза, так что нельзя было сомневаться, что, действительно, все эти операции были произведены по приказанию Абазы.

Я начал справляться в министерстве финансов, и действительно оказалось, что когда начал курс повышаться, то раньше, чем министр финансов Вышнеградский решил продавать кредитные рубли и покупать золото, он испросил на это полномочие государя, потому что это ведь громадные операции. Но боясь, что государь не доверится его мнению, Вышнеградский свой всеподданнейший проект доклада послал Абазе, прося его дать относительно этого проекта свой авторитетный отзыв. Абаза, который в это время был председателем департамента экономии и самым влиятельным членом комитета финансов, дал отзыв, что он вполне разделяет мнение Вышнеградского.

Сейчас же этот отзыв Абазы вместе со своим докладом Вышнеградский представил государю. И вот на основании этого всеподданнейшего доклада и началась продажа кредитного рубля и покупка золота почти в течение всего времени нашей поездки, о чем я уже рассказывал. Но тогда я не знал, что все это делается по оформленному всепод-

даннейшему докладу, утвержденному государем и предварительно одобренному председателем департамента экономики.

Когда я сопоставил числа, то мне сделалось совершенно ясно, что Абаза, получив уведомление о том, что Вышнеградский доложил государю и что государь одобрил предположения Вышнеградского (которые ранее были одобрены и Абазой), — вызвал Рафаловича и с этого времени начал играть на понижение рубля н а в е р я к а.

Но покупка золота сразу не могла подействовать на понижение рубля ввиду большого урожая и громадного вывоза хлеба, происходившего в то время, а поэтому нужно было долго продолжать покупать золото, чтобы достигнуть понижения рубля. В этот период времени, так как Абаза играл на понижение рубля, он и проиграл очень большую сумму, около 800 тыс. руб., но затем начал отыгрываться, отыгрался и еще выиграл 900 тыс. руб. А Рафалович проиграл и эти 900 тыс. да и предыдущие 800 тыс. руб., да кроме того и свои, когда он, начав играть с Абазой на понижение рубля, усомнился и начал производить обратные операции.

Рассмотрев это дело, я увидел, что оно самое возмутительное, скандальное дело.

И вот я, при первом всеподданнейшем докладе императору Александру III, доложил довольно осторожно, что ко мне обратился Рафалович и просит выдать ссуду и что, мне кажется, ссуду придется выдать.

На это мне император Александр III сказал, что он не согласен на выдачу ссуды, что и ту ссуду, которая прежде была выдана Рафаловичу, он согласился выдать только потому, что на этом особенно настаивал Вышнеградский, что вообще он не видит, для чего выдавать различные ссуды жидам.

Я доложил государю, что, собственно говоря, Рафаловичи не были ж и д а м и, что еще отец их был православный.

Но, конечно, все мои возражения были не по существу. И государь выдать ссуду не соглашался. Что же касается существа, то я сказал:

— Ваше величество, к сожалению, я должен доложить, что это дело такого порядка, такого характера, что если не выдать ссуды, то произойдет скандал.

И затем я разъяснил государю, в чем заключается дело.

Прослушав мои разъяснения, государь приказал выдать ссуду. Ссуда эта была выдана под различные обеспечения. От Рафаловича были взяты все обеспечения, которые он имел.

В это время ко мне явился некто Дуранте, симферопольский помещик, на дочери которого женился Георгий Рафалович, младший из братьев Рафаловичей, и сказал, чтобы Государственный банк выдал большую ссуду; так как ссуды, которая может быть обеспечена (остающимся) имуществом Рафаловича, будет недостаточно, то он также дает в обеспечение все свое имение. Я сказал, что это дело Государственного банка, насколько увеличить ссуду, что он должен обратиться к управляющему Государственным банком, у которого есть высочайшее повеление, как поступать.

Государственный банк выдал дополнительную ссуду Рафаловичу, не помню, какую сумму, кажется, от 300—400 тыс. руб., причем, между прочим, взято было в обеспечение и имение Дуранте, так как он, как уже я сказал, делал заявление, что дает все свое имущество под обеспечение ссуды, выдаваемой Рафаловичу.

В это время из-за границы уже вернулся Абаза.

Абаза обыкновенно на летние и осенние месяцы ездил за границу и проводил последние месяцы в Монте-Карло, так как очень любил азартную игру. Он играл в Монте-Карло, а когда бывал в Париже, то и там в клубах вел весьма азартную игру. Когда я еще был в Киеве, а министром финансов был чуть ли не Рейтерн, Абазу, который был тогда членом совета министерства финансов, послали вести переговоры с банкирской конторой о займе. Он в клубе проиграл очень большую сумму, причем его выручил, заплатив за него эту сумму, Герман Рафалович, брат одесского Рафаловича, который жил в Париже, — рантье, наживший уже большое состояние и уже никакими делами не

занимавшийся. Он-то и выручил Абазу, заплатив за него карточный долг⁵⁶.

Так вот, когда вернулся из-за границы Абаза, он просил государя его принять, на что государь не согласился. Так как Абаза был председателем департамента экономии и по возвращении из-за границы должен был являться к государю, то, раз он не был принят государем, стало ясно, что Александр III оказывает ему неблаговоление.

Между тем, так как Рафалович сумму в 900 тыс. руб. уже внес, то сделалось известным, что несколько месяцев тому назад такая-то сумма внесена в ссудный банк на имя Абазы. Слухи об этой истории с Рафаловичем — конечно, немножко в превратном виде, — начали все более и более распространяться. Конечно, в то время никто этому верить не хотел; в Государственном совете говорили, что будто бы я оклеветал Абазу перед государем, так что, когда я приходил в Государственный совет, то замечал, что многие члены Государственного совета, друзья Абазы, как бы от меня отворачиваются на том именно основании, что вот я такого почтенного человека, как Абаза, оклеветал⁵⁷.

Вследствие этого я поехал к государю, доложил ему обо всем и просил его назначить комиссию, которая вообще все бы это дело рассмотрела и сняла бы с меня это пятно, так как говорят, что будто бы я относительно Абазы неправильно доложил ему (т. е. государю).

На это император Александр III заметил, что ему решительно все равно, что говорят, так как он мне вполне доверяет; если бы до него и дошли подобные слухи, то он на них не обратил бы никакого внимания.

Тогда я сказал государю:

— Ваше величество, мне приходится иметь служебные дела с членами Государственного совета, а поэтому, если эти члены Государственного совета будут уверены в том, что я оклеветал Абазу, то отношение Государственного совета ко мне будет ненормальное.

Государь сказал:

— Если вы так настаиваете, то я готов назначить комиссию. Кого же, — говорит, — назначить?

Я говорю, что самое лучшее, если назначить бывшего министра финансов Бунге в качестве председателя комиссии (он был товарищем, когда Абаза был министром фи-

нансов). Затем, в качестве членов комиссии: члена Государственного совета Чихачева (бывший морской министр), который тоже был приятелем Абазы, государственного контролера Тертия Ивановича Филиппова, который был директором департамента у Абазы, когда Абаза был государственным контролером. Итак, я просил назначить трех лиц.

Затем государь говорит мне:

— Я хочу, чтобы в этом заседании были вы, а также как обер-прокурор — министр юстиции Муравьев.

Таким образом, состоялось заседание: присутствовали в качестве председателя Бунге, а затем в качестве членов: Чихачев, Тертый Иванович Филиппов, я и Муравьев.

Я представил все документы, из которых, конечно, совещание вполне убедилось в том, что я был прав, а именно, что со стороны Абазы это был поступок некорректный, если не сказать больше.

Насколько я помню, журнала не было составлено.

О результатах разбора всего этого дела в комиссии императору докладывал Бунге. Я помню, что когда я после разбора этого дела в комиссии явился к императору, то он, улыбаясь, мне сказал:

— Вы знаете, у меня был Бунге, он все мне подтвердил, только у него очень странный взгляд. Он говорит так: Вышнеградский играл на понижение рубля за счет казны, а Абаза играл на понижение рубля за свой счет, но он ничего не делал в ущерб государству, потому что государство стремилось к тому, чтобы понизить рубль, и Абаза стремился к этому же. Вот, если бы он играл в обратном направлении, тогда другое дело, а то он играл в том же направлении.

Я хотел сказать, что ведь в том-то и суть, что Вышнеградский играл за счет казны, следовательно, прибыль и убытки были на счет казны; Абаза же играл на свой счет, наверняка на выигрыш, потому что он был посвящен, как председатель департамента экономии, в этот секрет. Он знал, что Вышнеградский покупает золото с известной определенной целью, с разрешения государя, и, несомненно, раз такое сильное государство, как Россия, взялось покупать золото и продавать кредитные билеты, то так как оно может фабриковать эти билеты сколько угодно,

хоть целыми миллиардами, то, разумеется, в конце концов, цель будет достигнута. Вот, если бы пришлось играть обратно, на повышение рубля, тогда — другое дело, это было бы трудно, так как не имелось бы основания в самом экономическом состоянии России. А для того чтобы играть на понижение рубля, нужно только иметь типографский станок, который бы хорошо работал, и тогда можно надеяться сколько угодно билетов.

Государь не дал докончить эти мои объяснения и сказал:

— Я сам понимаю: Бунге, вероятно, это говорил просто для смеха.

Не прошло и двух недель, как снова прихожу я к императору Александру III в Аничковский дворец. Он, как всегда, мне так благодушно улыбается (я его как сейчас вижу пред собою) и говорит:

— А вы знаете, я получил письмо от Александра Аггеевича Абазы, в котором он мне кается.

Затем император Александр III вынул это письмо и прочел.

В этом письме Абаза сознается, что он действительно увлекся и играл на понижение рубля; Абаза просил прощения у государя и клялся, что никогда этого больше не будет⁵⁸.

Прочтя это письмо, государь сказал:

— Вот он мне клянется, что никогда больше не будет. Я бы ему поверил, потому что Абаза, в сущности, очень полезный человек, очень умный и толковый; я бы ему поверил, если бы он мне клялся в первый раз, но теперь я ему не могу верить, потому что раз меня кто-нибудь обманет, то вторично я ему уже не поверю. А знаете, у меня несколько лет тому назад с Абазой была история (действительно, было известно, что Абаза в яхт-клубе кого-то обыграл на очень большую сумму; было скандальное дело; тот, которого он обыграл, кажется, что-то с собою сделал или во всяком случае жаловался государю; тогда государь обратился к Абазе, но Александр Аггеевич сначала все это отрицал, в конце концов сознался, что это действительно было, но что это было в последний раз и что больше он никогда в жизни играть не будет).

— Оказывается, — продолжал император, — не прошло и нескольких лет, а он снова играет, причем играет так

безобразно: зная государственный секрет, играет на понижение рубля; я, — говорит, — большие этого никогда ему не прощу.

Итак, вследствие этой истории Абаза должен был оставить место председателя департамента государственной экономии.

Так как пост председателя департамента государственной экономии (по прежнему порядку) был очень тесно связан с деятельностью министра финансов, то обыкновенно государь не назначал председателя департамента, не посоветовавшись с министром.

И вот перед 1-м января ⁵⁹ (председатель департамента экономии и председатель Государственного совета назначаются 1-го января) государь меня и спрашивает: кого назначить?

Я посоветовал государю назначить Сольского, бывшего государственного контролера, который оставил этот пост отчасти потому, что с ним был удар, а отчасти потому, что он по политическому направлению подходил больше к направлению Александра II, т. е. был так называемого либерального направления. Император же Александр III в особенности в начале своего царствования очень не симпатизировал этому направлению по весьма простой причине, потому что, как известно, Александр II погиб 1-го марта от рук анархистов. Тогда все приписывали это несчастье либеральному направлению Александра II; говорили, что император Александр II всеми своими либеральными реформами распустил Россию и что только при этом условии мог случиться этот ужасный акт. Конечно, это объяснение было неверно, но тем не менее в то время все это объяснение считали правильным.

Но так как пост председателя департамента экономии не требует никакой инициативы, место это, так сказать, для успокоения, для председательствования, а не боевое место, если можно так выразиться, то Александр III и согласился на это место назначить Сольского.

Сольский вообще был человек очень порядочный, очень честный, благородный человек, очень культурный и умный, но он представлял собою тип чиновника, который никогда

не мог бы ни на что твердо решиться, не мог бы провести в своей жизни никакой реформы. В качестве же председателя он всегда сглаживал все углы, вносил во все прения спокойствие; лиц, которые обладают характером более или менее боевым, т. е. лиц, которые содержат в себе большую долю инициативы, он умерял и вообще вводил во все дела более умеренное направление.

Что касается истории с Абазой, то она в конце концов снова выплыла год тому назад при следующих условиях.

После 17 октября, во время нашей так называемой революции, когда забрали громадную силу в России «черносотенцы» *), эти архиреакционеры, состоящие большей частью из лиц *sans foi ni loi* **) и образовался так называемый «Союз русского народа», с его различными подразделениями: «союзом Михаила Архангела» и т. д., Дуранте вдруг ватеял такого рода историю (он был в то время уже вполне разорившимся и вступил в «Союз русского народа» г. Одессы, главою которого там был граф Коновницын — тоже большой негодяй): Дуранте обещал, что «Союзу русского народа» он даст половину той суммы, которую он хотел получить от казны, уверяя, что будто бы то имение, которое было взято в залог под обеспечение ссуды Рафаловичу, было забрано Государственным банком и потом продано незаконно, что вследствие этого он был разорен, что будто бы все это сделал я вследствие моих каких-то особых отношений к Рафаловичам, если не из каких-нибудь выгод, то во всяком случае по моим к ним симпатиям.

Одесский «Союз русского народа» поднял всю эту историю; по этому предмету была составлена громадная записка, конечно, наполненная ложью; эта записка была передана министру финансов государем.

(Относительно всего этого дела в министерстве финансов находятся все документы, и они ясны, как день.)

Министр финансов, разобрав все это дело, доложил государю, что все это не так, что все это дело выдуманно. Тогда государь передал разобрать все это дело председателю Го-

*) Что, впрочем, продолжается и в настоящее время.

**) Не имеющих ни стыда, ни совести.— *Ред.*

сударственного совета Акимову. Акимов, рассмотрев это дело и видя, что, с одной стороны, оно очень грязное, а с другой стороны, не желая говорить, что оно вполне неверно, чтобы не поссориться с «Союзом русского народа», доложил государю, что вообще финансовых дел не знает и поэтому все-таки просит передать расследование дела Коковцову.

В конце концов относительно этого дела Коковцов представил всеподданейший доклад и опять-таки, боясь нареканий «Союза русского народа» (который имел такую силу, что мог свою записку прямо представить государю, и государь почел необходимым это дело разбирать), просил свой доклад по этому делу рассмотреть в Совете министров.

Несмотря на то, что Совет министров в большинстве своем состоит из людей, если мне не враждебных, то во всяком случае не симпатизирующих мне, тем не менее он признал, что все это неправда, что, во-первых, ссуды я не выдавал, так как первую ссуду выдал Вышнеградский, а не я. Во-вторых, что касается Дуранте, то при выдаче второй ссуды *) он сам в обеспечение ее предложил свое имение, иначе Рафаловичу не выдали бы столь большую сумму, как это было сделано при вторичной ссуде; выдали тогда, кажется, около 400 тыс. руб. только потому, что Дуранте предложил в залог свое имение. Следовательно, относительно Дуранте поступлено вполне правильно и законно. Дело это уже разбиралось в комиссии под председательством Сольского, причем комиссия признала все действия Государственного банка безусловно правильными, и Совет министров остается при этом мнении.

Таким образом, это клеветническое дело, поднятое «Союзом русского народа», осталось без последствий.

Но тем не менее ведь государь император все-таки поверил этому «Союзу русского народа» и дал это дело на расследование; это дело проходило через Совет министров; такое дело, возбужденное таким господином, господином, в сущности, столь непорядочным, что от него, по-настоящему, никакого прошения государю передано быть не могло.

*) Выдача второй ссуды была неизбежна, раз выдали первую.

Затем в прошлом году я видел Рафаловича, он мне объяснил, что, раньше чем подавать государю, Дуранте его шантажировал, все требовал денег и бегал за ним с револьвером, несмотря на то что, для того чтобы Дуранте не погиб, Рафаловичи дали ему какое-то место в Бессарабском банке, в котором Рафаловичи до сих пор главенствуют; Дуранте получает там, кажется, 200 рублей.

Когда Дуранте предъявил к Рафаловичам претензии, то, так как это дело семейное, был назначен третейский суд, где и было выяснено *), что, в сущности, Дуранте купил имение на деньги Рафаловичей.

Когда Рафаловичи еще были богаты и сын Рафаловича Георгий решился жениться на дочери Дуранте, то этому последнему дали ссуду, чтобы он купил это имение, так что Дуранте купил имение за счет Рафаловича.

Таким образом, естественно, что когда надо было дать в залог имущество, чтобы получить деньги из Государственного банка, то Дуранте и отдал свое имение. Конечно, Дуранте человек такой низкой нравственности, что если бы он знал, что имение это будет потеряно, то он, может быть, его бы и не дал, но во всяком случае Дуранте ничего не потерял, так как он ничего не имел. Когда Дуранте согласился с решением третейского суда, то, чтобы дать ему средства к жизни, Рафаловичи предоставили ему место в Бессарабском банке.

Когда дело разбиралось в Совете, Дуранте приезжал в Петербург и писал самые возмутительные статьи по поводу меня в «Русском знамени», что будто бы я ограбил Дуранте, что будто бы я выдал все эти ссуды и вообще затеял это дело, когда в действительности все это произошло при Вышнеградском и шло помимо меня.

Дуранте даже писал мне все время анонимные письма, писал, что, когда меня встретит, будет в меня стрелять.

Я обыкновенно имею осторожность, когда выхожу гулять, беру с собою револьвер; но, несмотря на то что Дуранте написал мне несколько подобных писем, мне никогда не приходилось из этого револьвера стрелять, так как я никогда не встречал Дуранте.

*) Относительно этого дела Рафалович показывал мне документы.

Когда я сделался директором департамента железнодорожных дел, то первое время все железнодорожные общества относились ко мне враждебно, так как мне приходилось водворять в существовавшем в то время тарифном хаосе порядок, а водворение порядка этого было связано с ограничением прав и практики железнодорожных обществ. Железнодорожные общества, как я говорил ранее, были в тарифном деле вполне неограниченными хозяевами: делали, что хотели, друг с другом конкурируя, страшно понижали тарифы, устанавливали тайные, так называемые рефакционные тарифы, и вообще в то время тарифное дело представляло собой полнейший хаос, и так как, с одной стороны, я сам был специалистом по тарифному делу и пользовался между всеми железнодорожниками авторитетом, а с другой стороны, так как общества скоро заметили, что от водворения порядка в железнодорожных тарифах в общем они только выигрывают, а не проигрывают, то мне скоро удалось установить в тарифном деле определенное начало и значительно повысить доходность железных дорог. Тот дефицит, который был в железнодорожном деле и который простирался до 48 млн. руб., в течение того времени, когда я был директором департамента железнодорожных дел, а потом министром путей сообщения и министром финансов, был совсем уничтожен. Так что все тарифное дело было приведено в порядок теми началами, которые я установил, будучи директором департамента железнодорожных дел и вместе с тем председателем тарифного комитета *).

Все правила и начала, установленные мною, без больших видоизменений практикуются и до настоящего времени. Формы действия все остались до настоящего времени совершенно в том же виде, в каком они были установлены мною.

В это время мне приходилось сталкиваться как со многими помещиками, так и с лицами торгово-промышленных сфер.

Так как устройство и построение всех новых железных дорог, уставы железных дорог, железнодорожные конди-

*) Так как председатель тарифного комитета обязательно должен быть вместе с тем и директором департамента железнодорожных дел.

ции, на основании которых передавалась постройка железных дорог, все имело громадное влияние на общее финансовое положение железных дорог, то все эти части железнодорожного дела постепенно сосредоточились в министерстве финансов и в департаменте железнодорожных дел. В этом департаменте, следовательно, сосредоточились все вопросы о построении новых железных дорог. Этот порядок существует в общем и до настоящего времени; всем этим до настоящего времени ведает министерство финансов.

Когда после 1905 года я сделался председателем Совета министров, то, так как в мое время министерство финансов чрезвычайно разрослось и так как в нем сосредоточилось не только все, что непосредственно касается министерства финансов, но и вся торговля и промышленность, а также, можно сказать, вся суть железнодорожного дела, т. е. все железнодорожное дело за исключением технической части, то я и увидел, что один человек — министр — справиться с этим делом не может, если, конечно, он не будет лицом более или менее исключительным. Вследствие этого я представил на утверждение его императорского величества указ об образовании министерства торговли и промышленности.

Вследствие этого указа все, что касается торговли и промышленности, было выделено из министерства финансов, а следовательно, был выделен и департамент железнодорожных дел.

Министром торговли и промышленности в то время был сделан Тимирязев, который был назначен по моему выбору.

Но сразу же, как только департамент железнодорожных дел, собственно не сам департамент, а тарифная часть департамента железнодорожных дел, была передана министерству торговли, я заметил всю опасность нахождения директора департамента железнодорожных дел в министерстве торговли и промышленности.

Дело в том, что, когда я был министром финансов, то наша железнодорожная сеть в последние годы опять начала постепенно давать дефицит. Произошло это вследствие постройки массы политических и стратегических дорог; некоторые из этих дорог в первые десятки лет, во всяком случае в первые годы, не могут давать дохода. Глав-

ным образом это относится к тем чисто стратегическим дорогам, которые идут к западной границе, также Сибирская железная дорога и вообще весь Великий Сибирский путь, идущий до самого Владивостока.

Дефицит железных дорог в 1905 году достиг опять цифры около 100 млн. руб.

Таким образом, когда я сделался директором департамента железнодорожных дел, дефицит был около 48 млн. руб., постепенно мною он был уничтожен, так что дефицита почти совсем не было, но потом опять получился дефицит, отчасти вследствие постройки этих стратегических и политических дорог, а отчасти вследствие дурного управления железными дорогами министерством путей сообщения; дефицит этот вырос, как мною уже было сказано, до 100 млн. руб.

И вот, как я говорил, когда была передана тарифная часть департамента железнодорожных дел министерству торговли и промышленности, я сразу заметил, что министр Тимпразев склонен делать по различным ходатайствам из торгово-промышленных сфер постоянные понижения тарифов железных дорог.

Хотя понижениями тарифов иногда и достигаются очень хорошие результаты, но такие понижения очень опасны, когда железнодорожная сеть дает дефицит.

Я испугался, что дефицит этот начнет опять значительно увеличиваться, а поэтому департамент железнодорожных дел (еще пока я не покидал место председателя Совета министров), с согласия Совета министров, высочайшим указом снова был передан в министерство финансов.

Так как все финансовое строительство было сосредоточено в министерстве финансов, то ко мне довольно часто обращались различные лица петербургской знати, которые были заинтересованы в проведении той или другой железной дороги.

Вот в это время, когда я был министром финансов, я узнал, что представляет собой большинство этих знатных особ и семей петербургского света. Они отличаются от обыкновенных людей не столько большими положительными качествами, как большими качествами отрицательными.

На свете, конечно, много есть алчных людей, даже большинство людей алчно, так как это чувство до известной степени есть закон природы, это есть самозащита — у знати же чувство это во сто раз больше, чем у обыкновенных людей. Если обыкновенный человек эгоистичен и алчен, то он эгоистичен и алчен вследствие сознания, что ему нужно жить, что иначе он — а если не он, то его семейство, — умрет, что нужно обеспечить жизнь своего семейства; у знати же алчность очень часто является из-за любви к богатству, из-за любви к роскоши, из-за любви к власти и в особенности к власти внешней, которую это богатство дает...

Мне приходилось видеть таких знатных лиц, которые при различных высочайших выходах, высочайших балах держат себя так важно, что со стороны кажется, что к ним добраться нельзя, а между тем эти же самые лица в моем кабинете из-за какой-нибудь денежной выгоды, из-за десяти тысяч или ста тысяч рублей готовы были ползать чуть ли не на коленях, оказывали мне всякое ухаживание и проявляли всякое подобиострастие.

Я не говорю это по отношению всех знатных лиц; между ними, конечно, есть много лиц и семейств в высокой степени порядочных, благородных и честных вполне достойных того высокого имени, которое они посят, но многие из них величайшие лицемеры, а в особенности жадны бесконечно

Я не хотел бы назвать этих лиц поименно; многие из них теперь, да и при императоре Александре III, занимали самые высокие придворные должности и были самыми близкими к царской семье, по крайней мере в ее внешних проявлениях, т. е. во внешних проявлениях царской семьи.

Мне вспомнился один старик, человек другого порядка, но который тоже представляет собою, так сказать, продукт петербургского мира, а именно генерал-лейтенант Маврин. Он часто приходил ко мне и постоянно надоедал, приставая с различными мелкими железнодорожными делами о том или другом тарифе или об устройстве железнодорожных станций близ какого-нибудь имения и т. п. Все это он делал по наущению и настоянию сына. Сам же старик был человек очень почтенный и довольно забавный.

Я помню, как-то раз пришел он ко мне и рассказывал, что вчера он был на параде дежурным генерал-адъютантом и несколько часов сряду должен был ездить с государем императором в Красном Селе при объезде войск. Ему было уже за 84 года. Я его спросил:

— А что же вы, ваше высокопревосходительство, не устали несколько часов ездить верхом?

— Нет,— говорит,— я совсем не устал, хотя должен сказать откровенно, что вот последний год я чувствую, что ко мне пришла маленькая старость.

Я очень удивился и спросил: в чем же она выражается? Он мне говорит:

— Видите ли, я до прошлого года очень любил постоянно ухаживать за дамами, а вот уже целый год (это он мне сказал с большой грустью) я,— говорит,— потерял охоту этим заниматься.

Меня подобное признание, конечно, очень удивило со стороны человека, которому было 84 года.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

Я уже говорил, что после катастрофы в Борках министр путей сообщения генерал-адъютант адмирал Посьет должен был подать в отставку, и вместо него был назначен военный инженер генерал-лейтенант Паукер.

Посьет был очень честный, прямой, прямолинейный человек, но очень ограниченный. Он был назначен на пост министра путей сообщения потому, что был воспитателем и вместе с тем и руководителем великого князя Алексея Александровича.

Когда великий князь Алексей Александрович совершал кругосветное путешествие, то Посьет был командиром того фрегата, на котором плавал великий князь. Вообще, Посьет обучал великого князя морскому делу. Но однажды, командуя фрегатом, на котором находился великий князь, Посьет на Немецком море столкнулся с другим кораблем.

По закону его судили, но так как Посьет был генерал-адъютантом, занимал такое высокое положение, то хотя его и признали до некоторой степени виновным, но тем не менее карьера его от этого несколько не пострадала. Напротив, так как он удалился от морского дела и его не могли назначить морским министром, то император Александр II, очень его любивший, назначил Посьета министром путей сообщения.

Когда Посьет сделался министром путей сообщения, он был всеми уважаем, как человек честный и прямолиней-

ный, но все знали, что он человек чрезвычайно ограниченный.

И вот, когда Посьет ездил иногда по железным дорогам для ревизии, то я знаю, что когда он приезжал, то на Юго-Западных железных дорогах делалось распоряжение, чтобы были очищены и приведены в полный порядок особые места, которые существуют на станциях с надписью: «для мужчин» и «для женщин». Это было единственным приготовлением, которое делалось для его встречи, потому что у Посьета была следующая слабость: когда он приезжал на станцию, то прежде всего ходил осматривать эти места, в порядке ли они, чисты ли. Если находил непорядок в них, то происходили большие истории, он требовал взысканий; а если эти места он находил в полном порядке, то на все остальное он обращал очень мало внимания (вероятно потому, что в остальном он ничего и не понимал). Почему он считал себя специалистом именно по этой части — я не знаю.

Я помню, однажды с Посьетом был такой случай: как-то раз, когда я служил на Одесской дороге, проезжал Посьет, который ехал с юга (с Одесской железной дороги) на север. С ним по обыкновению ехал и инспектор железных дорог барон Шерваль. Я попросил, чтобы они взяли меня с собою, так как мне нужно было ехать в Москву, и с ними я мог гораздо удобнее доехать.

И вот на Московско-Курской железной дороге, выехав с одной из станций, мы вдруг встретились с другим поездом, идущим нам навстречу (а в то время Московско-Курская железная дорога была однопутная), но это было вовремя замечено и поезда были остановлены. Тот поезд (товарный), который шел нам навстречу, был пущен обратно, тихонько, задним ходом, а мы подвигались за ним и таким образом приехали на станцию.

Выйдя из вагона, Посьет велел позвать начальника станции и начал его распекать. Начальник станции все время стоял и молчал. Вероятно, это молчание еще более разозлило Посьета; если бы тот хоть что-нибудь ответил, то, вероятно, у него отлегло бы от сердца, а так как начальник станции все время молчал, то Посьет все более и более сердился и наконец сказал:

— Что же вы все молчите, вы бы мне хоть что-нибудь ответили.

Тот ему и ответил:

— Ваше высокопревосходительство, вот вы мне все изволите говорить, что не можете понять, до какой степени небрежности надо дойти и пустить один поезд на другой, чтобы эти поезда встретились. Конечно, — говорит, — это ошибка, по ведь, ваше высокопревосходительство, путь-то один. Если с одной стороны пустить поезд и с другой, то неизбежно, раз сделана эта ошибка, они должны встретиться. А вот, — говорит, — когда идет в море один корабль и другой, где, кажется, много места чтоб разойтись, вот когда они (корабли) сталкиваются, то это гораздо более удивительно. Вы, ваше высокопревосходительство, удивляетесь, когда встречаются два поезда на железной дороге, а ведь вы сами видели, как корабли в море встречаются, вы сами, ваше высокопревосходительство, командовали фрегатом, когда это случилось.

Посыет страшно рассердился, потребовал, чтобы этого начальника станции уволили. Затем мы поехали далее.

Посыет, если бы не случай в Борках, еще долго занимал бы пост министра путей сообщения, потому что император Александр III, вероятно, вследствие любви к своему брату Алексею, очень к нему благоволил; вероятно, император еще и в молодости встречал этого почтенного адмирала.

И вот когда после истории в Борках, Посыет оставил службу и сделался членом Государственного совета, то вместо него был назначен генерал-лейтенант Паукер.

Когда было заседание в комиссии Сольского, о чем я рассказывал, и когда в департаменте железных дорог и в совете по тарифным делам рассматривали составленный мною проект, то Паукер, который тогда был только что назначен министром путей сообщения, присутствовал уже на этом заседании и на все соглашался. Конечно, он соглашался потому, что был в большой дружбе с Вышнеградским. Если бы в заседании присутствовал другой министр путей сообщения, не Паукер, то, конечно, никогда не согласился бы отдать все тарифное дело, все финансовое железнодорожное дело, т. е., можно сказать, самую душу железно-

дорожного дела из министерства путей сообщения в руки другого министра.

Паукер был недолго министром путей сообщения, потому что вскоре он заболел и умер. Он был очень старый, почтенный человек.

На место Паукера был назначен Гюббенет, который был товарищем министра путей сообщения при Посьете, а потом остался товарищем и при министре путей сообщения Паукере.

В то время товарищем назначали обыкновенно какое-нибудь лицо из опытных чиновников, большей частью из сенаторов. Гюббенет был назначен товарищем Посьета вместо сенатора Селифонтова, который был сделан первоприсутствующим в сенате.

Кажется, назначению Гюббенета в министры содействовал бывший в то время министром внутренних дел граф Дмитрий Толстой.

Гюббенет то же самое железнодорожного дела не знал, был простым чиновником, сенатором, очень напыщенный, любивший говорить очень напыщенным тоном, человек не дурной, но очень обидчивый; никакого влияния на железнодорожное дело он иметь не мог.

В скором времени образовались большие железнодорожные залежи; пошли различные жалобы на эти залежи, так как они приносили громадный убыток сельским хозяйствам и вообще промышленности и торговле.

Вот в это-то время появился, так сказать, выскочил на сцену военный инженер полковник Вендрих. Об этом Вендрихе я должен сказать несколько слов, потому что он в последние годы играл очень выдающуюся роль, да и до сих пор его имя в известных кругах пользуется некоторым авторитетом. (Теперь он состоит сенатором.)

Когда я был еще начальником движения Одесской железной дороги, я встречался с Вендрихом на железнодорожных съездах; в то время Вендрих занимал место начальника движения Балтийской железной дороги; он был военным инженером и имел тогда капитанский чин. Человек он очень почтенный, вообще в материальном отношении человек очень честный и порядочный, но весьма ограниченный. Он именно так ограничен, как могут быть

ограничены только немцы; это ограниченность особого рода — «шорная» ограниченность, такие люди точно находятся в шорах. То, что у таких людей находится перед глазами, они довольно хорошо понимают и оценивают, крайне добросовестно ко всему относятся; о каком-нибудь деле, например, о котором русский человек напишет одну страницу, такой немец напишет несколько томов; у таких людей кругозор не только самый узкий, но у них, можно сказать, совсем нет никакого кругозора. Это просто люди с крайне недалеким прямолинейным взглядом.

И вот я помню, когда на съездах начинал говорить Вендрих, а говорил он большей частью тогда о различных системах оборота вагонов, то всегда все мы относились к его разговорам снисходительно, как к разговорам крайне надоедливym и вследствие своей прямолинейной требовательности прямо граничившим с глупостью.

Балтийская железная дорога была в то время частной. Долго Вендрих на ней ужиться не мог. Вторично я с ним встретился, когда я уже был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог, а потом управляющим этими дорогами; Вендрих в то время управлял маленькой Фастовской дорогой, смежной с Юго-Западными дорогами.

На Фастовской железной дороге он пробыл несколько лет; точно так же старался вести дело очень аккуратно, очень суетился, но все это с явной прямолинейностью и с явной для каждого, имеющего с ним отношения, глупостью.

И вот, так как Вендрих главным образом всегда считался специалистом по оборотам вагонов, то, когда при министре путей сообщения Гюббенете сделались большие залежи на железных дорогах, Гюббенет выставил Вендриха как лицо, которое должно принять меры для уничтожения этих залежей. В то время Вендрих уже потерял место управляющего Фастовской железной дорогой и был при министерстве путей сообщения в качестве инспектора железных дорог.

Получив это назначение, Вендрих поехал по всем железным дорогам приводить их в порядок. Все железнодорожные управления, все железнодорожные деятели хорошо знали цену Вендриху, что он человек, хотя и недурной, но крайне ограниченный, глупый, с известным прямоли-

нейным нахальством. Вследствие этого он предъявил к агентам железных дорог такие требования, которые были неисполнимы и очень грубы. Но в конце концов все же иногда своими распоряжениями по уничтожению железнодорожной залежи он приносил пользу; так как он был человеком назначенным и с особыми полномочиями, то, конечно, он несколько, так сказать, будил деятельность железных дорог там, где она находилась в состоянии спячки, но в общем он скорее запутывал дело, чем приносил пользу.

В результате последовали жалобы не только на Гюббенета, но и на Вендриха.

В конце концов император Александр III стал предъявлять Гюббенету требования об увольнении тех или других лиц за неисправности железных дорог. Требования эти исходили от аттестаций полковника Вендриха, часто совершенно неправильных. Государь же прислушивался к мнению Вендриха именно потому, что он был военный (полковник). Через военные же сферы Вендрих добрался до его величества в том смысле, что император обращал внимание на отзывы Вендриха и ожидал от его деятельности особых услуг. Вендрих же, хотя и был назначен Гюббенетом, но, очевидно, при этом случае пожелал сам стать в прямые отношения к государю императору. Поэтому он доносил императору помимо Гюббенета, вследствие чего в конце концов отношения императора к Гюббенету крайне обострились.

Гюббенет уклонялся выполнить некоторые повеления государя императора, в результате чего он должен был уйти⁶⁰.

Тогда естественным кандидатом на пост министра путей сообщения явился Вендрих. Но когда кандидатура Вендриха была поставлена, то это всех, знающих его ограниченность и его самодурство (присущее всем ограниченным людям), очень испугало. Его терпели и, может быть, даже рекомендовали на какую-нибудь второстепенную роль, но когда явилась мысль о том, чтобы назначить его министром путей сообщения, то, конечно, все испугались и начали отговаривать государя. Все, зная Вендриха, понимали, что он не может занять место министра путей сообщения, а что его можно рекомендовать именно только на такие роли, как поехать, распорядиться и т. п.

Но особенно убеждать в этом государя не пришлось, потому что, по-видимому, император давно имел в виду назначить меня министром путей сообщения, что и исполнил, несмотря на то что я был директором департамента всего один год или немного более. Моим назначением был удивлен весь петербургский мир.

Я был назначен министром путей сообщения в начале 1892 г.

Вообще во время моей служебной карьеры я никогда не был большим охотником перемениать служебный персонал и делал это только в крайности. Будучи назначен министром путей сообщения, я привлек в министерство двух опытных управляющих железными дорогами, а именно управляющего Московско-Курской железной дорогой инженера Сумарокова, который был мною назначен начальником управления железных дорог, а также и управляющего Ливавской железной дорогой, инженера Ададунова, который был мною назначен начальником управления строящихся дорог.

Затем в министерство на второстепенные должности мною также были приглашены лица из числа местных железнодорожных деятелей, знакомых с железнодорожной жизнью, в особенности с жизнью коммерческой. Так, например, Шабуневич, который и до настоящего времени служит в министерстве путей сообщения; Гордон (который теперь уже умер) и еще несколько других лиц.

Товарищем моим по министерству путей сообщения я пригласил Иващенко, бывшего до того времени директором одного из департаментов государственного контроля, т. е. одним из помощников Тертия Ивановича Филиппова. Когда я был назначен министром финансов, этот Иващенко сделался моим товарищем и по министерству финансов. Затем он перешел снова на прежнюю службу в государственный контроль, товарищем государственного контролера, так как служба эта была ему более близка, и он рассчитывал сделаться с уходом Тертия Ивановича Филиппова государственным контролером, на что он имел решительно все права. Но это не сбылось: когда Тертий Иванович Филиппов умер, то государственным контролером, по рекомендации военного министра Ванновского, был назначен директор его канцелярии и бывший преподаватель госу-

даря императора, когда государь император был наследником, генерал Лобко. Вследствие этого Анатолий Павлович Иващенко был сделан членом Государственного совета и как член Государственного совета пользовался общим уважением вследствие его в высшей степени уравновешенного характера, скромности и больших знаний в области государственного контроля и вообще государственного хозяйства. В настоящее время Анатолия Павловича Иващенко уже не существует на свете: он умер.

Когда я вступил в должность министра путей сообщения, то самое дело меня не смущало, так как я это дело превосходно знал, потому что главная часть в министерстве путей сообщения — железнодорожная, с которой я был вполне ознакомлен; могу сказать, что в то время в этой области я числился одним из первых специалистов. В отношении же других отраслей министерства путей сообщения, а именно грунтовых и шоссейных дорог и водных сообщений, я находился в несколько другом положении, так как эти отрасли я знал сравнительно мало. Именно эти отрасли и возбуждали мои сомнения, так как все-таки я знал их настолько, чтобы видеть, что именно в этих отраслях между инженерами и служащими по шоссейным дорогам и по водным сообщениям совершается масса злоупотреблений. Вообще это такие ведомства, которые испокон веков, еще со времен Мельникова, пользовались, и не без основания, репутацией ведомств не вполне чистых. Мне пришлось начать борьбу с этими злоупотреблениями; но так как я оставался министром путей сообщения недолго, то я только начал эту борьбу, затем все это заглохло.

Когда я был назначен министром путей сообщения, то прежде всего мне предстояло отделаться от Вендрпха, так как Вендрпх, ездя по железным дорогам, хотя и приносил некоторую пользу в том смысле, что он будил железнодорожных служащих на тех дорогах, где они спали, но в конце концов он приносил более вреда предъявлением невозможных требований и резкостью обращения, вообще своею, что называется по-русски, «шальностью». Вообще Вендрих человек шальной. Но у него это качество, так сказать,

особого рода; он не такой шальной, каким бывает русский человек; он шальной немец, с известной узостью взглядов, известной мстительностью, хотя, в сущности, он человек не дурной, а, песомненно, честный и порядочный.

Разбирая на столе бумаги, оставленные мне моим предшественником Гюббенетом, я, между прочим, нашел одну бумагу следующего характера:

В этой бумаге Вендрих допосл государю о деятельности управляющего Харьковско-Николаевской железной дороги Печковского *). Печковский, — несомненно, хороший инженер, вообще человек знающий и очень почтенный, хотя и не особенно приятного характера. Вероятно, когда Вендрих был на Харьковско-Николаевской железной дороге, то он предъявил Печковскому какие-нибудь бестактные требования и получил от него отпор, вследствие чего и сделал неблагоприятное донесение о Печковском.

Император Александр III, который вообще в своих резолюциях был очень прямым и искренним, написал: «Когда вы уберете этого мерзавца?» Вследствие этого Печковский тогда же должен был выйти в отставку.

В одном из первых моих докладов я откровенно высказал государю императору, что Печковский совсем не такой человек, каким аттестовал его Вендрих, хотя вообще он человек не симпатичный. На это государь весьма добродушно заметил:

— Мне очень жаль. Но что же делать нам в нашем положении. Мне неправильно допосл, и я написал эту резолюцию, думая этим понудить министерство проявить большую деятельность, ибо образовавшиеся на железных дорогах залежи причиняли всюду большие убытки, и я отовсюду получал жалобы.

Конечно, 1—2 недели мне было очень трудно служить с Вендрихом, потому что я видел, что Вендрих гораздо больше путает, нежели приносит пользы. Но так как государь Александр III в это время цптал к Вендриху полное доверие (вероятно, Вендрих был ему кем-нибудь рекомендован), то мне казалось, что будет довольно трудно убедить государя, что Вендрих гораздо больше приносит

*) Ныне Печковский состоит председателем правления Ростово-Владикавказской железной дороги.

вреда, нежели пользы. Но тем не менее когда я сказал это откровенно государю, то он мне на это ответил, что он решительно ничего не имеет против того, чтобы те полномочия, то поручение, которое дапо Вендриху, а именно, чтобы он упичтожал залежи на железных дорогах, было от него отнято, потому что это поручение было дано Вендриху по той причине, что бывший министр путей сообщения Гюбенет железнодорожного дела совсем не зигал, а так как я железнодорожное дело знаю и считаюсь одним из первых специалистов по части эксплуатации железных дорог, то, само собою разумеется, Вендрих должен отойти в сторону.

Поэтому Вендрих был сделан членом совета министерства путей сообщения и был в таком состоянии, можно сказать, в загоне до самых последних лет. В течение 12 лет он все писал различные книги относительно обращения подвижного состава и движения на германских дорогах в случае мобилизации войск⁶¹.

В 1905 г., когда я сделался председателем Совета министров и когда начались забастовки, министром путей сообщения, по моей рекомендации, был назначен Немешаев, а когда он ушел, то на его место был назначен Шауфус. Министром Шауфус оказался слабым, вследствие чего для упичтожения железнодорожной крамолы опять на сцену выплыл Вендрих, который все последнее время жил за границей (в то время он был уже генералом). Выудил Вендриха и рекомендовал его государю опять-таки великий князь Николай Николаевич. Рекомендовал он его как человека, который еще при императоре Александре III был призван приводить железные дороги в порядок и упичтожать залежи грузов, а теперь его нужно призвать для упичтожения крамолы. Вендриха призвали, сдали ему железные дороги, и он в течение целого года на железных дорогах безобразничал: увольнял служащих, проектировал железнодорожные батальоны, железнодорожный корпус, в конце концов он составил проект устройства (наподобие жандармского корпуса) железнодорожного корпуса из военных, которые должны были в мирное время служить на железных дорогах под главенством корпусного командира.

Он этот проект сам докладывал государю императору, по-видимому, без ведома председателя Совета министров Столыпина.

Как Вендрих уверял, государь император на все его проекты согласился и на докладе написал: «А командиром корпуса железнодорожного назначить генерала Вендриха».

В сущности говоря, после такой подписи государя императора Вендрих мог бы прямо эту резолюцию опубликовать и считать себя корпусным командиром; первое он не сделал, а что касается второго, то он уже считал себя корпусным командиром и говорил всем своим знакомым, что он назначен государем императором командиром железнодорожного корпуса.

Но в министерствах вообще и, в частности, в министерстве путей сообщения, он встретил протест, так как существование такого корпуса с особым корпусным командиром, имеющим право непосредственных докладов его величеству, конечно, не вязалось с правильной организацией железнодорожного дела.

В результате всего этого Вендрих попал в немилость и, вместо того чтобы сделаться корпусным командиром, был сделан сенатором и уехал за границу.

Но вся эта история очень повредила почтеннейшему Шауфусу, и вскоре он оставил пост министра путей сообщения, так как все эти дразги очень повлияли на его здоровье.

Тогда все думали, что государь император назначит министром путей сообщения Вендриха. Опять Вендрих чуть было не сделался министром путей сообщения все на том же основании, как и в 1892 г., а именно по поводу уничтожения им залежей на железных дорогах — точно так же, как и в 1905—1906 гг., когда он тоже чуть-чуть не сделался министром путей сообщения по случаю уничтожения на железнодорожной крамоле.

Но против такого назначения явился течения, во главе которых стояли председатель Совета министров и вообще все министерство. В результате Вендрих не был назначен министром путей сообщения, а был назначен нынешний министр путей сообщения Рухлов, чиновник очень умный, толковый, из простых мужичков, что, конечно, делает

ему честь, человек с характером, но, к сожалению, не знающий железнодорожного дела; вообще он склонен скорее плыть по течению, нежели против течения, хотя бы движение против течения и было правильно.

Когда я сделался министром путей сообщения, то, помня печальный случай в Борках, я прежде всего почел нужным установить новые правила движения императорских поездов. Впрочем, эта работа, кажется, была начата несколько раньше, при Гюббенете, и я в ней участвовал в качестве члена совета по железнодорожным делам, как представитель от министерства финансов, но dokonчены эти правила были мною. В этих правилах я ввел различные строгости, которые гарантировали бы безопасность движения императорских поездов. Так, я в точности определил состав поезда в зависимости от силы паровоза, ограничил скорость в зависимости от состава поезда, от системы паровоза и от состояния пути и ввел многие другие правила, которые гарантировали бы — насколько вообще правила могут гарантировать — безопасность движения поездов, возящих государя императора и его семью.

Эти правила встретили затруднение только в том отношении, что пришлось значительно ограничить права различных сопровождающих лиц на отделения, вагоны и купе, а равно и численность этих лиц. В этом всегда и прежде заключалось главное препятствие к восстановлению правильного состава поездов. Министерство путей сообщения не решалось сделать это ограничение, боясь влпаний высших придворных лиц на государя, для министерства путей сообщения неблагоприятных.

Так как министр Посьет, главный инспектор железных дорог барон Шерваль и, в сущности, главный деятель того времени на железных дорогах инженер Салов очень дорожили благоволением свыше, которое приобреталось расположением придворных сфер (поэтому барон Шерваль и был сделан камергером и гофмейстером, а Салов все время мечтал сделаться статс-секретарем), то они и не решались пойти против удобства придворных лиц и вообще придворной челяди.

Само собой разумеется, что когда государю императору было объяснено, почему необходимо это сделать, то Александр III сейчас же сам эти правила утвердил.

Эти правила действуют и до настоящего времени, хотя, вероятно, и не вполне точно исполняются. Так, в конце прошлого года, когда я ездил в Одессу, я как-то спросил относительно того, исполняются ли строго все эти правила? Мне указали на некоторые правила, хотя, впрочем, сравнительно второстепенные, которые не вполне исполняются, что весьма жаль, потому что раз только начнут отступать от этих правил, особенно если сделают существенные от них отступления, то опять могут нарваться на несчастный случай.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ПОЕЗДКА НА ХОЛЕРНУЮ ЭПИДЕМИЮ. ВТОРАЯ ЖЕНИТЬБА

Наступила весна 1892 г., и на Волге всюду появилась холера. Холера проявилась еще в 1891 г. летом, но не сильно; в 1892 же г. она значительно усилилась.

Как-то раз, когда я пришел с докладом к государю, он сказал мне, что желал бы, чтобы я поехал на Волгу посмотреть, какие меры принимаются там против холеры, принимаются ли все нужные меры. При этом государь прибавил:

— Так как вы самый молодой министр, то я на вас и возлагаю это поручение.

Кроме того, поручение касалось главным образом водных сообщений и железных дорог, т. е. того, что находилось в моем ведении как министра путей сообщения.

Но мне были даны государем императором общие полномочия.

И вот я поехал на холеру, взяв с собою секретаря; в Самаре я прихватил еще с собой проф. Павловского *), который еще раньше был командирован правительством на холеру как один из руководителей медицинского персонала. По Волге проф. Павловский все время со мною и ездил.

Прежде всего я поехал в Самару, конечно, останавливаясь по нескольку часов в различных местах, где холерные случаи проявлялись более или менее интенсивно. Приехав в Самару, я остановился там на два дня.

*) Павловский был профессором Киевского университета.

Конечно, когда я уезжал на холеру, то знакомые доктора указывали мне целый ряд различных средств, чтобы уберечься от холеры. (В то время в России к холере не так еще привыкли, как в последние годы.) Между прочим, известный доктор-бурят Бадмаев дал мне какие-то порошки, чтобы я принимал их всегда во время пищи. Но я эти порошки не принимал.

Приехав в Самару, я, конечно, прежде всего поехал во все больницы, госпитали и приемные покои. Тогда я в первый раз видел подолгу массу холерных больных, причем меня поразило то обстоятельство, что все эти больницы и приемные покои были на руках медиков-студентов, совсем не было видно докторов. На мой вопрос: отчего это происходит, отчего доктора отсутствуют? — мне объяснили, что часть докторов в отпуску, а многие доктора уклоняются от лечения этой болезни, боясь ее. Все мне заявляли, что больше всего больные обязаны студентам, которые лечили и ухаживали за больными с крайней самоотверженностью.

Конечно, всех этих молодых людей я очень обладал.

Когда я вернулся утром с осмотра больниц домой (я остановился на вокзале железной дороги в царских комнатах), то не могу скрыть, что прежде всего я полез в ванну (которая была приготовлена с сулемой) и усиленно мылся; затем приказал моему человеку особенно дезинфицировать мое платье. Вообще впечатление осталось у меня очень неприятное, потому что мне приходилось очень подолгу бывать в больницах у холерных больных, трогать их и разговаривать с ними. Конечно, это не могло не произвести на меня известного нравственного действия.

Первые дни по приезде мне все время хотелось мыться в ванне, дезинфицировать платье и так далее. Садясь есть, я первое время всегда мыл руки, но все эти предосторожности я принимал только первые дни, а потом — что значит привычка — я так свыкся со всем этим, что никаких предосторожностей больше не исполнял: приходя из больницы, прямо садился есть, не умыв рук и т. д. Все прошло совершенно благополучно. Единственно, что я исполнял, это не ел, по совету проф. Павловского, фруктов, вообще не ел ничего сырого. Кроме слабого чая, ничего не пил,

причем этот слабый чай готовился нам в бутылках, так что мы вместо вина или воды пили все время этот слабый чай просто как холодное питье.

Из Самары я спустился по Волге до Царицына; остановился в Саратове. В Саратове я осматривал также все больницы, приемные покои. И там на меня произвело впечатление то же самое, а именно — почти полное отсутствие докторов, все лежало на руках молодых людей, медиков-студентов последнего или третьего курса.

В Саратове еще меня удивило то обстоятельство, что саратовский губернатор не счел нужным, как обыкновенно это принято, встретить министра на пристани. Вообще в Саратове я так и не видел губернатора; мне сказали, что он где-то отсутствует, причем как раз в Саратове за несколько дней до моего приезда происходили так называемые холерные беспорядки, т. е. невежественная толпа взбунтовалась против докторов, обвиняла докторов в том, что они нагнали болезнь, советовала не слушаться докторов и не принимать никаких средств. В конце концов толпа гналась за лицами, которые оказывали медицинскую помощь. Так что, например, один доктор спасся только случайно, благодаря тому, что влез на пожарную калачу и пробыл там целую ночь — иначе толпа растерзала бы его.

Затем я остановился довольно надолго в Царицыне. Там картина была еще более удручающая. Когда я вышел на пристань, то увидел несколько трупов только что умерших, еще не убранных. На пристани же находился один доктор и какой-то полицейский. С этим доктором я объезжал все больницы. На мой вопрос, где же находится начальство и другие доктора, сопровождавший меня доктор ответил, что все доктора или в отпуску или уехали. Таким образом, только один этот доктор находится в городе, даже студентов было мало, а большей частью при больных были только сестры милосердия.

Когда мы с доктором подъехали к главному холерному бараку, то нас встретила со слезами сестра милосердия; она начала что-то шептать доктору, который был несколько

смущен. Я поинтересовался узнать, о чем она ему шепчет, и доктор сказал следующее:

— Вот какой несчастный случай произошел. Когда мне сказали, что ваш пароход подходит, я, боясь, что вас никто не встретит, поспешил на пристань. Уходя, я взял из аптеки флакон и сказал, чтобы такому-то больному дали столько-то капель, а он скончался... Такое несчастье случилось. (Доктор был очень смущен.) Я вместо одного лекарства дал другое... дал карболовой кислоты, и больной принял... это был и без того тяжелобольной и пока я был на пристани, он уже скончался в ужасных страданиях *).

Насколько мог, я их успокаивал, старался их утешить. Но на меня этот случай произвел тяжелое впечатление главным образом потому, что он ясно доказывал, в каком виде находится повсюду это дело, и то, что не было достаточного количества медицинского персонала.

Из Царицына я по железной дороге поехал в Нижний Новгород. Дорогой я останавливался на нескольких станциях, но там собственно холерных случаев не было.

Когда я приехал в Нижний Новгород, то там в это время губернатором был генерал Баранов, бывший флотский офицер, известный не то по подвигу, не то по буффонаде. Одни говорят, что, действительно, это был подвиг, другие утверждают, что это была буффонада.

Известно, что корабль «Веста», которым командовал Баранов во время турецкой войны, встретился с военным турецким судном в Черном море. И вот когда произошло это столкновение, то, судя по реляциям Баранова и его подчиненных, наш корабль «Веста» оказал геройское сопротивление. За этот подвиг Баранов был награжден Георгием, помощник его Рождественский тоже был награжден Георгием, и вся команда «Весты» получила различные награды военного времени.

Насколько правы те, которые говорят, что «Вестой» был совершен действительно выдающийся военный подвиг, или те, которые говорят, что это была скорее буффонада, чем подвиг, судить, конечно, довольно трудно, потому

*) Доктор этот, встретивший меня в Царицыне, оказался железнодорожным доктором, почему он и находился в Царицыне, в то время как все остальные доктора разъехались.

что свидетелями этого были только те, которые в то время находились на «Весте».

Но так как я в это время находился в Одессе и очень много об этом слышал, то (должен сказать) у меня составилось впечатление, что корабль «Веста», который был снаряжен для войны (собственно говоря, это был простой коммерческий пароход) под командой капитана Баранова действительно оказал в известной степени героизм при столкновении с турецким военным судном. Причем одни говорят, что в конце концов «Веста» ушла от этого турецкого судна, а другие говорят, что турецкое военное судно бежало от «Весты». Во всяком случае команда «Весты», несомненно, проявила известное героизм⁶². Но, с другой стороны, вместе с тем, я думаю, тоже верно и то, что все это Баранов значительно раздул, все это он значительно разукрасил. Конечно, все его подчиненные делали то же, что делал и их начальник, тем более, что все это было для них не безвыгодно.

Ближайшим помощником Баранова был Рождественский, тот самый Рождественский, который в 1904—1905 гг., т. е. через 35 лет, повел нашу пресловутую морскую эскадру из Балтийского моря в китайские и японские воды, ту самую эскадру, которая потерпела такое ужасное, постыдное поражение в Цусиме. Если бы Рождественский не имел Георгия, не числился в числе героев «Весты», то, вероятно, он не сделал бы такую морскую карьеру и не повел бы Балтийскую эскадру в 1905 г. в Цусиму. И вообще повел ли бы ее кто-нибудь из других адмиралов—это еще вопрос, ибо, когда приходилось снаряжать эту Балтийскую эскадру, то большинство специалистов, да и не специалисты, например я, держались того мнения, что эта эскадра идет на гибель, так как она никоим образом ни в личном составе, ни в своем материальном составе не подготовлена для боя с таким прекрасным флотом, каким обладали японцы. Тем не менее эскадра эта пошла и пошла она только потому, что Рождественский хотел угодить государю и не имел мужества сказать, что затея эта приведет к беде, что она неисполнима; несомненно, если бы Рождественский сказал это государю, то может быть государю это было бы

неприятно, потому что он хотел, чтобы эскадра пошла, что вполне естественно, так как государь вообще желает успехов и побед, но Рождественский, как я уже сказал, не имел мужества сказать правду государю.

Как мне рассказывали, в заседании, которое было по этому предмету, большинство присутствующих и великий князь Александр Михайлович и великий князь Алексей Александрович относились к этой затее отрицательно; только один Рождественский, если и не обещал успеха, то во всяком случае считал это предприятие возможным.

Известно, чем все это кончилось. Началось со скандального обстреливания мирных лодок английских рыбаков при движении этой эскадры на юг, в то время как она проходила между Францией и Англией, а затем окончилось полным ее разгромом в Цусиме.

Так Рождественский и окончил свою карьеру. Он попал в плен, потом вернулся из плена в Петербург, но не играл уже никакой роли. В прошлом году он умер в Наухейме.

Что касается Баранова, то лейтенант Баранов не только был награжден Георгием, но был сделан флигель-адъютантом, что по тому времени было довольно выдающейся наградой. По возвращении в Петербург он все время был на виду, чему способствовало то обстоятельство, что вообще Баранов был человек очень умный, ловкий, мастер говорить, очень находчивый. Он казался мне не особенно твердых моральных правил, но вообще человек он был недурной, ничего особенно дурного он не делал; был большой карьерист.

Еще в царствование императора Александра II, когда великий князь Константин Николаевич был генерал-адмиралом, Баранов имел с ним столкновение, которое повлекло за собой не только лишение Баранова флигель-адъютантства, но и его отставку. Впрочем, я нахожу, что в этом столкновении, пожалуй, гораздо более виноват великий князь Константин Николаевич, нежели Баранов. Столкновение это было таково:

Баранов писал различные статьи, критикуя наш флот и вообще действия морского министерства. Статьи эти были очень хлесткие, умные, не без знания дела, т. е. та-

кие, какие соответствовали личности Баранова, но вместе с тем, несомненно, тенденциозные в том смысле, что в них Баранов не столько хотел указать на различные недостатки в морском ведомстве, сколько еще в большей степени желал спихнуть некоторых власть имущих в морском министерстве и сесть на их место.

И вот однажды, когда Баранов, написав одну из таких очень резких статей, кажется, даже не подписал ее своей подписью, хотя всем было известно, что статья эта написана Барановым, явился к великому князю Константину Николаевичу. Этот последний во время приема в присутствии других лиц спросил капитана Баранова: он ли написал статью или нет? Когда Баранов ответил, что статья написана им, великий князь сказал ему нечто вроде того, что такую статью может написать только подлец, на что Баранов ответил:

— Ваше императорское высочество, я не знаю, как бы мне надлежало ответить тому, кто мне сказал бы такое слово, но я не отвечаю па оскорбления только двум категориям лиц, а именно: французским кокеткам и великим князьям.

Ну, понятно, после этого ответа Баранов должен был выйти в отставку.

Кажется еще по протекции будущего императора Александра III, когда он был наследником, как раз незадолго до первого марта, Баранов был снова привлечен на службу, но уже не на морскую, а на военную; он был сделан генералом и назначен губернатором в Гродно. После Гродно, когда император Александр III вступил на престол, так как в Петербурге было в то время очень неспокойно, делались некоторые революционные выпады, то Баранова из Гродно перевели градоначальником сюда, в Петербург. Градоначальником он был очень недолго, выделял различные фокусы и в конце концов не мог ужиться, хотя ему все время очень протезировал Константин Петрович Победоносцев. Победоносцев был во главе добровольного флота, Баранов же очень содействовал учреждению этого добровольного флота и был правой рукой К. П. Победоносцева.

В учреждении добровольного флота принимал участие и наследник цесаревич Александр Александрович, буду-

ший император Александр III, где он более близко познакомился с Барановым.

Итак, я говорил, что в Петербурге Баранов градоначальником долго ужиться не мог; он выкидывал всевозможные фокусы: так, например, он устраивал собрания домовладельцев и квартирантов, давал им на обсуждение различные вопросы, которые вообще едва ли полицейская власть могла давать на их обсуждение. Во всяком случае такой способ ведения дела для России был непривычен, в особенности в те времена.

Поэтому Баранов в скором времени потерял место градоначальника в Петербурге и был переведен губернатором в Архангельск, а затем из Архангельска в Нижний Новгород.

Вот в Нижнем Новгороде я и застал его. Когда я приехал в Нижний Новгород, то, как мне потом передавали, Баранов хотел надо мною подтрунить, посмеяться. Поэтому он сейчас же предложил мне свои услуги, взял меня в свой экипаж и начал целый день таскать по всем больницам, где пришлось сидеть около больных, разговаривать, соприкасаться с ними; он желал видеть, как я буду трусить и по этому поводу немножко надо мною посмеяться. Но это Баранову не удалось именно потому, что я начал свое путешествие не с Нижнего Новгорода, а приехал туда уже совершенно закаленным, привыкшим ко всем этим картинам: я начал с Самары и только под конец приехал в Нижний Новгород; в противном случае я доставил бы ему удовольствие видеть меня в некоторых случаях несколько смущенным и растерянным. Но теперь сколько он меня ни таскал, картины, которые я видел, уже не производили на меня впечатления, так что в конце концов Баранов сознался сам своим приближенным, что напрасно он все это делал, так как, очевидно, меня ничем ни смутить, ни обеспокоить он не может.

Я должен сказать, что во время моего пребывания в Нижнем Новгороде я видел Баранова очень деятельным; вообще он был единственным губернатором, который действительно принимал живое участие во всем этом бедствии

и оказывал влияние на ход эпидемии *). Одним словом, он был действительно распорядительным губернатором, и население поэтому относилось к нему с доверием и благодарностью.

Когда я совершал эту поездку, то все время доносил императору Александру III о том, что мне приходилось видеть.

Нужно сказать, что когда император Александр III вступил на престол, он довольно скептически относился к студентам, так как он вступил на престол, забрызганный кровью своего отца, смерть которого произошла вследствие царившей тогда смуты; и несомненно, во всех этих выступлениях, как всегда, принимала участие, что весьма естественно, университетская молодежь. Вследствие этого, конечно, император Александр III не мог питать особого расположения к студентам.

И вот именно мои донесения пробудили в нем чувство благородного, хорошего и человека и монарха.

Когда я вернулся в Петербург, то имел счастье слышать от императора Александра III следующее.

Император сказал мне, что был счастлив получить от меня донесение о таком благородно самоотверженном служении русских студентов, что благодаря этому у него к ним повернулось сердце; что прежде он к ним относился скептически, а теперь действительно он видит, что эта молодежь едва ли не самая честная и благородная часть русской интеллигенции.

И замечательно, что с тех пор император все время так и относился к студенчеству, постоянно выказывал студентам свою симпатию и благорасположение.

И студенчество это поняло и оценило.

Впрочем, чувства эти проявились в студенчестве еще тогда, когда произошел несчастный случай в Б о р к а х.

Известно, что когда государь после своего возвращения в Петербург поехал в Казанский собор, то студенчество,

*) Ни в Самаре, ни в Саратове ничего подобного не было.

на которое случай в Борках произвел сильное впечатление, хотело распрячь экипаж императора, чтобы везти его на руках.

Одним словом, император Александр III был благороднейший, честнейший и человек и монарх; и русская молодежь, которая при всех своих недостатках, при всей своей неуравновешенности, а иногда и дикости, тем не менее очень сердечна, оценила это, так как она понимает и чувствует, кто ее любит и кто ее ненавидит или вообще относится к ней недоброжелательно.

Когда я потерял мою первую жену, то сначала я занимал место директора департамента железнодорожных дел, а потом был министром путей сообщения. Будучи министром путей сообщения, я жил в доме этого министерства.

Приблизительно через год после смерти моей жены, я как-то случайно в театре заметил в ложе одну даму, которая произвела на меня большое впечатление, но в тот раз я не поинтересовался узнать, кто была эта дама.

Затем, встречая эту даму, я узнал, что эта была г-жа Лисаневич, а что Лисаневич — племянник жены генерал-адъютанта Рихтера, воспитателя императора Александра III, состоявшего главноуправляющим комиссией прошений. Рихтер был прекраснейший, благороднейший и очень образованный человек.

Я случайно познакомился с Лисаневичамп. Г-жа Лисаневич, как я говорил, и оказалась той дамой, которая произвела на меня в театре такое впечатление. Впоследствии, бывая иногда у Лисаневичей, я заметил, что муж г-жи Лисаневич ведет себя самым невозможным образом и что семейное счастье их совершенно разрушено. Тогда я решил уговорить г-жу Лисаневич разойтись с мужем и выйти замуж за меня. Вследствие такого поведения ее мужа разойтись было очень легко. Только тогда, когда развод уже был совершенно окончен, я сообразил, что мне неудобно жениться, оставаясь министром путей сообщения, потому что теперь это легко делается — женятся на разведенных женах, — а в то время на это смотрели совершенно иначе, смотрели как па нечто псключительное, вообще это не допускалось. Ввиду этого обстоятельства

я и решил подать в отставку и вернуться к своей частной деятельности.

Но так как такие вещи неудобно объяснять государю, то я поступил следующим образом: я поехал к министру внутренних дел, к шефу жандармов того времени Ивану Николаевичу Дурново, которому и рассказал, что собираюсь жениться и что это решено мною бесповоротно; что мне очень неприятно, что государь назначил меня сравнительно недавно министром путей сообщения, а мне приходится оказать императору как бы некоторое невнимание и поставить его даже в несколько неудобное положение, но что выхода другого нет. Затем я сказал:

— Облегчите мое положение в том отношении, что, пожалуйста, разузнайте все обстоятельства дела. А узнать вы можете от вашего ближайшего друга генерал-адъютанта Рихтера, главноначальствующего комиссией прошений.

Иван Николаевич Дурново был в очень дружеских отношениях с Рихтером, а Лисаневич, как я уже сказал, был племянником г-жи Рихтер, постоянно бывал у них в доме; поэтому, конечно, и жена моя постоянно бывала у них, как ближайшая родственница, и хорошо знала Ивана Николаевича.

Что докладывал Дурново государю, я не знаю.

На следующий мой доклад я явился к государю, держа прошение об отставке наготове. По окончании доклада я вынул прошение и говорю императору:

— Вот, ваше императорское величество, как мне ни неприятно, как мне ни тяжело, но тем не менее я должен просить ваше императорское величество уволить меня в отставку, потому что я собираюсь жениться на разведенной и понимаю, что в моем положении, оставаясь министром путей сообщения, неудобно это сделать.

На это мне император Александр III сказал следующее:

— О том, что вы хотите жениться, я знаю от шефа жандармов и от Рихтера, вообще все это дело я знаю во всех его деталях и должен сказать, что вам нет никакого повода выходить в отставку, потому что, если бы вы не женились при всех тех условиях, которые имели место, то я бы вас не уважал, а ваше намерение жениться указывает только на то, что вы честный человек; поэтому я усугубляю к вам мое доверие и мое уважение.

Я, конечно, государя очень благодарил и через несколько дней женился.

Свадьба моя была в церкви института путей сообщения (тогда еще церкви в квартире министра путей сообщения не было; теперь эту церковь устроил Кривошеин), который находится тут же рядом, надо пройти только через сад министра путей сообщения.

Шафером моим был барон Вольф, который в то время был офицером конной гвардии, в настоящее же время он состоит шталмейстером; шафером же моей жены был ее приятель, капитан Татищев, бывший в то время адъютантом великого князя Владимира Александровича; ныне он генерал свиты его величества и состоит при германском императоре Вильгельме. Кажется, Татищев очень любим императором Вильгельмом, также к нему, по-видимому, благоволит и наш император. По крайней мере когда возбуждается вопрос о замене русского посла в Берлине, графа Остен-Сакена вследствие его старости, то постоянно выплывает на сцену имя генерала Татищева.

Собственно говоря, генерал Татищев — прекраснейший, благороднейший, милейший человек, очень воспитанный и образованный, но крайне, крайне недалекий. Вот я и недоумеваю: почему император Вильгельм желает, чтобы он был послом: вследствие ли его первых качеств или вследствие последнего качества?

Как раз во время моей женитьбы происходил в Петербурге железнодорожный конгресс.

С тех пор как был созван первый конгресс в Брюсселе, о котором я раньше говорил, железнодорожные конгрессы стали возобновляться через каждые несколько лет.

На другой день после моей женитьбы государь император давал конгрессу обед в Зимнем дворце или, вернее сказать, был обед в Зимнем дворце от государя императора, так как государь на нем не присутствовал.

На этом обеде председательствовал генерал-адъютант Рихтер, и я как раз на следующий день после женитьбы должен был на нем присутствовать. Все смотрели на меня с большим любопытством и наблюдали за моими отношениями с Рихтером. Я должен сказать, что отношения мои

с Рихтером остались до самой его смерти превосходные; они не были никогда особенно близкими, но были всегда корректными, нормальными и правильными. Что же касается до мадам Рихтер, то с того времени я перестал с нею кланяться; она жива до сих пор, но и теперь, когда мне приходится с нею встречаться, я не кланяюсь.

Когда я женился, то сейчас же во всех высших дамских сферах поднялся страшный шум, всякие сплетни. И этот шум и сплетни преследовали не столько меня — так как я на них мало обращал внимания, — сколько мою жену в продолжение всего времени, можно сказать, вплоть до самого 1905 года ⁶³.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ВЫШНЕГРАДСКИЙ. НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ФИНАНСОВ

Когда я был министром путей сообщения — незадолго до того времени, когда я был назначен министром финансов, — как-то раз император Александр III, передавая мне нечто вроде брошюры или докладной записки *), говорит: «Пожалуйста, прочтите эту записку и скажите мне ваше мнение по этому предмету». Когда я, вернувшись из Гатчины, прочел эту записку, то увидел, что это — записка Циона, который вообще критически относился к деятельности Вышнеградского, а, в частности, обвинял его в том, что он взял взятку от Ротшильдов в 500 тыс. франков при заключении в Париже займа ⁶⁴.

При следующем докладе я сказал государю императору, что я прочел записку Циона и нахожу вообще нападки Циона неправильными и необоснованными; а также, в частности, и указание его, что Вышнеградский взял от Ротшильдов взятку по поводу последнего займа в 500 тыс. франков. Я сказал, что, хотя, по-видимому, Цион приводит несомненные доказательства, именно несомненную копию из книг Ротшильда, в коиx значится, что 500 тыс. франков дано министру финансов Вышнеградскому, тем не менее я все-таки этому не верю. Судя по видимости, — доказательство несомненное, но я убежден, что здесь есть какое-то недоразумение.

*) Это было как раз тогда, когда император Александр III только что вернулся из Дании, следовательно, вероятно, в сентябре или октябре 1892 г.

Государь мне сказал, что он обратил внимание на это дело только именно ввиду представления Ционом такого документа, который, по-видимому, является неоспоримым доказательством того, что Вышнеградским была взята взятка в 500 тыс. франков.

На это я все-таки сказал государю, что, действительно, документ это, несомненно, доказывает и в подлинности документа сомневаться нельзя, но, несмотря на это, я все-таки глубоко убежден в том, что это неправильно, неверно, что Вышнеградский взятки не брал.

Государь спросил меня, почему я так думаю.

Я доложил государю следующее: деятельность Вышнеградского я очень хорошо знаю; не сомневаюсь, что когда Вышнеградский занимался частными делами и был в частных обществах, был чуть ли не поверенным Блюха и других различных дельцов, то он делал многие некорректные вещи, т. е., конечно, не такие, которые были бы воспрещаемы законом, но такие, которые человек в его положении — он был тайным советником, профессором и т. д. — вообще, человек, себя более или менее уважающий, не должен был бы делать. Таким образом, Вышнеградский, служа в частных обществах, нажил себе довольно большое состояние. Но с тех пор, как он сделался министром финансов, я знаю всю его деятельность в качестве министра финансов. Министр финансов у нас в России обставлен так, что делать злоупотребления он не может. Всякий министр финансов находится как бы под стеклянным колпаком, вследствие чего все его сотрудники видят каждый его шаг, каждое его действие. Делать какие-нибудь злоупотребления в том смысле, чтобы брать какие-нибудь деньги от кого бы то ни было под каким бы то ни было видом, министр финансов не может, ибо он не может взять деньги так, чтобы некоторые — несколько других человек — этого не знали, а достаточно, чтобы об этом знало несколько человек, чтобы это спю же минуту сделалось общезвестным *). Поэтому я считаю, что вообще делать какие-нибудь злоупотребления министр финансов не может, а, в частности,

*) Это касается в особенности министра финансов, так как у каждого министра финансов, несомненно, есть много друзей, но есть много и врагов.

это я могу в особенности подтвердить относительно Вышнеградского, потому что почти все время, когда он был министром финансов, я служил с ним в качестве директора департамента и был ближайшим его сотрудником; поэтому я отлично знаю, что если бы даже Вышнеградский и мог делать злоупотребления, если бы ему в этом отношении не препятствовали нравственные основания, то он настолько умный человек, что никогда бы их на этом посту не делал. Он бы не делал злоупотреблений именно потому, что он, несомненно, умный человек.

Государь мне сказал:

— Я вам очень благодарен за высказанное вами мнение, я вам верю, поэтому, пожалуйста, возьмите все эти бумаги, которые я вам передал, и оставьте все это у себя.

Я так и сделал. Оставил эти бумаги у себя, а потом, когда я покидал министерство финансов, то я их уничтожил⁶⁵.

Впоследствии я расскажу, каким образом со временем выяснилось это дело с 500 тыс. франков, относительно которых было записано в книгах у Ротшильдов, что они были отданы министру финансов Вышнеградскому.

Пока же я хочу сказать несколько слов о Ционе.

Цион был адъюнктом известного профессора Сеченова по кафедре физиологии в Военно-медицинской академии в Петербурге.

Когда Сеченов оставил профессию в Петербургской Военно-медицинской академии и переехал профессором в Новороссийский университет *) (где я, будучи студентом, и познакомился с ним), то Цион занял место Сеченова. Как говорят, если он не был глубоким ученым, то был очень талантливым лектором.

Цион, конечно, как показывает его фамилия, — еврейского происхождения, но он перешел в православие. Вследствие его не особенно чистого характера он постоянно имел недоразумения со своими коллегами в Военно-медицинской академии⁶⁶.

*) При открытии этого университета.

В конце 70-х годов, когда Цион увидел, что крайнее консервативное направление *) приобретает силу, он начал писать некоторые статьи у Каткова в «Московских ведомостях» и в «Русском вестнике» и влез в душу Каткова.

Вообще Катков ничего не имел против евреев, он даже находился с ними в хороших отношениях. Так, например, известный Катковский лицей в Москве (так называемый лицей цесаревича Николая) был основан при значительном вспомоществовании Полякова и вообще еврейских денег.

Поэтому нет ничего удивительного, что Катков благоволиительно относился к Циону ⁶⁷.

Катков, как представитель крайне консервативного направления, вел войну против тогдашнего министра финансов Бунге, человека очень почтенного, либеральных взглядов. Нужно сказать, что Бунге был более профессором и ученым, нежели министром финансов, так как, собственно говоря, экономическую и финансовую жизнь он знал довольно мало.

Нападая на Бунге, Катков вместе со всей крайней консервативной партией, которой он руководил, должен был выставить какого-нибудь своего кандидата. Вот он и выставил Вышнеградского.

Таким образом, уходу Бунге (хотя это был почетный уход, потому что император Александр III как человека его уважал, а потому сделал Бунге председателем Комитета министров), равно как и назначению Вышнеградского во многом содействовал Катков, и так как, по-видимому, Вышнеградский был до известной степени обязан Каткову, то он, когда сделался министром финансов, относился к Каткову очень бережно.

Вот Катков и всунул Вышнеградскому в качестве чиновника особых поручений при министре финансов Циона, который тогда уже оставил профессию в Военно-медицинской академии вследствие того, что там имел какие-то истории с профессорами.

*) Хотя по нынешним временам это направление казалось бы далеко не консервативным, во всяком случае его нельзя сравнивать с нынешним новым черносотенным направлением, в данном случае я говорю о направлении Каткова.

В то время наши фонды не имели сколько-нибудь серьезного обращения во Франции, так как мы, с одной стороны, находились всегда в ближайших сношениях с Германией, держали дружественный нейтралитет при франко-прусской войне в отношении Германии, а, с другой стороны, еще по воспоминаниям Севастопольской войны, когда Франция в отношении нас поступала далеко не по-приятельски. Все это вместе создавало во Франции такую атмосферу, что охотников между французами на русские займы не было, да и французское правительство не покровительствовало распространению во Франции каких бы то ни было русских бумаг.

Таким образом, нашим финансовым рынком по преимуществу была Англия, затем Голландия и до известной степени Германия. Но так как в то время, со вступления на престол императора Александра III, политика такого слепого единения с Германией уже почти отжила свой век (это было тогда, когда Россия подвинулась к Франции и началась заря русско-французского союза), то явилась возможность сделать заем у Франции, вообще открыть французский рынок, так как на английском рынке мы не только не могли делать займов, но и те наши бумаги, которые были там, в Англии, котиrowались довольно низко. Вообще англичане начали относиться к нашим бумагам довольно скептически.

Первый более или менее большой заем во Франции ⁶⁸ был сделан при посредстве Циона, который был послан во Францию к группе французских финансистов, во главе которой стоял Госкье (старый, но второстепенный банкир, который жив до сих пор; он держит банкирскую контору во Франции). Госкье — датский консул; прежде он жил в Копенгагене и был известен императрице Марии Федоровне. Когда император Александр III бывал в Дании, то Госкье ему был представлен.

Таким образом, это была первая более или менее большая финансовая займовая операция, которая была сделана Россией во Франции и переговоры относительно которой в первоначальной стадии велись Ционом в качестве чиновника особых поручений при министре финансов.

Впоследствии Вышнеградский узнал, что когда этот заем был сделан, то Цион от банкиров получил довольно

большую комиссию — в несколько сот тысяч франков, чуть ли не 200 тыс. франков⁶⁹.

Когда об этом узнал Вышнеградский, то он потребовал, чтобы Цион подал в отставку. Таким образом, можно сказать, что он Циона выгнал со службы. В то время Цион имел уже чин действительного статского или чуть ли не тайного советника.

Затем, следующая операция, которую Вышнеградский провел во Франции, была конверсия займов. Это была операция, с одной стороны, займа, а с другой стороны, конверсия прежних займов. Эта вторая операция именно и *есть* та, о которой я говорил, что при ней будто бы Вышнеградский взял 500 тыс. франков. Эта вторая операция была сделана группой банкиров, во главе которых стоял Ротшильд⁷⁰; это была первая операция, сделанная с Ротшильдом, после долгого периода времени, в течение которого Ротшильд не хотел делать с Россией операций вследствие еврейского вопроса.

Когда Вышнеградский выгнал Циона, то этот последний начал писать различные памфлеты против Вышнеградского и подал на него анонимный донос.

Затем, когда я сделался министром финансов после Вышнеградского, Цион сейчас же написал мне письмо, предлагая мне в нем свои услуги и выражая свою радость, что с этого поста ушел Вышнеградский, а я сделался министром финансов. Цион обещал оказать мне своей службой большие услуги. Я уже читал донос Циона императору, и мое мнение о личности Циона было совершенно фиксировано. Поэтому я Циону на его письмо даже и не ответил. Конечно, сейчас же после этого Цион начал писать различные книги, статьи и отдельные брошюры против меня.

Нет гадости, которой бы обо мне Цион не писал. Он писал всевозможные на меня доносы, рассылал их, посылал в Петербург к государю императору и ко всем подлежащим министрам.

Кончилось это тем, что я, уже при императоре Николае II, обратил внимание министра внутренних дел Ивана Николаевича Дурново на деятельность Циона.

У Дурново было собрано какое-то совещание, и результатом этого совещания было то, что Циону был запрещен въезд в Россию и он был лишен пенсий⁷¹.

Когда я, уже будучи председателем Комитета министров, возвратился из Америки после заключения Портсмутского мира⁷², то ко мне в Париже явился Цион, которого я тогда увидел в первый раз в жизни. Этот господин Цион, конечно, начал мне курить фимам, страшно извинялся предо мною за всю свою предыдущую деятельность против меня, приписывая это тому, что он хорошо меня не знал и находился в полном заблуждении. Цион давал мне различные советы, как я должен поступать теперь ввиду того, что Россия находилась уже в периоде революции.

Таким образом, Цион или знал, или чуял, что когда я приеду в Петербург, то должен буду взять бразды правления Россией в свои руки. Но я отнесся к Циону довольно сухо.

Затем, когда я вернулся в Петербург, он мне писал несколько раз, но я опять-таки ему на его письма не отвечал. Затем Циона я совсем потерял из вида; он совсем выцвел, и теперь про него совсем уже не слышно.

Этот Цион, как я уже говорил, — был из евреев; женился он в Одессе на еврейке. Впоследствии он со своей женой развелся, и самый процесс его развода был очень скандальный. Конечно, сделал он это уже тогда, когда потратил то незначительное состояние, которое было у его жены.

В Париже, после того как Цион совершил заем, он, благодаря полученной взятке, несколько оперился. Одно время в Париже он заставил о себе даже говорить, нажил на бирже как-то деньги и, бросив свою жену, сошелся с одной красивой актрисой (я забыл ее фамилию; актриса эта была на петербургской сцене). И вот Цион жил с этой актрисой, и то же самое, когда она постарела и когда у нее не осталось никаких средств, он, кажется, разделался с ней не особенно корректно.

Рассказываю я это для того, чтобы показать, какой личностью был Цион.

Нужно вообще сказать, что если в левых партиях и есть негодяи, то во всяком случае негодяи эти большей частью

все-таки действуют принципиально, из убеждений, но не из-за корысти, не из-за подлости; но, кажется, во всем свете, во всяком случае в России, большая часть правых деятелей — негодяи, которые делаются правыми и действуют будто бы ради высоких консервативных принципов, а на самом деле преследуют при этом исключительно свою личную пользу. Так что я мог бы в этом отношении сказать такую формулу: негодяи из левых, совершая гадкие дела, совершают их все-таки большей частью из принципа, из идеи, а негодяи из правых совершают гадкие дела всегда из корысти и из подлости, что мы видим и теперь в России.

Большинство из правых, прославившихся со времен 1905 г., со времени революции, как, например, Дубровин, Коновницын, Восторгов и сотни подобных лиц, все это такие негодяи, которые под видом защиты консервативных принципов, под видом защиты самодержавия государя и русских начал исключительно преследуют свои личные выгоды и в своих действиях не стесняются ничем, идут даже на убийства и на всякие подлости.

В 1893 г. с Вышнеградским случился удар⁷⁴, мне было очень жаль Вышнеградского, так как я с ним довольно долго служил как на Юго-Западных железных дорогах, так и впоследствии в качестве одного из ближайших его сотрудников. Когда я сделался министром путей сообщения, то у меня с Вышнеградским сохранились самые лучшие отношения, хотя, по существу, мы с ним и не были вполне единомышленниками.

Так, я все время стремился скорее осуществить великий сибирский путь, согласно указанию, данному мне императором; Вышнеградский же, не имея возможности явно пойти против этого, тем не менее все время замедлял меня в моих действиях по осуществлению Сибирского пути, не давая мне надлежащих средств.

Вообще, между мною и Вышнеградским была некоторая разница в характерах. Вышнеградский был более, чем я, деталист; пожалуй, он более изучал детали всякого дела, нежели я, но у него не было никакого полета мысли, никакого полета воображения, а без полета воображения и по-

лета мысли, даже в самых материальных экономических делах, коль скоро это дела большого масштаба, дела, имеющие государственное значение, творить (большие вещи) невозможно.

Вышнеградский по свойству своего ума был довольно мелочен и осторожен. Я же был гораздо более широкий и гораздо более смелый, — это просто свойство натуры.

Я помню, когда мы с Вышнеградским служили еще на Юго-Западных железных дорогах, как-то раз мы с ним заговорили о математике. Вышнеградский, как известно, был профессором практической механики Технологического института, а следовательно, был дипломированным математиком; я тоже был кандидатом математического факультета, значит, тоже в этом деле немножко понимал. Все, что я считал в математике имеющим значение, а именно, так сказать, философию математики, идеи математики, Вышнеградский считал не имеющим никакого значения; он придавал значение только реальным результатам математики, т. е. выводам, имеющим практическое значение и более или менее непосредственное применение. Он был более, если можно так выразиться, цифровик, нежели математик, а я был более математик, нежели цифровик. Вышнеградский, например, увлекался всевозможными арифметическими исчислениями; когда приходилось делать займы, то он все исчисления, все цифровые выкладки делал сам. Каждое вычисление, которое ему делали в кредитной канцелярии, он непременно сам проверял и находил в этом большое наслаждение.

Когда я был министром финансов, то мне также приходилось делать займы и финансовые операции, но в гораздо большем масштабе, нежели это делал Вышнеградский, уже по одному тому, что я гораздо дольше Вышнеградского был министром финансов и тем не менее при переговорах с банкирами или при составлении контрактов я ни разу не взял в руки карандаша, чтобы сделать какое-нибудь исчисление или проверку цифр, после того, как это было сделано банкиром вместе с чинами кредитной канцелярии и после того, как эти все цифры были проверены директором кредитной канцелярии.

Как-то раз, говоря с Вышнеградским вообще о математике, я, между прочим, восхищался некоторыми идеями

Огюста Конта. Вышнеградский сразу мне объявил, что Огюст Конт — не что иное, как осел, и что он никакого понятия о математике не имел, а всякий человек, не знающий математики, не может быть хорошим философом.

Но, расходясь в некоторых взглядах с Вышнеградским, я тем не менее, будучи министром путей сообщения, был с ним в хороших отношениях, а поэтому, когда с Вышнеградским случился удар, то это меня весьма огорчило.

По обычаю, который издавна существовал, всеподданнейшие доклады у государя императора и министра путей сообщения и министра финансов всегда были в один и тот же день, по пятницам. Доклады эти начинались около 11 часов утра. Сначала бывал доклад министра финансов, а потом, по окончании доклада министра финансов, бывал доклад министра путей сообщения. Таким образом, эти два доклада обыкновенно занимали время государя до завтрака.

Когда с Вышнеградским сделался удар, я поехал к нему, мне сказали что его нельзя видеть, но что доктора говорят, что удар у него сравнительно легкий. Удар этот случился с Вышнеградским в Государственном совете во время заседания департамента; он начал говорить, почувствовал, что в голове мутится, встал и, шатаясь, ушел. В таком состоянии его довели до экипажа, и он приехал домой. Это было в четверг, и я был убежден, что на другой день, в пятницу, Вышнеградский не поедет с докладом к государю.

Приезжаю на вокзал, чтобы ехать в Гатчину, смотрю, а там около вагона, приготовленного для отъезжающих министров, стоит и курьер министерства финансов.

Я спросил: «Кто же едет?» Мне отвечали, что едет Вышнеградский. Это меня очень удивило.

Когда я ехал с Вышнеградским из Петербурга в Гатчину, то, разговаривая с ним, я заметил, что в разговоре он путается.

Я спросил его, для чего он поехал? Разве у него есть экстренные дела?

Вышнеградский начал мне говорить, что он считает безусловно необходимым ехать к государю на доклад, что

это долг каждого министра, что министр не может отказываться от поездки к государю для доклада точно так же, как военный человек не может отказаться идти на войну.

Ехавший с Вышнеградским доктор Лобойко (племянник его жены) сказал мне, что лучше с Вышнеградским не говорить и оставить его в покое.

Вышнеградский всю дорогу в отделении просматривал всеподданнейшие доклады, так сказать, подучивал их.

Я видел, что он находится в очень нервном состоянии и что может с ним случиться второй удар. Между тем государь не был предупрежден о болезни Вышнеградского и, таким образом, если бы Вышнеградский первый пошел в кабинет к государю, то государь очень был бы удивлен, что он путает, и, очень вероятно, что какое-нибудь замечание государя могло произвести на Вышнеградского впечатление, вследствие чего мог последовать второй удар.

Ввиду этого, когда мы приехали в Гатчину, я постарался приехать с вокзала во дворец ранее Вышнеградского; приехав, я сейчас же сказал камердинеру государя, чтобы он доложил императору, что я прошу его меня принять на несколько минут ранее министра финансов Вышнеградского.

Когда я вошел в кабинет к государю, Александр III был очень удивлен и спросил меня: «Что случилось?»

Я рассказал государю, что случилось с Вышнеградским, сказал, что семейство Вышнеградского удерживало его от поездки для доклада, по что он не согласился, что теперь он приехал в Гатчину, но все время, пока мы с ним ехали, он в разговоре путал; говорил, что он не может не ехать, что это все равно, что солдату отказаться идти в бой. Что я об этом предупреждаю государя, так как, с одной стороны, его может поразить вид Вышнеградского, а, с другой стороны, если бы государь сказал что-нибудь, что показалось бы Вышнеградскому обидным, то с ним мог бы случиться второй удар, и он мог бы скончаться.

Государь очень благодарил меня, что я его предупредил. И так как сейчас должно было наступить время доклада Вышнеградского, то я, чтобы не встретиться с ним, вышел другим ходом, чтобы его это не беспокоило.

Затем, когда после доклада Вышнеградского наступила моя очередь докладывать, государь сказал мне, что гово-

рил Вышнеградский довольно складно, докладывал долго и много, но видно было, что он нервен и встревожен. — Но я, — сказал император, — все время молчал, ни одного слова не говорил, чтобы его еще больше не нервировать, чтобы он был покоен. Он сделал доклад и ушел, причем, когда он уходил, то немножко шатался.

Затем я доложил государю все мои дела. Прежде часто мы с Вышнеградским вместе уезжали из Гатчины, но на этот раз он уехал раньше меня.

Через некоторое время Вышнеградскому был дан отпуск, в предположении, что он, может быть, поправится; управление же министерством финансов было поручено на общем основании его товарищу, Тернеру.

Этот Тернер сделал почти всю свою карьеру в министерстве финансов; он был вице-директором таможенного департамента, затем членом совета министра финансов, а потом товарищем министра финансов при Вышнеградском.

Тернер был такой человек, которого нельзя было не уважать; это был человек высоких принципов, человек образованный. Замечательно, что, несмотря на то, что он носил фамилию «Тернер» (отец его был лютеранин, наверное не знаю, по чуть ли и он сам не родился лютеранином, а только потом сделался православным), он был ярым православным, писал различные богословские трактаты. К этим богословским трактатам как Третий Иванович Филиппов (считавший себя богословом), так и Константин Петрович Победоносцев относились крайне критически. Вообще он был крайне богомолен, даже был ханжой. Тернер очень много читал, но был человеком крайне ограниченным. И именно не по моральным своим свойствам, а по свойствам своей ограниченности он несколько менял свои убеждения, если его непосредственный начальник, которому он доверял, держался других взглядов, нежели те, которых ранее придерживался Тернер.

Мне собственно фамилия Тернер сделалась известной благодаря одному четверостишию, когда я еще был в провинции. Я этого четверостишия не помню, но суть его заключалась в том, что Тернер находит, что у нас, у россиян,

нет достаточно ума, что вообще русские люди недостаточно умны, а для того чтобы увеличить этот ум, необходимо побольше пить кофе, а для того, чтобы побольше пили кофе, нужно, чтобы на кофе не было таможенной пошлины.

Это стихотворение было сочинено именно по поводу таможенной пошлины.

В то время, в 70—60-х годах, все были ужасные фритредеры; все стояли за свободу торговли и считали, что этот закон о свободе торговли так же непреложен, как закон мироздания (это так называемая система фритредерства), систему же таможенного протекционизма считали гибелью для государства, и сторонники фритредерства утверждали, что только лица, не понимающие законов развития государственной жизни, могут проповедовать такие теории, как теория таможенного протекционизма.

При обсуждении в каком-то заседании комиссии вопроса о таможенной пошлине на кофе, когда решали вопрос о том, какая должна быть пошлина на кофе, Тернер сказал очень большую речь о том, что не только не следует увеличивать на кофе таможенную пошлину, но вообще следует пропускать кофе без всякой пошлины, и в доказательство этого положения он сказал, что лица, которые не употребляют кофе, — глупеют, что кофе есть главное и чуть ли не единственное средство для развития и поддержания правильности нашей мозговой системы, а потому и ума.

Тернер любил очень много писать, но все, что он писал, было бесцветно. Тем не менее, как я уже говорил, это был редкий человек, это был человек замечательно порядочный, честный и благородный; все относились к Тернеру с большим уважением. Но в наследство он получил тупой немецкий ум.

Летом в Петербург после отпуска вернулся Вышнеградский (отпуск ему был дан на несколько месяцев), вернулся он далеко не оправившимся, хотя ему и было несколько лучше.

Для пользы его самого и его семейства Вышнеградский должен был выйти в отставку и занять более спокойный пост (хотя сам он этого не сознавал). Через 2—3 года, когда уже он состоял членом Государственного совета,

с ним снова повторился удар, который был уже смертельным.

Как я уже сказал выше, Вышнеградский и сознавал, насколько он тяжело болен, и хотел оставаться министром; у него была такого рода идея, чтобы все, что касается торговли и промышленности и таможенного департамента, передать в министерство путей сообщения (т. е. в мое ведение); образовать из министерства путей сообщения министерство торговли и промышленности, а чистое министерство финансов оставить за Тернером *). Об этой идее я слышал от Вышнеградского. Представлял ли он что-нибудь по этому предмету государю или не представлял, наверное не знаю, хотя на днях я читал выдержки из записок Тернера (который также уже умер); из этих выдержек я увидел, что Вышнеградский представил в этом смысле записку государю, но государь на это не согласился. Да и ясно, что государь не мог на это согласиться, так как он понимал, что все указания и распоряжения могут исходить только от самодержавного государя и никаких особых гувернеров над министрами он не допускал помимо самого себя. Поэтому на такую комбинацию, чтобы министр торговли был лицом самостоятельным, а министр финансов — полусамостоятельным, чтобы он находился отчасти под руководством особого лица, которым и должен был быть Вышнеградский, — на такую комбинацию, конечно, император Александр III согласиться не мог.

Факт тот, что как-то при докладе государь император спросил меня: соглашусь ли я принять пост министра финансов, оставив пост министра путей сообщения.

Я, конечно, ответил государю, что я соглашусь сделать все, что он прикажет, и что тут моего согласия или несогласия быть не может.

Государь император поблагодарил меня за это.

Затем прошло несколько недель, государь уехал, и мое назначение не состоялось. Только через несколько

*) Который должен был находиться под общим руководством Вышнеградского.

педель, 30-го августа 1892 г., я получил указ о назначении меня министром финансов⁷⁴.

Еще ранее, чем государь уехал, он меня спросил: если я буду назначен министром финансов, то кого бы я мог указать на пост министра путей сообщения?

Я ответил государю, что я в настоящее время никого не имею в виду, а потому сразу указать не могу.

Тогда меня государь спрашивает:

— Что бы вы думали, если бы я министром путей сообщения назначил Кривошеина?

Кривошеин был директором одного из департаментов министерства внутренних дел, членом совета по железнодорожным делам и членом совета по тарифным делам министерства финансов от министерства внутренних дел. Кривошеина очень рекомендовал императору министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново.

Я ответил государю, что я знаю Кривошеина очень мало, насколько я могу о нем судить, он человек умный, толковый. Ничего больше о нем сказать не могу.

Когда я был назначен министром финансов, а министром путей сообщения вместо меня был назначен Кривошеин, то при нем Колышко начал играть большую роль, нежели при Гюббенете и при мне.

При нем он сделался членом совета временного управления казенных железных дорог⁷⁵

Я тогда понял, что Кривошеин был назначен министром путей сообщения отчасти под влиянием Ивана Николаевича Дурново, а с другой стороны, благодаря поддержке редактора «Гражданина» князя Мещерского.

Иван Николаевич Дурново был с Кривошеиным в очень близких отношениях. Когда Дурново был екатеринославским губернатором, то Кривошеин был городским головою в Ростове. Кривошеин был женат на Струковой; Струковы — это крупные помещики Екатеринославской губернии. Струков, брат жены Кривошеина, был предводителем дворянства Екатеринославской губернии. Теперь он состоит членом Государственного совета от дворян. Другой брат — генерал-адъютант (о нем я уже говорил), он состоит теперь начальником главной квартиры государя императора. Одна из его сестер была замужем, как я уже сказал, за Кривошеиным; другая —

за графом Канкрпным, который в настоящее время занимает пост губернатора в Кишиневе.

Таким образом, дружеские отношения между Дурново и Кривошеиным установились еще со времен провипциальной деятельности, причем злые языки говорили, что будто бы когда-то Иван Николаевич Дурново очень ухаживал за женой Кривошеина, когда она еще была барышней⁷⁶.

Когда я сделался министром финансов, то некоторое время продолжал жить в доме министерства путей сообщения.

Как я уже говорил, будучи министром путей сообщения, я женился и взял к себе малютку-дочь моей жены, Веру, которую я полюбил так, как свою собственную дочь. Эту дочь я усыновил со всеми правами, принадлежащими единственной моей дочери. Дочь эту я воспитал, и всю жизнь, до замужества, она провела со мною. Таким образом, она считает меня своим отцом, так как собственного отца она почти что не знала.

Когда я был назначен министром финансов, то в доме министерства путей сообщения я жил с женой и дочерью; тем не менее я был готов немедленно переехать в новое помещение — в квартиру министра финансов, на Мойку, но я не мог этого сделать, пока министр финансов Вышнеградский не очистил свое помещение. С точки зрения помещения наше новое помещение было несравненно хуже того, в котором мы жили, когда я был министром путей сообщения, ибо дом министра путей сообщения — это один из бывших маленьких дворцов, тогда как помещение министра финансов — это обыкновенная квартира, которая более похожа на казарменное помещение. Лично я никогда не обращал никакого внимания на квартиры, так что этот переезд с точки зрения перемены квартиры мог быть только неприятен моей жене.

Ранее я уже имел случай рассказать историю, которую я имел с председателем департамента экономии Государственного совета Александром Аггеевичем Аба-

зой по поводу Рафаловича в то время, когда я сделался министром финансов. Но я забыл тогда упомянуть, что в этой истории принимали участие многие из высших сановников, которые не могли допустить какой-нибудь некорректности со стороны Абазы, а потому думали, что я поступил или недобросовестно, или опрометчиво; были они такого мнения до тех пор, пока эта история не была разобрана комиссией, о которой я говорил, которая и признала все мои действия правильными. В то время и министр внутренних дел, Иван Николаевич Дурново, который был в хороших отношениях с Александром Аггеевичем Абазой, также как будто бы стоял на его стороне. Как-то раз Дурново даже приехал ко мне, чтобы предупредить меня, что племянник Александра Аггеевича Абазы — тоже Абаза — будто бы или хочет меня вызвать на дуэль за клевету на его дядю или же просто убить. Но, конечно, ничего подобного не было.

Этот племянник Абазы — лейтенант — тот самый, который впоследствии, будучи адмиралом свиты его величества, сыграл такую плачевную роль в истории японской войны. Он был одним из ближайших сотрудников пресловутого статс-секретаря Безобразова и принадлежал к компании, состоявшей из Безобразова, Воинярынского, Матюшина и пр., которая довела нас до японской войны.

Когда наместником Дальнего Востока был сделан адмирал Алексеев, то Абаза был назначен управляющим делами комитета Дальнего Востока; комитет этот должен был находиться под председательством государя, но, кажется, он никогда не собирался.

Тем не менее комитет этот или, вернее, Абаза, будучи руководим министром внутренних дел Вячеславом Константиновичем Плеве, взял в свои руки все дальневосточные дела, как экономические, так и дипломатические, и в самое короткое время привел нас к несчастной японской войне.

Как только я сделался министром финансов, то сейчас же решил выяснить историю с запиской Циона, о которой я говорил ранее, при которой был приложен

документ, неопровержимо доказывающий, что Ротшильд дал как бы взятку моему предместнику Ивану Алексеевичу Вышнеградскому в 500 тыс. франков.

Так как я узнал из кредитной канцелярии, что все это дело в Петербурге вел Международный банк, т. е. директор Международного банка Ласкин и главным образом его сотрудник Ротштейн, который впоследствии сделался директором Международного банка, то я призвал к себе Ротштейна и сказал ему, чтобы он передал мне подробно всю историю, как велись переговоры по поводу этого займа.

Ротштейн рассказал мне следующее: после того как была совершена первая займовая операция с Госкье, Вышнеградский увидел, что группа Госкье в сущности очень слабая и сделать с нею большую операцию нельзя. Поэтому он вошел в сношения с Ротшильдом.

Ротшильд начал вести переговоры, прислал сюда поверенного; другие парижские банкиры, которых Ротшильд взял в свою группу, точно так же прислали своих представителей. Переговоры велись с Вышнеградским. Когда более или менее пришли к соглашению относительно условий займа и шел уже вопрос о том, какие банкиры и банкирские дома примут участие в этом деле, то Вышнеградский сказал, что он желал бы, чтобы в этой операции также приняла участие и та группа Госкье, с которой он сделал первую операцию. Ставил он это условие потому, что, делая первую операцию с Госкье, Вышнеградский как бы обещал ему, что и в дальнейших операциях он будет участвовать. Хотя это обещание было словесное, но в банкирских делах между серьезными банкирами слово — это все равно, что документ.

Когда я был министром финансов, то мне приходилось совершать государственные и финансовые дела на сотни миллионов рублей прямо на слово, и в течение всего моего пребывания министром (а я был министром около 11 лет) я совершал такие дела — на миллиарды и миллиарды — и в моей практике никогда не было случая, чтобы банкиры отступали от своего слова, точно так же, как и мне никогда не случалось отступать в чем бы то ни было от моего слова как министра финансов.

Поэтому довольно естественно, что раз Вышнеградский, хотя и не обязался формально перед Госкье, что в дальнейших операциях его группа будет участвовать, но все-таки словесно обещал, что она будет участвовать, то, очевидно, свое слово ему хотелось исполнить. Поэтому он и выразил это свое желание.

Далее Ротштейн сказал мне, что он снесся с Парижем и Ротшильд ему ответил, что он при всем своем желании быть приятным министру финансов сделать этого не может, так как группа Госкье совершенно от него далека; он с нею никогда никаких дел не имел, не имеет и не желал бы иметь, а потому он на это изъяснить своего согласия не может. Этот ответ Ротшильда, данный им в самой категорической форме, Ротштейн передал Вышнеградскому. Вышнеградский очень об этом сожалел, но продолжал вести переговоры.

Когда переговоры пришли уже к концу, то Ротштейн говорил мне, что Вышнеградский позвал к себе Ласкина и Ротштейна и вдруг им говорит: «Ну вот, мы с вами кончили дело, и так как теперь остается мне сказать последнее слово, то я хотел бы вам передать следующее: эта операция, конечно, будет очень выгодна для банкротов, и я считаю, что консорциум, который будет делать заем, должен был бы мне уплатить комиссию в 500 тыс. франков».

Ротштейн говорил, что это заявление произвело на него самое удручающее впечатление, потому что тогда он только что приехал из-за границы в Россию, где он столько раз слышал о взяточничестве, которое существует в России, хотел этому не верить и вдруг — его разочарование: министр финансов и тот просит за операцию взятку! ⁷⁷

Тогда, продолжал Ротштейн, мы, скрепя сердце, телеграфировали Ротшильду. Ротшильд согласился, да он и не мог не согласиться, и поставил 500 тыс. франков на счет русскому министру финансов.

Вот на другой день, рассказывал Ротштейн, мы пришли к Вышнеградскому и сказали ему, что Ротшильд согласен и перевел 500 тыс. франков. Тогда Вышнеградский начал тереть себе руки и — вы знаете Вышнеградского, — говорит мне Ротштейн, с такой насмешливой улыбкой говорит нам: ну, теперь, пожалуйста, возьмите

эти 500 тыс. франков и распределите их между группой Госкье пропорционально участию членов этой группы в первом моем займе, так как Ротшильд отказал им в участии в этом займе, а следовательно, лишил их комиссионной выгоды, которую они при займе получили бы. Но я, сказал Вышнеградский, в отношении их более или менее обязался, что они будут участвовать в займе, а поэтому, говорит, я теперь считал бы справедливым, чтобы Ротшильд и другие участники займа заплатили 500 тыс. франков этой группе. А так как прямо эти деньги группе Госкье не дали бы, то я и просил дать эти деньги мне.

Я тогда очень удивился этому приему и говорю Ротштейну:

— Скажите, пожалуйста, вы можете доказать, что действительно эти 500 тыс. франков получил не Вышнеградский, а их роздали группе Госкье?

На это Ротштейн ответил мне:

— Я не только могу доказать, но даже могу представить все расписки этой группы в том, что она получила эти 500 тыс. франков.

И действительно, через несколько дней он представил мне все эти документы.

Все эти расписки, принесенные мне Ротштейном, я представил государю, который, с одной стороны, был очень доволен, что выяснилось, что министр его — человек корректный; но, с другой стороны, сделал совершенно правильное замечание, что тот прием, который употреблял Вышнеградский, прием все-таки крайне неудобный, с чем, конечно, я вполне согласился.

Но прием этот именно был свойствен характеру Вышнеградского и был привит ему его прежней деятельностью, когда он имел различные дела с различными банкирами, в различных обществах, дела которых не были всегда вполне корректными. Но все это происходило тогда, когда он еще не был министром финансов, а весь этот прием (употребленный Вышнеградским в отношении группы Госкье) является отрывкой тех приемов, которые Вышнеградский практиковал сам в прежней своей деятельности.

Я уже говорил о том, что Вышнеградский был большим любителем вычислений: его хлебом не корми, только

давай ему различные арифметические исчисления. Поэтому он всегда сам делал все арифметические расчеты и вычисления по займам.

У Вышнеградского вообще была замечательная память на цифры, и я помню, когда мы с ним как-то раз заговорили о цифрах, он сказал мне, что ничего он так легко не запоминает, как цифры. Взяли мы книжку логарифмов, оп мне и говорит:

— Вот откройте книжку и, хотите, я прочту громко страницу логарифмов, а потом,— говорит,— вы книжку закроете, и я вам все цифры скажу на память.

И действительно, взяли мы книжку логарифмов, я открыл 1-ю страницу: Вышнеградский ее прочел (там по крайней мере 100, если не больше цифр) и затем, закрыв страницу, сказал мне на память все цифры (я следил за ним по книжке), не сделав ни одной ошибки.

Поэтому, когда Вышнеградскому приходилось делать займы, то, конечно, он страшно мучил банкиров, потому что в их присутствии он сам делал все исчисления и эти исчисления проверял.

И вот Ротштейн в тот раз, когда передал мне всю историю с 500 тыс. франков, смеясь, рассказал еще и другую историю, случившуюся с Вышнеградским:

— Вы знаете,— говорит Ротштейн,— что Иван Алексеевич был ужасный охотник делать исчисления? Ну, конечно, он делал исчисления превосходно, и поэтому относительно того, что касалось цифр, то он считал, что уже с ним спорить невозможно. Вот,— говорит,— после того займа, относительно которого мы с вами говорили, он делал еще другой заем. И вот при исчислениях относительно этого займа мы сидели с ним целыми часами; целыми часами мы все делали исчисления, причем, в сущности, мы сидели, а Вышнеградский на бумаге карандашом делал все эти исчисления при помощи логарифмических таблиц. И вот,— говорит,— нужно было вычислить один элемент этого займа. Вышнеградский делал эти исчисления как математик — при помощи логарифмов, а я,— говорит,— тоже делал исчисления, но делал их просто как биржевик, так, как я привык делать эти исчисления, когда я,— говорит,— был на берлинской

бирже. Вышнеградский диктует мне цифру, а я ему и говорю:

— Ваше высокопревосходительство, ваша цифра неверна. Вот,— говорю,— какая должна быть цифра.

Тогда он, продолжая Ротштейн, рассердился, обругал меня и говорит:

— Что вы хотите учить меня делать исчисления? Когда,— говорит,— вы на свет еще не родились, я делал уже исчисления лучше вас!

Что-то такое проверил и сказал:

— Моя цифра совершенно верна.

Я с ним не спорил, и затем мы подписали заем.

Когда мы подписали заем, я Вышнеградскому и говорю:

— Ваше высокопревосходительство, мы вам приносим нашу благодарность за то, что вы сделали эту операцию и, кроме того, за то, что вы подарили нам 300 тыс. франков. Я (говорит Ротштейн) предупреждал вас тогда, что вы сделали арифметическую ошибку, а вы меня оборвали, обругали и не дали мне говорить. Я вынужден был замолчать, а поэтому мы и взяли вашу цифру, а вот по вашей цифре выходит так, что мы получили лишних 300 тыс. франков.

Вышнеградский ужасно на это обиделся!

Он и мне как-то вспоминал и говорил: «Вот какую штуку со мною сыграл Ротштейн».

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ И ЛИЦАХ, СТОЯВШИХ У ВЛАСТИ В БЫТНОСТЬ МОЮ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА И МИНИСТРОМ

Когда я сделался министром путей сообщения, то уже не застал графа Толстого на посту министра внутренних дел. Еще когда я был директором департамента железнодорожных дел, т. е. за год до этого, граф Толстой умер. Поэтому я графа Толстого совсем не знаю; видел я его всего два раза. Первый раз, когда я был еще студентом, и затем другой раз, когда я уже сделался директором департамента и из вежливости ему представлялся. Но на основании его действий я вывел заключение, что вообще это был человек незаурядный, человек с волей и образованием, человек в известном смысле честный; во всяком случае это была крупная личность. Всех его воззрений я не разделял. Граф Толстой был крайний правый, и император Александр III назначил его министром внутренних дел после графа Игнатьева именно потому, что он был ультраконсервативных воззрений. Во время своего министерства он провел институт земских начальников, институт, которому сочувствовать никоим образом невозможно. Замечательно, что этому институту земских начальников не сочувствовали даже многие из консерваторов, и в том числе такой консерватор, как Константин Петрович Победоносцев.

Предполагалось, что земские начальники будут из дворян, что это будут «лучшие», так сказать, лица из общества, которые будут руководить крестьянством.

Если император Александр III и настоял на этой мысли — на учреждении института земских начальников, то именно потому, что он был соблазнен мыслью, что вся Россия будет разбита на земские участки, что в каждом участке будет почтенный дворянин, который пользуется в данной местности общим уважением, что этот почтенный дворянин-помещик будет опекать крестьян, судить их и рядить. Если бы эта мысль, эта идиллия вполне и осуществилась, то и тогда этот институт не мог бы держаться, ибо он основывается на первичной погрешности, которая заключается в том, что в культурном государстве невозможно, именно невозможно смешивать власть административную с властью судебной; власть судебная должна быть независима, так как справедливый суд может быть только при его независимости. Первое условие для этого заключается в том, чтобы суд этот во всех своих инстанциях, от низа до верха, был совершенно отделен от администрации и был совершенно независим; как только этот принцип не соблюдается, сейчас же вместо законности является произвол. В настоящее время мы это видим в особенности наглядно, когда судебное ведомство утратило всякую независимость, и министр юстиции Щегловитов состоит на посылах у министра внутренних дел, председателя Совета министров Столыпина.

Между тем институт земских начальников основывался именно на смешении этих двух функций: функции административной и функции судебной.

Константин Петрович Победоносцев, как человек чрезвычайно культурный и, несомненно, человек ученый, конечно, с этой мыслью помириться не мог и поэтому был противником установления земских начальников. Если же закон о земских начальниках вопреки крайней оппозиции Государственного совета прошел, то это в значительной степени было сделано под влиянием, между прочим, князя Мещерского, редактора «Гражданина» *).

На практике оказалось, что эта идиллия о благородном помещике, который в земском участке судит и рядит, была иллюзией. Таких помещиков и с самого начала оказалось незначительное число, а в настоящее время их

*) См. т. 3 настоящего издания, стр. 575—594.— *Ред.*

почти совершенно нет. Все земские начальники, собственно говоря, не что иное, как провинциальные чиновники, назначаемые административной властью. Обыкновенно это отставные офицеры, юнкера, не окончившие курс высших учебных заведений дворяне, одним словом, лица самого второстепенного сорта. Конечно, я не говорю о некоторых исключениях, которые, может быть, есть; конечно, между земскими начальниками, как исключение, есть порядочные люди, люди соответствующие.

Итак, институт земских начальников, можно сказать, вполне не удался и принес много вреда России. Но самый большой вред заключается в том, что его в настоящее время не решаются уничтожить, потому что в этом институте видят опору порядка, опору консерватизма. Хотя такая мысль представляет полное заблуждение, ибо прочный консерватизм и прочный порядок могут основываться только на законности, а до тех пор, пока в население не войдет в плоть и в кровь законность, до тех пор можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов. Институт же земских начальников не может внедрить законности, потому что действия земских начальников основаны не на законе, а большей частью на административном усмотрении.

Тот же самый граф Толстой, будучи министром, затеял вопрос о преобразовании земских учреждений. Хотя ему не суждено было докончить этого вопроса, но во всяком случае при нем этот вопрос был разработан. Именно граф Толстой убедил императора Александра III в целесообразности этой меры. Взамен земских учреждений 60-х годов в 1890 г. были проведены видоизменения земских учреждений преемником его, Дурново; но основы этих учреждений были установлены еще графом Толстым.

Суть преобразования заключалась в том, чтобы дать больший голос в земских учреждениях дворянству и умалить голос крестьянства. Иначе говоря, чтобы земские учреждения, если можно так выразиться, «одворянствовать».

Земские учреждения 90-х годов суть преобразование также неудачное. Несомненно, России предстоит опро-

кинуть как учреждение земских начальников, так опровергнуть и земские учреждения 90-х годов. И вместо земских начальников ввести в крестьянский быт законность и те же самые суды, которые существуют для всех остальных подданных государя императора. Равным образом России предстоит в значительной степени демократизировать земские учреждения, дабы дать соответствующее влияние и голос в этих учреждениях крестьянству. Нужно надеяться, что это преобразование будет сделано мирным, спокойным путем; что правительство будет настолько благоразумно, что сделает это своевременно и не будет дожидаться того времени, когда эти неизбежные преобразования будут сделаны из-под палки, т. е. путем волнений и недовольства масс⁷⁸.

Ближайшим сотрудником графа Толстого, товарищем министра внутренних дел был Иван Николаевич Дурново.

Когда я сделался министром путей сообщения, то И. Н. Дурново был уже министром внутренних дел, заняв этот пост после графа Толстого.

Граф Толстой, как я уже сказал, был во всяком случае крупной личностью. Многие, что он сделал сначала, когда был министром народного просвещения, а потом, когда был министром внутренних дел, подлежит порицанию. Его преобразованиям, крайне реакционным, Россия в значительной степени была обязана теми волнениями в обратную сторону, которые мы пережили несколько лет тому назад.

Когда граф Толстой был министром народного просвещения, он уничтожил университетский устав 60-х годов и ввел новый университетский устав, в котором также проявилась значительная реакционность. Так, по новому университетскому уставу была совершенно уничтожена некоторая автономность профессоров, и совет профессоров университета в значительной степени подпал под административное влияние попечителей округов и министра. Это крупное преобразование было также крайне неудачно и также в значительной степени способствовало различным университетским волнениям, которые мы пережили в последнее десятилетие и которые мы переживаем в полном размере и в настоящее время.

Но зато, с другой стороны, граф Толстой или, вернее, при графе Толстом не проводилась та крайне ограниченная националистическая политика, которая особенно усиленно и близоручко проводится в настоящее время. Она проводилась теми лицами, теми министрами, которые заменили его.

Так, например, граф Толстой никогда не впадал в крайности ни в отношении преследования евреев, ни в отношении преследования поляков и вообще инородцев.

Далее, он вообще имел авторитет, а поэтому все части, ему подчиненные, находились в большем или меньшем порядке.

Замечательно также и то, что против нового университетского устава, проведенного графом Толстым, весьма протестовал Константин Петрович Победоносцев, который, несмотря на то что он был консерватором, был человеком культурным и понимал, что университет без университетской свободы не есть университет и не может дать никаких благотворных результатов.

В конце концов, несмотря на то что граф Толстой был, несомненно, крупной личностью, он своей деятельностью как министра народного просвещения, так и министра внутренних дел, конечно, принес гораздо больше вреда, нежели пользы.

Среди его заместителей Иван Николаевич Дурново, еще будучи товарищем графа Толстого, играл, как товарищ его, довольно видную роль именно в том смысле, что это был человек, умевший улаживать всякие неприятности, срезывать, если можно так выразиться, углы. Он был назначен товарищем министра внутренних дел еще при графе Игнатьеве, когда последний был министром внутренних дел. Взял же он был товарищем прямо с поста екатеринославского губернатора, а ранее этого он был черниговским губернским предводителем дворянства.

Иван Николаевич Дурново кончил курс в корпусе; был артиллерийским офицером, а затем мелкопоместным помещиком Черниговской губернии. Вследствие своего добродушного характера, умения ладить с лицами, быть весьма приятным и своей довольно импозантной фигуры — благодаря всем этим, более или менее, качествам, но качествам все-таки не положительным для государственного

человека, а скорее отрицательным, — он был приятным предводителем дворянства и приятным губернатором, и приятным товарищем министра внутренних дел; но человек он был не культурный, не умный, скорее ограниченный; человек хлебосольный, милый и очень хитрый; у него была именно хохлацкая, малороссийская хитрость. Женат он был на очень милой, красивой даме — Леокадии Александровне, которая жива до настоящего времени *). Леокадия Александровна была дочерью смотрительницы какого-то воспитательного заведения в Петербурге, была она женщина очень хорошая, но с куриным умом.

Конечно, Иван Николаевич Дурново не мог бы быть министром внутренних дел при императоре, который сам не представлял бы собой определенную, твердую личность; он мог быть министром внутренних дел только при таком императоре, как Александр III. Что касается политики, то он исполнял то, что указывал ему император, старался со всеми ладить. В административной, внутренней части министерства внутренних дел он опирался на своих помощников. В числе ближайших его помощников, который, в сущности, и вел все министерство, был Вячеслав Константинович Плеве, его товарищ. Плеве, несомненно, был человек умный, талантливый; он, в сущности, и вел, как я уже сказал, все министерство.

Мои отношения с Иваном Николаевичем Дурново были довольно удовлетворительны. Будучи министром путей сообщения, а потом и министром финансов, я не имел с ним никогда никаких столкновений, хотя мы с ним и расходились во взглядах на некоторые предметы, как, например, на преобразование земства, на роль в государстве крестьянства, в особенности дворянства и пр.

Когда я был назначен министром путей сообщения, военным министром был генерал-адъютант Ванновский, который состоял военным министром в течение всего царствования императора Александра III.

*) Иван Николаевич Дурново много лет тому назад умер.

Император Александр III очень любил Ванновского, которого он взял из корпусных командиров в Киеве; он был начальником штаба у императора, когда Александр III был еще наследником цесаревичем и командовал отрядом войск во время Восточной турецкой войны.

Ванновский представлял собою личность. Он был человек небольшого образования, небольшой культуры, но он был человек определительный, твердо преданный государю, человек порядка, несколько желчный. Во всяком случае надо признать, что он держал военное министерство в порядке. Сделавшись военным министром, он назначил начальником Главного штаба Обручев, и с точки зрения ума — ум военного министерства, конечно, составлял Обручев, а Ванновский представлял собою собственно характер военного министерства; они, так сказать, друг друга восполняли. Я не могу не признать, что Ванновский и Обручев вместе держали министерство на соответствующей высоте.

Замечательно, что Обручев был одним из ближайших сотрудников графа Милютина, когда Милютин, будучи военным министром, отличался крайне либеральными воззрениями. Когда император Александр III был еще наследником, он очень не благоволил к Милютину и в особенности ко всем его сотрудникам, которые были весьма либеральны; конечно, никто не мог ожидать, что во вступлении на престол императора Александра III Обручев будет назначен начальником Главного штаба, но тем не менее он получил это место, потому что Ванновский откровенно сказал государю, что он либеральных воззрений Обручева не боится, что с этой точки зрения Обручев его не проведет, что он сам, будучи всю свою жизнь в строю, хорошо знает строевую часть, и в этом смысле ему не нужно никакой помощи со стороны его сотрудников. Но с точки зрения теоретических военных соображений и с точки зрения собственно военной науки он считает, что единственный человек, на которого он мог бы опереться и который мог восполнить его недостатки, — это Обручев.

Император Александр III понял эту мысль Ванновского, ее одобрил и согласился на то, чтобы Обручев сделался начальником Главного штаба. И так как характеру импе-

ратора Александра было свойственно: раз он какому-нибудь человеку доверился, то он уж этого человека и поддерживал и бросал его лишь тогда, когда ему делалось ясно, что это лицо совершило какой-нибудь недостойный поступок, то поэтому как Ванновский, так и Обручев в течение всего царствования Александра III, т. е. в течение 13 лет, пользовались доверием государя, и министерство это было в порядке. Оно начало расстраиваться по смерти Александра III, когда это министерство начали дергать, начали вмешиваться великие князья, министерство стали кроить то по одному образцу, то по другому; затем произошла эта несчастная японская война. Далее, на это министерство начал оказывать особое выдающееся влияние великий князь Николай Николаевич. В конце концов стали постоянно переменяться высшие чины этого министерства, чуть ли не ежегодно делались преобразования; вследствие всего этого министерство в значительной степени порасстроилось. В настоящее время, наконец, кажется, все эти незрелые эксперименты брошены, и, может быть, теперь можно надеяться, что министерство это станет на путь планомерной работы. Всякий русский человек должен от всей души этого желать, потому что все наше будущее зависит от того, что если, не дай бог, придется защищать честь, достоинство и достояние России оружием, будем ли мы на высоте положения или так же осрамимся, как осрамились на полях Маньчжурии.

Министром юстиции был в то время Манасеин, который сменил Набокова. Манасеин был человек умный, знающий, но не представляющий собой ничего выдающегося. Составил он себе карьеру потому, что делал ревизию судебных учреждений Прибалтийских губерний. Сделав ревизию, он потом ввел там преобразование, причем в значительной степени проводил так называемые пационалистические взгляды, которые заключались не в том, чтобы защищать достоинство, интересы и самобытность русских, а в том, чтобы несправедливо давить и не считаться с интересами инородцев. Эта нота понравилась в Петербурге как графу Толстому, так и императору Александру III, характеру которого она в известной степени была не чужда. Поэтому Манасеин и сделался министром юстиции.

Говоря об императоре Александре III, я должен сказать, что хотя националистическая точка зрения, в истинном ее смысле, была не чужда духу императора Александра III, но национализм его был в высокой степени благородный.

Император Александр III понимал, что он есть император всех своих подданных. Более всех своих подданных, он, конечно, любил русских, но я думаю, что он был бы возмущен, если бы жил в настоящее время, т. е. во время травли всех подданных Российской империи, которые не исповедуют взглядов Дубровина, Меншикова, Пуришкевича и тому подобных субъектов. Император Александр III был русским патриотом, но высоко благородным и с точки зрения благородства его души он, конечно, был русским императором, потому что он, наверно, был благороднее, нежели все его верноподданные.

Как министр юстиции Манасеин был довольно зауряден и ничем себя не проявил; вскоре он заболел раком и должен был уйти; при этом он не был особенно ценным императором Александром III.

Обер-прокурором святейшего синода был Константин Петрович Победоносцев. Это был человек, несомненно, высокодаровитый, высококультурный и в полном смысле слова человек ученый. Как человек он был недурной, был наполнен критикой разумной и талантливой, но страдал полным отсутствием положительного жизненного творчества; он ко всему относился критически, а сам ничего создать не мог. Замечательно, что этот человек не в состоянии был ничего воспроизводить ни физически, ни умственно, ни морально. Тем не менее я должен сказать, что из всех государственных деятелей России, с которыми мне пришлось иметь дело во время моей, хотя и недолгой государственной карьеры, но столь разнообразной по различным событиям, случившимся во время моей государственной деятельности, Константин Петрович Победоносцев был человек, наиболее выдающийся по своему таланту или, вернее, не столько по таланту, как по своему уму и образованию; мне было приятнее всего беседовать с Победоносцевым, гораздо приятнее, нежели со всеми остальными моими коллегами и другими государственными деятелями России, с которыми мне приходилось встречаться.

Государственным контролером был Тертій Иванович Филиппов. Тертій Иванович был церковник; он занимался церковными вопросами и вопросами литературными, по литературными определенным оттенкам, вопросами чисто мистического направления. Он был человек неглупый, но как государственный контролер и вообще как государственный деятель он был совершенно второстепенным. Т. И. Филиппов собственно не занимался теми делами, которыми он должен был заниматься, т. е. контролем над всеми государственными, экономическими и хозяйственными функциями.

Перевели его в государственный контроль потому, что он в своей деятельности проявлял русское национальное направление. Хотя нужно сказать, что Тертій Иванович Филиппов понимал русское национальное направление в гораздо более широком смысле, нежели это понимается нашими националистами-проходимцами. Тертій Иванович, конечно, был по своим талантам, способностям и образованию гораздо ниже Победоносцева; они друг друга не любили и расходились во всем. Главное их несогласие заключалось в том, что Т. И. Филиппов признавал главой православной церкви константинопольского патриарха, считал, что все православные церкви, за исключением российской (номинально даже и российская церковь), должны почитать главой своей патриарха константинопольского; Победоносцев же допускал самостоятельность болгарской церкви. (Как известно, болгарская церковь не подчинялась константинопольскому патриарху.)

Вот из этого вопроса, который, как мне представляется, для русской православной церкви и вообще для России является достаточно второстепенным, у них главным образом и была страшная вражда.

Т. И. Филиппов относился поэтому к К. П. Победоносцеву довольно злобно, а Победоносцев относился к Филиппову довольно презрительно.

Я помню следующий случай, который характеризует Тертія Иванова. Когда я был уже министром финансов, я жил на углу Мойки и Невского; на Невском, где находится армянская церковь, жил министр народного просвещения Делянов, а обер-прокурор святейшего синода

Победоносцев жил на углу Литейного и Невского (там, где находится дом обер-прокурора святейшего синода). И вот однажды Т. И. Филиппов узнал, что будто бы товарищ обер-прокурора уходит, а на его место Победоносцев желает назначить попечителя Рижского учебного округа, по фамилии, кажется, Лавровский. И так как Т. И. Филиппов почему-то Лавровского ненавидел, то он поехал к Победоносцеву. Приезжает. Победоносцев принимает его, но так как отношения между ними были не особенно приятные, то и разговор мог быть тоже только не особенно приятный. Третий Иванович говорит Победоносцеву:

— Правда ли, Константин Петрович, что вы желаете своим товарищем назначить Лавровского?

Победоносцев говорит:

— Ну, а если бы я назначил его, так что ж из этого?

— Да, помилуйте, — говорит Третий Иванович, — ведь Лавровский — подлец.

А Победоносцев ему говорит:

— Ах, Третий Иванович, кто поне не подлец?

Тогда Т. И. Филиппов поехал обратно. Проезжает мимо Делянова. Заезжает к Делянову. У Делянова по обыкновению — целая масса лиц. Он принимал обыкновенно массу лиц; большая часть этих лиц просила его протекции, в особенности его рекомендации. Делянов всем давал свои карточки, рекомендуя и прося дать место и т. д. Так как Делянов давал решительно всем свои карточки, то, конечно, все отлично знали цену этим карточкам, и поэтому как только кто-нибудь приходил с карточкой Делянова, так сейчас же, взяв эту карточку, рвали ее, не обращая на рекомендацию Делянова ровно никакого внимания, потому что знали, что Делянов всем раздает свои карточки, хотя бы даже его об этом и не просили.

Так вот Т. И. Филиппов приходит к Делянову и возмущенный рассказывает всю историю. Говорит, что он был у Победоносцева, что у него с ним был вот такой разговор, и восприсительно ждет от него ответа.

Тогда Делянов говорит:

— Ах, Третий Иванович, как можно говорить, что Лавровский — подлец? Вы сами виноваты, что так сказали.

Третий Иванович спрашивает:

— Как же он не подлец?

— Какой же он подлец, — говорит Деляпов, — он просто двоедушный человек.

Тогда Т. И. Филиппов, не удовлетворенный этим, поехал дальше. Проезжает по Невскому и вспоминает, что тут живет министр финансов. Приезжает ко мне и, возмущаясь, все это мне рассказывает, ожидая от меня какого-нибудь успокоения. Когда он мне все рассказал, я очень смеялся и сказал Тertiю Ивановичу:

— Тертiй Иванович, скажите, пожалуйста, какая вам охота в это дело вмешиваться? Ведь это к государственному контролю никакого отношения не имеет.

Тертiй Иванович, недовольный и моим ответом, уехал обратно.

Вообще, Тертiй Иванович всегда занимался различными вопросами, не имеющими никакого отношения к тем делам, которые ему были поручены.

Контролем занимались его товарищи; сначала это был Череванский, который теперь состоит членом Государственного совета, а потом, когда Череванский был сделан членом Государственного совета, то Анатолий Павлович Иващенко, о котором я уже раньше говорил.

Управляющим морским министерством был Николай Матвеевич Чихачев, тот самый Чихачев, который раньше был директором Русского общества пароходства и торговли (когда я окончил курс университета, я был одним из его ближайших сотрудников). Чихачев — человек в высокой степени достойный, очень неглупый, вообще крайне доброжелательный, но я думаю, что назначение его управляющим морским министерством было ошибкой, потому что, будучи на посту, он гораздо более занимался хозяйственной частью министерства, нежели военной; у него вообще, так сказать, чисто военной жилки не было. Поэтому мне представляется, что одной из причин полного расстройства нашего флота, несостоятельность которого обнаружилась в несчастном Цусимском бою, была, между прочим, деятельность управляющего морским министерством Чихачева.

Ближайшим сотрудником Чихачева был полковник, а впоследствии генерал по адмиралтейству Обручев (брат

начальника Главного генерального штаба Обручева). Этот Обручев был вообще умный, способный и толковый человек. Он за какие-то грехи в молодости был сослан на поселение в Сибирь, возвратился оттуда и был очень протезируем Чихачевым, который его и реабилитировал. Что касается военных соображений, то па Николая Матвеевича Чихачева через своего брата очень действовал Обручев, начальник Главного штаба. Как член министерства Чихачев был совершенно на своем месте, но как управляющий морским министерством, я не думаю, чтобы он принес соответствующую пользу; я полагаю, что он принес гораздо более вреда. Нужно сказать, что в то время не было должности морского министра, а был управляющий морским министерством, а все министерство находилось под непосредственной властью генерал-адмирала. (После нашего разгрома па водах Тихого океана эта должность была уничтожена.)

Генерал-адмиралом был великий князь Алексей и, конечно, Чихачев во многом действовал в соответствии с его желаниями. Великий князь Алексей Александрович был любимым братом Александра III, поэтому он имел большое влияние. Человек он был во всех отношениях достойный и прекрасный, по человек, который своих собственных государственных идей и вообще серьезных идей не имел. Он был скорее склонен к личной удобной, приятной жизни, нежели к жизни государственной. Он имел тот недостаток, что не был женат, а поэтому всегда находился под влиянием той дамы, с которой он в данное время жил. Может быть, со временем я буду иметь случай рассказать различные эпизоды, бывшие перед последней, японской, войной, в которых великий князь Алексей выказал крайнюю свою слабость в смысле предупреждения этой войны, хотя он сознавал, что война эта принесет нам скорее беду, нежели пользу.

Министром народного просвещения был граф Делянов; он был из армян. Он состоял товарищем министра народного просвещения, когда этот пост занимал граф Толстой,

поэтому, когда граф Толстой сделался министром внутренних дел, то он провел графа Делянова в министры народного просвещения вместо барона Николы, который заменял графа Толстого (как министр народного просвещения). Граф Делянов был очень милый, добрый человек, и вопросы министерства народного просвещения вообще ему были не чужды. Он был человек культурный, образованный, по в полном смысле слова хороший, добрый и хитрый «армяшка». Он никогда никаких резких вещей не делал, всегда лавировал, держась того направления, которое в то время было преобладающим, а именно направления графа Дмитрия Толстого. Вообще он лавировал на все стороны. Но я должен сказать, что тем не менее он умел поддерживать некоторый порядок в высших учебных заведениях; по крайней мере при нем не было таких резких несообразных вещей, какие делались впоследствии, в особенности в последние пять лет.

Начальником комиссии прошений был генерал-адъютант Рихтер. Человек во всех отношениях достойный, порядочный, образованный, культурный, но в государственной жизни не игравший особенной роли. Что касается влияния на государя, то я думаю, что он его имел, хотя Рихтер умел себя держать так, что влияние его никогда ничем не выражалось.

Главным начальником канцелярии его величества был Константин Карлович Ренненкампф, а после его сменил Александр Сергеевич Танеев, который и теперь состоит главным начальником канцелярии. А. С. Танеев заменил Ренненкампфа потому, что отец Танеева был начальником канцелярии государя императора перед К. К. Ренненкампом, который был у него помощником; следовательно, это место досталось А. С. Танееву как бы по наследству. Танеева-отца я не знал. Говорят, что он был очень умный, дельный человек, чего нельзя сказать про его сына, у которого единственное достоинство, что он — ничто.

Министром земледелия или, как звали в то время, министром государственных имуществ был Михаил Николаевич Островский. Он был человек умный, образованный, человек культурный в русском смысле, но не в смысле иностранном, не в смысле заграничном. О земледелии он не имел никакого понятия (прежде чем получить это место, он был товарищем государственного контролера, государственный контроль он знал очень хорошо). М. Н. Островский имел некоторое влияние на императора Александра III благодаря своему уму или, вернее говоря, благодаря здравому рассудку, определенности и политической твердости характера. Направления он был весьма консервативного.

Товарищем его был очень почтенный человек — Вишняков, который всю свою карьеру сделал в министерстве государственных имуществ, т.е. в министерстве земледелия; но и Вишняков также никогда ни практически, ни теоретически земледелием не занимался. Это обстоятельство и дало повод Александру Аггеевичу Абазе как-то раз сказать, что «министр земледелия и его товарищ никогда в своей жизни не видели полей, а видели только поля своих шляп».

Министром двора был граф Воронцов-Данков, который занимал этот пост в течение всего царствования императора Александра III. Когда император Александр III вступил на престол, то Воронцов-Данков несколько месяцев был начальником охраны его величества *), а затем его заменил Черевин, о котором я уже имел случай говорить; тогда Воронцов-Данков сделался министром двора вместо графа Адлерберга (который был министром двора при императоре Александре II).

Адлерберг был человек чрезвычайно умный, талантливый, весьма культурный; он был другом императора Александра II и имел на него большое влияние. Но Адлерберг был постоянно запутан денежно, т.е. он проживал всегда больше того, что имел. В молодости он делал долги, и ходили слухи о его различных денежных некоррекциях, хотя слухи эти после его смерти не подтвердились,

*) Это был особый пост, созданный в то время.

так как он не оставил после себя никакого состояния. Просто в денежном отношении он был несколько «жуир».

Император Александр III вообще был настроен против Адлерберга, отчасти вероятно потому, что когда Александр III был еще наследником цесаревичем, Адлерберг был к нему недостаточно внимателен; затем потому, что Адлерберг имел репутацию человека не вполне корректного в денежном отношении, и, может быть, потому, что Адлерберг, как ходили слухи, играл роль в той связи, которую имел император Александр II с княжной Долгорукой, будущей его морганатической женой — княгиней Юрьевской. Все это настроило Александра III против Адлерберга. Поэтому, когда император Александр III вступил на престол, то в самом непродолжительном времени граф Адлерберг удалился, и на его место был назначен граф Воронцов-Дашков.

Граф Воронцов-Дашков ни по уму, ни по образованию, ни по культуре не мог сравниться с Адлербергом; он в этом отношении гораздо ниже, слабее своего предшественника. Но тем не менее он представляет собой русского барина с известными принципами, и по нынешнему безлюдью он является во всяком случае человеком выдающимся по своему государственному и политическому поведению. Граф Воронцов-Дашков был и остался до сих пор человеком довольно либерального направления; до некоторой степени он подбирал себе и таких сотрудников. Это не вполне правилось императору Александру III, а поэтому иногда император относился к нему, т. е. к некоторым его мнениям и действиям, отрицательно. Но тем не менее император сохранил дружбу с Воронцовым-Дашковым до самой своей смерти.

Из адъютанта фельдмаршала князя Барятинского граф Воронцов-Дашков сделался прямо адъютантом наследника цесаревича, будущего императора Александра III. Таким образом, между ними с молодости установились дружеские отношения.

Я помню один эпизод, касающийся графа Воронцова-Дашкова и императора Александра III, который обрисовывает характер императора.

Прежде все представления о наградах министры делали императору непосредственно. Таким образом, на карьеру

подчиненных имели наибольшее влияние министры, причем точно определенных правил о наградах не было, поэтому никакой определенности в выдаче наград не существовало. От того или другого влияния министра на государя, от умения его испросить те или другие награды зависело повышение всех служащих, причем в этих повышениях равномерность не соблюдалась, а в значительной степени играло роль личное усмотрение.

Такой способ наград имел свои преимущества и недостатки.

Недостатки, как я уже говорил, заключались в неравномерности наград и в значительной доле личного усмотрения.

Но зато преимущество этого способа заключалось в том, что оценщиком заслуг подчиненных был министр, который мог более других судить о степени заслуг того или другого служащего. И так как во всяком случае министр является ответственным лицом за свое ведомство, то, естественно, он должен иметь наибольшее влияние на службу и на карьеру своих подчиненных.

Вдруг неожиданно для всех министров появился указ об инспекторском комитете о наградах. Этот указ был поднесен императору Александру III для подписи графом Воронцовым-Дашковым. Вероятно граф Воронцов-Дашков этим путем имел в виду несколько усилить свое влияние на персонал государственных чиновников.

Когда совершенно неожиданно вышел этот указ, по которому все награды должны представляться государю через этот инспекторский наградной комитет, и таким образом докладчикам всех наград являлись уже не министры, а управляющий делами комитета (который был вместе с тем и начальником канцелярии государя императора или главноуправляющим канцелярией государя императора), то, конечно, указ этот очень всех поразил, и министры в этом деле не без основания видели ненормальность именно в том, что награды будут оцениваться и докладываться государю императору помимо них ведомством более или менее посторонним. Главным образом мера эта поразила их своей неожиданностью, что сделано это было со стороны графа Воронцова-Дашкова не вполне кор-

ректно, так как он никого из министров не предупредил, ни с кем из них не посоветовался.

Поэтому, когда вышел этот указ, то министры собрались и решили доложить государю о невозможности этого указа, о невозможности такого порядка.

В то время министром юстиции был Николай Валерианович Муравьев, который взял на себя замедлить опубликование этого указа.

Затем было решено, чтобы сейчас же один из министров представил государю доклад о том, что так как такого рода мера является крайне неудобной и нецелесообразной, то просить государя, чтобы он разрешил указ этот не опубликовывать, т. е., иначе говоря, его уничтожить.

Как раз на следующий день после этого нашего частного заседания, когда министр юстиции получил этот указ для опубликования, первый доклад у государя был мой. Поэтому министры просили меня представить государю все соображения о неудобстве этой меры.

И вот на следующий день я начал докладывать государю. Я просил его извинить меня, что я касаюсь этого вопроса. Но, сказал я, я касаюсь его по уполномочию всех министров. Я объяснил государю, что указ о наградах есть крайнее умаление значения министров и что едва ли подобного рода мера может способствовать ревностной службе чиновников; что награды по существу своему должны являться исключением и не должны нормироваться какими-нибудь мертвыми формами; должны награждаться те, которые действительно этого достойны, без соблюдения определенных сроков, норм и других формальностей; а что благодаря этой мере дело это станет мертвым, так как каждый чиновник будет считать, что он имеет право получить награду через известное число лет, а ранее такого-то числа лет получить не может и что, конечно, это не может не иметь отрицательного влияния на деятельность чиновников.

Когда я все эти мысли развил государю, то Александр III сказал, что он очень сожалеет, что всех этих соображений не знал раньше; что ему они не пришли в голову, когда докладывал граф Воронцов-Дашков, что если бы только он это знал, он никогда бы этого указа не подписал, что, с другой стороны, он готов был бы взять

этот указ обратно до опубликования его, если бы граф Воронцов-Дашков был здесь, но Воронцов-Дашков как раз вчера вечером уехал к себе в деревню, и теперь при таких условиях он считает невозможным этот указ не опубликовывать, так как Воронцов-Дашков не хотел ехать в деревню, а хотел ожидать опубликования указа; но он (император) сказал ему, что он может ехать и может быть покоен, что указ будет опубликован.

Это одна из черт характера государя; он никогда не отступал от решений, которые он принял по докладу своего министра, иначе говоря, он никогда не выдавал своего министра, по докладу которого была принята та или другая мера.

Возвращаясь к графу Адлербергу, я хочу сказать несколько слов о том, какое он имел влияние на женитьбу императора Александра II на княгине Юрьевской.

Я, кажется, ранее уже говорил о том, что у Адлерберга был большой друг граф Баранов, тот самый Баранов, который был председателем железнодорожной комиссии, в которой я принимал такое деятельное участие. Этот Баранов был платонически влюблен в жену графа Адлерберга, был крайне дружен с самим Адлербергом и все свое свободное время проводил у них.

Венчание императора Александра II произошло в Царскосельском дворце; свидетелями на свадьбе были граф Адлерберг и Лорис-Меликов, а шаферами — граф Баранов (так как он был не женат), а кто другой, — я не припомню.

Император Александр III, конечно, не мог быть не возмущен всей этой историей, тем более, что он был человек поразительно высокой нравственности, был замечательный семьянин, а поэтому, естественно, женитьба эта не могла на него не произвести очень тяжелого впечатления просто с чисто нравственной точки зрения. Поэтому понятно, он не мог питать особо добрых чувств к тем лицам, которые принимали такое большое участие в этой женитьбе, а следовательно, конечно, прежде всего к графу Адлербергу, тем более, что Адлерберг, если и не устраивал, то во всяком случае покрывал всю жизнь

императора Александра II с Долгорукой еще ранее женитьбы его на ней, когда тем не менее они жили совершенно *maritalement* и Долгорукая имела влияние на различные денежные, не вполне корректные дела.

Через княжну Долгорукую, а впоследствии через княгиню Юрьевскую, устраивалось много различных дел, не только назначений, но прямо денежных дел довольно неопрятного свойства.

Так, после последней турецкой войны явилось следующее дело. Во время войны главным подрядчиком по интендантству была компания, состоявшая из Варшавского, Грегера, Горвица и Коген. Они получили громадный подряд, и мне даже случайно известно, каким образом они его получили.

В сущности говоря, получили они этот большой подряд благодаря Грегеру. Грегер был очень близко знаком с генералом Непокойчицким, который был назначен начальником штаба действующей армии, т. е. начальником штаба у главнокомандующего великого князя Николая Николаевича. Получил он этот пост потому, что во время предыдущей турецкой войны он был начальником штаба у графа Лидерса, поэтому его считали лицом, знающим вообще ту местность, в которой предполагалось вести военные действия, а также и способы ведения войны с Турцией.

Генерал Непокойчицкий был знаком с Грегером еще в Одессе, когда он был начальником штаба у графа Лидерса.

С этих пор Грегер стал очень близок с Непокойчицким, и затем, когда после многих десятков лет Непокойчицкий был назначен начальником штаба действующей армии у великого князя Николая Николаевича, то здесь возобновились прежние отношения Грегера (который в это время уже был в Петербурге и управлял делами генерала Дурново) с Непокойчицким. Непокойчицкий и устроил так, чтобы громадный подряд по интендантству был дан компании «Грегер, Варшавский, Горвиц и Коген». Как говорили в то время злые языки и, вероятно, не без основания, Непокойчицкий за этот подряд получил или соответствующее вознаграждение, или чуть ли он не был пайщиком этой компании.

В конце концов на всех этих подрядах компания нажила довольно большие деньги; в то время она была «притчей во языцех», все указывали на крайние злоупотребления и вообще на нечистоплотность всего этого дела.

После войны между комиссией, которая была назначена для расчетов с этой компанией, и этой компанией произошли недоразумения. Компания считала, что она не получила от казны несколько миллионов рублей, и пробовала искать эту сумму путем закона, но видя, что она не в состоянии будет выиграть дело и получить эту сумму, она поручила все дело присяжному поверенному Серебряному.

Этот Серебряный был еврей, я знал его потому, что встречался с ним в Мариенбаде. Это был человек чрезвычайно умный и еще более того остроумный. Вел он гражданские дела очень успешно, но тогда, когда не нужно было выступать на суде. Главным образом он вел дела письменно, писал прошения и пр.

Вот этот Серебряный нашел путь в княгине Юрьевской и в конце концов благодаря ей компания эта получила значительную часть тех сумм, на которые она претендовала и в которых ей было отказано как правительственной комиссией, так и судом.

Все это дело устроил присяжный поверенный Серебряный и, конечно, при этом, если не сама княгиня Юрьевская, то очень близкие ей лица получили соответствующий куш.

По этому поводу я вспоминаю следующий довольно забавный инцидент. После того как это дело было уже решено и компания получила большую сумму, я был в Мариенбаде, где находился и Серебряный.

В той же гостинице, где остановился я, жили Серебряный и Низгурцер. По вечерам я очень любил сидеть на площадке этой гостиницы вместе с этими двумя стариками. Я очень любил проводить вместе с ними время, потому что эти два старика-еврея были очень образованные люди; я редко встречал людей более остроумных, чем они, а потому очень забавлялся их всевозможными рассказами.

Как-то раз Серебряный говорит мне:

— Хотите послушать, — завтра будет очень забавный разговор между мною и Варшавским?

— Каким, — говорю, — Варшавским?

— Это, — говорит, — тот самый Варшавский, который был в компании п дела которого я вел.

Я говорю Серебряному:

— Ведь вы говорили, что вы с Варшавским рассорились, так как он, по вашему мнению, не доплатил вам 500 тыс. руб. за выигрыш дела.

— Это верно, — говорит, — что я на него сердит и с ним поссорился, так как действительно он не доплатил мне 500 тыс. руб., которые он согласился мне заплатить в случае, если я выиграю дело. Теперь он желает со мной объясниться и придет ко мне завтра в час *).

На другой день я пришел к Серебряному в определенное время. Он попросил меня быть в комнате, которая находилась рядом с той компатой, где должен был происходить разговор между Серебряным и Варшавским, и откуда я мог прекрасно слышать весь этот разговор.

В определенное время, т. е. в час, приезжает Варшавский из Карлсбада. Они сидят в кабинете, а я рядом в комнате слышу весь их разговор.

Варшавский говорит Серебряному, что кто-то предъявил к нему иск, по которому с него требуют большую сумму, чуть ли не в миллион рублей, и что он, Варшавский, не знает, как ему поступить. Он должен написать свой отзыв суду, и вот по этому поводу он и приехал к Серебряному, чтобы посоветоваться с ним и попросить его написать ему отзыв.

Когда Серебряный выслушал его, то самым спокойным и серьезным образом начал советовать ему, какое заявление Варшавский должен подать в суд, и стал объяснять ему, как это заявление должно быть написано.

Тогда Варшавский перед ним очень растаял и начал просить Серебряного, не напишет ли он это заявление.

Серебряный ответил, что он с большим удовольствием напишет. Сейчас же сел и карандашом минут в 15 написал весь этот отзыв.

*) Варшавский жил в Карлсбаде.

Варшавский чрезвычайно его благодарил, говорил, что он очень сожалеет, что тогда между ними вышли такие недоразумения по поводу дела, которое он вел у Юрьевской, но что он, Варшавский, считает, что он все-таки был прав.

Серебряный сказал, что он не хочет более об этом деле говорить, и, таким образом, они расстались.

Слушая их разговор, мне были забавны выговор и ужимки, с которыми Варшавский говорил, ужимки были смешные, но тем не менее я подумал: «Почему это Серебряный заставил меня почти час сидеть рядом в комнате и слушать разговор, который не был мне особенно интересен?»

Потом, встретив меня в гостинице, Серебряный спрашивает:

— Слыхали разговор?

Я говорю:

— Слышал, но не нашел в нем ничего интересного.

— А вы знаете,— говорит он мне,— я остался разговором этим очень доволен.

— Почему? — спрашиваю.

— Потому, что если только Варшавский напишет этот отзыв так, как я ему написал,— а я уверен, что он это сделает,— то он наверное проиграет свой иск. Вот это,— говорит,— есть мое мнение за то, что он не додал мне 500 тыс. руб.

Я рассказываю это как образец тех нравов, которые были у этих господ.

Я уже упоминал, что министром юстиции, когда я сделался министром путей сообщения, был Манасеин; он оставался министром юстиции и в первое время, когда я был министром финансов; но вскоре он ушел по болезни и был заменен Николаем Валериановичем Муравьевым.

Н. В. Муравьев сделался известным вследствие того, что он, будучи прокурором, обвинял убийц первого марта, т. е. убийц Александра II, и обвинял их чрезвычайно талантливо. Вот тогда-то он и обратил на себя внимание. Н. В. Муравьев вообще был человек в высшей степени талантливый. Он кончил курс в Московском университете;

в Москве же впоследствии он был прокурором судебной палаты, а в Московском университете читал лекции по уголовному судопроизводству.

Сделал свою карьеру Н. В. Муравьев как благодаря своему таланту, так и благодаря тому обстоятельству, что, когда он был прокурором судебной палаты, то генерал-губернатором Москвы был великий князь Сергей Александрович, которому Муравьев очень понравился. Великий князь обратил на Муравьева внимание государя и поэтому, когда открылось место государственного секретаря (а именно, когда Половцев, который был государственным секретарем, был сделан членом Государственного совета), то государь император назначил Муравьева на должность государственного секретаря.

Можно, пожалуй, даже сказать, что Половцев, как человек, к которому не благоволил император Александр III, был назначен членом Государственного совета именно для того, чтобы очистить место государственного секретаря для Муравьева.

Муравьев был блестящим государственным секретарем, но занимал он этот пост недолго. Как только освободилось место министра юстиции, он был назначен министром. Был он назначен на этот пост еще совсем молодым человеком (так, я был сделан министром, когда мне было 42 года, а он был сделан министром, когда ему было 43 года, но вообще летами он был моложе меня года на полтора).

Как министр юстиции Муравьев был выдающимся министром, но он немножко спустил флаг независимости юстиции, и в этом смысле в его министерстве были некоторые прегрешения. Он хотел до известной степени угодить направлению, если можно так выразиться, «дворянскому», которому сочувствовал император и которое выразилось в институте земских начальников; по мысли, институт этот должен был быть чисто дворянским, а в действительности он сделался институтом, который заняли такие же чиновники, как и все остальные, только, пожалуй, во многих случаях более низкого качества.

Затем, по моему мнению, со стороны Муравьева была сделана та ошибка, что он присоединил к министерству юстиции тюремное ведомство, которое до того времени

находилось в ведении министерства внутренних дел. Присоединение тюремного ведомства к министерству юстиции произошло тогда, когда министр внутренних дел И. Н. Дурново покинул этот пост и министром внутренних дел сделался Иван Логгинович Горемыкин. Муравьев, как я уже сказал, урвал у министра внутренних дел Горемыкина тюремное ведомство, но тем не менее все-таки сравнительно с теперешним положением Н. В. Муравьев держал высоко знамя независимости министерства юстиции.

В такое постыдное положение, в каком ныне находится министерство юстиции, оно могло быть поставлено только таким нравственно ничтожным человеком, как ныне существующий министр юстиции Щегловитов.

При Муравьеве Щегловитов был, кажется, одним из товарищей обер-прокурора сената; после этого он служил где-то в департаментах, чуть ли не был директором или вице-директором одного из департаментов у Муравьева, когда Муравьев был назначен послом в Рим.

Когда предполагалось, что Муравьев поедет в Портсмут, то он, будучи вызван сюда, зашел в дом министра юстиции, в котором ранее, в бытность свою министром юстиции, он довольно долго жил, для того чтобы сделать визиты бывшему своему секретарю и другим чиновникам министерства юстиции, живущим в этом здании.

Когда Муравьев вошел в дом, то, естественно, швейцар представил себе, что прежде всего он пойдет отдать визит своему преемнику, а поэтому швейцар и доложил ему, что министр юстиции дома, что, вероятно, он знает о его визите и ожидает его.

Но Муравьев сказал, что он не намерен быть у министра юстиции.

Впоследствии, рассказывая мне всю эту историю, Муравьев говорил, что новый министр юстиции оказался таким . . . , что он не счел возможным ни зайти к нему, ни оставить ему карточку.

Н. В. Муравьев, как я уже говорил, был вообще человек выдающегося таланта, образцовый оратор, отличный юрист, словом, во всех отношениях он был замечательно талантлив. Что же касается его нравственности, то, к сожалению, она имеет некоторые темные стороны . . .

В молодости с самого начала он женился, кажется, вопреки воле своей матери и вообще воле старших в семье.

Дядя его, граф Муравьев-Амурский, умер бездетным и должен был передать ему свой графский титул . . .

Этот титул перешел к брату Муравьева полковнику Генерального штаба, который теперь, кажется, в отставке. . . . Николай Валерианович разошелся с первой женой и женился вторично; затем развелся и со второй женой, причем вторая его жена вышла замуж за самого богатого человека в Пруссии — графа Генкель фон Доннерсмарк, который впоследствии получил титул князя; он — помещик и имеет благодаря своему богатству и положению такое значение, что император Вильгельм очень часто ездит в его имение и у него живет.

Эта вторая жена Муравьева теперь одна из самых богатых и самых видных дам Германии, но тем не менее, как мне говорили, она еще в последние годы с особенной любовью вспоминала своего бывшего мужа Н. В. Муравьева.

В третий раз Муравьев женился также на разведенной жене одного из судебных деятелей, чуть ли не члена окружного суда Аккермана. Вот эта третья его жена (которую он развел, как я уже сказал, с Аккерманом), наконец, забрала его в руки и держала его в большом респекте; единственный человек, которого, можно сказать, боялся и слушался Муравьев, — это была его жена.

Вместе с женой Муравьев взял и ее ребенка — девочку, которую он удочерил; девочка эта получила фамилию Муравьева. Кроме дочери, у третьей жены был еще мальчик Аккерман, который жив и до настоящего времени; воспитывался он или в школе правоведения или в лицее; теперь он находится, кажется, в судебном ведомстве... Замечательно то, что хотя он сын бывшей г-жи Аккерман и носит фамилию Аккермана, но Муравьев тем не менее относился к этому сыну г-на Аккермана очень

сердечно, всегда старался ему помочь, мать же его, г-жа Муравьева, не хотела видеть своего сына и никогда его не принимала; такая деликатность и любовь к сыну г-на Аккермана со стороны Муравьева в то время, как г-жа Муравьева не хотела его видеть и не принимала к себе, — довольно трогательны.

Кроме того, у Муравьева и от первой жены был сын, но сын этот, еще будучи юношей, застрелился. Говорили, что Муравьев относился очень бессердечно к этому сыну, обвиняли его в бессердечности и говорили, что это его отношение к сыну послужило причиной самоубийства.

От третьей жены Муравьев, кроме того, имел еще двух дочерей и одного сына. К этим трем детям, а также к старшей, удочеренной, Муравьев всегда относился очень любовно и нежно.

В 1905 г. министр юстиции П. В. Муравьев был назначен послом в Рим. Этот шаг, сделанный Муравьевым, доказывает его практический ум; Муравьев понимал, что в России готовится нечто необычайное, а именно подготавливается как следствие нашей позорной японской войны наша так называемая революция 1905 г... Поэтому он инстинктивно пожелал уйти от всех этих событий, с которыми связаны и случайности карьеры.

Пользуясь своими прекрасными отношениями с великим князем Сергеем Александровичем, Муравьев упросил его исходатайствовать для него место посла, как место спокойное, находящееся вдалеке от той вьюги, которая начинала разыгрываться в России.

Конечно, Муравьев при этом ссыался на свое нездоровье и на то, что он заработался.

Муравьев желал получить место посла в Париже, но это ему не удалось, и так как освободилось место посла в Риме, то он и был назначен в Рим. Таким образом, он ушел от всех тех событий, которые произошли в 1905 г.

В последние годы Муравьев имел против меня совершенно неосновательно, так сказать, маленький зуб.

Когда после ухода Ивана Николаевича Дурново был назначен Иван Логгинович Горемыкин и затем через

некоторое время должен был уйти со своего поста и Горемыкин, — в это время, осенью, я был в Ялте. В Ялте же жил и Н. В. Муравьев; я поселился на даче министра государственных имуществ в Никитском саду, а Муравьев жил совсем в другом конце ялтинского побережья, а именно в даче Шуваловой, ныне принадлежащей Александру (Санди) Долгорукому. Поэтому, когда я жил в Ялте, то я виделся с Муравьевым всего раза два, так как, для того чтобы проехать туда и обратно, надо было употребить полдня.

Когда я приехал в Ялту к Муравьеву *), он обратился ко мне со следующей просьбой: так как Горемыкин должен покинуть пост министра внутренних дел вследствие того, что государь не желает его больше иметь своим министром, то Муравьев очень просил меня поддержать его кандидатуру на место министра внутренних дел. Муравьев, по-видимому, отнесся недоверчиво к моим словам о том, что я не знаю, что Горемыкин должен покинуть пост министра внутренних дел. Он говорил мне, что ему достоверно известно, что Горемыкин должен оставить место в сентябре или октябре месяце, что этот вопрос совершенно уже решен и что он знает это от великого князя Сергея Александровича. Затем Муравьев сказал мне, что великий князь Сергей Александрович со своей стороны указывал уже государю императору на то, что следовало бы назначить министром внутренних дел его, Муравьева, но что он желает, чтобы я его тоже поддержал.

Я снова подтвердил Муравьеву, что я ничего об этом не знаю, что государь ничего со мною об этом не говорил, и, вероятно, говорить не будет.

Так как Муравьев знал, что Сипягин со мной очень дружен, то он потом никак не хотел поверить тому, что когда он со мною говорил об уходе Горемыкина в Крым, то я понятия об этом не имел; он не хотел верить тому, что я совсем не знал об уходе Горемыкина и о предстоящем назначении Сипягина. Он был уверен в том, что все это я знал и даже содействовал назначению Сипягина, но все это от него скрыл.

*) Он приехал в Ялту раньше меня.

Хотя по видимости наши отношения с Муравьевым были очень дружеские, но на самом деле он относился ко мне не вполне доброжелательно.

Муравьев как раз вовремя получил пост в Риме, так как бедный великий князь Сергей Александрович после того в самом непродолжительном времени был взорван бомбой на Кремлевской площади в Москве.

Из-за этого же самого места министра внутренних дел я, между прочим, еще нажил себе большого врага и в лице Вячеслава Константиновича Плеве, который сделался министром внутренних дел после того, как Дмитрий Сергеевич Сипягин был убит анархистом Балмашевым.

Когда Муравьев был послом в Риме, то он относился ко мне довольно индифферентно и я также; вообще мы не имели с ним отношений.

Когда нужно было ехать в Портсмут, Муравьев, приехав сюда и вникнув немного в это дело, испугался, сделался больным, и я должен был совершенно неожиданно поехать в Портсмут на это ужасное дело, ужасное в смысле трудности, потому что, когда я ехал на это дело, я отлично понимал, что как бы оно ни кончилось, в ближайшие времена будут на меня «вешать собак».

Если мир будет заключен, то скажут, что я заключил мир несвоевременно, что если бы я этого не сделал, не заключил бы мира, то мы расколотили бы японцев в пух и прах. А если бы мир не был заключен, а продолжалась бы война, то явились бы опять сотни тысяч смертей, полнейшее разорение России и новый позор в военном отношении — все это могло бы кончиться полнейшим крахом Российской державы.

Конечно, я досадовал на Муравьева за этот его поступок, потому что он как дипломат нес бóльшую обязанность принять на себя это трудное дело, нежели я.

Я видел Муравьева в Риме в 1907 г. в последний раз, это было за несколько месяцев до его смерти.

Моя жена очень болела, поэтому я был с нею за границей, в Виши, откуда затем мы приехали в местечко на Женевском озере, около Лозанны — в Уши. Тут я виделся с знаменитым хирургом К о х е р о м и решил

сделать моей жене операцию. Но Кохер, так как он пользовался отпуском и отдыхал, просил отложить операцию недели на две-три.

Наступило 20 октября — в этот день я со времени смерти императора Александра III всегда бывал на заупокойной литургии и панихиде; так как мне и в этом году хотелось быть на заупокойной литургии и панихиде, то я решил поехать в Рим, чтобы пробыть там этот день.

Когда я приехал в Рим, то Муравьев, узнав об этом, сейчас же приехал ко мне в гостиницу, и вот эти 3—4 дня мы с ним были почти неразлучно; мы вспоминали все прошедшее, причем я разъяснил ему некоторые вещи, объяснил ему свои действия в тех случаях, когда он находился в заблуждении и видел в моих поступках нечто неблагоприятное для меня, то, чего у меня и в уме не было.

В конце концов Муравьев говорил мне о том, что он сознает, что, будучи мин стром юстиции, он в своих отношениях не всегда был корректен.

В это время в Риме его жены не было, она приехала только в последний день перед моим выездом оттуда.

Вид Муравьева, по моему мнению, был довольно как будто бы потрепанный, хотя он мне говорил, что чувствует себя хорошо. Муравьев совсем погряз в дипломатию, и я заметил, что поставил он себя, как посол, в Риме отлично.

Своим делом он очень много занимался, хотя, как известно, чтобы быть послом, не нужно очень много заниматься; большинство послов часто ровно ничего не делает. Но Муравьев своим делом занимался и пользовался в Риме некоторым авторитетом, что весьма естественно, потому что, как я уже говорил, Муравьев был чрезвычайно талантливый и умный человек; он и раньше владел отлично французским языком, теперь же он окончательно овладел им, а также начал порядочно говорить и по-итальянски.

Я рассказывал Муравьеву о всех тех перипетиях, которые нам, главным образом мне, пришлось пережить после того, как он покинул Петербург, т. е. о событиях войны, приведших к Портсмутскому договору, о моей

роли в Портсмутском договоре, потом, как я вернулся в Петербург, о событиях, связанных с 17 октября, о моем премьерстве в течение полугода, о тех ужасах и аде, которые я в это время претерпел.

В день моего отъезда Муравьев обратился к итальянскому правительству, чтобы мне дали отдельное большое отделение; он сам провожал меня на вокзал.

Последние слова, сказанные мною Муравьеву, были:

— Как вы, Николай Валерианович, счастливы. Сколько мне, после того как мы с вами расстались в Петербурге, пришлось пережить, сколько вытерпел я огорчений, опасностей, людской злобы. А вы были все это время здесь, в Риме, в отличном, превосходном климате и для вас все случившееся казалось таким отдаленным, касающимся вас только как вообще всякого русского человека. Как вы счастливы, как я вам завидую.

С этими словами я и уехал, а через несколько месяцев последовало известие, что Муравьев умер.

Когда я был министром путей сообщения, а потом и министром финансов, то все это время при императоре Александре III министром иностранных дел был Гирс.

Раньше Гирс был товарищем министра иностранных дел, но в царствование императора Александра III он все время был министром.

Государь император ему доверял и его любил. Гирс был человек осторожный, дипломат, чиновник со средними способностями, без широких взглядов, но опытный.

Он как раз подходил, чтобы быть министром иностранных дел при таком императоре, как покойный император Александр III.

Император Александр III как-то раз сам так выразился: «Сам себе я министр иностранных дел».

Александр III относился к Гирсу как к секретарю по иностранным делам, хотя это несколько не исключало того, что иногда император Александр III слушал Гирса, когда он видел, что Гирс делает ему какие-нибудь указания, которых он не имел в виду.

Раньше чем сделаться товарищем министра иностранных дел, Гирс был послом в Швеции, а ранее перед этим занимал где-то пост генерального консула — кажется где-то на Балканах.

Гирс был прекрасный человек, очень уравновешенный, спокойный, смирный. В тех случаях, когда мне приходилось с ним сталкиваться, мои отношения всегда с ним были самые лучшие; вообще я от него ничего, кроме разумных вещей, не слышал.

В особенности я полюбил Гирса, когда увидел, как он привязан к императору Александру III.

В Крыму, во время болезни императора Александра III, Гирс тоже был несколько болен и не выходил из своих комнат.

Так как я крайнее интересовался всем, что касается болезни императора Александра III, то я первый узнал, что государь безнадежен и что кризис должен был наступить через несколько дней, если не через несколько часов.

Узнав это, вскоре я должен был быть у Гирса по какому-то делу, причем неосторожно сказал ему, что Александр III безнадежен. Старик начал плакать горькими слезами. Меня это удивило, потому что я никак не мог себе представить, чтобы такой, по-видимому, сухой бюрократ, такой сухарь, мог бы так привязаться к человеку, как он был привязан к императору Александру III.

Во время моего директорства в департаменте и потом, когда я был министром путей сообщения, я очень часто бывал у министра финансов Вышнеградского. Там я встречался с целой плеядой литераторов более или менее известных.

Так, я постоянно там встречался с известным поэтом Майковым, который был другом Ивана Алексеевича Вышнеградского, и даже часто Вышнеградский советовался с ним по общим вопросам. Майков был человек очень умный, довольно ретроградного направления, но во всяком случае это был выдающийся поэт и человек, в общем достойный и прекрасный. Благодаря тому, что между Вышнеградским и Майковым были такие дружеские отношения, Иван Алексеевич без всякого основания сделал сына Майкова директором ремесленного училища цесаревича Николая. Сын Майкова вел это училище очень скверно, и я был вынужден (когда я сделался министром

финансов и председателем общества, в ведении которого находилось это училище) этого Майкова уволить. Затем этот Майков вследствие близости своей с Дубровиным в 1905 году вошел в «Союз русского народа» и был одним из ближайших сотрудников Дубровина во всех тех безобразиях, которые Дубровин творил, в том числе и по убийству Герценштейна. Итак, этот самый Майков сделал свою карьеру через «Союз русского народа»; теперь он состоит вице-председателем общества, на попечении которого находятся училище цесаревича Николая и женское училище императрицы Марии Александровны; он имеет высший надзор над этим мужским ремесленным училищем, т. е. над тем, где он был ранее директором, какового места он должен был лишиться по моему решению вследствие несоответствующего с его стороны поведения, а именно: он распустил учеников и даже с учениками старшего класса кутил по ночам.

У Вышнеградского же я встречал и другого известного литератора того времени, а именно Полонского, тоже известного поэта. Полонский был хромым и ходил на костыле. Это был человек другого склада — человек, если можно так выразиться — более гуманный, с некоторым либерализмом в суждениях; человек более светлый, нежели Майков. Как Полонский, так и Майков уже умерли, но Полонский оставил после себя так называемое Общество Полонского, которое несколько раз в год собирается и в котором производятся различные литературные чтения в память Полонского. Вообще, как человек, Полонский был гораздо более симпатичным, чем Майков.

Встречал я у Вышнеградского и Григоровича, также известного литератора, написавшего несколько выдающихся повестей. В то время Григорович был тоже в пожилых летах, но это был человек совсем другого рода, нежели Полонский и Майков, а именно — это был светский человек; он очень любил общество и общество светское; он был весьма остроумный и гораздо более блестящий человек, чем Полонский и Майков. Григорович был другом Тургенева.

Кроме того, я встречал там же и Ивана Алексеевича Страхова — полуфилософа, полукритика. В это время Страхов очень сблизился с Л. Н. Толстым, а потому часто рассказывал о нем. И, судя по изданным теперь письмам графа Л. Н. Толстого, видно, что действительно одно время Л. Н. Толстой был очень близок со Страховым. Но, очевидно, впоследствии отношения их несколько изменились, так сказать, охладели.

У Вышнеградского же я встречал очень интересную особу — княгиню Радзивилл *); эта княгиня Радзивилл была очень красива, муж же ее был совершенно ничтожный человек. По-видимому, за нею ухаживал или по крайней мере увлекался ею Иван Алексеевич Вышнеградский. Эта княгиня Радзивилл впоследствии оказалась большой авантюристкой.

Как известно, начальником охраны государя императора был Черевин; кроме того, он был генерал-адъютантом и очень близким человеком при императоре Александре III. При императоре Александре II он был начальником царского конвоя. Черевин был человек общества, с обыкновенным образованием (он был гвардейский офицер), но с большим здравым смыслом и умом; до известной степени он был остроумен, но был очень склонен к употреблению крепких напитков. Я не сомневаюсь, что он подавал всегда хорошие советы и, вероятно, он имел случай давать хорошие советы своим монархам, к которым он был близок. К Черевину как император Александр III, так и императрица Мария Федоровна относились очень благосклонно. Манера Черевина, его речь были довольно прямые и резкие, что соответствовало характеру императора Александра III и мало соответствует более нежному характеру нынешнего императора Николая II. Поэтому, когда император Николай II вступил на престол, то Черевин как будто бы был устранен, хотя звание за ним сохранилось, но влияние его было совершенно уничтожено; он мало виделся с императором

*) Она была урожденная Ржевуская.

Николаем II, а более состоял при императрице-матери, Марии Федоровне. Впрочем, вскоре после вступления императора Николая II на престол Черевин умер от воспаления легких.

Рассказывая о Черевине, мне вспоминаются некоторые подробности, которые характеризуют, с одной стороны, его характер, а с другой стороны — отношение его к императору Александру III.

Как-то раз император Александр III возвратился с маневров, которые происходили на западе (это было на Петербурго-Варшавской железной дороге). Черевин, по обыкновению, после обеда был очень подогрет и вот когда после обеда он сел играть в карты с императором Александром III, то все время приставал к императору. Он все спрашивал у императора: будет ли император горевать и плакать, когда он, Черевин, умрет? Говорил, что он чувствует приближение смерти и что ему не так жалко, что он умрет, как жалко думать о том, как этим будет огорчен император Александр III. Император ему все говорил: «Отстаньте вы от меня». Затем Черевин начал приставать к императору, чтобы он до его смерти дал ему ленту Александра Невского, причем Черевин стал перечислять императору всех своих сверстников, которые уже давно носят ленту Александра Невского, между тем как он, Черевин, до сих пор носит ленту Белого Орла.

Впрочем, надо сказать, что, действительно, обыкновенно император Александр III награждал наиболее скупно именно своих приближенных. Вообще в отношении наград он был очень скуп, а в особенности по отношению к своим приближенным.

Когда сын известного богача и члена Государственного совета Половцева (о котором я имел случай говорить) женился на графине Паниной, то Черевин к Половцеву имел особое дипломатическое поручение.

Дело в том, что, очевидно, графине Паниной-матери, жене Петрункевича (известного крайнего кадета, члена первой Государственной думы), было обещано, что если ее дочь, графиня Панина, выйдет за кого-нибудь замуж, то мужу будет передано имя графа Панина, для того чтобы

эта фамилия, довольно известная, — так как Панин был министром юстиции и вообще играл очень выдающуюся роль при императоре Александре II, — чтобы эта фамилия не пропала, так как эта девица Панина есть последний отпрыск этой фамилии.

Очень может быть, что Половцев, который вообще был падок на такие внешние отличия, был отчасти рад тому, что сын его женится на девице Паниной и будет называться графом Паниным.

И вот Половцев-отец обратился к Черевину, чтобы он доложил государю о том, что было обещано графине Паниной, а именно, что мужу ее дочери будет дан титул графа Панина, и так как теперь сын Половцева женится на Паниной, то он и просит напомнить, чтобы ему был дан этот титул.

Император Александр III очень не любил Половцева, а поэтому ему ужасно не хотелось дать Половцеву этот титул. Поэтому император сказал Черевину:

— Поезжайте к Половцеву и дайте ему как-нибудь понять, что я не хочу дать этот титул его сыну.

Вот в этот день Черевин приходит к нам после завтрака, он был уже значительно «подшофе», мы пили чай, а ему подали бутылку шампанского. Пока он его пил, я и спрашиваю:

— Для чего вы приехали в город?

(Государь большей частью жил в Гатчине.)

— Я имел, — говорит, — дипломатическое поручение к Половцеву от государя.

Я ему говорю:

— Как же вы исполнили это поручение?

— Да я, — говорит, — очень ловко исполнил. Как только я приехал к Половцеву, позавтракал, Половцев меня и спрашивает: как же относительно титула? Когда император Александр III его даст? Мне не хотелось сказать прямо, что государь не хочет дать титула, и я сказал ему так: видите ли, государь не желает, чтобы ваш сын носил достойное имя графа Панина, а если вы хотите, чтобы ваш сын был графом, ну так пусть будет Половцев графом Петрункевичем.

Ну, а Петрункевич находится и теперь под некоторым сомнением в смысле неблагонадежности, а в те времена

имя Петрункевича было равносильно имени революционера. Понятное дело, каким образом мог встретить Половцев такое предложение.

В другой раз Черевин пришел к нам из яхт-клуба, также сильно подогретый (все это происходило тогда, когда я был министром финансов). Я его спрашиваю:

— С кем вы завтракали в яхт-клубе?

— Ах,— говорит,— я завтракал, а потом сидел и играл с князем Долгоруким *).

Так вот я и спрашиваю у Черевина.

— Так что ж, вы хорошо провели время?

— Да,— говорит,— мы хорошо, по-дружески разговаривали, много выпили с князем Долгоруким.

— Почему,— говорю я,— Долгорукий за вами так ухаживал?

— А потому,— говорит,— что он просит меня упротить Марию Федоровну, чтобы его назначили послом в Данию **).

А в те времена вообще назначение послом в Данию было равносильно тому, что карьера в дипломатическом корпусе — открыта, потому что посол в Дании Моренгейм затем сделался самым видным послом в Париже; Муравьев, ранее бывший послом в Дании, сделался впоследствии министром иностранных дел; Извольский, назначенный послом в Данию после Муравьева, также стал министром иностранных дел.

Дания — родина императрицы Марии Федоровны и, так как императрица Мария Федоровна и вообще наша царская семья часто бывают в Дании (особенно часто бывали в Дании в те времена, когда еще не было молодой

*) С тем самым князем Долгоруким, который теперь занимает пост посла в Риме, а при императоре Александре III был посланником в Персии. При императоре же Александре III он и потерял это место. Император Александр III не благоволил к князю Долгорукому потому, что действительно у князя Долгорукого был двойственный, не прямой характер. Вообще князь Долгорукий был человек неискренний.

**) Это было в то время, когда император Александр II умер и на престол вступил император Александр III.

императрицы Александры Федоровны, которая родом из Дармштадта), то понятно, что тамошние послы обращали на себя внимание императоров и императриц, и поэтому и делали карьеру.

Вот, Долгорукий и упрасивал Черевина, чтобы он упросил Марию Федоровну, чтобы его сделали послом в Данию.

Через некоторое время после этого я встретился с Черевиным и спросил его:

— Ну что же, просили вы императрицу за князя Долгорукого?

— Как же, — говорит, — я просил и передал уже Долгорукому ответ императрицы.

— Какой же, — говорю я, — был ответ?

— Я, — говорит, — рассказал ему весь разговор, который имел с императрицей. Я сказал императрице, что вот князь Долгорукий очень упрасивает вас, чтобы вы назначили его послом в Данию. Но, так как императрица не любит Долгорукого, то она мне и сказала: «Как же я могу просить о назначении его послом, когда место это там занято?» На это я императрице ответил: совершенно верно, что место занято, но только согласитесь на то, что если место это будет свободно, то Долгорукий будет назначен туда послом, потому что, раз — продолжал Черевин, — вы скажете это Долгорукому, он ни перед чем не остановится, поедет в Данию, отправит посла и тогда место будет свободно. Вы пообещайте только ему, что когда будет место свободно, вы его назначите.

— Что же, — спрашиваю я, — вы сказали это Долгорукому?

— Да, — говорит, — я сказал Долгорукому, чтобы он ехал в Данию, постарался как-нибудь уничтожить посла, тогда место будет свободно, и он будет назначен.

Так вот эта самая Радзивилл, о которой я уже говорил, она, попросту, жила с Черевиным, а поэтому имела некоторое влияние в петербургском обществе, так как Черевин был влиятельным человеком, а вследствие этого и княгиня Радзивилл могла оказывать некоторое влияние.

После смерти Черевина у нее обнаружились не вполне чистые дела, и она переехала в Англию. В Англии она сблизилась с известным (я забыл его фамилию) англичанином, кажется, из евреев, который нажил огромное состояние на африканском золоте (это было до Бурской войны; насколько я помню, фамилия его Родс или что-то в этом роде). Княгиня жила с ним совершенно *maritale-ment*; ездила с ним в Африку на эти золотые копи. Затем этот англичанин умер. По-видимому, умер он так неожиданно, что ничего существенного ей не оставил. Затем явился вдруг вексель от этого самого банкира-афериста на имя Радзивилл, на очень большую сумму. Вексель был предъявлен в суд, но было доказано, что он поддельный, и в конце концов княгиня Радзивилл попала в тюрьму, где и высидела все причитающееся ей наказание. По выходе из тюрьмы она описала в своих мемуарах все, касающееся этого дела. Мемуары эти произвели впечатление на некоторое время — на неделю, — а теперь они, конечно, позабыты ⁷⁹. Сама княгиня Радзивилл очень постарела; я ее видел не так давно во Франции в Aix les Bains. Она поймала сравнительно молодого англичанина и женила его на себе. У этого англичанина, по-видимому, никаких средств нет, и женился он на этой старухе, которая когда-то была красива, из-за денег (так как сравнительно небольшие деньги у нее сохранились).

Во время пребывания моего на посту министра путей сообщения, конечно, я встречался с различными железнодорожными деятелями, с которыми, как я уже это объяснял, у меня были совершенно особые отношения.

Отношения эти были таковы, что они отлично знали, что повлиять на меня нельзя, что сам я железнодорожное дело знаю, и всех их знаю, а следовательно, всякого рода разговоры со мною, в которых они хотели бы представить мне что-нибудь в том виде, в каком это им желательно, совершенно напрасны. То, что нужно делать, я знаю и без них, и они были вполне уверены, что, с одной стороны, я буду вести железнодорожное дело так, что все, что не соответствует интересам и правам государства, я не допущу, а, с другой стороны, все, что

по справедливости нужно будет сделать для железнодорожных обществ вообще и для железнодорожных служащих в частности,— мпою будет сделано.

Теперь я хочу сказать несколько слов о некоторых железнодорожных деятелях, о которых я не досказал, когда я говорил о моей железнодорожной деятельности.

Прежде всего, я хочу рассказать то, что я не досказал относительно Блиоха. Блиох был еще жив, когда я был министром путей сообщения и когда я был министром финансов. Он не приходил ко мне с железнодорожными делами, а приходил по поводу других дел, а именно.

Он в это время все хотел прославиться, а поэтому проводил мысль о всеобщем мире; по этому поводу писал или, вернее, ему писали, а он под своей фамилией издавал различные книги относительно всеобщего мира, относительно разоружения, доказывая, что в этом заключается спасение не только Европы, но и всего человечества. Вообще пропагандировал очень сильно эту идею.

Конечно, идея сама по себе, идея о мире, идея о разоружении есть величайшая идея, и всякий человек, который этим делом занимается, который этому делу посвящает свои силы, достоин полного уважения, хотя я не могу не признать, что идея эта именно потому, что она чересчур велика, трудно реализуема, и пройдет еще много веков ранее, нежели эта идея может дать какие-нибудь практические результаты.

Напротив, мы видим другое, мы видим, что если войны и сделались гораздо реже, чем были прежде, то зато, если ныне случается одна какая-нибудь война, она по своим результатам равняется десяткам войн, которые бывали в прежние времена. Так что ужасы войны все более и более увеличиваются, и если войны бывают нынче редко, то потому, что происходит постоянная война: война всеобщего вооружения со всеми бедствиями, от сего проистекающим; только войны с непосредственными кровопролитиями происходят сравнительно редко. Кровопролития эти избегаются именно тем, что происходит постоянная мирная война — война посредством вооружения; на это вооружение тратятся громадные деньги, которые ложатся бременем большей частью на бедный класс населения; и кроме того отрывается масса насе-

ления от производительного труда; и если не проливается прямо кровь населения, то зато проливается понапрасну его пот, тратятся его производительные силы, нарушается спокойная жизнь народа и его благосостояние; увеличиваются бедность, нищета, болезни и смертность. В то время, когда я сделался министром финансов, Блиох хотел привлечь к своей идее императрицу Александру Федоровну и молодого нашего императора (который тогда недавно только вступил на престол), но, кажется, это было встречено без особого энтузиазма,— очень может быть, отчасти это произошло потому, что Блиох был из евреев.

Кроме того, Блиох ездил на все конференции о мире и хотел устроить где-то, чуть ли не в Швейцарии, музей, который бы постоянно напоминал о мире.

И вот, увлекаясь этой идеей — я думаю не столько самой идеей, как желанием (которое его постоянно преследовало) чем-нибудь выказаться, чем-нибудь выдаться, — он, не достигнув никаких результатов, умер.

Встречался я также еще с другим человеком, о котором я раньше мельком упоминал, а именно с Николаем Николаевичем Суцзовым. Между тем Суцзов — это такой человек, о котором следовало бы сказать несколько слов, потому что все-таки он был человеком выдающимся.

Суцзов был директором канцелярии при министре Замятине; после он был обер-прокурором сената, камергером, — одним словом, по тому времени он занимал довольно выдающийся пост.

Женился он на Козловой. Семейство Козловых было очень почтенное, дворянское. Один из ее братьев был адъютантом и ближайшим другом цесаревича Александра Александровича, будущего императора Александра III. Он безнадежно заболел в молодости, что причинило большое огорчение императору.

Другой брат был генералом свиты его величества, затем обер-полицеймейстером в Москве. Человек очень известный, очень почтенный и очень порядочный.

В начале 60-х годов или в первой половине 60-х годов Суцзов начал заниматься частными делами, частными

обществами, вследствие чего он должен был покинуть государственную службу. Он играл видную роль в различных концессиях того времени (тогда были всевозможные предприятия: концессии, банки) — всюду дельцом был Суцов. Он писал всевозможные проекты, всевозможные уставы, всевозможные прошения, направлял иски; конечно, такая деятельность Суцова была несовместима с деятельностью обер-прокурора сената и камергера. Поэтому он должен был выйти в отставку. В 60—70-х годах Суцов играл громадную роль. Тогда в России только начали применяться различные уставы акционерных обществ, как торгово-промышленных, так и банковских.

Суцов в этом отношении так наострился, что писал эти уставы, которые, в сущности говоря, более или менее шаблонны (в настоящее время такой устав может написать чуть ли не каждый столоначальник соответствующего департамента министерства); в то время это считалось особым талантом.

За то, чтобы написать такой устав, Суцов брал в те времена 25—30 тыс. руб., между тем как это было для него работой на несколько часов в течение двух дней.

Затем он был членом всевозможных обществ как уже существующих, так и создающихся. Поэтому он получал и наживал громадные деньги.

Суцов был хорошим юристом; вообще был человек с большими дарованиями, но главным образом он был с громадным здравым смыслом и здравым рассудком; вообще же он был доброй души и ужасный кутила.

Суцов любил пировать как в гостях, так и сам давать пиры. Одним словом, это была чисто русская широкая натура. Вечно у него были вечера с цыганами, на что он тратил очень много денег. Суцов наживал громадные деньги, но громадные деньги и проживал.

Умер он в прошлом году и, кажется, сколько-нибудь существенного состояния своему семейству не оставил. А между тем, судя по тем деньгам, которые он наживал, он должен был бы быть миллионером.

Я редко встречал человека большей тучности, нежели он; он был настолько тучен, что еле-еле двигался. Лицо его также было очень характерно; он был рыжий, с

громадными удивительно блестящими глазами и представлял собою скорее тип рыжего татарина.

И этот громадный человек, еле стоящий на ногах, любил по вечерам, в особенности тогда, когда он не был еще таким старым (он умер, когда ему было лет за 70), а когда ему было лет около 50, танцевать. Я помню*), что на пиры, которые он задавал и которые кончались всегда попойками, он приглашал актрис, с которыми очень любил танцевать, и такая громадная туша, которая еле-еле могла двигаться, когда выпьет и начнет танцевать русскую с актрисами, а затем вальс, то танцует очень хорошо и бойко.

Суцов, песомненно, играл большую роль во всех железнодорожных делах; ничего большого он не совершил, но тем не менее прежде и в начале 80-х годов, казалось, ни одно железнодорожное дело, ни одно коммерческое предприятие, ни одно коммерческое дело не могло осуществиться без Суцова — всюду был Суцов.

Одним словом, Суцов представлял собою русско-татарскую натуру; он был человек с громадными способностями, с большим здравым смыслом, но этот свой здравый смысл и свои способности он употребил в смысле государственных целей недостаточно производительно. Тем не менее это был человек очень хороший, человек с добрым сердцем. Между прочим, он делал много добра и частным лицам, но совершал он это добро также очень оригинально.

В первый раз я познакомился с Суцовым при следующих обстоятельствах.

Когда я поступил на Одесскую железную дорогу, когда эта дорога перешла в Русское общество пароходства и торговли, я приехал в Петербург. Приехав в Петербург в первый раз, — это было в начале 70-х годов, — я должен был явиться к Суцову.

Когда я явился к Суцову (я был в то время совсем молодой человек, мне было 23—24 года), он жил в доме

*) В то время я только что поступил на железную дорогу, а Суцов был членом Русского общества пароходства и торговли, а затем и членом правления Юго-Западных железных дорог, вследствие чего я довольно часто там с ним встречался.

графа Зубова, против Исаакиевского собора; у него была громадная квартира. Как только Суцову доложили, что я пришел, несмотря на то что у него был прием и было много посетителей, он сейчас же меня принял. Мы говорили с ним о различных делах, касающихся железных дорог. После первого моего посещения через несколько дней я снова был у него, а потом еще раз был, и во время этих моих посещений мы с ним все время касались вопроса об установлении тарифа на Одесской железной дороге.

Это был первый тариф на Одесской железной дороге, более или менее правильно составленный; я его составил здесь, в Петербурге (вообще тарифы тогда были крайне несовершенны и довольно шаблонны, так как в то время тарифное дело совсем не было развито в России). Так вот, по поводу этого тарифного дела и по поводу других дел, касающихся железной дороги, я и заходил к Суцову.

Когда я пришел к Суцову в первый раз, то там находился один старичок, который все время ждал; в следующий раз я снова увидел там этого же старичка, который был крайне печален. В этот раз он подошел ко мне и говорит:

— Кажется, вас Николай Николаевич хорошо принимает, вот вы бы попросили, чтобы он меня принял, ради бога...

(У него при этом были слезы на глазах.)

Когда я в этот раз уходил от Суцова, то сказал ему:

— Николай Николаевич, у вас ждет приема какой-то старичок; он со слезами на глазах просил меня, чтобы вы приняли его... Он плачет, у него есть какая-то к вам просьба.

Когда я был в третий раз у Суцова, то снова видел этого старичка, который сказал мне:

— Я пришел вас благодарить за то, что вы спасли моего сына.

После этого я больше не видел старичка.

Потом я спросил Суцова: что такое произошло, что случилось с тем старичком, который обратился ко мне?

Николай Николаевич самым серьезным образом рассказал мне следующее:

— Вот видите, у этого старичка есть сын; сын этот кончил курс правоведения *) (а известно, что все правоведы поддерживают друг друга); затем он поступил кассиром в какое-то общество и в этом обществе, — говорит, — он растратил 50 тыс. руб. Внести он их не мог. Должна была быть назначена в скором времени ревизия, которая и обнаружила бы эту растрату 50 тыс. руб. Вот старичок, — говорит, — и пришел ко мне умолять, чтобы я как-нибудь этому делу помог, как-нибудь бы это дело устроил.

— Как же — я говорю, — вы устроили? Внесли деньги?

— Нет, — говорит, — ничего я не внес, а вот как я это устроил. Я спросил у этого старичка: каким же образом ваш сын мог такие деньги взять? — Тогда он мне рассказал о порядках, какие существуют в этом обществе, причем оказалось, что благодаря порядкам, существовавшим в этом обществе, каждый кассир мог делать с деньгами, что ему угодно. — Когда старичок это мне рассказал, я говорю ему:

— Нет, я вам не верю. Если так, если порядки в обществе таковы, то пускай ваш сын украдет еще 100 тыс. руб., а вы мне их и принесете.

На другой день, говорит, приходит вдруг ко мне старик и приносит 100 тыс. руб. Тогда, — продолжал Сущов, — я взял эти 100 тыс. руб. и поехал в общество. Приехав туда, я просил собрать правление и говорю правлению: — Вот у вас какие порядки. У вас кассир при таких порядках может красть сколько ему угодно. Я требую, чтобы была сделана ревизия...

Они это, конечно, отрицали. — Я могу вас уверить, — говорит Сущов, — что из кассы у вас украдено 150 тыс. руб., но так как кассир правовед, то мне хочется ему помочь. Заплатить 150 тыс. руб. я не могу. А если хотите это дело покрыть, то 100 тыс. руб. я дам, а вы покройте остальные 50 тыс. руб. Я положил эти 100 тыс. руб. Они сделали между собой складчину и, чтобы не делать скандала, доплатили остальные 50 тыс. руб. Этот кассир подал в отставку, ушел из этого общества, — тем все и кончилось.

*) Сущов также бывший правовед.

Затем я помню, как-то раз ехал Суцов по Одесской железной дороге, а я сопровождал его в качестве начальника движения Одесской железной дороги. Он мне и говорит:

— Вы играете в карты?

Я говорю:

— Играю, но очень редко.

— Сыграйте со мною, — говорит, — в преферанс.

Я говорю:

— Хорошо, но только по очень маленькой.

— Мне, — говорит, — все равно.

Затем мы сели играть и играли довольно долго. Проиграл я ему кажется 3 рубля. На другой день опять играли, и я уже у него выиграл 2 рубля. Смотрю: Николай Николаевич самым тщательным образом делает запись.

Я его и спрашиваю:

— Николай Николаевич, зачем вы делаете запись?

Суцов отвечает:

— Видите, я выиграл 3 руб., а затем вы выиграли 2 руб., значит, я всего выиграл 1 рубль. Но мы, — говорит, — между собою условились: Гинзбург, Кокорев, Губонин и я, что когда мы с кем-нибудь играем по маленькой, то можем в лице этого партнера играть по большой с кем-нибудь из них, так, например, играя с вами, я играл кроме того с Кокоревым и с вас выиграл 1 рубль, а с Кокорева 100 рублей.

Таким образом, они вели заочно большую игру, когда не могли найти соответствующего партнера.

Относительно этого Суцова я хочу рассказать еще следующее. Приблизительно в том же самом году, в следующий мой приезд в Петербург, приезжаю я в Москву, сажусь на скорый поезд, смотрю — отдельный вагон; спрашиваю:

— Кто едет в отдельном вагоне?

Отвечают, что едут самые первоклассные москвичи. Смотрю, приходят в долгополых сюртуках Кокорев и Губонин (они одевались полукупцами, полумужиками); затем явился инженер Данилов, а потом, наконец, притащился и Суцов, вместе с которым появились

какие-то особые деревянные ведра и несколько ящиков вина.

И вот они целую ночь, от Москвы до Петербурга, все время играли в карты, дули шампанское с отваром огурцов, т. е. с огурцовым квасом. Таким образом, во время дороги от Москвы до Петербурга они выпили все ведра огурцового кваса и все шампанское.

Я очень удивился их вкусу и, конечно, по их способу не пил.

Но затем, когда я был министром финансов (я об этом еще буду рассказывать) и ездил на Нижегородскую выставку, то на эту выставку приезжал нынешний император Николай II.

В первый день приезда государя давали большой обед. Во время этого обеда я сидел около генерал-адъютанта Рихтера и видел, что многие пьют шампанское, смешанное с чем-то. Оказалось, что это было шампанское, смешанное с квасом, но уже не с огурцовым квасом, а с хлебным.

Таким образом, эта смесь шампанского с квасом, по-видимому, в то время была в моде в Москве, а из Москвы, вероятно, напшток этот распространился и в другие места.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

О МОИХ СОТРУДНИКАХ И МОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МИНИСТРА ФИНАНСОВ

Когда я сделался министром финансов, то управляющим Государственным банком был Жуковский.

Жуковский имел репутацию довольно левого чиновника, потому что в 60-х годах он писал в «Современнике». Я не заметил, чтобы Жуковский был направления вредного для государства, и думаю, если бы это было так, то и Вышнеградский, вероятно, не держал бы его. Нужно сказать, что Жуковский, как управляющий банком, был посредственный и ничего особенного собой не представлял.

Директором кредитной канцелярии был Плеске, который затем был мною назначен управляющим Государственным банком.

(Жуковский, по оставлении им этого поста, по моему ходатайству был сделан сенатором.)

Это тот самый Плеске, который заместил меня, когда я из министра финансов был сделан председателем Комитета министров. Плеске был человек более культурный, более способный, с большой выдержкой, весьма чистый, честный и благородный человек, но с немецким умом, который имеет то преимущество, что он ограничивает полет мысли, а с другой стороны, тот недостаток, что у лиц с немецким умом часто не хватает надлежащего полета мысли.

Директором департамента казначейства был Голиндо. Это старый чиновник с куриным умом; очень почтенный человек, который вскоре после моего назначения скончался.

На его место я назначил Дмитриева, который ранее при Голиндо был вице-директором. Я назначил Дмитриева вице-директором потому, что когда я был министром путей сообщения, то он был помощником директора моей канцелярии (т. е. канцелярии министра путей сообщения), а раньше он служил в государственном контроле и, следовательно, всю формальную часть финансов знал хорошо.

Директором департамента окладных сборов был Дмитрий Фомич Кобеко, тот самый Кобеко, который ныне состоит директором Петербургской публичной библиотеки.

Этот Кобеко вообще был человек выдающийся; он был не чужд литературе и вообще научных исследований. Так, например, он написал довольно интересную книгу об императоре Павле ⁸⁰. Кончил курс он в лицее и, будучи совсем молодым человеком, был директором канцелярии еще у министра финансов графа Рейтерн.

При графе Рейтерн Кобеко играл выдающуюся роль, так как вообще он был человек очень способный. Кобеко сразу сделал бы большую карьеру, если бы с ним не произошел следующий неприятный случай: Дмитрий Фомич Кобеко, имея очень некрасивую жену, спутался как-то с одной француженкой, которая имела модный магазин, и вот эта француженка, воспользовавшись доверием Кобеко, впуталась в какое-то финансовое дело, сделала какую-то некорректность, которая и пала на Дмитрия Фомича Кобеко. Вследствие этого Кобеко должен был оставить должность директора канцелярии министра финансов, место, которое в особенности в то время было довольно влиятельное. С тех пор Кобеко в министерстве финансов был в загоне; он был сделан членом правления «Русского общества пароходства и торговли» от министерства финансов (там такой член правления полагался), а также членом правления Юго-Западных железных дорог от министерства финансов.

Когда Вышнеградский сделался министром финансов, то он назначил Кобеко директором департамента оклад-

ных сборов; вице-директором департамента у него был некто Рихтер.

После того как я занял пост министра финансов, я сделал Дмитрия Фомича Кобеко членом совета министра финансов и директором правления «Русского общества пароходства и торговли».

Затем, через несколько лет после смерти императора Александра III, я ходатайствовал, чтобы Кобеко был сделан членом Государственного совета. Император Николай выразил сомнение в том смысле, что до него дошли сведения, что Кобеко был замешан в какой-то некрасивой истории с француженкой, о чем я уже рассказывал. Я тогда разъяснил государю, что Кобеко здесь просто попался, что вина его в сущности очень незначительная — простая неосторожность молодого человека; то же самое подтвердил государю и бывший в то время министр внутренних дел. В конце концов государь император согласился, и Кобеко был назначен членом Государственного совета. Он пробыл членом Государственного совета до 1907 года, а с 1907 года на 1908 год 1-го января не был включен в списки присутствующих членов Государственного совета, как мне говорили, будто бы за его либерализм.

Это невключение присутствующих членов в присутствие на следующий год в Государственном совете мало того, что представляет дело совершенно незаконное (так как закон этого не позволяет), но и самый прием тот до сих пор практиковался в отношении таких членов Государственного совета, которые ничем этого не заслужили. До сих пор это делалось в отношении тех членов Государственного совета, которыми был недоволен Акимов, теперь же, по-видимому, это будет применяться к тем членам Государственного совета, которыми недоволен Столыпин.

Директором департамента неокладных сборов был Алексей Сергеевич Ермолов, ныне член Государственного совета.

Когда я вступил в министерство финансов, Тернер ушел и был сделан сенатором, тогда я просил государя

назначить Ермолова моим товарищем. Ермолов был моим товарищем, но недолго.

Когда открылся пост министра земледелия и государственных имуществ, сейчас же после смерти Островского, то я рекомендовал на пост министра земледелия и государственных имуществ графа Бобринского, бывшего министра путей сообщения. Государь император приказал графу Воронцову-Дашкову снестись с Бобринским, примет ли он этот пост? На что граф Бобринский, по моему мнению, ответил очень необдуманно. Он ответил, что его личные дела не дают ему возможности принять этот пост, так как он должен жить в деревне, но что он с своей стороны согласен, когда кто-нибудь будет назначен министром земледелия, руководить этим министром.

Как-то раз, когда я пришел к императору Александру III, император сказал мне:

— Вот какой получился ответ от Бобринского. Видите ли, оказывается, он не хочет принять пост министра государственных имуществ, а желает взять на себя часть моих обязанностей!

Затем государь спросил меня, какое бы другое лицо я мог ему рекомендовать?

Тогда я рекомендовал императору Ермолова, потому что Ермолов, раньше чем сделаться директором департамента неокладных сборов, все время служил в министерстве земледелия, т. е. в министерстве государственных имуществ. Оттуда Бунге его перевел в министерство финансов, а после того, когда ушел Грот (который был директором департамента неокладных сборов), он сделал Ермолова директором департамента.

Государь согласился, и Ермолов был сделан министром государственных имуществ.

Ал. Серг. Ермолов — прекрасный человек, очень образованный, умный, но человек без характера; у него гораздо более способностей писать, нежели делать. Поэтому Ермолов как министр земледелия был очень слаб. Он постоянно сетовал на то, что будто бы я (как министр финансов) не давал ему достаточно денег. Я же с своей стороны думал и думаю, что даже и тех денег, которые я давал, не следовало бы давать, так как Ал. Серг. не

умел распоряжаться деньгами. Несколько раз я имел с Ермоловым такого рода разговор.

Я ему говорил: я отлично понимаю, что, для того чтобы поставить и повести министерство земледелия, нужны большие деньги. Я буду вам эти деньги давать, но только сначала мы условимся: в каком смысле вы будете вести министерство земледелия? По моему мнению, в России министр земледелия должен заботиться главным образом и почти исключительно о земледелии крестьян, а не о земледелии крупных помещиков, потому что крупные помещики большей частью сами имеют на это средства или могут во всяком случае достать средства — сами могут этим заниматься. Между тем все министры земледелия, по крайней мере те, которые были перед Ермоловым (т. е. после освобождения крестьян), занимались почти исключительно земледелием помещиков и то не всех, а только части помещиков — нескольких сот помещиков, а на земледелие крестьян не обращали должного внимания. Ал. Серг. также не мог стать на эту точку зрения и старался своей деятельностью угодить вообще тем или другим помещикам, тем или другим землевладельцам. Он никак не мог развернуть широко программу помощи всем русским землевладельцам и преимущественно крестьянам *).

Когда А. С. Ермолов был назначен моим товарищем, директором департамента неокладных сборов я назначил Маркова (одного из управляющих акцизными сборами). С этим Марковым мне пришлось сделать самое крупное преобразование. Преобразование это является крупным, исключительно большим преобразованием не только для России, но даже подобное преобразование нигде в Европе не имело места, — я говорю о введении питейной монополии.

Этот Марков был из военных; человек он был очень благородный, прекрасных правил, решительный и прин-

*) Теперь А. С. Ермолов состоит членом Государственного совета, видным деятелем так называемого центра Государственного совета. Это — милейший, образованный человек, но человек, который собственно ничего сотворить не может, так что я прозвал его «божьей коровкой», а лица, относящиеся к А. С. Ермолову неблагоприятно, называют его «навозным жуком».

ципальный, с гораздо бóльшим характером, нежели А. С. Ермолов, но с довольно узким образованием и не особенно выдающимся умом.

Директором департамента таможенных сборов был некий Тухолка. Его назначил директором департамента Бунге.

Тухолка сделался известен тем, что во время Восточной войны с Турцией он был директором канцелярии у князя Дундукова-Корсакова, который во время войны играл в Болгарии большую роль; он ввел болгарскую конституцию до выбора в болгарские князья князя Баттенбергского.

Как директор департамента таможенных сборов Тухолка был ничто.

После его смерти я назначил директором департамента Белюстина, который занимал этот пост в течение всего времени моего министерства. В позапрошлом году он умер.

Директором канцелярии очень недолго был Д. Ф. Кобеко, который получил новое назначение, и я назначил директором канцелярии Романова Петра Михайловича, который, когда я был директором департамента железнодорожных дел, был там вице-директором.

Затем этот Романов сделался моим товарищем (как министра финансов).

Впоследствии, когда я из министра финансов сделался председателем Комитета министров, Романов остался товарищем у Плеске.

Плеске управлял министерством финансов всего в течение нескольких месяцев, а затем он умер. Тогда Романов некоторое время управлял министерством финансов, может быть, он бы и занял пост министра финансов, если бы не граф Сольский — председатель департамента экономии, — который почему-то недолюбливал Романова и протезировал Коковцову.

Коковцов был государственным секретарем, а потому, так сказать, он был близок к Сольскому; ранее, нежели сделаться государственным секретарем, Коковцов был

статс-секретарем департамента экономии, где председателем департамента был граф Сольский.

Из статс-секретарей департамента экономии, в бытность мою министром финансов, я сделал Коковцова моим товарищем; благодаря мне он впоследствии был назначен государственным секретарем, так как я рекомендовал его государю на эту должность.

Замечательно, что председатель Государственного совета великий князь Михаил Николаевич, желавший, чтобы государственным секретарем после Плеве был назначен Коковцов, не решался сам просить об этом государя, а потому обратился ко мне с просьбой, чтобы я рекомендовал государю назначить Коковцова государственным секретарем.

Я исполнил желание великого князя и рекомендовал императору Николаю II назначить Коковцова государственным секретарем, за что великий князь меня очень благодарил.

Начальником пограничной стражи, которая находилась в ведении департамента таможенных сборов, являлся директор департамента таможенных сборов. Вице-директором этого департамента был генерал-лейтенант барон Ган, человек очень хороший, но вполне ничтожный.

Меня очень коробило то, что пограничная стража, состоящая из солдат, служащих на тех же самых основаниях, на которых служат солдаты всей армии, находится в непосредственном ведении гражданских лиц — чиновников. Таким образом, эти чиновники имели на солдат больше влияния, нежели их офицеры, что весьма естественно, потому что в конце концов начальники таможенных округов, подчиненные директору департамента таможенных сборов, были начальниками и пограничной стражи, находящейся в каждом округе.

Вследствие того, что военная часть находилась в ведении гражданских чинов, как бы ронялся престиж военного мундира.

Меня это коробило, по-видимому, это не нравилось и императору, потому что, когда я в первый раз имел

случай заговорить с ним об этом, то император такой моей речи был очень рад.

Император говорил мне, что он был бы, конечно, очень мне благодарен, если бы я пограничную стражу изъясил из ведения чиновников, что он уже несколько раз раньше говорил об этом и с Бунге и с Вышнеградским, но они всегда ему доказывали, что это совершенно невозможно, так как главная обязанность пограничной стражи — смотреть за контрабандой; все же контрабандное дело непосредственно касается таможенного дела; все таможенное дело находится в руках директора департамента таможенных сборов, а на местах в ведении начальников таможенных округов.

Я позволил себе не согласиться с этим мнением моих предшественников и очень усиленно занялся делом устройства пограничной стражи.

Конечно, я встретил сильное препятствие как в директоре департамента таможенных сборов, так и в инспекторе пограничной стражи генерал-лейтенанте Гане и вообще во всех гражданских чинах моего министерства. Но тем не менее эту реорганизацию я совершил и совершил очень просто: взял и сам начал разрабатывать положение об организации отдельного корпуса пограничной стражи, причем этот корпус пограничной стражи был совсем отделен от таможенного департамента.

Таким образом, собственно надзор за контрабандой и вообще всюду, где необходимо было проявить силу и даже пускать в ход оружие, являлся делом пограничной стражи; таможенное же дело должно было ограничиться только всеми теми операциями, которые производятся в таможенных пограничной стражи.

Итак, мною была проектирована такая организация:

Во главе стоит корпусный командир; у корпусного командира — начальник штаба. Затем штаб и канцелярия пограничной стражи, а также медицинская часть, подобно тому, как это существует во всех военных корпусах, но в несколько увеличенном виде, так как самый корпус пограничной стражи, несомненно, больше, нежели обыкновенный корпус войска.

Затем вся пограничная стража разделяется на округа; имеется начальник округа пограничной стражи. Потом

округа разделяются на бригады, в которых имеются командиры бригад, а затем бригады делятся на отдели.

Таким образом, мною было составлено положение об организации пограничной стражи вполне на военном основании.

В составлении этого положения мне несколько помогли военные, к которым я тогда обращался, между прочим, и военное министерство.

Но так как все-таки пограничная стража имеет некоторое соприкосновение с департаментом таможни, то, конечно, министр финансов в конце концов должен был быть начальником как пограничной стражи, так и всего таможенного ведомства. Таким образом, соединение этих двух частей сосредоточивалось только в одном лице, а именно министре финансов.

Когда я все это положение доложил государю, то император очень меня благодарил за это и почти никаких изменений в этом положении не сделал.

Только относительно названия «Отдельного корпуса пограничной стражи» государь заметил мне: «Для чего называть «о т д е л ь н ы м»,— прямо назвать «Корпус пограничной стражи»».

Я сказал государю, что название это мною заимствовано, потому что когда были корпуса, которые составляли совершенно отдельную военную единицу, то они всегда назывались «о т д е л ь н ы м и» корпусами. Так, например, в последнюю турецкую войну на Кавказе был «отдельный» корпус, и начальником отдельного корпуса был Лорис-Меликов, который впоследствии за эту войну получил графство.

На это государь император сказал, что тем не менее Лорис-Меликов был подчинен кавказскому наместнику — великому князю Михаилу Николаевичу.

Во всем же остальном государь вполне одобрил это положение и пожелал, чтобы министр финансов был шефом пограничной стражи.

Сделал он это, очевидно, для того, чтобы оказать мне внимание за сделанное мною преобразование.

Тогда явился вопрос: кого назначить корпусным командиром?

По указанию генерала Ванновского, я выбрал трех лиц *), причем по предыдущей деятельности из этих трех лиц мне более всех был симпатичен генерал Свинын, потому что он был боевым генералом, который очень отличился при взятии Плевны (потом он был начальником гвардейской артиллерии).

Государь император знал всех, в том числе и Свинына, и со своей стороны одобрил назначение Свинына корпусным командиром, сказав мне, что это очень хороший выбор и что он его лично знает.

Сделав это преобразование пограничной стражи, я в течение всего времени, пока был министром, особенно сердечно относился именно к этой части, находящейся в моем ведении. Может быть, именно потому, что я не был военный — мне было приятно иметь в своем ведении целый корпус войска, может быть, чувство это было у меня потому, что я сам уроженец Кавказа, жил на Кавказе до 16 лет, когда происходили непрерывные войны, постоянно был среди военных у дяди моего генерала Фадеева и постоянно встречал выдающихся в России военных людей, — во всяком случае, факт тот, что я очень занимался пограничной стражей и со своей стороны чувствовал, что я очень любим всем офицерством и вообще всеми чинами пограничной стражи.

Мне приходилось довольно часто бывать на смотрах пограничной стражи и играть роль военачальника, хотя должен сказать, что роль эта всегда меня очень стесняла.

Впоследствии император Николай II дал мне особый полувойсковой мундир шефа пограничной стражи, который имеют право теперь надевать все шефы пограничной стражи.

Когда я ушел из министерства финансов, то государю императору угодно было оказать мне милость, сохранить за мною мундир шефа пограничной стражи, ввиду того, что весь этот корпус был мною, по указанию его августейшего отца, основан.

Затем при постройке великого сибирского пути, когда мы получили концессию на постройку дороги через Маньчжурию (по направлению от Читы к Владивостоку),

*) Лично всех этих трех лиц я не знал.

я ввел там охранную стражу, которая состояла из отставных военных или военных действительной службы, преимущественно из пограничников, которые временно как бы вышли в отставку для того, чтобы поступить в охранную стражу, так как непосредственно военных на Восточно-Китайской дороге держать было невозможно.

Затем уже через несколько лет мы начали, так сказать, действовать более открыто, и эту охранную стражу я преобразовал в округ пограничной стражи, так называемый Заамурский округ пограничной стражи, — это один из самых больших округов.

Этот Заамурский округ пограничной стражи сыграл выдающуюся роль во время последней японской войны. Все военачальники, без исключения, не могли нахвалиться офицерами и солдатами этой пограничной стражи Заамурского округа, что, впрочем, вполне понятно, так как, с одной стороны, это были точно такие же солдаты, точно такие же офицеры, как и остальные, но только они были более правильно сформированы, не так, как это было сделано в нашей действующей армии, где были собраны служащие различных сроков и друг друга не знающие. С другой стороны, это были люди, которые жили в Маньчжурии еще до войны, следовательно, привыкли к этой местности — знали хорошо ее.

К сожалению, тогда я уже не был министром финансов и не имел удовольствия, так сказать, ощущать заслуг той части войска, которую мне привелось организовать.

Директором департамента торговли и мануфактуры был некто Бер, почтенный старичок, довольно опытный чиновник, но в общем ничего собою не представлявший. Его лично знал император, потому что, как я уже имел случай говорить, император очень интересовался и был главой дома призрения бедных детей*), а Бер был председателем дома призрения. Этот дом призрения находился под особым попечением государя, и все, что там делалось, даже самые мелкие назначения, делалось при

*) Дом призрения имеет в своем распоряжении два училища: мужское — цесаревича Николая и женское — императрицы Марии Александровны.

его посредстве. Государь довольно часто ездил туда и, понятное дело, довольно близко знал Бера.

Вскоре после того, как я сделался министром финансов, Бер умер. Вместо него я назначил Владимира Ивановича Ковалевского, человека весьма талантливого, чрезвычайно способного, который теперь состоит председателем технического общества. Он, наверно, сделал бы совершенно выдающуюся карьеру, если бы не его слабость в отношении женского пола, слабость, благодаря которой недостойные женщины его эксплуатировали и донныне его эксплуатируют.

В ведении министерства финансов была и палата мер и весов; начальником этой палаты был Менделеев. Его назначил на этот пост Вышнеградский. Но эта палата мер и весов была в большом запущении, и сам Менделеев был в большом загоне.

Я, конечно, не мог не оценить того обстоятельства, что управляющим этой палатой мер и весов состоит такой выдающийся ученый, как Менделеев. Поэтому как самому Менделееву, так и учреждению, находящемуся в его ведении, я оказывал всякую поддержку. Мне удалось поставить это учреждение на ноги, конечно, благодаря только Менделееву, так как я сам в научную часть этого дела не вмешивался и не мог вмешиваться по неимению надлежащих для этого познаний.

С тех пор как было организовано министерство торговли и промышленности (которое было организовано по моей инициативе, когда я был председателем совета министров), палата мер и весов находится в ведении этого министерства.

Я забыл упомянуть о директоре департамента железнодорожных дел Максимове.

После того как я покинул место директора департамента железнодорожных дел, должность эту занял Максимов, бывший при мне членом тарифного комитета от министерства финансов. Почему-то Вышнеградский не хотел сделать директором департамента моего вице-ди-

ректора Романова, который впоследствии был моим товарищем; теперь он член Государственного совета и председатель бюджетной комиссии (Государственного совета), — а назначил директором Максимова.

Максимов — человек способный, знающий, гораздо более живой, нежели Романов, но любил различные аферы и запутался в деле постройки дороги, которое вел Мамонтов.

Я не могу судить, запутался ли он из интереса или просто из увлечения, но тем не менее во всяком случае он скомпрометировал себя. Поэтому я должен был с ним расстаться. Максимов вышел в отставку. В настоящее время он занимается различными частными делами; между прочим, он, кажется, состоит председателем общества подъездных дорог⁸¹.

Когда управляющий Государственным банком Жуковский был сделан сенатором, так как его здоровье было расстроено, то я решился представить к назначению (на место Жуковского) директора кредитной канцелярии Плеске; при этом у меня явился вопрос: кого же назначить директором кредитной канцелярии? Мне хотелось назначить Малишевского.

Этого Малишевского я знал давно. Я познакомился с ним, еще когда служил на Одесской железной дороге, а он в то время служил на Киево-Брестской железной дороге заведующим контролем. Это был искренний поляк, но весьма честный и благородный как в материальном, так и в моральном отношении. Будучи поляком и поляком-патриотом, он тем не менее был истинный верноподданный государя императора.

Малишевский был человек большого ума и математического образования; по натуре своей он принадлежит к тому классу людей, которые имеют в своем уме нечто особенное, что отличает их от обыденных людей, но что, с другой стороны, ставит таких людей на грань между нормальным человеком и сумасшедшим, — это обыкновенное свойство почти всех гениальных людей.

Возьмем из другой области — Льва Толстого и Достоевского; они тоже были отмечены гениальностью и

часто в своих поступках и суждениях находились совершенно на грани между людьми нормальными и свихнувшимися.

Поэтому я Малишевского всегда, будучи его товарищем по службе на железной дороге, называл не Малишевским, а У м а л и ш е в с к и м.

Малишевский кончил курс в кадетском корпусе в то время, когда директором корпуса был Ванновский (будущий военный министр при императоре Александре III). Еще когда Малишевский был кадетом, его знал Драгомиров, который мне говорил, что, когда Малишевский был кадетом, он был очень способным и очень честным мальчиком, но тоже умственно не вполне уравновешенным.

По окончании кадетского корпуса Малишевский поступил в Варшавский университет и кончил там курс. Потеряв в молодости родителей, Малишевский был на попечении Затлера, главным образом почтенной женщины госпожи Затлер. (Это тот Затлер, который был интендантом в Севастопольскую войну и был судим за злоупотребления в интендантстве, хотя сам Затлер, как это свидетельствуют все лица, знавшие его, не оставил после себя решительно никакого состояния, что служит доказательством, что сам Затлер — совершенно честный человек.)

Когда Малишевский кончил курс Варшавского университета, он поступил к Блюху на службу. В это время Блюх уже начал заниматься писанием своих различных сочинений и вместе с тем строил Либавскую железную дорогу на подрядных основаниях. Потом Малишевский сделался начальником контроля Киево-Брестской железной дороги, а впоследствии начальником контроля сборов Юго-Западных дорог.

Когда Малишевский был начальником контроля (сборов) Юго-Западных дорог, то он жил в Петербурге, так как правление железных дорог находилось в Петербурге.

Заслуга Малишевского в железнодорожном деле та, что благодаря его трудам была основана эмеритальная касса для служащих Юго-Западных железных дорог, в которой участвовало взносом и общество Киево-Брестской железной дороги⁸².

Затем касса эта была расширена и распространена на Юго-Западные железные дороги тогда, когда образовалось общество Юго-Западных железных дорог.

При Посыете был поднят вопрос об образовании общей эмеритальной кассы для служащих железных дорог

Для выработки плана общей эмеритальной железнодорожной кассы обратились к Малишевскому, и он очень много работал по этому предмету.

Как известно, всякая правильно поставленная эмеритальная касса основывается на теории вероятности и требует значительной математической эрудиции, хотя часто, когда не имеется надлежащих статистических данных, одной математики недостаточно.

Так, например, эмеритальная касса военного ведомства была разработана при участии такого специалиста-математика, как покойный академик Буняковский, но тем не менее расчеты оказались не соответствующими действительности, т. е. не оправдались действительностью.

Вот во избежание таких казусов Малишевский и предпринял сначала теоретическую разработку всего этого вопроса и написал по этому поводу целый том (том этот был удостоен премии Академией наук). Затем Малишевский составил все расчеты для общего устава эмеритальных касс русских железных дорог, за что ему был дан чин статского советника и «Владимир». В те времена награда эта являлась совершенно исключительной, потому что тогда подобного рода награды не давали с такой легкостью, с какой они даются в настоящее время.

Таким образом, Малишевский по своим качествам совершенно удовлетворял тому назначению, которое мне хотелось ему дать: 1) потому что я на него мог вполне рассчитывать и в нравственном смысле и в смысле благонадежности; я был уверен, что он не введет казну в какой-нибудь ущерб; затем, 2) и в том смысле, что я вполне мог полагаться на все его расчеты; притом, наконец, он был не чужд и финансового дела, так как, будучи одним из сотрудников Ивана Stanisлавовича Блиоха, он, служа в правлении Юго-Западных железных дорог, имел случай постоянно касаться финансовых вопросов. Но мне представлялось, что препятствие к его назначению будет, и этим препятствием, как мне казалось, будет

то, что Малишевский — поляк, притом поляк искренний, так как он признавал, что он поляк, польский патриот, хотя и верноподданный русского императора.

Когда я докладывал государю, что Жуковский нездоров, государь согласился дать ему звание сенатора; затем я сказал, что вместо Жуковского, я полагаю, следует назначить Плеске (на что государь также согласился), но вот, что касается директора кредитной канцелярии, то, добавил я, сейчас я затрудняюсь в указании ему лица, так как, хотя я имею (в виду) лицо вполне подходящее, но, вероятно, его назначение встретит затруднение.

Тогда император меня спросил:

— Какое же может быть затруднение?

Я сказал императору, что, хотя этот человек безусловно честный, весьма знающий, на которого я вполне могу положиться и которому могу доверить столь важные, касающиеся государственной казны расчеты, но затруднение к его назначению, вероятно, будет в том, что он поляк, и притом поляк искренний, который не только признает, что он поляк, но в известной степени этим гордится, хотя, с другой стороны, он человек честный и безусловно благонадежный в политическом отношении, и я убежден, что он самый верный верноподданный.

На это император Александр III мне заметил, что тогда он не понимает, какие же могут быть препятствия к назначению Малишевского? Если Малишевский честный поляк и этого не скрывает, а с другой стороны — верноподданный, то это показывает, что Малишевский честный и благородный человек, поэтому он не видит никакого препятствия к назначению Малишевского директором кредитной канцелярии *).

*) Когда император Александр III бывал в Царстве Польском, то относился к полякам весьма милостиво. Из этого, конечно, нельзя сделать вывода, что он не держался вполне исторического русского направления и что он мог мирволить полякам, но это означает, что император Александр III понимал, что раз Царство Польское было присоединено к России, и поляки сделались его подданными, то он должен относиться к ним, как к своим подданным, т. е., преследуя общеимперские интересы, — дать возможность им спокойно жить.

То направление, которого держался император Александр III в отношении Царства Польского, было ясно выражено во всех меро-

Таким образом, Малишевский был назначен довольно неожиданно и необычайно для петербургского бюрократического общества директором кредитной канцелярии.

Он был директором кредитной канцелярии все время при мне и затем при последующих министрах. При Ковковце, только два года тому назад, он ушел; его сделали тоже сенатором. Малишевский только несколькими годами старше меня, но он уже совсем рамоли; умственные его способности так понизились, что, когда с ним говоришь, он имеет вид человека совершенно умственно пошатнувшегося; на вид ему можно дать лет 70.

Когда Плеске был сделан управляющим Государственным банком, то он просил меня назначить товарищем управляющего Государственного банка Тимашева *), который в то время был вице-директором кредитной канцелярии

Этого Тимашева я считал молодым человеком деловым, порядочным, но небольших способностей и ума.

Тогда явился вопрос, кого же назначить на место Тимашева?

Николай Христианович Бунге, бывший тогда председателем Комитета министров, и Анатолий Николаевич

приятных тогдашнего генерал-губернатора Царства Польского, известного героя генерал-адъютанта Гурко³³.

Гурко, с одной стороны, держал Царство Польское в строгости, не мирволил полякам, но, с другой стороны, относился к ним так, как должеп относиться представитель императорской власти, а именно: попечительно и к верноподданным полякам — благосклонно

Поляки всегда относились с глубокой преданностью к императору Александру III, и в пастоящее время они относятся с глубоким уважением как к памяти императора, так и генерал-губернатора Гурко и другого представителя того же направления — генерал-губернатора Юго-Западного края Дрентельна, который был также строгим, но попечительным генерал-губернатором, заботившимся обо всех жителях вверенного ему края.

Тогда были люди сильные, строгие, но справедливые, не искавшие популярности посредством провозглашения каких-то новых национальных принципов, которые более смахивают на принципы балаганные и во всяком случае выражаются по отношению к иностранцам не в строгости, не в справедливости, а в челокопенавистничестве.

*) Нынешнего министра торговли и промышленности.

Куломзин, занимавший в то время должность управляющего делами Комитета министров (в настоящее время он состоит членом Государственного совета), рекомендовали мне молодого человека Шипова, который был начальником отделения канцелярии Комитета министров.

Этот молодой человек Шипов был очень близок к Н. Х. Бунге, т. е., иначе говоря, умел ему угодить, к нему приблизиться.

Как начальник отделения, он был очень выдающийся и способный, и мне, как члену Комитета министров, часто приходилось иметь с ним дело.

Кроме того, я обратил внимание на Шипова еще и потому, что он написал одну книжку, вернее не написал, а перевел с французского языка на русский и составил к ней предисловие. Книжку эту — об известной исторической личности Джоне Ло⁸⁴ — он перевел по указанию Н. Х. Бунге. Всякий финансист знает, что при имени Джона Ло сейчас же представляются кредитные билеты и все то зло, все те несчастья, которые Джон Ло причинил Франции введением этих кредитных билетов. С именем Джона Ло и с кредитными билетами всегда неразрывно связана мысль о тех несчастьях, к которым ведет всегда злоупотребление кредитными билетами. Джон Ло — это так сказать пугало для всякого правоверного финансиста.

Н. Х. Бунге рекомендовал Шипову сделать перевод этой книжки (и предисловие к ней) не без некоторой задней мысли, или, иначе говоря, из-за некоторого опасения. Бунге опасался, как бы Иван Ал. Вышнеградский, заместивший как министр финансов Н. Х. Бунге, а затем и я, заместивший И. А. Вышнеградского, не увлеклись системой кредитных билетов и не нанесли этим вреда Российской империи.

Книжка эта составлена, или, вернее сказать, переведена, Шиповым очень хорошо, что и обратило мое внимание на этого молодого человека.

Доказательством того, как Н. Х. Бунге боялся, чтобы новый молодой министр финансов, т. е. я*), не увлекся

*) В это время я только что вступил на пост министра финансов; я сделался управляющим министерства финансов 30 августа 1892 г.

системой кредитных билетов, иначе говоря, не увлекся бы печатанием бумажных денег, может служить следующий анекдот.

Когда я сделался управляющим министерством финансов, п приближалось 20-е сентября, то директор казначейства Голиндо доложил мне, что касса находится в таком положении, что не хватит денег, чтобы платить содержание служащим, т. е. всем чиновникам и войскам.

Я был назначен министром финансов после страшного голодного 1891 года — это был самый большой неурожай в России, имевший место во второй половине XIX столетия, а поэтому естественно, что средства были истощены.

Так вот, директор департамента казначейства, докладывая мне, что дпей через 10 придется платить жалованье, а между тем денег не хватит, просил моего распоряжения.

Так как я только что вступил в управление министерством, то, конечно, не успел еще взять в руки это дело, т. е. финансы Россійской империи, и сообразить положение дела, а следовательно, конечно, ничего не мог придумать. Поэтому я сказал ему:

— Что же делать, если окажется, что денег нет, чтобы платить жалованье, то другого средства нет, как только выпустить из экспедиции заготовления государственных бумаг миллионов на 10—20 кредитных билетов и таким образом покрыть все содержание, которое причитается служащим.

Когда эта мера была опубликована, то ко мне явился Н. Х. Бунге, почтеннейший во всех отношениях старец, профессор, бывший министр и председатель Комитета министров, и вел со мною такой разговор.

Он сказал мне, что вот только что я занял пост министра финансов и уже встал на самый ужасный путь. Что путь этот, т. е. выпуск кредитных билетов и печатание по мере надобности денег, приведет Россию к полнейшему финансовому расстройству.

Тогда я говорю Н. Х. Бунге:

— Поверьте мне, Николай Христианович, я совсем не сторонник кредитного денежного обращения. Я понимаю, что это вред, но мне, пока я не взял хотя до некоторой степени дела в руки, другого выхода, кроме этого,

не было. И я могу вас уверить, что к этому средству я прибегать не буду.

На это Н. Х. Бунге дал такой ответ, что я только засмеялся и ничего не мог ему возразить.

Он говорит:

— Я, знаете, готов верить вашей искренности. Я верю, что вы искренно говорите, что вы больше этого делать не будете, но,— говорит — веря вашей искренности, я тем не менее не уверен в том, что то, что вы говорите, в действительности будет, потому что министр финансов, который так взял и выпустил 20 миллионов кредитных билетов, приказав прямо их отпечатать в экспедиции заготовления государственных бумаг, когда билеты эти ничем не гарантированы — ни серебром, ни золотом, вообще никакой реальной ценностью и ценностью, общепризнанной на всех биржах,— уподобляется француженке, которая согрешила, и затем, когда к ней приходят и говорят о том, что вот как не хорошо, что она согрешила, она всегда будет уверять, что это только в первый раз в жизни она сделала и больше уже не будет... Как,— говорит,— я такой француженке не поверю, так же и такому министру финансов не поверю.

Впоследствии, когда через несколько лет вопреки общественному мнению всей России мне удалось восстановить денежное золотое обращение, то при начале этого дела, когда Бунге еще был жив и мне несколько в этом содействовал, я часто напоминал ему о его сомнениях по поводу меня и француженки⁸⁵.

Когда Петр Михайлович Романов был сделан моим товарищем и освободилось место директора моей канцелярии, то на это место я назначил Шипова (который, как я уже говорил, занимал в то время место вице-директора кредитной канцелярии). Когда же освободилось место директора департамента казначейства, то я перевел Шипова с места директора моей канцелярии на место директора казначейства.

Затем, когда предстояло ехать в Портсмут, чтобы заключать мир, то после того, когда наш посол в Париже Нелидов отказался и был назначен наш посол в Риме Муравьев, то, так как ни тот, ни другой совсем не знали финансов и вообще истории сооружения Восточно-Ки-

тайской дороги, то в числе лиц, состоящих при уполномоченном были назначены и директор департамента казначейства Шипов и наш посланник в Пекине Покотиллов. Когда же, заболев, неожиданно отказался Муравьев, и я совершенно неожиданно должен был принять на себя звание первого уполномоченного по ведению мирных переговоров с Японией, то все назначения свиты уполномоченного уже были сделаны, и я, не желая никого обижать, сказал министру иностранных дел, что я со своей стороны никого назначать не хотел бы и прошу, чтобы были оставлены все те лица, которые были назначены для Муравьева, так как через несколько дней мне уже приходилось выезжать.

Таким образом, Шипов был со мной в Америке, т. е. был при заключении мною Портсмутского договора, а затем после 17 октября, когда ушел Коковцов, я просил государя назначить министром финансов Шипова.

Что же такое собою представляет Шипов?

Это очень способный, даже талантливый чиновник; чиновник, умеющий не только много работать, но и читать соответствующие книги, изучать предмет по книгам; чиновник чрезвычайно добросовестный, умеющий разбираться во всех материалах; он может всякое дело разобрать, не сделав никакой ошибки; но Шипов представляет из себя человека, не имеющего крупных государственных взглядов, я могу даже сказать, вообще не имеющего государственных взглядов.

После того, как я оставил пост председателя Совета министров, он должен был вместе со мною оставить место министра финансов. Но при министерстве Столыпина Шипов был сделан министром торговли и промышленности.

Как известно, Столыпин, в особенности первое время, все искал лиц, бывших прежде моими сотрудниками, этих лиц он выдвигал, рассчитывая, что, будучи в моей школе, они многое от меня заимствовали. Но Шипов оказался и министром торговли и промышленности неудачным. Теперь он член Государственного совета.

Что касается Ивана Павловича Шипова как человека вообще, то он безусловно честный и добросовестный человек; но он принадлежит к числу таких лиц, которые, как говорит французская пословица, любят есть в двух

стойлах (à deux rateliers). Шипов всегда поклоняется своему начальству, умеет ему кадить фимиам, но затем, когда это начальство несколько теряет свою силу, то он умеет от него постепенно и отходить.

Государь император Николай II относился к Шипову, когда он был министром финансов, а затем министром торговли и промышленности, не особенно благосклонно. По поводу Шипова он сказал как-то раз, что он вообще не любит людей, которые не смотрят в глаза.

В данном случае его величество ошибся, так как, хотя Шипов малый с хитрецей, но причина, почему он не смотрит в глаза, — чисто физиологическая: он не может смотреть в глаза просто вследствие недостатка в его зрении.

Я, между прочим, помню такой эпизод, происшедший в Портсмуте.

Когда настал критический момент и мне пришлось решать за всю Россию и потомство судьбу Портсмутского договора, т. е. подписать его или не подписывать, и я его подписал, то Шипов, когда я вернулся домой, пришел ко мне (в комнату), молча схватил мою руку, поцеловал ее и ушел.

Я ужасно был этим смущен и удивлен. Впоследствии, когда я его спросил об этом: что это вам вздумалось? он мне отвечал, что не мог удержаться от восторга. Но вот затем, я не знаю, сохранился ли его восторг, когда мы вернулись в Петербург и некоторые органы печати начали требовать, чтобы меня за Портсмутский договор повесили. Первый, потребовавший такого рода меру, был известный и до настоящего времени знаменитый перомонах Иллиодор.

Когда я вступил в управление министерством финансов, то моим предшественником Иваном Алексеевичем Вышнеградским был составлен проект об ответственности хозяев фабрик и промышленных заведений перед рабочими за смерть, увечье и пр.

Я не помню, был ли уже внесен этот проект Вышнеградским в Государственный совет или же он только был окончательно составлен и последовало высочайшее соизволение на его внесение, и мне пришлось лишь его под-

писать. Но знаю, что проект этот был составлен исключительно Иваном Алексеевичем Вышнеградским, а я не принимал никакого участия, потому что проект этот составлялся еще в то время, когда я был министром путей сообщения, а потому не касался дел финансового ведомства.

При обсуждении этого проекта в департаменте Государственного совета встретилась некоторая оппозиция, но большинство все-таки приняло с некоторыми изменениями этот проект. Таким образом, проект перешел в общее собрание Государственного совета.

При обсуждении этого проекта в общем собрании (это было в первые месяцы после назначения меня министром финансов) К. П. Победоносцев держал большую речь против проекта, указывая, что в этом проекте есть стремление, есть симпатия к различным социалистическим идеям, что вообще с развитием за границей социализма социалистические идеи входят в сознание нашего правительства или же правительство под давлением рабочих проводит различные законы об ответственности перед рабочими, законы крайне социалистического характера. Затем он говорил, что у нас, мол, в России, между работодателями и рабочими существуют будто бы совершенно патриархальные отношения, что наши рабочие на фабриках, собственно говоря, есть землепашцы и землевладельцы, что они не разорвали связи с землею и что таким образом мы этим проектом как бы хотим создать в России пролетариатство, рабочих-пролетариев, кочующих с одной фабрики на другую, не имеющих никакого твердого пристанища.

Все подобного рода идеи были присущи складу ума и складу убеждений бывшего обер-прокурора К. П. Победоносцева, человека громадного ума, громадного таланта, но тем не менее крайне узкого.

Речь К. П. Победоносцева произвела на Государственный совет впечатление; эта речь, как я уже сказал, вполне соответствовала убеждениям Победоносцева, но тем не менее я был уверен — и впоследствии моя уверенность оправдалась, — что эта речь была подбита членом Государственного совета Половцевым, который также очень возражал против упомянутого проекта в департаменте, но остался в меньшинстве.

Половцев возражал исключительно из-за узких эгоистических побуждений; так как он направил часть своих капиталов (в то время он еще не был разорен) в промышленность, то ему все чудилось, что правильное установление отношений между фабрикантами и рабочими может уменьшить его доходы.

Ввиду таких возражений против проекта, так как он не был мною продуман, не был мною, так сказать, прочувствован, то я заявил, что хотя я не разделяю мнения К. П. Победоносцева, но готов этот проект взять обратно, для того чтобы еще раз его обсудить, приняв во внимание те замечания, которые были сделаны.

Это мое заявление, по-видимому, было очень приятно председателю Государственного совета великому князю Михаилу Николаевичу.

Затем, как теперь, так и в прежнее время после заседания Государственного совета государственный секретарь всегда посылал государю краткую записку о том, что происходило в общем собрании Государственного совета.

Когда я в следующую пятницу пришел к государю императору, то государь спросил меня:

— Почему вы взяли обратно проект об ответственности фабрикантов перед рабочими из Государственного совета?

Я объяснил государю, что это проект Вышнеградского, что против этого проекта очень восстал Победоносцев; что Победоносцев вел кампанию против проекта; что Победоносцев имеет такой большой авторитет благодаря своему положению и летам и в обществе, и в Государственном совете, что я не считал возможным с ним спорить, не подготовившись хорошенько к этому делу, и так как я не участвовал в составлении этого проекта, составлял его Вышнеградский, то я и просил взять проект обратно, чтобы иметь возможность его хорошенько изучить.

На это мне государь сказал, что вообще против этого он ничего не имеет, но что он только бы хотел, чтобы этот вопрос был скорее рассмотрен и чтобы закон об ответственности фабрикантов перед рабочими был скорее проведен. Затем государь сказал мне, что вообще он меня предупреждает, чтобы я не поддавался влиянию Победоносцева, что вообще Победоносцев человек очень уче-

ный, хороший, бывший его профессор, но что тем не менее из многолетнего опыта он убедился, что Победоносцев отличный критик, но сам никогда ничего создать не может. С этой точки зрения в смутное время Победоносцев принес ему (императору) много пользы тем, что помог временно остановить смуту 1881 г. и дать России опомниться, но что все-таки одной критикой жить нельзя, а надо идти вперед, надо создавать, а вот в этом отношении К. П. Победоносцев и другие лица его же направления более не могут принести пользы... «и во всяком случае,— сказал император,— я уже давно перестал принимать во внимание их советы».

Я уже говорил, что император Александр III положил основу нашей таможенной протекционной системе, что Вышнеградским был разработан, а в последний год его управления и введен строго протекционный и систематический таможенный тариф, основы которого, конечно, с значительными изменениями, существуют и до настоящего времени.

До того времени вся германская промышленность пользовалась в отношении потребления продуктов своей промышленности в России всевозможными льготами. Масса товаров проходила без всяких пошлин.

Когда в последние годы царствования императора Александра II и в первые годы царствования императора Александра III начали уже делать попытки к установлению протекционных ставок в отношении чугуна, железа и некоторых продуктов из чугуна и железа, канцлером Германии был еще великий Бисмарк.

На водах, кажется, в Карлсбаде или, может быть, в Мариенбаде, не помню, встретился Бисмарк с Гирсом и обращал внимание Гирса на то, что вот это новое направление русской экономической политики не соответствует интересам Германии и вынудит Германию также принять меры в отношении установления протекционизма на сельские продукты и сырье.

Я думаю, что то указание, которое сделал Бисмарк Гирсу в смысле угрозы, не было вполне правильно, ибо только может быть отчасти стремление России к введению

протекционизма способствовало, или, вернее, ускорило введение протекционизма в Германии, так как известно, что пошлины на сельскохозяйственные продукты в Германии были введены еще ранее, и идея протекционизма на сельскохозяйственные продукты была гораздо более раннего происхождения.

Отцом этого движения был известный экономист Фридрих Лист, о котором, между прочим, я написал маленькую брошюру, еще когда я был начальником эксплуатации Юго-Западных железных дорог. Эта брошюра была напечатана отдельным изданием⁸⁶.

Между Россией и Германией торговых договоров не существовало; Россия и Германия или, вернее говоря, Пруссия, жили столь тесной жизнью вследствие династических отношений, что торговых договоров как будто бы и не требовалось.

Как известно, Прусское королевство, а затем и Германская империя создались, можно сказать, наполовину усилиями России и скованы значительными ручьями русской крови.

При таких общеполитических отношениях вопрос о торговом договоре не поднимался. Вопрос о необходимости торгового договора был поднят уже после того, как была создана Германская империя. Когда на престол вступил Александр III, он повернул политические паруса по направлению к Франции.

Германия ввела пошлины на сельскохозяйственные продукты и преимущественно на хлеб; мы с своей стороны ввели протекционный тариф, покровительствующий и имеющий в виду создать свою собственную русскую национальную промышленность.

Таким образом, события экономической жизни двух государств как бы соответствовали и политическим течениям. Как политические, так и экономические отношения, естественно, привели, наконец, к необходимости установить формальные договорные торговые отношения, зиждущиеся на трактатах, а не на одних словах и обещаниях монархов и их министров, тем более, что всегда эти обещания и слова, коль скоро они исходили от русских, понимались немцами в самом широком смысле, а когда обещания исходили от пруссаков или от герман-

цев, то они часто забывались или толковались ими в смысле ограничительном.

Так или иначе, а после того как Германия ввела пошлины на все хлеба и вообще на сельскохозяйственные продукты, а мы установили в 1891 г. наш таможенный тариф, обе стороны были друг другом недовольны.

Германия ввела двоякого рода пошлины на сельскохозяйственные продукты: пошлины максимальные и минимальные, т. е. одни пошлины более высокие, а другие менее высокие. Причем Германия заявила, что ко всем тем державам, с которыми она заключит торговые договоры, к этим державам могут применяться пошлины минимальные, а к тем державам, с которыми не будет заключено торговых договоров, Германия будет применять максимальные пошлины.

Так как Российская империя не имела с Германией торговых договоров, то к нам сразу применили пошлины максимальные. С другими державами уже имелись торговые договоры и, следовательно, к ним применялись минимальные пошлины. К тем же державам, с которыми, хотя и не имелись торговые договоры, но с которыми уже начали вести переговоры, к этим державам Германия также не применяла максимальных пошлин, указывая на то, что уже ведутся переговоры и что уже предстоит заключение торговых договоров.

Таким образом, в результате оказалось, что почти одна Российская империя была подвергнута максимальной пошлине.

Легко себе представить, что если, положим, какая-нибудь страна, например Германия, взыскивает, скажем, с пуда хлеба 30 коп. (с каждого пуда хлеба в зерне, откуда бы этот хлеб ни шел), то это составит, конечно, некоторый урон для всякой страны, ввозящей туда свои продукты, а в том числе и для России. Но коль скоро такая пошлина взыскивается со всех стран, откуда бы этот хлеб ни шел, одинаково, то этот урон не столь еще чувствителен. Если, скажем, со всех стран взыскивается 15 коп. с пуда хлеба в зерне, а с русского — 30 коп., то такая мера несравненно тяжелее; она является более тяжелой, чем если бы со всего хлеба всех стран взыскивалось не 30 коп. с пуда, а, скажем, 60 коп. или 1 руб. Это было бы легче,

нежели с русского взыскивается одна пошлина (максимальная), а с хлеба остальных стран — другая пошлина. Очевидно, такая мера — крайне резкая и боевая.

Еще при Вышнеградском мы начали вести торговые переговоры, но эти переговоры все не ладились. Вели мы их, с одной стороны, через наше посольство в Берлине, а с другой стороны, вели их здесь, в Петербурге, через германское посольство.

Но переговоры эти велись довольно безжизненно и не энергично.

Когда мне, по вступлении моем в должность министра финансов, пришлось взять в руки ведение переговоров с Германией о торговом договоре, то состав посольств был следующий.

Берлинское посольство в Петербурге не играло в этом деле никакой роли. Послом был генерал Вердер, человек, к которому был очень расположен наш император, но который вообще не мог играть никакой политической роли.

Нашим послом в Берлине был граф Павел Шувалов, генерал-адъютант, хороший военный, отличившийся в последней турецкой войне 70-х годов. Очень светский, образованный человек и весьма хитрый, но хитрый в хорошем смысле этого слова, он имел русский характер, а хитрость поляка, так как мать его была полька. Граф Шувалов был выдающимся послом, и его в Берлине как старый император Вильгельм, так и молодой император Вильгельм весьма любили и ценили.

Граф Шувалов очень желал, чтобы состоялся торговый договор с Германией и чтобы при этом не произошло никаких столкновений. В этом смысле он делал все возможное. Относительно того, какими жертвами будет достигнут этот договор, он особенно в это не входил да, вероятно, это не особенно и понимал так как вопросы экономические и общегосударственные были от него довольно далеки.

Для переговоров с Германией по поводу торгового договора в помощь нашему посольству был посылаем Василий Иванович Тимирязев, который был впоследствии министром торговли и промышленности, а ныне он

состоит членом Государственного совета от промышленности и торговли.

Василий Иванович Тимирязев дело, конечно, знал, так как он был вице-директором департамента торговли и мануфактур и, конечно, мог вести переговоры, но только постольку, поскольку это соответствовало его характеру и уму, а как по характеру, так и по уму он не способен был судить о предметах с надлежащей точки зрения. С другой стороны, Тимирязев всячески старался и стремился к тому, чтобы как-нибудь это дело уладить, чтобы этот договор состоялся, а именно вследствие этого немцы были крайне неуступчивы и желали достигнуть как можно более выгодного для них договора, не делая нам никаких соответствующих уступок.

Как я уже говорил ранее, они провели через рейхстаг таможенный тариф, по которому имелись двойные ставки: ставки минимальные и ставки максимальные. Минимальные ставки были применены к большинству иностранных держав, к конкурентам России, а России было поставлено нечто вроде ультиматума: или примите наши условия, тогда мы вам дадим те же самые минимальные ставки, которые мы даем другим странам, или же мы будем брать с вас максимальные ставки, причем надо иметь в виду, что минимальные ставки, хотя они и назывались «минимальными», были весьма существенны, а максимальные ставки были просто невозможны.

При таком положении вещей я сразу понял, что при подобных условиях вести переговоры с пользой для нас будет невозможно. Поэтому я решил поступить твердо и резко и просил государя дать мне разрешение провести через Государственный совет два тарифа: существующий тариф признать за минимальный, а в другом тарифе, повышенном, повысить большинство ставок по предметам обрабатывающей промышленности, которые к нам ввозятся в Россию, на несколько десятков процентов, т. е. стать на такую точку зрения, на какой стоит Германия.

Германия нам говорит: сделайте нам в вашем таможенном тарифе целый ряд самых существенных и больших уступок, тогда и мы к вам применим минимальный тариф. А раз мы проведем этот (русский) тариф, то мы поставим в свою очередь вопрос так: дайте нам минимальный тариф,

и тогда мы будем применять к вам наш существующий таможенный тариф, который был недавно введен Вышнеградским, а в противном случае, если вы (т. е. Германия) не примените к нам минимальный тариф, то мы к вам применим новый максимальный тариф, повышенный против прежнего на несколько десятков процентов соответственно товарам,— по различным товарам различно.

Государь император согласился на мое предложение и уполномочил меня сделать представление в Государственный совет.

Как только я сделал представление в Государственный совет, сейчас же об этом, конечно, узнали все и всполошились.

С одной стороны, восстал против этого министр иностранных дел Гирс, который видел в этом моем шаге нечто необычайное, потому что сделал я это без согласования и разрешения со стороны его, т. е. со стороны министра иностранных дел.

С другой стороны, всполошились в Берлине, и граф Шувалов написал по этому предмету донесение, в котором он отнесся ко мне критически и предупреждал Петербург, что от предпринятого мною шага могут произойти различные дипломатические серьезные осложнения.

Но император Александр III отнесся к этому так, как это соответствовало его твердому, прямому и верному характеру, а именно: он не обратил внимания на претензии Гирса, а что касается графа Шувалова, то он приказал ему дать знать, что он находит мои действия и вообще мое направление совершенно правильными и мне в этом деле вполне доверяет.

В Государственном совете при проведении этого промышленного (двойного) тарифа я тоже встретил большие возражения. Боялись, как бы применение этого тарифа не повлекло за собой дипломатических, а затем, пожалуй, и военных осложнений.

Но я тем не менее настаивал на этой мере и провел в Государственном совете этот повышенный тариф, причем я заявил в Государственном совете, что если применю

этот тариф, то сделаю это только в самой крайности, что я надеюсь, что немцы поймут, что невозможно вести переговоры на тех основаниях, на которых они вели их ранее. Если же они нам сделают соответствующие уступки, которые должны заключаться в том, чтобы применять к нам минимальный тариф и вообще сделать нам различные льготы, то и мы при этих условиях согласимся не применять повышенного тарифа; но с другой стороны, конечно, нельзя никоим образом допускать существенных понижений существующего тарифа.

Когда этот двойной тариф был утвержден государем, я сделал соответствующее предложение Германии. В Германии, вероятно, полагали, что я не приведу в исполнение эту меру, проведенную мною через Государственный совет, а потому продолжали настаивать на своем.

Тогда, видя их такое направление, я прекратил переговоры с Германией и в отношении всех германских товаров применил повышенный тариф, что их совершенно озадачило.

В ответ на это они свой максимальный тариф на сельскохозяйственные продукты, который они держали по отношению к нам, взяли да еще повысили. Тогда я сию же минуту свои повышенные ставки, с утверждения государя, еще значительно повысил.

Таким образом началась самая усиленная, беспощадная таможенная война.

Я отлично понимал, что мы в состоянии гораздо легче выдержать этот бескровный бой, нежели немцы, потому что вообще в экономическом отношении мы гораздо более в состоянии снести, гораздо более выносливы, нежели немцы, так как всякая нация, менее развитая экономически, и, кроме того, всякий экономический быт, менее развитой, при таможенной войне, конечно, менее ощущает потери и стеснения, нежели нация с развитой промышленностью и с развитыми экономическими оборотами.

Как раз во время этой резкой таможенной войны, когда почти все наши экономические отношения с Германией прекратились, помню, летом был какой-то царский день, чуть ли не тезоименитство императрицы Марии Федоровны, 22 июля.

В Петергофе был царский выход; все сановники, министры, фрейлины, вообще вся свита и великие князья — все съехались в петергофский большой дворец, где была обедня, потом молебен и выход.

Когда я вошел в залу, то все от меня сторонились, как от чумы; всюду шли толки о том, что вот я, с одной стороны, благодаря своему неудержимому характеру, а с другой стороны — молодости и легкомыслию втянул Россию чуть ли не в войну с Германией, что началось это с таможенной войны, а так как Германия не уступит, то все это, несомненно, окончится войной с Германией, а затем и общеевропейской войной, и я буду, если уже и не есть, виновником этого бедствия.

Я помню, что единственно, кто поддержал меня тогда, от меня не сторонился, это был военный министр Петр Семенович Ванновский. Из министров Ванновский был чуть ли не единственный, который стоял на том, что необходимо проявить ту твердость и ту решительность, которые были проявлены мною, и что иначе мы будем находиться под постоянным гнетом немцев.

Конечно, в это время хотели всячески запугать императора Александра III и унижить меня в его глазах. Но для каждого, знавшего характер императора Александра III, было вполне ясно, что попытки эти останутся бесплодны, да так оно и в действительности и оказалось.

Император в этой таможенной войне ни в чем мне не препятствовал, а, напротив, меня и все мои действия совершенно поддерживал.

Сперва Германия заявила, что она прерывает с нами переговоры и пока мы не уничтожим репрессивных мер, принятых нами по отношению к германской промышленности, она ни в какие дальнейшие переговоры вступать с нами не будет. Но вскоре же после этого Германия уступила и сама пошла на продолжение переговоров.

Когда я увидел, что переговоры идут успешно, то отменил меру применения максимальных тарифов к германской промышленности, а они в свою очередь при-

менили к нам их обыкновенный, т. е. минимальный тариф, и в конце концов переговоры эти пришли к благополучному результату.

Велись эти переговоры в Берлине.

Канцлером Германской империи был в это время уже не Бисмарк, а его заместитель Каприви, а статс-секретарем по иностранным делам был Маршал, который впоследствии, с уходом Каприви, был назначен послом на Восток в Константинополь, где находится и до сих пор.

С нашей стороны вели переговоры Тимирязев и другие чиновники моего министерства. Но вообще никакие решения не были принимаемы без моего указания, разрешения и моей инструкции.

Таким образом, Тимирязев и остальные чиновники являлись только исполнителями.

Когда германское правительство уступило, то, нужно отдать справедливость графу Шувалову, он сознался, что был неправ, когда уверял и стращал государя, что таможенная война приведет к дипломатическому разрыву, что был прав я, когда утверждал и был уверен, что, наоборот, если мы покажем зубы, то Германия сразу смирится и начнет вести переговоры совсем в другом тоне.

Граф Шувалов признал, что был прав я, и с тех пор мы с ним были всегда в большой дружбе, все то время, когда он был послом в Германии, в Берлине, и после того, когда он занимал пост генерал-губернатора Варшавы. Затем с графом Шуваловым сделался удар; он был назначен членом Государственного совета и только два года тому назад умер.

Как я уже говорил, это был первый торговый договор, заключенный между Россией и Германией. Договор этот между двумя великими соседними державами обнимал все торгово-экономические и политические интересы постольку, поскольку это касается торгово-экономических отношений.

В рейхстаге встречались затруднения; полагали, что будут затруднения в утверждении этого договора, так как находили, что этот договор не выгоден для Германии.

Но я должен сказать, что в течение всего времени переговоров германский император — молодой Вильгельм — вел себя чрезвычайно корректно в том смысле, что он,

видимо, не желал разрыва с Россией и так как почувствовал, что я не уступлю, а государь мне доверяет и меня поддерживает, то он начал вести крайне примирительную политику и, надо отдать ему справедливость, в отношении германских сфер и в отношении рейхстага он влиял на них примирительно.

Таким образом, в конце концов состоялся первый торговый договор между Россией и Германией, причем немцам пришлось сделать значительные уступки.

Нельзя сказать, чтобы торговый договор этот не был обоюдно выгоден; нельзя сказать, чтобы Германия сделала бóльшие уступки, нежели мы; договор вышел в отношении обеих держав довольно справедливый. Но для Германии договор этот представлял собою полное разочарование, так как она никогда не думала встретить с нашей стороны такой отпор и никогда не полагала, что ей придется сделать все те уступки, которые она сделала, а затем согласиться только с теми уступками, которые мы, с своей стороны, сочли возможным ей сделать. Она думала, что получит торговый договор значительно более выгодный для себя, и с этой точки зрения первый торговый договор представлял для Германии громадное разочарование. Когда договор вошел в силу, то Каприви вскоре после этого был сделан графом и получил отставку.

Конечно, не этот договор послужил причиной его отставки. Вообще Каприви не соответствовал характеру Вильгельма, с одной стороны, вследствие крайней политической корректности и спокойствия, а с другой — вследствие своего либерализма; но, несомненно, император Вильгельм воспользовался этим случаем, для того чтобы дать некоторое удовлетворение общественному мнению Германии, или, вернее, не Германии, а прусскому юнкерству: что вот хотя и прошел торговый договор, не соответствующий вожеланиям прусского юнкерства, но зато за неудачное ведение этих переговоров Каприви поплатился, и это являлось некоторым удовлетворением юнкерства.

Вместо Каприви был назначен князь Гогенлоэ.

Я помню, император очень меня благодарил за ведение этого дела и за успешное его окончание.

Мне было бы тогда очень легко заговорить с государем о каком-нибудь отличии для меня по поводу этого дела, тем более, что даже сам император начал со мною по этому поводу разговор и ожидал, что я ему скажу, чего бы я желал. Но я от этого уклонился и сказал государю, что единственно, чего бы я просил, это, чтобы дана была награда не мне, а императору Вильгельму.

Перед этим был у меня германский посол и, между прочим, мне очень ясно намекнул, что как бы императору Вильгельму было приятно получить форму русского адмирала. Очевидно, намекал он мне об этом для того, чтобы я ему это устроил.

Я и сказал:

— Вот ваше, величество, было бы очень хорошо, если вы позволите мне высказать мое мнение относительно наград,— чтобы императору Вильгельму была дана форма русского адмирала, так как мне известно, что император Вильгельм очень этого желает.

Государь на это с добродушной насмешкой улыбнулся, как бы желая сказать: да, это совершенно соответствует его характеру; потому что, насколько император Александр III был чужд всякого декоративного самолюбия, настолько у императора Вильгельма эта черта характера болезненно развита. Вильгельм больше всего любит всевозможные формы, ордена и отличия.

Император Александр III ответил:

— Я ваше желание исполню, и при первом же соответствующем случае я дам императору Вильгельму форму русского адмирала, так как я признаю, что в данном случае он действительно вел себя чрезвычайно корректно; я в первый раз увидел, что действительно он искренне желает не вполне с нами разойтись.

Но император Александр III вскоре после этого умер, и ему так и не пришлось дать Вильгельму форму русского адмирала.

Когда вступил на престол император Николай II, я об этом моем разговоре и обещании Александра III рассказал ему.

Император Николай II выслушал меня, улыбнулся, но ничего мне не ответил.

Впоследствии, через несколько лет, он все-таки, очевидно, припомнил это, а, может быть, было какое-нибудь другое напоминание, но во всяком случае император Николай II дал через несколько лет императору Вильгельму форму русского адмирала. (Впрочем, это было еще до японской войны, когда форма русского адмирала имела больший престиж, нежели после этой несчастной войны.)*)

Такой мой дебют на мировой сцене очень всех в Европе удивил.

Через некоторое время после этого приехал в Петербург известный германский писатель публицист Гарден. Приехал он в Петербург для того, чтобы познакомиться со мною; я его принял, и он говорил со мною о том, что находится в близких отношениях с Бисмарком, или, вернее говоря, Бисмарк к нему очень благосклонен.

Действительно, было известно, что Гарден часто бывал у Бисмарка, когда тот уже оставил пост канцлера; Гарден иногда передавал в журналах и газетах некоторые мысли Бисмарка.

Так что Гарден приехал повидать меня и познакомиться со мною по совету Бисмарка, причем он мне передавал, что Бисмарк сказал, чтобы он непременно поехал в Петербург, повидать меня, познакомился со мною, так как, сказал Бисмарк, «в последние десятилетия я в первый раз встретил человека, который имеет силу характера, и волю, и знание, чего он хочет». В данном случае Бисмарк признал, что я одержал полную победу над германской дипломатией. Затем, передавал мне Гарден, Бисмарк сказал: «Вы увидите, этот человек сделает громадную государственную карьеру».

Познакомившись и беседуя с Гарденом, я, между прочим, сказал ему: когда вы приедете в Германию и увидите Бисмарка, скажите ему, что мне было очень лестно слышать такой его отзыв, такое его мнение обо мне, а в особенности его предсказания относительно моей будущности.

Мне лично Бисмарка никогда не пришлось встретить, но граф Шувалов, а также граф Муравьев, тогдашний советник посольства в Берлине, который у нас впоследствии

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 299—304.— *Ред.*

был министром иностранных дел, говорили мне, что Бисмарк постоянно мною интересовался и когда видел русских, то постоянно говорил с ними обо мне.

Этот торговый договор с Германией послужил затем основанием для всех наших последующих торговых договоров с различными государствами. Все эти договоры были заключены мною, когда я был министром финансов, но основным пунктом для нас был торговый договор России с Германией, точно так же, как для Германии основным торговым договором был торговый договор 1894 года между Россией и Германией.

Этот торгово-экономический, но вместе с тем и политический акт имел чрезвычайное значение.

Через десять лет мне пришлось вторично вести переговоры с Германией о новом торговом договоре, после того как торговый договор 1894 года потерял свою силу, ибо он был заключен на 10 лет лишь с правом возобновления.

Но договор этот не был возобновлен, потому что Германия снова пожелала изменить тарифы и сделать эти изменения в направлении, для нас неблагоприятном.

Мне опять пришлось вести переговоры — о чем я буду иметь случай, вероятно, рассказывать впоследствии *), — но переговоры эти мне пришлось вести в гораздо худшей обстановке, во время японской войны, когда японская война достаточно ясно очертилась в смысле происходящих от нее для нас крайне неблагоприятных последствий, в то время, когда наша западная граница, можно сказать, была совсем оголена.

Конечно, Германия чувствовала это наше положение, а соответственно этому и действовала. Она заключила новый торговый договор на таких условиях, которых бы она прежде никогда не могла достичь; Германия никогда бы не достигла подобного нового торгового договора, если бы не те обстоятельства, в которых мы в то время находились, — обстоятельства крайне плачевные, печальные вследствие безумной японской войны

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 313—318.— *Ред.*

Как только я вступил в управление министерством финансов, государь как-то раз в разговоре сказал мне, что, кроме Сибирской железной дороги, которую он мне, так сказать, поручил исполнить и относительно которой я ему дал обещание, что приложу все усилия, чтобы осуществить его мысль о соединении России с Владивостоком, он желал бы поручить мне еще исполнение одного дела, находящегося, как он выразился, у него на сердце, а именно питейного дела. Император Александр III говорил, что его крайне мучает и смущает то, что русский народ так пропивается и что необходимо принять какие-нибудь решительные меры против этого пьянства.

Как известно, еще в конце царствования императора Александра II вопрос этот возбуждался, но принимались все меры паллиативные, так как в то время признавали существовавшую акцизную систему питей такой системой, которая не может подлежать никакому изменению; считали, что эта система наилучшая из всех систем, существовавших раньше по этому предмету. А как известно, раньше существовала только система откупная, так что европейская практика знала в широких размерах только две системы: откупную и акцизную.

Акцизная система, как известно, основана на том, что предоставляется большая или меньшая свобода в производстве спирта и водки, тем более в их продаже; государство же только наблюдает за питейным делом постольку, поскольку это необходимо для правильного и равномерного взимания акциза, т. е. косвенного налога на спирт. Конечно, в пределах акцизной системы может быть большая или меньшая свобода производства и свобода продажи.

Поэтому в последние годы царствования императора Александра II собиралось много различных съездов, имевших целью предложить такие меры, которые бы при акцизной системе в известной степени стесняли продажу питей. Но эти две вещи — акцизная система и стеснение торговли и производства — вещи довольно несовместимые или по крайней мере на практике трудно исполнимые, а потому все эти меры ни к чему и не приводили.

Император Александр III сердцем желал помочь в этом отношении русскому народу. После долгих разговоров он пришел к заключению, что паллиативными мерами

сделать ничего нельзя, а потому он решил ввести питейную монополию, т. е. провести меру по своему объему и по своей новизне совершенно необычайную, чрезвычайно новую, не существовавшую, не известную в практике западных стран и вообще всего мира.

Основная мысль питейной монополии заключается в том, что никто не может продавать вино, иначе как государство, и производство вина должно быть ограничено теми размерами, в каких оно вино покупает государство, а следовательно, и удовлетворять тем условиям, какие государство ставит как покупатель.

Кто подал эту мысль императору Александру III — мне неизвестно.

Говорят, будто мысль эту подал известный публицист Катков (основатель Катковского лицея).

Действительно, в те времена в «Московских ведомостях» появлялись передовые статьи редактора этой газеты, Каткова, которые пропагандировали мысль о питейной монополии. Но внушил ли императору Александру III эту мысль Катков, как это многие говорят, — я не знаю.

Наоборот, я склонен думать, что мысль эта принадлежала самому императору Александру III, так как она совершенно соответствует характеру его ума. У императора был удивительно простой ум; он не признавал никаких осложнений (впрочем, может быть, некоторых и не понимал), но все, что не являлось ясным, определенным, твердым, с его точки зрения бесспорным, он не признавал. Все, что выходило из его ума, из его души — было просто, ясно и чисто. Можно, конечно, говорить, что это есть свойство детской души; что и для детей все представляется ясно, просто и чисто, и все, что не ясно, и не просто, — им недоступно. Может быть, это и так, но тем не менее я должен сказать, что для такого государя, каким был император Александр III, который обладал большим умом сердца, это качество его едва ли не составляло всю силу царской личности, в этом заключалась его сила, которая всех приводила в некоторое смущение, и эта же сила заставляла тех лиц, которые к императору Александру III приближались, ему поклоняться.

Так вот император Александр III как-то раз мне сетовал на то, что он эту мысль уже высказывал бывшему сво-

ему министру финансов Н. Х. Бунге, но Н. Х. Бунге как правоверный финансист прямо признавал эту мысль почти неисполнимой и не могущей привести ни к каким результатам. Привести же ее в исполнение, по мнению Бунге, было, если не невозможно, то во всяком случае чрезвычайно трудно.

Таким образом, при Бунге в этом отношении ничего не было достигнуто, как, впрочем, разве только то, что ушел директор департамента неокладных сборов Грот, создатель акцизной системы. При Гроте, как при создателе акцизной системы, конечно, нельзя было повести речь об уничтожении этой системы и введении винной монополии. Грот был заменен Алексеем Сергеевичем Ермоловым — прекрасным человеком, но в политическом отношении «божьей коровкой».

Но тем не менее хотя Грота сменил Ермолов, все же при Н. Х. Бунге мысль о питейной монополии не привилась.

Когда вступил на пост министра финансов Вышнеградский, то, как мне это говорил император Александр III, он обращался с этим вопросом и к Вышнеградскому и говорил, что он желал бы ввести питейную монополию. Но Вышнеградский, изучавший немножко этот предмет, дал императору, если не вполне отрицательный, то во всяком случае весьма уклончивый ответ.

Государь сказал мне, что очень просит эту его мысль воспринять и привести ее в исполнение; сказал, что он очень рассчитывает на мою молодость, на мой характер и на мою личную к нему преданность. Итак, император Александр III как бы взял с меня слово, что я приведу его мысль в исполнение.

Когда я вступил на пост министра финансов, моим товарищем был назначен вместо Тернера А. С. Ермолов, а директором департамента неокладных сборов — Марков; это был человек решительный, но вполне поддающийся моей личности, слепо мне повиновавшийся и исполнявший все мои желания. Итак, я решил провести мысль императора Александра III. Еще при нем, во время его царствования, мне удалось провести основания питейной монополии.

Основания эти заключались в том, что вся торговля переходила исключительно в руки государства.

Ректификация, т. е. приготовление спирта в том виде, в каком он должен был идти в желудок потребителя, делалась также государством; самое же производство спирта в первичном виде оставалось за частными заводчиками. Но заводчики могли произвести только столько спирта, сколько им было заказано, и только это количество могли продавать государству.

Конечно, я встретил громадные затруднения в Государственном совете.

В то время среди членов Государственного совета был Грот, человек очень авторитетный в питейном деле, который явился рьяным моим противником.

Но, кроме того, мысль о питейной монополии была так необычайна и так нова, что вообще внушала всем седовласым членам Государственного совета некоторый страх: с одной стороны, потому что она не укладывалась в рамки правоверной финансовой науки и не соответствовала европейской действительности, а с другой стороны, страх возбуждался и тем, что на меня смотрели, как на молодого человека, который все что-то ломает, все создает что-то новое, и боялись моих молодых увлечений.

Конечно, члены Государственного совета ошибались только в том смысле, что хотя я и был в то время сравнительно молод — мне было 42—43 года, — но они забывали, вообще упустили из виду то обстоятельство, что раньше, чем я сделался министром, с 21 года я работал в больших промышленных и экономических частных делах, а поэтому за прожитые мною 20 лет я имел гораздо больше практического опыта, практической сметки и практических знаний, нежели те, которыми обладало громадное большинство членов Государственного совета, которые всю свою мудрость и все свои знания почерпали или из книг или из петербургских салонов, так что с этой точки зрения я был гораздо более зрел, опытен и старше их⁸⁷.

Как я уже сказал, при жизни императора Александра III я имел счастье провести все основы питейной монополии. Она при нем только начала вводиться, а затем вошла в следующее царствование.

Я уже имел случай говорить, что молодой император Николай II в первые годы своего царствования во всем мне вполне доверял, и у меня не было в этом отношении ника-

ких затруднений со стороны его величества, вероятно, потому, что он почитал заветы своего отца.

Может быть, о питейной монополии мне придется еще говорить, когда я буду рассказывать о царствовании императора Николая II⁸⁸.

Должен только сказать, что главное затруднение при введении питейной монополии встретилось тогда, когда мне пришлось ввести ее в Петербурге. Все поднялось на ноги. Насели на прекрасного, благородного великого князя Владимира Александровича. Говорили, что если я введу питейную монополию в Петербурге, то начнется чуть ли не восстание. Влияние это на великого князя было оказано теми лицами, которые были заинтересованы в питейных доходах.

Этот благородный великий князь, очень мало еще тогда меня знавший, вместо того чтобы поговорить со мною, так воздействовал на императора Николая II, что император Николай II за несколько дней до введения питейной монополии вдруг усомнился, боясь, не будет ли каких-нибудь затруднений и смут по случаю введения монополии.

Мне пришлось объяснить это его величеству только в нескольких словах.

Из дальнейших моих рассказов (которые последуют в будущем году) тот, кто будет иметь случай через несколько лет читать их, узнает, что я не встречал никаких затруднений со стороны императора Николая II во всем, касающемся непосредственно ведомства финансов.

Должен же я был покинуть этот пост после 10½-летнего управления не по вопросу финансовому, а по вопросу политическому, потому что я никак не мог согласиться с тем, чтобы относительно Японии вести ту политику, которая привела нас к войне, а потому предпочел лучше поставить себя в такое отношение к императору, чтобы уйти с поста, нежели покривить душой.

Когда я вступил на пост министра, то император Александр III в числе прочих своих желаний высказал мне свое заветное желание расширить и твердо установить церковное воспитание народа, т. е. развить сеть церковно-приходских училищ, иначе говоря, дать возможность священству или же лицам под их руководством и наблюдением учить грамоте и первоначальным школьным сведениям.

Я этой мысли всегда сочувствовал, сочувствую и поныне, хотя в настоящее время церковно-приходские школы крайне не в моде.

Причина, почему я этому делу сочувствовал и сочувствую, заключается, во-первых, в том, что это был завет императора Александра III, который я считал долгом свято исполнить; во-вторых, этот завет, как вообще все заветы, которые дал мне император Александр III, совершенно сходились с моим внутренним убеждением, почему мне и было в особенности приятно их исполнять.

Главный недостаток России, по моему глубокому убеждению, заключается в отсутствии народного образования,— в таком отсутствии, какое не существует ни в одной стране, имеющей хоть какое-нибудь притязание быть цивилизованным государством.

Нигде в цивилизованных странах нет такого количества безграмотных, как у нас в России. Можно сказать, что русский народ, если бы только он не был народом христианским и православным, был бы совершенно зверем; единственно, что отличает его от зверя — это те основы религии, которые переданы ему механически или внедрены в него посредством крови. Если бы этого не было, то русский народ при своей безграмотности и отсутствии всякого, самого элементарного образования был бы совершенно диким. Поэтому, не касаясь вопроса о том, что лучше: светское образование народа, или же образование посредством духовенства, так как вопрос этот вообще при нынешнем положении дела и еще долго будет совершенно неуместным, я считаю, что всякое образование народа полезно, и всякий искренний человек, не преследующий каких-нибудь побочных политических идей, должен сочувствовать всякому образованию.

Если на образование евреев имеют огромное влияние раввины, на образование мусульман имеют огромное влияние их пастыри церкви, на образование поляков имеют громадное влияние ксендзы, то в это время противодействовать тому, чтобы и наше священство имело влияние на образование русского народа, по моему мнению, просто преступно, если бы это не было глупо.

Как бы то ни было, у нас имеются десятки тысяч священников, т. е., значит, десятки тысяч школьных учителей,

у нас есть масса лиц, добровольно жертвующих деньги и имущество в пользу церковно-приходских училищ; наконец, сам народ во многих местностях предпочитает церковно-приходские училища светским. Вот поэтому-то я, совсем не относясь отрицательно к светским школам — будет ли это земская школа или школа министерства народного просвещения, — считаю, что надо развивать всякие школы и никоим образом не пренебрегать той силой, которую могут представить в смысле образования народа церковно-приходские школы.

В виду этого я и оказывал Константину Петровичу Победоносцеву полное содействие и материальное, и всякое другое в развитии церковно-приходских школ.

Эти школы встретили к себе некоторое отрицательное отношение в Государственном совете. Те министры финансов, которые относились к церковно-приходским школам индифферентно или отрицательно, всегда встречали в Государственном совете поддержку.

Я был, кажется, первым министром финансов, который начал относиться к церковно-приходским школам с полным сочувствием. И благодаря тому, что Победоносцев в Государственном совете всегда встречал мою поддержку в вопросе о церковно-приходских школах, на эти школы начали ассигновывать деньги в большем количестве, и эти школы получили некоторое развитие.

Так на это дело я смотрю и по настоящее время.

В царствование императора Александра III установилась твердо идея о государственном значении железных дорог, которая в значительной степени исключает возможность построек и в особенности эксплуатации железных дорог частными обществами, которые в основе своей преследуют идеи не общегосударственные, а идеи характера частных интересов.

Таким образом, можно сказать, что в царствование императора Александра III сделался полный переворот в железнодорожном деле как с точки зрения практической, так и теоретической. Поэтому уже в царствование императора Александра III мною, когда я был министром путей сообщения, а потом министром финансов, были начаты, с одной стороны, последовательный выкуп железных дорог из рук частных обществ, а, с другой стороны — преиму-

щественное сооружение железных дорог казной. Затем в полном объеме эти государственные взгляды были мною проведены и осуществлены уже в царствование императора Николая II.

Этот взгляд на железные дороги, равно как и вся система железнодорожного дела, твердо держатся и по настоящее время. Можно иметь различное мнение о преимуществах той или другой системы железнодорожного строительства и эксплуатации, по те люди — а таких теперь в континентальной Европе едва ли не большинство, — которые находят реальные преимущества в казенной эксплуатации и строительстве, не могут не признать громадной заслуги в этом отношении царствования императора Александра III.

Этот взгляд на железные дороги, с одной стороны, был вполне сроден натуре императора Александра III, самодержавного государя, пекущегося преимущественно об интересах слабых и о массах, а с другой стороны, ускорению осуществления этой идеи, т. е. проведению ее в жизнь, способствовало то, что, конечно, императора Александра III не могло не шокировать такое положение вещей, что в государстве создались как бы особые царства — железнодорожные, — в которых царили маленькие железнодорожные короли вроде Полякова, Блюха, Кроненберга, Губонина и пр. и пр.⁸⁸.

Когда было «Главное общество российских железных дорог», то Петербурго-Варшавская, а равно Николаевская и Нижегородская железные дороги принадлежали этому обществу. Во главе этого главного общества стоял Половцев, бывший сенатор (брат того Половцева, который был женат на Штиглиц и о котором я уже говорил), так как у этого Половцева было громадное количество акций Главного общества, то он имел и в этом обществе преобладающее значение.

На второй год по вступлении императора Александра III на престол, когда кончился траур, как-то в Гатчине был вечер; после вечера все приглашенные, а их было очень много, отправились на вокзал, где для лиц, которые уезжали с этого вечера, должен был быть приготовлен экстренный поезд. Вдруг вместо этого поезда был подан другой, очень легкий поезд, в который сел статс-секретарь

Половцев со своей супругой и, пригласив с собою еще несколько знакомых, перед носом всех уехал и таким образом задержал поезд, приготовленный для лиц, приглашенных царем, задержал царских гостей.

Очевидно, такого рода поступок со стороны Половцева был, по меньшей мере, в высшей степени бестактным. Так как Главное общество было, можно сказать, почти в его кармане, то он и счел возможным поступить так невежливо, если не сказать просто нахально.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

О МОЕЙ ПОЕЗДКЕ НА МУРМАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

Император Александр III имел влечение к русскому Северу. Влечение это основывалось, с одной стороны, на том, что русские люди на Севере — крестьянство — представляют собою тип чисто русских людей как по крови своей, так и по истории; а с другой стороны, император чувствовал влечение к Северу по причине случайной. Когда император был наследником, на Севере был большой голод, и он состоял председателем комитета, который имел в виду помощь голодающим и вообще помощь местностям, в которых был голод; это еще ближе столкнуло с Севером наследника, будущего императора Александра III.

Затем случайно или не случайно, по явилось «Мурманское пароходство». В «Мурманском пароходстве» принимали наибольшее участие лица, близкие к наследнику: так, например, между прочим, Шереметьев, очень близкий к нему человек, бывший начальником конвоя императора Александра III в его царствование.

В то время я не был в Петербурге, а потому не могу наверное сказать, основали ли это пароходство близкие императору люди или же они вошли в это пароходство случайно, но факт тот, что император Александр III также симпатизировал «Мурманскому пароходству».

В это время народилась идея о возрождении нашего флота. Черноморский флот, как известно, возродился в царствование императора Александра III, когда после Бер-

линского конгресса было уничтожено запрещение России по Парижскому трактату иметь флот на Черном море.

При императоре Александре III зародилась также мысль и о создании флота в Балтийском море.

Само собою разумеется, что, для того чтобы иметь флот, необходимо иметь порт, вот и явился вопрос, где основать главный морской порт?

Императора Александра III наталкивали на мысль, чтобы основать порт — главную морскую базу — в Либаве. Это была мысль начальника Главного штаба генерал-адъютанта Обручева, и так как Обручев имел сильное влияние на управляющего морским министерством Чихачева, то они, соединившись вместе, проводили мысль об устройстве базы нашего Балтийского флота в Либаве и, следовательно, об устройстве там главного морского порта.

Император несколько поддался этим идеям, но только не настолько, чтобы строить там нашу основную военноморскую базу, а лишь не был вообще против мысли основания в Либаве более или менее приличного морского порта.

Вначале, когда этот порт начал строиться, по мысли морского и военного министерств, предполагали сделать из этого порта главную нашу морскую базу, но у императора Александра III возникли сомнения.

У него была мысль устроить порт в таком месте, где бы, с одной стороны, была гавань, незамерзающая круглый год, а с другой стороны, гавань эта должна была быть совершенно открыта, т. е., чтобы это был такой порт, из которого можно было бы прямо выходить в море.

Императору говорили, что подобный порт можно найти только на Мурманском берегу, т. е. на нашем дальнем Севере.

Вот император и поручил мне поехать на Север, познакомиться с ним и узнать, нельзя ли найти там такого рода незамерзающую гавань, где можно было бы строить большой военный флот, такую гавань, которая послужила бы нам главной морской базой.

Я тогда уже был министром финансов, и это дело до меня, т. е. до моей компетенции, не отпоспело; обратился же

император ко мне, вероятно, с одной стороны, по личному ко мне доверию; он понимал, что министр военный или морской относятся к этому совершенно отрицательно, ибо они вполне остановились на мысли, что такой морской порт нужно строить в Либаве, и на эту мысль они толкали и императора Александра III; а с другой стороны, он мог дать мне это поручение, так как в то время министр финансов был и министром торговли и промышленности, а потому в его ведении находились все коммерческие и частные пароходства; следовательно, и «Мурманское пароходство» также в порядке ведомства относилось к департаменту торговли и мануфактур министерства финансов. Таким образом, «Мурманское пароходство» было так сказать в моем ведении, а поэтому с этой точки зрения моя поездка в северные моря и Ледовитый океан не представляла собой ничего ненормального.

Во исполнение такого поручения, данного мне императором, я и решился отправиться туда летом 1894 года.

Конечно, я должен был взять с собой лиц, компетентных в морском деле; и я взял с собою Илью Ильича Казии и Конкевича. Кроме этих двух лиц, я взял с собою директора моей канцелярии, теперешнего члена Государственного совета и председателя бюджетной комиссии Государственного совета Петра Михайловича Романова, затем журналиста из «Московских ведомостей» Кочетова (который был очень близок к Каткову), известного публициста, писавшего во время нашей последней восточно-турецкой войны под псевдонимом «Евгений Львов».

Мы по железной дороге доехали до Ярославля, затем в Вологду; через Вологду проехали в Великий Устюг, потом выехали на Северную Двину и поехали пароходом на Архангельск.

Когда я отправлялся туда, то император указывал мне на то, что когда был голод на Севере, то было очень трудно бороться с голодом, и многие умирали только из-за невозможности доставки туда хлеба; при этом император высказывал мне такого рода мысль — свою мечту, — чтобы на Север была проведена железная дорога, чтобы край этот, интересы которого он принимал очень близко к сердцу, не был обделен железными дорогами. Он говорил мне о том, как бы он был рад, если бы ему удалось видеть там

железные дороги, которые обеспечили бы этому краю подвоз хлеба на случай будущих голодовок.

По речной системе мы доехали до Котласа, а из Котласа мы поехали по Северной Двине, которая представляет превосходнейший водный путь в Архангельск.

В Архангельске в это время был губернатором Энгельгардт. Архангельск, как город, мне очень понравился. Остановился я в доме губернатора; оттуда, сев на пароход «Мурманского общества» (очень хороший пароход), мы двинулись далее в путь и приехали прежде всего в Соловецкий монастырь.

Я уже указывал лиц, ехавших со мною, но, кроме них, в самый последний момент я прихватил еще одного молодого человека, Борпсова, который год как учился рисованию в здешней академии художеств.

Борисов был сыном одного архангельского мужика. Попал он в Академию художеств из Соловецкого монастыря; он имел влечение к живописи, и отец как-то пристроил его в Соловецкий монастырь, в тамошнюю живописную, в которой рисуют образа. В Соловецком монастыре его нашел генерал Гончаров, который обратил внимание на то, что у этого крестьянского мальчика большой талант. Гончаров притащил его в Петербург и поместил его здесь в Академию художеств, причем за Борисова в Академпию художеств вскладчину платило несколько человек; Казн, между прочим, обыкновенно обращался и ко мне для ежегодного за него взноса в Академию художеств.

Вот поэтому я этого крестьянского мальчика Борисова, находившегося в Академии художеств, и взял также с собою.

В Соловецком монастыре мы провели два дня; монастырь этот произвел на меня превосходное впечатление.

Мне в моей жизни приходилось немного бывать в монастырях. Я помню, когда я был мальчиком, то в Тифлисе мне приходилось ходить на охоту и иногда я проводил ночь в монастыре (название этого монастыря я забыл, кажется, Мангоби), находящемся на горе. Монастырь этот довольно известный.

Затем, живя в Киеве, я часто бывал в тамошних монастырях и в лавре, но должен сказать, что Соловецкий монастырь произвел на меня большее впечатление именно вследствие своей суровости, простоты жизни и всей своей обстановкой, которая вполне соответствует аскетическому образу жизни монахов, наконец, своей природой, величавой и очень суровой.

Мы выехали из Соловецкого монастыря и доехали до Мурмана, причем заранее уже было нам известно, что там одна из лучших гаваней, это — гавань Екатерининская. Мы заходили во все гавани, почитающиеся там лучшими, но заранее нам было указапо, что самая лучшая гавань — Екатерининская.

Ранее, чем продолжать свой рассказ, я должен сказать, что такие Кази и Конкевич.

Кази я знал еще из Одессы. Директором «Русского общества пароходства и торговли», как я уже говорил, был Николай Матвеевич Чихачев, я был одним из его помощников по железной дороге, а Кази был его помощником по пароходству; по пароходству его правой рукой был Кази, а по железным дорогам — я.

Кази в Одессе в Русском обществе пароходства и торговли играл очень большую роль. Он по воспитанию был моряк, но курс кончил не в здешнем петербургском морском корпусе, а в морском училище города Николаева, откуда он вышел в штурманы, а затем и в капитаны частных пароходств. Оттуда он и сделал свою карьеру, так что, как военный, он был, в сущности, в положении только морского юнкера.

Впоследствии Кази был управляющим кораблестроительным заводом от Русского общества пароходства и торговли в Севастополе.

После он разошелся с Н. М. Чихачевым, и разошелся с Чихачевым оттого, что у Кази был характер с большой склонностью к интригам; в этом отношении он был настоящим греком, а известно, что для настоящего грека интрига — это жизнь.

Поэтому Кази перешел на службу в морское министерство и сделался директором здешнего кораблестроительного завода морского министерства. Таким образом, Кази играл здесь довольно видную роль.

Кази был человек весьма большого ума, с большими способностями.

По наружности Кази представлял собою тип грека, но грека очень красивого; он очень хорошо говорил, бывал много раз за границей и особенно в Англии, так как там присутствовал при постройке различных пароходов Русского общества пароходства и торговли. Вообще это был человек по своим способностям выдающийся; отлично владел пером, но имел, как я уже говорил, склонность к интригам.

Таким образом, Кази в некоторых отраслях морского дела был человек очень компетентный.

Вот этот-то Кази и поехал со мною.

Я знал, что к Кази благосклонно относился и император Александр III, хотя личных отношений с ним и не поддерживал. Император Александр III, как человек совершенно прямой и откровенный, не любил и никогда не практиковал отношения с лицами, подчиненными известному начальству, т. е., иначе говоря, подчиненных лиц не принимал с заднего крыльца и вообще терпеть не мог всяких закулисных связей, что, к несчастью, составляет слабость некоторых монархов.

Таким образом, император Александр III, как я уже говорил, не состоял ни в каких прямых сношениях с Кази, так как Кази был служащим морского министерства, но государь слышал о нем, читал некоторые его статьи и был о Кази очень хорошего мнения.

Другое лицо из морского ведомства, которое я взял с собою, был Конкевич.

Конкевич кончил курс в морском корпусе и прямо делал карьеру морского офицера. Но затем, так как он расходился во взглядах со своим начальством и писал различные статьи против морского министерства, то он должен был выйти в отставку. Вообще это был человек с большим морским опытом, много плававший, очень умный.

Итак, когда Конкевич вышел в отставку, он должен был зарабатывать себе хлеб какими-нибудь занятиями, так как одним пером, хотя он писал довольно много под псевдонимом «Беломор», он все же заработать себе хлеба не мог,

а потому в конце концов он сделался полицеймейстером в Либаве.

Когда я, будучи министром финансов, уже в царствование императора Николая II, совершал путешествие по Балтийскому краю, то встретился с Конкевичем в Либаве, где он, как я уже сказал, занимал должность полицеймейстера; но вскоре я взял его оттуда и определил чиновником департамента торговли и мануфактур по морскому отделу. Затем, когда было образовано главное управление торгового мореходства и портов под главенством пресловутого великого князя Александра Михайловича, то и этот отдел также перешел к великому князю Александру Михайловичу. А теперь, после того как мною было образовано министерство торговли и промышленности и главное управление торгового мореходства и портов включено в министерство торговли и промышленности, Конкевич служит в министерстве торговли и промышленности и состоит членом совета этого министерства, и я иногда его вижу.

По наружности Конкевич представляет собою тип «морского волка», настоящего моряка. Он очень много и хорошо пишет в газетах.

Конкевич — прекрасный, умный, замечательно прямой и честный человек; естественно, что благодаря таким своим качествам, он, как подчиненный, не мог быть в особо хороших отношениях со своим начальством великим князем Александром Михайловичем. Они, кажется, друг к другу относились отрицательно и, насколько мне пришлось слышать отзывы Александра Егоровича Конкевича о великом князе, то отзывы эти совершенно совпадают с моим мнением о его высочестве — мнением, которое я, хотя в очень деликатной форме, все-таки имел случай высказать в настоящих моих воспоминаниях*).

Конкевич, по мнению многих, считался, да и до настоящего времени считается компетентным моряком и даже компетентным моряком в о е н н ы м.

В Соловецком монастыре все узнали приехавшего со мною молодого человека Борисова, который еще так

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 227—237.— *Ред.*

недавно был там мальчиком-иконописцем. В течение всей нашей поездки он все время рисовал.

Этот самый Борисов сделался теперь одним из известных художников; все его картины большей частью изображают Север. Борисов родился на Севере, это — его стихия. Он каждый год ездил туда и несколько лет тому назад был на Новой Земле. Теперь он пользуется довольно большим именем в художественном мире.

Я всегда несколько содействовал карьере Борисова; содействовал устройством выставок картин его как в Берлине, Лондоне, так и в Америке, так как в Америку он приехал через несколько лет после Портсмутского договора, когда еще мое имя пользовалось там большой популярностью и так как я ему дал рекомендательное письмо к президенту Рузвельту, вследствие чего Рузвельт принял Борисова весьма радушно; это все послужило тому, что его выставки всюду имели блестящий успех.

Выехали мы прямо в Северное море, а потом в океан, останавливались в различных гаванях, а затем направились прямо в Екатерининскую гавань.

Действительно, Екатерининская гавань представляла собою замечательную гавань как по своему объему, полноводью, так и по своей защищенности. Эта гавань никогда не замерзает вследствие теплого морского течения Гольф-стрима.

Такой грандиозной гавани я никогда в своей жизни не видел; она производит еще более грандиозное впечатление, нежели Владивостокский порт и Владивостокская гавань.

Мы эту гавань подробно осматривали; стояли там несколько суток, а оттуда проехали в маленький монастырь, скорее русский монашеский скит, который находится на границе Норвегии.

Затем оттуда мы пошли к Нордкапу, обогнули северный Норвежский мыс и спустились по берегам Норвегии до берегов Швеции, останавливаясь попутно в нескольких городах Норвегии, в том числе и в Христиании, а затем приехали в Стокгольм. В Стокгольме остановились на несколько суток и оттуда поехали к берегам Финляндии.

В Финляндии взяли поезд и, проехав через Финляндию, вернулись в Петербург.

Еще дорогой я начал писать доклад о поездке на Север, так что когда я вернулся в Петербург, то этот доклад мог быть через несколько дней напечатан и представлен государю.

По возвращении в Петербург, в первую же пятницу (т. е. в обыкновенный день докладов) я имел всеподданнейший доклад *) у государя.

И в тот день я видел императора Александра III в последний раз в моей жизни.

Государь ранее почти никогда не болел; в последнее же время вообще имел вид очень болезненный, как будто был налитый водою; император от природы имел бледный цвет лица.

Еще раньше, до того как я уехал на Север, болезнь его была явной для всех лиц, имевших счастье видеть его в обыкновенной обстановке.

К императору Александру III был уже вызываем Захарьин, который даже некоторое время жил в Аничковском дворце.

Известно, что государь в Зимний дворец не переезжал; еще, будучи наследником, он занимал Аничковский дворец и так все свое царствование он и пробыл в Аничковском дворце.

Говорили, что у государя болезнь почек; многие приписывали эту болезнь тому, что он себя надорвал во время катастрофы в Борках при крушении императорского поезда.

Как я уже говорил, тогда же на место крушения поезда я был вызван в качестве эксперта, и мне было известно из рассказов, которые я там слышал, что во время крушения поезда государь с царской семьей был в столовой комнате; когда вагон разбился и крыша вагона накрыла сидящих, то государь удержал эту крышу на своих плечах, что он мог сделать благодаря своей гигантской фигуре.

*) Это было в Петергофе.

С тех пор, как говорят, он и начал болеть почками, но не обращал на это внимания.

В конце концов от этой ли или другой причины, но тем не менее он еще за год до смерти был явно чрезвычайно сильно болен.

Но император Александр III крайне не любил лечиться и не обращал никакого внимания на свою болезнь.

Вызванный к императору, московский профессор Захарьин, которого я знал лично, очень жаловался на то, что вообще император Александр III не исполняет того режима и лечения, которые ему предписаны, т. е. что он мало придает значения советам и указаниям докторов.

Вот тот последний раз, когда я имел честь докладывать государю императору (этот день я помню так, как бы это было сегодня).

Император Александр III жил в Петергофе в маленьком дворце; этот маленький дворец в сущности — простой буржуазный домик. Государь занимал наверху две очень маленькие комнаты, причем лица, являвшиеся с докладом к императору, для того чтобы пройти в его кабинет, должны были проходить через его уборную, где находились костюмы государя и вообще все принадлежности уборной.

Обыкновенно по одну сторону стола сидел император, а по другую он сейчас же садил докладчика.

И вот, посадив, таким образом, меня, государь стал слушать мой доклад; но при всей его терпеливости и спокойствии он, видимо, волновался; он хотел, очевидно, увидеть, что находится у меня в папке.

Когда я дошел до конца, и государь увидел у меня в папке печатную записку, то он как будто бы обрадовался и говорит:

— Это, наверное, ваш доклад, я с таким нетерпением его жду. Впрочем, я, — говорит, — так и знал, что раньше чем вы придете с докладом, вы его напечатаете, поэтому я все время терпеливо ждал и не спрашивал, пока вы не кончили доклада. Я очень вам благодарен за ваш приезд и главным образом за то, что вы доклад этот мне доставили, пока я еще не уехал.

• Это был последний мой доклад, больше я уже императора Александра III не видел.

После этого он ненадолго поехал в свое имение Бело-вежскую пушчу, а затем в Царство Польское, в Скерневицы, потом в Ялту, где и скончался, о чем я, вероятно, еще буду говорить; точно так же я расскажу впоследствии и об участии доклада, когда я буду говорить о первых месяцах после вступления на престол императора Николая II*).

Для меня во всяком случае несомненно то, что если бы остался жив император Александр III, то нашей морской базой была бы Мурманская гавань, и именно Екатерининская гавань, что, вероятно, предотвратило бы нас от искания какого-нибудь незамерзающего открытого порта, под влиянием каковой идеи мы залезли в Порт-Артур. Этот несчастный шаг завел нас в такие дебри, из которых мы до сих пор не можем выбраться, т. е. не можем уравновеситься от тех последствий, которые из-за этого легкомысленного шага произошли.

Но к этому я еще вернусь, когда буду говорить о царствовании императора Николая II, пока же скажу следующее: в своем докладе я описывал все, что видел, все, что, по моему мнению, заслуживало особого внимания, но, конечно, главное место в моем докладе было отведено описанию Екатерининской гавани. В своем докладе я выяснил как все неудобства, так и все выгоды, которые могли произойти от устройства там базы нашего флота.

Неудобства этой гавани главным образом состоят в том, что там почти нет лета, затем около полугода там темно и, с другой стороны, местность эта слишком отдалена от России, от тех местностей, которые могли бы служить питанием порта (в том случае, если бы там был устроен этот большой морской порт).

Но одновременно указывая на выгоды устройства там гавани, я указывал и на то, что если желательно устроить там морскую базу, то, конечно, прежде всего необходимо эту Екатерининскую гавань непосредственно соединить двухколейной железной дорогой с Петербургом и общей сетью железных дорог (расстояние от гавани до Петербурга составляет несколько сот верст)⁹⁰.

Если бы была построена эта железная дорога, то отдаленности этой гавани от всех центральных местностей —

*) См. т. 2 настоящего издания.— *Ред.*

центральной России — существовать уже не будет; она даже в сущности будет ближе, нежели Архангельск.

Затем в докладе я обращал внимание и на то, что если будет устроена там гавань (а, следовательно, там будут жить моряки), то необходимо, конечно, дать им свет, устроить очень сильное электрическое освещение, так как там, как я уже указывал, полгода почти вечная ночь. Так что весь этот морской берег необходимо будет держать под сильным электрическим светом.

Удобства же этой гавани состоят в том, что она никогда не замерзает, весьма обширна, легко может быть защищена; отсюда наш флот будет иметь прямой доступ в океан⁹¹.

На лиц, которые в первый раз посещают этот край, некоторые вещи производят впечатление.

Так, летом там солнце не заходит и во время ночи, так что я, например, ночью часто закуривал папиросы посредством зажигательного стекла.

Затем мне случилось там в океане видеть довольно много китов. Я даже видел ловлю китов. Китов ловят посредством гарпунов. Как известно, происходит это следующим образом: когда увидят кита (а его легко увидеть, так как кит выбрасывает громадный фонтан воды), то посредством пушки стреляют гарпуном в кита. Гарпун вонзается в тело кита, причем от удара гарпун в теле кита расширяется, и затем его из тела уже нельзя вынуть; начинается борьба; пароход на цепи тащит этот гарпун, а вместе с гарпуном он тащит и кита; кит хочет в свою очередь обратно оттащить пароход. И вот эта борьба продолжается более или менее долго; часто бывает, что кит целыми часами тащит пароход по морю или океану, пока пароходу не удастся выбросить кита на берег.

Когда кит выбьется из сил, то его выбрасывают на берег, и здесь сейчас же его убивают и берут у кита то, что представляет главную его ценность, а именно: ус, кожу и жир.

Под влиянием вот этой поездки, а также под впечатлением того желания, которое мне пришлось выслушать от

покойного императора Александра III, память которого я боготворю, мне после его смерти уже в царствование его августейшего сына удалось исполнить его завет.

С одной стороны, по моей инициативе, по моему настоянию удалось провести железную дорогу до Архангельска, давши эту концессию обществу Московско-Ярославской железной дороги.

Таким образом Архангельск соединился с Москвою, а затем, когда общество Московско-Ярославской железной дороги было выкуплено, то вся эта линия перешла в казну⁹².

С другой стороны, мне удалось во исполнение того же самого завета осуществить линию, идущую от сибирской магистрали через Пермь к Котласу. Таким образом, явилась возможность на Северную Двину, т. е. на самую главную часть Северной Двины, где судоходство идет в большом размере и может быть развито еще в большем, доставлять весь сибирский хлеб.

Проведением туда этой линии я преследовал две цели: с одной стороны, я хотел непременно исполнить завет покойного императора (но, конечно, если бы я сослался только на это, то это не было бы достаточным доводом в глазах некоторых членов сибирского комитета); подкупило же членов сибирского комитета в пользу проведения этой железной дороги то обстоятельство, что благодаря проведению этой железной дороги, открылся путь для сбыта сибирского хлеба на Север, что являлось отвлечением ввоза сибирского хлеба в Центральную Россию.

Таким образом, это соответствовало помещичьим тенденциям, чтобы хлеб в Приволжских губерниях был, если не возможно дороже, то во всяком случае не чрезмерно удешевился.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

Я уже имел несколько раз случай говорить о замечательной и благороднейшей личности императора Александра III. Большое несчастье, что он процарствовал так мало: всего 13 лет; но и в эти 13 лет фигура его как императора совершенно обрисовалась и выросла. Это почувствовала вся Россия и вся заграница в день его смерти.

Но императора Александра III его современники и ближайшее поколение далеко не оценили, и большинство относится к его царствованию скептически.

Это в высокой степени несправедливо.

Император Александр III был великий император. Для того чтобы судить о его царствовании, не следует забывать: 1) что он в юности к царствованию не был подготовлен; наследником был его старший брат Николай, на которого и было обращено все внимание. Будущий же император Александр III был с точки зрения образования и воспитания как бы в загоне; 2) не следует также забывать и те условия, при которых он вступил на престол: когда он сделался наследником, то вырисовались различные неблагоприятные стороны царствования его отца Александра II; эти неблагоприятные стороны в качестве различных брожений в обществе и смут были следствием тех колебаний, которые проявил Александр II в последние годы своего царствования — он не выдержал линию либеральных реформ и в последние годы начал колебаться и идти назад.

Благодаря такому приему явилось ненормальное либеральное течение, или, вернее, не либеральное, а революционное течение.

Наследник Александр Александрович мог отнестись сознательно только к тому, что он видел, к тому периоду, когда он начал интересоваться политическими делами, а это и был именно период, с одной стороны, правительственной реакции, а с другой — освободительного течения общественных групп, к которым примазалось и революционное движение.

Такое положение не могло не влиять на императора Александра III в том смысле, что ему казалось необходимым с этим революционным течением, со смутой, поступить резко и твердо.

Такое направление ему было внушено, с одной стороны, его учителем, профессором Победоносцевым, который в это время уже был обер-прокурором святейшего синода, с другой стороны — некоторыми петербургскими сферами, во главе которых стоял Строганов.

Затем на императора Александра III не могли не влиять при его в высокой степени честной натуре те злоупотребления, которые в то время творились в области различных концессий, банков и различных промышленных обществ, к которым всюду примазывались государственные деятели.

Само поведение морганатической жены императора Александра II, княгини Юрьевской — в смысле каких-то отношений ее с различными дельцами, добыча в пользу этих дельцов различных концессий и льгот — не могло не отражаться на психологии цесаревича Александра Александровича.

Наконец, самая свадьба императора Александра II после 60-летнего возраста, когда он уже имел столько совершенно взрослых детей и даже внуков, — при той высокой степени нравственности, которой отличался цесаревич Александр Александрович и которую он проявлял всю свою жизнь, ибо он жил, можно сказать, как самый чистый, святой человек, — все эти обстоятельства не могли не влиять на его психологию.

Наконец, все это кончилось 1 марта 1881 г., когда император Александр II был убит бомбой. Таким образом,

император Александр III, можно сказать, вступил на трон, обогранный кровью его отца. Несомненно, это страшно подействовало на психологию молодого императора!

Наконец, император Александр III вступил на трон после Восточной турецкой войны, на которой присутствовал сам император Александр II и на которой командовал отрядом цесаревич Александрович, будущий император Александр III.

Хотя эта война с точки зрения военной не была такой позорной, как оказалась война с Японией, — во время турецкой войны как войска, так и многие из наших военачальников показали замечательную доблесть, замечательные военные способности и военную силу, так что в конце концов мы очутились около Константинополя, — тем не менее все-таки война эта не была ни по своему ходу, ни по результатам такой, как этого ожидали. Мы победили все-таки скорее громадным численным перевесом над неприятелем, нежели превосходством наших боевых качеств по сравнению с турками.

Наконец, мы должны были на театр военных действий, чтобы одолеть турок и явиться около Константинополя, послать значительную часть наших войск. В России у нас соответствующей армии уже не было, а потому, когда, после того как, не войдя в Константинополь, мы заключили под Константинополем Сан-Стефанский договор — договор тем не менее выгодный и славный для России, — европейские державы, и главнейшим образом Австрия, не согласились признать Сан-Стефанский договор. Для того чтобы сохранить этот договор, нам предстояла новая война с Австрией, но мы к этой войне не были готовы, поэтому был собран Берлинский конгресс, где честным маклером явился канцлер Бисмарк и привел нас к Берлинскому трактату, уничтожившему значительную часть тех выгод, которые мы приобрели по договору Сан-Стефанскому.

Это событие в высокой степени неблагоприятно отозвалось на духе и расположении всей России и не могло не отозваться на сердце цесаревича Александра Александровича (будущего императора Александра III).

Таким образом, для того чтобы судить беспристрастно об императоре Александре III, о действиях императора в первые 5—6 лет его царствования, когда он вел политику

реакционную под влиянием таких выдающихся лиц, как К. П. Победоносцев и др., не следует забывать, при каких нравственных, экономических и стратегических условиях вступил император Александр III на престол.

Не надо забывать также и то, что Восточная война с Турцией уничтожила все плоды управления министерством финансов Рейтерна, который все время стремился водворить в России золотое обращение, т. е. поднять курс кредитного рубля до альпари, после того, когда этот рубль упал со своей серебряной ценности во время Севастопольской войны.

Таким образом, последняя турецкая война совершенно расстроила наши финансы, отдалила возможность установить правильную денежную систему и потребовалось опять более 20 лет, для того чтобы поправить финансы. Только мне, когда я был министром финансов, удалось установить правильную денежную систему и водворить правильную и устойчивую организацию имперских финансов.

Не нужно забывать, что последние годы царствования императора Александра II сопровождались целым рядом анархических убийств, целым рядом террористических действий и кончились 1-м марта.

Но напрасно лица, не знавшие императора Александра III, рисуют его как человека реакционного, как человека жесткого, как человека ограниченного и тупого.

Император Александр III обладал благороднейшим — мало сказать благороднейшим, — он обладал именно царским сердцем. Такое благородство, какое было у Александра III, могло быть только, с одной стороны, врожденным, а с другой стороны — не испорченным жизнью. И эта неприкосновенность чистоты сердца могла иметь место только при тех условиях, в каких находятся и наследники русского престола и русские цари, т. е. условия, которые не заставляют человека ради своего положения или ради положения своих близких кривить душой и закрывать глаза на то, чего не хотелось бы видеть. У русских императоров и у наследников русского престола нет всех тех интересов, которые имеются у обыкновенного смертного, — интересов эгоистических, материальных, которые так часто портят человеческое сердце.

Я не стану спорить о том, что император Александр III был человеком сравнительно небольшого образования, можно сказать — он был человеком ординарного образования. Но вот с чем я не могу согласиться и что часто мне приходилось слышать, это с тем, что император Александр III не был умным. Надо условиться, что подразумевать под словом ум: может быть, у императора Александра III был небольшой ум рассудка, но у него был громадный выдающийся ум сердца; это — своего рода ум, присутствие которого часто, в особенности в положении лиц, которым приходится умом предвидеть, предчувствовать и предопределять, несравненно важнее ума рассудка. Наконец, у императора Александра III было совершенно выдающееся благородство и чистота сердца, чистота нравов и помышлений. Как семьянин — это был образцовый семьянин; как начальник и хозяин — это был образцовый начальник, образцовый хозяин. У него никогда слово не расходилось с делом. Он мог относительно того, в чем он был не уверен, не высказать, смолчать, ожидать; но если что-нибудь он сказал, то на его слово можно было рассчитывать, как на каменную гору.

Вследствие этого император Александр III пользовался, с одной стороны, общим доверием и уважением всех своих приближенных, а с другой стороны, что гораздо еще важнее, — уважением и доверием всего света²².

Я сказал, что он был хороший хозяин: император Александр III был хороший хозяин не из-за чувства корысти, а из-за чувства долга. Я не только в царской семье, но у и сановников никогда не встречал того чувства уважения к государственному рублю, к государственной копейке, которым обладал император Александр III. Он каждую копейку русского народа, русского государства берег, как самый лучший хозяин не мог бы ее беречь.

Будучи при нем два года министром финансов и, наконец, зная его отношение к финансам, еще когда я был директором департамента министерства финансов, я должен сказать, что, именно благодаря императору Александру III Вышнеградскому, а затем в конце концов и мне удалось привести финансы в порядок; ибо, конечно, ни я, ни

Вышнеградский не могли бы удержать всех порывов к бросанию зря направо и налево денег, добытых кровью и потом русского народа, если бы не могучее слово императора Александра III, который сдерживал все натиски на государственную казну.

В смысле государственного казначея, можно сказать, что император Александр III был идеальным государственным казначеем и в этом отношении облегчал задачу министра финансов.

Точно так же, как он относился к деньгам государственного бюджета, так же он относился и к собственному своему хозяйству. Он терпеть не мог излишней роскоши, терпеть не мог излишнего бросания денег, — жил с замечательной скромностью. Конечно, при тех условиях, в которых приходилось жить императору, часто экономия его была довольно наивна. Так, например, я не могу не сказать, что в его царствование, когда я был министром, при дворе ели сравнительно очень скверно. Я не имел случая часто бывать за столом императора, но что касается так называемого гофмаршальского стола, то за этим столом так кормили, что, можно сказать, почти всегда, когда приходилось там есть, являлась опасность за желудок. И, кажется, император Александр III не мог достигнуть того, чтобы исправить гофмаршальскую часть. Сам император Александр III любил пищу чрезвычайно простую, и когда ему его стол приедался, то он, будучи уже, бедный, больным, в последние полгода его жизни или немного более иногда просил, как лакомства, чтобы ему приносили обед обыкновенный солдатский или охотничий из ближайших казарм или охотничьей команды.

Когда император Александр III вступил на престол, то он сейчас изменил обмундирование, сделав его весьма простым и поэтому сравнительно дешевым. Он любил русский костюм — поддевку с большими широкими панталонами и высокими сапогами, и костюм всего войска во всем он приспособил к этому типу.

Таким образом, обмундирование, введенное императором Александром III, продержалось до последней японской войны. После японской войны, в последние годы, вероятно в вознаграждение за те несчастья, ужасы и стыд, которые мы потерпели на полях Маньчжурии, теперь на-

ше войско опять обмундировывается по различным красивым картинкам; все обмундирование кажется очень красивым, но вместе с тем вследствие этого обмундирования самый вид войска приобретает вид игрушечной картины.

Чего этим путем хотят достигнуть, что хотят доказать — является совершенно непонятным.

Главнейшая заслуга императора Александра III в том, что он процарствовал 13 лет мирно, не имея ни одной войны, кроме самой ничтожной экспедиции в Ахалтеке⁹³; но он дал России эти 13 лет мира и спокойствия не уступками, а справедливой и непоколебимой твердостью. Он умел внушить за границей уверенность, с одной стороны, в том, что он не поступит несправедливо по отношению к кому бы то ни было, не пожелает никаких захватов; все были покойны, что он не затеет никакой авантюры. Его царствование не нуждалось в лаврах; у него не было самолюбия правителей, желающих побед посредством горя своих подданных, для того чтобы украсить страницы своего царствования. Но об императоре Александре III все знали, что, не желая никаких завоеваний, приобретений, никаких военных лавров, император никогда, ни в каком случае не поступится честью и достоинством вверенной ему богом России.

Император Александр III, как я уже сказал, не любил говорить много, в особенности не любил говорить фраз; это его черта; и его гигантская фигура, представлявшая какого-то неповоротливого гиганта, с крайне добродушной физиономией и бесконечно добрыми глазами, внушала Европе, с одной стороны, как будто бы страх, а с другой — недоумение: что это такое? Все боялись, что если вдруг этот гигант да гаркнет

Мы все помним то время, когда император Александр III умирал в Ялте, и ближайшие месяцы после этого, когда вдруг вся Европа почувствовала, что уходит сила, которая держала своей нравственной фигурой Европу в мирном и спокойном положении; только тогда все сознали ту громадную роль, которую играл этот император в международном мировом отношении.

Как относился император Александр III к войне, показывает следующий факт. Я припоминаю, что как-то раз по поводу какого-то доклада чуть ли не касающегося пограничной стражи, у нас перешел разговор на войну. И вот что мне сказал император Александр III:

— Я рад, что был на войне и видел сам все ужасы, неизбежно связанные с войной, и после этого я думаю, что всякий человек с сердцем не может желать войны, а всякий правитель, которому богом вверен народ, должен принимать все меры, для того чтобы избегать ужасов войны, конечно, если его (правителя) не вынудят к войне его противники, тогда грех, проклятия и все последствия этой войны пусть падут на головы тех, кто эту войну вызвал.

У императора Александра III каждое слово не было пустым звуком, как мы это часто видим у правителей: очень часто правители говорят по тому или другому случаю ряд красивых фраз, которые затем забываются через полчаса. У императора Александра III никогда слово не расходилось с делом. То, что он говорил, было им прочувствовано, и он никогда уже не отступал от сказанного им.

Таким образом, вообще говоря, император Александр III, получив Россию при стечении самых неблагоприятных политических конъюнктур, глубоко поднял международный престиж России без пролития капли русской крови.

Можно сказать, что в конце своего царствования император Александр III был главнейшим фактором мировой международной политики.

Император Александр III в значительной мере восстановил нашу армию после той дезорганизации, которая произошла вследствие турецкой войны конца 70-х годов.

Благодаря характеру императора Александра III его министры финансов могли начать организовывать финансы империи. Мне удалось это окончить уже при императоре Николае II только исключительно благодаря тем началам, которые были одобрены еще императором Александром III, и благодаря тому авторитету, которым я как министр финансов пользовался у молодого императора Николая II.

Император Николай II знал, что его августейший отец одобрил мою программу и питал ко мне полнейшее дове-

рие; только благодаря этому, несмотря на всякие подвохи против меня как министра финансов я устоял на этом посту после смерти императора Александра III еще более 8 лет; это произошло, я повторяю, только потому, что молодой император верил не столько мне, сколько тому доверию, которое питал ко мне его отец.

При императоре Александре III, в особенности со времени моего вступления в должность директора департамента железнодорожных дел и потом, когда я был министром путей сообщения и министром финансов, снова начала увеличиваться сеть русских железных дорог, т. е. постройки железных дорог, которые при императоре Александре II в конце его царствования, а в особенности после войны — прекратились.

При императоре Александре III в России круто повернулась таможенная система, и от фритредерства мы перешли к протекционизму. Этот переход был сделан при Вышнеградском при моем большом участии в качестве директора департамента железнодорожных дел; было это сделано потому, что император Александр III сознавал, что Россия может сделаться великой лишь тогда, когда она будет страной не только земледельческой, но и страной промышленной; что страна без сильно развитой обрабатывающей промышленности не может быть великой. Россия не могла быть великой, не будучи страной не только земледельческой, но и промышленной.

И вот является вопрос, если император Александр III, как многие думают, не был образованным человеком, ни во всяком случае не был ученым (а лица, которые его не понимали и не понимают и не знают, говорят, что он был даже не умным), то чему же, если не уму сердца, уму души приписать такого рода мысли, какие были незыблемы у императора Александра III? Разве не нужно уметь сознавать, уметь понять не от разума, а скорее от царского сердца, что страна, вверенная ему богом, не может быть великой без водворения промышленности? А раз у императора Александра III было это сознание, он твердо настаивал на введении протекционной системы, благодаря которой Россия ныне обладает уже значительно развитой промыш-

ленностью и, несомненно, все более и более движается в этом отношении вперед, и недалеко уже то время, когда Россия будет одной из величайших промышленных стран.

Этим Россия будет обязана исключительно началам, которые решил положить император Александр III.

Чтобы понять это, нужно помнить, что переход от фритредерства к протекционизму всегда встречал громадные затруднения со стороны общественного мнения и правящих кругов.

Нужно было, чтобы явились большие люди, которые могли бы пойти против господствующего настроения, против господствующего мнения и сломили бы его.

У нас, в России, это мог сделать один император, и при том император столь твердый, столь мудрый, каким был император Александр III:

Императору Александру III ставится в дефицит перемена университетского устава 60-х годов на устав 1884 года.

Да, я сам нахожу, что это было большой ошибкой. Но это было сделано им под влиянием графа Толстого и вообще под влиянием кучки консерваторов того времени.

Замечательно, что К. П. Победоносцев, как бывший профессор, будучи еще гораздо консервативнее графа Толстого, тем не менее все-таки высказался как в Государственном совете, так и в Особом совещании по этому предмету, которое было под председательством императора Александра III, против устава 1884 года.

Но тем не менее хотя и был введен новый устав в жизнь университетов, в царствование императора Александра III не было никаких эксцессов.

Только в начале царствования императора Александра III несколько известных профессоров, в том числе и знаменитый М е ч н и к о в, потеряли кафедры, потому что министр народного просвещения граф Д е л я н о в считал их весьма либеральными⁹⁵.

Вообще же университетская жизнь шла довольно спокойно.

А с тех пор, как последовал в августе 1905 г. по инициативе генерала Т р е п о в а указ об автономии университе-

та и в особенности последний год при российской конституции и либерально-конституционном правительстве, — в высших учебных заведениях и университетах происходят такие эксцессы, которые были бы немыслимы при императоре Александре III, при прежнем реакционном уставе⁹⁸, именно потому, что император Александр III не был ни либералом, ни реакционером, а был честный, благороднейший, прямой человек.

Но тем не менее я не отрицаю того, что введение устава 1884 года было ошибкой.

Императору Александру III ставится в укор также и перемена земского положения 1864 года на положение 90-го года; введение земских начальников, вообще введение принципа какого-то патриархального покровительства над крестьянами как бы в предположении, что крестьяне навеки должны остаться таких стадных понятий и стадной нравственности.

Я эти воззрения считаю глубоко неправильными воззрениями, которые уже имели очень большие дурные последствия, выразившиеся в событиях, разгоревшихся в 1905 г.; эти воззрения еще будут иметь громадные дурные последствия в жизни России. Может быть, дурные последствия произойдут из-за неустройства крестьян, из-за неустройства их правовых отношений, вследствие того, что на крестьян смотрят как на людей особого рода, не на таких, как мы; например, что для них должны быть какие-то особые нормы, особые порядки, и в этом я вижу в будущем большие пертурбации в жизни Российской империи.

Это была ошибка императора Александра III, но тем не менее я не могу не засвидетельствовать, что это была ошибка не только добросовестная, но ошибка в высокой степени душевная. Император Александр III относился глубоко сердечно ко всем нуждам русского крестьянства, в частности, и русских слабых людей вообще. Это был тип действительно самодержавного монарха, самодержавного русского царя; а понятие о самодержавном русском царе неразрывно связано с понятием о царе, как о покровителе-печальнике русского народа, защитнике русского народа, защитнике слабых, ибо престиж русского царя основан на

христианских началах; он связан с идеей христианства, с идеей православия, заключающейся в защите всех слабых, всех нуждающихся, всех страждущих, а не в покровительстве нам, которым бог дал по самому рождению нашему или вообще благодаря каким-нибудь благоприятным условиям особые привилегии, т. е. нам, русским дворянам, и в особенности русским буржуа, которые не имеют того хорошего, того благородного, что встречается во многих русских дворянах, но зато в избытке имеют все то нехорошее, что дают излишества жизни, обесценение ценности чужого труда, а иногда и чужого сердца.

Я убежден в том, что если бы императору Александру III суждено было продолжать царствовать еще столько лет, сколько он процарствовал, то царствование его было бы одно из самых великих царствований Российской империи.

В последние годы, когда он уже имел опыт, видел, что такое Россия, видел, что эта смута, которая была в конце царствования его отца, являлась более наносной и происходила от недостаточно твердого характера его отца, благодаря которому император Александр II часто колебался, а, наконец, впал и в грех семейный, что Россия такая страна, которая сама по себе совсем не желает каких-бы то ни было революций, а желает только спокойной тихой жизни,— воззрения его постепенно изменялись.

В последние годы своего царствования император Александр III ко многим вопросам уже относился иначе, нежели в первые годы своего царствования; выражаясь принятыми терминами, он уже сделался значительно более либеральным.

Я уверен в том, что император Александр III по собственному убеждению двинул бы Россию на путь спокойного либерализма; благодаря этому спокойному либерализму, при внешнем спокойствии, в котором жила Россия и в котором она продолжала бы жить при царствовании Александра III, ибо Александр III никогда не пошел бы на авантюры, подобные той, которая была предпринята и которая закончилась японской войной, Россия двигалась бы постепенно к либеральному пути, т. е. к тому пути

жизни государства, когда оно живет не эгоистической жизнью, а жизнью для пользы народа. Но император Александр III не успел этого сделать, потому что бог призвал его к себе.

У императора Александра III было несколько приближенных лиц его ближайшей свиты. О некоторых я говорил. Помню, я рассказывал о Черевине, о графе Воронцове-Дашкове, теперь я хочу упомянуть о нескольких других лицах.

Гофмаршалом императора Александра III, когда он вступил на престол, был полковник, флигель-адъютант Владимир Оболенский; этот Оболенский, который был очень близок и любим императором, когда я еще не был министром, а был директором департамента, в Ялте заболел и умер.

Эта болезнь Оболенского и смерть его в Ялте, во флигелях дворца, произвела на государя, на царскую семью и на окружающих лиц очень тяжелое впечатление и явилась как бы предзнаменованием смерти императора Александра III в том же самом месте, в том же дворце через несколько лет.

Когда Оболенский умер, то на должность гофмаршала был приглашен генерал Голенищев-Кутузов.

Этот генерал Голенищев-Кутузов, который ранее занимал должность военного агента в Берлине, был приглашен на этот пост, вероятно, потому, что сестры его Голенищевы-Кутузовы состояли фрейлинами при императрице Марии Федоровне с самого ее приезда в Петербург, состоят при ней и до настоящего времени. Голенищев-Кутузов был очень почтенный человек, но тоже вскоре умер, и вместо него был назначен сравнительно молодой человек граф Бенкендорф.

Граф Бенкендорф тогда имел чин капитана; в настоящее время он генерал-адъютант и занимает то же самое место,

т. е. место гофмаршала при императоре Николае II. Граф Бенкендорф — ярый католик, но тем не менее весьма порядочный человек.

Если я упомянул о его католичестве, то только потому, что при том крайнем направлении православия, которое ныне царствует при дворе, казалось бы довольно странным, что гофмаршал двора — католик, а министр двора, барон Фредерикс, тоже весьма почтенный человек, — лютеранин. Когда приходится бывать на богослужении, то очень странно видеть, что эти два лица, занимающие при дворе такие высокие посты, стоят, как истуканы в то время, когда все остальные крестятся. Это, конечно, несколько не мешает их достоинству, но находится в полной дисгармонии с тем крайним внешнеправославным направлением, которое внедрилось наверху после 1905 г., т. е. после революционной смуты.

При государе императоре Александре III еще в то время, когда я не был министром, играл роль генерал Зиновьев. Насколько мне приходилось слышать, он играл довольно большую роль. Причиной этому было то, что он состоял управителем дворцовой части еще когда император Александр III был наследником. Впоследствии, когда наследник Александр Александрович вступил на престол, Зиновьев остался при нем, был с ним очень близок, но вскоре умер. Зиновьев этот был очень воспитанный, светский человек, но он мог иметь значение только как управитель хозяйственной частью дома, как гофмаршал (хотя при императоре Александре III он не был гофмаршалом).

Я помню Зиновьева на Кавказе в той же самой роли, когда он служил там при наместнике князе Барятинском; у князя Барятинского он управлял его двором, конюшнями и пр. Я видел его на балах князя Барятинского, когда я еще был мальчиком и когда мне приходилось с хор смотреть на эти балы.

Впоследствии, когда я жил в Боржоме и туда приезжал князь Барятинский, то я опять видел Зиновьева, который заведовал его двором, конюшнями и т. д.

Затем, когда Барятинский совсем ушел от активной государственной службы, то близкие к нему лица, как,

например, Воронцов-Дашков, а в том числе и Зиновьев, были Барятинским рекомендованы наследнику; вот тогда-то Зиновьев и занял то положение при наследнике, какое он занимал при фельдмаршале князе Барятинском.

Император Александр III, как я уже, кажется, и говорил, вследствие крайней скромности своей натуры ужасно не любил больших комнат, вообще комнат дворцовых, поэтому он так и не переехал в Зимний дворец и все свое царствование жил в Аничковском дворце, а затем в Гатчине. В этих дворцах он всегда занимал маленькие комнаты и жил совершенно просто. Дворцовую роскошь император Александр III всегда переносил только как показную, искал же он всегда совсем другой жизни и устраивал себе такую жизнь и во дворцах.

Несомненно, император Александр III был человек чрезвычайно мужественный. Я не могу сказать — храбрый, а именно мужественный. Во всяком случае, он вообще совсем никогда не страшился смерти, а поэтому и не страшился тех явлений, которые могут повести к смерти.

Но у Александра III были некоторые странности; так, например, он был очень плохой верховой ездок и боялся лошадей: императрица же Мария Федоровна, напротив, была крайне храбрая, отлично ездила верхом и совсем не боялась лошадей.

В последние годы царствования, когда император значительно отучнел, шталмейстеру его, заведующему конюшней, было очень трудно достать государю соответствующую лошадь, на которой бы он чувствовал себя спокойно.

Это чувство осталось у государя до самой смерти. Я помню, еще за год или за два до смерти государя барон Фредерикс, который заведовал в то время всей шталмейстерской частью дворца, говорил мне и очень сетовал на то, что ему ужасно трудно достать соответствующую лошадь для императора и вообще уговорить его сесть верхом на какую-нибудь новую лошадь.

Во время царствования императора Александра III, когда я сделался министром (а это было в последние годы царствования Александра III), не было никаких царских приездов, т. е. никаких приездов иностранных коронованных особ, да и вообще во время царствования императора Александра III приезды коронованных особ были довольно редки.

Когда я был министром, то сюда приезжал эмир бухарский. Этого эмира бухарского, который в прошлом году умер, я знал ранее, потому что, когда я ездил с Вышнеградским в Среднюю Азию, о чем я ранее уже говорил, описывая эту поездку, то мы были и в Бухаре; тогда мы представлялись эмиру бухарскому, были в его дворце.

Затем при эмире бухарском его лейб-медиком был доктор Писаренко, этот Писаренко был ранее доктором запасного эскадрона Тверского полка, которым командовал мой брат. После же смерти моего брата Писаренко оставил эскадрон, попал как-то в Бухару, где и сделался лейб-медиком эмира бухарского. Когда эмир бухарский приезжал в Петербург, то Писаренко всегда бывал у меня.

В Бухаре (старой) мы с Вышнеградским были всего одни сутки. Город этот оставил впечатление чисто азиатского старинного города, со всеми старинными обычаями и нравами.

Я, например, видел там большую башню (она существует и до сих пор); за известные преступления человека поднимают на эту башню и оттуда кидают на площадь. Этого рода казни существовала еще в очень давние времена в азиатских странах.

Когда я был министром, в царствование императора Александра III, приезжал сюда персидский шах Наср-эдин. Этот шах был отцом того шаха, после смерти которого в Персии начались брожения, приведшие к теперешней полнейшей анархии. Брожения эти начались при сыне этого шаха. Сам он был выдающимся человеком, сын же его был человеком слабым, болезненным; он процарствовал несколько лет, а после него вступил, кажется, тоже его сын, который вследствие революции должен бы покинуть престол и теперь живет в Одессе.

В азиатских странах может поддерживать порядок только человек с резким, твердым и определенным характером, а так как последние два шаха, преемники того персидского шаха, который приезжал сюда во время царствования императора Александра III, были людьми слабохарактерными, то и водворилась разруха и смута, приведшие к той полной анархии, в которой Персия ныне пребывает.

Хотя тот шах, который приезжал, был, как я сказал, выдающимся, но он особыми манерами не обладал. Так, например, я помню, во время обеда он как-то раз полез в общее блюдо пальцами. Затем, когда подали спаржу, то он, вместо того чтобы взять к себе на тарелку спаржу, взял и ножиком (на общем блюде) отрезал все кончики спаржи и положил к себе на тарелку.

Кроме того, раз, когда он сидел рядом с императрицей Марией Федоровной, то вследствие какого-то разговора, которого я не слышал, он прямо полез в ее тарелку своей вилкой, и я видел, что он взял с тарелки императрицы что-то и положил себе в рот.

Из всех приездов в Петербург коронованных особ во время царствования императора Александра III наиболее нашумел приезд князя черногорского Николая.

Приезд этот был в первые годы царствования императора Александра III и нашумел он потому, что во время обеда Александр III провозгласил тост за «единственного моего друга князя черногорского».

В то время с первого раза это было понято так, что император Александр III наибольшее уважение из всех иностранных царственных особ отдает черногорскому князю Николаю, что, с одной стороны, весьма подняло черногорского князя, а с другой стороны, поставило в некоторое недоумение коронованных особ Европы.

Я думаю, что этот тост следовало бы толковать совершенно иначе, а именно, его следовало бы понимать в том смысле, что государь провозгласил его не бесцельно, провозгласил именно, чтобы показать, что ему никаких

ни с кем политических дружб не нужно, что он считает Россию настолько сильной и властной; что ни в каких поддержках ни от кого не нуждается; что он сам стоит на ногах и сам влияет на общемировую политику, ни от кого не зависит, а, напротив, те, которые желают соответствующего успеха в мировом концерте, должны желать и искать дружбы России и ее монарха, императора Александра III. Поэтому тост этот надо понимать в том смысле, что у меня есть единственный друг, конечно, друг политический, и этот друг князь черногорский, а известно, что Черногория является такой страной, которая по размерам и по количеству населения менее какого-нибудь малочисленного уезда одной из русских губерний.

Может быть, отчасти, провозглашая этот тост, император Александр III хотел отметить личность князя Николая, но я думаю, едва ли он был особо высокого мнения о нем в конце своего царствования, а если бы Александр III прожил до настоящего времени, то, я думаю, наверно, он об этом князе был бы не блистательного мнения, так как не подлежит сомнению, теперь это совершенно выяснилось, что князь Николай в своей политике держался всегда и нашим, и вашим; вообще был дружен с тем, кто ему что-нибудь давал, а потому он заигрывал и искал то при дворе австро-венгерском, то при русском, а в последнее время, с тех пор как выдал свою дочь за итальянского короля, он очень заискивает при дворе итальянском.

Когда ему нужно было демонстративно показывать свое ультраправославие и для того, чтобы показать свое особое православие, подчеркивать заблуждение католицизма, он это делал самым охотным образом; а потом, когда случайно наследный итальянский принц влюбился в его дочь и пожелал на ней жениться, то князь Николай, конечно, с громадной радостью на это согласился и не встретил никакого препятствия к тому, чтобы его дочь приняла сейчас же католичество.

Князь черногорский приезжал в Россию непременно с каким-нибудь проектом, а в результате всегда имел в виду получить себе в карман несколько сот тысяч рублей. Для этого он прибегал к несоответственным приемам, делал представления о том, что нужны деньги для такого-то военного дела, чтобы содержать такую-то военную часть,

все, конечно, на пользу России, на случай войны на Балканах, а в результате, — и это мне, как бывшему министру финансов, безусловно известно да, я думаю, относительно этого есть документы и в министерстве иностранных дел — большинство всех этих денег шло просто в его карман.

Вообще князь черногорский Николай — человек, заслуживающий чрезвычайно мало доверия, но он так себя поставил, что многих вводит в заблуждение своей преданностью различным принципам: славянству, России, православию; но все это, большей частью, из-за денег.

Мне об этом князе черногорском придется, вероятно, еще говорить, когда я буду рассказывать о различных событиях, которые мне пришлось видеть и пережить в царствование императора Николая II*).

Император Александр III был действительно главой царской семьи; он держал всех великих князей и великих княгинь в соответствующем положении; все его не только почитали, уважали, но и чрезвычайно боялись. Александр III был настоящим патриархом, главой императорской семьи; при нем были бы немыслимы в императорской семье различные эпизоды, происшедшие после его кончины.

Государь умом своего сердца понимал, что многочисленная императорская семья, состоящая из десятков лиц различных характеров и различной нравственности, должна служить своей частной, общественной и государственной жизнью примером для его подданных, так как несомненно, что каждая неловкая вещь, происшедшая в императорской или великокняжеской семье, делается известной публике и обществу и служит предметом всевозможных толков, преувеличений и легенд.

Император понимал, что от обыкновенных смертных нельзя требовать такого поведения, которому не следуют лица царствующего дома.

Так, например, когда я женился на разведенной жене, то жена моя не была принята при дворе более 10 лет, и это я считал совершенно естественным и совершенно пра-

*) См. т. 2 настоящего издания, стр. 263—267 и т. 3, стр. 490.—
Ред.

вильным, потому что в те времена вообще при дворе не допускалось представлений разведенных жен.

В те времена, которые были еще так недавно, сановник, женившийся на разведенной жене, составлял предмет общих толков и удивлений.

Я уже рассказывал ранее, при каких условиях я женился. Я понимал, когда я женился, что мне нельзя оставаться министром, а поэтому и послал императору Александру III прошение об отставке.

Но с тех пор со смерти императора Александра III картина совершенно изменилась. Женитьба сановников и лиц, занимающих высшие посты, на разведенных женах и взятие разводов для женитьбы есть самая обыкновенная вещь, которая иногда даже покровительствуется, и в самом царствующем доме великие князья и великие княгини подают в этом отношении самые удивительные примеры для общества.

Подобное состояние лиц царствующего дома и высшего общества при императоре Александре III было бы совершенно немыслимо. Замечательнее всего, что это делается именно в то время, когда сам император и его личная семья представляют собою образец семейной жизни; только многие члены царствующего дома вышли из всякой дисциплины и из понимания того положения, что они должны служить своим поведением примером для общества.

При императоре Александре III были бы немыслимы постоянные поездки великих князей за границу и тот образ их жизни за границей, который обращал на себя всеобщее внимание. Великий князь, который допустил бы это, получил бы такую встряску, что ему бы не поздоровилось, — ныне же это самое обыденное явление.

Одной из причин некоторого нерасположения со стороны императора Александра III к великим князьям Константину Николаевичу и Николаю Николаевичу было то, что эти великие князья обзавелись побочными семьями, побочными женами из балета, и с этими балетчицами они жили совершенно *maritalement*. Но, конечно, не одно это обстоятельство было причиной того, что император отно-

сил ся неблагоклонно к этим двум великим князьям, были и другие причины.

Великий князь Константин Николаевич был в свое время весьма либерального направления, и я должен сказать, что в этом направлении он оказал значительную пользу России, так как и освобождение крестьян и другие реформы императора Александра II связаны с именем его брата, великого князя Константина Николаевича.

Но тот же либерализм проявил великий князь Константин Николаевич и будучи наместником в Царстве Польском, и едва ли это наместничество его в Царстве Польском соответствовало интересам империи. Вот по этой причине император Александр III также не благоволил к Константину Николаевичу; но, конечно, если бы великий князь Константин Николаевич в семейном отношении вел себя достойно, то отношения между ним и императором Александром III так бы не обострились. Между тем великий князь Константин Николаевич ездил со своей танцовщицей Кузнецовой и по России и за границей совершенно *maritalement*, к чему, конечно, император Александр III относился вполне отрицательно; достаточно хоть немного знать императора Александра III, чтобы понять, что он этого терпеть не мог. Поэтому, несмотря на то, великий князь был гораздо старше его, был его дядей, он тем не менее не мог приезжать в Петербург, а проживал или за границей или в Ялте.

Только когда перед своей смертью великий князь приехал в Петербург и поселился в Павловске в настоящей своей семье — император Александр III, приехав к великому князю, отнесся к нему чрезвычайно благоклонно и почтительно, как к своему дяде. Тогда только, за несколько дней до смерти, великий князь понял всю доброту и честность государя и, мне известно, когда к нему подошел император, Константин Николаевич, уже не будучи в состоянии говорить, взял его руку и поцеловал в знак своего преклонения перед главой царской семьи.

Отношения императора Александра III к великому князю Николаю Николаевичу также несколько затемнялись тем, что когда император Александр III, еще будучи

наследником, командовал отдельным отрядом, находившимся под командой великого князя Николая Николаевича, то, командуя этим отрядом, он (т. е. император Александр III) относился критически не столько к распоряжениям великого князя Николая Николаевича, как к его свите и в особенности к различным злоупотреблениям, а между прочим, и к той компании — Грегер, Варшавский и Коген, — о которой я ранее уже говорил.

Но тем не менее эти деловые отношения не были главной причиной не особенно благожелательного отношения со стороны императора Александра III к великому князю Николаю Николаевичу. Главная же причина заключалась в том, что великий князь Николай Николаевич жил совершенно *maritalement* с танцовщицей Числовой. От этой танцовщицы он имел детей, которым была дана фамилия Николаевы. Из детей великого князя одна Николаева, очень красивая, по типу напоминавшая собой императора Николая I, замужем за князем Кантакузеном.

Великий князь Николай Николаевич очень побаивался императора Александра III; во время царствования императора Александра III он до самой своей смерти был не у дел.

Я уже имел случай говорить, что император Александр III также относился не особенно благосклонно и к супруге великого князя Николая Николаевича, великой княгине Александре Петровне, хотя эта великая княгиня была совершенно чиста сердцем и искренняя благотворительница. Не вполне благосклонное отношение императора Александра III к великой княгине происходило от того, что великая княгиня Александра Петровна держала себя довольно бестактно со священником Лебедевым, о чем я говорил ранее.

Как-то раз меня удивило следующее обстоятельство. Однажды, когда я пришел в пятницу к императору Александру III с одним из докладов, прием в это время еще не был кончен, я услышал такого рода разговор. Император Александр III спрашивал одного из представлявшихся.

— А что, в Биаррице много русских?

Это лицо (статский — кто это был, я не помню) ответило:

— Да, ваше величество, там есть довольно много русских и в том числе принц Георгий Лейхтенбергский.

Тогда император Александр III со свойственной ему несдержанностью в выражениях (что часто проявлялось и в его резолюциях) сказал этому господину:

— Что же, принц мочет свое поганое тело в волнах океана?

Меня очень удивила грубость этой фразы, и я не мог понять, почему она была сказана?

Я просил разъяснения у Черевина, который мне сказал, что император Александр III потому так относится к принцу Георгию, что тот, женившись на княжне черногорской, дочери черногорского князя Николая, продолжал жить со своей любовницей француженкой (с которой, между прочим, он живет и в настоящее время). Вот это-то обстоятельство и послужило причиной раздражительной фразы государя.

Кстати, говоря о Лейхтенбергских, я вспомнил, что, будучи министром финансов, я участвовал в решении одного семейного дела, касающегося Лейхтенбергских.

Старший Лейхтенбергский, Николай, был женат морганатическим браком на Акинфьевой. От этого морганатического брака он имел детей, а именно: двух сыновей, из которых один служит ныне в Преображенском полку и женат на графине Граббе, а другой, кажется, в Конногвардейском полку. Когда этот Николай Лейхтенбергский умер, то явился вопрос о майорате Лейхтенбергских, т. е. майорате великой княгини Марии Николаевны, сестры императора Александра II, которая была замужем за иностранным принцем, князем Лейхтенбергским. Жили они в так называемом Мариинском дворце, который ныне занимает Государственный совет.

Майорат этот достался старшему сыну Лейхтенбергского, Николаю, а затем, когда он умер, то братья его, Евгений и Георгий Лейхтенбергские *), заявили претензию на этот майорат.

*) Евгений был женат вторым браком на сестре знаменитого генерала Скобелева, а о Георгии Лейхтенбергском я говорил ранее.

Дело в том, что Евгений Лейхтенбергский был женат также морганатическим браком на Скобелевой, а, следовательно, в конце концов майорат этот должен был достаться Георгию Лейхтенбергскому и его детям, так как дети его — от принцессы крови.

Между тем принц Николай Лейхтенбергский, умирая, оставил императору просьбу о том, чтобы майорат был передан его детям.

Прежде всего, император Александр III согласно желанию умершего Николая Лейхтенбергского, дал его детям титул *в с о ч е с т в а* и признал их принцами Лейхтенбергскими, а затем по докладу министра двора графа Воронцова-Дашкова было предreshено, чтобы майорат из драгоценных камней и главным образом из бриллиантов остался семье принца Николая Лейхтенбергского.

Тогда еще был жив брат Николая Лейхтенбергского, Евгений Лейхтенбергский, который считал, что это решение неправильно, что имущество должно достаться ему.

Было подано государю прошение о том, что имущество это должно перейти к нему (т. е. к Евгению Лейхтенбергскому), а после его смерти — к брату его, Георгию.

Вследствие этого императору Александру III было угодно назначить комиссию, для того чтобы рассмотреть это дело. В этой комиссии участвовали: граф Воронцов-Дашков — министр двора, обер-прокурор святейшего синода Константин Петрович Победоносцев, я как министр финансов и бывший в то время министром юстиции Николай Валерианович Муравьев.

Мы решили, что имущество это должно остаться в семье Николая Лейхтенбергского, так как его сыновья признаны императором Александром III герцогами Лейхтенбергскими, а затем еще и по следующим основаниям.

В России майората так сказать «драгоценных камней» — такого майората по закону не существовало и не существует. Этот майорат признавался не в силу существующих законов, а в силу высочайшего повеления императора Александра II. По нашим гражданским законам такого майората существовать не может; следовательно, если дело довести до суда и, если император в это дело не будет вмешиваться, то тогда суд, несомненно, признает, что это имущество принадлежит сыновьям принца Николая, по-

тому что такого рода майоратного имущества, как я уже сказал, по русскому закону не существует, а поэтому на основании общих законов дело будет решено в пользу, как это удостоверил и министр юстиции и К. П. Победоносцев, наследников Николая Лейхтенбергского.

Затем самый этот майорат в семействе Лейхтенбергских был признан императором Александром II. Но признание этого майората — этот акт царя — это дело семейного порядка, а поэтому, если император Александр III считает, что этот майорат, как акт семейного порядка, должен быть почему-либо уничтожен, то препятствий к этому в гражданских законах не существует и быть не может.

Государь это решение комиссии утвердил, и имущество это перешло к сыновьям Николая Лейхтенбергского.

Спрашивается, почему Александр III отнесся так благосклонно к принцу Николаю Лейхтенбергскому и несколько неблагосклонно к другим его братьям?

Мне это было разъяснено следующим образом.

Великая княгиня Мария Николаевна жила со своим мужем в хороших отношениях только первое время, по мнению двора и по мнению Александра III, Николай Лейхтенбергский и принцесса Евгения Лейхтенбергская (которая замужем за принцем Ольденбургским) — они действительно дети принца Лейхтенбергского; что же касается двух остальных братьев, то они в отношении природного родства с Лейхтенбергским находятся под знаком сомнения; в особенности это относится к Георгию Лейхтенбергскому, который считался сыном Строганова, а известно, что Мария Николаевна, после смерти своего мужа, сейчас же вышла замуж за Строганова, очень красивого мужчину.

С другой стороны, государь не особенно благоволил к Георгию Лейхтенбергскому вследствие его семейного поведения, а к Евгению, за то, что он был легкомыслен, и жена его вела себя также не особенно достойно: она большей частью всюду показывалась с великим князем Алексеем Александровичем, а не со своим мужем.

Вообще всякая такая некорректность в царской семье сейчас же шокировала императора Александра III и всегда служила главной причиной неблаговоления государя к тому или другому члену царского дома.

К принцу же Николаю Лейхтенбергскому император относился благосклонно именно потому, что хотя он был женат морганатическим браком, но в семейном отношении он держал себя безукоризненно.

Сам император Александр III, как я уже говорил, вел образцовую семейную жизнь; семейство его могло служить образцом благочестивой русской семейной жизни.

Старший сын императора Александра III, Николай — ныне благополучно царствующий император; второй сын — Георгий, умерший от чахотки на Кавказе (в Абастумане). Затем великая княгиня Ксения Александровна и великая княгиня Ольга Александровна. (Кажется, был еще один ребенок, который вскоре умер.)

При жизни император Александр III выдал замуж свою старшую дочь, Ксению Александровну, за великого князя Александра Михайловича. Государь император очень любил отца Александра Михайловича, Михаила Николаевича, своего дядю; это был единственный из его дядей, к которому он относился вполне благосклонно и любовно, главным образом именно потому, что великий князь Михаил Николаевич был образцового поведения как в семейной жизни, так и вообще, как великий князь.

Но к сыновьям его, к детям великого князя Михаила Николаевича, император Александр III относился уже не так благосклонно; к жене великого князя, великой княгине Ольге Федоровне, император также относился не вполне благосклонно, вероятно потому, что, во-первых, великая княгиня Ольга Федоровна не была вполне образцовой супругой, а затем, во-вторых, главным образом потому, что она имела еврейский тип, ибо, как это известно в Бадене, она находилась в довольно близком родстве с одним из еврейских банкиров в Карлсруэ.

Этот еврейский тип, а пожалуй, и еврейский характер в значительной степени перешел и к некоторым из ее детей.

Однажды император Александр III, обратясь ко мне, говорит:

— Вы вчера видели детейзонов? (император произнес одну еврейскую фамилию). Я не понял, о каких детях с еврейским именем он мне говорит.

После мне объяснили, что он мне говорил о некоторых из Михайловичей.

Великий князь Александр Михайлович был очень красивый молодой человек; он и до сих пор красивый мужчина, несколько еврейского, хотя и красивого типа.

Я должен сказать, что, сталкиваясь с ним в моей государственной деятельности, я убедился, что у него не только внешний тип еврейский, но что он обладает, кроме того, вообще отрицательными сторонами еврейского характера. Я говорю «отрицательными сторонами», так как я не принадлежу к тем, которые считают евреев не людьми, а нахожу, что и в еврейском характере есть очень много хороших черт и что, конечно, и среди евреев есть очень много людей вполне достойных.

Но великая княгиня Ксения Александровна была страшно влюблена в великого князя Александра Михайловича и в конце концов император Александр III выдал ее замуж за Александра Михайловича, хотя он очень не любил этого великого князя.

Когда великий князь Александр Михайлович был еще женихом, как-то раз он поехал с государем в шхеры *).

Во время этой поездки что-то случилось с ванной императора Александра III, и великий князь Александр Михайлович предложил ему свою гуттаперчевую ванну. Выкупавшись в этой ванне, государь ее очень хвалил, и великий князь Александр Михайлович сказал, «что наконец хоть что-нибудь император нашел у него хорошего!»

В первый раз он похвалил хоть ванну Александра Михайловича, так как до этого времени ко всему, что касалось великого князя, Александр III всегда относился критически, всегда все ему не нравилось.

Я думаю, что император Александр III, как я уже говорил, умом своего сердца предвидел и понимал, что великий князь Александр Михайлович все-таки не такой великий князь, какой был бы желателен для дочери такого императора, как Александр III.

Затем, перед самой своей смертью, император Александр III женил наследника престола.

*) Александр III всегда летом ездил в шхеры и останавливался около берегов Финляндии, причем финны всегда и всюду его очень добродушно встречали и весьма почитали как его, так и его супругу, императрицу Марию Федоровну.

Нынешняя императрица Александра Федоровна, дармштадтская великая княгиня А л и с а, несколько лет ранее приезжала в Россию как одна из великих княжен, которая может быть невестой будущего русского императора. Но, как кажется, она тогда успеха не имела; будущему же императору Николаю II она, по-видимому, нравилась, и поэтому через несколько лет, перед самой смертью императора Александра III, женитьба эта состоялась.

Великого князя Георгия Александровича я совсем не знал.

Будущего императора Николая II я знал, когда он был наследником; имел с ним дела, когда он был председателем комитета Сибирской дороги, о чем я скажу несколько слов после.

Великую княгиню Ксению Александровну я помню, когда она была еще девочкой-подростком.

Я помню, мне пришлось с нею как-то завтракать за отдельным столом; завтрак был чисто семейный, посторонних было очень мало. Помню, что великая княжна Ксения Александровна стеснялась и не знала, о чем со мною говорить. Мне было очень трудно наводить ее хоть на какой-нибудь разговор. Про эту великую княжну, нынешнюю великую княгиню, ничего, кроме самого хорошего, сказать нельзя. Она женщина безусловно образцовая во всех отношениях.

Больше всех император Александр III любил своего сына, Михаила Александровича.

Почему человек любит того или другого, — это тайна души, а потому трудно было бы объяснить, почему император Александр III больше всего любил своего Мишу. Но факт тот, что он его любил больше всех.

Все дети императора Александра III, не скажу, чтобы боялись отца — нет, но стеснялись перед ним, чувствуя его авторитет.

Михаил Александрович был чуть ли не единственным, кто держал себя с отцом совершенно свободно.

Как-то раз, когда я приезжал в Гатчину, камердинер Михаила Александровича рассказывал мне, что вот какого рода история случилась.

Император Александр III утром очень любил ходить гулять со своим Мишей и во время прогулок он с ним играл.

Вот как-то они проходили около цветов, которые садовник поливал водопроводным рукавом. Неизвестно почему, вероятно, Михаил Александрович лез в воду, не слушался императора, но кончилось тем, что император Александр III взял этот рукав — это было летом — и окатил Михаила Александровича водой из рукава. Затем они вернулись домой, Мишу сейчас же переодели.

— Затем, — рассказывал мне камердинер, — после завтрака император обыкновенно занимался у себя, так и в этот раз. Он занимался в своих комнатах, которые как раз находились внизу, под комнатами, в которых жил Михаил Александрович.

В перерывы между занятиями император Александр III несколько высунулся за окошко, оперся на локти и так стоял и смотрел в окно.

Михаил Александрович это заметил, сейчас же взял целый рукомойник воды и всю эту воду вылил на голову государя.

Ну, с императором Александром III сделать безнаказанно такую штуку мог только его Миша, потому что, если бы это сделал кто-нибудь другой, то ему здорово бы досталось.

Когда я сделался министром путей сообщения в феврале 1892 г., то во время одного из моих первых докладов император Александр III высказал мне свое желание, свою мечту, чтобы была выстроена железная дорога из Европейской России до Владивостока. Мысль эта глубоко засела у императора Александра III, и еще до моего назначения министром он постоянно толковал о сооружении этой дороги. Как известно, когда цесаревич Николай, нынешний император, совершил путешествие на Дальний Восток, то он заложил 19 мая 1891 г. там начало Уссурийской железной дороги, идущей из Владивостока в Хабаровск, так как в те времена не предполагали, чтобы Великий Сибирский путь прошел через китайскую территорию, т. е. прошел бы прямым путем из Иркутска во Владивосток.

Император Александр III мне как бы жаловался на то, что вот, несмотря на все его усилия в течение 10 лет,

он все время встречается со стороны министров, в Комитете министров и в Государственном совете затруднения в быстром исполнении этой мысли. Он взял с меня как бы слово, что я эту мысль приведу в исполнение.

Поэтому, когда я был министром путей сообщения и затем, когда я сделался 30 августа 1892 г. министром финансов как во время царствования императора Александра III, так и после его царствования, я усердно проводил эту мысль о сооружении Великого Сибирского пути, и насколько прежние министры задерживали это предприятие, настолько я, памятуя заветы императора Александра III, старался, как можно быстрее, осуществить этот путь.

К сожалению, его все-таки не удалось окончить в царствование императора Александра III, и соединение Владивостока с Москвою посредством этого Великого Сибирского пути совершилось уже в царствование императора Николая II.

Я не преувеличу, если скажу, что это великое предприятие было совершено благодаря моей энергии, конечно поддержанной сначала императором Александром III, а потом императором Николаем II.

Вообще же эта идея не встречала особенного сочувствия в высших государственных сферах. Мне удалось особенно быстро двинуть это дело, когда я сделался министром финансов, после того как я пробыл министром путей сообщения в течение 7—8 месяцев, так как для того, чтобы построить такую дорогу, главное что было нужно, — это деньги, и если бы я оставался министром путей сообщения, то всегда встречал бы известную задержку у министра финансов.

Сделавшись же министром финансов и имея, с одной стороны, повеление государя и завет его совершить это великое дело, довести его до конца, я, конечно, отдался этому делу всей душой и все средства, которые только я мог давать на это дело, я давал.

После смерти императора Александра III мне помогло в этом деле следующее обстоятельство, а именно, что этим делом я очень заинтересовал императора Николая II еще в то время, когда он, будучи наследником, совершенно еще молодым человеком, никакими вообще государственными делами не занимался.

Чтобы двинуть дело (постройки) Сибирской дороги, когда я сделался министром финансов, я решил, что надо образовать особый комитет Сибирской железной дороги, комитет, который имел бы значительные полномочия, для того чтобы избегать всяких проволочек по различным сношениям с министрами и затем различных затруднений как в Комитете министров, так и в Государственном совете; чтобы этот комитет был снабжен не только полномочиями по вопросам, касающимся управления постройки дороги, но и по решениям, касающимся постройки, законодательного свойства.

Вот эту мысль об устройстве такого комитета я провел в особой высшей комиссии, которая была по данному предмету основана.

Когда император Александр III утвердил эту мысль, то я имел с ним следующий знаменательный разговор в Аничковском дворце.

Я пришел к императору в обыденный день, т. е. в пятницу, когда обыкновенно я делал доклады императору. Он благодарил меня за то, что я вопрос сооружения Великого Сибирского пути двигаю быстро, и затем спросил меня:

— Кого, вы думаете, следует назначить председателем этого комитета? Дурново Иван Николаевич (который был в то время министром внутренних дел) мне советует назначить на место председателя Александра Аггеевича Абазу (это тот самый Абаза, о котором я уже рассказывал). Но, — продолжал государь, — мне очень противно назначить председателем Абазу, хотя я и знаю, что вообще Абаза — человек умный и энергичный. Может быть, вы мне укажете кого-либо, чтобы назначить на этот пост?

Я говорю императору:

— Если вам угодно выслушать мое мнение, то я бы на этот пост назначил наследника цесаревича. — Государь император был очень удивлен.

— Как? — спрашивает, — да вы, — говорит, — скажите, пожалуйста, вы знаете наследника цесаревича?

Я говорю:

— Как же, ваше величество, я могу не знать наследника цесаревича?

— Да, но вы с ним когда-нибудь о чем-нибудь серьезном разговаривали?

Я говорю:

— Нет, ваше величество, я никогда не имел счастья о чем-нибудь говорить с наследником.

— Да ведь он,— говорит,— совсем мальчик; у него совсем детские суждения: как же он может быть председателем комитета?

Я говорю императору:

— Да, ваше величество, он молодой человек и, как все молодые люди, может быть, он серьезно еще о государственных делах и не думал. Но ведь если вы, ваше величество, не начнете его приучать к государственным делам, то он никогда к этому и не приучится.

(Так обыкновенно всегда делали, чтобы приучить наследников к государственным делам: 1) они присутствовали при докладах министров государю, а затем 2) занимали выдающиеся государственные посты и, таким образом, приучались к делам).

— Для наследника цесаревича,— сказал я,— это будет первая начальная школа для ведения государственных дел. Так как,— говорю,— ваше величество говорите, что наследник совсем не опытен, то назначьте вице-председателем сибирского комитета председателя Комитета министров Бунге (который был преподавателем у наследника цесаревича), и так как Бунге был преподавателем наследника цесаревича, то между ними установились такие отношения, что наследник не будет обижаться, если Бунге ранее будет ему докладывать дела и до известной степени его направлять, как вести дело.

На это мне император сказал:

— Ваша мысль,— говорит,— так мне нова, что я ранее об этом совсем не думал, а поэтому сейчас я решить не могу. Я,— говорит,— об этом сначала подумаю.

При следующем докладе, когда я явился к императору, он мне сказал:

— Я,— говорит,— вас послушался. Я,— говорит,— решил так: наследника я назначил председателем комитета, а Бунге Николая Христиановича — вице-председателем.

Я говорю, что эта моя мысль была чрезвычайно счастлива, потому что наследник цесаревич очень увлекся этим назначением, принял его близко к сердцу; когда он сде-

лался императором, то сохранил за собою звание председателя сибирского комитета и все время интересовался этим делом. Конечно, благодаря этому я и мог так быстро подвинуть дело Сибирской дороги, так что этот Великий Сибирский путь был в течение нескольких лет совершенно устроен и Петербург или, иначе говоря, Париж соединился с Владивостоком прямым железнодорожным путем.

Я должен сказать, что когда наследник стал председателем комитета, то уже через несколько заседаний было заметно, что он овладел положением председателя, что, впрочем, нисколько не удивительно, так как император Николай II — человек, несомненно, очень быстрого ума и быстрых способностей; он вообще все быстро схватывает и все быстро понимает. Как я уже имел случай говорить, в этом отношении, по своим способностям, он стоит гораздо выше своего августейшего отца. Его августейший отец отличался совсем другими способностями, которые делали его великим императором.

Когда впоследствии мне приходилось слышать критику действий императора Николая II в первые годы вступления его на престол, то мне часто приходила мысль о том, что многие неправильные шаги и действия, которые были сделаны императором, весьма объяснимы его неопытностью. Ведь не нужно забывать, что цесаревич Николай сделался императором Николаем через год или полтора после того как августейший его отец, который его очень любил, сам сказал мне, что его августейший сын — еще мальчик и никакими государственными делами не занимается или, по крайней мере, самостоятельно никакие государственные дела вести не может.

Я рассказал о том, каким образом наследник цесаревич сделался председателем комитета Великого Сибирского пути, и что это назначение было гарантией осуществления Великого Сибирского пути в сравнительно незначительный срок, ибо наследник цесаревич, сделавшийся в самое непродолжительное время императором, оставил за собою председательство в комитете Сибирской железной дороги, а так как в то время монархия была неограниченная, то, само собою разумеется, решения сибирского комитета

имели значение законов, так как, вернее говоря, в тех случаях, когда надо было обращаться в законодательное учреждение, а именно в Государственный совет, вопросы уже заранее были предreshены государем императором.

Наследник тем охотнее предался своей роли председателя сибирского комитета, что вообще Дальний Восток как будто бы был судьбой связан с личностью цесаревича, а затем и императора Николая. Здесь какой-то фатум.

Когда цесаревич Николай достигал совершеннолетия, то явился вопрос о путешествии его за границу для большего политического развития, и тут явилась у императора Александра III мысль, можно сказать, фатальная — отправить его высочество наследника цесаревича на Дальний Восток.

По моему мнению, эта поездка наложила на будущего императора известную тенденцию, которая фатально отразилась на всем его царствовании, по крайней мере постольку, поскольку мы об этом можем говорить в настоящее время, в 1911 году.

Наследник цесаревич совершил это путешествие со своим братом Георгием. Брат наследника Георгий был слабогрудый юноша; во время же этого путешествия чахотка явно в нем проявилась, произошло ли это от простуды или от другой какой-нибудь неосторожности, я не знаю, но в конце концов Георгий, будущий цесаревич, должен был вернуться из этого путешествия, не докончив его, и затем до самой своей смерти должен был жить на Кавказе, где в Абастумане он, будучи уже цесаревичем, и скончался.

Затем с наследником цесаревичем ездил принц Георгий греческий, молодой человек, наиболее склонный к таким действиям, которые не могут служить образцом для великих князей и принцев.

Сам наследник и вся эта экспедиция была вверена генералу свиты его величества князю Барятинскому (в настоящее время князь Барятинский — генерал-адъютант; он еще жив, но разбит параличем и состоит при императрице Марии Федоровне). Это не дурной, но вполне ничтожный человек, потому он не мог нравственно руководить молодыми великими князьями.

Затем, с ними было несколько молодых людей, очень порядочных, но эти молодые люди уже по самому своему

положению не могли представлять собою никакого авторитета. Эти молодые люди были: молодой конно-гвардейский офицер князь Николай Дмитриевич Оболенский; затем кавалергардский офицер князь Кочубей и офицер лейб-гусарского полка Волков.

Из этих лиц князь Николай Дмитриевич Оболенский в чине генерала свиты его величества состоит при императрице Марии Федоровне — это одно из лиц ей наиболее приближенных; он человек замечательной порядочности и нравственной чистоты.

Другой, князь Кочубей, — генерал-адъютант и начальник главного управления уделов.

Волков состоит начальником кабинета его величества в чине генерала свиты его величества.

Кроме этих трех военных, с наследником ездил князь Ухтомский, также человек весьма порядочный, ныне он редактор-издатель «С.-Петербургских ведомостей». Этот князь Ухтомский описал все путешествие наследника цесаревича на Дальний Восток. Это сочинение представляет собою большой интересный том, хорошо изданный, и изданный после цензуры самого императора Николая II, бывшего тогда еще наследником.

Всякий, кто хочет познакомиться с внешней стороной всего этого путешествия, должен обратиться к книге князя Ухтомского, но я говорю, конечно, о внешней стороне, потому что все официозные издания под цензурой того высочайшего лица, путешествия которого описываются, конечно, не могут заключать в себе вещей, содержание которых, может быть, и составляет самую интересную часть путешествия, но которые не предназначаются вообще для печати.

Фатальность этого путешествия, по-моему, заключается в следующем: известно, что когда наследник приехал в Японию, то какой-то изувер японец Ва-цу ранил наследника, ударив пашкой по голове, причем, как мне пришлось слышать от очевидцев, само ранение сопровождалось с внешней стороны не особенно картинными действиями, т. е. такими, которые не могли бы увлечь зрителей симпатиями в ту или другую сторону, если бы разыгравшаяся драма давалась для зрителей.

Этот инцидент весьма тягостно отразился в Петер-

бурге; он очень сильно подействовал на императора Александра III и не менее тягостно, что вполне естественно, подействовал и на наследника. Мне представляется, что это событие вызвало в душе будущего императора отрицательное отношение к Японии, т. е. я хочу сказать, что этот удар шашкой японского изувера, нанесенный в голову молодому цесаревичу, конечно, неблагоприятно повлиял на его впечатления о Японии и о японцах, в частности.

Поэтому понятно, что император Николай, когда вступил на престол, не мог относиться к японцам особенно доброжелательно, и когда явились лица, которые начали представлять Японию и японцев, как нацию крайне антипатичную, ничтожную и слабую, то этот взгляд на Японию с особой легкостью воспринимался императором, а потому император всегда относился к японцам презрительно.

Когда началась последняя ужасная и несчастная война, то в архивах всех министерств можно было найти официальные доклады с высочайшими надписями, в которых император называет японцев «макаками».

Если бы не было такого мнения о японцах, как о нации антипатичной, ничтожной и бессильной, которая может быть уничтожена одним щелчком российского гиганта, то, вероятно, мы бы не начали эту позорную политику на Дальнем Востоке, не заявили бы, что мы должны иметь верховенство в Тихом океане, не захватили бы Порт-Артур, не втюрились бы в эту войну и не пережили бы всех тех ужасов, которые мы переживали как во время войны, так еще больше как ее последствия.

Говоря о последствиях этой войны, нужно сказать, что последствия эти, хотя, может быть, несколько отдаленные, еще далеко не кончились, и тот толчок, который дала эта война, еще в будущем будет иметь большие последствия.

Затем все путешествие в той обстановке, в которой оно было совершено, — это было путешествие наследника величайшего в мире престола, будущего императора величайшей империи в мире, — обставленное, естественно, особым блеском и особой фееричностью, не могло, конечно, не оставить глубокого следа на впечатлительной натуре молодого цесаревича.

Наконец, поездка из Владивостока через всю Сибирь на почтовых, конечно, тоже не могла не произвести реального впечатления величия той роли, которая богом предназначена для молодого наследника, будущего императора.

Поэтому, естественно, все это вместе в мировоззрении молодого цесаревича не могло не занять своего места среди других впечатлений, которые должны были найти приют в сердце и уме цесаревича. Он гораздо более склонял свою голову, свой ум и свои чувства в направлении к Востоку и притом к Востоку Дальнему, нежели к Востоку Ближнему и к Западу.

Вследствие этого, можно сказать, поездка его на Дальний Восток в известной степени, как бы предрешила и характер всего его царствования. Вот почему я говорю, что поездка эта была фатальна.

Мне приходилось часто слышать, что император Александр III сделал ошибку, послав наследника престола на Дальний Восток, вместо того чтобы организовать путешествие по Европейской России, дабы наследник ближе познакомился с Европейской Россией, а также с Западом и ближайшими к нам странами.

Когда молодой цесаревич неожиданно сделался императором вследствие преждевременной смерти императора Александра III, то естественно полагать, что в душе его неоднократно рождалась мысль о дальнейшем расширении великой Российской империи в направлении к Дальнему Востоку, о подчинении китайского богдыхана, подобно бухарскому эмиру, и чуть ли не о приобщении к титулу русского императора дальнейших титулов, например: богдыхан китайский, микадо японский и пр., и пр.

Но я думаю, что если император Александр III и сделал ошибку, послав своего сына прежде всего путешествовать на Дальний Восток, то эта ошибка уж не была такой большой, так как надо иметь в виду, что в то время, несомненно, император не думал о близкой своей смерти — его волюе здоровье не давало к тому никаких поводов.

Наследник цесаревич председательствовал в сибирском комитете очень недурно, во всяком случае относился к своим обязанностям весьма внимательно.

Я не знаю, имел ли на него в этом смысле какое-нибудь влияние вице-председатель этого комитета Николай Христанович Бунге, но факт тот, что сам наследник всегда знал те дела, которые в комитете обсуждались.

Я не стану, конечно, здесь говорить о всех более или менее крупных вопросах, которые обсуждались в сибирском комитете, тем более, что мне, вероятно, придется говорить о некоторых из этих вопросов впоследствии, когда я буду рассказывать о царствовании императора Николая II, но я не могу не припомнить одного весьма интересного факта. Факт этот интересен в том отношении, что это было так недавно, еще не прошло с того времени и 20 лет, а между тем теперь кажется совершенно невероятным, что в конце прошлого XIX столетия могли быть возбуждаемы такие вопросы, которые, собственно, могли возникать лишь в средние века *).

Я возбудил и старался двинуть вопрос об организации переселения из Европейской России в Сибирь по мере сооружения Сибирской дороги.

Вопрос этот был поставлен мною в записке, которая, как я уже раньше рассказывал, обсуждалась в особом совещании, как вопрос о с н о в н о й.

Совещание пришло к решению о планомерном сооружении Сибирской дороги и об организации для этого сибирского комитета.

В моих понятиях устройство Великого Сибирского пути неразрывно связывалось с вопросом о переселении. Этим путем, с одной стороны, разрежалось население в Европейской России и там (в Европейской России) являлось больше свободы для земельного быта крестьян, а с другой стороны — этим оживлялась великая наша сибирская окраина; затем благодаря переселению можно было надеяться на то, что Сибирский путь в близком будущем сам себя будет окупать.

Между тем мысль о переселении не только не встретила сочувствия, но встретила скрытое противодействие. Противодействие это основывалось на крепостнических чувствах и идеях.

Многие из наших влиятельных частных землевладельцев-дворян и их ставленники в бюрократическом мире

* См. т. 2 настоящего издания, стр. 511.— *Ред.*

Петербурга, а прежде всего министр внутренних дел Иван Николаевич Дурново, считали эту меру вредной. Они утверждали, что мера эта может иметь дурные политические последствия, а, в сущности говоря, при откровенном разговоре и суждениях об этом деле ясно выражалась крепостническая мысль, а именно: если крестьяне будут выселяться, то земля не будет увеличиваться в цене, потому что известно, что чем больше количество населения, тем более увеличиваются и цены на землю; это, с одной стороны, неудобно, невыгодно для частных землевладельцев, потому что рост ценности на землю, если и будет, то будет меньше; а с другой — рабочих рук будет меньше, а поэтому и за обработку земли придется платить больше. А желательно, чтобы не помещик искал рабочих, а рабочие умирали с голоду от неимения работы, тогда рабочие руки будут гораздо дешевле, а потому и лучше.

Поэтому в одном из заседаний сибирского комитета, вскоре после его открытия, вопрос о том, желательно ли для общегосударственных интересов переселение крестьян из Европейской России в Сибирь или нежелательно, был поставлен во всем объеме принципиально.

И несмотря на возражения, и не столько возражения, сколько вообще желание вопрос этот похоронить, проявленное со стороны некоторых членов сибирского комитета во главе с министром внутренних дел Дурново, возражавших против моей мысли о том, что эта мера благая, благодаря поддержке Бунге эта моя идея получила апробацию сибирского комитета и прежде всего его председателя — наследника цесаревича.

В этом заседании наследнику цесаревичу, будущему императору Николаю II, в первый раз пришлось определенно высказаться по большому политическому вопросу и высказаться в том смысле, который в те времена почитался либеральным, и даже более — в те времена такая моя идея почиталась революционной; точно так же, как в 1905 г., да и до настоящего времени, моя идея о необходимости перемены государственного строя на началах 17 октября, или, попросту говоря, манифест 17 октября дал мне в глазах всех патриотов аттестацию революционера.

Теперь уже не составляет вопроса: есть ли переселение крестьян из Европейской России в Сибирь благо или нет? Я думаю, многие были бы удивлены, узнав, что еще 18 лет тому назад это считалось вредом, и правительство принимало все меры в административном порядке, для того чтобы крестьяне были пригвождены к своей земле, чтобы население там, где оно скучено, увеличивалось еще более для увеличения цен на землю и главным образом для того, чтобы ценность рабочего труда была низка.

Император Александр III, конечно, утвердил журнал сибирского комитета, в котором была выражена идея о полезности переселения для общегосударственных интересов и идея о вреде искусственного затруднения этого переселения.

Император Александр III был очень набожный, православный человек, но это не мешало ему быть в некоторых случаях и очень строгим даже и с высшей иерархией.

Я помню такой инцидент: хоронили великую княгиню Екатерину Михайловну, дочь великого князя Михаила Павловича, жену принца Мекленбургского (обладательницу Михайловского дворца); процессия вышла из Михайловского дворца и пошла в Петропавловский собор; певчие, как обыкновенно, конечно, шли раньше гроба, перед духовенством, потом шло духовенство, а затем катафалк; за катафалком все время шел пешком император Александр III, свита, высшие лица, между прочими, и я как министр.

Когда мы вошли в Петропавловскую крепость, то, подходя к собору Петропавловской крепости, духовенство и певчие остановились около собора, и вдруг я вижу, что у певчих крайне засаленные и замаранные одеяния, на что обратил внимание и император, которого это ужасно покоробило.

Когда митрополит (а в то время митрополитом был Палладий) отслужил литию и должен был входить в собор, император подошел к Палладию и сказал ему:

— Посмотрите, владыко, как певчие одеты, — ведь это просто постыдно.

Этот бедный старец, Палладий, весь затрясся.

Император Александр III, хотя и относился к великой княгине Екатерине Михайловне очень благосклонно, но, тем не менее, он был очень гневен на К. П. Победоносцева за следующий случай.

Когда великая княгиня Екатерина Михайловна умерла, то она оставила завещание, которое составлял Победоносцев. Между прочим, в этом завещании было написано, что великая княгиня оставляет Михайловский дворец старшему сыну (или, кажется, сыновьям).

Великая княгиня жила в Михайловском дворце, потому что этот дворец принадлежал ее отцу, но, собственно говоря, этот дворец — императорский, принадлежащий вообще царскому дому; великая княгиня имела только право в нем жить, но дворец этот ей не принадлежал. По праву же, если можно так выразиться, «давности», так как великая княгиня давно уже в нем жила и была особенно всеми уважаема, и так как в составлении этого завещания участвовал К. П. Победоносцев, с которым она была в очень хороших отношениях, т. е. Победоносцев был близок с ее семейством, то в этом завещании был помещен пункт, что дворец она оставляет своим сыновьям (кажется, сыновьям, а не сыну).

Когда великая княгиня Екатерина Михайловна была уже на смертном одре, перед смертью она просила к себе приехать императора Александра III. И вот, будучи уже совсем больной, лежа, она сказала ему, что скоро она умрет, что у нее составлено завещание и что она просит императора это завещание утвердить.

Император поинтересовался узнать: кто составил завещание?

Великая княгиня ответила, что составлял К. П. Победоносцев; так как император доверял Победоносцеву (который был юрист, профессор гражданского права), он, не читая из корректности завещания, прямо его подписал.

Впоследствии, когда великая княгиня умерла и оказалось, что дворец, принадлежащий императорскому дому, должен перейти этим принцам, католикам или лютеранам (из которых один в прошлом году умер, а другой в настоящее время, будучи генералом от артиллерии, командует какой-то артиллерийской бригадой), то государь был очень

возмущен тем, что императорский дворец перешел к этим принцам.

Как-то раз я имел разговор с императором, и он сказал мне, что ему очень неприятно, что этот исторический дворец, который принадлежит императорскому дому, перешел по какому-то недоразумению в руки этих принцев. Государь сказал, что его подвел К. П. Победоносцев и что он очень желает, чтобы этот дворец был все-таки выкуплен, а поэтому просил меня войти как-нибудь в переговоры относительно выкупа Михайловского дворца.

Раз уже завещание подписано, он не хочет его переменивать, так как сам его утвердил, но вообще, — говорил государь, — он очень недоволен Победоносцевым и был бы очень рад, если бы мне удалось как-нибудь этот дворец выкупить, причем сказал, что если в этом дворце никто из императорского семейства не будет жить, то, может быть, можно будет устроить там Ксенинский институт, т. е. институт имени его дочери Ксении Александровны.

Это был просто разговор. Затем вскоре император умер.

Но мысль эта, это желание императора Александра III у меня запало в сердце, и я как-то раз, когда император Николай II вступил на престол, говорил с ним об этом.

Из слов императора Николая II я увидел, что и он точно так же слышал о том, что его покойный отец был недоволен тем, что Михайловский дворец перешел в руки принцев. Я рассказал ему весь разговор с его батюшкой, рассказал о желании императора Александра III выкупить этот дворец и о том, что государь меня тогда просил это устроить.

Император Николай II тоже сказал, что он просит меня это дело докончить. Тогда я переговорил с одним из принцев и вошел с ним в соглашение.

Он согласился продать мне этот дворец, если я не ошибаюсь, кажется, за 4 млн. руб. Я на эту сумму согласился; доложил императору, который в свою очередь изъявил согласие.

Итак, было решено, что мы этот дворец покупаем. Я сказал, что когда принц получит деньги, то он должен через столько-то месяцев очистить дворец. Это происходило как раз летом. Дворец был очищен, при чем оказалось, что при очистке дворца были сняты все ценные двери,

камины, вообще все украшения, которые, в сущности, у нас не признаются движимым имуществом, а считаются принадлежностями недвижимого имущества. Но, тем не менее, принц все это ободрал, забрал все ценные двери, камины и т. д.

Таким образом, когда дворец перешел в собственность государя (хотя за него заплатила казна), император спросил меня: что, по моему мнению, следует делать с этим дворцом?

Я сказал государю, что его отец желал сделать из этого дворца институт и назвать его «Ксенинским», но что мне казалось бы, что было бы очень хорошо, если бы государю было угодно там поселиться, потому что в Аничковском дворце живет его матушка императрица Мария Федоровна, а Михайловский дворец очень удобный, имеет хороший сад и если восстановить *) этот дворец, возобновить парк, то можно пользоваться воздухом, так как там большое место.

Но государь от этого уклонился, сказав:

— Я не вижу, почему я должен жить не в тех помещениях, в которых жили мой отец и мой дед?

Государь поселился в Зимнем дворце. Я еще ранее обращал внимание на то, что при Зимнем дворце нет сада, где бы мог гулять государь и его дети.

Когда император Николай II поселился в Зимнем дворце, то я не имел с ним об этом разговора. Он отчудил себе часть Дворцовой площади (вследствие чего вышло недоразумение с городом), сделал превосходную решетку, которая теперь составляет украшение площади; там разведен парк.

В этом парке, окруженном превосходной решеткой, представляющей вместе с тем и отличную защиту, император до 1904 года (т. е. до всей этой истории с революцией) постоянно гулял; там же резвились и его дети.

Таким образом, вопрос о том, что делать с Михайловским дворцом, не был решен.

Затем, когда я снова возбудил вопрос о том, что же делать с этим дворцом, и напомнил о Ксенинском инсти-

*) Там до настоящего времени помещается собственная канцелярия государя императора.

туте, то император сказал, что он желал бы, чтобы Ксенинский институт был в Николаевском дворце, а этот Николаевский дворец после смерти великого князя Николая Николаевича перешел к его сыновьям: великому князю Николаю Николаевичу (которого, в отличие от его отца Николая Николаевича «старшего», называли «младшим») и Петру Николаевичу.

Эти великие князья запутались в долгах и просили этот дворец купить. Государь опять поручил мне купить этот дворец на счет казны и повторил, что он желал бы, чтобы Ксенинский институт был устроен в Николаевском дворце.

После того как этот дворец был мною, по приказанию государя, куплен, я дал мысль устроить в Михайловском дворце «Музей императора Александра III» в память того, что покупка этого дворца была сделана по инициативе покойного императора; хотя он и предполагал устроить институт, но я, питая благоговение к его памяти, хотел, чтобы, кроме памятника, который предполагалось поставить, а ныне поставлен на Знаменской площади, был еще какой-нибудь другой памятник его имени. Поэтому я и подал эту мысль, которая была очень благосклонно воспринята нынешним императором Николаем II.

Теперь там устроен музей имени императора Александра III, который разрастается и со временем, конечно, составит громадный памятник искусства — памятник великий, соответствующий величию самого покойного императора.

Тому, кто верит в предрассудки, представился бы знаменательным тот факт, что в последнее светлое воскресенье перед кончиною императора Александра III произошел следующий случай.

Обыкновенно в этот день в Зимнем дворце была торжественная заутреня; на эту заутреню приглашались почти все высшие чины империи (а также военные высшие чины) и двор — одним словом, выход был большой, торжественный.

Когда начался выход, то, как только император с императрицей вышли из своих покоев, вдруг всюду потухло

электричество. Почти весь дворец был в темноте (только в некоторых комнатах восстановилось электричество), так что пришлось осветить его простыми керосиновыми лампами и свечами.

Уже тогда император Александр III имел очень болезненный вид. Он вообще всегда был очень бледен и имел вид малокровный; в особенности же он стал выглядеть болезненным после катастрофы в Борках, о чем я говорил ранее.

В течение времени от пасхи до моего последнего всеподданнейшего доклада (который был, вероятно, так в конце июля или в начале августа) болезнь государя уже сделалась всем известной.

Из Москвы приезжал известный московский профессор Захарьин, который с неделю даже прожил с государем в гатчинском дворце.

Но сам государь болезнь свою не признавал. Вообще в царской семье есть какой-то странный — не то обычай, не то чувство — не признаваться в своей болезни и по возможности не лечиться, и вот это-то чувство, эта привычка у императора Александра III были особенно развиты.

Когда Захарьин приезжал в Петербург и лечил государя, то сделалось известным, что у императора Александра III болезнь почек — нефрит.

Впрочем, не нужно было быть доктором, чтобы определить эту болезнь. Нефрит — болезнь почек — выражается особой бледностью, одутловатостью тела. Я хорошо знаю эту болезнь, потому что близко видел ее, так как моя жена была больна этой болезнью, от нее и умерла.

Затем стало известным, что у государя отекают ноги, появилась в ногах вода.

Итак, государь в июле или в августе уехал в Беловежскую пушу, в тамошний дворец, а оттуда, кажется, проехал в Ялту (не помню, прямо ли оттуда проехал в Ялту или сначала из Беловежской пуши он посетил Царство Польское — скерневицкий дворец).

Когда император Александр III приехал в Ялту, то он был уже совсем больной; к нему был вызван доктор Лейден, известный профессор в Берлине.

Я этого Лейдена знал и после смерти императора Александра III встречался с ним в Берлине. Он говорил мне то же, что говорил и Захарьин, а именно, что император, как человек, производил самое отрадное впечатление, но что он, очевидно, в медицину не верил и как пациент он был один из самых непослушных пациентов, с которыми ему приходилось иметь дело.

Когда император покинул Петербург, я уехал за границу, в Випп. Это была моя первая поездка в Виши: поехал я туда для моей жены. Пробыв там несколько недель, я вернулся пз-за границы в Петербург.

По принятому обычаю, когда министры возвращаются пз отпуска, они не вступают в исполнение своих обязанностей, не испросив разрешения государя, поэтому, как только я приехал в Вержболово, то я сейчас же телеграфировал императору, докладывал о моем возвращении и испросил его разрешения на вступление в исполнение моих обязанностей министра финансов. Немедленно я получил от государя ответ, в котором он повелевает мне вступить в исполнение моих обязанностей. Это было последнее слово императора, обращенное ко мне.

После смерти императора я просил дать мне подлинную телеграмму, так как, во-первых, она была как память, а, кроме того, мне было интересно узнать, была ли эта телеграмма написана им лично или кем-либо из его свиты.

Эту телеграмму мне переслали, она хранится в моем архиве. Написана телеграмма лично императором совершенно твердым почерком.

После моего возвращения наступили очень тяжелые недели...

Цесаревич Николай поехал за своей невестой, так как император, предчувствуя свою смерть, желал, чтобы наследник женился скорее.

Цесаревич Николай привез свою невесту из Дармштадта прямо в Ялту; привез он ее туда дней за 10, если не менее, до смерти императора.

Хотя император прежде, когда Дармштадтская принцесса Алиса в первый раз была в России, отнесся к ней не с особенной симпатией, вследствие чего и не состоялась свадьба, но на этот раз он с болезненным нетерпением ждал приезда своего сына с невестой, считал даже все время дни, оставшиеся до его приезда, и, как мне рассказывали, был чрезвычайно рад, когда он приехал в Ялту.

Кроме Лейдена, который видел его величество не особенно часто, при императоре постоянно был лейб-медик, довольно известный хирург, Вельяминов, теперешний начальник Военно-медицинской академии. К этому Вельяминову император относился очень сочувственно. Вообще у государя к некоторым лицам были особенные симпатии и привязанности, и большей частью в своих симпатиях и привязанностях он не ошибался. Так вот и к Вельяминову император Александр III питал это чувство особой привязанности. Вельяминов постоянно ходил к государю в его помещение.

Соответственно своему характеру император не жил в большом доме, т. е. в самом ливадийском дворце, а занимал совсем маленький домик, в котором он ранее, когда еще был наследником престола, иногда жил и который был рядом с этим дворцом.

Как я уже говорил ранее, император не любил жить в больших помещениях, а любил очень малепькие и скромные помещения.

Этот большой дом-дворец год тому назад разрушен, так как он оказался мал, и в настоящее время вместо него воздвигается большой каменный дворец, который спешно приводится к концу, так как император Николай с императрицей, которая больна, эту осень предполагает провести в Ялте.

Дворец этот, который начали строить год тому назад, строят с особой спешкой.

Домик же, в котором жил император Александр III и в котором он умер, конечно, остался нетронутым, и надо надеяться, что он, как историческая реликвия для потомства, останется нетронутым.

Когда после смерти императора Александра III мне приходилось бывать в Ялте во время пребывания там нынешнего императора, всякий раз, когда я бывал в Ливадии, я заходил в этот домик и в те маленькие комнаты, в которых провел последние дни своей жизни император Александр III и где он и скончался.

Последние недели перед смертью, которая последовала 20 октября 1894 г., внимание всей Европы было приковано к Ялте, и в эти последние недели с особенной яркостью выяснилось, какой громадный престиж и какое громадное значение имел император Александр III во всей мировой политике.

Все без исключения газеты всех направлений и всех стран писали императору дифирамбы, признавая его громадное значение в международной жизни всего мира, а также отдавая справедливость его честному, благородному, правдивому и прямому характеру.

Весь мир признавал, что если последние 13 лет во время царствования императора Александра III Россия жила в покое и вся Европа прожила мирно, то это только благодаря крайне миролюбивому характеру императора Александра III, который был миролюбив не на словах — он не подавал инициативы для различных мирных конференций, мирных выступов и мирных погремущек, а фактически по существу своего высокого характера, — был тверд, но в высокой степени миролюбив.

19-го октября под впечатлением тревожных сведений, идущих из Ялты, было официальное молебствие в Казанском соборе, на котором присутствовали не только все высшие административные лица города Петербурга, но и простые обыватели, в том числе и студенты. Петербург молился о даровании императору Александру III жизни, а 20 октября получилось ужасное известие об его смерти...

П Р И Л О Ж Е Н И Я

О ПОСТРОЙКЕ ПАМЯТНИКА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III

По смерти императора Александра III, ввиду моего чувства поклонения его памяти, я сейчас же возбудил вопрос о сооружении ему памятника, зная, что если это не будет сделано, покуда я нахожусь у власти, то это затем не будет сделано в течение многих десятков лет. Достаточно сказать, что в Петербурге мы до настоящего времени не имеем памятника императору Александру II. Конечно, будущее потомство о памятнике Александру III думало бы еще менее, ибо император Александр III представлял собою тип монарха абсолютно неограниченного, хотя благороднейшего из монархов Российской империи. Но так как Россия в те времена, в особенности до 17 октября 1905 года, находилась под полным гипнозом крайне либеральных идей, то, само собою разумеется, что со смертью современников императора Александра III никто бы не подумал о сооружении памятника. Таким образом, инициатива сооружения этого памятника принадлежит исключительно мне.

Я представил его величеству императору Николаю II мою мысль, которую, конечно, император принял с радостью, так как он к памяти своего отца относился и, вероятно, относится и поныне с крайним почтением и любовью. Я предложил такой способ ведения этого дела: составить конкурс на представление проектов этого памятника, причем были выработаны и условия, которым этот конкурс должен удовлетворять. Условия эти были выработаны особым комитетом, в котором принимали участие специалисты по этому делу.

Когда все проекты на конкурс были представлены, причем по принятому в этом случае порядку авторы представленных проектов были неизвестны, то все эти проекты были выставлены в Зимнем дворце. В этом дворце все эти проекты осматривались государем императором, августейшей супругой почившего императора Александра III Марией Федоровной и другими членами царской фамилии. В осмотре этом, кроме царской семьи, никто не участвовал, затем его величеству угодно было мне передать, что он остановился на таком-то проекте.

По вскрытии запечатанного пакета, который был при этом проекте, оказалось, что проект принадлежит русскому по имени художнику князю Трубецкому. Этот князь Трубецкой в то время жил в Москве и считался преподавателем одной из тамошних художественных школ.

Я вызвал его. Оказалось, что он, в сущности говоря, совсем не русский, а итальянец, родившийся в Италии и проживший всю свою молодость в Италии, и только недавно приехал сюда, причем ему в это время было, вероятно, не более 24—25 лет. Оказалось, что он сын птальянки, но был прижит с незаконным супругом, князем Трубецким, русским, жившим в Италии, человеком бедным.

Воспитан он был своей матерью. В сущности говоря, из разговоров с ним можно было убедиться, что он человек почти совсем необразованный и даже весьма маловоспитанный, но с громадным художественным талантом. Уже ранее того он в Италии, где такая масса выдающихся художников, был отличен тем, что выиграл несколько художественных конкурсов, вследствие которых по его проекту и были сооружены некоторые памятники в Италии. Затем он сделался известным и в Париже вследствие своих мелких, но крайне характеристичных художественных вещей.

Оказалось, что он попал в Москву потому, что тамошний Трубецкой, а именно бывший предводитель дворянства Петр Николаевич Трубецкой, который был членом Государственного совета и который в это лето так трагически погиб, будучи убит своим племянником Кристи,— его родственник, взял его как бы под свое покровительство.

Трубецкой-художник затем представлялся государю и императрице Марии Федоровне и им очень понравился. Всего того, что Трубецкому было нужно, он добивался

именно потому, что он был принимаем как императором, так и его августейшей матерью, которая к нему очень благоволила, что, с моей точки зрения, было довольно естественным, так как у императора и у августейшей его матери, конечно, была еще свежа рана, причиненная смертью императора Александра III.

Была учреждена комиссия по сооружению этого памятника, в которой участвовали как члены президент Академии художеств граф Иван Иванович Толстой, который впоследствии, когда я был председателем Совета министров, был министром народного просвещения; затем А. Н. Бенуа — известный художник по живописи, два выдающихся архитектора, и председателем комиссии был князь Б. Б. Голицын, заведовавший в то время экспедицией заготовления государственных бумаг, где имеется особый весьма выдающийся художественный отдел. Этот самый Голицын вместе с тем состоял еще тогда и ныне состоит академиком Академии наук по физике.

При сооружении памятника сразу оказалось, что князь Трубецкой обладал совершенно неуживчивым характером. Он решениям комиссии не подчинялся, постоянно обходил указания, которые ему давали как князь Голицын, так и я, которым было поручено полное руководство этим делом. При сооружении памятника делал некоторые фантастические выходы, которые стоили громадных денег. Ему па Невском проспекте был устроен громадный павильон, в котором он лепил свой памятник. Памятник этот он лепил и постоянно его переделывал.

В хозяйственную часть комиссии я вмешивался, но в художественную часть не вмешивался, потому что ни я, ни другие члены комиссии не считали себя компетентными в этом деле, а что касается художника Бенуа и Толстого, который в качестве председателя Академии художеств имел некоторое художественное образование, то они не могли оказывать на Трубецкого никакого влияния, так как Трубецкой не признавал никакого авторитета. В конце концов по части художественной он руководствовался указаниями или, правильнее говоря, влиянием государя императора и его августейшей матери.

Во время работы, когда работа была почти что кончена, то как его величество, так и его августейшая матушка ве-

сколько раз приезжали осматривать памятник. Я всегда присутствовал при этом осмотре, и их величества высказывали свое удовлетворение работой князя. Его величество никаких указаний не делал, а ее величество несколько раз указывала на различные недостатки в фигуре императора, в его лице, которые князем Трубецким были исправлены; в конце концов, когда была сделана модель в настоящем виде, то как императором, так и императрицей-матушкой модель была вполне одобрена.

Памятник осматривать приезжал также и почетный председатель Академии художеств великий князь Владимир Александрович, брат покойного императора. Он сначала относился к работе князя Трубецкого крайне критически и даже мне во дворце как-то раз сказал, что он никогда не дозволит выставить памятник, вылитый по модели князя Трубецкого, так как это представляет собою карикатуру на его брата, а не его брата, но затем великий князь Владимир Александрович еще несколько раз приезжал осматривать памятник и при последнем осмотре сказал, что памятник этот или модель представляет некоторые недостатки, но что в конце концов в нем что-то есть такое, которое заставляет его примириться с этим памятником. Так как в конце концов исполнителем всего этого дела являлся князь Трубецкой, который уже к тому времени приобрел громкое имя как художник во всей Европе и в особенности в Париже, и так как я знал, что если я его не буду поддерживать или по крайней мере примирять с комиссией, дело выйдет еще хуже, то я употреблял со своей стороны все усилия, чтобы сгладить разногласия между Трубецким и комиссией, причем по памяти моей к императору Александру III я очень часто ездил осматривать работу Трубецкого, так как мне всегда этот осмотр напоминал личность этого выдающегося во всех отношениях самодержца.

Раньше чем приступить к отливке самой статуи, я решил выставить модель на площади, где этот памятник стоит ныне, против Николаевского вокзала, дабы посмотреть, какой эффект будет производить памятник.

Это было года за два до его открытия. Место, где должен был быть сооружен этот памятник, было огорожено **забором**, забор этот был еще возвышен, был устроен дере-

вянный пьедестал вместо камня, на котором стоит этот памятник. Вот эту модель привезли и ночью выставили. Я помню, как теперь, что я в 4 часа ночи, по рассвету, поехал туда. Еще никого из публики не было, и вот, поднявшись к памятнику, мы открыли его, и он представился нам в таком виде: вместо каменного пьедестала сделан из досок пьедестал и сверху — модель. На меня произвел этот памятник угнетающее впечатление, до такой степени он был уродлив.

Это меня чрезвычайно взволновало, и я начал говорить то, что говорил и великий князь Владимир Александрович, что я никоим образом не допущу, чтобы памятник был выставлен. Сам Трубецкой признал многие капитальные недостатки его и очень меня благодарил, что я сделал такую пробу, при которой он сам мог видеть этот памятник на пьедестале и в том положении, в котором он должен будет стоять. Вследствие этого он затем эту модель еще значительно переделал, и вот тогда, после этого, великий князь Владимир Александрович ее видел и сказал, что хотя в ней есть еще недостатки, но что он тем не менее против нее не возражает, потому что в ней есть что-то привлекательное и напоминающее брата, которое его в известной мере чарует.

Когда я ушел с поста министра финансов, то уже модель была совершенно готова, нужно было ее отлить. Князь Трубецкой для отливки выписал специалистов и предпринимателей из Италии. Ранее туда, в Италию, ездил князь Голицын, чтобы удостовериться, что эти лица, которым князь Трубецкой настаивал отдать отливку памятника, заслуживают уважения и внимания. Князь Голицын привез о них удовлетворительные сведения.

Памятник отлили эти итальянцы при участии князя Трубецкого. Конечно, в конце концов князь Трубецкой поссорился и с этими итальянцами; затем была целая история с устройством пьедестала. Сначала предполагали пьедестал устроить в виде глыбы, а затем, по докладу Трубецкого, так как соответствующих камней не могли достать, а с другой стороны — и по соображениям Трубецкого, художественного порядка, вместо этой глыбы решили, с утверждения государя, устроить нечто вроде катакомбы, четырехугольного ящика.

Когда я ушел с поста министра финансов, то я продолжал все еще заниматься делом этого памятника в том смысле, что некоторые доклады проходили через меня, т. е. я являлся докладчиком у государя, но так как я уже не был министром финансов, то ассигнование денег всегда встречало затруднительное отношение со стороны министра финансов, причем я находил, что министр прав, ибо на памятник этот была затрачена такая масса денег — сумма, приближавшаяся к миллиону рублей, что дальнейшее ассигнование вследствие разных фантазий князя Трубецкого, естественно, встречало возражение со стороны министра финансов.

После того как я покинул пост председателя Совета министров, а именно в апреле 1906 г. руководство делом по сооружению памятника осталось опять-таки за мной по желанию его величества, но когда я вернулся из-за границы, куда я поехал немедленно после того, как я покинул пост председателя Совета министров, а именно это уже было в ноябре месяце 1906 г., то я являлся к государю с докладом по одному какому-то вопросу, касавшемуся этого памятника, причем доложил государю, что не угодно ли будет снять с меня эту обязанность, ибо памятник уже приходит к концу и, с другой стороны, моя роль всегда больше заключалась в том, что мне приходилось докладывать о разных ассигнованиях денег и что эта роль более подходящая к министру финансов и что не угодно ли будет эти обязанности передать министру финансов. Его величество не высказался: ни нет, ни да, и сказал, что подумает и мне передаст.

Через несколько дней я получил от министра финансов письмо, в котором он меня уведомляет, что государю императору не угодно было согласиться на то, чтобы я передал обязанности докладчика по делу памятника министру финансов, а что эта обязанность должна остаться за мною. Но тем не менее после этого уведомления мне ни разу не приходилось докладывать государю, так как князь Трубецкой, с одной стороны, а затем князь Голицын, председатель по сооружению памятника, находили к государю доступ помимо меня и докладывали ему все дела или непосредственно или через посредство различных министров.

Наконец, в 1909 г. наступило время открытия памятника. Памятник был готов и выстроен. Я вернулся из-за границы, и вдруг ко мне приходит князь Голицын перед открытием памятника и говорит, что он составил список наград за сооружение этого памятника, причем себе поместил совершенно исключительную награду, и что он просит меня как руководителя и докладчика этого дела доложить этот список государю. Я передал князю Голицыну, что я уже с 1906 г. не имел ни одного доклада государю по этому делу и что он всегда докладывал сам непосредственно и что вследствие этого я затрудняюсь доложить. На это князь Голицын меня стал убеждать, что он сам не может доложить, потому что это дело касается его и других членов. Я все-таки сказал Голицыну, что я государю доложить это дело не могу, но ездил к барону Фредериксу и просил его доложить государю.

Через несколько дней я видел барона Фредерикса, и он мне сказал, что он докладывал государю, что государю было угодно утвердить все награды и что он спросил, почему я в это дело впутался, что ведь я сам отказался от руководства делом этого памятника в 1906 г. Тогда я показал барону Фредериксу письмо, которое я получил от Коковцова, министра финансов, в котором он меня уведомляет, что государю императору не угодно было исполнить мою просьбу, в которой я просил меня освободить от этого дела, что с тех пор я ни разу не имел доклада у государя потому, что Голицын находил пути помимо меня, что в данном случае Голицын обратился ко мне и что я вследствие этого не мог ему отказать, не передать его просьбу.

Через несколько дней барон Фредерикс мне сказал, что он напомнил обо всем государю и что государь сказал, что действительно граф Витте прав, что он хотел отказаться от руководства, но я на это не согласился.

Наконец, был назначен день открытия памятника. В обществе начали относиться к этому памятнику крайне критически. Все его критиковали. Потом у меня явилась дилемма: идти ли мне на открытие памятника или не идти. С одной стороны, ввиду того отношения государя, которое он проявлял ко мне по делу этого памятника последние годы, мне не хотелось идти на открытие памятника; с другой стороны, я опасался, что если я не пойду, то сейчас же

скажут, что, мол, так как это дело неудачно, то Витте, конечно, от этого дела отрещивается. Вследствие этого я пошел на открытие памятника и был во главе комиссии по сооружению памятника.

Князь Трубецкой на открытие памятника не приехал, так как ему вовремя не было дано знать об открытии памятника, так что он опоздал на несколько дней.

Памятник открыли при торжественной обстановке: его величество командовал войсками, которые проходили перед памятником. Государь император сказал мне несколько слов, причем это, очевидно, было сделано в виду громадного количества народа, который был при открытии, так что если бы государь не сказал этих нескольких слов, то могли бы вывести заключение, которое, вероятно, государь не хотел, чтобы было выведено; с другой стороны, мне казалось, что государь это сделал по настоянию находившейся при открытии памятника императрицы Марии Федоровны.

Таким образом, все это неприятное дело свалилось с моих плеч, но тем не менее и после по поводу открытия этого памятника я имел некоторые неприятности; прежде всего мне было, конечно, крайне неприятно то, что памятник этот при открытии заслужил общее хуление. Все большей частью критиковали памятник. Отчасти эта критика была связана с тем, что памятник императору Александру III, императору весьма реакционному, был так скоро открыт благодаря моему содействию, моей энергии, в то время когда памятник Александру II в то время и до настоящего времени отсутствует. Затем в некоторых слоях общества этот памятник критиковали ввиду моего участия в этом деле, а большинство критиковало потому, что этот памятник вообще представляет собой нечто несуразное.

Но прошло некоторое время, и теперь с этим памятником более или менее примирились, а некоторые даже находят его выдающимся в художественном отношении. Так, известный художник Репин уверяет, что этот памятник представляет собою выдающееся художественное произведение. Мне приходилось последнее время встречать людей, которые сначала критиковали этот памятник, а теперь находят в нем некоторые черты высокого искусства.

Что касается Трубецкого, то он живет теперь в Париже, имеет там мастерскую и пользуется большой популярностью. Сам Трубецкий — это человек очень оригинальный: он крайний вегетарианец, затем он не признает никакой науки и в особенности науки художественной. Он проповедует, что всякая наука только портит человека, что человек сам по себе носит известные дары, и эти дары не следует портить, и что всякий художник, который захочет получить художественное образование, портит свой природный талант. Вообще он полон различными абсурдными теориями, затем человек не без хитрости, с очень большими фантазиями и стремлением сорить деньгами, но не подлежит сомнению, что в нем находится громадный талант, и поэтому недаром за границей он пользуется выдающейся репутацией.

ВОСПОМИНАНИЯ
(рассказы в стенографической записи)
ГРАФА СЕРГЕЯ ЮЛЬЕВИЧА ВИТТЕ *

О Г Л А В Л Е Н И Е

	Страница
Часть I	1
» II	3
» III	5
» IV	7
» V	9
» VI	11
» VII	13
» VIII	15
» IX	17
» X	21
» XI	25
» XII	31
» XIII	41
» XIV	48
» XV	55
» XVI	61
» XVII	68

Ч А С Т Ь I

	Страница
О предках	1
О Блавацкой	2
О Желиховских	14
О семействе моего Отца	16

*) Публикуется впервые в транскрипции автора. — *Ред.*

О брате Александре	17
— Борисе	27
О сестрах Ольге и Софии	27
О бабушке Е. П. Фадеевой, урожд. Княжне Долгорукой	
и о древнем кресте Князя Михаила Черниговского	28
О Ростиславе Андреевиче Фадееве	31
О Князе Барятинском, наместнике Кавказском	45
О предположениях Князя Барятинского о реорганизации	
армии	48
О реорганизации армии Милютиным и отношении к его ме-	
роприятиям Р. А. Фадеева и других	51
Отставка Р. А. Фадеева и его поездки в Египет	54
Восточная война и участие Р. А. Фадеева в Восточной вой-	
не 1877 года	55
Реорганизация армии в царствование ИМПЕРАТОРА	
АЛЕКСАНДРА III	58
О Графе Милютине и его сыне	59
О Великом Князе МИХАИЛЕ НИКОЛАЕВИЧЕ	63
Воспоминания из детства	69
О Дундукове-Корсакове, Шереметеве и Князе Голицыне	
О Графе Воронцове-Дашкове	73
О горной промышленности на Кавказе и участии в ней	
моего Отца	76
О Митрополите Исидоре	84
О Экзархе Грузии Моисее	84
О Бароне Николаи и его брате	85
О г. Старицком	87
О г. Инсарском	88
О Князе Мухранском	89
О Графе Евдокимове	89
О генерале Геймане	90
— Лазареве	93
— Рош	94
О бунте тифлисского населения против мясников	95
О Чевчевадзе	97
О Князе Бебутове	98
О Грузинском Князе Ираклии	99
О Дюма-отце	—
О Тенгоборгском	—
О докторе Андреевском и Князе Шервашидзе	100

Ч А С Т Ь II

О первоначальном моем воспитании и образовании . . .	102
Подготовка к поступлению в университет	112
О пребывании в университете	118
О г. Афанасьеве	122
Об Юзефовиче и Гессе, Дворцовом Коменданте	124
О студенте Миллере	126
О Лигине	129
О профессорах университета Григоровиче, Ягиче и других	140
О профессоре Собинине	142
Об И. А. Вышнеградском	145
О значении и влиянии университета на студентов . . .	146
О преподавании в университете предмета богословия . .	150
О бывшем священнике Григории Петрове	152
О моем предположении сделаться профессором	155
О Генерал-Губернаторе Коцебу и моем причислении к его канцелярии	156
О Графе Бобринском и его совете мне поступить на железнодорожную службу	157
О моем поступлении на службу на Одесскую железную дорогу	161
О г. Штерне	163
О Н. М. Чихачеве и его предположении сделать меня начальником движения дороги	165
О назначении управляющим дорогой А. Н. Горчакова	166
То же, Унгерн-Штернберга	167
О положении дороги во время Восточной войны 1877 года	168
Несколько эпизодов за период моей службы на Одесской железной дороге	170
О проезде на войну ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА II . . .	174
О ротмистре Кузьминском	177
О Стамбулове	182
Сравнение положения железных дорог в прошлом и настоящем	184
Тилигульская катастрофа	186
О деятельности на Одесской железной дороге по перевозке войск па театр действий в войну 1877 года	198
О железнодорожном конгрессе в Брюсселе	207
Об освобождении меня от наказания за Тилигульскую катастрофу; арест и отбытие мною наказания	211

Ч А С Т Ь III

Об образовании Общества Юго-Западных железных дорог	218
Мой переезд в Петербург на место начальника эксплуата-	
ции Юго-Западных ж. д. и первая женитьба	219
<i>О железнодорожных королях:</i>	222
О Блиохе и Кербедзе	223
О Губонине	231
О Поляковых	231
О Дервизе и фон Меке	233
О Штепгеле	237
О моем участии в трудах Комиссии Графа Баранова . .	240
О моем переезде в Киев на должность начальника эксплу-	
атации Юго-Западных жел. дорог	245
О сообществе «Святая Дружина» и моем участии в нем .	245
О дочери моей первой жены Соне и ее муже Меринге . .	259
О генерал-адъютанте Дрентельне	266
О Генерал-Губернаторе Черткове и его жене	270
О моем назначении Управляющим Юго-Западными же-	
лезными дорогами	275
Об А. И. Вышнеградском	277
Об А. И. Путилове	278
О Барке	278
О подборе мною сотрудников во время управления Юго-	
Западными железными дорогами	279
О Циглере	282
Об Абрамсоне	282
О Н. А. Демчинском	284
Еврейские беспорядки в Киеве и Одессе	295
О Генерал-Губернаторе Коцебу	297
О семействе Юзефовичей	299
О Лорис-Меликове	300
О Великой Княгине АЛЕКСАНДРЕ ПЕТРОВНЕ и Ве-	
ликих Князьях ПЕТРЕ НИКОЛАЕВИЧЕ И НИКОЛАЕ НИ-	
КОЛАЕВИЧЕ	308
О Принце К. П. Ольденбургском	320
О Д. И. Пихно	324

Ч А С Т Ь IV

О Бунге Николае Христиановиче	332
Об основании газеты «Киевское слово» и моей полемике	
с Пихно и о книге «Принципы железнодорожных тарифов» .	335
Об участии Пихно в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности	338
Об Антоновиче	339
О профессоре Меринге и его сыне	342
— Караваеве	347
— Гюббенете	348
О ректоре университета Ренненкампфе и адъютанте Трепове	349
О приезде ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III в Киев	351
О поездке ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III на маневры в Брест и Белосток и Его свидании с Императором Вильгельмом в бытность последнего Наследником Престола	355
О проездах ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III по Юго-Западным железным дорогам в конце 80-х годов	365
О катастрофе ИМПЕРАТОРСКОГО поезда в Борках и моем участии экспертом в вопросе о причинах катастрофы . .	376
О Члене Государственного Совета Салове	381
О моем назначении директором Департамента Железнодорожных Дел	383
О Великих Князях СЕРГЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ И ПАВЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ	390
О Бродском, его детях и брате	394
О Потоцком и его сыновьях	396
О Половцове, сенаторе и Члене Государственного Совета	398
О Князе Горчакове	402
О госпоже Чириковой	405
Об упорядочении тарифного дела на русских железных дорогах и моем участии в нем	413
О П. М. Романове	421
О В. И. Ковалевском	422
О Максимове, Гиацинтове и других	431
О моем представлении ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III по случаю назначения меня Директором Департамента Железнодорожных Дел	433

Ч А С Т Ь V

Об А. А. Абазе и Куропаткине	439
Об операции Вышнеградского с кредитным рублем и пари моем с ним на высоту курса рубля	453
О моей поездке с Вышнеградским по России, в Закаспий- ский край и на Кавказ	458
О Великом Князе НИКОЛАЕ КОНСТАНТИНОВИЧЕ	462
О посещении Мургабского имения ГОСУДАРЯ . . .	463
О посещении мною Кисловодска для свидания с первой женой и ее кончине	472
Об увольнении А. А. Абазы с поста Председателя Департа- мента Государственной Экономии и назначении на его место Сольского	496
О выступлении Дуранте против меня по делу «Торгового Дома Рафаловичей» и Абазы	498
Об упорядочении тарифного дела в бытность мою Дирек- тором Железнодорожного Департамента	505
О передаче тарифной части Департамента Железнодорож- ных Дел в Министерство Торговли и Промышленности и обрат- ной передаче ее в Министерство Финансов и причинах, побудив- ших к этому	506
О Посьете	514
О генерал-лейтенанте Паукере	518
О Гюббенете	519
О полковнике Вендрихе	520
<i>О моем назначении и деятельности на посту Министра Путей Сообщения и о моих сотрудниках</i>	<i>531</i>
О Иващенко, б. Товарище по посту министра, впослед- ствии Члене Госуд. Совета	531
О полковнике Вендрихе	533
Об издании правил движения ИМПЕРАТОРСКИХ поездов	536
<i>О поездке на Волгу для осмотра мероприятий против хо- зярсной эпидемии.</i>	<i>539</i>
Посещение г. Самары	541
— г. Саратова	543
— г. Царицына	544
— г. Нижнего Новгорода и о губернаторе гене- рале Баранове	546

Об отношении ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III к студентам	556
О второй моей жепитьбе	558

Ч А С Т Ь VI

Об общественных деятелях и лицах, стоявших у власти в мою бытность Директором Железнодорожного Департамента и Министром Путей Сообщения.

О литераторе Майкове и его сыне	566
— Полонском	567
— Григоровиче	568
— Страхове	568
О генерал-адъютанте Черевиню	569
О Княгине Радзивилл	578

<i>О постройке Сибирской железной дороги и моем участии в ней</i>	580

Об общественных деятелях и лицах, стоявших у власти в мою бытность Директором Железнодорожного Департамента и Министром Путей Сообщения.

О Графе Толстом, Министре Внутренних Дел	589
Об И. Н. Дурново, Министре Внутренних Дел и Председателе Комитета Министров	597
О Ванновском, Военном Министре, и ген. Обручеве, начальнике Главного штаба	599
О Манасеине, Министре Юстиции	603
О К. П. Победоносцеве, Обер-Прокуроре Св. Синода .	605
О Т. И. Филиппове, Государственном Контролере . .	606
О Н. М. Чихачеве, Управляющем Морским Мин-вом .	611
О Великом Князе АЛЕКСЕЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ .	613
О Графе Делянове, Министре Народного Просвещения	614
О ген.-адъют. Рихтере, Главноуправляющем Канцелярий Е. И. В. по принятию прошений	615
Об А. С. Танееве, Главноуправляющем Собственною Е. И. В. Канцелярией	615
О М. Н. Островском, Министре Государственных Имуществ и его Товарище Вишнякове	617

О Графе Воронцове-Дашкове и Графе Адлерберге, Министрах ИМПЕРАТОРСКОГО Двора	618
О Графе Лидерсе, генерале Непокойчицком и компании по интендантству «Варшавский, Греггер, Горвиц и Коген» . . .	627
О Князе В. П. Мещерском, издателе «Гражданина» . . .	635
О Блюхе (его увлечении идеей мира)	678
О Н. Н. Суцове	682

Ч А С Т Ь VII

О Ционе и его памфлетах против Вышнеградского и меня	695
О характере и болезни И. А. Вышнеградского	710
О Тернере, Товарище И. А. Вышнеградского по Министерству Финансов	718
О кончине Вышнеградского, назначении меня Управляющим Министерством Финансов и назначении Кривошеина Управляющим Министерством Путей Сообщения	721
По поводу записки Циона о получении И. А. Вышнеградским взятки в 500 000 франков	730
О госпоже Дрентельн и эпизоде в Киеве с Андреевским	740
<i>О моих сотрудниках по Министерству Финансов:</i>	
о Жуковском	744
о Плеве	745
о Голиндо и Дмитриеве	745
о Д. Ф. Кобеко	746
об А. С. Ермолове	749
о Маркове	753
о Тухолке	753
о Белюстине	754
о П. М. Ромапове	754
о В. Н. Коковцове	756

О реорганизации Особого Корпуса Пограничной Стражи	756

О моих сотрудниках по Министерству Финансов:

о Берге	765
о В. И. Ковалевском	766

о Д. И. Менделееве	766
о Максимове	768

О характере и деятельности ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III:

о характере и деятельности вообще	769
об отношении к университетскому вопросу и студенческой молодежи	788
об отношениях к членам ЦАРСКОЙ Семьи как главы ее	795

Ч А С Т Ь VIII

О характере и деятельности ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III:

Об Его отношении к полякам и вообще к окраинам и национальному вопросу	817

О моих сотрудниках по Министерству Финансов:

о Малишевском	818
о И. П. Шипове	825

О законопроекте «Об ответственности фабрикантов и владельцев промышленных заведений за смерть и увечья рабочих» и отношении к нему К. П. Победоносцева и Половцова	835

О министрах и моих с ними отношениях в бытность мою Министром Путей Сообщения и Финансов:

о В. Н. Муравьеве, Министре Юстиции	840
о Д. С. Сипягине и В. К. Плеве, М-рах Внутр. Дел	852
о Н. В. Муравьеве, Министре Юстиции	869
о Гирсе, Министре Иностранных Дел	874

О первом Торговом договоре с Германией и моем участии в ведении переговоров по нему:

Об отношении к моим мероприятиям М-ра Иностранных Дел Гирса и посла в Берлине графа Шувалова	888
Об отношении к моим мероприятиям высших чинов и общества	892
То же, Военного Министра Ванновского	892

Об отношении Императора Вильгельма к переговорам и его желанию получить звание адмирала русского флота .	895
О мнении Бисмарка обо мне	900

<i>О втором Торговом договоре с Германией</i>	903
<i>О реорганизации питейного дела</i>	904
<i>О моей поездке на крайний север (Мурманское побережье)</i>	915
Об участнике поездки художнике Борисове	921
— Кази	923
— Конкевиче	926
О докладе по поездке ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III	931
<i>О путешествии ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II в бытность наследником на Д. Восток, его участия в Комитете Сибирской железной дороги и влечении к Дальнему Востоку .</i>	942
По вопросу о переселении из Европейской России в Азиатскую в Комитете Сибирской железной дороги	951
<i>О денежной реформе и реорганизации Государственного банка:</i>	956
О мнении Н. Х. Бунге	957
Об участии Антоновича	958
Об отношении к реформе: А. Ротшильда, Леона Сэ, Французского Президента Лубэ, Президента Французского Министрства Мелина и др.	961

О Никольском, Члене Государственного Совета	964

Ч А С Т Ь IX

О церковно-приходских училищах и отношении к этому делу моем и Победоносцева	969
О перемене в царствование ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III взгляда на железнодорожное дело и о выкупе в казну частных железнодорожных линий	973
<i>О приближенных лицах к ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III:</i>	
о генерал-адъютанте Владимире Оболенском	976

о генерале Голенищеве-Кутузове	977
о Графе Бенкендорфе и его жене	977
о Князе А. Долгоруковом	979
о генерале Зиновьеве	984
О характере, привычках и образе жизни ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	985
Об Эмире Бухарском и его лейб-медики Писаренко	987
О приезде в Петербург Шаха Персидского Наср-Эддина .	988
О приезде в Петербург Князя Николая Черногорского и тосте за него ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	990
<i>О Великой Княгине ЕКАТЕРИНЕ МИХАЙЛОВНЕ:</i>	
Ее погребение и инцидент при нем с одеванием певчих .	994
О завещании Ею Михайловского дворца сыновьям, уча- стие в составлении завещания К. П. Победоносцева и недоволь- ство последним ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	995
О приобретении в казну Михайловского дворца и устрой- стве в нем «Художественного музея ИМПЕРАТОРА АЛЕК- САНДРА III»	999
<i>Болезнь и кончина ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III:</i>	
Погашение освещения в Зимнем дворце во время ВЫСО- ЧАЙШЕГО выхода в Пасхальную заутреню	1004
Мои последние всеподданнейшие доклады	1005
Ухудшение болезни и приезд профессора Захарьина .	1005
Отъезд ГОСУДАРЯ в Ялту и вызов профессора Лейдена .	1006
Моя поездка в Вишп и возвращение	1007
Поездка НАСЛЕДНИКА Престола за невестою	1008
О лейб-медики Вельяминове	1009
Обстановка жизни ГОСУДАРЯ в Ливадии	1010
О престиже ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и впечат- лении, произведенном Его кончиною	1011
Присяга ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II и перевозение тела АЛЕКСАНДРА III из Ялты в Петербург	1013
Перевозение тела ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III с Николаевского вокзала в Петропавловский собор	1013
Мнение о новом ИМПЕРАТОРЕ НИКОЛАЕ II, мое, И. Н. Дурново и К. П. Победоносцева	1017
Погребение ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III	1019
Мое представление ИМПЕРАТРИЦЕ МАРИИ ФЕДО- РОВНЕ	1020

Воспоминания мои из деятельности в Царствование ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II

Моя впечатления, вынесенные от первого всеподданнейшего доклада ИМПЕРАТОРУ НИКОЛАЮ II	1021
Об Английском Короле Эдуарде VII и Англо-Русском соглашении	1022
Первый мой всеподданнейший доклад у ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II и о портах на Мурмане и в Либаве	1026
Об устройстве военного порта в Либаве и участии в этом деле Великого Князя АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА . .	1030
<i>О посторонних влияниях на ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II в первые годы Царствования</i>	
О влиянии Великих Князей в деле введения Земства в Западных губерниях по 87 статье Основных Законов	1040
О разговоре Военного Министра Ванновского с ГОСУДАРЕМ по поводу влияний Великих Князей	1044
О характере и намерениях ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II в первые годы Царствования	1045
Первый прием ИМПЕРАТОРОМ НИКОЛАЕМ II Членов Государственного Совета и появление на приеме А. А. Абаза .	1048
О имени Дуранте и его домогательствах к получению за него денег через Союз Русского Народа	1051
О Графе Коновницыне, Председателе Одесского Отдела Союза Русского Народа	1055
Прием ГОСУДАРЕМ генерал- и флигель-адъютантов и депутатий иностранных держав	1059
Бракосочетание ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II	1060
<i>О государственных деятелях в Царствование ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II:</i>	
О Графе Павле Андреевиче Шувалове и его сыне	1060
О Варшавском Генерал-Губернаторе Гурко	1064
О Министре Путей Сообщения Кривошеине	1072
О кандидатуре на пост Министра Путей Сообщения отставного лейтенанта Казы и А. П. Иващенко	1078
О Министре Путей Сообщения Князе Хилкове	1084
О Министре Иностранных Дел Гирсе	1093
О Министре Иностранных Дел Князе Лобанове-Ростовском	1096

Об открытии Ксениевского Института	1106
О Главноуправляющих Коммиссией по принятию проше- ний на ВЫСОЧАЙШЕЕ Имя—Рихтере и Д. С. Сипягине . .	1107
О кандидатуре на пост Министра Внутренних Дел: Плеве, Сипягина и Горемыкина	1110
О назначении И. Л. Горемыкина Министром Внутренних Дел	1120
Рождение Великой Княжны ОЛЬГИ НИКОЛАЕВНЫ	1123

Ч А С Т Ь Х

О моих Товарищах по должности Министра Финансов:

об Ф. Г. Тернере	1125
об А. С. Ермолове	1126
об А. Я. Антоновиче	1127
об В. Н. Коковцове	1130
О Начальнике конвоя ГОСУДАРЯ ген.-адъют. Черевине и Дворцовом Коменданте ген.-адъют. Гессе	1132
О Князе Э. Э. Ухтомском	1138
О докторе Бадмаеве	1140
О замене поста Начальника Охраны ГОСУДАРЯ — Двор- цовым Комендантом	1142
О вмешательстве России при заключении между Китаем и Японией, после войны, Симоносекского договора	1143
О гарантии Россией Китайского займа	1153
Об учреждении Русско-Китайского Банка	1154

О приезде Ли-Хун-Чжана представителем на Коронацию:

Назначение его представителем и встреча	1155
Приезд его в Петербург и ведение с ним переговоров о про- всдепии Сибирской ж. д. через китайскую территорию . . .	1163
О результате переговоров с Ли-Хун-Чжаном	1171
Об оформлении результатов переговоров	1174
Подписание договора с Китаем о проведении Сибирской ж. д. через китайскую территорию	1184
Визит Эмира Бухарского к Ли-Хун-Чжану	1191
О не сообщении прессою сведений о приеме ГОСУДАРЕМ Ли-Хун-Чжана и заключении договора с Китаем	1194

Об образовании Общества Восточно-Китайской ж. д. и передаче ему концессии на проведение железной дороги по китайской территории	1194

События во время Коронации в Москве:

О Ходынской катастрофе	1197
О расследованиях по поводу Ходынской катастрофы	
Н. В. Муравьева и Графа Палена	1208
Бал у французского посла Графа Монтебелло	1213

О Русско-Японском договоре о Корее	1215
О значении для России проведения Сибирской ж. д. через китайскую территорию и совете Ли-Хун-Чжапа не делать ж. д. линий на юг Китая от Сибирской ж. д.	1217
О Нижегородской выставке	1221
О преобразовании Д-та Неокладных Сборов в Главное Управление Неокладных Сборов и Казенной Продажи Питей и о введении питейной монополии в Петербурге	1222
О первоначально преследовавшейся цели питейной монополий и ее направлении с начала Русско-Японской войны	1226
Посещение Нижегородской выставки Ли-Хун-Чжаном и его отъезде в Западную Европу	1229
Посещение Нижегородской выставки ГОСУДАРЕМ, ГОСУДАРЫНЕЮ и Вел. Князем АЛЕКСЕЕМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ. Увольнение Морского Министра Чихачева и назначение Тыртова	1230
Моя поездка по восточным губерниям	1232
Визит ГОСУДАРЯ Императору Францу-Иосифу Австрийскому	1232
Кончина Князя Лобанова-Ростовского	1233
Визиты ГОСУДАРЯ Германскому Императору Вильгельму, Королю Датскому Христиану и Английской Королеве Виктории	1233
Визит ГОСУДАРЯ Президенту Французской Республики и посещение ИХ ВЕЛИЧЕСТВАМИ Парижа и Версаля	1234

О введении золотой валюты в России:

Интрига Президента Французского Министерства Мелина против введения золотой валюты в России	1238

Предубеждение против реформы в публике и у государственных деятелей	1241
О противодействии реформе, встреченных в соединенном присутствии Департаментов Г. Совета	1249
Проведение реформы через Финансовый Комитет и о причинах, побудивших сохранить «рубль» и отказаться от более мелкой денежной единицы	1252

О предположении захвата Россией Верхнего Босфора:

О записке по этому поводу константинопольского посла Нелидова	1260
Заседание под председательством ГОСУДАРЯ	1262
Недовольство ГОСУДАРЯ мною за возражения против захвата Босфора	1270

О государственных деятелях на окраинах:

О Главноначальствующем на Кавказе генерале Шереметеве и его отставке	1273
О Князе Григории Голицыне, его назначении Главноначальствующим на Кавказ и результатах его деятельности	1274
О Варшавских Генерал-Губернаторах Графе Шувалове и Князе Имеретинском	1282
О Финляндском Генерал-Губернаторе Графе Гейдене	1285
О несогласии ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и о согласии ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ II на соединение финляндских ж. дорог со шведскими	1286

Ч А С Т Ь X I

О Министре Иностранных Дел Графе Муравьеве и его Товарище Графе Ламздорфе	1290
О приезде в Петербург Австрийского Императора Франца-Иосифа	1295
Об отставке Министра ИМПЕРАТОРСКОГО Двора Графа Воронцова-Дашкова и причинах к ней	1295
О назначении Барона Фредерикса Министром ИМПЕРАТОРСКОГО Двора	1300

Об установлении нового порядка испрошения кредитов по Министерству ИМПЕРАТОРСКОГО Двора и моем разговоре об этом с ГОСУДАРЕМ	1301
О приезде в Петергоф Сиамского Короля	1304
<i>О приезде Германского Императора Вильгельма:</i>	
Приезд Императора Вильгельма в Петергоф	1305
Первая моя встреча с Императором Вильгельмом и пожалование им мне ордена Черного Орла	1306
Моя аудиенция у Императора Вильгельма в Петербурге и его предложение о боевых пошлинах против Америки . .	1307
О инциденте по поводу уступки Германии китайского порта Киао-Шоу	1314

О приезде в Петербург Президента Фрaнции Феликса Фора и Министра Иностранных Дел Ганото	1317
О разности взглядов ИМПЕРАТОРОВ АЛЕКСАНДРА III и НИКОЛАЯ II на политические отношения между Россией и Францией	1320
О возложении французским министром иностранных дел венка на могилу ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III и посещения Феликсом Фором Монетного Двора и Экспедиции Заготовления Государственных Бумаг	1322
О поездке ГОСУДАРЯ в Варшаву	1323
О приезде в Петербург Абиссинской депутации во главе с Леонтьевым и абиссинцем Ато Иосифом и о видах на захват Россией Абиссинии	1325
О Киевских Генерал-Губернаторах Графе Игнатьеве и генерале Драгомирове	1330
О мнении генерала Драгомирова о Куропаткине	1333
<i>Об учреждении Комиссии по борьбе с чумою и ее Председателе Принце А. П. Ольденбургском:</i>	
Об учреждении Комиссии и назначении Припца Ольденбургского Председателем ее	1334
Об участии Принца Ольденбургского в организации благотворительных учреждений и его характере	1335
Обида Принца Ольденбургского на меня по деятельности Чумной Комиссии и примирение со мною	1340
Привлечение Принца Ольденбургского к деятельности по попечительству о народной трезвости	1344

О занятии Германией китайского порта Цзяо-Чжоу и Россией Ляодунского полуострова:

О занятии Германией порта Цзяо-Чжоу	1346
Заседание под председательством ГОСУДАРЯ по поводу занятия Германией порта Цзяо-Чжоу и предложения М-ра Иностранных Дел Гр. Муравьева о занятии Россией Порт-Артура	1349
Решение ГОСУДАРЯ занять Порт-Артур и Да-лянь-ван	1350
Мои предупреждения по поводу занятия Порт-Артура Великому Князю АЛЕКСАНДРУ МИХАЙЛОВИЧУ и по поводу занятия Цзяо-Чжоу — Германскому Императору . .	1356
Причины, недозволившие России протестовать против занятия Германией Цзяо-Чжоу, и мои попытки убедить отказаться от занятия Порт-Артура	1353
Мои свидания по поводу занятия Россией Порт-Артура и Германией Цзяо-Чжоу с английским послом О'Конором и германским послом Кн. Радолином	1359
Недовольство ГОСУДАРЯ мною за разговор с послами	1361
Впечатление в Китае от занятия Россией Порт-Артура	1362
Отставка Ванновского, назначение Куропаткина и заявление последнего о необходимости требовать от Китая уступки, кроме Порт-Артура, Ляодунского полуострова	1363
Моя просьба к ГОСУДАРЮ об освобождении меня от должности Министра и несогласие на это ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА	1365
Предъявление требования Китаю об уступке России Ляодунского полуострова	1367
Упорство Китая в уступке Ляодунского полуострова и мое участие в этом деле	1368
Согласие Китая на уступку	1369
Стремление Германского Императора втянуть нас в дальневосточную политику	1372
Тревога держав, вызванная нашим занятием П.-Артура и Ляодуна	1373

О соглашениях с Японией по делам Кореи, нашим доминирующем положении в ней и уступке его Японии	1374

Боксерское восстание в Китае:

О причинах, вызвавших его	1377
О начале восстания и отношении к нему китайского правительства	1378

Мнение Куропаткина о боксерском восстании и его предположении: сделать из Манчжурии вторую Бухару 1379

Недовольство Китая уступкою Ляодуна и государственными деятелями, подписавшими его 1379

О генералах Ванновском, Куропаткине и Сахарове:

О записке Куропаткина о Персии 1380

О причинах ухода в отставку ген. Ванновского и рекомендованных им ГОСУДАРЮ заместителей — Обручеве, Лобко и Куропаткине 1382

О назначении ген. Куропаткина Управ. Военным М-вом 1384

О разочаровании ГОСУДАРЯ в Куропаткине и ошибочности общественного доверия к нему 1386

О назначении ген. Сахарова Начальником Штаба и убийстве его в 1906 г. в Саратове 1389

О Министре Народного Просвещения Графе Делянове и его кончине 1391

Последствия, вызванные занятием Россией Ляодунского полуострова (Наши уступки Японии, нарушение договора с Китаем, захваты в Китае иностр. держав и возбуждение населения) 1394

Боксерское восстание и оккупация Манчжурии Россией:

Начало восстания и сочувствие ему китайского правительства 1394

Участие России во взятии Чифу и Тянь-Цзиня, мое разногласие с Куропаткиным о роли России в походе на Пекин 1395

Об участии России в походе на Пекин 1397

О преувеличенной посылке военной силы для подавления беспорядков 1399

О двойственности действий русских властей в Манчжурии 1400

Настояния мои и Гр. Ламздорфа на очищении Манчжурии и Куропаткина — на захвате ее 1402

О неопределенности отношений ГОСУДАРЯ к вопросу о Манчжурии и мнениям моему, Гр. Ламздорфа и Куропаткина 1404

О вневедомственном влиянии в направлении политики на Д. Востоке (о Безобразове, Гр. Воронцове-Дашкове и Вел. Князе АЛЕКСАНДРЕ МИХАЙЛОВИЧЕ) 1405

Недовольство Японии образом действий России в Корее 1407

О настояниях Японии, Англии и Соединенных Штатов Северной Америки на очищении Россией Манчжурии . . . 1408

О некорректном поступке ген.-лейт. Линевица и других военных чинов	1410
О захвате во дворце Китайской Императрицы договора, подписанного в Москве в 1896 году	1411
О борьбе влияний вневедомственных деятелей и Министров в направлении политики в Корее и Манчжурии . . .	1412
О результатах влияния вневедомственных деятелей в направлении Д. Восточной политики и поддержке их со стороны Плеве	1415
Мой уход вследствие разногласий и дальневосточной политики из Министров в Председатели Комитета Министров	1416
Первоначальное согласие ГОСУДАРЯ в направлении дальневосточной политики с Гр. Ламздорфом и мною и временное удаление от влияния Безобразова	1417
Возврат Безобразовым утраченного влияния, поддержка его Плеве и доведение дела до войны	1419

Эпизод с подысканием названия новому порту, устроенному в Да-лянь-ване	1419

Ч А С Т Ь XII

Крестьянский и дворянский вопросы:

Об отмене права выкупа крестьянами наделов и выхода из общины и рассмотрении этого дела в Госуд. Совете . . .	1424

<i>О первом отчете по Комитету Сибирской ж. д. за 1893—1897 гг. и моя попытка в связи с переселенческим вопросом возбудить — крестьянский</i>	1430

О положении крестьянского и переселенческого дела и отношении ГОСУДАРЯ к крестьянскому вопросу в начале Царствования и в позднейшее время	1430

О Дворянской Комиссии:

Об учреждении Комиссии и ее составе	1436
Высказанное мною мнение о зависимости благосостояния дворян от крестьян	1437

Об указании ГОСУДАРЕМ рамок деятельности и задач Комиссии	1438
О попытках искусственного восстановления благосостояния дворян и моем противодействии этому	1438

Пометка ГОСУДАРЯ на всеподданнейшем докладе Государственного Контролера о напряженности платежных сил населения и моя попытка в Комитете Министров побудить заняться крестьянским вопросом	1442

Постановление Комитета Министров о необходимости заняться крестьянским вопросом	1443

Неутверждение ГОСУДАРЕМ постановления Комитета Министров по крестьянскому вопросу	1444

Мое письмо к ГОСУДАРЮ о настоятельной необходимости урегулирования положения крестьян и крестьянского дела вообще	1446

О моем намерении возбудить вопрос о сложении выкупных платежей в Государств. Совете и отношении к нему членов его	1456

Об учреждении Комиссии по крестьянским делам, названной «Особым Совещанием о нуждах сельскохозяйственной промышленности»	1457

Особое Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности:

О составе членов Совещания и деятельности его в первый год по открытии	1461

Несочувствие В. К. Плеве деятельности Совещания и его противодействие ему	1462

О выводах из трудов местных комитетов	1465

Об интриге и возражениях некоторых членов Совещания против его деятельности	1466

Решение Совещания о необходимости установления индивидуальной крестьянской собственности и применения к крестьянам определенного гражданского законодательства	1469

Закрытие Совещания	1472

Об итоге деятельности Совещания и оставшихся от него трудах	1475

О могших быть благоприятных последствиях, если бы Совещание не было закрыто преждевременно	1476

Об учреждении Комиссии по крестьянским делам под председательством И. Л. Горемыкина, ее направлении, главных членах и бездеятельности 1477

Крестьянский вопрос после 17 октября 1905 года:

Аграрные беспорядки после 17 октября 1905 года . . . 1479
 Проект профессора Мигулина о дополнительном отчуждении частновладельческих земель в пользу крестьян . . . 1479
 Об отмене выкупных платежей и расширении деятельности Крестьянского Банка по операциям с частновладельч. землями 1480
 О Комиссии под председательством Н.Н. Кутлера . . . 1482
 Вопрос о наделе крестьян землей в 1-й Госуд. Думе . 1483
 О законах о крестьянском землевладении 9 ноября 1906 г. и 17 июня 1910 г. в министерство Столыпина 1484

Отмена круговой поруки в мое министерство 1488
 О новом паспортном уставе 1894 года 1489
 Об отпуске кредитов на усиление флота 1490
 О желании Куропаткина войти в переговоры с Австрией о производстве последней вооружений, не соответствующих интересам России 1491

О Мирной конференции в Гааге:

Предположение обратиться к державам с предложением о созыве конференции и его обсуждении 1494
 Обращение к державам о созыве конференции и их сочувствие 1495
 Мое мнение по поводу конференции, высказанное ГОСУДАРЮ 1496

Разговор с Бобриковым за обедом в честь Румынского Короля по случаю назначения Бобрикова Финляндским Ген.-Губ. и результатах его управления 1498

Открытие памятника ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ II в Москве и награды по этому случаю Победоносцеву и Гр. Милютину 1500

О поездке ГОСУДАРЯ в Крым и Данию 1501

Об идее установления морского сообщения с Дальним Востоком вдоль северных берегов Сибири, через северные моря:

- О ледоколе «Ермак» и цели его заказа 1502
 О сочувствии Д. И. Менделеева идее установления морского сообщения с Д. Востоком через северные моря и его влиянии на развитие нефтяной промышленности 1503
 О совещании с участием Менделеева и адм. Макарова по выработке программы к осуществлению идеи сообщения с Д. Востоком вдоль сибирских берегов и инциденте между ними 1505

Инцидент о Фашоде между Англией и Францией:

- Обострение отношений между Англией и Францией из-за занятия последней Фашоды 1507
 Обращение Франции за поддержкой к России и ответ последний 1508
 Уступка Францией Фашоды Англии 1509
 Приезд франц. Министра Иностр. Дел Делькассе и переговоры об обеспечении содействия России Франции в случае нового столкновения между последней и Англией 1510

-
- О Французском Президенте Лубэ и кончине Феликса Фора 1511
 О рождении Великой Княжны МАРИИ НИКОЛАЕВНЫ 1512
 Об объявлении Великого Князя МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА НАСЛЕДНИКОМ Престола 1512
 По поводу вопроса об изменении закона престолонаследия в смысле перехода его, за неимением сына, к дочери . . 1513
 Поездка ГОСУДАРЯ в Дармштатт и с визитом к Германскому Императору 1516

Моя поездка по губерниям Смоленской и Могилевской:

- О цели поездки — обзоре введения питейной монополии 1516
 Об участии в поездке Инспектора французского финансового ведомства 1517
 О французских надписях, сохранившихся в архиерейском доме с 1812 года 1517
 О мнении Инспектора французского финансового ведомства по поводу введения питейной монополии 1519

-
- Моя поездка в Крым 1521

Отставка Горемыкина и назначение Сипягина:

Сообщение мне Муравьевым о предстоящей отставке Горемыкина и просьба о поддержке его кандидатуры на пост Министра Внутренних Дел	1521
О консервативном направлении деятельности Горемыкина вообще и студенческих беспорядках в частности	1523
О расследовании Ванновским деятельности полиции в деле студенческих беспорядков	1524
Мое возвращение из Крыма. Разговор с Сипягиным накануне его назначения Министром Внутренних Дел	1526
Назначение Сипягина и увольнение Горемыкина	1527
Недовольство Муравьева мною из-за подозрения в мою поддержку Сипягину при его назначении	1528

О П. И. Рачковском	1529

Поездка Горемыкина в Англию:

О поездке Горемыкина, в сопровождении Рачковского, Балинского и Лященко, в Англию	1532
Донесение финансового агента Татищева о поездке в Англию Горемыкина и его спутников	1533

О Татищеве, финансовом агенте в Англии	1535

К отставке Горемыкина:

О предварительной его осведомленности в состоявшейся отставке	1537
Об ознакомлении Сипягина с донесением Татищева о поездке Горемыкина в Англию и уничтожении Директором Департамента Полиции, Зволянским, сказанного донесения . .	1538

О генерале Лобко, Государственном Контролере	1541

Мое участие в деле расширения образования в России:

О расширении коммерческого образования	1542
О моем председательстве в ремесленном Училище ЦЕСА-РЕВИЧА НИКОЛАЯ и Доме призрения и ремесленного образования бедных детей гор. С.-Петербурга	1544
Об открытии в С.-Петербурге Политехнического Института	1545

О первом Директоре С.-Петербургского Политехнического Института Князе Гагарине	1547
Об открытии Политехнических Институтов в Варшаве и Кieve	1550

Об издании манифеста «Об утверждении основных положений о составлении, рассмотрении и обсуждения законов, издаваемых для Империи со включением Финляндии»	1551

Об объединении Финляндских войск с Имперскими и о новом законе о взимании с финляндцев денег вместо натуральной воинской повинности.

О записке Куропаткина об объединении Финляндских войск с Имперскими	1551
Мои возражения против предположений Куропаткина	1552
О разногласии в Г. Совете при рассмотрении предположений Куропаткина	1553
Роспуск финляндских войск и взыскание с Финляндии вместо натуральной повинности — денежной	1555
Мое мнение о законе о взимании денег, вместо натуральной воинской повинности, с Финляндии, прошедшем в Госуд. Думе и Госуд. Совете	1556

О назначении Кн. Святополк-Мирского, Товар. Министра Внутр. Дел, заведующим полицией и корпусом жандармов .	1557
О примирении со мною Гр. Муравьева и его кончипе .	1558
О моей рекомендации ГОСУДАРЮ Гр. Ламздорфа и назначении его заместителем Гр. Муравьева	1562
Поездка ГОСУДАРЯ в Ц. Польское. Приезд в Петербург Шаха Персидского и отъезд ИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Крым . . .	1563

Моя поездка в Париж на выставку и заезд в Копенгаген:

Мой отъезд в Париж и заезд в Копенгаген по вызову ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ	1564
Аудиенция у ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ	1564
Аудиенция у Датского Короля Христиана	1565
Аудиенция у Принцессы Марии Датской	1567
Об осмотре Всемирной выставки в Париже и о Комиссаре Русского отдела Кн. Тенишеве	1567

Обед у Президента Лубэ и спор за обедом о денежном обращении	1568
Мое возвращение из Парижа через Петербург в Крым	1570

Болезнь ГОСУДАРЯ в Крыму:

Мой приезд в Крым и болезнь ГОСУДАРЯ	1570
Об ухудшении положения ГОСУДАРЯ и частном совещании по вопросу о престолонаследии и высказанном на нем мною мнении	1571
О разговоре с Куропаткиным по поводу совещания . .	1575
Сообщение А. Н. Нарышкиной о недовольстве мною ГОСУДАРЬНИ за высказанные мною мнения на совещании о престолонаследии	1577

О Великих Князях МИХАИЛЕ АЛЕКСАНДРОВИЧЕ и АНДРЕЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ:

О преподавании Им народного и государственного хозяйства (политической экономии и финансов)	1579
Об уклонении Вел. Кн. АНДРЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА от нормальной жизни и разговоре об этом с Вел. Кн. МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ	1581
Слухи о романическом увлечении Вел. Кн. МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА и запрещении Ему жениться на Принцессе Марии Кобургской	1582
Об установившихся отношениях Вел. Кн. МИХАИЛА АЛЕКСАНДРОВИЧА ко мне	1584

О рескрипте мне, о принятии мер по случаю промышленного кризиса и о моих попытках привлечения иностранных капиталов в Россию	1585
Об убийстве Министра Народного Просвещения Боголепова	1589
О назначении ген. Ванновского М-ром Народного Просвещения	1592
О назначении ген. Черткова Варшавским Ген.-Губ. и предложении ему перед назначением Плеве поста Финляндского Генерал-Губернатора	1593
О приезде в Петербург Чрезвычайного Английского посла с объявлением о восшествии на Престол Короля Эдуарда VII	1596

Ч А С Т Ь XIII

Бракосочетание Вел. Кн. ОЛЬГИ АЛЕКСАНДРОВНЫ с Принцем Ольденбургским	1597
Поездка ГОСУДАРЯ с семейством в Данию и к Принцу Генриху Прусскому	1598
Свидание ГОСУДАРЯ с Германским Императором близ Данцига	1598
Поездка ГОСУДАРЯ во Францию	1598
Об увлечении АВГУСТЕЙШИХ Особ спиритизмом, о докторе Филиппе и Рачковском	1599
Приезд в Петербург Маркиза Ито и безрезультатность переговоров с ним по делам Дальнего Востока	1603

О переменах в составе высшей администрации:

Убийство Д. С. Сипягина	1606
Отзыв Сипягина о Плеве на обеде у Кн. Мещерского и на- значение Плеве М-ром Внутренних Дел	1608
Об уходе с поста М-ра Народного Просвещения ген. Ван- новского и назначении на этот пост Зенгера	1609
О Товарище М-ра Народного Просвещения Лукьянове	1610
О назначении В. Н. Коковцова Государственным Секре- тарем	1611
О награждении Д. М. Сольского титулом «Графа» . . .	1613

Приезд в Петербург Президента Французской Респуб- лики Эмиля Лубэ	1614
То же Болгарского Князя Фердинанда	1614
То же Итальянского Короля Виктора Эммануила и по- дарке им мне портрета	1615
Свидание ГОСУДАРЯ с Германским Императором на мор- ских маневрах в Ревеле	1616
О маневрах в Курске в присутствии ГОСУДАРЯ . . .	1618

О положении дел на Дальнем Востоке:

Моя поездка на Д. Восток и доклад о ней	1618
Мое мнение о неосновательности убеждения в неизбежно- сти войны с Японией при исполнении последней принятых на себя обязательств	1620

О неподготовленности военного ведомства к войне с Японией	1621
Мой приезд с Д. Востока в Ливадню и личный доклад ГОСУДАРЮ о поездке	1622

Об участии Вел. Кн. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА в Совете по делам торгового мореплавания и об образовании Главного Управления Торгового Мореплавания и Портов.

Разговор с ГОСУДАРЕМ о неурядицах в Министерстве Путей Сообщения по устройству и управлению портов . . .	1623
Разговор с ГОСУДАРЕМ об образовании Министерства Торгового Мореплавания, мое заявление по этому поводу и недовольство ГОСУДАРЯ мною	1623
Об образовании Совета Торгового Мореплавания	1625
О председательстве Вел. Кн. АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВИЧА в Совете Торгового Мореплавания и Его разногласиях с членами Совета	1626
Об образовании Главного Управления Торгового Мореплавания и Портов	1627

Благодарственный Рескрипт на мое имя за укрепление финансов и преподавание Вел. Кн. МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ	1629
О кончине Морского Министра Тыртова	1629
О Морском Министре адм. Авелане	1629
Об адм. Рождественском, Начальнике Морского Штаба	1631
Поездка ИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Москву и говенье там	1636
Кончина И. Н. Дурново	1636
Поездка ИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Саровскую пустынь на открытие мощей Серафима Саровского и предшествовавший этому разговор ИХ ВЕЛИЧЕСТВ с К. П. Победоносцевым	1636

События, предшествовавшие моему уходу с поста М-ра Финансов:

Об усилении влияния Безобразова, поддержке его со стороны Плеве и учреждении наместничества на Д. Востоке	1639
Мои решительные возражения на совещаниях против Безобразовской авантюры и желание ГОСУДАРЯ склонить меня к противоположному	1640

О письме Кн. Мещерского к ГОСУДАРЮ по моему настоянию по поводу Безобразовской авантюры и ответе ГОСУДАРЯ	1641
Назначение Безобразова Статс-Секретарем и Вогака генералом Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА	1642
Предвидение мною печальной развязки на Д. Востоке вследствие учреждения Наместничества	1643
Посещение меня Безобразовым по поводу поездки ГОСУДАРЯ в Путиловский завод	1644
О выдаче из Государственного Банка, по приказанию ГОСУДАРЯ, ссуды под имяне ген.-майора Мейендорфа и о записке Завойко — о необходимости передачи Банков Дворянского и Крестьянского в ведение Министерства Внутренних Дел	1646
Получение от ГОСУДАРЯ мною записки о привозе к Нему Управляющего Государственным Банком Плеске	1650
Последний мой доклад ГОСУДАРЮ по Министерству Финансов, предложение мне поста Председателя Комитета Министров	1653
Приглашение ИМПЕРАТРИЦЕЙ МАРИЕЙ ФЕОДОРОВНОЙ на завтрак	1655
О разговоре с Вел. Кн. АЛЕКСАНДРОМ МИХАЙЛОВИЧЕМ по поводу провокационной деятельности агентов Д-та Полиции среди рабочих	1656
О причинах, послуживших причиною, при единстве взглядов, к моему уходу с поста М-ра Финансов и продолжению Гр. Ламздорфом управления М-вом Иностранных Дел	1660
О вероятных причинах к назначению Плеске Управл. Министерством Финансов и претензии В. Н. Коковцова на занятие этого поста по моем уходе	1663

О мероприятиях в мое управление Министерством Финансов

Об укреплении бюджета и накоплении свободной наличности и побудительных причинах к последнему	1666
О конверсии займов и займах на нужды железнодорожного строительства и увеличение золотого фонда	1671
О содействии увеличению русской промышленности, привлечении в нее иностранных капиталов и встреченных препятствиях этому	1672
О деятельности Фабричных Инспекций и нареканиях на ее деятельность	1675

Об организациях Зубатова в рабочей среде и результатах от этой деятельности 1678

О моих отношениях с Князем Николаем Черногорским и Петром Карагеоргиевичем, нынешним Королем Сербии:

Об устройстве Петру Карагеоргиевичу ссуды под его имение в Румынии 1683

О денежных вспомоществованиях со стороны России Князю Николаю Черногорскому и моих противодействиях при выдаче ему ссуд из Русской Казны 1689

О сооружении в С.-Петербурге памятника ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ III и моем участии в этом деле 1696

Поездка ГОСУДАРЯ с семейством в Дармштадт. Визит ГОСУДАРЯ Австрийскому Императору Францу-Иосифу и свидание ГОСУДАРЯ с Германским Императором в Висбадене 1715

О направлении Д. Восточной политики после моего ухода с поста М-ра Финансов и неподготовленности России к войне 1716

О подготовке Россией театра военных действий на западной границе и разногласиях по этому поводу между Вел. Кн. НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ и Куропаткиным . 1716

Об увольнении в отставку Киевского Ген.-Губернатора и Командующего войсками ген. Драгомирова 1719

Об устранении Гр. Ламздорфа от влияния в направлении политики на Д. Востоке и непосредственных сношениях ГОСУДАРЯ с адм. Алексеевым 1720

Об уверенности в Париже в невозможность войны на Д. Востоке и высказанных убеждениях по этому поводу Министром Иностранных Дел Франции — Делькассе 1721

Об осведомленности германской дипломатии о готовности Японии к войне с Россией. Предупреждение об этом Германского Императора ГОСУДАРЯ и ответ последнего 1723

О несостоявшейся поездке ГОСУДАРЯ с визитом к Итальянскому Королю Виктору Эммануилу 1725

Об агенте Департамента Полиции в Париже, Мануйлове, и предупреждении им меня об агентах Плевсе, наблюдавших за мною 1729

О Вел. Кн. КИРИЛЛЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ и Прпцессе Кобургской, Его же 1731

О П. М. Романове, члене Г. Совета, бывшем Товарище Министра Финансов	1732
О Министре Народного Просвещения Зенгере	1734
О кандидатуре на пост Министра Народного Просвеще- ния: Гр. Толстого, ген. Шильдера, Кристи, Герасимова и ген. Глазова и о назначении последнего Министром	1735
О Герасимове, Товарище М-ра Народного Просвещения в бытность мою Председателем Совета Министров	1737
О разговоре японского посланника Курино со мною на придворном балу в Зимнем Дворце по поводу переговоров о Корее и Манчжурии и осведомлении об этом мною Гр. Ламз- дорфа	1738
О начале войны с Японией и торжественном молебне в Зимнем Дворце по этому случаю	1740
О назначении адм. Алексеева Главнокомандующим и его прежней карьере	1742
О назначении ген. Куропаткина Командующим армией	1745

Ч А С Т Ь XIV

Разговоры между мною и Куропаткиным перед его отъез- дом в армию	1747
О разногласии между Куропаткиным и ген. Вапновским о потребных силах для войны	1750
О поездках ИХ ВЕЛИЧЕСТВ для напутствия войск, раз- даче войскам икон и злой шутке ген. Драгомирова по этому по- воду	1750
О главных этапах войны	1752

*Об усилении революционных проявлений в связи с неуда-
чами войны:*

Об усилении революционного настроения в обществе	1753
О заявлении Плеве Куропаткину о трудности сдерживать проявления революции в населении	1753
О беспорядках в войсках, высших учебных заведениях, на фабриках и заводах	1755
О мерах, принимаемых Плеве к подавлению революцион- ных проявлений (зубатовщина, погромы)	1756

О крестьянских беспорядках в Харьковской губернии	1758
О предвидении мною катастрофы и предупреждении об этом мною Плеве	1759

О посещении Зубатовым меня и Кп. Мещерского. О покровительстве со стороны Плеве Зубатову и ссылке затем его во Владимир	1760
Об убийстве Плеве и найденном при нем письме агента полиции о моей причастности к революционной деятельности	1763
О рождении НАСЛЕДНИКА ЦЕСАРЕВИЧА АЛЕКСЕЯ НИКОЛАЕВИЧА	1765
О назначении Кн. Святополк-Мирского М-ром Внутр. Дел	1765
О розыске для ГОСУДАРЯ через Департамент Полиции брошюры «Историческая справка о событиях на Д. Востоке в 1900—1902 гг.», о разговоре моем с Кн. Святополк-Мирским по поводу этих розысков и передаче ему экземпляра брошюры для ГОСУДАРЯ	1769
О разгласнях между Куропаткиным и Алексеевым, вызов последнего в С.-Петербург и назначении первого Главным командующим	1772
О высказанном мною мнении германскому канцлеру Булову о вероятном исходе войны, перемене этого мнения впоследствии и стремлении воздействовать к скорейшему окончанию войны	1775

Об издании ВЫСОЧАЙШЕГО Указа 12 декабря 1904 года:

О заседании под председательством ГОСУДАРЯ, предшествовавшем изданию Указа 12 декабря «о предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка»	1776
О проекте Указа, составленном мною и бароном Нольде, вызове меня ГОСУДАРЕМ перед подписанием Указа и пзятии из проекта пункта о привлечении выборных в Госуд. Совете	1781

Об уходе Вел. Кн. СЕРГИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА с поста Московского Генерал-Губернатора	1786
О неосуществлении полностью милостей, дарованных Указом 12 декабря 1904 г., как причине недовольства в обществе	1788
О несчастном случае во время водосвятия 6 января 1905 г.	1788

О С.-Петербургских Градоначальниках ген. Клейгельсе и ген. Фулоне и поддержке последним рабочих организаций священника Гапона	1890
О шествии рабочих для подачи петиции ГОСУДАРЮ 9 января 1905 года	1795
Об учреждении поста С.-Петербургского Генерал-Губернатора и назначении на его ген. Трепова	1802
Об отставке Кн. Святополк-Мирского	1804
Об уходе Н. В. Муравьева с поста Министра Юстиции послом в Рим	1805
Назначение Булыгина Министром Внутренних Дел	1807
О принятии ГОСУДАРЕМ двух рабочих депутатий, организованных ген. Треповым	1809
О назначении Манухина Министром Юстиции	1810
<i>О работах Комитета Министров по исполнению Указа 12 декабря 1904 года:</i>	
Об устранении отступлений в порядке издания законов	1812
О водворении силы закона и образовании по этому поводу Сопещания под председательством А. А. Сабурова	1813
Об урегулировании вопроса о прессе	1816
Об исключительных положениях и образовании по этому вопросу Особого Сопещания под председательством Графа А. П. Игнатьева	1819
По вопросу о веротерпимости и издании Манифеста 17 апреля 1905 года	1821
Об образовании Особого Сопещания под председ. Гр. А. П. Игнатьева по исполнению предначертаний Манифеста 17 апреля 1905 г. о свободе совести и безрезультатности его деятельности	1824
О законах о веротерпимости в министерство Столыпина	1825
Об уклонении К. П. Победоносцева от работ в Комитете Министров по вероисповедному вопросу	1826
Об указаниях Митрополита Антония на необходимость мероприятий на пользу православной церкви и доклад об этом ГОСУДАРЮ	1827
О рассмотрении вопроса о мероприятиях в пользу православной церкви, моих записках по этому вопросу и возражениях на них К. П. Победоносцева и о изъятии этого вопроса из обсуждения Комитета Министров с передачей на обсуждение Св. Синода	1829

О постановлении Св. Синода о необходимости созыва поместного собора и учреждения патриаршества. Об отставке Саблера и Победоносцева, назначении и отставке Кн. Ширинского-Шахматова и назначении Обер-Прокурором Кн. Оболенского 1831

О свободе печатания священных книг на малороссийском языке 1834

По вопросу о разрешении преподавания на родном языке подданных 1835

О закрытии заседания Комитета Министров по исполнению Указа 12 декабря 1904 года 1837

О комиссиях по рабочему вопросу под председательством Шидловского и В. Н. Коковцова 1838

Об убийстве Вел. Кн. СЕРГЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА 1840

О Мукдепском поражении 1841

О ген. Стесселе и его возвращении в Петербург 1842

О Манифесте 17 февраля 1905 г.— о настроениях и смутах и ВЫСОЧАЙШЕМ Рескрипте на имя Булыгина, о выработке способов участия выборных населения в разработке и обсуждении законодательных предположений 1844

О ВЫСОЧАЙШЕМ Указе Сенату — о предоставлении населению права петиций в Совет Министров 1846

Об издании Манифеста 6 августа 1905 г.— о законодательной Госуд. Думе и отмене права петиций населения в Совет Министров 1847

О деморализации армии на Д. Востоке вследствие военных неудач 1850

Об учреждении Особого Совещания «о мерах к укреплению крестьянского землепользования» под председательством И. Л. Горемыкина 1854

Об упразднении Министерства Государственных Имуществ и учреждений Главного Управления Землеустройства и Земледелия 1855

О Шванебахе 1856

Об образовании Совета Государственной Обороны и участии в этом деле Вел. Кн. НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА . . 1859

О посылке флота из Балтийского моря на Д. Восток под командой адм. Рождественского и его поражении в Цусимском проливе 1864

О пазпачении ген. Трепова Товарищем Министра Внутренних Дел, заведующим полицией	1868
Об упразднении Комитета Дальнего Востока и увольнении Наместника Алексеева с поста	1869
О приеме ГОСУДАРЕМ 6 июня 1905 г. депутации земских и городских деятелей	1871
О приеме ГОСУДАРЕМ 18 июня 1905 г. депутации от 26 губернских предводителей дворянства	1872

О начале мирных переговоров с Японией и назначении уполномоченных:

О выборе главного уполномоченного и причинах неназначения меня сразу	1873
О предупреждении мною через Кн. Шервашидзе ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ФЕОДОРОВНЫ перед началом войны об ее опасности	1876
О назначении Н. В. Муравьева главным уполномоченным по ведению переговоров и его отказе	1878
О назначении меня главным уполномоченным по ведению переговоров с Японией	1882

О назначении В. Н. Коковцова Министром Финансов . .	1887
О моем свидании с Вел. Кн. НИКОЛАЕМ НИКОЛАЕВИЧЕМ перед моим отъездом в Америку	1892
О переезде в Америку	1895
О встрече, оказанной Русским уполномоченным в Америке, и перемене общественного мнения в пользу России	1898

Ч А С Т Ь XV

Воспоминания за время моего пребывания в Америке:

Посещение мною еврейского квартала в Нью-Йорке и поездка к Президенту Рузвельту	1904
О первой встрече с представителями Японии	1907
О переезде уполномоченных в Портсмут, моей высадке в Нью-Порте и посещении Бостона	1909

О моем разговоре с выходцами-евреями из России на вокзале в Бостоне	1915
О приезде уполномоченных в Портсмут и пребывании в нем	1918
О подписании мирного договора и благодарственном богослужении по этому случаю	1924
О американском студенчестве	1927
О посещении меня г. Куртиным в Портсмуте	1930
О принятии мною депутации от американских евреев во главе с банкирами Шиф, Страус и Зелигмап	1932
О г. Моргане и посещении мною кадетского корпуса	1935
О посещении мною Колумбийского Университета в Нью-Йорке	1939
О предполагавшемся моем путешествии по Америке	1941
О посещении мною г. Вашингтона и осмотре дома президента Вашингтона	1944
О последнем моем свидании с Президентом Рузвельтом и его письме к ГОСУДАРЮ о нестеснении въезда в Россию американским евреям	1948

О событиях в России за время моего пребывания в Америке:

Об обсуждении законопроекта Булыгина — о законосовещательной Г. Думе — в заседаниях под председательством ГОСУДАРЯ и настроении в то время интеллигенции, дворянства и крестьянства	1953
О назначении Московским Генерал-Губернатором Дурново	1962
О возвращении Армяно-Грегоринской церкви отобранных церковных имуществ и предоставлении льгот и прав по содержанию духовных училищ и воспитанию юношества	1962
Об издании Манифеста 6 августа 1905 г. о законосовещательной Государственной Думе	1964
Об издании Указа о даровании автономии высшим учебным заведениям	1965

Эпизоды из посещения мною Нью-Йорка, па обратном пути из Портсмута	1967
О посещении мною на обратном пути из Америки Парижа, ведении переговоров о займе и посещении мною Германского Императора	1972

О первом моем представлении ГОСУДАРЮ по возвращении из Америки и пожаловании мне графского достоинства . .	1973
О пропуске в настоящих воспоминаниях периода с 15 сентября 1905 г. по конец апреля 1906 г. и причипах к этому . .	1975
О моей просьбе об отставке	1976
О предложении ГОСУДАРЯ назначить меня послом	1977
О разговоре ГОСУДАРЯ со мною по поводу назначения мне заместителя и о назначении Горемыкина Председателем Совета Министров	1977
О просьбе генерала Трепова ко мне — не покидать поста Председателя Совета Министров	1980
О разговоре с ГОСУДАРЕМ по поводу предложения ЕГО назначить меня послом и выраженном ИМ желании заменить Графа Ламздорфа — Извольским.	1981
Об осведомлении мною членов кабинета с письмом к ГОСУДАРЮ об отставке	1984
О посещении меня Бирилевым и его просьбе не покидать пост Председателя Совета Министров	1985
О дальнейшей судьбе членов моего кабинета	1986
Об отставке П. Н. Дурново и особых милостях ГОСУДАРЯ к нему	1988
О членах кабинета Горемыкина: Коковцове, Шванебахе, Стишинском, Щегловитове и фон Кауфмане	1989
О предупреждении мною ГОСУДАРЯ о имеющихся секретных документах у Графа Ламздорфа	1992
О просьбе ГОСУДАРЯ возратить ему Собственноручные ЕГО записки ко мне за время моего премьерства и о возврате их мною	1993
Об издании Основных Законов и моем участии в этом . .	1995
О назначении Графа Сольского Председателем и Фриша Вице-Председателем Государственного Совета	1997
О назначении Шауфуса Министром Путей Сообщения	1997
О назначении Кн. Ширинского-Шахматова Обер-Прокурором Св. Синода	1998
О ВЫСОЧАЙШЕМ выходе ГОСУДАРЯ к представителям Госуд. Думы и Госуд. Совета в Зимнем Дворце 27 апреля 1905 года	1998
Об отставке Графа Ламздорфа, назначении Извольского Министром Иностранных Дел и его миссии ко мне перед 17 октября 1905 года	2001

Об отставке М. П. Федорова с поста Министра Торговли и Промышленности	2002
О назначении Столыпина Министром Внутренних Дел и моем мнении по поводу его назначения впоследствии Председателем Совета Министров	2003
Об опубликовании законов до и после моего ухода с поста Председателя Совета Министров, выработанных при моем непосредственном участии	2004
О неправильности толкования опубликованных законов, выработанных при моем участии, и хранении в тайне журналов и протоколов заседаний, в коих они перед опубликованием обсуждались	2005
Об упразднении Комитета Министров	2007
О моем знакомстве с Принцем Наполеоном, претендентом на французский престол	2008
О кончине В. Л. Нарышкина	2012
О знакомстве с профессором Мечниковым	2013
О посещении Экслебена, Виши и Гомбурга; охране меня германскою полицией и причине к этому	2015
О получении мною письма Барона Фредерикса о желательности ГОСУДАРЯ моего невозвращения в Россию и дальнейшей переписке по этому поводу	2021
О покушении на Столыпина на Антекарском острове	2024
О получении телеграммы от Кн. Андроникова об опасности для меня возвращения в Россию и об нем — как личности	2024
О взаимоотношениях Правительства и Государственной Думы первого созыва. О роспуске ее и причинах к нему	2029
Об участии Горемыкина в деле роспуска 1-й Государственной Думы и отношениях между ним и ген. Треповым	2036
О замене Горемыкина Столыпиным п. членов кабинета первого новыми лицами	2039
О Выборгском воззвании членов Государственной Думы первого созыва	2041
Об убеждениях и политике Столыпина до и после назначения Председателем Совета Министров	2044
О мероприятиях в министерство Столыпина с целью уснокоения крестьян	2045
То же, с целью подавления смуты (усилении ответственности за противоправительственную пропаганду в войсках и введение военно-полевых судов)	2046

Ч А С Т Ь XVI

О Кривошеине, Товарище Министра Финансов	2048
О Князе Васильчикове, Главноуправляющем Землеустройством и Земледелием	2049
О политическом разврате, развившемся в министерство Столыпина	2052
О покровительстве Столыпиным Союзу Русского Народа	2053
О мероприятиях в министерство Столыпина в отношении крестьянства	2054
О Прибалтийских Геперал-Губернаторах генералах Соллогубе и Меллер-Закомельском и о причинах бывших смут в Прибалтийском крае	2055
О деле Гурко-Лидваль по поставке хлеба для голодающих	2064
О деле Директора Департамента Полиции Лопухина	2069
О деле по привлечению к ответственности членов 1-й Государственной Думы за подписание «выборгского воззвания»	2071
О бойкоте некоторыми дворянскими обществами подписавших выборгское воззвание. Постановление Костромского дворянского депутатского собрания о приеме бойкотируемых в свое общество. Адрес Совета объединенных дворян. обществ 31 губернии против постановления Костромского дворянства и образование Совета объединенных дворянских обществ и его деятельность	2074
Об убийстве Градоначальника Лауница	2075
Об убийстве Главного Военного Прокурора Павлова и введении Столыпиным по его инициативе военно-полевых судов	2078
О государственных росписях 1906 и 1907 годов	2082
Об отставке Морского Министра Бирилева и о проекте преобразований в управлении Морским Министерством	2084
О Графе Гейдене, заведывавшем военпо-походной канцелярией ГОСУДАРЯ	2091
О кандидатуре в Морские Министры адмиралов Дубасова и Алексеева и о назначении адмирала Дикова Морским Министром и его товарищем адм. Бострема	2092
О моем заявлении Столыпину о желании выйти в отставку и его ответе	2097
О моих выступлениях в Госуд. Совете по законопроектам министерства Столыпина «О Морском Военном Штабе» и «О введении земства в западных губерниях» и произволе, проявленном Столыпиным при проведении этих законов	2100

О двукратном покушении на мою жизнь:

О предупредительных угрожающих письмах. Приезде барона Фредерикса по поручению ГОСУДАРЯ, по поводу слухов о моем труде о финансовом положении России. Об обнаружении первого снаряда в трубе моего дома	2105
О первых допросах свидетелей и обнаружении второго снаряда	2112
Об исследовании снарядов в лаборатории Артиллерийской Академии	2117
Об анонимных письмах, полученных мною после обнаружения снарядов	2120
Об инертности властей в деле расследования покушения и стремлении установить симуляцию его	2121
О передаче мне Щегловитовым его разговора с ГОСУДАРЕМ по поводу покушения на меня	2125
О Казаринове и его участии в деле покушения на меня	2127
О странном поведении агентов охраны и моей просьбе об удалении их от меня	2130
Об отмене заседания Госуд. Совета и предупреждении меня И. П. Шиповым о грозящей опасности при поездке на следующее заседание	2133
Об убийстве Казанцева и следствии по этому делу	2135
О заявлении Председателя Судебной Палаты Камышанского, сделанном мне по поводу ведения дела следствия об убийстве Казанцева, и моем разговоре с Министром Юстиции	2138
О данных следствия, выяснивших принадлежность Казанцева к охране, участии в организации покушений на меня с ведома лиц охранной полиции и при участии правых организаций	2140
О требовании выдачи Федорова от Французского Правительства	2149
Об установлении следователем — что Казанцев агент охранной полиции и о розыске его письма ко мне с требованием денег	2150
О переписке моей со Столыпиным по поводу покушений на меня	2153

О сделанном мне сообщении Членом Совета М-ра Внутр. Дел Пшерадским о причинах, побудивших ГОСУДАРЯ не принять отставку Столыпина (в связи с делом о введении земства в западных губерниях) и о давлении последним на Министер-

ство Юстиции в ведении, после этого, дел политического характера	2159
Об издании в м-во Столыпина в междудумье 1-й и 2-й Г. Дум, по силе 87 ст. Осн. Зак., законов и правил: о сектантах и раскольниках, о военно-полевых судах и по крестьянскому вопросу	2165
О 2-й Госуд. Думе, ее составе и направлении	2168
О кончине К. П. Победоносцева	2170
Об убийстве Иоллоса	2171
О кончине Председателя Госуд. Совета Фриша	2171
О назначении Акимова Председателем Госуд. Совета	2172
Об увольнении Директора С.-Пб. Политехнического Института Князя Гагарина и суде над ним	2174
О внесении Правительством на рассмотрение Г. Думы законов полпейско-полтпческого характера, изданных по силе 87 ст. Основных Законов.	2176
О раскрытии заговора о посягательстве на жизнь ГОСУДАРЯ, Велик. Князя НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА и Столыпина	2177
Об отклонении Госуд. Думою закона «Об ответственности за восхваление преступных деяний в речи и печати», изд. по 87 ст. Осн. Зак., и разногласиях ее деятельности с видами Правительства	2178
Об авторитете Столыпина, причинах к этому и характеристика его деятельности	2179
О моем разговоре с бароном Фредериксом перед роспуском 2-й Государственной Думы	2183
О выработке нового выборного закона перед роспуском 2-й Гос. дарственной Думы	2185
О раскрытии замысла 55 членов соц.-дем. партии Г. Думы, ниспровергнуть существующий государственный строй; роспуске 2-й Г. Думы и издании выборного закона 3 июня 1907 года	2187
Об отставке Шванебаха, Государственного Контролера, вследствие разногласий со Столыпиным и членами его кабинета	2191
О Графе Эрентале, его близости с членами кабинета Горемыкина вообще и со Шванебахом в частности	2192
О памфлете-записке, составленной Шванебахом, направленной против меня, и передаче ее Гр. Эренталем, с одобрения Горемыкина, Германскому Императору	2196
Об опубликовании памфлета-записки и отношении ко мне Германского Императора после ознакомления с ним	2199

О заключении с Японией трактата о торговле и морепла-	
вании и рыболовной конвенции	2200
О свидании ГОСУДАРЯ с Германским Императором в	
Свинемюнде	2201
Об освящении Храма Воскресения Христова в С. Петерб-ге	2201
Об аварии с ИМПЕРАТОРСКОЙ яхтой «Штандарт» в фин-	
ляндских шхерах и ее командире флаг-капитане Нилове . .	2201
О Князе Мещерском и его приближенном Бурдукове	2202
О Государственном Контролере Харитонове	2204

Об Англо-Русском соглашении по делам Персии, Афга-
нистана, Тибета и Персидского залива:

Об опубликовании конвенции между Англией и Россией	
по делам Персии, Афганистана, Тибета и Персидского залива	
и о двойственности положения России вследствие этого . .	2205
О посещении меня в Париже, по пути из Портсмута. По-	
клевским-Козел и передаче мне приглашения Английского Ко-	
роля Эдуарда VII посетить его и об уклонении мною от пригла-	
шения	2207
О доминирующем влиянии России в Персии и невыгодно-	
сти для России заключенного соглашения в отношении Персии	2209
О вмешательстве Германии в отношения между Россией,	
Англией и Персией и о заключении Россией особого соглаше-	
ния с Германией по делам Персии	2214
О доминирующем и абсолютном влиянии Англии в Афга-	
нистане	2215
Об опубликовании «Положения о созыве предстоящего	
чрезвычайного собора русской перкви» и порядке производства	
дел в нем	2218
О Грингмуте и его кончине	2219

Ч А С Т Ь XVII

О моем знакомстве с организацией секретной полиции	
как причине непринятия непосредственного управления М-вом	
Внутренних Дел в свои руки. Незнакомство Столыпина с той	
же организацией, его заведование М-вом Внутрен. Дел и дезор-	
ганизация секретной полиции в его управление	2223
О Товарище М-ра Внутр. Дел Курлове и его карьере. Эпи-	
зод с охраной меня, в бытность премьером, вследствие слухов	
о намерении Хрусталева-Носаря арестовать меня	2227

Об открытии 3-й Госуд. Думы, созванной по новому выборному закону 3 июня 1907 года	2235
О Финляндских Генерал-Губернаторах Герарде и Зейне и о Градоначальниках: С.-Петербургском — Драчевском и Московском — Рейнботе	2236
О приезде в С.-Петербург Военного Министра Северо-Американских Соединенных Штатов—Тафта и его заявлении о необходимости урегулирования вопроса о въезде американских граждан иудейского исповедания в Россию	2238
О письме Президента Рузвельта к ГОСУДАРЮ, переданному через меня по тому же делу	2240
О внесении Булыгиным в Г. Совет законопроекта о новом паспортном уставе, с устранением стеснений въезда иностранным подданным иудейского исповедания в Россию	2241
О нерассмотрении Г. Советом до созыва Г. Думы нового законопроекта о паспортах и возврате его М-ру Внутренних Дел и невнесении последним его в Государственную Думу	2242
О депошировании Северо-Американскими Соединенными Штатами торгового договора с Россией как результате неудовлетворения домогательств о разрешении беспрепятственного въезда американским гражданам иудейского исповедания в Россию	2243
О покушении на жизнь Московского Генерал-Губернатора Гершельмана	2244
Об Одесских Градоначальниках: Григорьеве, Нейдгардте, Новицком и Толмачеве и о произволе последнего, недовольстве им Столыпина, борьбе между ними и отставке Толмачева	2245
Об утверждении Каульбарсом двух смертных приговоров военно-полевого суда над невинными	2255
О кончине М-ра Торговли и Промышленности Философова	2257
О Московском Градоначальнике Рейнботе, ревизии сенатора Гарина о его деятельности и суде над ним	2257
Об отношениях между большинством 3-й Госуд. Думы и Столыпиным и политическом рауте у последнего	2262
О моей поездке за границу в 1907 г. и болезни жены	2262
Об отставке Министра Народного Просвещения Кауфмана и его Товарища Герасимова	2268
О приезде в Петербург: Князя Николая Черногорского, Румынского Наследника и Шведского Короля Августа-Адольфа	2273
Свидание ИХ ВЕЛИЧЕСТВ с Английскими Королем и Королевою в Ревеле	2276

Убийство Графа Игнатьева, А. П. и об его жене	2276
О свидании ГОСУДАРЯ с Президентом Франции Фальером в Ревеле	2278
Об издании «Положения о процентной норме для приема лиц пудейского исповедания в учебные заведения»	2278
О первоначальном отношении кабинета Столыпина к еврейскому вопросу и перемене отношения к нему впоследствии	2280
О кончине Великого Князя АЛЕКСЕЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА	2283
О Комиссии Государственной Обороны 3-й Г. Думы и ее председателе А. И. Гучкове	2284
О выступлении Г. Думы против Совета Государственной Обороны и неподчинения Генерального Штаба Военному Министру; об отставке Начальника Штаба ген. Палицына и назначении вместо него ген. Сухоминнова	2288
О присоединении Австрии Боснии и Герцеговины и провозглашении Князя Болгарского Фердинанда — Царем. О заключении Россией займа в 450 м. руб. и отставке Извольского с поста Министра Иностранных Дел	2289
Об отце Иоанне Кронштадтском	2294
О заграничной моей и жены поездке в 1908 году. Излечение жены от болезни припадков	2298
О назначении Курлова Товарищем Министра Внутренних Дел и Командующим Отдельным Корпусом Жандармов	2302
Об увольнении Морского Министра Дикова и назначении вместо него Воеводского	2302
О командировке Шипова на Д. Восток, его кандидатуре на пост посла в Японию, назначении Министром Торговли и Промышленности и увольнении с поста	2303
О моих указаниях при начале мирных переговоров с Японией на необходимость заключения не только мира, но и союза или дружественного соглашения; об отклонении моего предложения и причинах к этому	2306
О домогательствах некоторых групп общества реванша на Д. Востоке и как результате их — сооружение Амурской ж. д.	2308
Мои возражения против необходимости постройки Амурской ж. дороги	2311
О правильности взглядов Извольского на положение России на Д. Востоке и целесообразности заключенных им соглашений с Японией	2312

О В. И. Тимирязеве:

Его назначение М-ром Торговли и Промышленности в кабинете Столыпина	2314
О деле по выдаче 30 000 р. Матюшенскому и сношении с Гапоном	2315
О его поведении в Г. Совете до назначения Министром Торговли и Промышленности	2316
О раздаче нефтяных земель М-вом Торговли и Промышленности в управление Тимирязева и об уходе с поста Министра И. П. Шипова по несогласию с этой раздачей	2317
О вторичном выборе Тимирязева в Г. Совет от промышленности. Исходатайствование им наград коммерческим деятелям	2319
Об отставке Тимирязева	2320
Объяснения его в Г. Думе по поводу незаконной раздачи нефтяных земель	2321
О не награждении Тимирязева званием первого чина ВЫСЧАЙШЕГО Двора	2322

О расследовании ген.-адъют. Пантелеевым об убийстве в г. Одессе городовым офицера и его докладе о необходимости снятия в Одессе военного положения	2324
О переименовании в г. Одессе улицы моего имени на имя ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I	2328
Об увольнении Шауфуса с поста Министра Путей Сообщения и о назначении на его место Рухлова	2334
Об увольнении Извольского с поста Обер-Прокурора Св. Синода и назначении вместо него Лукьянова	2334
Об увольнении Редигера с поста Военного Министра и назначении Сухомлинова	2335
О рассмотрении Г. Советом законопроекта о Штатах Морского Генерального Штаба и моем выступлении по этому поводу	2338
О подаче Столыпиным отставки вследствие неутверждения ГОСУДАРЕМ закона о Штатах Морского Генерального Штаба	2343
Об издании правил о порядке законодательства по военным и морским делам	2344
О Зиновьеве и Чарыкове, послан в Турции	2345
Об отставке Извольского с поста М-ра Иностр. Дел и назначении вместо него Сазонова	2347

О перевороте в Турции, чрезвычайном посольстве Магомета II и сравнении А. II. Гучковым младотурок с октябристами	2350
О свидании ГОСУДАРЯ с Германским Императором в финляндских шхерах и визите Шведскому Королю	2352
О Полтавских торжествах по случаю 200-летия Полтавской битвы	2353
О приезде в Петергоф Короля и Королевы Датских .	2354
О поездке ГОСУДАРЯ с ответным визитом во Францию, Англию и о свидании с Германским Императором близ Рендсбурга	2355
Упразднение Совета Государственной Обороны	2355
О новом ограничении евреев в праве поступления в среднее учебные заведения	2357
О поездке ГОСУДАРЯ с визитом к Итальянскому Королю	2357
О кончине Великого Князя МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА	2358
О моей поездке за границу в 1909 году	2358
О приезде в Петербург депутации французского парламента	2359
То же, Царя и Царицы Болгарских	2359
То же, Короля Сербского Петра	2360
О кончине Английского Короля Эдуарда VII	2361
О поездке ИХ ВЕЛИЧЕСТВ в Ригу на торжества 200-летия присоединения к России Прибалтийского края . . .	2361
О восшествии на престол Английского Короля Георга V	2362
О поездке ИХ ВЕЛИЧЕСТВ во Фридберг. Болезнь ГОСУДАРЫНИ. Мое пребывание в Гомбурге и Вишп	2363
О назначении Извольского послом в Париж и Сазонова Министром Иностранных Дел	2366
Свидание ГОСУДАРЯ с Германским Императором в Потсдаме и ответный визит Германского Императора ГОСУДАРЫ	2367
О назначении Сазонова из Управляющего М-вом Иностр. Дел в Министры	2370
О кончине Эмира Бухарского	2371
О кончине Графа Л. Н. Толстого, его воззрениях и отношении к его кончине Правительства	2371
О назначении Кассо Управ. М-вом Народного Просвещения	2373
50-летие освобождения крестьян от крепостной зависимости	2376
200-летие Правительствующего Сената	2376

О законопроекте, составленном Пихно, об изменении порядка выборов в члены Г. Совета от юго-западных и северо-западных губерний и рассмотрении его в Г. Совете 2378

О законе «О введении земства в 9 западных губерниях»:

О его составлении и ходатайствах черносотенцев и националистов о предоставлении им преимущества. Об устранении крестьянства от выборов и введении делений при выборах пакурии 2380

О встреченных законопроектом препятствиях в Г. Совете, моих выступлениях при рассмотрении его и непринятии закона в общем собрании Г. Совета 2383

О заявлении Столыпина, что единственный враг, которого он боится, — это я 2386

О подаче Столыпиным отставки и оказанной ему поддержке АВГУСТЕЙШИМИ Особами 2387

О кондициях Столыпина, предъявленных ГОСУДАРЮ 2389

О принятии ГОСУДАРЕМ кондиций Столыпина, роспуске законодательных учреждений на 3 дня и введении закона «О введении земства в 9 западных губерниях» и об объяснениях Столыпина в Г. Думе и Г. Совете по поводу этого 2392

Отставка Председателя Г. Думы А. И. Гучкова и Члена Г. Совета Гончарова и отпуски по болезни Дурново и Трепову 2394

Об афоризме по поводу убийства Столыпина 2395

О мнении Вел. Кн. МИХАИЛА НИКОЛАЕВИЧА по поводу Столыпина и поведения Г. Совета при рассмотрении дела о введении земства в западных губерниях 2396

О заявлении Столыпина Гучкову: о несочувствии присутствию в Г. Совете Дурново, Трепова и меня 2397

Увольнение с поста Морского Министра Воеводского и назначении вместо него адм. Григоровича 2398

Об избрании Председателем Г. Думы Родзянко 2399

Увольнение Лукьянова с поста Обер-Прокурора Св. Синода и назначение вместо него Саблера 2399

О приезде в Петербург Германского Наследника с супругой, Эмира Бухарского и Сиапского Принца Чакрабона . . 2401

О посещении Кронштадта эскадрой С. Американских Соединенных Штатов 2402

Кончина Великой Княгини АЛЕКСАНДРЫ ИОСИФОВ- НЫ	2402
О смотре потешных, в присутствии ГОСУДАРЯ, в Петер- бурге	2402
О приезде в Петербург Сербского Короля Петра . . .	2403
О заграничной моей поездке 1911 года и двух сделанных мне операциях	2403
О восстановлении Столыпиным против себя обществен- ного мнения всех слоев населения и предвидении мной роковой развязки	2405
Покушение на Столыпина в Киеве и его кончина . . .	2407
О шумихе в связи с убийством Столыпина и поведении его супруги	2409
О результатах управления Столыпина	2412
О предупреждении ГОСУДАРЕМ Столыпина о намере- нии Своем дать ему другой пост	2413
Об обвинениях полиции в убийстве по ее вине Столыпина	2415
<i>О Г. П. Сазонове:</i>	
О моем с ним знакомстве и издании им газеты «Россия»	2418
О близости Сазонова с Союзом Русского Народа, архи- епископом Гермогеном, перомонахом Иллиодором и Григорием Распутиным	2421
О журнале Сазонова «Экопомист» и разрешении ему Ми- нистерством Финансов образования банка	2423
О письме Сазонова ко мне с сообщением о кандидатуре в Министры Внутренних Дел Хвостова и намеками на мое воз- вращение в Премьеры	2426

О назначении Коковцова Председателем Совета Министров и Макарова Министром Внутренних Дел	2428
О назначении Крыжановского Государств. Секретарем	2431
О назначении сенатора Трусевича ревизирующим Киевское охранное отделение в связи с покушением на Столыпина . .	2432
О политическом направлении Коковцова по заплттии поста Председателя Совета Министров и ожиданиях общества	2433
Об отношении А. И. Гучкова и партии 17 октября к смерти Столыпина и моей полемике с Гучковым по поводу его речи в за- седании центрального комитета партии 17 октября, сказанной 14 сентября 1911 года	2436

КОММЕНТАРИИ

¹ Вероятно, имеется в виду журнал «Вестник теософии», издававшийся в Петербурге в 1908—1917 гг. последователями Е. П. Блаватской (Блавацкой).

² Е. П. Блаватская (Блавацкая), литературный псевдоним Радца-Баи,— двоюродная сестра С. Ю. Витте, родилась в 1831 г. в Екатеринославе и воспитывалась в семье Фадеевых. Детские впечатления Витте о Блаватской относятся к тому периоду, когда она вернулась в Россию после десятилетних скитаний за границей. После нескольких лет, проведенных в России, Блаватская вторично уехала за границу. В 1873 г. Блаватская поселилась в Нью-Йорке и приняла американское гражданство. Здесь в ноябре 1875 г. она создала Теософическое общество, президентом которого стал сподвижник Блаватской американский полковник Генри Стил Олькот. В этот период своей деятельности Блаватская занималась пропагандой теософического религиозно-мистического учения, основанного на примирении религии с наукой и проповедующего «откровение» как источник «богопознания». В целях пропаганды своего учения Олькот и Блаватская выезжали в Индию и издавали там газету «Теософист». После возвращения в 1883 г. в Европу Блаватская до 1886 г. жила в Париже, а затем в Лондоне, где создала главное отделение Теософического общества. Умерла в Лондоне в 1892 г.

³ «Вооруженные силы России», М., 1868 (см. комментарий 7); «Русское общество в настоящем и будущем» («Чем нам быть?»), СПб., 1874 (см. комментарий 11); «Мнения о «Восточном вопросе»», СПб., 1870 (см. комментарий 9).

⁴ Подробно излагая карьеру Р. А. Фадеева, Витте, по-видимому, поощадал фамильные верноподданические традиции и «забыл» упомянуть о том, что молодой Фадеев был выслан из Петербурга в Екатеринослав начальником III Отделения Дубельтом «за неподобающую болтовню». Хотя повод к ссылке был случайным и во всяком случае не свидетельствовал о наличии у Фадеева революционных взглядов, он все же провел в ссылке около двух лет.

⁵ Религиозность Фадеева тесно связана с его реакционно-националистическими и панславистскими идеями. Отсюда и увле-

чение богословскими статьями А. С. Хомякова, в которых трактовался вопрос о преимуществах православия перед католицизмом и протестантством. Витте имеет в виду статьи, вошедшие во 2-й том Сочинений, изданный в Праге в 1867 г. Том этот был допущен к распространению в России в 1879 г. Богословские сочинения Хомякова встречали различное к себе отношение со стороны православных церковных авторитетов. В среде же славянофилов Хомяков был крупнейшим авторитетом по части богословия. Об увлечении Витте идеями славянофильства см. комментарий 11.

⁶ Витте излагает сущность разногласий между Милютинным и Барятинским как и сущность самой военной реформы, несколько односторонне и упрощенно. Ведя борьбу с Милютинным и его реформами, предусматривавшими создание массовой армии такого типа, которая отвечала бы требованиям капиталистической эпохи, Барятинский и его сторонники отстаивали феодальный характер организации армии, выступали против всеобщей воинской повинности, являвшейся, по их мнению, возможностью массового революционного движения. Подробно излагаемый Витте вопрос об управлении армией, которому Барятинский по соображениям престижа придавал преувеличенное значение, был отнюдь не единственным разногласием между Милютинным и его противниками (см. *П. А. Зайончковский*, Военные реформы 1860—1870 гг. в России, М., 1952).

⁷ Среди «единомышленников» Фадеева главную роль играли не «выдающиеся генералы», о которых пишет Витте, а шеф жандармов граф П. А. Шувалов и будущий царь Александр III. Еще в 1867 г. Фадеев в катковском «Русском вестнике» поддерживал милютинские реформы, а уже в следующем году, издав свои статьи в переработанном виде под тем же названием «Вооруженные силы России», пересмотрел свои взгляды и стал главным помощником Барятинского в борьбе против Милютина. В 1872 г. в письме к Шувалову Фадеев объявил деятельность Милютина более вредной для «исторических основ», чем «нигилисты и [Парижская] коммуна вместе» (см. *П. А. Зайончковский*, Военные реформы 1860—1870 гг. в России, стр. 83—84, 127—129, 289—293).

⁸ Основанная в сентябре 1871 г. отставным полковником Комаровым и генералом Черняевым газета называлась «Русский мир». В 1880 г. газета была куплена с аукциона С. М. Проппером, объединена с издававшимся им «Биржевым вестником» и стала выходить под названием «Биржевые ведомости». Что же касается газеты «Свет», которую Витте ошибочно считает продолжением «Русского мира», то она была основана Комаровым в 1882 г., через несколько лет после того, как он утратил связь с «Русским миром», перешедшим к Черняеву. Впрочем, по своему реакционно-националистическому направлению «Свет» действительно являлся преемником «Русского мира».

⁹ Фадеев вышел в отставку в 1870 г. (не позднее мая). За два года до этого, в 1868 г., он по просьбе Барятинского был формально переведен в министерство внутренних дел. В действительности же

Фадеев поставил себя исключительно на службу Барятинскому в борьбе против военных реформ, проводимых Милютиним.

В письме к великому князю Михаилу Николаевичу, объясняя причину ухода своего в отставку, он писал, что сделал это потому, что после перевода в министерство внутренних дел не получал никакого содержания (ЦГИАЛ, ф. 1100, д. 23). Явился ли упоминаемый Витте дипломатический инцидент между Россией и Австро-Венгрией причиной отставки Фадеева и имел ли он место вообще, нам неизвестно. Отметим лишь, что книга Фадеева «Мнения о «Восточном вопросе», представлявшая собой продолжение в сфере внешней политики его полемики со сторонниками Милютина и направленная против Австрии (благодаря этой книге Фадеев приобрел за границей репутацию панслависта), вышла в свет до его отставки (хотя и помечена 1870 г., но разрешена цензурой 4 декабря 1869 г.). Содержание книги было широко известно до ее выхода в свет, так как она представляла собой переиздание статей Фадеева, опубликованных в «Биржевых ведомостях» в 1869 г. Таким образом, судя по времени, указываемая Витте причина отставки Фадеева вероятна. С другой стороны, в упоминавшемся письме к великому князю Михаилу Николаевичу Фадеев, подробно излагая свои жалобы, ничего не говорит о той причине отставки, которую называет Витте.

¹⁰ Фадеев отправился в Египет в январе 1875 г. с целью осуществления своих панславистских планов. Фадеев рассчитывал, что одновременно с восстанием славян египетский хедив выступит против Турции. Н. П. Игнатьев действительно имел к этому отношение: после отъезда Фадеева из Египта в 1876 г. он сообщил ему о желательности его возвращения туда (письмо А. Зеленого Р. А. Фадееву из Буюк-дере от 23 июня/5 июля 1876 г., ЦГИАЛ, ф. 1100, д. 46).

¹¹ Реакционные взгляды Фадеева выражены в этой книге с наибольшей полнотой. В ней представлены собранные и несколько переработанные статьи из «Русского мира», в которых Фадеев, выходя за пределы вопросов чисто военного значения, давал рекомендации по переустройству общественной жизни страны. Основной рассуждений Фадеева была «дворянская идея» — он требовал от правительства укрепления «цензового дворянства» и его господства в стране. Он, в частности, предлагал сделать земство всецело дворянским. Современники Фадеева справедливо отмечали близость его взглядов к правительственной программе. Хотя взгляды Фадеева были ближе к теории «официальной народности», чем к идеям славянофилов, он разделял, в частности, их взгляды на самодержавие, и оказывал в этом смысле влияние на Витте. Много лет спустя Витте, опровергая обвинения правых в либерализме и реабилитируя себя в глазах самодержавия, стал разными путями предавать гласности и афишировать наиболее яркие с верноподданнической точки зрения черты своей биографии. В это время, в 1911 г., в седьмом издании Энциклопедического словаря русского библиографического института Гранат появилась его биография, написанная П. Н. Милюковым по материалам, предоставленным самим Витте. При упоминании об увлечении молодого Витте славянофильскими взглядами на самодержавие Милюков специально подчеркивал влияние

Фадеева, которое-де «оказалось решающим на всю последующую деятельность Витте, несмотря на суровые уроки жизненного опыта».

¹² Речь идет о попытке Александра III отменить уже проведенные в жизнь милютинские реформы, против которых он боролся, будучи наследником престола. Комиссия Коцебу, программа действий которой была составлена самим царем, выработала контрреформу. Но осуществлена она не была, так как жизнеспособность милютинских преобразований была очевидна.

¹³ Реакционный университетский устав 1884 г. сильно ограничивал права университетов. Они лишались автономии, которая была им предоставлена по уставу 1861 г. Вместо выборности вводилась система назначения ректора, деканов и профессоров. Согласно уставу, университетская жизнь ставилась под контроль министра просвещения и попечителя учебного округа.

¹⁴ Английский клуб (английское собрание) впервые был создан в Петербурге в царствование Екатерины II по инициативе английских торговцев. Представлял собой наиболее фешенебельное общественное учреждение, принадлежность к которому считалась особой честью. Вслед за петербургским английским клубом был создан английский клуб в Москве; затем они получили широкое распространение и в провинции. Если в петербургский (отчасти и в московский) клуб попасть было трудно даже аристократам, то в провинции дело обстояло иначе. Поэтому-то, очевидно, эпизод с Орловым в Одессе и привлек к себе внимание министра юстиции.

¹⁵ Среди лиц, знавших Витте в университетские годы, была распространена несколько отличная от его собственной версия о причинах, побудивших его избрать не научную, а бюрократическую карьеру. Вот что писал по этому поводу в «Одесских новостях» после смерти Витте некий «Г.»: «Вращаясь среди бюрократического общества, которое он часто подвергал жестокой критике, Витте говорил, что никогда не заменит свободную ученую профессию должностью чиновника. Занимался он в университете с завидной прилежностью, поражая профессоров своими успехами и ярко выделяясь среди товарищей. Однако первая попытка Витте на поприще науки — большая ученая работа — окончилась неудачно, и с этого момента в нем произошел перелом, изменивший его взгляды» («Одесские новости», 2/15 марта 1915 г.).

¹⁶ Институт инженеров путей сообщения называли корпусом, так как он представлял собой военное учебное заведение. Строго говоря, название «корпус» относилось к инженерам путейского ведомства, завершившим курс обучения в этом институте. Официально институт назывался (до преобразования путейского ведомства в гражданское): «Институт корпуса путей сообщения».

¹⁷ Витте допускает здесь хронологическую неточность. Отрицательное отношение к эксплуатации железных дорог казной, равно как и фактический отказ от казенного железнодорожного строительства с переходом к неограниченной поддержке частнокапиталистических железнодорожных обществ, относится к концу 60-х годов

ХІХ в., а не к началу царствования Александра ІІ», т. е. ко второй половине 50-х годов. Вплоть до этого времени (конца 70-х годов) царское правительство, будучи не в силах привлечь частные капиталы в железнодорожное строительство, колебалось между покровительственными мерами по отношению к частным обществам и казенным строительством. Следует при этом иметь в виду, что глубокой, принципиальной разницы между этими двумя формами железнодорожного строительства не было, так как частные общества фактически работали на казенных деньгах, используя систему гарантий своих капиталов со стороны правительства (см. комментарий 23).

Не совсем точен Витте и в своем утверждении относительно передачи «Главному обществу российских железных дорог» Николаевской и Варшавской дорог. Его можно понять так, что обе дороги были переданы «Главному обществу» в начале царствования Александра ІІ. В действительности же дело обстояло следующим образом: «Главное общество российских железных дорог» было учреждено в 1857 г. для строительства железнодорожных линий протяженностью около 4 тыс. верст, которые соединили бы хлеботорные районы страны с Петербургом, Москвою, Варшавою, а также с побережьями Балтийского и Черного морей. При создании общества ему была передана в собственность дорога Петербург—Варшава, строительство которой было уже начато казною. Среди учредителей общества были иностранные банкиры: парижские — братья Перейра, лондонские — старые кредиторы русского правительства братья Беринг, парижский банкир Готтингер, голландский — Гоппе, берлинский — Мендельсон, петербургский — Штиглиц и варшавский банкир Френкель. С самого начала общество не смогло собрать и половины определенного его уставом капитала. Вскоре выяснилось, что, несмотря на правительственную гарантию 5-процентной прибыли, общество не справляется со строительством намеченных линий. По существу это была спекулянтская затея иностранных банкиров, не желавших вкладывать в дело собственных капиталов. Тем не менее правительство оказывало покровительство обществу, освобождая его от ряда обязательств по новому уставу 1861 г., выдавая пособия, покупая проекты начатых строительством, но заброшенных линий и т. д. В 1868 г. правительство передало обществу во временное владение Николаевскую дорогу (Петербург — Москва), предоставив безвозвратную ссуду на ее переустройство. В 1894 г. дороги, построенные обществом (Петербургско-Варшавская и Московско-Нижегородская), были выкуплены казною и общество прекратило свое существование.

¹⁸ «Русское общество пароходства и торговли» (сокращенно РОПИТ), как и «Главное общество российских железных дорог» (см. комментарий 17), было учреждено после Крымской войны 1856 г. при значительной поддержке со стороны правительства. Осуществляло пароходное сообщение между черноморскими и заграничными портами. В начальный период деятельности РОПИТ, о чем идет речь у Витте, большую роль играли перевозки по Днепру, Южному Бугу и Днестру. В 1870 г. РОПИТ получило от казны Одесскую железнодорожную дорогу, перевозки по которой были связаны с транспортными

и торгово-комиссионными операциями РОПИТ па море. РОПИТ, к названию которого были добавлены слова «и Одесской ж. д.», расплатилось с правительством специальными выпусками своих облигаций, гарантированных правительством, и акций. Вследствие этого отношения РОПИТ с правительством, и без того близкие, стали совсем тесными. В дальнейшем в начале XX в. РОПИТ превратилось в крупнейшую монополию в русском мореходном деле. Его подлинными хозяевами стали крупнейшие петербургские банки, а правительство, поощряя океанские перевозки под «истинно русским» флагом, продолжало щедро субсидировать его.

¹⁹ Покровительство, которое М. Н. Чихачев оказывал С. Ю. Витте во время его службы на Одесской железной дороге, в значительной степени объяснялось, по-видимому, тем, что Витте был рекомендован Чихачеву князем А. И. Барятинским. В январе 1871 г. Барятинский обратился к Чихачеву с письмом, в котором, ссылаясь на свои близкие отношения с семьей Фадеевых, просил Чихачева позаботиться о карьере молодого Витте и «дать ему ход по службе, если он оправдает доверие...» (см. письмо А. И. Барятинского Н. М. Чихачеву 28 января 1871 г. ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 398).

²⁰ Образованное в Одессе в 1870 г. «Одесское славянское благотворительное общество им. св. Кирилла и Мефодия», которое Витте в данном случае, очевидно, имеет в виду, наряду с другими славянскими обществами, возникшим в 70-х годах в Москве, Петербурге и Киеве, помпом отправки во время сербско-турецкой войны русских добровольцев в сербскую армию, широко занималось благотворительной деятельностью, распространением литературы о славянстве, пропагандой идей панславизма. Деятельность Витте в Одесском славянском обществе сблизила его с руководящими кругами «славянского движения», в частности с И. С. Аксаковым, являвшимся в то время руководителем Московского славянского комитета, и с М. Н. Катковым. В начале 80-х годов И. С. Аксаков печатал статьи С. Ю. Витте в своей газете «Русь». Примечательно, что даже десять лет спустя, в 1887 г., М. Н. Катков обращался к Витте, в то время крупному железнодорожному деятелю, с ходатайством по славянским делам, о чем свидетельствует сохранившееся в архиве Витте письмо Каткова от 30 января 1887 г. (см. ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 419).

²¹ Витте имеет в виду получивший в 1873 г. широкую известность процесс по делу фрейлины двора баронессы П. Г. Розен, в монашестве Митрофании, начальницы московской «епархиальной Владычье-Покровской общины сестер милосердия» и игуменьи Владычного монастыря в Серпухове. Дело по обвинению игуменьи Митрофании в подлоге векселей, присвоении чужих денег и вещей, а также в подделке завещания было начато в Петербурге, затем передано в Москву. Упомянутый Витте Смирнов выступал в Москве одним из обвинителей по делу игуменьи Митрофании. П. Г. Розен была приговорена к ссылке в Енисейскую губернию с лишением в правах, но по особому распоряжению Александра II сослана в Ставрополь-Кавказский.

²² Новое судопроизводство, о котором пишет Витте, стало вводиться в России после судебной реформы 1864 г. В результате этой буржуазно-либеральной реформы были отменены старые сословные суды, провозглашено отделение суда от административных властей, введена гласность судопроизводства и т. д. Так как проведение реформы в жизнь сильно затянулось, наряду с новыми судами в ряде областей России вплоть до 1889 г. существовали старые суды. В один из них, как свидетельствует Витте, и было передано дело о Тилигурской катастрофе.

²³ Витте говорит здесь о явлении, весьма характерном для экономической политики царизма вообще и в железнодорожном строительстве в частности. Помимо того что капиталы железнодорожных обществ были обычно гарантированы казной, она еще и оставляла за собой те облигации обществ, которые им не удавалось разместить на рынке. Частные по форме железнодорожные предприятия действовали по существу целиком за счет казны. В таких условиях, когда правительственная гарантия обеспечивала прибыли и гарантировала от убытков, когда благоволение власть имущих могло заменить концессионеру миллионы капиталов, фаворитизм и коррупция расцвели пышным цветом. Приводимые Витте примеры, в частности упоминание об участии в раздаче концессий моргановской жены Александра II княгини Долгорукой, затем Юрьевской (стр. 124, 317), были широко известны современникам и зафиксированы многими мемуаристами. «Железнодорожные короли» вместе со своими высокопоставленными покровителями грабили казну особенно сильно в 70-х годах (см. об этом у А. П. Погребинского, «Строительство железных дорог в пореформенной России» «Исторические записки», т. 47). Свидетелем этого и оказался Витте. Причем его служебное положение делало его свидетелем весьма осведомленным. Выводы, которые он сделал из своих наблюдений и впоследствии использовал в своей деятельности, были им сформулированы в ряде статей в катковских «Московских ведомостях», аксаковской «Руси», в журнале «Инженер», издававшемся Н. А. Демчинским, и в основанном фактически самим Витте «Киевском слове». Напечатанные в «Инженере» статьи Витте издал в 1883 г. в виде книги «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» (2-е изд., Киев, 1884; 3-е изд., СПб. 1910). Ведя полемику с Д. И. Пихно, который поддерживал принцип казенной эксплуатации железных дорог и активного вмешательства государства в железнодорожное дело, Витте на том этапе отстаивал частное предпринимательство (ср. стр. 171—172).

²⁴ При этом сам Блиох на издание «своих» сочинений получал казенные субсидии.

²⁵ В действительности у К. Ф. фон Мекка было пять сыновей и шесть дочерей. Вдова его, Н. Ф. фон Мекк, широко известна благодаря многолетней дружбе с П. И. Чайковским. Что касается внучки декабриста В. Л. Давыдова, А. Л. Давыдовой, то она была замужем за Н. К. Мекком, председателем правления Московско-Казанской железной дороги, а не за его братом, как пишет Витте.

²⁶ Комиссия графа Э. Т. Баранова была создана в 1876 г. по представлению министра путей сообщения Посыета. Комиссия должна была выявить недостатки и их причины в строительстве и эксплуатации железных дорог.

Комиссия установила, что железные дороги, на строительство которых к 1880 г. было затрачено 1 767 560 318 кредитных рублей, работали неудовлетворительно и не оправдывали произведенных затрат. Комиссия работала до 1884 г., но так и не могла установить причин этого явления. Собственно говоря, она и не могла их установить, так как для этого пришлось бы раскрыть злоупотребления, в которых были замешаны многие высокопоставленные лица. Это, очевидно, и имел в виду Витте, упомянув, что представители министерства путей сообщения в комиссии Баранова «не сочувствовали этой комиссии, так как полагали, что эта комиссия займется раскрытием неправильностей министерства путей сообщения». Сам Баранов был связан в своей деятельности в комиссии по рукам и ногам, так как вместе со Штиглицем и Половцовым играл видную роль в «Главном обществе российских железных дорог» (см. комментарий 17).

Упомянутый Витте общий устав, определявший юридические основы деятельности российских железных дорог, был по существу единственным результатом работы комиссии.

²⁷ «Святая дружина» (более принятое название «Священная дружина») — конспиративная организация, созданная после убийства народовольцами Александра II для борьбы с революционным движением в России. Наиболее активную часть членов общества составляли представители придворной и светской аристократии и высшего чиновничества. В числе непосредственных организаторов, а затем и руководителей «Священной дружины» известны граф П. П. Шувалов, граф И. И. Воронцов-Дашков, князь А. П. Щербатов и др. «Священная дружина» начала свою деятельность 12 марта 1881 г. сначала в Петербурге и Москве, позднее были созданы ее филиалы в Киеве, Харькове, Нижнем Новгороде и других городах России. К концу 1881 г. окончательно определилась структура общества. «Священная дружина» возглавлялась Советом первых старших членов. Помимо него, были созданы центральный, организационный и исполнительный комитеты, между которыми распределялись функции по руководству деятельностью общества. В ведении центрального комитета, в частности, находилось вспомогательное общество «Добровольная охрана», образованное для охраны царя и царской семьи.

С самого начала своей деятельности «Священная дружина» действовала под наблюдением министерства внутренних дел и департамента полиции, хотя формально им не подчинялась. В работе центрального комитета «Священной дружины» принимал участие товарищ министра внутренних дел, а в работе исполнительного комитета — с.-петербургский обер-полицмейстер. «Священная дружина», по замыслу ее организаторов, должна была осуществлять личную охрану царя и заниматься «общественной деятельностью». Под личной охраной подразумевалась не только наружная охрана, т. е. непосредственная охрана на улицах во время поездок царя, но и

внутренняя. Последняя в свою очередь включала в себя чисто полицейский сыск и «литературную» борьбу с революционным движением. На средства «Священной дружины» издавались три газеты, перед которыми была поставлена цель, действуя провокационными методами, «дискредитировать в революционных сферах народовольческое учение». Две из этих газет, «Вольное слово» и «Правда», издавались в эмиграции, третья — «Московский телеграф» — существовала легально. Каждая из газет имела особое задание и соответственно ему политическое направление. Так, например, «Вольное слово» должно было выступать с критикой народовольческой программы с «умеренно-революционных» позиций, в то время как задача «Правды» состояла в том, чтобы нарочито утрировать народовольческую программу, доводя ее до нелепостей. Критикуя и искажая народовольческую программу, руководители «Священной дружины» рассчитывали породить разногласия между членами народовольческих кружков, находившихся в эмиграции.

«Священная дружина» провалилась как на литературно-провокационном, так и на полицейско-сыском поприще. Сыскная деятельность «Дружины» приняла с самого начала настолько нелепый характер, что очень скоро даже некоторые из активных ее членов вышли из организации. Деятельностью общества были недовольны и в министерстве внутренних дел, особенно с приходом к власти Д. А. Толстого (сменившего на этом посту Игнатъева). В рядах «Дружины» произошел раскол, и она прекратила свое существование в ноябре 1883 г.

²⁸ Приводим сохранившуюся в личном архиве Витте копию письма Р. А. Фадеева.

«Петербург, 14 марта 1881 г.

Сегодня письмо твое будет в руках государя. Вероятно, проект твой осуществится самым тайным образом, средства будут даны, и организация, если до нее дойдет, свяжется с верховною властью в лице Воронцова-Дашкова. Ты понимаешь, что я говорю тебе не о решении каком-либо, до которого не успели еще дойти, а о предположении нас двух — Воронцова и меня. Но уговор пуще денег. Я готов поддержать эти виды всеми силами, но с непремленным и единственным условием: чтобы, устраивая организацию, ты ни в коем случае не становился бы ее исполнителем и остался бы тайным ее центром, не двигаясь с места и ничем не рискуя собою. Это непреложное мое условие и я стану действовать в таком лишь случае, когда заручусь твоим честным словом в этом отношении. Я слишком люблю тебя, чтобы согласиться подводить тебя под опасность лично. Мое содействие на этом условии.

Нигилизм действующий надо прижать к полу, иначе он не даст нам жить и сделать шаг. Событие 1 марта опозорило Россию, это слишком ясно. Во всем остальном приходится только сказать: пути божии неисповедимы. Я спрашивал у людей самых близких покойному государю: постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают. Доходило до того, что люди, сросшиеся с покойным, — Адлерберг, Милютин и Вердер — хотели

отшатнуться, оставить места вследствие домашних интриг и новых людей, влезавших из щелей женской половины Зимнего дворца. В августе было назначено его хорование (княгини Юрьевской, морганатической жены Александра II. — Б. А., Р. Г.), и главное влияние утвердилось бы в совершенно невозможных руках. Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию. Но там, выше, где управляют участью земною, лучше знают, что и для чего делается.

Чрезвычайно рад выздоровлению Надежды Андреевны и уверен также и в твоём выздоровлении при систематическом лечении. Приедешь ли весной, как предполагал?

Р. Фадеев.

В левом верхнем углу документа написано: «На подлинном графом С. Ю. Витте помечено: «По поводу моего письма об революции. Основание Св. Дружины» (ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 389, Машинописная копия).

Судя по содержанию письма и помете, которую сделал на нем Витте, оно и представляет собою тот ответ Фадеева, о котором Витте говорит в этом месте своих воспоминаний. Однако в этом письме отсутствуют слова, которые Витте цитирует в «Воспоминаниях»: «Ты, я думаю, будешь вызван». Можно предположить, что Витте ошибся, диктуя воспоминания, или же было еще одно письмо, сохранившееся цитируемые Витте слова. Но как бы то ни было, приведенное письмо Фадеева представляет несомненный интерес, поскольку оно исходит от человека, который по логике вещей должен был с началом нового царствования оказаться «в фаворе». Фадеев был тесно связан с Александром III в бытность того последним. Он был первым среди тех реакционных генералов, которые при поддержке наследника боролись против милитаристских военных реформ (см. комментарий 7). Он был одним из связующих лиц между последником и панславистами, которых тот поддерживал, рассчитывая, в частности, с помощью войны укрепить авторитет самодержавия и воспрепятствовать росту революционного движения.

Естественно, что воцарение Александра III делало Фадеева человеком влиятельным и по крайнему меру осведомленным. Фадеев был, таким образом, подходящим адресатом для письма Витте о борьбе с революцией. Предложение Витте соответствовало настроениям клики, окружавшей нового царя, во главе которой стоял близкий Фадееву и Витте гр. Воронцов-Дашков. Этим-то и интересно начало письма Фадеева, посвященное виттевскому проекту борьбы с революцией и его судьбе.

Помимо того, осведомленность Фадеева придает важное значение и второй части его письма, показывающей отношение придворно-бюрократической верхушки к Александру II перед его убийством и ее реакцию на само убийство царя.

²⁹ В литературе почти не встречается сведений, подтверждающих версию Витте о его роли в образовании «Священной дружины». Лишь в дневнике А. С. Суворина встречаем следующую запись от 28 февраля 1893 г.: «Витте принадлежит идея пресловутой дружины

против нигилистов. Он приезжал тогда из Киева и высказал это Вор[онцову]-Д[ашкову]. Идея иезуитская...» С другой стороны, не встречается и сведений, которые опровергали бы версию Витте. Попытка поставить под сомнение заявление Витте о том, что «Священная дружина» была организована по его проекту, была сделана П. А. Садиковым. П. А. Садиков, исходя из того, что «Священная дружина» начала свою деятельность 12 марта 1881 г., высказал предположение, что Витте «к 12 марта едва ли мог... уже дать в Петербург сведения через Фадеева из Киева о своих замыслах, успеть съездить туда, повидаться с гр. Воронцовым-Дашковым и гр. Шуваловым и вернутся в Киевуполпомочепным «Священной дружины»» (см. вводную статью П. А. Садикова к его публикации «Общество «Священной дружины», «Красный архив», т. 1/20/, 1927, стр. 200—203).

Для решения вопроса об инициативе Витте в создании «Дружины» имеет значение лишь одно из упоминаемых П. А. Садиковым обстоятельство — мог ли он успеть к 12 марта дать знать о своем предложении в Петербург из Киева через Фадеева? Принимая во внимание, что письмо Фадееву было написано 1 марта, положительный ответ на этот вопрос вполне возможен. К тому же из содержания ответа Фадеева Витте от 14 марта (см. комментарий 28) ясно, что письмо Витте было получено Фадеевым до 12 марта. Что же касается поездки Витте в Петербург, то, по его собственным словам, она имела место уже после организации «Дружины» («Шувалов... предложил мне прийти присягу в верности сообществу, которое б ы л о у ж е о р г а н и з о в а н о по этому моему письму...»).

³⁰ Версия относительно роли Витте в создании «Священной дружины» получила известность задолго до того, как увидели свет его «Воспоминания». В июне 1913 г. в одном из номеров газеты «Русское слово» (№ 141) была опубликована статья «Священная дружина» и газета «Правда», за подписью А. Р-ов (вероятно, А. В. Руманов, член редакции «Русского слова», к услугам которого Витте прибегал для помещения в «Русском слове» статей нужного ему содержания). Статья эта была написана как отклик на появившиеся в 1912—начале 1913 г. в исторических журналах, в частности в журнале «Былое», публикации, посвященные «Дружине», а также как отклик на вышедшую в 1912 г. книгу В. Я. Богучарского «Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX в.», где истории возникновения и деятельности «Священной дружины» было уделено большое внимание. Статья в «Русском слове» началась с заявления, что автор имеет возможность, «пользуясь неизданными документами», сообщить в дополнение к тому, что уже известно, еще кое-какие сведения о «Священной дружине». После этого следовало хотя и не дословно совпадающее с текстом «Воспоминаний», но сделанное в той же последовательности и с теми же подробностями описание эпизода с письмом С. Ю. Витте Р. Фадееву. Сличение соответствующего отрывка из «Воспоминаний» с описанием этого же эпизода в «Русском слове» дает все основания предположить, что автор статьи или видел стенографические записи, работу над которыми Витте как раз завершал зимой 1912 г., или записал этот эпизод со слов Витте. Поскольку хорошо известно, что Витте тщательно обе-

регал рукопись «Воспоминапй» от постороннего глаза, то вероятнее всего предположить, что статья в «Русском слове» появилась с ведома Витте, если не была вообще им инспирирована. Нет ничего невероятного в том, что опальный Витте не прочь был в 1913 г. воспользоваться случаем и предать гласности эту, оставшуюся неизвестной, страничку своей биографии, чтобы лишний раз напомнить о своих верноподданических заслугах в прошлом. Сличение текста статьи с соответствующими местами «Воспоминапй» интересно еще и с другой точки зрения. В «Воспоминаниях» Витте совершенно обходит молчаньем свою деятельность в Киеве в качестве члена «Дружины» и только сообщает, что он был назначен «главным для Киевского района». Не находит здесь читатель никаких сведений и о работе киевского комитета «Священной дружины». Между тем, как можно судить по некоторым данным, содержащимся в статье в «Русском слове», Киевскому району отводилось весьма важное место в общероссийской организации «Священной дружины». Достаточно сказать, что Киев был объявлен резиденцией «особой инспекции» «Священной дружины», созданной для «уловления крамольников на юге России». Любопытна в связи с этим хотя и маленькая, но очень характерная деталь, сообщаемая в статье: один из киевских членов дружины обратился к начальнику киевского жандармского управления генералу В. Д. Новицкому с предложением оставить государственную службу и принять поручение «Дружины» по ведению дел «Дружины» в восьми южных губерниях. В. Д. Новицкому предлагалось немалое содержание — 25 тыс. рублей в год с получением еще 100 тысяч специально на устройство агентуры на юге. Однако Новицкий отклонил это предложение. Кто бы из членов «Дружины» ни вел переговоры с Новицким, это обязательно должно было находиться в поле зрения Витте как лица, назначенного «главным для Киевского района». Не исключено, что именно в эти годы между начальником киевской жандармерии и Витте и возникли тесные отношения доверия, которые продолжались в бытность Витте уже министром финансов и приняли характер делового сотрудничества особого рода. После открытия в Киеве по инициативе Витте Политехнического института В. Д. Новицкий, по свидетельству начальника киевского охранного отделения А. Спиридовича, получал от Витте ежегодно 10 тысяч рублей на специальную агентуру по институту. «Это было, — как писал Спиридович, — их обоих частное дело» (см. А. Спиридович, Записки жандарма, изд. «Пролетарий», 1927, стр. 118).

³¹ По данным обширной литературы о Гартмане, он прибыл в Париж, совершив переход границы в декабре 1879 г., примерно через месяц после покушения. Пребывание его в Париже завершилось арестом 23 января/3 февраля 1880 г. с высылкой из Франции 23 февраля/7 марта того же года. Витте эпизод с Гартманом весьма определенно относит не к этому, а к более позднему времени. Он пишет, что это произошло через два года после покушения Гартмана на Александра II, уже после убийства последнего, и что Гартман подозревался в подготовке покушения на нового царя. Между тем никаких сведений о поездке Гартмана в Париж в 1881—1882 гг., хотя бы кратковременной, найти не удалось. Да и самое предположение о возможно-

сти такой поездки представляется мало вероятным ввиду сопряженных с ней опасностей. По-видимому, Витте при изложении этого эпизода вольно или невольно искажил события. Поскольку Витте не мог спутать Париж с Лондоном, где Гартман в это время находился, остается предположить, что он принял за Гартмана другое лицо. Возможно, конечно, что он был введен в заблуждение наемной парижской агентурой «Священной дружины», которая в корыстных целях, разумеется, не остановилась бы перед этим. К тому времени, которое имеет в виду Витте, — примерно конец лета — осень 1881 г. — относятся намерения «Священной дружины» организовать убийства П. А. Кропоткина и Анри Рошфора, одного из организаторов кампания сочувствия русским революционерам во французской печати. Сведения об этом проникли в иностранные газеты при участии получившего их М. Е. Салтыкова-Щедрина (*В. Я. Богучарский*, Из истории политической борьбы в 70-х и 80-х годах XIX века, М., 1912; *В. Розенберг*, Журналисты безвременья, М., 1917).

³² Будучи киевским генерал-губернатором, Дрентельн проводил русификаторскую политику, в частности в вопросах, касавшихся землевладения. После его смерти Победоносцев обратился 3 октября 1888 г. к Александру III со специальным письмом, в котором предостерегал против перемены политики (см. ЦГИАМ, ф. 677, д. 590).

³³ Сделанный Витте в связи с упоминанием об А. И. Вышнеградском, А. И. Путилове и П. Л. Барке экскурс в период 1910—1912 гг., когда диктовались его «Воспоминания», характеризует некоторые его представления. Сам того не сознавая, Витте говорит здесь об одном из наиболее характерных и закономерных явлений русской экономической действительности империалистической эпохи — тесном сращивании центрального государственного аппарата с руководством крупнейших капиталистических монополий.

В том факте, что такой магнат русского финансового капитала, как Путилов, и такой крупный банкир и промышленник, как Вышнеградский (Витте несколько преувеличивает его роль по сравнению с ролью Путилова), вышли из двух важнейших канцелярий министерства финансов — особенной канцелярии по кредитной части и общей канцелярии министра, нашла свое выражение личная уния между руководителями монополий и крупными чиновниками государственного аппарата. Еще более показательна карьера Барка, который уже после того, как Витте продиктовал свои «Воспоминания», перешел из частного банка в министерство торговли и промышленности товарищем министра, а затем после отставки Коковцова стал министром финансов.

Витте не только не увидел в этом чего-то закономерного, а в наивном самообольщении приписал это своему умению подбирать людей или, наоборот, формализму Коковцова, из-за чего, дескать, Вышнеградский чуть ли не оказался вынужденным пойти по банковской линии. Кстати сказать, основы для частнокапиталистической деятельности А. И. Вышнеградского в финансовой сфере были

заложены еще при жизни отца — министра финансов И. А. Вышнеградского (см. комментарий 77).

³⁴ Имеется в виду журнал «Климат», издававшийся Н. А. Демчинским на четырех языках в 1901—1904 гг.

³⁵ Дважды упоминая о назначении Д. И. Менделеева в Палату мер и весов (стр. 150 и 356), Витте сам себе противоречит. В первом случае Витте утверждает, что именно он предоставил Менделееву место управляющего Палатой мер и весов. Во втором случае Витте пишет, что начальником Палаты мер и весов Менделеев был назначен А. И. Вышнеградским. Очевидно, Витте прав в первом случае и неправ во втором, так как Менделеев был назначен управляющим Палатой мер и весов в 1893 г., когда Вышнеградский уже находился в отставке, а пост министра финансов занимал Витте.

Менделеев имел отношение к министерству финансов не только потому, что Палата мер и весов находилась в непосредственном ведении этого министерства. На протяжении всей своей научной деятельности Менделеев проявлял глубокий интерес к судьбам национальной экономики России. Менделеев известен как автор ряда экономических работ, посвященных различным отраслям промышленности и сельского хозяйства страны. Еще при Вышнеградском Менделеев был введен в состав Совета торговли и мануфактур и принимал активное участие в разработке общего таможенного тарифа. Позднее, при Витте, Менделеев участвовал в подготовке торгового договора с Германией, занимался изучением нефтяного, железнодорожного, сельскохозяйственного и других вопросов народного хозяйства. Витте широко пользовался в своих целях знаниями и научным авторитетом Менделеева в вопросах финансово-политического характера. В частности, известно, например, что по просьбе Витте Менделеевым были написаны адресованные Николаю II письма по вопросам о введении протекционистской таможенной системы и привлечении иностранных капиталов в Россию. Письма были написаны в 1897—1898 гг. в разгар полемики, которую вел Витте по этим вопросам в правящих кругах (см. *Д. И. Менделеев*, Соч., т. XXV, стр. 775).

³⁶ Публицистическая деятельность Н. А. Демчинского, о которой упоминает Витте, началась задолго до русско-японской войны и была весьма разносторонней. С 1874 г. Демчинский сотрудничал в газете «Голос», в 1877 г. во время русско-турецкой войны был военным корреспондентом этой газеты на Дунайском театре. Позднее печатался в «Русском вестнике», в газете «Новь». С 1900 г. сотрудничал в «Новом времени». В период революции 1905—1907 гг. Демчинский предпринимал попытки издавать собственные газеты. В частности, в 1906 г. в Петербурге Демчинский издавал две ежедневные газеты — «Новый путь» и «Перелом», по своему политическому направлению близкие к октябристам. Первая из них выходила с января по май 1906 г. — вышло всего 102 номера, причем до 90-го номера газету редактировал М. В. Красовский и только с 90 по 102-й — Демчинский. Газета «Перелом» начала выходить с 16 мая и прекратила свое существование 31 декабря 1906 г. Все 127 номеров этой газеты редактировал Демчинский.

³⁷ Итогом этой пропаганды Н. А. Демчинского явилась его брошюра: «Грядковая культура хлебов», СПб., 1909.

³⁸ Следуя своему излюбленному методу противопоставления политики Николая II политике Александра III с обычными похвалами в адрес последнего, Витте пытается даже утверждать, что при Александре III правительство не только не организовывало погромов, но было против них. В действительности же описываемый Витте киевский погром 1881 г. произошел, как свидетельствует в своих воспоминаниях начальник Киевского жандармского управления Новицкий, при попустительстве и поддержке погромщиков со стороны генерал-губернатора Дренгельна (см. В. Д. Новицкий, Из воспоминаний жандарма, М.—Л., 1929, стр. 180 и сл.).

³⁹ При обычной своей склонности к смакованию чужих семейных дел, особенно дел царской семьи, Витте на этот раз многого не договаривает. Связь великого князя Николая Николаевича (брата Александра II) с артисткой балета Е. Г. Числовой началась в середине 60-х годов. В 1875 г. у них было уже шестеро детей. Несмотря на это, в конце 1875 г. Александр II, вследствие дворцовых интриг распорядился выслать Числову из Петербурга, разлучив ее с детьми.

⁴⁰ «Киевлянин» никогда не принадлежал к числу либеральных органов печати, газета всегда придерживалась реакционного направления и отражала интересы русских помещиков на Украине. Издание «Киевлянина», предпринятое В. Я. Шульгиным в 1864 г., было санкционировано киевским генерал-губернатором, который даже вызвался в первые годы издания субсидировать газету. После смерти В. Я. Шульгина газета издавалась М. К. Шульгиной (Пихно), вышедшей замуж за Д. Н. Пихно, который с 1879 г. стал редактором газеты. Реакционные взгляды Д. Н. Пихно особенно сильно проявились в период революции 1905—1907 гг. Возглавляя киевское отделение «Союза русского народа», он превратил «Киевлянина» в газету черносотенного направления. В 1911 г. издателем «Киевлянина» стал В. В. Шульгин.

⁴¹ С. Ю. Витте в 80-х годах был тесно связан с И. С. Аксаковым и сотрудничал в его газете «Русь». Витте сближалось с Аксаковым увлечение идеями славянофильства и панславизма, участие в деятельности славянских обществ. Все это было обусловлено семейными традициями, в которых Витте был воспитан, и особенно влиянием Р. Фадеева (см. комментарии 11 и 20).

⁴² См. «Воспоминания», т. 2, глава 50, стр. 531—536.

⁴³ Описываемые здесь события имели место в 1884 г. Поводом к студенческим волнениям в Киевском университете послужило введение нового университетского устава (см. комментарий 13).

Враждебная демонстрация у ректорского дома, о которой пишет Витте, была устроена студентами в знак протеста против того, что во время празднования юбилея университета некоторые студенты, подозревавшиеся в неблагонадежности, не были допущены в здание университета. Собравшиеся в квартире ректора про-

фессора и прибывшие туда высшие чины киевской администрации, перетрусив, переругались между собой. При этом Субботин упрекнул Дрентельна в том, что администрация и полиция не предотвратили случившегося. Защищая Дрентельна, Трепов дал Субботину пощечину (см. В. Д. Повецкий, Из воспоминаний жандарма, М.—Л., 1929, стр. 152—160).

⁴⁴ Киевские контракты — ярмарки, устраивавшиеся в Киеве начиная с 1797 г. ежегодно в феврале месяце. Ярмарки получили название «контрактовых» в связи с тем, что на них в основном заключались срочные крупные торговые сделки, оформлялись контракты на продажу земли, металла, машин, леса и т. д.

⁴⁵ Эпизод этот относится к 1880—1881 гг., когда А. А. Половцов принимал участие в ревизии Киевской и Черниговской губерний.

⁴⁶ Тот факт, что А. Л. Штиглиц оставил наследство преимущественно в виде государственных бумаг, объясняется постоянными тесными связями Штиглицов с двором и министерством финансов. Не случайно А. Л. Штиглиц, как и его отец Л. П. Штиглиц, носил звание придворного банкира. Как и его отец, А. Л. Штиглиц большую часть своего состояния разместил в русских фондах и являлся держателем огромного количества различных русских ценных бумаг. Точно так же в русские фонды была помещена значительная часть капитала Центрального училища технического рисования, созданного в Петербурге на пожертвования А. Л. Штиглица. Поскольку училище находилось в ведении министерства финансов, С. Ю. Витте, в бытность свою министром финансов, пользовался услугами училища для проведения порой даже серьезных финансовых операций. Так, например, в 1893 г. через А. А. Половцова, который как преемник Штиглица являлся председателем финансового комитета при совете училища, Витте устроил покупку училищем части облигаций русского 3-процентного внешнего займа 1891 г. Заем этот не разошелся в Париже, и русское правительство вынуждено было скупить на парижской бирже $\frac{2}{3}$ облигаций своего собственного займа, чтобы разместить их в России. Часть привезенных в Россию облигаций (на 5 млн. руб.) и была приобретена по настоянию Витте Центральным училищем технического рисования. Благодаря такому, хотя и чисто формальному, размещению займа русское правительство получило возможность официально объявить, что заем 1891 г. разошелся, и соответственно приступить к выпуску новых займов за границей (см. ЦГИАЛ, ф. 583, оп. 4, д. 306, л. 78—79).

⁴⁷ Описываемый ниже эпизод крушения императорского поезда в Борках частично был опубликован еще при жизни Витте. В ноябре 1913 г. на страницах «Русского слова» (газета, услугами которой Витте широко пользовался в 1912—1913 гг., см. комментарий 30) Витте выступил с отрывочными воспоминаниями о Д. И. Менделееве, генерале М. Н. Анненкове и катастрофе в Борках в связи с 25-й годовщиной. Витте рассказал о катастрофе в Борках в значительно более осторожной форме, чем это было сделано им в тексте к тому времени уже написанных «Воспоминаний», умолчав, в частности, и о своей якобы непримиримой позиции по отношению к

руководителям железнодорожного ведомства, и о своих якобы несогласиях с А. Ф. Конн (см. стр. 198 и комментарий 51).

Выступление Витте на страницах «Русского слова» было вызвано не только желанием лишній раз напомнить о себе. Витте использовал это выступление также для того, чтобы публично высказать свое отрицательное отношение к П. А. Столыпину. Заметив, как бы между прочим, в самом начале своих «Воспоминаний», что он мог бы кое-что рассказать и о Столыпине в связи с годовщиной смерти последнего, Витте тут же добавил, что у него-де нет никакого желания вспоминать о нем (см. «Русское слово», 16/29 ноября 1913 г.).

⁴⁸ Упоминаемый Витте рапорт был отправлен не только от его имени, но и от имени инженера Н. В. Васильева, инспектора Юго-Западных железных дорог.

⁴⁹ При описании картины катастрофы Витте дважды повторяет рассказ о «гигантской» силе Александра III, который будто бы удерживал на своих плечах обрушившуюся во время катастрофы крышу вагона и тем самым спас всех, кто в нем находился (см. также стр. 399). На самом деле находившаяся в столовом вагоне царская семья не пострадала только благодаря тому положению, которое приняли в момент катастрофы стены и крыша вагона: стены сдвинулись и задержали падение крыши (ср. описание этого эпизода в воспоминаниях: А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. 5, Л., 1929, стр. 250; В. П. Мецгерский, Мои воспоминания, ч. III, СПб. 1912, стр. 298—299).

⁵⁰ Как свидетельствует А. Ф. Кони, их знакомство с Витте состоялось задолго до катастрофы в Борках, еще во время совместной работы в комиссии Баранова по выработке устава российских железных дорог (см. А. Ф. Кони, На жизненном пути, т. 5, Л., 1929, стр. 289).

⁵¹ Когда в 1923 г. вышли в свет первый и второй, а в 1924 г. и третий том «Воспоминаний» С. Ю. Витте, А. Ф. Кони откликнулся на их появление небольшим очерком: «С. Ю. Витте (Отрывочные воспоминания)», который был опубликован отдельной брошюрой (М., 1925). Позднее он был включен в пятый том сочинения А. Ф. Кони «На жизненном пути», Л., 1929 В очерке А. Ф. Кони особого внимания заслуживает описание событий, связанных с катастрофой императорского поезда в Борках, поскольку оно во многих отношениях противоречит версии Витте. Прежде всего, как утверждает Кони, специально занимавшийся исследованием причин катастрофы в Борках, Витте был вызван на место катастрофы только в качестве свидетеля и никакого участия в работе экспертов не принимал. Кроме того, в своих воспоминаниях Кони совершенно по-иному характеризует как показания Витте по делу о крушении, данные им в Харькове, так и поведение его во время дачи этих показаний. Кони пишет: «Прибывший по вызову следователя в Харьков Витте обратился через прокурора окружного суда ко мне с настойчивой просьбой о выслушании его наедине, до дачи им показания. На мой вопрос, какие же могут быть секреты между нами. Витте,

видимо, волнуясь, повторил свою просьбу. Приглашенный мною в кабинет старшего председателя палаты, он сказал: «Я вызван, конечно, затем, чтобы дать показание о тех объяснениях, которые я имел по поводу неправильности императорского поезда?» На мой утвердительный ответ он прибавил: «Да, это было так. Но во имя нашей общей работы в Барановской комиссии и рассчитывая на вашу любезность, я прошу вас войти в мое положение. Мне предстоит очень важное назначение, зависящее от министров финансов и путей сообщения, которым определится вся моя будущая карьера. Мне не только крайне неудобно, но и совершенно невозможно восстановить против себя Вышнеградского или Посыета. Это может разрушить всю созревшую комбинацию. Я не знаю, что делать. Прошу у вас дружеского совета. Скажите, как выйти из этого положения? Я решительно не могу сказать всего, что мне известно...»

Разговор принимал весьма тягостный оборот.

«...Ведь про меня могут сказать, что я явился доносчиком на Посыета...»

«Вы явились не сами, а по вызову судебной власти, и в этом отношении я постараюсь отстранить от вас такое несправедливое обвинение даже теперь, не ожидая возможности сделать это в судебных прениях. При старом следственном дореформенном порядке свидетелям предлагались вопросы пункты. Применительно к этому я предложу судебному следователю предоставить вам самому записать свое показание по главным пунктам допроса, причем вы можете начинать каждый пункт ссылкой на предложенный вам вопрос, из чего будет видно, что не вы рассказывали по собственному почину о тех или других обстоятельствах, а были вынуждены к тому категорической формой предложенных вам вопросов, для которых у следователя имелся уже предварительно собранный материал. С этого показания вы можете получить копию».

Этим окончилась наша беседа. ...Потом неоднократно, проходя через камеру прокурора судебной палаты, я видел Витте спящим за одним из столов и пишущим свое показание...

Показание Витте было дано очень искусно. Ссылаясь на возможность ошибок со своей стороны вследствие субъективности своих взглядов, умалчивая о невыгодных или опасных для министра путей сообщения обстоятельствах и всячески выгораживая его, Витте тем не менее не мог не указать, хотя и в очень осторожных и уклончивых выражениях, на такие стороны в снаряжении и движении поезда чрезвычайной важности, которые получили огромное значение для выводов экспертизы» (см. А. Ф. Конн, На жизненном пути, т. 5. Л., 1929, стр. 252—254).

Насколько достоверен вышеприведенный разговор Конн с Витте, проверить невозможно. Однако косвенным подтверждением свидетельства Конн могут служить материалы следственного производства по делу о крушении в Борках. Как видно из этих материалов, Витте действительно давал свои показания в качестве свидетеля. Показания были составлены в очень осторожной и уклончивой форме и, наконец, они представляли собой в отличие от показаний других свидетелей ответы на заранее поставленные вопросы (см. Материалы из следственного производства по делу о крушении 17 октября

1888 г. императорского поезда, Материалы, извлеченные из 1-го тома следственного производства, Протокол от 4 ноября 1888 г.).

⁵² См. «Воспоминания», т. 2, стр. 370.

⁵³ Если допустить, что приведенный в воспоминаниях А. Ф. Кони разговор его с Витте в Харькове в ноябре 1888 г. действительно имел место (см. комментарий 51), то тем самым ставится под сомнение утверждение Витте, будто бы назначение его на государственную службу было для него неожиданным и противоречило его желанию. Напротив, из диалога, состоявшегося между Кони и Витте, видно, что уже в ноябре 1888 г. Витте знал о готовящемся назначении его в департамент железнодорожных дел, очень желал этого и боялся испортить отношения с Вышнеградским и Посыетом, от которых в то время зависело его определение на государственную службу.

⁵⁴ Нашумевшее в те годы «Мамонтовское» дело, о котором Витте, по-видимому, умышленно упоминает лишь вскользь, по воспоминаниям А. А. Лопухина представляется в следующем виде: «Личное мое знакомство с С. Ю. Витте произошло в 1901 г. Но, прибегая к его же выражению по поводу одного из его сослуживцев, я могу сказать, что «открылся» он мне раньше. Летом 1899 г., когда я был прокурором московского окружного суда, в Москве возникло громкое уголовное «Мамонтовское» дело. История его возникновения весьма для С. Ю. Витте характерна.

Савва Иванович Мамонтов, видный делец и известный меценат, был крупным акционером и председателем правления общества Московско-Ярославско-Архангельской железной дороги. Дела его с постройкой бездоходной в то время ветви от Вологды до Архангельска пошатнулись до пределов катастрофических. В столь же печальном положении оказались и дела патронировавшегося обществом Московско-Ярославско-Архангельской дороги акционерного общества Невских судостроительного и вагоноделательного заводов. Для поддержания того и другого предприятия заправили их с Мамонтовым во главе прибегли к способам, законом запрещенным. Путем разных комбинаций, в которых главную роль играли фиктивные сделки, фиктивные счета и такие же записи в книгах, они умудрялись перебрасывать деньги из кассы дороги в кассу заводов и обратно и создавать на бумаге декорум их кредитоспособности. Эти приемы запутали дело еще больше, крах казался неминуемым, когда для спасения от него средство было найдено. С. И. Мамонтову удалось добиться для общества Московско-Ярославской дороги концессии на сооружение так называемой Северной железнодорожной линии Петербург — Вологда — Вятка, высокая доходность коей представлялась вне сомнений и должна была компенсировать недоборы общества от Архангельской ветви до времени более интенсивной работы последней. Вышесупомянутая концессия была дана в законодательном порядке, высочайше утвержденным мнением Государственного совета. Этот законодательный акт состоялся при полной осведомленности министерств финансов и путей сообщения о переживавшихся концессионером, железнодорожным обществом, фипапсовых затруднениях и тех способах, которыми правление

его пыталось из них выйти. Мало того, к акту этому министерства относились именно как к средству спасти общество от финансового краха, объем которого, как ни трудно было последний предугадать, представлялся весьма грозным. С концессией все предвещало обществу Московско-Ярославской дороги блестящее будущее. Как вдруг над предприятием разразилась гроза, разметавшая в прах все надежды и нагрянувшая неожиданно оттуда, откуда обществу были только что оказаны поддержка и спасение. То самое министерство финансов, которое в лице его главы, С. Ю. Витте, только что выступало в качестве инициатора в вопросе о предоставлении названному обществу выгодной концессии, выступило в лице того же С. Ю. Витте с требованием об отобрании у него этой самой концессии и о принятии мер, которые были сознательно направлены к финансовой гибели и железнодорожного общества, и крушых его акционеров. По инициативе С. Ю. Витте в Комитет министров было внесено дело о том, чтобы законодательный акт о предоставлении обществу Московско-Ярославской дороги концессии и на Петербурго-Вятскую ветвь был отменен и ветвь эта строилась на средства казны. Никаких новых данных, которые были бы в состоянии обусловить такой неожиданный поворот дела, в распоряжении министерств не было и быть не могло. Никто, конечно, в Государственном совете не согласился бы понять, почему одна и та же мера на расстоянии нескольких месяцев представлялась и возможной, и невозможной, и потому правительство и не посмело внести свое представление в Государственный совет, а направило его в Комитет министров, куда, по авторитетному свидетельству его бывшего председателя, все того же С. Ю. Витте, министры имели обыкновение направлять все те свои предложения, которые противоречили закону и справедливости. В Комитете министров представление министерства было, конечно, принято, и на положение о том Комитета министров последовало утверждение Николая II. С точки зрения правовой создано нечто совершенно уродливое и даже для беззастенчивости министерских приемов времен Николая II не вполне обычное: законодательный акт оказался отмененным постановлением, изданным в порядке управления. По существу же суровые меры этим не ограничились, и все по инициативе С. Ю. Витте, против Мамонтова и его коллег было возбуждено уголовное преследование за те самые противозаконные финансовые комбинации, о которых министерство финансов не только прекрасно знало, но которое оно покрыло хитростью перед Государственным советом о передаче выгодной концессии в руки тех самых людей, которых оно затем решило посадить на скамью подсудимых.

Все это на первый взгляд представлялось совершенно непонятным. Наличие злоупотреблений со стороны Мамонтова и его сорудников была вне сомнений. Но вместе с тем сравнительно с распространенным типом дельцов, которые безо всяких церемоний перекладывали в свои карманы деньги из касс руководимых ими предприятий и оставались безнаказанными, они представлялись людьми гораздо более зарвавшимися в предпринимательстве, чем нечестными. Защищать нравственность их поступков, конечно, было невозможно, но и выбор министерством финансов именно их в

качестве данн правосудию казался непонятным. Ясны были незаконность одних мер, избыток жестокости других, что вместе с отсутствием справедливых мотивов заставляло подозревать за всем этим наличием, какой-то крупной интриги. Она вскоре и вскрылась.

Предоставление обществу Московско-Ярославской железной дороги концессии на Петербурго-Вятскую линию значительно подняло на бирже акции этого общества. Большинство их, принадлежавшее С. И. Мамонтову и его родне, было заложено в Петербургском международном коммерческом банке в обеспечение ссуды, взятой Мамонтовым для покрытия подписной цены дополнительного выпуска этих акций, вызванного полученной концессией. Последовавшие затем отобрание от общества концессии и уголовное преследование состава его правления создали на бирже в отношении этих бумаг панику и катастрофическое падение их цены. Банк потребовал от Мамонтовых внесения разницы цены бумаг и дополнительного обеспечения долга. А так как и то и другое было Мамонтовым не по силам, находившиеся в руках банка акции их подверглись принудительной продаже и по низкой цене достались банку. Но и банк от этого не выиграл. По новому, проведенному С. Ю. Витте, акту права Московско-Ярославско-Архангельского общества на принадлежавшую ему железную дорогу от Москвы до Архангельска по всем ее имуществом в явное нарушение всегда отстаивавшегося русским правительством принципа неприкосновенности частной собственности были аннулированы, и все акции его были принудительно отчуждены в казну по убыточной для акционеров цене. Мамонтовы были разорены. Присяжными заседателями они по возбужденному против них уголовному делу были оправданы. К репутации же С. Ю. Витте история так называемого Мамонтовского дела в глазах всех, кто знал его закулисную сторону, прибавила лишнее темное пятно обвинения в беззащитном выборе средств и в произволе.

При производстве следствия по «Мамонтовскому» делу, при осмотре следователем документов, отобранных у одного из обвиняемых, заведовавшего камеральским агентством правления Московско-Ярославской железной дороги, в записной его книжке была обнаружена запись, свидетельствующая о взятке, данной директору железнодорожного департамента министерства финансов, по всем данным, за содействие в предоставлении Московско-Ярославской железной дороге той концессии, которая у нее была впоследствии отобрана, что и было подтверждено показаниями хозяина книжки. Весь обвинительный материал был сообщен министру финансов С. Ю. Витте, так как по действовавшему закону уголовное преследование против должностного лица могло быть возбуждено только его начальством. Начальство же в лице С. Ю. Витте дело против своего подчиненного в данном случае замяло, дало ему возможность по своей воле уйти в отставку и устроиться на теплое место в частном предприятии.

Вот каким С. Ю. Витте «открылся» мне еще ранее моего личного знакомства с ним».

(А. А. Лопухин, Отрывки из воспоминаний. По поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте, М.— Пгр., 1923, стр. 60—65, 47. Ср. описание «Мамонтовского» дела у И. Ф. Гиндина «Неуставные ссуды Государственного банка и эконоическая политика цар-

ского правительства», «Исторические записки», т. 35, М., 1950, стр. 114—115).

Добавим к этому, что в 1906 г. автор брошюры «Зигзаги. Паломничество С. Ю. Витте в Портсмут», скрывавшийся под псевдонимом «Small», говоря о злоупотреблениях Витте на посту министра финансов, указал, что железную дорогу Пермь—Котлас, важнейшую часть которой как раз и составляла линия Петербург—Вологда—Вятка, строил родственник жены Витте инженер Быховец, а Архангельско-Ярославской дорогой одновременно управлял другой ее родственник — вращ Леви.

⁵⁵ Имеется в виду польское освободительное восстание 1863—1864 гг.

⁵⁶ Г. Ф. Рафалович был одним из неофициальных агентов министерства финансов Вышнеградского. Вместе с ним на таких же неофициальных началах действовал его сын А. Г. Рафалович, который в 1894 г. стал официальным агентом русского министерства финансов в Париже. На протяжении всего периода государственной деятельности Витте А. Г. Рафалович был его ближайшим и наиболее доверенным сотрудником, осуществлявшим связь с парижской биржей и другими заграничными денежными рынками. Играя важную роль и при Ковцово, он всегда оставался «человеком Витте». Несомненно, что причиной преданности его Витте были тесные связи между Витте и Рафаловичами. Эти связи возникли еще в Одессе, где Витте часто бывал у Рафаловичей, а затем перешли в особые отношения в результате описываемого Витте случая с игрой на повышение и понижение рубля. Другие члены семьи Рафаловичей также сделали при Витте карьеру в финансовом ведомстве и банковских учреждениях. И. Ф. Цион, выступая против Витте (см. комментарий 71), обвинял его, между прочим, и в том, что он действует «купно с племенем Рафаловичей» (Письмо К. П. Победоносцеву от 3 декабря 1892 г., «К. П. Победоносцев и его корреспонденты». Письма и записки, т. I, полутом 2, М.—Пгр., 1923, стр. 971).

⁵⁷ Витте, по-видимому, действительно не оклеветал Абазу, и приведенный им здесь факт достоверен. Но ходившие в высших бюрократических сферах слухи имели под собой некоторую почву в том смысле, что Витте и Абаза жестоко друг с другом конкурировали, о чем Витте в «Воспоминаниях» умалчивает, хотя в те годы он предпочитал поступать иначе. Еще до своего назначения министром финансов, но уже после удара, случившегося с Вышнеградским, Витте, как записал в своем дневнике государственный контролер Т. И. Филиппов, имел с ним следующий разговор: ««Ну, а с Абазою,— спросил я у Витте,— действительно были у Вас, как я слышал, неприятные столкновения?» «Были и не мало их было. Он не мог мне простить моего назначения в [минист]ры [путей] [с]общения», считая эту должность законным достоянием Анненкова, который много раз мне говорил дерзости, так что я однажды пригласил его выйти из моего кабинета. С тех пор мы и не видимся. И он, и Нелидова укоряли меня в лицо, как бы какого похитителя.

Затем возник вопрос об отдаче Сибирской дороги французской компании, которая была в союзе с Ашненковым. Государь

спросил у меня, как я об этом думаю, и я решительно выразился, что это было бы непростительным грехом перед Россией. «И я совершенно Вашего мнения,— сказал государь.— Да не знаете ли, кто у них за спиною стоит?» Я сказал: «Анненков, в[аше] в[еличество]!» «А, Анненков, я этого не знал».

Это тоже дошло до Абазы, который мысль о передаче Сибирской дороги французам и Анненкову всеми мерами поддерживал; разумеется, это еще более его раздражило.

Затем, когда с В[ышнеградски]м случилась катастрофа и ему пришлось уезжать в Крым, он докладывал государю, чтобы Тернеру поручить в нужных случаях советоваться с Абазою. Государь сказал: «Нет, пусть советуется с Витте!» Это сделалось известным Абазе, и тут-то у него возникла мысль оставить свою должность...

Были у меня встречи с Абазой и по сахарному делу. Но особенно неприятная встреча произошла в к[омисс]ии о вывозе хлеба за границу, куда я был назначен по в[ысочайше]му п[овеле]нию для всех и для меня самого неожиданно. После первого заседания к[омисс]ии в газетах появились кое-какие неопределенные толки о том, что в заседании происходило. Это подало повод Абазе обязать всех членов честным словом ничего никому не открывать и на все вопросы отвечать: что-де ничего еще не разрешено и решение-де отложено до следующего заседания. Каково же было общее удивление, когда в газетах «Н[овое] в[ремя]», «Бирж[евые] в[е]домости», «Моск[овские] в[е]домости» появились, особенно в М[осковских] в[е]домостях, в[есьма] обстоятельные, почти буквальные изложения бывшего совещания. Абаза приписывал это Витте, о чем В[итте] узнал от Дурново, т. е. ему приписывалось сообщение «Н[овому] времени», ибо Суворин дал такое первое показание — потом измененное, — что это сообщение он получил от чиновника м[инистерств]а п[утей] с[общения], кажется, Снесарева, который входит в состав редакции «Н[ового] в[ремени]». Тогда Витте отправился к Суворину и потребовал опровержения его первого показания, что и было им исполнено. Расследование же дела показало, что после заседания Зак был у Абазы и от него слышанное передал Гравенгофу а Гр[авенго]ф «М[осковским] в[е]домостям». «Бирж[евые] в[е]домости» узнали от Кобеки. Витте же передал «Гражданину» так, как было условлено, что решение отложено, как кн. М[ещерск]ий и напечатал. При этом Витте мне сказал, что — «Вы, мол, Т[ертый] И[ванович], сотой доли не знаете того, что делает Абаза благодаря уступчивости Вышн[еградско]го, который ищет в нем опоры по своим делам; как они шушукуются и перед каждым докладом В[ышнеградско]го государю и после докладов. Государю,— говорит В[итте],— докладываются дела не в их истинной сущности, а по соображениям, вместе ими установленным». В[ышнеградск]ий однажды проговорился перед Иващенко: О, как дорого мне Абаза стоит! Меня удивила такая откровенность Витте, за которую я очень ему признателен. (Дневник Т. И. Филиппова, ЦГИАЛ, ф. 728, д. I, л. 24—25. Запись от 30 июня 1892 г.)

⁵⁸ Письмо Абазы Александру III от 14 февраля 1893 г. с признанием своей вины сохранилось в фонде Александра III (ЦГИАМ, ф. 677, оп. I, д. 663, л. 1—4).

⁵⁹ 1893 г.

⁶⁰ Витте неспроста так подробно рассказывает о Вендрихе и его нелепых действиях: он сумел извлечь из них большую выгоду для своей карьеры. В феврале 1892 г. Богданович записала в своем дневнике после визита Иванова, члена временного управления казенных железных дорог от министерства путей сообщения: «Впечатление Иванова, что Витте... это такой человек, что ему все средства годны для достижения цели, что именно Вендрих была эта цель, который устроил так, чтобы подготовить портфель Витте, т. е. он там путал, а Витте и Вышнеградский топили Гюббенста» («Три последних годы самодержца», Дневник А. В. Богданович. М.— Л., 1924, стр. 152).

⁶¹ А. А. Вендрих — автор большого количества книг, посвященных не только эксплуатации железных дорог в военное время и военным перевозкам, как об этом пишет С. Ю. Витте, но и целому ряду других вопросов железнодорожного хозяйства. А. А. Вендрих особенно известен работами в области статистики путей сообщения. Большое число трудов А. А. Вендриха печаталось также в периодических изданиях: «Русском инвалиде», «Инженерном журнале», «Журнале министерства путей сообщения», «Русском вестнике», «Московских ведомостях», «Новом времени» и т. д.

⁶² Бой вооруженного парохода «Веста» с турецким броненосцем «Фетхи—Буленд», происходивший 11 июля 1877 г. у берегов Румелии, принадлежит к числу хорошо известных эпизодов русско-турецкой войны. Экипаж «Весты» в течение пяти часов вел героический бой с более сильным противником и нанес ему значительные повреждения. Турецкий броненосец вынужден был отказаться от преследования «Весты».

⁶³ Кроме того, что жена Витте была разведенной да еще еврейкой по национальности, пищу придворным сплетням и интригам против Витте давали также и другие обстоятельства. Как записал в своем дневнике 6 июня 1892 г. государственный контролер Т. И. Филиппов со слов новгородского губернатора, Витте перевел проживавших в Новгороде мужей сестер своей жены — инженера Быховец и врача Леви — «на новые места с огромными окладами и подъемными на удивление всему Новгороду». В «высшем свете» в один голос утверждали, что Витте «купил жену», заплатив отступное ее прежнему мужу. Называлась даже сумма — 20 тысяч рублей. Для урегулирования своих отношений с Д. С. Лисаневичем супруги Витте прибегали к услугам министра внутренних дел Спьягина. При этом они угрожали Лисаневичу высылкой (Письмо Д. С. Лисаневича Витте, 14 июня 1896 г., ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 485; Письмо Витте жене, б. д., там же, д. 539). Вся эта история была не только неприятна для Витте, но и вредна для его карьеры. Жена его, несмотря на все старания, так и не была принята при дворе, а дворцовые сплетни и интриги временами служили эффективным оружием в руках политических врагов самого Витте. Кстати сказать, после ухода Витте с поста председателя Совета министров он и его жена, добываясь расположения дворцовых сфер,

пытались использовать свои связи с появившимся в Петербурге Распутиным, хотя Витте и отзывался о нем во втором томе «Воспоминаний» не иначе, как с благородным негодованием. (Показания С. Д. Белецкого Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, «Падение царского режима», т. IV, Л., 1925, стр. 147, 502. Белецкий в 1912—1913 гг. руководил департаментом полиции, а в 1915 г. был товарищем министра внутренних дел. Ведал слежкой за Распутиным.)

⁶⁴ См. комментарий 70.

⁶⁵ Остается не понятным, почему Витте перед уходом из министерства финансов принял решение уничтожить переданные ему Александром III документы. Если Витте действительно беспокоился за репутацию Вышнеградского как министра финансов, то следовало бы, наоборот, сохранить эти документы вместе с якобы полученными от А. Ю. Ротштейна расписками группы Госкье, которые подтверждали, что Вышнеградский не присвоил данные ему Ротшильдом 500 тыс. фр., а передал их банкирам, устраненным от участия в займе (см. стр. 293—296).

⁶⁶ Как физиолог И. Ф. Цион получил широкую известность благодаря своим открытиям в области физиологии кровообращения, особенно благодаря исследованиям о депрессорном нерве и открытию нервов, ускоряющих сердечную деятельность. В 1873—1874 гг. Цион опубликовал один из первых в России учебников по физиологии — двухтомный «Курс физиологии». Однако крайне реакционные взгляды Циона послужили причиной острых конфликтов его со студентами и преподавателями медико-хирургической академии, в результате чего в 1875 г. Циону пришлось оставить академию.

⁶⁷ Сближение И. Ф. Циона с М. Н. Катковым в конце 70-х годов оказало решающее влияние на всю публицистическую деятельность Циона. Духовная близость к Каткову нашла свое отражение и в более поздних публицистических сочинениях Циона, направленных против И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте (см. комментарий 71). Что же касается Каткова, то он высоко ценил Циона как «противника материалистического направления» в науке и как борца за «христианскую церковь» и за «дело религии». В статьях в «Московских ведомостях» и в «Русском вестнике» Цион с реакционных позиций выступал с критикой либерализма и вообще течений левого направления.

⁶⁸ Имеется в виду золотой 4-процентный заем 1889 г., выпущенный для конверсии 5-процентного внешнего займа 1877 г. (см. также комментарий 70). Фактически заем был выпущен в ноябре—декабре 1888 г.

⁶⁹ В официальном письме министру внутренних дел И. Н. Дурново от 21 июля 1895 г. относительно Циона Витте обвинял последнего в получении взятки от французских банкиров в сумме 500 тыс. франков (см. ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 22, д. 192, л. 52).

⁷⁰ План конверсий (обмена) имевших хождение на иностранных рынках 5-процентных или 6-процентных облигаций русских

внешних займов на облигации с более низким процентом и более длительными сроками погашения был разработан в министерстве финансов еще при Н. Х. Бунге. Однако осуществление этого плана выпало на долю И. А. Вышнеградского, который в 1888 г. начал проводить на парижской бирже конверсионные операции. Завершил их уже С. Ю. Витте.

Для конверсии старых займов с высоким процентом русское правительство выпускало на парижской бирже новые, преимущественно 4-процентные займы, за счет выручки от которых выкупались облигации старых займов, если держатели отказывались обменивать их на новые займы. Первым конверсионным займом принято считать 4-процентный заем 1889 г. (см. комментарий 68), хотя Витте и не относит его к числу конверсионных. Вслед за ним в 1889 г. для конверсии 5-процентных облигаций русских железных дорог был выпущен упоминаемый в данном случае новый 4-процентный заем, кредитованный Ротшильдами.

Конверсионные операции приняли очень широкий размах. Только при Вышнеградском было конвертировано русских процентных бумаг на сумму в 1,7 млрд. руб., причем государственный долг России возрос на 277 млн. руб.

Конверсионные операции ознаменовали собой переход русских ценных бумаг на французский денежный рынок. Они явились своеобразным экономическим фундаментом, на котором было выстроено здание политического союза России и Франции. В результате этих, а затем ряда последующих финансовых операций во Франции русское самодержавие прочно связало свою судьбу с французской биржей (см. *П. П. Мигулин*, *Русский государственный кредит*, т. II, Харьков, 1900; *А. Л. Сидоров*, *Конверсии внешних займов России в 1888—1890 гг.*, «Исторический архив» № 3, 1959 г., стр. 99—125).

⁷¹ На службе в министерстве финансов И. Ф. Цион находился всего полтора года. В мае 1887 г. он был назначен чиновником особых поручений V-го класса при министре финансов, а в ноябре 1888 г. после заключения во Франции первого конверсионного займа, в подготовке которого Цион принимал участие, был уволен со службы. Получив отставку, Цион остался в Париже и занялся публицистической деятельностью, сосредоточив все свое внимание на критике финансовой политики И. А. Вышнеградского, а затем С. Ю. Витте. В 1891—1895 гг. Цион выступил с рядом брошюр, направленных непосредственно против Вышнеградского и Витте. Наиболее значительные из них: «Итоги финансового управления И. А. Вышнеградского», Париж, 1892; «*M. Witte et les finances russes*», P., 1895; «*Les finances russes et l'épargne française*», P., 1895.

В этих брошюрах, обвиняя Вышнеградского и Витте в хищениях, финансовых злоупотреблениях, составлении дутых бюджетов и т. п., Цион критиковал их финансовую политику. В частности, Цион выступал против чисто буржуазных финансовых преобразований, проводившихся Витте (например, введение золотого обращения), называя эти преобразования социалистическими и обвиняя Витте в приверженности к социализму. Предсказывая в статьях и брошюрах близкое финансовое банкротство России, Цион обращался

к французским держателям с призывом не приобретать русских ценных бумаг, а в случаях конверсии старых займов отказываться от обмена процентных бумаг на новые и требовать выплаты капитала. Поскольку Цион был известен во Франции как чиновник особых поручений министерства финансов, стало быть, как лицо, посвященное в дела русского финансового ведомства, его публицистическая деятельность и особенно выступления против русских займов во Франции серьезно беспокоили Витте. В связи с этим в апреле 1895 г. по инициативе Витте было созвано не «какое-то совещание» у Дурново, как его нарочито небрежно называет Витте, а «особое совещание для обсуждения преступной деятельности проживающего за границей действительного статского советника Циона, резко выразившейся в напечатании им в Париже его сочинения *«M. Witte et les finances russes»*, и тех мер, кои необходимо принять к прекращению таковой его деятельности». В работе совещания, помимо Витте и министра внутренних дел И. Н. Дурново, приняли участие министр юстиции Н. В. Муравьев и управляющий царской канцелярией К. К. Ренненкамф. Совещание приняло решение запретить Циону дальнейшее пребывание в Париже и вообще за границей, потребовать его возвращения в Россию в двухмесячный срок, а затем привлечь к уголовной ответственности. Так как Цион отказался вернуться в Россию, то в августе 1895 г. он был лишен русского подданства, всех прав и пенсии, полученных им на русской государственной службе (ЦГИАЛ, ф. 560 оп. 22, д. 192, л. 30—42). Но и после этого Цион не оставил своей публицистической деятельности и уже в 1896 г. издал две брошюры, направленные против Витте: «Куда временщик Витте ведет Россию?» и «С. Ю. Витте и его проекты злостного банкротства...», написанные в том же духе, что и прежние его сочинения. Поскольку Витте был не в силах прекратить подобного рода литературную деятельность Циона, то он ограничился организацией регулярной слежки за Ционом, которая осуществлялась через П. И. Рачковского, возглавлявшего русскую полицейскую агентуру во Франции (см. публикацию «Карьера Рачковского», «Былое» № 2(30), февраль 1918, стр. 78—87).

⁷² См. «Воспоминания», т. 2, гл. 45 и комментарий 87.

⁷³ В действительности это произошло в 1892 г.

⁷⁴ Хотя Витте и пытается здесь представить дело так, что назначение министром финансов было для него чуть ли не сюрпризом, в действительности он активно добивался назначения на место Вышнеградского, ничем при этом не брезгуя, несмотря на то что Вышнеградский способствовал началу его государственной карьеры (см. стр. 207). Не говоря уже о том, что он, опередив Вышнеградского, пришедшего с докладом к Александру III, предупредил царя о психическом расстройстве министра финансов (стр. 286), он широко распространил весть об этом по всему Петербургу. Едва получив при содействии Вышнеградского назначение на должность директора департамента железнодорожных дел министерства финансов, Витте, бывая в салоне Богдановичей, начал распускать дискредитирующие Вышнеградского слухи

(см. «Три последних самодержца», Дневник А. В. Богданович, М.— Л., 1924, стр. 102, Запись 15 сентября 1889 г.).

⁷⁵ Возможны два предположения относительно изъятия, сделанного здесь редакцией берлинского издания «Воспоминаний». Опущенное место могло касаться неблагоприятных отношений Колышко с Мещерским, которые были притчей во языцех «высшего света». Но оно могло касаться и темных дел Колышко в министерстве, получивших некоторую огласку. Приводим запись в дневнике А. В. Богданович 9 ноября 1893 г.: «Вчера Комаров (см. комментарий 8.—Б. А. и Р. Г.) говорил, что инженер Буланжье, которому решено кабинетом предоставить устройство жел. завода на землях кабинета, прямо ему рассказывал, что Воронцов лично ему сказал, что он землю ему даст, но что ему придется давать взятки в министерствах путей сообщения и финансов. И это говорил министр двора! Буланжье весной сам рассказывал Е. В. (муж А. В. Богданович.—Б. А. и Р. Г.) свой разговор с Колышко, который ему сказал, что он должен ему дать une somme de... для передачи Мещерскому и Кривошеину. Понятно, что Колышко, если бы получил, оставил бы деньги себе» («Три последних самодержца», Дневник А. В. Богданович, М.— Л., 1924, стр. 170). На самом деле крупнейшим взяточником был сам Кривошеин (см. комментарий 76).

⁷⁶ Этот не совсем связный рассказ о назначении Кривошеина, похожий на обычную для воспоминаний Витте «певинную» бюрократическую сплетню, следует сопоставить с несколько более откровенными страницами, посвященными Кривошеину во втором томе «Воспоминаний» (стр. 19—20), хотя и там откровенность Витте — копеечного достоинства. Но высокопоставленные современники Кривошеина, Витте и других участников этого дела с большой тщательностью расписали его в своих дневниках. Состояло оно в следующем. Как писал Витте, он поручил министру внутренних дел и шефу жандармов Дурново ходатайствовать перед царем о разрешении на его женитьбу (см. стр. 273). Но Витте не договаривает, что за это Дурново потребовал от него поддержки в назначении Кривошеина министром путей сообщения. Дурново был заинтересован в этом потому, что Кривошеина, его и генерал-адъютанта Рихтера, воспитателя Александра III, связывала система перекрестных адюльтеров, на что в отношении Дурново и Кривошеина «деликатно» намекает Витте. Все трое считали себя обязанными тянуть друг друга вверх по служебной лестнице, Рихтер посодействовал назначению Дурново, и теперь Дурново должен был помочь Кривошеину. Назначенный с помощью Витте министром путей сообщения, Кривошеин учредил в министерстве целую систему наборов с капиталистов, заключавших контракты с железнодорожным ведомством. Система эта действовала безотказно, пока дело не дошло до пресловутого Юза. Не сговарившись в министерстве путей сообщения, Юз отправился в департамент железнодорожных дел министерства финансов и устроил там сцену. Дело дошло до Витте, который вопреки усилиям Кривошеина держал министерство путей сообщения под своим контролем. Так как Витте способствовал назначению Кривошеина, ответственность за махинации последнего могла в какой-то мере

лечь и па него, поэтому он решил пожертвовать Кривошеинным, который к тому же оказался «непокорным» и «неблагодарным». Вместе с министром юстиции Муравьевым он предал огласке дела Кривошеина. Вслед за тем государственный контролер Филиппов выявил, что Кривошепп заключал контракты на поставку леса из своих имений по специально для него повышенным ценам. Когда в конце 1894 г. Кривошеина пришлось уволить, то Дурново, противореча себе, утверждал, что, во-первых, Кривошеин ни в чем не виновен, а во-вторых, что назначен он был «исключительно по представлению Витте вследствие настояний Мещерского». Мещерский же в своих воспоминаниях восхваляет Кривошеина, изображая его невинной жертвой (*В. И. Мещерский, Мои воспоминания, ч. III, СПб, 1912, стр. 381—385*). Наиболее лицемерную позицию в этом деле занял Витте. Если верить Витте, то в назначении Кривошеина сыграли роль Дурново и Мещерский, а он, Витте, лишь дал похвальный отзыв о нем в ответ на вопрос царя. Кстати сказать, Витте дал похвальный отзыв, несмотря на свое убеждение в том, что «сам по себе Кривошепп железнодорожного дела не знал и с государственной точки зрения не представлял из себя никакого авторитета». Что касается того, что Кривошепп «не вполне был корректен» или «действовал некорректно в смысле корыстном» (так корректно называет Витте должностные преступления Кривошеина), то он, Витте, «этого не проверял». Описывая с благородным негодованием обстоятельства увольнения Кривошеина, Витте превосходит самого себя: оказывается, он не только не принимал в увольнении «решительно никакого участия», но оно явилось для него неожиданным, и узнал он об этом только из «Правительственного вестника» (см. «Воспоминания», т. 2, стр. 19—21).

⁷⁷ В петербургских салонах много говорили об алчности Вышнеградского, с тем, что он широко брал. Витте также был не прочь поддержать такие слухи, когда это было ему выгодно. Государственный контролер Филиппов в 1892 г., через несколько дней после назначения Витте министром, записал в дневнике: «Был у меня сегодня (18 сентября) Витте переговорить о деле б. подрядчиков на постройку Новороссийского порта — Летерна и К^о, которые некогда были за неисправность удалены и теперь просят дать им 200 000 р. О выдаче им этой суммы просил его перед отъездом Вышнеградский, так как за спиной этих подрядчиков стоял его сват Савич (отец жены А. И. Вышнеградского. — *В. А. и Р. Г.*). Состояние В[ышнеградского], по счетам Международного банка, которые Витте видел своими глазами, — 2 000 000 р. При своем назначении В[ышнеградский] мне говорил, что у него 700 000 р. и дом (280 000 р.) — всего около миллиона. Если это показание было верно, то нужно заключить, что за 5 с половиной лет он нажил еще 1 млн. р. Думаю, впрочем, что первое показание неверно, а, впрочем, при таких нравах все может быть» (ЦГИАЛ, ф. 728, д. I, л. 57—60). Но слишком многое связывало Витте с Вышнеградским, и он не мог быть последовательным в разоблачениях деятельности предшественника. Может быть, именно поэтому он и обеляет его в своих воспоминаниях. Положение и поведение Витте в этом деле характеризуют следующие две записи в дневнике Богданович (первая была сделана в мар-

те 1892 г., т. е. до отставки Вышнеградского, а вторая — в апреле 1896 г., в пору расцвета могущества Витте на посту министра финансов): «Витте тоже сомнительная личность, уже одного достаточно, что он — приятель Вышнеградского, вместе делали гешефты. Может это и продлит их дружбу, если они будут заинтересованы, чтобы дела не всплывали наружу, по все-таки думаю, что скоро оба перегрызутся, что Вышнеградский недоволен в душе, что Витте министр».

«По городу идет слух, что Витте не в милости у царя вследствие своих прежних отношений к Вышнеградскому. Сын последнего потребовал якобы, чтобы Английский банк выдал ему лежащие там 25 миллионов его отца. Банк потребовал, чтобы Вышнеградский представил свидетельство от правительства, что это его деньги. Он обратился за этим к Витте. Но Витте сперва доложил об этом царю, который на бумаге написал про старика Вышнеградского: «великий мошенник», и велел навести справку, не окажутся ли еще п в других банках такие деньги» («Три последних самодержца», *Дневник А. В. Богданович*, М.— Л., 1924, стр. 156, 202).

⁷⁸ Витте повествует здесь о двух из числа тех реакционных внутривполитических мер, с помощью которых правительство Александра III хотело упрочить крепостнические отношения в деревне, а также подчинить своему контролю земства.

Первая из этих мер — введение в 1889 г. института земских начальников. Назначавшиеся из дворян уездные земские начальники, совмещая административные, судебные и финансовые функции, становились полновластными хозяевами уезда. Без их утверждения были недействительны постановления сельских сходов, они пользовались правом ареста и даже применения телесных наказаний. Вторая из упоминаемых Витте мер — положение 1890 г. о земских учреждениях. Согласно этому положению, земства были полностью подчинены губернаторам. Назначение председателей земских управ подлежало правительственному утверждению. Крестьяне фактически были лишены выборного представительства. Взамен непосредственных выборов крестьянских представителей на волостных сходах гласные от сельских обществ выбирались теперь губернатором из числа избранных крестьянами кандидатов. Была упразднена бессословная курия землевладельцев и введена сословная дворянская курия. Число дворян-гласных возросло.

Свое отношение к земству Витте подробно изложил в 1899 г. в «конфиденциальной записке», написанной в связи с нелепкой, возникшей между ним и министром внутренних дел И. Л. Горемыкиным по вопросу о введении земских учреждений на окраинах. Записка Витте предназначалась специально для Николая II, однако она была издана в Штутгарте в 1901 г. (а затем вторично в 1903 г.) отдельной брошюрой под заглавием «Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря С. Ю. Витте (1899)» с предисловием, подписанным Р. Н. С. (П. Б. Струве). Позднее она переиздавалась в 1908 г. в Петербурге под тем же названием с предисловием Череванина и в 1914 г. самим Витте под заглавием «По поводу непреложности законов государ-

ственной жизни». Брошюра 1901 г. обратила на себя внимание В. И. Ленина. Он выступил по этому поводу со статьей в социал-демократическом журнале «Заря» № 2—3, декабрь 1901 г. Статья называлась «Гонители земства и Аннибалы либерализма». В. И. Ленин подверг резкой критике как политику самодержавия в земском вопросе, так и отношение к этой политике и взгляды на земский вопрос либералов типа П. Б. Струве. В. И. Ленин, подробно проанализировав записку Витте, показал, что, несмотря на то что Витте и Горемыкин яростно полемизировали друг с другом по частному вопросу о введении земств на окраинах, в общем вопросе — о политике по отношению к земствам — они были едины (см. *В. И. Ленин*, Соч., т. 5, изд. 5, стр. 25—72).

⁷⁹ Радзивилл Е. (Ржевуская) — автор ряда книг мемуарного характера. В данном случае С. Ю. Витте, очевидно, имеет в виду изданные ею в 1904 г. воспоминания (на английском языке *Radziwill E., My recollections*, New York, 1904; на немецком языке *Radziwill E., Meine Erinnerungen*, Leipzig, 1905), одна из глав которых была посвящена Сесилу Родсу. Позднее, в 1918 г., Радзивилл написала специальную книгу, посвященную С. Родсу (*E. Radziwill, Cecil Rhodes, man and empire-maker*, London—New York, 1918).

⁸⁰ *Д. Кобеко*, Цесаревич Павел Петрович (1754—1796), СПб., 1882. Книга выдержала несколько изданий.

⁸¹ См. комментарий 54.

⁸² Эмеритальные кассы — особые страховые кассы, учреждавшиеся с целью обеспечения их участников пенсиями и пособиями, помимо получаемых обычным путем. Фонды эмеритальных касс создавались за счет обязательных взносов или отчислений участников. В описываемый Витте период эмеритальные кассы существовали в России не только при железнодорожных ведомствах, но и в целом ряде других гражданских учреждений, а также при военном и морском министерствах.

⁸³ Для политики Александра III в отношении Польши, проводником которой являлся генерал-губернатор Королевства Польского Гурко (1883—1894 гг.), характерно усиление политического и национального гнета польского народа по сравнению даже с 60-ми годами XIX столетия. «Весьма милостивое» отношение Александра III к полякам, которое Витте отождествляет с политикой «вполне исторического русского направления», на деле означало дальнейшее насаждение в Королевстве Польском традиционного русификаторского режима, выражавшееся в укреплении централизованного правительственного контроля при ограничении местного самоуправления, русификации школы, введении суровых цензурных ограничений для печати и т. п.

⁸⁴ «Джон Ло», СПб., 1895 (перевод с французского).

⁸⁵ Витте говорит здесь о проводимых им мерах по выпуску бумажных денег и об отношении Бунге к этим мерам лишь в выгодном для себя свете. Но после смерти Витте в печати появилась и другая версия, гораздо менее для него выгодная. Бывший директор департа-

мента железнодорожных дел министерства финансов В. В. Максимов в беседе с корреспондентом газеты «День» рассказал: «Я припоминаю один эпизод, о котором Витте не любил вспоминать. Я говорю о непродолжительном периоде, когда Витте, будучи министром финансов, вместе со своим товарищем Антоновичем увлекся бумажными деньгами. Витте составил записку о постройке Сибирской железной дороги на «сибирские рубли».

Витте страшно конфузился, когда кто-нибудь случайно упоминал об этой записке, и принял меры к уничтожению всех ее экземпляров...»

По словам Максимовича, «Бунге заявил в комитете финансов, что он «министра финансов не поимает и не сочувствует ему» («День», 7 марта 1915 г.)

⁸⁶ В области политической экономии С. Ю. Витте считал себя последователем Фридриха Листа, немецкого буржуазного экономиста, сторонника протекционизма, изложению взглядов которого Витте и посвятил упоминаемую в данном случае книгу, изданную в Киеве в 1889 г. под названием «Национальная экономия и Фридрих Лист». Через 23 года после выхода в свет этой книги последовало второе издание: «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист», СПб., 1912. Примечательно, что сочинение, в котором Лист наиболее полно изложил свои взгляды: «Национальная система политической экономии», написанное в 1841 г., было переведено на русский язык только в 1891 г., т. е. значительно позднее выхода в свет первого издания книги Витте. Влияние Ф. Листа сказалось на отношении Витте как к классической буржуазной политической экономии, так и экономическому учению К. Маркса. Попытки Витте критиковать «Капитал» (см. С. Ю. Витте, Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве, прочитанных его императорскому высочеству князю Михаилу Александровичу в 1900—1902 гг., изд. 2, СПб., 1912, лекция 15, стр. 157—167) свидетельствуют о том, что Витте не понял основ политической экономии марксизма и подходил к ней с позиций вульгарной политической экономии.

Учение Ф. Листа привлекло такое пристальное внимание Витте потому, что он, как и И. А. Вышнеградский, являлся убежденным сторонником протекционизма, в котором видел одно из средств проведения в жизнь своего плана промышленного развития России. Протекционистская политика Вышнеградского — Витте сочеталась с поддержкой, которую они как министры финансов оказывали русской буржуазии и действовавшим в России иностранным промышленным предприятиям при помощи целой системы различного рода специальных промышленных заказов, так называемых неуставных ссуд за счет государственного казначейства и т. п. средствами (см. И. Ф. Гиндин, Неуставные ссуды Государственного банка и экономическая политика царского правительства, «Исторические записки», т. 35, 1950, стр. 87—126).

⁸⁷ Вероятно, именно противодействие введению винной монополии не только со стороны правящих, но и общественных кругов (о чем Витте умалчивает в своих «Воспоминаниях») побудило его в 1896 г. предпринять попытку найти поддержку у Л. Н. Толстого, к которому Витте обратился через А. М. Кузнецкого с просьбой

о встрече. Однако Толстой отказался от встречи с Витте. «Мы стоим на таких отдаленных друг от друга точках, и думаю, что и направления, по к[оторым] мы движемся, до такой степени противоположны,— объяснял Кузминскому Толстой причины своего нежелания встречаться с Витте,— что ничего из этого свидания, кроме потери времени, выйти не может». Толстой просил Кузминского написать Витте, что он «не сочувствует вообще казенной продаже вина... и не думает, чтобы общества трезвости, ведомые правительственными чиновниками, могли повлиять на народ. Вообще же он Т[олстой] такой крайний человек, что с ним лучше не водиться» (см. Письмо Л. Н. Толстого А. М. Кузминскому, 13—15 ноября 1896 г. *Л. Н. Толстой, Полное собрание сочинений. Юбилейное издание (1828—1928), т. 69, М., 1954, стр. 205—206.*

⁸⁸ См. «Воспоминания», т. 2, гл. 22.

⁸⁹ С начала 80-х годов в правящих кругах и деловых сферах, связанных со строительством и эксплуатацией железных дорог, возникает полемика о роли государства в железнодорожном деле. Участвовал в ней и Витте, причем отнюдь не с новых, а со старых позиций (см. комментарий 23). Плачевные результаты деятельности железнодорожного транспорта во время русско-турецкой войны (хотя Витте и пишет о «блестящей перевозке войск на войну и обратно», стр. 112), ущерб, наносившийся интересам буржуазии и помещиков высокими тарифами на провоз грузов,— все это требовало вмешательства государства. В результате такого вмешательства возобновилось казенное строительство, стал производиться выкуп в казну некоторых линий, было проведено ограничение хозяйничанья «железнодорожных королей». Разумеется, попытка Витте объяснить это личными свойствами Александра III, якобы «пекущегося об интересах слабых и о массах», совершенно несостоятельна. Заметим, кстати, что, с точки зрения самого Витте, интересы народных масс никак не могут служить аргументом против монополий. В своем основном экономическом сочинении «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов» Витте не без лицемерия писал: «Что монополии есть зло и что потому следует избегать создавать монополии,—не подлежит сомнению. Но на свете есть много еще худших, к сожалению, неизбежных зол. Вся жизнь представляется для массы вечную борьбу с лишениями».

Вопреки утверждению Витте покупки дорог у частных обществ и строительство дорог казной были начаты еще до него. В еще менее скромных выражениях, чем в этом месте «Воспоминаний», Витте освещал свою роль в железнодорожном деле в заявлениях перед журналистами и в инспирированных статьях, которые появлялись в газетах во время его работы над «Воспоминаниями» и после ее завершения. Так, 18/31 марта 1914 г. в «Русском слове» (№ 64) появилась приуроченная к 25-летию тарифных учреждений (Совета по делам железнодорожных тарифов и др.) статья «Цветочки и ягодки концессионного дела». Статья эта была написана по очень несложной схеме: все, что было до и после Витте,— плохо, все, что при нем,— хорошо. Статья начиналась описанием всемирных «железнодорожных королей», что соответство-

вало содержанию гл. 7 постоянного тома «Воспоминаний». Затем следовал приход Витте, который все изменил и сосредоточил железнодорожное строительство в руках казны, сделал крупные шаги по выкупу частных дорог. «За эти 11 лет (годы пребывания Витте на посту министра финансов. — *Б. А. п Р. Г.*) железнодорожная сеть увеличилась почти вдвое. Большинство дорог оказалось в руках казны, оставшиеся частные общества были связаны правом срочного выкупа на весьма выгодных для казны условиях. Концессионной гидре был нанесен смертельный удар. Она начала сходить на нет», — так описывались в статье итоги деятельности Витте. А «после ухода Витте» опять все плохо: «до 1907 г. в железнодорожном деле был полный застой», а затем «бурное оживление, к сожалению, более тяжкое, чем застой», так как началась новая полоса коррупции, связанная с участием банков в железнодорожном строительстве. И хронология и логика в этой схеме были принесены в жертву возвеличению Витте. Приписываемый Витте целиком себе переход к новой политике в железнодорожном деле в действительности пачался до него. Что же касается нового периода железнодорожного грядущего после 1907 г., то уж, конечно, не отсутствием у власти Витте объяснялось формирование империалистических монополий в железнодорожном деле и подчинение всей транспортной системы страны финансовому капиталу. Кроме крайней наивности, в такой рекламе Витте была и прямая фальшь. Не только в полемике начала 80-х годов, но и в своей деятельности на посту министра финансов Витте весьма активно в нужных ему случаях поддерживал частное строительство с сопутствующей ему коррупцией. Совет съездов представителей промышленности и торговли, крупнейшая организация российской империалистической буржуазии, напомнил об этом специальной запиской, составленной в опровержение заявлений Витте. Витте ответил на нее через корреспондента «Русского слова» и по существу должен был признать, что он не был принципиальным противником частного строительства (см. «Частное железнодорожное строительство. Спор промышленников с гр. С. Ю. Витте», «Русское слово», 11(24) декабря 1913 г.).

⁹⁰ В действительности это расстояние составляет свыше 1 тыс. верст.

⁹¹ Витте был не первым, кто высказывался за организацию главной морской базы на Мурмане. Одним из первых высказал эту мысль Конкевич, о чем Витте, говоря много о Конкевиче, не упоминает. До Витте, в 1890 г., на Мурман был командирован капитан второго ранга Иванов, в 1894 г. одновременно с Витте — инженер Рипас, в 1896 г. — адмирал Сидеспер и т. д. Наконец эту идею поддерживал и адмирал С. О. Макаров.

В докладе Александру III Витте высказывал предположение, что в случае войны, в которой Германия, по-видимому, явится противником России, базирующийся в Либаве русский флот будет заперт и парализован. С другой стороны, незамерзающий порт на Мурманском побережье, связанный железной дорогой с внутренними районами, был бы выгоден, как утверждал Витте, тем, что облегчил бы связь с Англией и английским флотом. В то время, когда Витте

писал «Воспоминания», состав противоположных лагерей в предстоящей войне, очевидно, казался Витте менее определенным, чем в 1894 г., когда ему удалось почти предугадать события. И в «Воспоминаниях» он увлекся по существу посторонней для этого сюжета, но зато важной лично для него мыслью: если бы Николай II его послушался и создал базу на Мурмане, то не залезли бы в Порт-Артур... В 1910—1912 гг. Витте все еще был поглощен политической борьбой вокруг причин русско-японской войны и поражения в ней русской армии, а не размышлениями о будущей войне. Зато, когда мировая война 1914 г. началась, Витте предпринял попытку извлечь политический капитал из своего предвидения 90-х годов. Сохранившийся у него доклад Александру III был подготовлен к печати под заглавием: «Из архива гр. С. Ю. Витте. Либава или Мурман». Во введении и заключении, которыми был снабжен доклад, о Витте говорилось в третьем лице, но смысл их сводился к тому, что все случилось, как он и предполагал, т. е. Либава заперта, а на Мурмане базы нет (ЦГИАЛ, ф. 560, оп. 26, д. 39, л. 1—14). Публикация должна была появиться в журнале «Исторический вестник», но была задержана военной цензурой. Тогда Витте, уже от первого лица, обратился с протестом к морскому министру И. Григоровичу. Но Григорович отклонил протест, сославшись на то, что «до окончания войны невозможно сделать окончательного вывода о роли того или другого военного порта во время войны» (Григорович — Витте, 19 декабря 1914 г., ЦГИАМ, ф. 540, оп. 1, д. 976, л. 48). Это была, конечно, слабая отговорка, так как по существу не могло быть надежды на то, что Либава сыграет свою роль в войне, а Мурманск можно было использовать только при наличии железной дороги, к строительству которой приступили лишь после того, как началась война, а Витте требовал этого еще в 1894 г.

Но так или иначе, опубликование доклада было запрещено, и попытка Витте уколоть Николая II в печати сорвалась. Ему пришлось довольствоваться заседанием Общества ревнителей истории, на котором в его присутствии был прочитан текст доклада. Заседание это было для Витте неудачным, так как его оппоненты, которых было около 10, говорили лишь о том, что в докладе Витте был неправильно выбран пункт для устройства порта на Мурмане, и называли более удачные, чем выбранная им Екатерининская гавань. Витте разослал также текст приготовленной для «Исторического вестника» публикации различным учреждениям и частным лицам. Текст доклада Витте был опубликован уже в советское время председателем Общества ревнителей истории К. М. Соколовским в выпущенном под его редакцией сборнике Общества «Прошлое и настоящее», вып. I, Л., 1924, стр. 26—39.

Как видим, Витте до последних дней своей жизни не прекращал напряженной политической борьбы если не за власть, то за дискредитацию своих врагов.

⁹² См. комментарий 54.

⁹³ Признавая при всем своем демонстративном преклонении перед Александром III его умственную ограниченность и мало-

образованность, Витте создает в его лице в пику Николаю II свой идеал царя, превознося «чистоту нравов и помышлений» Александра. Это было для Витте-мемуариста тем проще, что об этой стороне натуры Александра III тогда в России широко не было известно. Между тем за границей, где часто бывал Витте и где он как раз в 1912 г. работал над «Воспоминаниями», в издававшейся в Париже В. Л. Бурцевым газете «Будущее» появилась выразительная характеристика Александра III и с этой стороны. Принадлежала она П. А. Черевину, начальнику охраны и ближайшему другу царя. Разговаривая о «нравах и помышлениях» Александра III с выдающимся русским физиком П. Н. Лебедевым, который умел вызвать собеседника на откровенность, Черевин рассказал о времяпрепровождении царя-алкоголика. «Ляжет на спину на пол и болтает руками и ногами. И кто мимо идет из мужчин или в особенности детей норовит поймать за ноги и повалить. Только по этому признаку и догадывались, что он навеселе», — говорил Черевин, умиляясь перед умением царя пить не пьяня. «Императрица словно надзирательница какая-нибудь, — рассказывал он далее, — раз десять пройдет мимо его карточного стола, — видит, что около мужа нет никакого напитка, и спокойно, счастливая уходит... А между тем к концу вечера — глядь — его величество уж опять изволит барахтаться на спинке и лапками болтает, и визжит от удовольствия... Царица только в изумлении брови поднимает, потому что не понимает, откуда и когда это взялось? Она же все время следила!..

А мы с ним, — лукаво улыбался Черевин, — мы с его величеством умудрялись: сапоги с такими особыми голенищами заказывали, чтобы входила в них плоская фляжка коньяку, вместимостью в бутылку... Царица подле нас — мы сидим смиerpехонько, играем, как паиньки. Отошла она подальше, — мы переглянемся — раз, два, три! — вытащим фляжки, пососем, и опять, как ни в чем не бывало... Ужасно ему эта забава нравилась... Вроде игры... И называлось это у нас: «голь на выдумки хитра» ...Раз, два, три!.. — Хитра голь, Черевин? — Хитра, ваше величество!.. Раз, два, три!.. и сосем». («Голос минувшего» № 5—6, 1917 г., стр. 99—100).

⁹⁴ Имеется в виду предпринятая в 1880—1881 гг. под командованием генерала М. Д. Скобелева военная экспедиция в Средней Азии против туркмен-текинцев, закончившаяся присоединением к России Ахал-Текинского оазиса.

⁹⁵ В 1882 г. И. И. Мечников, будучи профессором Новороссийского университета, подал в отставку в знак протеста против реакционных порядков, насаждавшихся в университете. Министерство просвещения с готовностью приняло отставку прогрессивно настроенного профессора, и Мечников покинул университет.

⁹⁶ В действительности, правительство вынуждено было под влиянием революции 1905 г. отменить реакционный устав 1884 г. и издать «Временные правила 27 августа 1905 г.», вводившие университетскую автономию.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья	III
Из «Вступительных замечаний» И. В. Гессена	LXXI
Предварительные замечания	LXXVIII
Предисловие	LXXIX

ГЛАВА 1

О ПРЕДКАХ

О предках.— О Блавацкой.— О Желиховских.— О семействе отца.— О брате Александре.— О брате Борисе.— О сестрах Ольге и Софии.— О бабушке Е. П. Фадеевой, урожденной кн. Долгорукой.— О древнем кресте князя Михаила Черниговского 5

ГЛАВА 2

РОСТИСЛАВ АНДРЕЕВИЧ ФАДЕЕВ

О Ростиславе Андреевиче Фадееве.— О наместнике кавказском князе Барятинском.— Предположения князя Барятинского о реорганизации армии.— О реорганизации армии Милютиным и отношении к его мероприятиям Р. А. Фадеева и других.— Отставка Р. А. Фадеева и поездка в Египет.— Восточная война.— Участие Р. А. Фадеева в Восточной войне 1877 г.— Реорганизация армии в царствование Александра III.— О графе Милютине и его сыне 21

ГЛАВА 3

КАВКАЗСКИЕ НАМЕСТНИКИ

О великом князе Михаиле Николаевиче.— О Дундукове-Корсакове.— О Шереметьеве.— О князе Голицыне.— О графе Воронцове-Дашкове.— О горной промышленности на Кавказе и участии в ней отца 38

ГЛАВА 4

ВОСПОМИНАНИЯ ИЗ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ

Воспоминания из детства.— О митрополите Исидоре.— Об экзархе Грузии Евсевии.— О бароне Николаи и его брате.— О Старицком.— Об Инсарском.— О князе Мухранском.— О гене-

рале Евдокимове.—О генерале Геймане.—О ген. Лазареве.—О генерале Ропе.—Бунт тифлисского населения против мясников.—О Чевчевадзе.—О князе Бебутове.—О грузинском князе Ираклии.—О Дюма-отце.—О Тенгоборгском.—О докторе Андреевском и князе Шервашидзе 48

ГЛАВА 5

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ. ГИМНАЗИЯ. УНИВЕРСИТЕТ

О первоначальном воспитании и образовании.—Подготовка к поступлению в университет.—О пребывании в университете.—Об Афанасьеве.—О Миллере, студенте.—О Лигине.—О профессорах университета Григоровиче, Ягиче и др.—О профессоре Сабинине.—О чистых математиках и математиках-психических.—О значении и влиянии университета на студентов.—О преподавании в университете предмета богословия.—О бывшем священнике Петрове 59

ГЛАВА 6

МОЯ СЛУЖБА НА ОДЕССКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

Предположения сделаться профессором.—О генерал-губернаторе Коцебу и причислении меня к его канцелярии.—О графе Бобринском и его совете поступить на жел.-дорожную службу.—О поступлении на службу на Одесскую железную дорогу.—О Штерне.—О Н. М. Чихачеве и предположении сделать меня начальником движения дороги.—О назначении управляющим дорогой Горчакова.—О назначении управляющим дорогой Унгера-Штернберга.—О положении железной дороги во время Восточной войны 1877 г.—Несколько эпизодов за период моей службы на Одесской жел. дороге.—О проезде на войну императора Александра II.—О ротмистре Кузьминском.—О Стамбулове.—Сравнение положения железнодорожного дела в прошлом и настоящем.—Тилигульская катастрофа.—О моей деятельности по перевозке войск на театр военных действий в 1877 г.—О железнодорожном конгрессе в Брюсселе.—Освобождение от наказания за Тилигульскую катастрофу, арест и отбытие наказания 84

ГЛАВА 7

О ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ КОРОЛЯХ

Об образовании «Общества Юго-Западных жел. дорог».—Переезд в Петербург на место начальника эксплуатационного отдела Юго-Западных жел. дорог и первая женитьба.—О железнодорожных королях.—О Блюхе.—О Кропленберге.—О Губонине.—О Полякове.—О Дервизе и фон Меке.—О Штейн-

геле.— Об участии в трудах комиссии графа Баранова.— Переезд в Киев на должность начальника эксплуатации Юго- Западных железных дорог	115

ГЛАВА 8

О СООБЩЕСТВЕ «СВЯТАЯ ДРУЖИНА» И МОЕМ
УЧАСТИИ В НЕМ

Убийство императора Александра II.— Письмо мое Фадееву.— Свидание с Воронцовым-Дашковым и Шуваловым.— Поездка в Париж.— Мой выход из «Святой Дружины» . . .	123

ГЛАВА 9

МОЯ СЛУЖБА В КИЕВЕ

О генерал-адъютанте Дрентельне.— О прис. повер. Андреевском.— О генерал-губернаторе Черткове и его жене.— О назначении меня управляющим Юго-Западн. жел. дорогами.— О Вышнеградском.— Об А. И. Путилове.— О Барке.— О подборе сотрудников во время управления Юго-Западн. жел. дор.— О Циглере.— Об Абрагамсоне.— Об инженере Демчинском.— Еврейские беспорядки в Киеве и Одессе.— О генерал-губернаторе Коцебу.— О семействе Юзфовичей.— О Лорис-Меликове.— О великой княгине Александре Петровне и великих князьях Петре Николаевиче и Николае Николаевиче.— О принце К. П. Ольденбургском.— О Д. И. Пихно.— О Н. Х. Бунге.— Об основании газеты «Киевское слово», полемике с Пихно и о книге «Принципы жел.-дор. тарифов».— О проф. Меринге и его сыне.— О профессоре Картавцеве.— О профессоре Гюбенсте.— О ректоре университета Ренненкампе и адъютанте Трепове.— О Бродском, его детях и брате.— О Потоцком и его сыновьях.— О Половцеве.— О князе Горчакове.— О комиссии графа Баранова	136

ГЛАВА 10

О ПОЕЗДКАХ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III
ПО ЮГО-ЗАПАДНЫМ ЖЕЛ. ДОР.
КАТАСТРОФА В БОРКАХ

О приезде императора Александра III в Кисв.— О поездке императора Александра III на маневры в Брест и Белосток и свидании с императором Вильгельмом в бытность последнего наследником.— О поездках императора Александра III по Юго-Зап. жел. дор. в конце 80-х годов.— О катастрофе императорского поезда в Борках и мое участие экспертом в вопросе о причинах катастрофы.— Об инженере, члене Гос. совета Салове.— О великих князьях Сергее Александровиче и Павле Александровиче	184

ГЛАВА 11

НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫХ ДЕЛ. ПОЕЗДКА В СРЕДНЮЮ АЗИЮ

Об упорядочении тарифного дела на железных дорогах и моем участии в нем.— О назначении меня директором департамента.— О П. М. Романове.— О В. И. Ковалевском.— О Максимове, Гнацинтове и др.— О представлении императору Александру II по случаю назначения директором департамента.— Об А. А. Абазе.— Об операции Вышнеградского с кредитным рублем и пари с ним о высоте курса рубля.— О поездке с Вышнеградским по России, в Закаспийский край и на Кавказ.— О великом князе Николае Константиновиче.— О посещении Мургабского имения государя.— О посещении Кисловодска для свидания с первой женой и ее кончине.— О торговом доме Рафаловичей в Одессе и операции А. А. Абазы с кредитным рублем.— Об увольнении Абазы с поста председателя департамента Гос. совета и о назначении на его место Сольского.— О выступлении Дуранте против меня по делу торгового дома Рафаловичей и Абазы.— Об упорядочении тарифного дела в бытность директором департамента железнодорожных дел.— О передаче тарифной части департамента железнодорожных дел в министерство торговли и промышленности и обратной передаче ее в министерство финансов и причинах, побудивших к этому 203

ГЛАВА 12

НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ

О Посьете.— О генерал-лейтенанте Паукере.— О Гюббенете.— О полковнике Вендрихе.— О назначении и деятельности на посту министра путей сообщения и о сотрудниках.— Об Иващенко.— Об удалении Вендриха.— Об издании правил движения императорских поездов 250

ГЛАВА 13

ПОЕЗДКА НА ХОЛЕРНУЮ ЭПИДЕМИЮ. ВТОРАЯ ЖЕНИТЬБА

О поездке на Волгу для осмотра мероприятий против холерной эпидемии.— Посещение гор. Самары.— Посещение гор. Саратова.— Посещение гор. Царицына.— Посещение гор. Нижнего Новгорода и о губернаторе генерале Баранове.— Об отношении императора Александра III к студентам.— О второй женитьбе 263

ГЛАВА 14

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ ВЫШНЕГРАДСКИЙ.
НАЗНАЧЕНИЕ МЕНЯ МИНИСТРОМ
ФИНАНСОВ

О Ционе и его памфлетах против Вышнеградского и меня.— О характере и болезни Вышнеградского.— О Тернере, товарище И. А. Вышнеградского по министерству финансов.— О кончине Вышнеградского, назначении меня управляющим министерством финансов и назначении Кривошеина управляющим министерством путей сообщения.— По поводу записки Циона о получении И. А. Вышнеградским взятки в 500 000 франков 276

ГЛАВА 15

ОБ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДЕЯТЕЛЯХ И ЛИЦАХ,
СТОЯВШИХ У ВЛАСТИ В БЫТНОСТЬ МОЮ
ДИРЕКТОРОМ ДЕПАРТАМЕНТА
И МИНИСТРОМ

О министре внутренних дел графе Толстом.— Об Иване Николаевиче Дурново, министре внутренних дел и председателе Комитета министров.— О военном министре Ванновском и начальнике Главного штаба Обручеве.— О министре юстиции Манасеине.— О К. П. Победоносцеве, обер-прокуроре св. синода.— О Т. И. Филиппове, государственном контролере.— О Н. М. Чихачеве, морском министре.— О великом князе Алексее Александровиче.— О графе Делянове, министре народного просвещения.— О генерал-адъютанте Рихтере, главноуправляющем канцелярией е. и. в. по принятию прошений.— О А. С. Танееве, главноуправляющем собственной е. и. в. канцелярией.— О М. Н. Островском, министре государственных имуществ, и его товарище Вишнякове.— О министрах императорского двора графе Воронцове-Дашкове и графе Адлерберге.— О графе Лидерсе, генерале Непокойчицком и компании «Варшавский, Грегер, Горвиц и Коген».— О Н. В. Муравьеве, министре юстиции.— О Гирсе, министре иностранных дел.— О литераторе Майкове и его сыне.— О литераторе Полонском.— О литераторе Григоровиче.— О литераторе Страхове.— О генерал-адъютанте Черевине.— О княгине Радзивилл.— О Блюхе.— О Сущове 298

ГЛАВА 16

О МОИХ СОТРУДНИКАХ И МОЕЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КАК МИНИСТРА ФИНАНСОВ

О Жуковском.— О Плеске.— О Голицыне и Дмитриеве.— О Д. Ф. Кобеко.— Об А. С. Ермолове.— О Маркове.— О Тухолке.— О Белюстине.— О П. М. Романове.— О В. Н. Ко-

ковцов.— Об организации особого корпуса пограничной стражи.— О Бере.— О В. И. Ковалевском.— О Д. И. Менделееве.— О Максимове.— О Малишевском.— Об И. П. Шипове.— О законопроекте «Об ответственности фабрикантов и владельцев промышленных заведений за смерть и увечье рабочих» и отношении к нему К. П. Победоносцева и Половцова.— О первом торговом договоре с Германией и моем участии по ведению переговоров по нему.— Об отношении к моим мероприятиям министра иностранных дел Гирса и посла в Германии графа Шувалова.— Об отношении к моим мероприятиям военного министра Ванновского.— Об отношении императора Вильгельма к переговорам и его желанию получить звание адмирала русского флота.— О мнении Бисмарка обо мне.— О втором торговом договоре с Германией.— О реорганизации путейного дела.— О церковно-приходских училищах и участии в этом деле моем и Победоносцева.— О перемене в царствование императора Александра III взгляда на железнодорожное дело и о выкупе в казну частных железнодорожных линий 315

ГЛАВА 17

О МОЕЙ ПОЕЗДКЕ НА МУРМАНСКОЕ ПОБЕРЕЖЬЕ

О моей поездке на север.— О художнике Борисове.— О Кази.— О Конкевиче.— О докладе по поездке 391

ГЛАВА 18

ИМПЕРАТОР АЛЕКСАНДР III

О характере и деятельности императора Александра III вообще.— Об отношении императора Александра III к университетскому вопросу и студенчеству.— О приближенных лицах к императору Александру III.— Оболенский Владимир, генерал-адъютант.— Генерал Голенищев-Кутузов.— Граф Бенкендорф.— О генерале Зиновьеве.— О характере, привычках и образе жизни императора Александра III.— Об эмпире бухарском и его лейб-медики Писаренко.— О приезде в Петербург шаха персидского Наср-эд-дина.— О приезде в Петербург князя Николая черногорского и тосте императора Александра III за него.— Об отношении императора Александра III к членам царской семьи как главы ее.— О постройке Сибирской железной дороги и моем участии в ней.— О путешествии императора Николая II в бытность наследником на Дальний Восток, его влечении к нему и участии в комитете Сибирской железной дороги.— О великой княгине Екатерине Михайловне, ее погребении и инциденте при нем с одеянием певчих.— О завещании великой княгини Екатерины Михайловны Михайловского дворца, участии в составлении завещания К. П. Победоносцева и недовольстве последним императора Александра III.— О приобретении в казну Михайловского дворца и устройстве

в нем художественного музея императора Александра III.— Болезнь императора Александра III.— Погашение освещения в Зимнем дворце во время выхода в пасхальную заутреню.— Мои последние всеподданнейшие доклады.— Ухудшение болезни и вызов профессора Захарьина.— Отъезд государя в Ялту и вызов профессора Лейдена.— Моя поездка в Виши и возвра- щение.— Поездка наследника за невестой.— О лейб-медике Вельяминове.— Обстановка жизни государя в Ливадии.— О престиже императора Александра III и впечатлении, произ- веденном его кончиной	404

П Р И Л О Ж Е Н И Я

Постройка памятника императору Александру III	455
Воспоминания (рассказы в стенографической записи) графа Сергея Юльевича Витте	464
КОММЕНТАРИИ	511

Витте Сергей Юльевич

ВОСПОМИНАНИЯ

Т о м 1

Редактор *В. Готовицкая*

Художник *Е. Коган*

Художественный редактор *В. Кузьяков*

Технический редактор *О. Чепелева*

Корректор *Г. Ефимова*

Сдано в набор 15 марта 1960 г. Подписано в
печать 31 августа 1960 г. Формат бумаги
84×108¹/₃₂. Бумажных листов 9,94. Печатных
листов 32,6. Учетно-издательских листов 38,58.
Тираж 75000 экз. А 04381. Цена 10 р. 40 к.
С 1. I. 1961 г. цена 1 р. 05 к.

Издательство социально-экономической
литературы

Москва, В-71, Ленинский проспект, 15

Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова

Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуев, 28.

Заказ 322.

ИСПРАВЛЕНИЕ

Страница	Напечатано	Следует читать
556 (выходные сведения)	С 1.1.1961 г. цена 1 р. 05 к.	С 1.1.1961 г. цена 1 р. 04 к.

Зак. 292/322

